

**Уполномоченный по правам человека
в Российской Федерации**

**Государственный архив
Российской Федерации**

**Фонд Первого Президента России
Б.Н. Ельцина**

**Издательство
«Российская политическая энциклопедия»**

**Международное историко-просветительское,
благотворительное и правозащитное
общество «Мемориал»**

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН**



Редакционный совет серии:

Й. Баберовски (*Jörg Baberowski*),

Л. Виола (*Lynn Viola*),

А. Грациози (*Andrea Graziosi*),

А. А. Дроздов,

Э. Каррер Д' Анкосс (*Hélène Carrère D'Encausse*),

В. П. Лукин,

С. В. Мироненко,

Ю. С. Пивоваров,

А. Б. Рогинский,

Р. Сервис (*Robert Service*),

Л. Самуэльсон (*Lennart Samuelson*),

А. К. Сорокин,

Ш. Фицпатрик (*Sheila Fitzpatrick*),

О. В. Хлевнюк



ГОЛОД 1932-1933 годов: ТРАГЕДИЯ РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ



Москва
2008

УДК 94(47)(082.1)

ББК 63.3(2)615-4

К 64

Кондрашин В. В.

К 64 Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни /
В. В. Кондрашин. — М.: Российская политическая энциклопедия
(РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина,
2008. — 519 с. — (История сталинизма).

ISBN 978-5-8243-0987-4

Монография посвящена трагическим событиям 1932–1933 гг. в российской деревне. На основе широкого использования разнообразного комплекса источников (архивных материалов, воспоминаний очевидцев, опубликованной литературы) в монографии охарактеризованы причины, масштабы и последствия голода 1932–1933 гг. в крупнейших аграрных регионах страны, показано, как это было и почему. Проблема рассматривается в контексте мировой истории голодных бедствий и голода в истории России.

УДК 94(47)(082.1)

ББК 63.3(2)615-4

ISBN 978-5-8243-0987-4

© Кондрашин В. В., 2008

© Российская политическая энциклопедия,
2008

*Посвящается памяти Виктора Федоровича
и Владимира Федоровича Кондрашиных —
поволжских крестьян*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Голод 1932–1933 гг. в СССР — одна из самых трагических страниц в мировой истории XX в. и отечественной истории. Он является одним из символов сталинской эпохи в истории России. Память о нем оставила неизгладимый след в сознании миллионов россиян, переживших его. Старожилы Поволжья, Дона и Кубани, так же как и крестьяне Украины, нарекли этот голод «голодомором», поскольку он выморил на огромных просторах России тысячи деревень. «В тридцать третьем году всю поели лебеду. Руки, ноги опухали. Умирили на ходу», — вспоминали очевидцы эту и многие другие горькие поговорки о голоде 1932–1933 гг. В некоторых поволжских деревнях старики и старухи, в молодости пережившие голод, на заросших травой общих могилах местных кладбищ до последних дней своих поминали невинные его жертвы. На многих сельских кладбищах в незатронутых голодомором районах Пензенской области доныне имеются могилы «странников» — безымянных людей, умерших в окрестностях села, на дорогах в голодные 1932–1933 гг. За этими могилами ухаживают деревенские женщины и, приходя на кладбище, не преминут помолиться у этих могил за погибших на чужой стороне безвестных людей и своих родственников, сгинувших на чужбине. В селе Козловка Лопатинского района Пензенской области в память о горестных событиях 1932–1933 гг. сложилась традиция: во время игры в лото фишку «33» называть «голодным годом»¹. В районном центре Малая Сердоба той же Пензенской области жителями сооружен скромный памятный знак жертвам сталинских репрессий, включая жертв голода 1932–1933 гг. А неподалеку от сельского кладбища, на месте общей ямы, куда сваливали умерших во время голодомора жите-

лей Малой Сердобы и окрестных сел, установлен Православный крест с надписью «Здесь похоронены жертвы голода 1933 года»...²

К сожалению, эта трагическая страница в отечественной истории приобрела в последние годы особый подтекст. Она превратилась в разменную монету в руках политиков и обслуживающих их лиц, устраивающих «пляску на костях», в заувазированной форме предъявляя претензии к России за события 70-летней давности. Речь идет о событиях в современной Украине, где в силу политической конъюнктуры появилась теория, разделившая трагедию всего советского крестьянства в 1932–1933 гг. на «геноцид голодомором в Украине» и голод в остальных регионах бывшего СССР, в том числе в России³. Получается, что было как бы два голода, один настоящий — «голодомор» для жителей Украины и другой, менее страшный, — просто «голод» для всех остальных. По циничной логике некоторых сторонников данного подхода, Россия должна согласиться с такой оценкой событий 1932–1933 гг., чтобы стать «демократической страной». Вот лишь один документ на эту тему, заявление Оксаны Пахлевской, завкафедрой украинистики Римского университета «Ла Сапьенца»: «Почему Сталин уничтожил Украину? — один из ключевых вопросов прежде всего русской истории. Пока россияне не признают Голодомор геноцидом, — как это сделали немцы с Холокостом, — их страна никогда не станет демократической. А растущая дистанция между Россией и Европой станет пропастью»⁴. Мы категорически против такой постановки вопроса и считаем, что трагедия 1932–1933 гг. в СССР должна не разъединять, а объединять Россию и Украину, братские украинский и российский народы, как общая трагедия, уроки которой помогут укрепить исторические узы многовековой дружбы в сложное время возрождения и становления государственности, движения стран по пути демократии и прогресса. Этой благородной цели и посвящается наша книга.

В центре внимания настоящей монографии — события 1931–1933 гг. в аграрных районах России. При этом основной акцент делается на событиях в российских регионах — Поволжье, на Дону, Кубани, Южном Урале. Подобный подход обусловлен следующими причинами: во-первых, в течение многих лет автор занимался историей голода 1932–1933 гг. в Поволжье и на Южном Урале⁵, во-вторых, в 2002 г. совместно с американским историком Дианой Пеннер он опубликовал книгу о голоде 1932–1933 гг. в российской деревне, в которой широко представлены материалы о ситуации на Дону и Кубани в период голодомора⁶; в-третьих, автор являлся

одним из ответственных составителей 3-го тома пятитомной серии документальных сборников «Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание», полностью посвященного событиям 1931–1933 гг., что позволило ему использовать многочисленные документы по данной теме, выявленные в ходе работы над сборником⁷. Кроме того, наряду с традиционными архивными материалами автором изучены оригинальные источники. В частности, документы 65 районных и четырех областных архивов ЗАГС Поволжья и Южного Урала, весьма полезные для определения масштабов и демографических последствий голода в российской деревне, а также материалы проведенного им социологического обследования 102 селений Поволжья и Южного Урала, в ходе которых были записаны свидетельства о голоде 617 переживших его очевидцев⁸.

В этой книге мы попытаемся по-новому взглянуть на события начала 1930-х гг. в российской деревне и рассмотреть их не только в рамках внутреннего развития страны, но и в контексте геополитического давления на СССР империалистических стран. Причем особое значение имеет проблема альтернатив, поскольку последствия голода 1932–1933 гг. не ограничились 1930-ми гг. Коллективизация и голод имели более широкие последствия. По нашему мнению, из сталинской политики во время голода по отношению к крестьянству выростали 1937 год, огромные людские потери в годы Великой Отечественной войны, стимулировались диссидентство и международный антикоммунизм⁹. В 1932–1933 гг. в полной мере проявилась сущность установившегося в стране сталинского политического режима, выражавшаяся, как точно подметил один из самых авторитетных знатоков сталинской эпохи О.В. Хлевнюк, в «избыточном терроризме». В итоге все это трагически сказалось на судьбе Советского Союза — величайшей державы XX столетия и коммунистической идеологии, на протяжении многих столетий будоражившей лучшие умы человечества.

К великому сожалению, голод не канул в лету с крушением социализма и колониализма. И в XXI в. эта проблема останется не менее острой, чем в 1930-е гг. в СССР или в 1980-е гг. в Индии. Так, например, как указывает лауреат Нобелевской премии за вклад в изучение голодных катастроф в развивающихся странах, профессор Гарвардского и Кембриджского университетов Амартия Сен, в Индии даже в более благоприятные годы «постоянно и безропотно ложатся спать голодными или недостаточно сытыми» не менее трети сельского населения¹⁰. В период с 1990 по 1996 г. число лю-

дей, испытывающих недоедание, увеличилось с 822 до 828 млн¹¹. В трех частях света (Анголе, Центральной Америке и Афганистане)¹² люди живут под угрозой призрака голода, «который убивает»¹³. Ежегодно 15 млн детей умирают от недоедания¹⁴. Эпицентры нищеты и голода сконцентрированы в Юго-Восточной и Южной Азии¹⁵.

Недоедание вызывает растущую тревогу даже в развитых странах мира, где продолжает расти пропасть между богатыми и бедными. Так, согласно данным Министерства сельского хозяйства США, 10,2 % американских квартиросъемщиков испытывают дискомфорт в связи с ограниченным доступом к продуктам питания. Около 10 млн человек, треть из которых — дети, живут в семьях, где по крайней мере некоторые члены испытывают недоедание¹⁶. Исследования Бостонского медицинского центра и Миннеаполисской медицинской клиники показали, что в период с 1999 по 2001 г. процент детей с признаками недоедания из числа обследованных повысился с 9 до 14 %¹⁷.

Печальным фактом повседневной жизни россиян в последние десятилетия стало значительное снижение уровня жизни преобладающего большинства из них. Характерными атрибутами современной России стали нищие на городских улицах и в метро, особенно малолетние дети из малообеспеченных семей, потерявших достаток вследствие непродуманных экономических реформ 1990-х гг. Больше половины граждан России, по официальным данным, живут за чертой бедности¹⁸. Лишь в последние годы наметилась тенденция к улучшению ситуации.

В России и на Западе давно уже ведется спор между представителями различных политических сил о наилучшем способе решения проблемы бедности в мире. Причем установлено, что факт экономического роста стран «третьего мира» не отражается существенным образом на благосостоянии беднейшей части их населения, но происходит процесс обогащения элитарных слоев¹⁹. Например, в Бразилии в период с 1968 по 1981 г., испытывавшей феноменальный рост темпов экономического развития, 5 % населения увеличили свою долю в национальном богатстве с 20 до 48 %. В это же время на 50 % беднейших граждан пришлось всего 12 % общенационального дохода. Неудивительно поэтому, что во время «бразильского чуда» уровень детской смертности на 1000 рождений вырос с 70 до 92 случаев²⁰. К сожалению, и в современной России, переживающей динамичный экономический рост, существует пропасть между бедными и богатыми. Так, по официаль-

ной статистике, уровень доходов 10 % наиболее состоятельных граждан России в 22 раза превышает уровень доходов 10 % наименее состоятельных граждан (в США этот показатель равняется 10, в Швеции и Норвегии колеблется в пределах 4–6 %) ²¹.

Есть и другие примеры. Так, поклонники социалистического Китая совершенно обоснованно подчеркивают его достижения в решении проблемы бедности по сравнению с Индией ²². С момента получения Индией независимости и до конца 1980-х гг. ей удалось снизить уровень детской смертности со 140 случаев на 1000 рождений до 99 в 1987 г. Китайской Народной Республике, стартовавшей с худшего уровня в 236 детских смертей на 1000 рождений, к 1987 г. удалось добиться показателя 32 случая на 1000 рождений ²³. Или еще один пример: средний уровень продолжительности жизни в Китае за период с 1952 по 1982 г. вырос с 34 до 69 лет, а в Индии этот показатель составил 52 года ²⁴. Таким образом, Китай, в отличие от Индии, посредством ежедневных усилий сумел снизить порог бедности среди трудящихся классов ²⁵.

В связи с этим возникают еще два очень важных теоретических вопроса. Первый: почему коммунистические режимы, как образно сказал американский историк Юджин Дженоси, в «благородной попытке освободить человечество от насилия и гнета побили все рекорды по массовому убийству, накопив десятки миллионов трупов менее чем за три четверти столетия» ²⁶ И второй: требует ли марксистская модернизация, а также и достижения технического прогресса в развивающихся странах жестоких репрессий и голода или их можно избежать, используя альтернативы? В данном контексте изучение опыта трагедии 1932–1933 гг. в российской деревне имеет несомненную практическую значимость. Она актуальна и в свете современной аграрной реформы в России, результаты которой не могут пока вселять оптимизма. Кроме того, заявленная тема имеет практическую значимость в свете современной ситуации в мире и России, где сохраняются левые коммунистические партии, претендующие на повторение «великого эксперимента» в новой исторической ситуации.

Таким образом, в центре внимания настоящей работы голод 1932–1933 гг. на территории таких зерновых районов России, как Поволжье, Южный Урал, Дон и Кубань, оказавшихся в начале 1930-х гг. в зоне сплошной коллективизации. Также в ней затрагиваются события 1932–1933 гг. в других регионах бывшего СССР, в частности на Украине. Проблема рассматривается в контексте мировой истории голодных бедствий и голода в истории России.

Глава 1

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

§ 1. Историография

Тема голода 1932–1933 гг. на сегодняшний день имеет богатую историографию. Первыми ее разработчиками стали западные ученые и публицисты. С подачи эмигрантских кругов украинской диаспоры США и Канады в литературу прочно вошел миф об искусственном характере голода 1932–1933 гг. в СССР. Причем основания для такого заключения, на первый взгляд, были убедительными. Тайна катастрофы и ее самая видимая часть проявились в бесспорном факте — в 1932–1933 гг. чудовищный голод со всеми его ужасными проявлениями поразил самые хлебобобовые житницы СССР, ранее никогда не переживавшие ничего подобного. Так, например, из двадцати районов Кубани, включенных Северо-Кавказским крайкомом ВКП(б) в феврале 1933 г. в список голодающих районов, почти все были районами, в которых ежегодно собирались богатейшие урожаи¹. В предыдущие неурожайные годы российские крестьяне обычно бежали на Юг, особенно на Кубань. То же самое можно сказать и об Украине, оказавшейся в 1932–1933 гг. в аналогичной ситуации. Происходили невиданные вещи! Летом 1932 г. соседняя Белоруссия была заполнена голодающими сельскими жителями с Украины! Изумленные белорусские рабочие писали в «Правду» и высшему руководству страны, что они не помнят, чтобы когда бы то ни было «Белоруссия кормила Украину»!²

Исходя из этих фактов, а также основываясь на воспоминаниях очевидцев, как правило, представителей украинской диаспоры, а также иностранных журналистов, работавших в СССР в начале 1930-х гг., в западной литературе появилась гипотеза об искусственном голоде, организованном и осуществленном Сталиным и его приспешниками с целью подавить украинский национализм.

Так, например, почвой для нее стали мнения работавших в СССР журналистов Малколма Маггериджа, Вильяма Х. Чемберлена, наблюдавших голод и уехавших из страны с твердым убеждением, что голод был «спланированным» и «умышленным».

Кроме того, к этому же заключению пришли некоторые иностранные дипломаты, в частности посол Италии Градениго, проезжавший через Украину летом 1933 г³. Более важными для понимания проблемы были свидетельства крестьян, непосредственно соприкоснувшихся с трагедией.

На «организованный» характер голода указали многочисленные украинские эмигранты, как, например, Анна Бондаренко, бывшая колхозница Шахтинского района Северо-Кавказского края. «Советское правительство было хорошее, но плохо то, что оно создало голод», — вспоминала она ходившие между ее односельчанами разговоры⁴.

Наиболее полно и аргументированно гипотеза об «искусственно организованном голоде» изложена в трудах Роберта Конквеста⁵. С началом в СССР эпохи гласности, сопровождавшейся развязанной сверху резко критической кампанией по развенчанию «мифов советской истории», работы Конквеста стали активно публиковаться как в изданиях демократической ориентации, так и в академических журналах, в том числе на Украине⁶.

В монографии «Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом» Конквест коснулся и событий на Северном Кавказе и в Поволжье. В частности, применительно к Поволжью он указал, что голод разразился в районах, «частично населенных русскими и украинцами, но больше всего поражены были им немецкие поселения», «главной мишенью террора голодом» стала Республика немцев Поволжья⁷. Конквест затронул вопрос о величине демографических потерь советской деревни во время голода и отметил, что «для Центральной и Нижней Волги [...] потери пропорционально были так же велики, как и для Украины»⁸. Он привел высказывания на этот счет ряда западных журналистов, находившихся в СССР в 1930-е гг.⁹ Говоря о голоде в Республике немцев Поволжья, Конквест априорно утверждал о 140 тыс. немцев, умерших там от голода. Он полагал, что уровень смертности в Республике «не был таким высоким, как на Кубани» благодаря посылкам, полученным голодающими немцами из Германии и, «возможно, по другим причинам»¹⁰. Общее число жертв голода 1932–1933 гг. в советской деревне Конквест определил цифрой 7 млн человек. Из них на Украине, по его мнению, от голода погибло

5 млн человек, на Северном Кавказе — 1 млн человек, в «других местах» — 1 млн человек¹¹.

Другим западным ученым, сыгравшим немалую роль в создании концепции об антиукраинской направленности голода 1932–1933 гг., был Джеймс Мейс¹², активно выступавший с идеей геноцида голодомором Украины. По его мнению, первопричины трагедии следует искать в национальной политике Кремля. Он считал, что голод 1932–1933 гг. на Украине — это осуществленная на практике сталинистами политика геноцида, целью которой было уничтожение украинской государственности. В то же время Мейс указывал, что сталинский террор на Украине нацеливался не против людей определенной национальности или рода занятий, а против граждан Украинского государства, которое возникло во время распада Российской империи и пережило свою собственную гибель, возродившись в виде Советского государства¹³.

В конце 1990 — начале 2000-х гг. идеи Конквеста — Мейса получили поддержку и дальнейшее развитие в трудах современных украинских исследователей. Среди них прежде всего следует выделить публикации С. В. Кульчицкого, В. И. Марочки, Ю. И. Шаповала, Р. И. Пирога и других авторов¹⁴.

К сожалению, трагедия 1932–1933 гг. приобрела политический подтекст и стала использоваться политиками Украины и антироссийскими силами ряда западных государств в конъюнктурных политических целях. Антироссийские силы на Украине и на Западе пытаются предъявлять претензии России, которая как правопреемник СССР должна, по их мнению, взять на себя ответственность за политику сталинского режима в Украине в 1930-е гг. В этом случае Украина может рассчитывать на материальную компенсацию от России за организованный руководством СССР на Украине геноцид голодом в 1932–1933 гг. Попытки провести данную резолюцию в ООН закончились неудачей¹⁵.

Ярким примером антироссийской направленности стала приуроченная к 60-летней годовщине голода международная научная конференция в Киеве в сентябре 1993 г. В выступлениях на конференции президента Украины Л. Кравчука и лидеров Руха прозвучали призывы предъявить России счет за якобы организованный ею в 1933 г. голод на Украине, аналогичный предъявленному Германии после разгрома нацистов за холокост. На конференции говорилось о голоде, «организованном чужим народом», о необходимости обладания Украиной ядерным оружием как гарантии против повторения 1933 г., о снятии проблемы Севастополя и Крыма в

двусторонних отношениях как компенсации за 1933 г. Однако в официальных опубликованных материалах конференции эти «идеи» не получили отражения¹⁶.

Позиция российских ученых, принимавших участие в работе конференции, была изложена в специальном письме в редакцию журнала «Отечественная история»¹⁷. Бывший тогда заместителем директора Института российской истории РАН В. П. Дмитренко не принял предложение И. Е. Зеленина, участвовавшего в работе киевской конференции, о публикации на страницах журнала всех вышеназванных обстоятельств под предлогом того, что журнал займет одностороннюю позицию, не опубликовав одновременно украинскую версию событий. Кроме того, В. П. Дмитренко руководствовался стремлением не обострять отношений с украинскими коллегами, понимая, что они попали под «идеологический пресс» политического руководства Украины.

16–18 октября 2003 г. в Италии (в г. Виченца) была проведена крупная международная конференция с целью «научно подтвердить» теорию геноцида Украины в 1932–1933 гг. со стороны сталинского руководства¹⁸. В ее работе приняли участие ведущие специалисты в области изучения голода из Италии, Украины, России, США, Канады и других стран. На конференции были представлены все существующие точки зрения по данной проблеме, в том числе сторонников и противников теории «геноцида–голодом» Украины (А. Грациози, Н. А. Ивницкого и др.). В результате дискуссии была принята резолюция, включившая в себя пункт о распространении голода в 1932–1933 гг. за пределы Украины, на территорию России и Казахстана. Антиукраинская версия трагедии 1932–1933 годов на Украине не была поддержана российской делегацией в составе крупнейшего российского исследователя коллективизации Н. А. Ивницкого и автора настоящей монографии.

Еще одной попыткой с украинской стороны обосновать теорию геноцида голодом в 1932–1933 гг. Украины со стороны руководства СССР стало научное заседание Российско-украинской комиссии историков, организованное Институтом всеобщей истории РАН и Институтом истории Украины Национальной академии наук Украины 29 марта 2004 г. в Москве, в здании Президиума Российской академии наук. Заседание было посвящено обсуждению темы «Голод в Украине 1932–33 годов: Причины и последствия». Оно проводилось в рамках семинаров российских и украинских ученых, а также по инициативе МИД России, который обратился к Российской академии наук за разъяснением относительно обстоя-

тельств голода 1932–1933 гг. на Украине. В заседании участвовали ведущие российские историки, специалисты в области изучения Советской России сталинского периода из Института российской истории РАН, Института всеобщей истории РАН, МГУ им. М. В. Ломоносова, МПГУ: А. О. Чубарьян, В. П. Данилов, Е. И. Пивовар, А. А. Данилов, А. В. Шубин, В. С. Лельчук, В. Б. Жиромская, О. М. Вербицкая, Н. А. Араловец и др. С украинской стороны в заседании участвовали С. В. Кульчицкий, В. И. Марочко, Г. Г. Ефименко.

Для проведения дискуссии с основными докладами выступили С. В. Кульчицкий и В. П. Данилов. Доклад С. В. Кульчицкого назывался «Был ли голод 1932–1933 годов геноцидом?» В. П. Данилов выступил на тему «Голод 1932–1933 годов — кем и как он был организован?» Затем состоялась свободная дискуссия участников заседания. В результате открытого и эмоционального обмена мнениями российские историки не поддержали версию украинских коллег о геноциде голодом на Украине в 1932–1933 гг. со стороны сталинского режима. Российские участники пришли к заключению, что в научном плане следует говорить о недальновидной, безнравственной и в ряде моментов преступной политике Сталина, ответственного за голод в СССР в 1932–1933 гг., причем не только на Украине, но и в российских регионах¹⁹.

Кульминацией политизации всенародной трагедии стал принятый 28 ноября 2006 г. Верховной Радой Закон «О голодоморе 1932–1933 годов в Украине», которым определяется, что эта трагедия является геноцидом украинского народа²⁰. При этом «пляской на костях» можно назвать так называемые научные конференции, организованные накануне принятия вышеназванного закона и проходившие не только под антироссийскими, но и антисемитскими лозунгами, например «научная конференция», организованная в Киеве 24 ноября 2006 года Межрегиональной академией управления персоналом, Международной кадровой академией и другими организациями на тему: «Карательные органы еврейско-большевистского режима», где доказывался тезис об этническом геноциде украинского народа в 1932–1933 гг.²¹

Своеобразным итогом российско-украинской дискуссии по проблеме голода 1932–1933 гг. стал организованный журналом «Родина» 11 мая 2007 г. «круглый стол» на тему «Голод на Украине и в других республиках СССР. 1932–1933 гг. Организаторы и вдохновители». В его работе приняли участие наиболее авторитетные исследователи данной темы из России и Украины²².

В своих выступлениях на «круглом столе» украинские ученые С. В. Кульчицкий и Ю. И. Шаповал попытались в очередной раз обосновать ранее выдвинутую Конквестом — Мейсом, поддержанную ими и ставшую законом Украины теорию «геноцида — голодом», доказать антиукраинский характер голода 1932–1933 гг. в СССР.

В частности, С. В. Кульчицкий заявил, что на Украине ученые «признают голодомор геноцидом, то есть преднамеренным, отлично спланированным и тщательно замаскированным убийством миллионов людей, предпринятым в политических интересах одного человека — Сталина». На эту тему им написана специальная монография с характерным названием — «Почему он (имеется в виду И. В. Сталин. — В. К.) нас уничтожил?»²³ С. В. Кульчицкий утверждает, что «террор голодом был нацелен не просто на крестьян как представителей социальной группы, а именно на украинских крестьян — основу нации». Анализируя причины трагедии, С. В. Кульчицкий указывал, что голодомор 1932–1933 гг. на Украине имел своей главной целью «удержать в Советском Союзе расположенную на границе с Европой национальную республику», «которая могла воспользоваться катастрофическими последствиями подхлестывания экономики, чтобы выйти из СССР». По его мнению, трагедия стала возможной «вследствие принудительного насаждения искусственного, взятого из головы социально-экономического строя в многонациональной стране». Кроме того, ее причиной «было стремление сталинской команды отвести от себя вину за экономические провалы в “социалистическом строительстве”, которые привели к голоду во всей стране». С. В. Кульчицкий считает, что «голодомор — это чисто советское народоубийство». Он разделяет трагедию 1932–1933 гг. на «голодомор» в Украине и голод в остальных регионах СССР, основываясь на несопоставимых, по его мнению, цифрах жертв (например, 3 млн на Украине и 300 тыс. в Поволжье при приблизительно равной по размерам территории)²⁴.

Точку зрения С. В. Кульчицкого на «круглом столе» развивал другой украинский исследователь Ю. И. Шаповал, заявивший о том, что «антиукраинская направленность сталинского режима» была обусловлена «недоверием Сталина ко всей парторганизации УССР» и выразилась в прекращении «украинизации» и в более жесткой миграционной политике²⁵.

Участники «круглого стола» с российской стороны в очередной раз не поддержали изложенную украинскими учеными концеп-

цию голода 1932–1933 гг. в СССР. В то же время наиболее авторитетные российские и украинские историки остаются единодушны в том, что память о трагедии 1932–1933 гг. должна не разъединять, а объединять братские народы. Поэтому необходимо продолжение научного диалога по спорным вопросам данной темы²⁶.

Следует особо подчеркнуть, что украинскими исследователями и публицистами проделана огромная работа по восстановлению реальной картины голода на Украине в 1932–1933 гг.²⁷ Прежде всего заслуживают высокой оценки выполненные в лучших академических традициях документальные сборники на эту тему, в которых показано, как это было, на основе достоверных документов, в том числе ГПУ УССР²⁸. Также несомненным достижением украинских исследователей стало издание работ, содержащих свидетельства о трагедии переживших ее очевидцев²⁹.

Самым слабым местом концепции Конквеста — Мейса и их последователей является источниковая база. На это очень аргументированно указал прекрасный знаток советской истории Стефан Мерль³⁰. Кроме того, он дал свою интерпретацию событий 1932–1933 гг. в СССР. По его мнению, голод был скорее результатом стечения обстоятельств, чем преднамеренной акцией власти. Он стал следствием неудачной экономической политики, просчетов в установлении квот обязательных зернопоставок, игнорирования региональных различий. Критикуя позицию Конквеста, Мерль задавался резонным вопросом: зачем коммунистическому правительству надо было специально организовывать голод, который коснется не только его врагов, но и союзников — беднейших крестьян, колхозников-ударников, бывших «красных партизан» и т. д.³¹

Наряду с Мерлем гипотеза Конквеста об искусственно организованном голоде была подвергнута критике и другими западными учеными³². Так, например, известный английский историк Алек Ноув выразил несогласие с Конквестом, заключая, что скорее это был «сокрушительный удар» по крестьянам, среди которых было много украинцев, чем по украинцам, среди которых было много крестьян³³.

В ряду критиков Конквеста следует выделить Марка Таугера, впавшего в другую крайность. Если Конквест утверждает мысль о преднамеренном характере голода, отсутствии для него объективных причин, кроме субъективных антиукраинских устремлений сталинского режима, то Таугер заявляет, что голод произошел из-за «нехватки зерна», вызванной не столько неудачной экономической политикой, сколько плохими погодными условиями и нера-

дивыми советскими чиновниками, «плохо информированными» и недостаточно гибкими³⁴.

Подобная оценка Таугера размеров урожая 1932 г. вызвала критику со стороны ряда авторитетных исследователей. По их мнению, хотя урожай 1932 г. и не был впечатляющим, его вполне могло бы хватить, чтобы население дожило до следующего урожая. Кроме того, они утверждают, что голод был использован Сталиным, чтобы преподать урок крестьянам, сопротивляющимся коллективизации. Сталинскому режиму необходимо было выбить у крестьянина мысль о том, что зерно, которое он вырастил, — его собственность. Его надо было заставить работать в колхозе. А непокорных единоличников следовало загнать туда бесповоротно. В этом же ряду признается наличие у сталинистов мотива подавления с помощью голода украинского национализма, социальной базой которого было крестьянство³⁵.

Критики Конквеста справедливо обвиняют его и других представителей «украинской школы искусственно организованного голода» в излишней политизации, использовании ими при анализе событий 1932–1933 гг. риторики «холодной войны», следовании настроениям антисоветских эмигрантских кругов³⁶.

Западные исследователи, воспринявшие идею «организованного голода», разделились между собой в истолковании самого этого понятия. Что значит «умышленный», «преднамеренный», «организованный» голод? Был ли у Советского правительства детальный план, выработанный заранее, по которому оно «управляло голодом», или голод стал результатом политики и использован сталинским режимом в собственных целях? «В голоде не было ничего случайного, непредвиденного, стихийного. Все было решено, предусмотрено и тщательно спланировано», — писал Петро Долина, сам переживший голод на Украине и опросивший в лагере для перемещенных лиц в Западной Германии в 1946–1947 гг. других свидетелей³⁷. Его сторонники утверждают, что «политическое решение» развязать голод было принято в «далекой столице» за «банкетными столами» и во время официальных заседаний до начала хлебозаготовительной кампании 1932 г.³⁸ В качестве доказательства они приводят ряд постановлений Советского правительства, принятых в период с июля 1932 г. по январь 1933 г., ограничивающих свободу передвижения крестьян в голодающих районах. Сделано это было для того, чтобы держать крестьянина «запертым в его деревне»³⁹. Этот мотив был понятен каждому крестьянину в голодающих районах.

Подобные оценки до настоящего времени не получили документального подтверждения. Исследователями не обнаружено еще ни одного постановления Советского правительства и ЦК партии, приказывающих убить с помощью голода определенное число украинских или других крестьян⁴⁰. Это намерение сталинского руководства не было подтверждено и итоговым отчетом Международной комиссии по расследованию голода на Украине 1932–1933 гг. Изучив всю совокупность представленных ей архивных документов, свидетельств очевидцев, мнений ученых, комиссия пришла к выводу, что она «не в состоянии подтвердить наличие преднамеренного плана организации голода на Украине с целью обеспечения успеха политики Москвы»⁴¹.

Среди западных специалистов, занимающихся проблемой коллективизации и голода 1932–1933 гг. в советской деревне, следует особо выделить ученых: Роберта Дэвиса, Майкла Левина, Стивена Уиткрофта, Линн Виолу и Шейлу Фицпатрик и др.⁴² Так, например, Виолу и Фицпатрик объединяет общий методологический подход — взгляд на проблему в рамках социальной истории, как бы снизу, через анализ крестьянского положения в годы коллективизации, восприятия коллективизации, изменения сущностных черт крестьянского мира в результате сталинской политики⁴³. Голод 1932–1933 гг. выступает у них как результат противостояния крестьянства и государства в годы коллективизации. В то же время Фицпатрик, возлагая ответственность за трагедию на сталинское руководство и ссылаясь на авторитетнейшего специалиста в области изучения голода нобелевского лауреата Амартия Сена, справедливо указывает, что голод 1932–1933 гг. был «скорее нормой, чем исключением, в современной истории голода»⁴⁴.

Работы Стивена Уиткрофта в соавторстве с другим замечательным исследователем России Робертом Дэвисом, основанные на достоверных и солидных источниках, дают взвешенную оценку состояния сельского хозяйства СССР в 1931–1933 гг. Особую ценность представляют материалы Уиткрофта о хлебофуражных балансах СССР в начале 1930-х гг., а также демографических потерях советской деревни во время голода 1932–1933 гг.⁴⁵ На данный момент Уиткрофт — наиболее авторитетный специалист по данным аспектам темы среди российских и зарубежных исследователей.

Выдающимся событием в историографии проблемы стала публикация в 2004 г. совместной монографии Р. Дэвиса и С. Уиткрофта, посвященной анализу ситуации в сельском хозяйстве

СССР в 1931–1933 гг.⁴⁶ О ее научном значении можно судить хотя бы по тому факту, что, ознакомившись с содержанием монографии, Р. Конквест признал ошибочность своего тезиса о голоде–геноциде. В письме авторам книги он заявил, что Сталин специально не устраивал голод, хотя и ничего не сделал для предотвращения трагедии⁴⁷. В своей монографии Дэвис и Уиткрофт дали глубокий и всесторонний анализ кризисного состояния сельского хозяйства СССР в результате сталинской коллективизации и связанной с ней политики хлебозаготовок и других госпоставок сельхозпродукции маломощными колхозами и единоличными хозяйствами. Аграрная политика сталинизма разрушила сельскохозяйственное производство и в конечном итоге привела к голоду. В то же время авторы указывают на непреднамеренный характер данной политики, показывают меры правительства по выходу из голодного кризиса. Они привели 35 партийно-правительственных постановлений о предоставлении продовольственной помощи голодающим регионам СССР. Первое из них датировано 7 февраля, а последнее — 20 июля 1933 г. Совокупный объем помощи составил 320 тыс. тонн зерна, из них в УССР и на Кубань было направлено 264,7 тыс., а во все другие регионы, вместе взятые, — 55,3 тыс. тонн⁴⁸. Данные факты убедительно опровергают теорию геноцида голодом Украины.

Наряду с западными исследователями проблему голода 1932–1933 гг. и коллективизации советской деревни освещали в работах ученые из Японии и Южной Кореи⁴⁹. Среди японских исследователей следует особо отметить Хироси Окуду, написавшего прекрасную монографию о положении поволжской деревни в годы сталинской «революции сверху», не поддерживающего теорию «геноцида голодом»⁵⁰.

Характеризуя работы иностранных специалистов, нельзя обойти вниманием публикации ученых «русского зарубежья». Среди них — фундаментальный труд эмигранта, известного русского экономиста С. Н. Прокоповича «Народное хозяйство СССР». В нем отмечалось, что в 1932–1933 гг. «вся черноземная Россия пережила тяжелый голод со всеми его демографическими последствиями». Причины голода автор связал с «принудительной коллективизацией крестьянских хозяйств и обложением их высоким натуральным налогом»⁵¹. В данной работе были приведены факты о положении на Нижней Волге накануне и во время голода из опубликованных на Западе воспоминаний иностранцев, находившихся в СССР в начале 1930-х гг.

Современные российские исследователи в целом положительно оценивают вклад зарубежных коллег в изучение советской коллективизации и голода 1932–1933 гг., указывая при этом на необходимость более пристального внимания к региональным аспектам и источникам⁵². В то же время они не приемлют политизации проблемы и выступают против оценок украинских и ряда западных ученых об антиукраинской направленности голода 1932–1933 гг. в СССР, тем более его характеристике как «геноцида».

Российские исследователи сформулировали свои подходы к данной проблеме, которые основаны прежде всего на достоверной источниковой базе, а также на результатах совместной работы над международными проектами по истории коллективизации, осуществленными в 1990-е — начале 2000-х гг. под руководством выдающегося историка-аграрника В.П. Данилова⁵³. Кроме того, ими проделана значительная работа по изучению голода 1932–1933 гг. в российских регионах, в том числе в Поволжье, на Дону и Кубани.

Как известно, в советский период, начиная с 1930-х гг. и до середины 1980-х гг., голод 1932–1933 гг. замалчивался в отечественной исторической литературе, был запретным для исследователей, принадлежал к числу так называемых «белых пятен» советской истории. В работах историков-аграрников, занимавшихся историей коллективизации, в том числе в Поволжье и на Северном Кавказе, доминировал стереотип сталинской оценки влияния коллективизации, социально-экономической политики Советского государства на материальное положение крестьянства в 1932–1933 гг. Согласно этой оценке, высказанной И. В. Сталиным на январском 1933 г. объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) и февральско-мартовском того же года Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников, в 1933 г. крестьяне «навсегда забыли о нищете, голоде и разорении» и «уверенно шли к зажиточной жизни»⁵⁴.

В условиях запрета на исследование трагедии 1932–1933 гг. советские историки были вынуждены в публикациях, затрагивая события данных лет, замалчивать факт голода или, в лучшем случае, говорить о хлебозаготовительных трудностях 1931–1932 гг. в основных зерновых районах страны. Их возникновение они объясняли объективными причинами: погодными условиями, трудностями организационно-хозяйственного становления колхозов, саботажем кулачества.

«Саботаж кулачества» рассматривался в большинстве работ советских историков-аграрников данного периода как главная

причина трудностей колхозного строительства в основных зерновых районах страны в 1932–1933 гг. Так, например, С. П. Трапезников указывал: «Подавляющее большинство колхозов Северо-Кавказского, Нижне-Волжского и Средне-Волжского краев в 1932 году из-за кулацкого саботажа, воровства и хищения хлеба было лишено возможности оплатить выработанные колхозниками трудодни»⁵⁵. Он отмечал, что «путем вредительства, уничтожения производительных сил, срыва государственных заданий, разложения трудовой дисциплины классовый враг и его агентура брали ставку на разрушение молодого только что возникшего колхозного строя»⁵⁶.

Тема голода 1932–1933 гг. в годы, предшествовавшие эпохе гласности в СССР, могла затрагиваться в исторической литературе лишь в одном-единственном контексте — в плане идеологической борьбы с так называемыми буржуазными фальсификаторами истории советской деревни. Так, в 1939 г. в Большой советской энциклопедии, в статье, посвященной Республике немцев Поволжья, было сказано, что «исключительные успехи НП АССР являются блестящим опровержением гнусной клеветы фашистов о якобы царящем в республике голоде»⁵⁷.

В связи с 50-летием печальной даты — голода 1932–1933 гг. на Украине, привлечшей внимание общественности Канады и США, в советской исторической литературе появились публикации, касающиеся этой запретной темы. В них говорилось об эффективности помощи, предоставленной в эти годы Советским государством недородным районам Украины. Сам факт голода на Украине отрицался, а разговоры о нем на Западе расценивались как «очередная антисоветская пропагандистская кампания»⁵⁸.

Несмотря на замалчивание обществоведами трагедии 1932–1933 гг., советская историческая литература по проблеме коллективизации, выходящая в 1930-е — первой половине 1980-х гг., содержит сведения, непосредственно касающиеся ее и представляющие поэтому значимость для исследователей.

По принятой в советской историографии периодизации истории колхозного строя в СССР, 1932–1933 г. относятся к периоду завершения сплошной коллективизации крестьянских хозяйств и начала организационно-хозяйственного укрепления колхозов. На эту тему опубликованы многочисленные статьи, монографии, коллективные труды, характеризующие ход коллективизации, колхозное производство, общественно-политическую жизнь советской деревни. Приведенные в них данные о размерах посевных

площадей, урожайности, валовых сборах и заготовках сельскохозяйственных культур, численности скота, деятельности в сельской местности партийных, советских органов, политотделов МТС и других фактах заслуживают доверия⁵⁹. Их использование позволяет полнее осветить ряд аспектов взятой проблемы, например, уточнить состояние сельского хозяйства страны и региона в конце 1920-х — начале 1930-х гг. Это имеет важное значение для решения вопроса о причинах голода 1932–1933 гг. в советской деревне, в том числе в конкретных регионах.

Большой интерес для исследователей, занимающихся проблемами коллективизации и голода 1932–1933 гг., представляют вышедшие на закате «хрущевской оттепели» под редакцией В. П. Данилова «Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках». В них впервые достаточно критически сказано о хлебозаготовках 1932 г. и непосредственной ответственности Сталина и его ближайшего окружения за принудительный характер их проведения⁶⁰.

Также представляет интерес для специалистов, занимающихся темой голода 1932–1933 гг., подготовленный в секторе истории советского крестьянства и сельского хозяйства Института истории АН СССР краткий очерк истории советского крестьянства, изданный в 1970 г. В нем отмечалось, что выданный в 1932 г. за работу в колхозах хлеб «не мог покрыть потребности крестьянского хозяйства». Данное заключение основывалось на результатах расчетов хлебного баланса колхозной семьи по хозяйственным итогам 1932 г.⁶¹

О голоде 1932–1933 гг. в Поволжье и на Украине в период существования запрета на эту тему осмелились заговорить в своих произведениях писатели М. Алексеев и И. Стаднюк⁶². Михаил Николаевич Алексеев, лично переживший 1933 год в Поволжье, правдиво отобразил эту трагедию в своих автобиографических произведениях.

На рубеже 1980-х — 1990-х годов начинается новый, современный этап в развитии аграрной историографии России. Российские историки пытаются найти ключ к объяснению причин современного кризисного состояния аграрного сектора экономики страны и в целом всего российского общества.

Решающим фактором активизации исследований в данном направлении была политика гласности и демократизации общественно-политической жизни страны. Ликвидация идеологического диктата государственной власти и «архивная революция»

создали исследователям благоприятные условия для творческой работы. Поэтому 1990-е годы стали временем бурного всплеска интереса исследователей к аграрной истории советского периода. В центральных и местных изданиях публикуются десятки статей, появляются монографии и сборники документов, непосредственно посвященные или затрагивающие данную тему.

С началом в СССР гласности исследователи получили возможность обратиться и к истории голода 1932–1933 гг. Эта тема сразу же привлекла их внимание. В периодической печати появились многочисленные статьи об этой трагической странице советской истории⁶³.

Факт голода 1932–1933 гг. в советской деревне на уровне высшего партийно-государственного руководства страны впервые был признан в докладе генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на мартовском 1989 г. пленуме ЦК партии. Причинами его в докладе были названы результаты насильственных методов и форсированных темпов сплошной коллективизации, волюнтаристского вмешательства в процессы производства, обмена и распределения, а также — засуха⁶⁴.

В исторической литературе эпохи перестройки впервые на факт голода 1932–1933 гг. в зерновых районах СССР было указано в вышедшем в 1986 г. под редакцией И. Е. Зеленина втором томе «Истории советского крестьянства»⁶⁵.

Тема голода 1932–1933 гг. затронута в ряде статей ведущих историков-аграрников страны: В. П. Данилова, И. Е. Зеленина, Н. А. Ивницкого. В них были названы основные регионы СССР, оказавшиеся в 1932–1933 гг. пораженными голодом. Историки определили основные причины голода, которые вытекали из сталинской политики коллективизации и хлебозаготовок 1931–1932 гг.⁶⁶ В последующие годы именно эти исследователи задавали тон в российской науке. Их публикации стали эталоном для любого российского специалиста⁶⁷. Особенно следует отметить фундаментальные монографии Н. А. Ивницкого, общепризнанного в научном мире авторитета в области советской коллективизации⁶⁸. Кроме названных исследователей стоит отметить и других, без знания работ которых невозможен объективный анализ истории советской коллективизации и голода 1932–1933 гг. Среди них М. А. Вылцан, Е. А. Осокина, Э. Н. Щагин и другие⁶⁹.

Важное значение в деле активизации исследования голода 1932–1933 гг. имела встреча историков-аграрников и публицистов, посвященная проблеме коллективизации, состоявшаяся 24 октя-

бря 1988 г. в редакции журнала «История СССР». На ней был обозначен круг первоочередных проблем (причины, масштабы, последствия голода) и определена основная задача дальнейшей исследовательской работы — изучение конкретно-исторического материала путем привлечения широкого круга источников⁷⁰.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. российские историки начинают активно разрабатывать демографический аспект проблемы. В. П. Данилов был первым исследователем, который специально заострил внимание на данном аспекте и призвал ученых заняться объективным подсчетом числа жертв голода 1932–1933 гг. Причем подтолкнула его на это уже упомянутая монография Конквеста «Жатва скорби». Кроме того, В. П. Данилов стал первым российским историком, указавшим, что голод 1932–1933 гг. может быть охарактеризован как организованный голод, поскольку уровень сельскохозяйственного производства, погодные условия не обусловили его наступления. По его мнению, этот голод был «самым страшным преступлением Сталина, той катастрофой, последствия которой сказывались во всей последующей истории советской деревни»⁷¹.

Демографический аспект проблемы в 1990-е гг. стал одним из наиболее активно разрабатываемых российскими учеными, в том числе на региональном уровне. Они сумели проанализировать материалы всех довоенных переписей (включая «расстрельную 1937 года») и официальную статистику естественного и механического движения населения в 1930-е гг. В результате появились серьезные публикации на эту тему, в которых, вслед за В. П. Даниловым подверглись сомнению высокие цифры жертв голода 1932–1933 гг., приведенные в ряде работ западных исследователей. В первую очередь речь шла о работах «популярного в России» Конквеста⁷².

1990-е годы стали периодом активного осмысления российскими историками не только темы коллективизации и голода 1932–1933 гг. как таковых, но и всей аграрной политики Советского государства в период его существования. События начала 1930-х гг., в том числе сталинский голод, рассматривались в общем контексте взаимоотношений коммунистов и крестьянства. Исследователями сделаны выводы об антикрестьянской политике Советского правительства, целью которой была эксплуатация деревни, выкачивание из нее ресурсов ради индустриальной модернизации страны. Крестьяне оказались людьми «второго сорта», «сырым материалом» для строительства социалистического строя. Ценой

огромных жертв, лишений они обеспечили Советской России рывок в индустриальное общество, поэтому голод 1932–1933 гг. стал закономерным явлением в этой цепи событий. Историки указали на преступный характер сталинской политики раскулачивания, которая не могла быть оправдана никакими сиюминутными соображениями. Ее последствия, так же как и насильственной коллективизации в целом, негативно сказались на всей последующей истории советского общества и привели его к гибели⁷³.

Одним из самых крупных (если не важнейшим) достижений российской историографии последнего десятилетия XX в. стала публикация документов по истории России ушедшего столетия, и особенно советского периода. «Предоставить слово документу» — так можно назвать это направление в современной российской исторической науке. Само выражение «предоставить слово документу» имеет давнюю историю, но применительно к аграрной тематике, можно сказать, что его авторство принадлежит крупнейшему российскому историку-аграрнику В. В. Кабанову. Автор настоящей монографии был очевидцем его выступления в начале 1990-х гг. на ученом совете Института российской истории РАН, где заслушивалась информация В. П. Данилова о ходе работы над международными проектами «Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД», «Крестьянская революция в России», «Трагедия советской деревни». В.В. Кабанов высоко оценил идею и предварительные результаты работы участников проекта и назвал ее работой в рамках очень своевременного и ценного для науки направления — «предоставить слово документу».

Для успеха «нового направления» решающую роль сыграла так называемая «архивная революция», то есть рассекречивание огромного массива архивных документов, ранее недоступных исследователям⁷⁴. В 1990-е гг. в России вышло в свет немало документальных сборников, посвященных и затрагивающих историю коллективизации и голода 1932–1933 гг.⁷⁵ Главная их ценность состояла в том, что они содержали документы, публикация которых в советские годы была невозможна по идеологическим соображениям⁷⁶.

Крупнейшим достижением российской науки в 1990-е — начале 2000-х гг. стала, на наш взгляд, публикация серии документальных сборников, посвященных истории коллективизации и жизни советской деревни в 1930-е гг., под общим названием «Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. 1927 — 1939». Эти публикации осуществлены совместными усилиями

российских и зарубежных историков. Руководителями большого коллектива исследователей стали ведущие специалисты по данной теме: В. П. Данилов, Р. Маннинг, Л. Виола⁷⁷. В пяти томах вышедших в свет сборников опубликованы уникальные, ранее не доступные исследователям материалы, характеризующие причины, ход и последствия коллективизации⁷⁸. В данных сборниках представлен широкий комплекс источников из центральных и местных архивов, позволяющий восстановить целостную картину основных аспектов коллективизации и голода 1932–1933 гг. Особый интерес представляют документы Центрального архива Федеральной службы безопасности РФ (ЦА ФСБ), содержащие уникальную информацию о реакции советской деревни на аграрную политику государства в годы коллективизации. В сборниках введены в научный оборот документы, раскрывающие подлинный механизм принятия решений сверху по реформированию деревни, показана персональная роль в этом Сталина и его ближайшего окружения. Названные документы знакомят читателя с большим массивом сведений, полученных непосредственно из крестьянской среды, что позволяет лучше понять крестьянское восприятие государственной аграрной политики. Третий том серии посвящен периоду 1931–1933 гг. и содержит документы, глубоко и всесторонне раскрывающие обстоятельства голода, характеризующего его как результат насильственной коллективизации и неразрывно связанных с ней принудительных хлебозаготовок⁷⁹.

Успешное сотрудничество российских и зарубежных ученых в области изучения истории коллективизации и голода 1932–1933 гг. не ограничивается этим примером. В 1990-е гг. увидели свет и другие замечательные издания на эту тему, среди которых особенно следует выделить сборники документов, посвященные «великому перелому» на Рязанской земле и Красной Армии в период коллективизации⁸⁰.

В контексте изучаемой проблемы заслуживают внимания материалы теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития», организованного под эгидой Института российской истории РАН и «Интерцентра» Московской высшей школы социально-экономических наук (МВШСН), руководителем которого является В. П. Данилов, где учеными-аграрниками, в том числе зарубежными, на протяжении 1990-х гг. рассматривались важнейшие проблемы крестьяноведения, непосредственно относящиеся к истории аграрных преобразований в России в XX в.⁸¹ Кроме того, проблемы аграрной истории обсуждаются на проходя-

щем в МВШСН ежегодном международном симпозиуме «Куда идет Россия?», историческую секцию которого возглавляет В. П. Данилов⁸². Важнейшим событием для российских специалистов, занимающихся проблемой голода 1932–1933 гг., стало заседание семинара «Современные концепции аграрного развития», посвященного обсуждению доклада Стивена Уиткрофта и Роберта Дэвиса «Кризис в советском сельском хозяйстве (1931–1933 гг.)». Участники семинара пришли к выводу, что причины голода следует рассматривать в комплексе политических, социально-экономических и природно-климатических факторов⁸³.

На рубеже 1980–1990-х гг. и в последующий период были сделаны первые значительные шаги в исследовании голода 1932–1933 гг. в отдельных регионах бывшего СССР. Появились статьи и монографии, посвященные трагедии 1932–1933 гг. на Украине, Северном Кавказе, в Белоруссии, Казахстане и других регионах⁸⁴.

К истории голода обратились исследователи Казахстана. В своих публикациях они доказывают, что в начале 1930-х гг. Казахская АССР пережила подлинную трагедию. Бездумная насильственная коллективизация и чрезмерные госпоставки разорили казахских скотоводов и земледельцев, вызвали массовые откочевки в Китай, смертность от голода сотен тысяч жителей Казахстана. В то же время казахские ученые не пошли по пути их украинских коллег и рассматривают трагедию 1932–1933 гг. в русле подходов российских исследователей⁸⁵.

На общесоюзный характер голода 1932–1933 гг. указывают и работы исследователей Республики Беларусь. Они отмечают, что в первой половине 1930-х гг. голод охватил преимущественно южные районы Белоруссии. В частности, в Ельском и Наровлянском районах, граничивших с Украиной, к середине июня 1933 г. от голода умерли 130 человек, опухло 230. Белорусскими учеными приводятся также сведения о голоде в центральных районах республики — Пуховичском и Минском. Изучив документы Национального архива Республики Беларусь и проанализировав собранные воспоминания, они пришли к выводу, что в массовом сознании белорусских крестьян сложилось устойчивое представление о том, что голод возник не из-за погоды, а по вине государства. По их подсчетам, «только в одном Наровлянском районе за 1932–1933 годы от голода умерло до 1000 человек»⁸⁶.

Применительно к изучению темы в российских регионах первооткрывателем можно считать замечательного ростовского историка Е. Н. Осколкова. На материалах местных архивов он первым

дал всестороннюю характеристику ситуации на Дону и Кубани в 1932–1933 гг., показал насильственный характер хлебозаготовок и весь ужас наступившего в регионе голода⁸⁷.

Автор данной монографии искренне благодарен Е. Н. Осколкову за его согласие быть официальным оппонентом на защите его кандидатской диссертации, посвященной голоду 1932–1933 гг. в Поволжье. Евгений Николаевич Осколков всегда оставался порядочным человеком и принципиальным ученым. Об этом свидетельствует его выступление на состоявшейся в сентябре 1993 г. в Киеве вышеупомянутой международной конференции, приуроченной к 60-летию голода. В условиях антикоммунистических и антироссийских настроений, царивших на конференции, Е. Н. Осколков не побоялся специально заострить внимание участников конференции на факте массовых репрессий в период хлебозаготовок в отношении рядовых коммунистов. Он указал на необходимость учета и их в общем мартирологе жертв голода 1932–1933 гг. и сталинских репрессий.

Региональные исследователи однозначно связывали наступление голода в 1932–1933 гг. в зерновых районах страны со сталинской коллективизацией и политикой хлебозаготовок. В начале 1990-х гг. ими были произведены первые расчеты демографических потерь во время данного голода по отдельным регионам страны⁸⁸.

Тема голода 1932–1933 гг. в Поволжье впервые была затронута в публикациях одного из самых авторитетных историков-аграрников последних десятилетий — И. Е. Зеленина. В них он охарактеризовал ход хлебозаготовительной кампании 1932 г. на Нижней Волге и работу там в декабре 1932 г. комиссии ЦК ВКП(б) по вопросам хлебозаготовок, возглавлявшейся секретарем ЦК партии П. Постышевым. По его мнению, действия Постышева на Нижней Волге носили «несколько иной характер по сравнению с тем, что осуществляли Каганович и Молотов на Северном Кавказе и Украине». И. Е. Зеленин считает, что крестьяне Нижней Волги в меньшей степени пострадали от голода, чем сельское население Украины, Северного Кавказа и центральных районов Казахстана⁸⁹.

На состоявшейся в Москве 15–16 ноября 1989 г. Всесоюзной научно-практической конференции, посвященной проблеме советских немцев, было впервые публично заявлено, что немецкое население Поволжья тяжело пострадало «от принудительной коллективизации, изъятия зерна и последовавшего голода»⁹⁰.

В 1990-е — начале 2000-х гг. в российских регионах, судя по опубликованной литературе, наиболее интенсивно тема голода 1932–

1933 г. изучалась на Урале, в ЦЧО, Сибири и Поволжье. При этом на работы региональных исследователей несомненное позитивное влияние оказывали результаты международных проектов по аграрной истории России первой половины XX в. В. П. Данилова⁹¹.

Участие в проектах способствовало, прежде всего, творческому росту их непосредственных участников, в том числе из российских регионов, занимающихся проблемой голода. Так, например, автор монографии В. В. Кондрашин, благодаря участию в международных проектах, смог активно работать и над проблемой голода 1932–1933 гг. в Поволжье. На региональных материалах он подтвердил основные концептуальные идеи проектов «Трагедия советской деревни». В частности, он считает, что данный голод был организованным голодом, то есть результатом сталинской политики насильственной коллективизации и неразрывно связанных с ней принудительных хлебозаготовок. Именно сталинская аграрная политика, а не природные катаклизмы вызвали в стране глубокий кризис сельского хозяйства и массовый голод населения в зерновых районах страны, включая Украину⁹². В. В. Кондрашин активно выступает в СМИ⁹³ и научных изданиях, в том числе за рубежом, против идеи украинских историков и политиков о «геноциде голодомором» в 1932–1933 гг. украинского народа⁹⁴. В своих публикациях на эту тему он заключает, что голод 1932–1933 гг. является общей трагедией всех народов СССР, и эта трагедия должна не разделять, а объединять народы. В 2002 г. совместно с американским историком, профессором Д. Пеннер В. В. Кондрашиным издана монография о голоде 1932–1933 гг. в советской деревне на материалах Поволжья, Дона и Кубани. В ней на основе широкого использования разнообразного комплекса источников показано, почему и как произошла эта трагедия. Проблема рассматривается в контексте мировой истории борьбы с голодом⁹⁵.

Больших творческих успехов добилась Н. С. Тархова — одна из главных археографов документальных изданий международных проектов В. П. Данилова. В частности, осуществив глубокий и всесторонний анализ документальных материалов сборников серии «Трагедия советской деревни» и «Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД», Н. С. Тархова подготовила докторскую диссертацию на тему: «Красная Армия и коллективизация советской деревни». В ней впервые в историографии выдвинуто положение о том, что в целом Красная Армия (за исключением отдельных случаев) оказалась изолирована властью от участия в коллективизации, поскольку по составу она была крестьянской. Активное ее ис-

пользование в крестьянской стране против крестьянства могло иметь для власти непредсказуемые последствия. Именно поэтому семьи красноармейцев были выведены из-под удара репрессий: они получили специальные льготы от государства и т. п. Благодаря исследованиям Н. С. Тарховой, выполненным в русле традиций международных проектов, стали более ясными причины успешного проведения в СССР сталинской коллективизации и выхода режима из голодного кризиса. Во многом этот успех был обусловлен тем обстоятельством, что насилие над крестьянством осуществляли прежде всего органы ОГПУ, а не части Красной Армии, укомплектованные в большинстве своем выходцами из крестьянской среды⁹⁶.

Особого внимания заслуживают работы С. А. Красильникова, также добившегося больших успехов в творческой деятельности благодаря участию в проектах В. П. Данилова. В ходе работы над этими проектами совместно с Даниловым он подготовил к печати серию документальных сборников о спецпереселенцах в Западной Сибири, а затем в 2003 г. выпустил в свет обобщающую монографию о крестьянской ссылке в 1930-е гг. В данной монографии на основе достоверных источников автором был рассмотрен весь комплекс проблем спецпереселенцев в Западной Сибири, в том числе их тяжелейшего положения во время голода начала 1930-х гг.⁹⁷

К числу единомышленников и продолжателей идей международных проектов следует отнести и такого крупнейшего историка-аграрника, как Геннадий Егорович Корнилов, — ученика одного из самых авторитетных участников международных проектов, сподвижника В. П. Данилова, профессора И. Е. Зеленина. По его инициативе на базе Оренбургского государственного педагогического университета ежегодно проводятся крупные международные конференции на тему: «Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XX веках: история и современность», в которых принимают участие ведущие историки-аграрники из регионов, в том числе участники международных проектов⁹⁸. Именно благодаря его усилиям тема голода 1932–1933 гг. получила всестороннее освещение в Уральском регионе⁹⁹. Прежде всего историки Урала первыми стали подходить к ней комплексно, рассматривать ее как часть более общей проблемы — продовольственной безопасности региона и страны в XX в. В связи с этим заслуживают самой высокой оценки подготовленные уральскими историками библиографический указатель и сборник документов «Продовольственная безопасность Урала в XX веке» (редакторы Г. Е. Корнилов,

В. В. Маслаков)¹⁰⁰. Кроме того, следует особо выделить публикации ученика Г. Е. Корнилова Е. Ю. Баранова об аграрном производстве и продовольственном обеспечении населения Уральской области в 1928–1933 гг., в которых дается всесторонняя характеристика тяжелейшей ситуации в уральской деревне в начале 1930-х гг.¹⁰¹

Из исследований, посвященных голоду 1932–1933 гг. в других регионах России, заслуживают особого внимания работы воронежского историка П. В. Загоровского, тамбовского С. А. Есикова. На основе глубокого анализа многочисленных архивных документов ими убедительно показаны причины и социально-экономические последствия голода в Центрально-Черноземном районе¹⁰².

Активная работа по изучению истории коллективизации и голода 1932–1933 гг. проводилась в последнее десятилетие и продолжает вестись в настоящее время историками Поволжья¹⁰³. Они составили карту голода, то есть наиболее пораженных в 1932–1933 гг. районов Среднего и Нижнего Поволжья, уделили внимание анализу региональной специфики коллективизации. Так, например, в работах Т. Ф. Ефериной, О. И. Марискина, Т. Д. Надькина и других историков Республики Мордовия показаны особенности коллективизации и голода в этой части Среднего Поволжья¹⁰⁴. Причем наиболее плодотворно в этом направлении работают Т. Д. Надькин и Н. Е. Каунова, успешно защитившая кандидатскую диссертацию о голоде в начале 1930-х годов в Средне-Волжском крае¹⁰⁵.

Положению в начале 1930-х гг. в Татарии посвящен специальный сборник документов, составленный казанскими историками А. Г. Галямовой и Р. Н. Гибадулиной¹⁰⁶.

Серьезным исследователем истории голода 1932–1933 гг. в Республике немцев Поволжья является саратовский историк А. А. Герман. Он аргументированно заключает, что этот голод «привел к крупной гуманитарной катастрофе» АССР НП. По мнению А. А. Германа, главная причина голода коренилась «в крайней неэффективности экономической системы советского социализма, в презрении большевистской власти к интересам и судьбам конкретных “маленьких” людей». Он считает, что основная «беда» сторонников теории «геноцида» в том, что они абсолютизируют историю своих народов (украинцев, немцев), исследуют ее в отрыве от исторического контекста, не стремясь проводить объективный сравнительный анализ их положения с положением других

народов СССР, в том числе и русского. А. А. Герман выступает против абсолютизации национального фактора в политике сталинского режима и указывает, что в ее основе по отношению ко всем народам СССР лежал «пресловутый классовый подход и коммунистические доктринальные установки»¹⁰⁷.

Тема голода 1932–1933 гг. в Поволжье получила отражение в краеведческой литературе. Среди опубликованных работ краеведов следует выделить публикации М. С. Полубоярова, в которых использованы оригинальные источники, еще не получившие на тот момент широкого распространения в научной литературе (документы архивов ЗАГС, воспоминания очевидцев)¹⁰⁸.

Историки Сибири, обращаясь к проблеме коллективизации и голода, основное внимание сконцентрировали на двух аспектах: политике раскулачивания и демографических потерях сибирской деревни в начале 1930-х гг.¹⁰⁹ Здесь особенно выделяются публикации Н. Я. Гущина и В. А. Исупова, содержащие взвешенные оценки демографических последствий коллективизации и голода в Западной Сибири, основанные на глубокой проработке источников.

В последнее десятилетие появились интересные исследования о жизни крестьянства Европейского Севера России в годы коллективизации. Однако историки ограничили круг своих интересов проблемами коллективизации как таковой, не уделяя специального внимания продовольственному обеспечению деревни. Тем не менее они добились значительных успехов в изучении государственных повинностей деревни в 1930-е гг., негативно сказывавшихся на материальном положении колхозников и единоличников¹¹⁰.

Совсем иная ситуация сложилась в Северо-Кавказском регионе. До настоящего времени на тему голода наиболее полными остаются работы уже упомянутого нами выше Е. Н. Осколкова и Д. Пеннер¹¹¹. Кроме того, в научный оборот введены и прокомментированы получившие большой общественный резонанс письма М. А. Шолохова Сталину о хлебозаготовках 1932 г. и голоде 1933 г.¹¹²

Заметным явлением в историографии проблемы стали последние публикации И. Е. Зеленина и А. В. Шубина. Так, например, И. Е. Зелениным опубликована монография, в которой он попытался подвести итог изучения истории коллективизации на основе анализа материалов документальных серий международных проектов В. П. Данилова «Трагедия советской деревни» и «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД». Обращаясь к проблеме го-

года 1932–1933 гг., он называет его «великим голодом», «организованным голодом» и заключает, что этот голод не был обусловлен какими-либо природными катаклизмами. По его оценке, картина общекрестьянской трагедии во всех переживших его регионах, была, по сути, идентична. «И если уж характеризовать голодомор 1932–1933 гг. как “целенаправленный геноцид украинского крестьянства”, на чем настаивают некоторые историки Украины, — заключает И. Е. Зеленин, — то надо иметь в виду, что это был геноцид в равной мере и российского крестьянства — Дона и Кубани, Поволжья, Центрального Черноземья, Урала, и особенно скотоводов и земледельцев Казахстана — крестьянства всех регионов и республик СССР»¹¹³.

Серьезным аналитическим анализом проблемы отличаются публикации А. В. Шубина. Он аргументированно указывает, что голод 1932–1933 гг. есть «результат выбора сталинской группы, который мы должны правильно оценить». И этот выбор обусловился конкретно-исторической обстановкой, в которой оказался СССР на рубеже 1920–1930-х гг. Она возникла в результате избранной сталинским руководством стратегии и тактики осуществления объективно необходимой Советской России индустриальной модернизации. А. В. Шубин справедливо заключает: «Либо сколько-нибудь успешное завершение индустриального рывка, либо нехватка ресурсов и полный экономический распад, гигантская незавершенка, памятник бессмысленному распылению труда. И конечно, крах Сталина. Для того чтобы закончить рывок, достроить хоть что-то, Сталину нужны были еще ресурсы, и он безжалостно забрал их у крестьян. Вопреки распространенному мифу не найдено доказательств, что Сталин “устроил” голод, чтобы замучить побольше народу. Думаю, и не будет найдено». Он выступает против выдвигаемых украинскими учеными цифр жертв голода на Украине и считает, что на Украине непосредственно от голода погибли 1–2 миллиона человек, а в других регионах (Поволжье, Северный Кавказ, Сибирь, Казахстан) потери могут исчисляться сотнями тысяч людей в каждом. По его мнению, количество жертв голода 1932–1933 гг. в СССР насчитывается в размере 2–3 миллиона человек¹¹⁴.

Подводя итог историографическому обзору, следует обратить внимание на следующие положения. Российские историки проделали большую исследовательскую работу по изучению обстоятельств трагедии 1932–1933 гг. Главная их заслуга, на наш взгляд, состоит во введении в научный оборот огромного комплекса ис-

точников по данной теме, а также ее осмысление в контексте исторического развития России в XX в. Кроме того, исследователи убедительно доказали крестьянское неприятие коллективизации, их активное противодействие ей в силу ее антикрестьянского характера. Они оказались единодушны в признании факта насильственного характера коллективизации и хлебозаготовок и их трагических последствий для деревни. При этом они по-разному понимают мотивы, которыми руководствовался сталинский режим при их проведении, и по-разному относятся к понятию «рукотворный», «организованный» голод¹¹⁵. Например, некоторые из них полагают, что «рукотворный голод» был частью «общей политики государства применительно ко всему крестьянству (шире — к народу в целом), а не только к кулачеству», то есть носил открыто антинародный характер¹¹⁶. Само понятие «рукотворный голод» обосновывается следующим образом: «О том, что голод носил рукотворный характер, а не был связан исключительно с засухой 1932 года, свидетельствуют следующие факты. Государственные заготовки хлеба в стране в 1932 году составили 1181,1 млн. пудов (83 % от уровня заготовок в 1931 году), а в 1933 году выросли до 1444,5 млн пудов. Таким образом, государство располагало запасами, необходимыми для прокорма голодного населения. Вместо этого за 1931—1932 годы было экспортировано около 70 млн пудов зерна»¹¹⁷. Исследователи вкладывают в понятие «рукотворный», «организованный голод» тот смысл, что он наступил в результате деятельности людей, политиков, а не в связи с природными катаклизмами. То есть голод стал прямым результатом политики коллективизации и хлебозаготовок, которую проводили конкретные властные органы под руководством ЦК партии, Советского правительства и лично Сталина¹¹⁸. В то же время вопрос о правомерности данной терминологии остается открытым. Большинство российских историков объясняют мотивы сталинской политики коллективизации и хлебозаготовок потребностями индустриальной модернизации страны, необходимостью срочного решения зерновой проблемы. В то же время вопрос о влиянии на аграрную политику Сталина, в том числе во время голода 1932—1933 гг., международной обстановки не получил еще должного освещения в литературе¹¹⁹.

Некоторые исследователи голод 1932—1933 гг. рассматривают как переломный момент в тысячелетней истории крестьянской России. Организованный в угоду форсированным темпам индустриальной модернизации страны, он «нанес смертельный удар

крестьянству», после которого его «возрождение» как класса стало уже вряд ли возможно¹²⁰. Обратного пути в крестьянскую Россию, с господством мелкого, единоличного, натурально-потребительского хозяйства, уже не было. Традиционное крестьянское общество было разрушено коллективизацией и голодом. Поэтому после событий 1932–1933 гг. это уже была другая страна и «другое» крестьянство¹²¹. Такую позицию не разделяют некоторые историки. В частности, И. Е. Зеленин считает, что голод 1932–1933 гг. коснулся лишь четверти всего сельского населения СССР, сосредоточенного в основных зерновых районах и поэтому не мог иметь столь серьезных последствий. Кроме того, в 1933–1935 гг. сталинское руководство пошло на компромисс с колхозниками и единоличниками, разрешив им развивать личное подсобное хозяйство. Поэтому, по его мнению, «конец крестьянства» так и не наступил в России, и задача его «возрождения» оставалась актуальной в последующие годы, в том числе в период хрущевских реформ¹²².

На региональном уровне, как видно из опубликованных работ по проблеме коллективизации и голода 1932–1933 гг., воспроизводятся выводы ведущих московских историков. Однако их ценность состоит в конкретизации известных положений на материалах провинциальных архивов. В то же время необходимо констатировать, что региональная историография бедна обобщающими работами на тему коллективизации и голода, содержащими глубокий и всесторонний анализ¹²³.

Еще одним выводом, на наш взгляд, принципиального значения является вывод о совпадении оценок основных событий 1932–1933 гг. в советской деревне, содержащихся в работах российских и зарубежных исследователей, основанных на солидной источниковой базе. Этот факт свидетельствует о плодотворности и целесообразности научного сотрудничества ученых разных стран в области изучения истории России, в том числе голода 1932–1933 гг. как на общероссийском, так и региональном уровне.

В то же время, на наш взгляд, абсолютно неприемлемо истолкование всенародной трагедии 1932–1933 гг. в рамках теорий «геноцида» и «голодомора», а также абсолютизации национального фактора в сталинской аграрной политике. В основе трагедии лежали политические и социально-экономические причины, связанные с осуществлением сталинского варианта индустриальной модернизации СССР. Об этом свидетельствуют многочисленные публикации отечественных и зарубежных исследователей, а также конкретно-исторический материал данной книги.

§ 2. Источники и методология исследования

В данной монографии использованы документы четырех центральных и двенадцати местных архивов. Среди них: документы Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ), а также региональных архивов Оренбургской, Пензенской, Саратовской, Самарской, Волгоградской областей.

В монографии использованы документы серийных изданий международных проектов по аграрной истории России первой половины XX в., осуществленных под руководством В. П. Данилова: «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939» и «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939».

Особыми источниками стали документы архивов ЗАГС. В работе использованы документы 65 архивов ЗАГС: фонды 5 архивов районных администраций Пензенской области, 8 – Самарской, 8 – Оренбургской, 15 – Волгоградской, 25 – Саратовской областей. Наряду с ними использованы архивы ЗАГС областных администраций Пензенской, Волгоградской, Самарской и Саратовской областей¹²⁴. Они позволили охарактеризовать динамику смертности и рождаемости в период с 1927 по 1940 гг. в 62 сельских районах Пензенской, Самарской, Оренбургской, Саратовской и Волгоградской областей, входивших в начале 1930-х гг. в состав Нижне-Волжского и Средне-Волжского краев. Данный источник фиксирует демографическую ситуацию в сельской местности, составляющей примерно половину всей бывшей территории Нижне-Волжского и Средне-Волжского краев, пораженной в 1932–1933 гг. голодом. С его помощью удалось определить примерное число жертв голода в деревнях Нижней и Средней Волги, а также части Южного Урала.

Материалы местных архивов ЗАГС представляют собой источник, которому недостаточно внимания уделяют специалисты, занимающиеся аграрной историей, в том числе голодом 1932–1933 гг.¹²⁵ В советский период это объяснялось тем, что сюжеты из истории деревни, которые данный источник мог бы осветить, в силу существовавших идеологических ограничений не могли быть востребованы для изучения. Речь шла о так называемых белых пятнах советской истории, к числу которых относилась и рассма-

триваемая тема. Однако если в СССР по объективным причинам данный источник выпал из поля зрения историков, то за рубежом он был замечен. В частности, Конквест, обращаясь к трагедии 1932–1933 гг., сослался на документы ЗАГС, содержащие сведения о зарегистрированных фактах голодной смертности крестьян на Украине в указанные годы¹²⁶.

В России интерес к этому источнику возник у исследователей в конце 1980-х гг., с началом перестройки в стране. Как показал анализ опубликованной литературы, первые шаги в данном направлении были сделаны местными историками и краеведами. Например, пензенский краевед М. С. Полубояров, используя документы архивов ЗАГС Пензенской области, рассчитал убыль населения Верхнего Посурья и Примокшанья в 1932–1933 гг.¹²⁷ Появились и другие публикации, в том числе автора настоящей книги¹²⁸. Использование документов ЗАГС, как правило, носило фрагментарный и иллюстративный характер. Они использовались прежде всего для подтверждения факта голода в том или ином районе страны или населенном пункте. Учитывая, что в нашем исследовании этот источник привлекается для анализа многих аспектов проблемы, представляется целесообразным остановиться на основных его параметрах.

В настоящее время в каждом регионе России действуют органы учета естественного движения населения — отделы ЗАГС районных и областных администраций, в которых имеются соответствующие архивы. В них хранятся документы о естественном движении населения на территории, обслуживаемой данными ЗАГС. Сведения о фактах естественного движения содержатся в специальных книгах ЗАГС. В них собраны акты о смерти, рождении, браках, разводах и другие по конкретным населенным пунктам, как правило, за последние 100 лет. Они содержат сведения о возрасте человека, его социальном положении, месте проживания, времени регистрации акта, учреждении, зарегистрировавшем данный акт и другие. Если речь идет о смерти человека, то указывается ее причина. Акты гражданского состояния выписывались работниками ЗАГС в двух экземплярах. Первый из них оставался в архиве местного ЗАГС, второй отправлялся в вышестоящие областные или краевые органы.

Состояние документальных фондов ЗАГС, как показал анализ изученных архивов, различается по годам и районам. В удовлетворительном состоянии находятся актовые книги за период с 1935 по 1990 г. Как правило, все они в наличии и содержат более полные по

сравнению с другими годами сведения о естественном движении населения в конкретных населенных пунктах. Большинство из них составлено в соответствии с принятыми правилами археографической обработки документов.

Иная картина характерна для документов, относящихся к периоду 1920–1935 гг. Их сохранность и содержательная сторона неравноценны по годам. Например, в архивах слабо отражены 1921–1922 голодные годы. Актовых книг за этот период сохранилось мало. За вторую половину 1920-х годов актовые книги сохранились в достаточном количестве и находятся в удовлетворительном состоянии. Так же как и актовые книги за 1935–1990 гг., они сохранились в архивах большинства существующих ныне населенных пунктов. Однако их археографическая обработка заметно уступает по качеству актовым книгам за 1935–1990 гг. Например, актовые записи в них не всегда расположены по номерам и относящимся к ним населенным пунктам.

Особое место среди документов ЗАГС занимают актовые книги первой половины 1930-х гг. и в первую очередь 1933 г. Поскольку именно они интересуют нас, думается, целесообразно подробнее остановиться на их характеристике. В общей массе документов, хранящихся в исследованных архивах ЗАГС, эти документы в количественном отношении сохранились в меньшей степени по сравнению с другими годами. Для данной группы документов характерна ситуация, когда в архивах за 1933 г. книги записей актов гражданского состояния о рождении, браке и другим актам по конкретным населенным пунктам в наличии, а книг о смерти за этот год нет или они содержат отрывочную информацию. Например, это характерно для архива ЗАГС Новоорского района Оренбургской области, в котором не сохранилось актовых книг о смерти за 1933 г.¹²⁹ Также в значительной массе книг о смерти за 1933 г., выявленных в архивах, акты о смерти по многим населенным пунктам сохранились частично. Нередко они имеются в наличии лишь за несколько месяцев 1933 г. или за полгода. В этом смысле характерен пример села Дитель Франкского кантона Республики немцев Поволжья. За 1933 г. актовые записи о смерти по этому селу сохранились только до 21 июля¹³⁰. За остальные месяцы 1933 г. их не имеется.

Еще одной отличительной чертой книг записей актов гражданского состояния за 1930–1934 гг. является то, что в этот период намного хуже, чем в другие годы, проведена их археографическая обработка. Особенно это относится к актовым книгам о смерти.

Например, во многих книгах за 1933 г. не пронумерованы страницы, а акты о смерти сгруппированы не по принадлежности к конкретному населенному пункту или сельсовету, а хаотично. Если в предыдущие и последующие годы в актах о смерти указывалась причина смерти и заполнялись все графы, то в 1933 г. распространенным явлением стало отсутствие в них подобных записей. Например, типичными в этом отношении были случаи, когда в актах о смерти за 1933 г. указывались лишь личность умершего и его пол, а другие необходимые сведения (время и причина смерти, врачебное заключение о смерти, социальное положение умершего) не регистрировались. В отличие от последующих лет, в 1933 г. работники местных ЗАГС, видимо, недобросовестно выписывали наряду с первыми вторые экземпляры актов для их направления в вышестоящие органы учета. Об этом свидетельствуют книги записей актов гражданского состояния, хранящиеся в архивах областных отделов ЗАГС. По сравнению с актовыми записями второй половины 1930-х гг. и первыми экземплярами актовых записей, находящихся в районных архивах, вторые экземпляры этих записей в актовых книгах областных архивов ЗАГС за 1930–1934 гг., в особенности за 1933 г., сохранились в меньшем количестве. Подобная ситуация с документами за 1930–1934 гг. характерна для подавляющего большинства исследованных архивов ЗАГС. Необходимо отметить, что документы архивов ЗАГС за 1930–1934 гг., а также и вторую половину тридцатых годов в ряде районов Поволжья вообще не сохранились. Речь идет о части районов Волгоградской области, которые в годы Великой Отечественной войны подверглись оккупации. Документы погибли там при отступлении Красной Армии или во время эвакуации архивов в восточные районы страны. Возможно, были и другие причины.

Таким образом, документы архивов ЗАГС представляют собой массив источников, содержащих ценную информацию о естественном движении сельского населения в рассматриваемый период. Чтобы получить ее, была использована следующая методика.

Территориально архивы ЗАГС выбирались с расчетом, чтобы охватить всю территорию региона в 1932–1933 гг., пораженную голодом. Для восстановления общей картины демографической ситуации в голодающей деревне были исследованы архивы ЗАГС, расположенные в разных географических точках. Границы, в которых осуществлялось выборочное изучение архивов ЗАГС, проходили по бывшим пограничным районам Нижне-Волжского и Средне-Волжского краев, граничащих ныне с территорией Ка-

захстана, а также районами, не охваченными массовым голодом в 1932–1933 гг. Крайними точками на Севере региона стали Никольский район Пензенской области, Челно-Вершинский район Самарской области, Шарлынский район Оренбургской области, на Юге — Иловлинский район Волгоградской области, на Западе — Тамалинский район Пензенской области, Турковский и Романовский районы Саратовской области, Ново-Аннинский и Суровикинский районы Волгоградской области, на Востоке — Новоорский и Домбаровский районы Оренбургской области. В пределах обозначенных границ выбор районов для изучения архивов ЗАГС осуществлялся по принципу равномерного охвата всей территории исследуемой области. В связи с этим следует пояснить причины разного количества районов областей, в которых было проведено исследование архивов ЗАГС.

Как уже отмечалось, были изучены документы 5 архивов ЗАГС районных администраций Пензенской области, 8 — Самарской, 15 — Волгоградской, 8 — Оренбургской, 25 — Саратовской. Такая ситуация с разным числом исследованных ЗАГС объясняется тем, что в начале поисковой работы было трудно выбрать оптимальное число архивов для получения наиболее полной картины демографической ситуации в деревне в 1932–1933 гг. Теоретически идеальным было бы полное исследование всех архивов ЗАГС, расположенных в сельских районах Нижней и Средней Волги. Однако такой возможностью мы не располагали. Кроме того, в этом не было необходимости с научной точки зрения. В исторической науке уже был апробирован выборочный метод исследования архивных материалов, который позволяет достаточно глубоко изучить ту или иную научную проблему. Поэтому в нашем случае необходимо было прежде всего определить репрезентативность архивных фондов ЗАГС для исследования, то есть выбрать их оптимальное число. Для этого было решено на примере одной из областей Поволжья, пережившей в 1932–1933 гг. голод, выяснить, в какой степени во время голода демографическая ситуация различалась в отдельных сельских районах этой области. Это давало возможность определить примерное число районов области, исследование которых будет достаточным для получения общей картины характера изменений демографической ситуации во время голода на ее территории.

Такой эксперимент был проведен в Саратовской области, где в 25 районах из 38 существующих были изучены районные отделы архивов ЗАГС. Эксперимент показал, что уровень смертности и

рождаемости в сельских районах, входивших в начале 1930-х гг. в состав Нижне-Волжского края и Республики немцев Поволжья, существенно различался не в единичных районах области, а в отдельных ее частях. И мера этих различий могла быть установлена не анализом всей группы районов, составлявших эти части, а анализом нескольких районов или даже одного. То есть выборка могла производиться не по принципу сплошного, а равномерного охвата всей территории исследуемой области. И результаты ненамного бы разошлись с результатами сплошного обследования всех районов. Поэтому в других областях региона пришлось исходить из этого вывода, полученного на материалах Саратовской области. Кроме того, выбор района для изучения документов архива ЗАГС определялся и полученной информацией о положении в нем в 1932–1933 гг. из других источников. Например, если становилось известно из архивных материалов, что какой-то конкретный район особенно пострадал от хлебозаготовок и коллективизации, там в первую очередь исследовался местный архив ЗАГС.

Основываясь на опыте работы в архивах ЗАГС Саратовской области в других областях (Волгоградской, Самарской и Оренбургской), было выбрано вполне репрезентативное количество районов для изучения указанных архивов. Это позволило восстановить наиболее вероятную динамику смертности и рождаемости в сельской местности во время голода. Избранные районы были распределены равномерно по всем географическим и экономическим частям региона. То есть исследованием оказались охвачены основные части Нижней и Средней Волги (Правобережье, Левобережье, лесная, лесостепная, степная зоны).

Основной акцент в ходе работы с документами ЗАГС был сделан на районные архивы, а не на областные потому, что в областных архивах, как уже отмечалось, вторые экземпляры актовых записей в количественном отношении сильно уступали первым, хранящимся в районных архивах ЗАГС. Кроме того, они содержали отрывочные сведения о состоянии смертности и рождаемости в рассматриваемый период. Если бы пришлось ограничиться только их анализом, то тогда бы не удалось получить объективной картины демографической ситуации в поволжской деревне в 1932–1933 гг. В то же время документы областных архивов ЗАГС также использовались при изучении демографической ситуации. Они использовались прежде всего для сопоставления и уточнения полученных в районных архивах сведений о масштабах смертности и рождаемости в голодающих районах, интенсивности голода и гра-

ницах его распространения. В частности, на основе анализа отрывочных сведений, содержащихся во вторых экземплярах актовых записей, стало возможным уточнить районы Нижней и Средней Волги, где в 1932–1933 гг. наблюдалась смертность крестьян от голода и связанных с ним причин. Но, как уже говорилось, основу для определения размеров демографического потрясения поволжской деревни в 1932–1933 гг. составили первые экземпляры актовых записей районных отделов ЗАГС. В настоящей книге на примере Поволжья с помощью документов архивов ЗАГС показана география голода 1932–1933 гг., его интенсивность, определены примерные людские потери.

Важным источником настоящего исследования стали свидетельства очевидцев. На рубеже 1980–1990-х гг. в России стало набирать силу новое направление в исторической науке — устная история («*Oral History*»). Самыми активными его проводниками стали молодые исследователи. Так, например, на Первой Всесоюзной конференции молодых историков, посвященной проблеме устной истории в СССР, состоявшейся в Кирове 28–29 ноября 1989 г., было заявлено, что «целостная, достоверная история прошлого невозможна без многих устных рассказов — воспоминаний наших соотечественников. Живая коллективная память народа — это национальное богатство, величайшая культурная ценность общества»¹³¹.

В 1990-е гг. появилось немало публикаций, посвященных аграрной проблематике, источниковую базу которых частично или полностью составляли материалы устных опросов и социологических обследований. Наиболее ценными из них, на наш взгляд, стали публикации результатов социологического обследования российских деревень, проведенного в рамках российско-британского научного проекта Московской высшей школы социально-экономических наук¹³².

Не смогли обойти исследователи и одну из ключевых тем аграрной истории России XX в. — коллективизацию и неразрывно связанный с ней голод 1932–1933 гг. На эту тему появилось немало интересных публикаций¹³³. Учитывая данное обстоятельство, а также будучи активными приверженцами «устной истории» в своей исследовательской работе, автор данной книги расширил ее источниковую базу за счет привлечения свидетельств очевидцев. На ее страницах предоставлено слово не только архивным документам, но и живым свидетелям эпохи, крестьянам, непосредственно пережившим голод.

В частности, важным источником исследования стали материалы проведенного автором в сельских районах Поволжья и Южного Урала анкетирования и опроса свидетелей голода 1932–1933 гг. В 80 деревнях и 22 сельских районных центрах Пензенской, Самарской, Оренбургской, Саратовской и Волгоградской областей с помощью специально составленной анкеты и магнитофонной записи были проинтервьюированы 617 очевидцев, переживших в Поволжье голод 1932–1933 гг., записаны их воспоминания¹³⁴. Запись воспоминаний очевидцев событий 1932–1933 гг. в деревнях Нижней, Средней Волги и Южного Урала была осуществлена в 1987–1990 гг. (см. приложение). Тогда ставилась задача провести социологический опрос населения на всей территории Поволжья, оказавшейся в 1932–1933 гг. пораженной голодом. Однако в полной мере осуществить ее не удалось вследствие огромной территории региона. Тем не менее, несмотря на это обстоятельство, была проведена определенная работа в данном направлении. Удалось охватить обследованием значительное число селений и опросить проживавших там свидетелей голода 1932–1933 гг.

Принципы выбора конкретных районов и населенных пунктов Поволжья для сбора воспоминаний были теми же, что и при выборе районов региона для исследования местных архивов ЗАГС. Основным средством извлечения информации из памяти сотен старожилов поволжских и южноуральских деревень стало анкетирование. Вопросы анкеты, с помощью которых оно проводилось, были составлены на основе изучения проблемы голода в отечественной историографии. Это позволило сформировать в общих чертах представление о том, что такое голод и какие основные параметры его характеризуют. Основываясь на полученных знаниях, в целях создания как можно более полной картины событий 1932–1933 гг. в поволжской деревне вопросы анкеты были составлены таким образом, чтобы выяснить те параметры, которые были характерны для голода в Поволжье в предшествующий период. Это давало возможность установить их наличие или отсутствие в регионе в 1932–1933 гг. и определить, с одной стороны, общие черты голода 1932–1933 гг. с другими голодными годами в истории Поволжья, а с другой — его характерные особенности. При составлении вопросов анкеты было уделено внимание такому аспекту проблемы, как отражение голода 1932–1933 гг. в Поволжье в народном фольклоре (поговорках, пословицах и т. д.), поскольку он является важнейшим источником истории поволжской деревни рассматриваемого периода, «зеркалом» крестьянского менталитета.

Анкета «Свидетеля голода 1932–1933 годов в деревне Поволжья» включала в себя три группы вопросов: причины голода, положение голодающего населения, последствия голода. Их содержание было следующим:

- Фамилия, имя, отчество.
- Год рождения.
- Национальность.
- Партийность.
- Назовите населенный пункт, где вы проживали в 1932–1933 гг. (деревня, район, область, край).
- Каково было ваше семейное положение в 1932–1933 гг. (назвать членов семьи, с которыми проживали в указанное время)?
- Каково было ваше и членов вашей семьи социальное положение в 1932–1933 гг. (состояли в колхозе, были единоличниками, работали в совхозе, МТС, сельском Совете, в партийных органах и т. д.)?
- Каковы были погодные условия летом и осенью 1932 г. накануне голода?
- Повторились ли на вашей памяти подобные погодные условия позднее? Если да, то примерно в какие годы?
- Принимались ли какие-либо меры руководством колхоза, сельсоветом, МТС и т. д. по борьбе с засухой в вашей деревне накануне голода? Да или нет? Если да, то какие? Если нет, то почему?
- Достаточным ли был урожай зерновых, собранный крестьянами вашего села накануне голода, чтобы обеспечить их семьи хлебом до следующего урожая и не голодать, или этот урожай полностью или частично погиб вследствие засухи и других причин?
- Весь ли урожай зерновых, выращенный крестьянами вашего села накануне голода, был убран с полей или его убрали не весь по каким-то причинам?
- Каким образом руководство колхоза, совхоза, МТС оплатило вам, членам вашей семьи ваш труд в 1932 г. накануне голода (сколько примерно на человека, или на всю семью, получили зерна и т. д.)?
- Повлияли ли хлебозаготовки или другие государственные поставки сельскохозяйственной продукции 1932 г. на продовольственное положение вашей семьи? Да или нет? Если да, то каким образом? Если нет, то почему?
- Кого вы можете вспомнить из тех, кто руководил хлебозаготовками в вашей деревне в 1932 г., накануне голода (назвать Ф.И.О., должность)?

- Какие методы использовали организаторы хлебозаготовок в вашей деревне для изъятия у крестьян хлеба и других сельскохозяйственных продуктов в счет госпоставок?
- Как организаторы хлебозаготовок (руководство колхоза, работники сельсовета, различные уполномоченные) объясняли крестьянам вашей деревни необходимость изъятия у них хлеба?
- Были ли в вашей деревне факты недовольства хлебозаготовками? Да или нет? Если да, то какие? Если нет, то почему?
- Высказывали ли вы, члены вашей семьи, жители вашей деревни недовольство руководству колхоза, работникам сельсовета, различным уполномоченным наступившим в деревне голодом? Да или нет? Если да, то кому конкретно и как они реагировали на это? Если нет, то почему?
- Была ли оказана какая-либо помощь вам, членам вашей семьи во время голода руководством колхоза, сельским Советом, МТС и т. д.? Да или нет? Если да, то какая? Если нет, то почему?
- Болели ли вы, члены вашей семьи во время голода? Да или нет? Если да, то кто именно и чем?
- Была ли в вашей деревне больница в 1932–1933 гг.? Работала ли она во время голода?
- Была ли оказана вам или членам вашей семьи какая-либо помощь во время голода медицинскими работниками (сельскими или районными врачами)? Да или нет? Если да, то какая? Если нет, то почему?
- Делали ли вам, членам вашей семьи прививки от оспы, холеры, тифа, малярии и других болезней накануне и во время голода? Да или нет? Если да, то кому конкретно и от чего? Если нет, то почему?
- Помогало ли руководство колхоза, совхоза и т. д. голодающим детям в вашей деревне, в вашей семье? Да или нет? Если да, то каким образом? Если нет, то почему?
- Чем питались вы и члены вашей семьи во время голода? Из чего и как готовилась пища?
- Была ли у вашей семьи корова, другая живность накануне и во время голода? Да или нет? Если да, то какая? Если нет, то почему?
- Были ли вы, члены вашей семьи на заработках в районе, городе во время голода? Да или нет? Если да, то на каких и помогли ли они вам и вашей семье во время голода? Если нет, то почему?
- Каковы были условия работы в колхозе, совхозе и т. д. во время голода?

— Бежали ли вы, члены вашей семьи, соседи из деревни в город, другие районы страны от голода? Да или нет? Если да, то кто именно и куда? Если нет, то почему?

— Ходили ли вы, члены вашей семьи, соседи собирать милостыню во время голода? Да или нет?

— Сколько в вашей семье было человек в 1932–1933 гг.? Все ли пережили голод? Если не все, то кто умер и почему?

— Сколько примерно крестьян проживало в вашей деревне накануне голода?

— Сколько примерно умерло от голода?

— Где и как в вашей деревне хоронили умерших от голода?

— Выписывались ли в сельском Совете справки на умерших от голода?

— Известны ли вам факты людоедства или поедания трупов во время голода в вашей или соседних деревнях? Да или нет?

— Отпевали ли умерших от голода жителей вашей деревни? Да или нет?

— Были ли в вашей деревне случаи воровства продуктов у соседей, из колхозных амбаров и т. п.? Да или нет?

— Был ли голод в 1932–1933 гг. в соседних деревнях? Да или нет? Если да, то в каких конкретно? Если нет, то почему?

— Помните ли вы частушки, пословицы, поговорки, анекдоты о коллективизации и голоде 1932–1933 гг.? Да или нет? Если да, то какие? Если нет, то сочинял ли их народ тогда и знали ли их в вашей деревне?

— Каковы были причины голода 1932–1933 гг. в вашей деревне?

— Нужно ли знать полную правду о голоде 1932–1933 гг. современникам? Да или нет? Если да, то почему? Если нет, то почему?

Дата заполнения анкеты;

Подпись

Печать сельского Совета¹³⁵.

Выбор свидетелей голода осуществляется с таким расчетом, чтобы получить оценку событий 1932–1933 гг. в голодающих деревнях Нижней и Средней Волги от представителей различных социальных групп сельского населения: простых колхозников, руководства колхозов, сельсоветов, единоличников, членов КПСС, занимавших данное социальное положение в 1932–1933 гг.

Результаты проведенного опроса старожилов поволжских и южноуральских деревень позволили уточнить и конкретизировать различные факты из истории событий 1932–1933 гг., выявленные в документах центральных и местных архивов страны.

С их помощью появилась возможность в мельчайших деталях и подробностях увидеть реальную картину трагедии 1932–1933 гг. в российской деревне.

В качестве источниковой базы монографии были использованы опубликованные в конце 1920-х — 1930-е гг. ЦСУ СССР, Госпланом СССР и РСФСР статистические сборники, в которых нашли отражение показатели развития основных отраслей сельского хозяйства регионов в рассматриваемый период. К группе архивных материалов примыкают издания центральной и местной периодической печати.

В работе использованы свидетельства западных журналистов, специалистов-аграрников, представителей левого движения, работавших в СССР в 1930-е гг. или посещавших страну с краткими визитами¹³⁶.

Важным источником, характеризующим позицию сталинского руководства в начале 1930-х гг., были опубликованные в последние годы сборники документов, содержащие официальные документы и переписку личного характера его главных представителей (И. В. Сталина, В. М. Молотова, Л. М. Кагановича). Большой интерес для понимания мотивов политических решений сталинского руководства в 1932–1933 гг. представляют интервью Молотова и Кагановича, данные ими уже в последующие годы писателю Феликсу Чуеву¹³⁷. Именно они ближе всего стояли к Сталину и принимали самое непосредственное участие в выработке его политического курса, поэтому их мнение позволяет лучше понять истинные мотивы сталинских действий в 1932–1933 гг.

В монографии также используются воспоминания очевидцев голода из числа советских эмигрантов, оказавшихся в Канаде и США после окончания Второй мировой войны¹³⁸.

Практически ни один сюжет в изучении голода не бесспорен и не политизирован, в том числе само понятие «голод». В российской историографии данный феномен, на наш взгляд, получил наиболее точное осмысление в работах П. А. Сорокина, который выявил формы голода и рассмотрел его влияние на поведение людей и социальную организацию¹³⁹. П. А. Сорокин дал собственную типологию голода, определив его качественную и количественную стороны. Так, он считает, что нехватка в пище необходимых для жизнедеятельности человека веществ вызывает качественное голодание, а недостаточное поступление пищи в организм — количественное голодание. Количественная сторона пищи, по мнению ученого, измеряется ее калорийностью, а качественная — наличи-

ем в ней белков, жиров, углеводов, витаминов. П. А. Сорокин качественно-количественное голодание определяет как состояние хронического недоедания, белкового и витаминного голодания. Основываясь на данной типологии голода, российские ученые ввели в научный оборот такие понятия, как «голодовка» и «латентный голод». «Голодовка» трактуется как «локальное проявление абсолютного голода или относительного количественного голодания». Под «латентным голодом» подразумевается хроническое недоедание¹⁴⁰.

Важное значение для исследователей голода, в том числе 1932–1933 гг. в советской деревне, имеют идеи видного российского историка В. Т. Пашуто, высказанные им в докладе на Пятом межреспубликанском симпозиуме по аграрной истории¹⁴¹. Пашуто отметил, что проблема голода лежит в сфере контактов естественных и общественных наук. Это положение и другая его идея — о необходимости выяснения степени влияния естественно-географических условий на сельское хозяйство накануне и в период голодных лет — нацеливают исследователей на всесторонний анализ погодных условий, географической среды и производительных сил деревни.

В западной литературе наиболее часто цитируемое определение голода принадлежит Амартья Сену. Он проводит резкое разграничение между постоянным голоданием и «сильными вспышками голода». В последнем случае он определяет голод следующим образом: «Чрезвычайная и длительная нехватка продуктов, приводящая к повсеместному и постоянному голоду, сопровождающемуся потерей веса тела и истощением и увеличением уровня смертности от голодания или болезней, возникших в результате ослабленного состояния населения»¹⁴². Выделение Амартья Сеном в качестве главной характеристики голода смертности населения оспаривается рядом ученых, разделяющих разные политические взгляды¹⁴³.

Так, например, Александр де Вааль выступает против того, чтобы связывать голод только с резко увеличивающимся уровнем смертности. Он считает, что это слишком «прямолинейная позиция», обусловленная «западным» видением проблемы в «позитивистском» ракурсе. По его мнению, голод — более сложное понятие, определяемое конкретно-исторической ситуацией, и должно включать в себя такие явления, как нищета, социальный упадок, а не только голодную смертность как главный критерий голода¹⁴⁴.

Такая позиция также оказалась недостаточно убедительной, по мнению некоторых исследователей. В частности, Эндрю Нэтсиос

обвинил Александра де Вааля в слишком «упрошенном», на его взгляд, подходе к данному вопросу. Он подверг критике стремление де Вааля стереть различие между настоящим голодом и «обычным недоеданием»¹⁴⁵. Причем подобная позиция основывалась на личном опыте Эндрю Нэтсиоса в период его работы на посту вице-президента «World Vision». Находясь на этом посту, он занимался ситуацией в Северной Корее, где факт голода в конце XX в. требовалось доказать международным благотворительным организациям. Он считал, что средства этих организаций следует направлять на поддержку стран, действительно оказавшихся в катастрофическом положении, а не тратить их на «бедняков, которые всегда с нами»¹⁴⁶.

Еще одним критиком определения Амартья Сена является Амрита Рангасами. В ее собственном определении голод — это «процесс, во время которого давление или сила (экономическая, военная, политическая, социальная, психологическая) влияет на общество-жертву, постепенно усиливаясь до тех пор, пока пораженные им не лишаются всего, что имеют, включая способность работать». Амрита Рангасами выделяет три основных периода протекания голода в нарастающей прогрессии: нехватка продуктов, когда у людей еще теплится надежда «вернуться к своей привычной бедности»; голодание, когда угроза смерти возникает реально и предпринимаются различные уловки, чтобы избежать ее; стадия заболевания, характеризующаяся «потерей всего, что есть у жертвы, включая способность работать»¹⁴⁷. Данный подход Рангасами к понятию «голод» получил поддержку в научной литературе, в том числе среди наиболее авторитетных в этой области ученых¹⁴⁸, а также автора данной монографии.

События 1932–1933 гг. в советской деревне соответствуют всем критериям понятия «голод», существующим в науке, включая перечисленные выше примеры¹⁴⁹. Поэтому данная тема и оказалась в центре внимания настоящего исследования.

В чем особенность авторского подхода к заявленной проблеме? Прежде всего она состоит в попытке рассмотреть ее не только в узких рамках событий 1932–1933 гг. в зерновых районах СССР, но и в контексте всемирной истории голодных бедствий. Предпринята попытка проанализировать влияние геополитических интересов на выбор сталинским руководством модели политического поведения в условиях кризиса начала 1930-х гг., сравнить его с политикой доимпериалистических, империалистических и постсоциалистических режимов в период голода на подвластных им территориях. Кроме того, в монографии поднимается вопрос

об альтернативах сталинскому решению проблемы голода 1932–1933 гг. в СССР. Причем задача состояла не в том, чтобы оправдать или обвинить сталинский режим, а в том, чтобы разобраться, насколько адекватно ситуации действовал он.

В монографии осуществлена попытка сравнительного анализа советского голода 1932–1933 гг. с голодными бедствиями в других странах. Она правомерна, поскольку «стереотип российской исключительности» (так же, как и немецкой, африканской и т. д.) довлеет над российскими исследователями и не дает им выйти за его рамки, что не всегда способствует объективному осмыслению исследуемых проблем.

Предлагаемый в монографии сравнительный анализ допустим, поскольку он дает возможность поставить вопрос об альтернативах сталинской политики в период голодного кризиса. В этой связи утверждение Марка Таугера о том, что Советское правительство сделало все возможное, чтобы облегчить голод, возникший вследствие низкого урожая 1932 г., может быть проанализировано в более широком контексте¹⁵⁰.

Еще одна особенность предложенного подхода к проблеме состоит в том, что она рассматривается в рамках социальной истории, где центральной фигурой является человек. В настоящей книге — это крестьянин и казак Поволжья, Дона и Кубани. Как они воспринимали события? Что двигало ими, когда они шли на «игру в итальянку» с Советским правительством? Что думали они о своей судьбе и власти, зажатые в тисках голода, запертые в своих деревнях сталинским режимом в 1933 г.? Эти и другие вопросы нуждаются в ответах. Поэтому в монографии представлена крестьянская точка зрения, которая не всегда совпадает с оценками ученых, но которая, по нашему глубокому убеждению, имеет право на существование и не может не учитываться.

Предлагаемое издание основано не только на архивных источниках, но и, как уже отмечалось, на материалах «устной истории». В этой связи хотелось бы заострить внимание на одном важном аспекте. Ряд западных историков (например, Р. Конквест) справедливо критикуют коллеги за их чрезмерную увлеченность данным видом источников. И следует напомнить об излишней эмоциональности свидетельств очевидцев, особенно в вопросе об ответственности власти за наступление голода. Но переживших трагедию людей можно понять. Можно понять и политиков, использующих историю ради своих конъюнктурных интересов, в том числе голод (ирландский, советский и т. д.). Однако для спе-

циалистов, поставивших перед собой задачу добиться истины, такая позиция неприемлема. Они должны критически воспринимать содержащуюся в воспоминаниях очевидцев информацию, проверять ее по другим источникам¹⁵¹. Нами не отрицается ценность свидетельств очевидцев, особенно в нравственном отношении. Следует с огромным уважением относиться к людям, пережившим ужас 1932–1933 гг.. Но с научной точки зрения возможности данного источника в плане получения взвешенной и объективной оценки основных событий 1932–1933 гг. в советской деревне все же ограничены. Поэтому в данной книге свидетельства очевидцев являются важным источником, но не единственным в своем роде. Они использованы в комплексе с другими, не менее значимыми. В то же время главное его предназначение — высветить крестьянскую позицию, в дополнение с архивными материалами сделать ее более достоверной. Благодаря ему можно лучше услышать и понять голос крестьян из далекого 1933 г.

В данной монографии проблема голода 1932–1933 гг. рассматривается в региональном разрезе, прежде всего на материалах Поволжья, Дона и Кубани — крупнейших аграрных районов России. В центре внимания оказались огромные многонациональные регионы, в начале 1930-х гг. территориально объединенные границами Северо-Кавказского, Нижне-Волжского и Средне-Волжского краев. В настоящее время бывшие районы Северо-Кавказского края входят в состав Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев, республик Дагестан, Адыгея, Чечня, Ингушетия, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия, Кабардино-Балкария. В Поволжье территория бывших Нижне-Волжского и Средне-Волжского краев разделена между Пензенской, Самарской, Саратовской, Ульяновской, Волгоградской, Оренбургской, Астраханской областями, республиками Мордовия и Калмыкия¹⁵². Это огромная территория, превосходящая по площади территории крупнейших европейских государств. Данный район многонационален. Русские, мордва, татары, ингуши и другие народы проживали тогда и проживают в настоящее время в указанных регионах России. В то же время в настоящей работе делается акцент на русское население Поволжья, Дона и Кубани, поскольку именно оно исторически оказалось связано с зерновым хозяйством и стало поэтому первоочередным объектом сталинской насильственной коллективизации. В отдельных случаях в монографии приводится материал и по другим регионам России, а также и по Украине в рамках сравнительно-исторического анализа.

Глава 2

1930–1931 годы:

ПРЕДПОСЫЛКИ ОБЩЕКРЕСТЬЯНСКОЙ ТРАГЕДИИ

§ 1. Голод в истории дореволюционной России и менталитете российского крестьянства

Голод — социальное бедствие, сопутствующее человечеству на протяжении всей его истории. Он проявляется в двух формах: явной (абсолютный голод) и скрытой (относительный голод: недоедание, отсутствие жизненно важных компонентов в рационе питания). Подлинной трагедией для государств, в том числе России, всегда был явный, абсолютный голод. Он поражал как отдельные местности, так и обширные районы страны, сопровождался массовой смертностью населения на почве голода, всеми присущими ему ужасами (людоедством и т. п.). Именно в этом смысле, как социальное бедствие, и следует понимать голод в истории дореволюционной России.

Всего за период XI–XX вв. на Европейской части России зафиксировано свыше 350 голодных лет, наиболее сильные голодовки отмечены в 1024, 1070, 1126–1128, 1214–1215, 1230–1231, 1279, 1420–1422, 1601–1603, 1732–1734, 1785–1789, 1833–1834, 1873–1874, 1891–1892, 1896–1898, 1901–1902, 1906–1907, 1911–1912, 1921–1922, 1924–1925, 1932–1933, 1946–1947 гг.¹

Голод в России как социальное бедствие возникал в результате действия комплекса причин. Первую их группу составляли причины естественно-географического характера, связанные с воздействием непреодолимых сил природы (засуха, наводнение и т. п.), влекущие за собой невозможность сельскохозяйственного производства продуктов питания. К этой же группе причин относились военные нашествия внешних врагов, лишавшие население запасов продовольствия и возможностей его производства. Дру-

гую группу причин определяли явления общественно-экономического и политического порядка (социальное устройство общества, формы личной или общественной зависимости, политика государственной власти и т. п.). Соотношение причин естественно-географического и общественно-политического характера не было равнозначным в различные исторические эпохи; существовали принципиальные различия в причинах и масштабах голода до и после начала в России индустриальной модернизации, до второй половины XIX в. Голодовки периода раннего и позднего Средневековья всегда были результатом природных катаклизмов (засух, града, нашествия саранчи и пр.) и войн и лишь в незначительной мере определялись политикой власти, как правило, действовавшей недостаточно эффективно в момент ликвидации их последствий.

Первое летописное известие о голоде, в Суздальской земле, относится к 1024 г. «Повесть временных лет» сообщает, что народ умирал и волновался, возбуждаемый волхвами и кудесниками, которые утверждали, что в голоде повинны старухи и чадь, сделавшиеся поэтому жертвами суеверия; реальной причиной голода был неурожай вследствие засухи: голод не закончился, пока из Булгарии не привезли хлеб. Другой случай голода относится к 1070 г. — в Ростовской земле. Здесь также его виновниками были объявлены волхвы. До начала XVII столетия на каждый век приходилось по 8 неурожаяев, которые повторялись примерно через 13 лет; жестоких же голодов, характеризовавшихся массовой смертностью, по данным А. В. Романовича-Славатинского, за это время было 15. Особенно выделялись: новгородский голод 1214–1215 гг., о котором летописец сказал, что «такого голода никогда не бывало», 1230–1231, 1279 и 1570 г., когда «бысть глад во всю русскую землю, и много людей помроша». Наиболее трагичным по своим масштабам и последствиям был голод 1601–1603 гг. при Борисе Годунове. По свидетельствам современников, такого голода не помнили ни деда, ни прадеда. Люди уподоблялись голодным зверям и пожирали друг друга. По всей России от голода умерло около 500 тыс. человек. Голода повторились и в 1605, и 1608 г. При царе Михаиле Федоровиче сильные голода были в 1630 и 1636 г. Из множества неурожаяев, которыми изобиловало царствование Алексея Михайловича, особенно заметен голод 1650 г., вызвавший бунт в Пскове, когда голодный народ жег помещичьи усадьбы, убивая их владельцев. XVIII век не избавил Россию от голодных бедствий².

Довольно часто голода бывали при Петре I, особенно сильные в 1716 и 1722 гг. Из 34 неурожаев XVIII в. не менее семи пришлось на время царствования Екатерины II. Наиболее известным тогда был голод 1781 г., охвативший 16 губерний. В XIX в. специалист по изучению неурожаев в России, священник Словцов, только до 1854 г. установил 34 неурожайных года. Из них некоторые приводили к сильным голодовкам, особенно в 1833–1834 гг. В эти годы неурожай поразил территорию страны от Карпатских гор до Кавказа. В его эпицентре оказались земли Войска Донского, Юг Украины и России, Воронежская, Тамбовская, Саратовская губернии. В меньших размерах неурожай наблюдался в центральных губерниях и Белоруссии. В общей сложности голодало более 14 млн человек. В пятидесятые годы неурожайными стали 1850 г. и особенно 1859 г., поразивший голодом 26 губерний. В 1860–1870-е гг. выделились по неурожаю 1867–1868 гг., но особенно памятным был «Самарский голод» 1873 г.³

Вторая половина XIX — начало XX в., период активного проведения политики индустриальной модернизации, которая осуществлялась за счет мобилизации внутренних ресурсов страны, прежде всего сельского хозяйства, ознаменовался небывалыми ранее голодовками. Причем эпицентр голода (традиционно северные и северо-западные губернии России) переместился на юго-восток и восток, захватив начиная с 1890-х гг. и черноземный центр; голодовки поразили районы зернового производства. По сравнению с предшествующим периодом большинство из них носило масштабный общероссийский характер и сопровождалось массовой голодной смертностью населения. Несмотря на то что сельское хозяйство России за пореформенный период достигло несомненных успехов (почти на 1/2 увеличились посевы основных зерновых хлебов, валовые сборы выросли к 1913 г., по сравнению с 1880–1890 гг., в 1,9 раза — с 2,24 до 4,26 млрд пудов, почти на 1/3 повысилась товарность зернового производства, ежегодно экспортировалось от 13 до 18 % собранного урожая зерна), положение основной массы крестьянства, проживавшей как раз в зонах товарного зернового производства, существенно не изменилось. По оценке специалистов, в Европейской России в конце XIX в. больше половины всех крестьянских хозяйств своей земледельческой деятельностью не могли заработать необходимых средств пропитания. В урожайные годы большинство крестьянских семей лишь сводило концы с концами. Вовлечение крестьянских хозяйств в рыночные отношения происходило под давлением обстоятельств: необ-

ходимости выплаты налогов, выкупных и арендных платежей за землю, погашения банковских кредитов. Чтобы заплатить налоги и всевозможные обязательные платежи, крестьяне были вынуждены продавать хлеб в ущерб своим собственным интересам. Массовый голод наступал из-за того, что у подавляющего большинства крестьянских хозяйств не оставалось никаких запасов зерна⁴.

Типичен в данном случае голод 1891–1892 гг. — первый в истории России общероссийский масштабный голод, получивший у современников название «Царь-голод». Он поразил 29 из 97 губерний Российской империи, основные зернопроизводящие районы черноземного центра, с населением 35 млн чел. (до него голода носили локальный характер и не имели столь трагических последствий, за исключением голода 1601–1603 гг.)⁵. Одним из основных факторов его возникновения была экономическая политика правительства. С целью накопления золотого запаса и укрепления национальной валюты (рубля) министром финансов И. А. Вышнеградским были увеличены налоги (прямые и косвенные) на крестьян и приняты меры по стимулированию хлебного экспорта, для наращивания которого в 1880–1890-е гг. в Европейской России создавалась железнодорожная сеть и одновременно осуществлялось государственное регулирование железнодорожных тарифов (вводились поощрительные тарифы для хлебных перевозок). Активизации хлебного экспорта способствовал повышенный спрос на зерно в Европе вследствие неурожая (экспорт хлеба в 1887–1891 гг. составил 441,8 млн пудов, что было в 2,2 раза выше, чем в 1881 г.). Налоговая политика и потребности хлебного экспорта создали ситуацию, при которой из основных зернопроизводящих районов вывозились не только излишки хлеба, но и хлеб, необходимый для внутреннего потребления. Товаропроизводители стремились выбросить на рынок как можно больше хлеба: одни (крупные помещичьи хозяйства) — для получения прибыли, другие, составляющие большинство (крестьянские хозяйства), — чтобы выплатить налоги и расплатиться с многочисленными долгами (на 1 января 1892 г. недоимки крестьян 18 неурожайных губерний по государственному поземельному налогу и выкупным платежам составили около 62 млн руб.). В результате основная масса крестьянских хозяйств осталась без страховых запасов в условиях засухи 1891 г. Недород зерновых хлебов в эпицентрах засухи оказался повсеместным; не уродились также овощные культуры. Например, в Воронежской губернии в 1891 г. недобор хлебов на душу населения составил $\frac{3}{4}$ обычного сбора. Ситуация усугубилась

действиями перекупщиков и хлеботорговцев: зная о планах правительства ограничить и даже запретить экспорт хлеба, они стремились как можно скорее вывезти все накопленные запасы за границу (в 1892 г. экспортировано 172 млн пудов). Жертвами голода 1891–1892 гг. стали от 400 до 600 тыс. человек⁶.

В начале XX в. неурожайными, голодными годами были 1901–1902, 1906–1907, 1911–1912 гг. Особенно заметным был голод 1911–1912 гг. Он возник как следствие гибели урожая на огромной территории в результате сильнейшей засухи при отсутствии страховых запасов зерна, которое на протяжении предшествующих лет уходило на рынок. В эпицентре неурожая оказалось 26 губерний, из них полному неурожаю подверглись 20 губерний и областей юго-востока Европейской России и Западной Сибири⁷.

Государство стремилось противодействовать угрозе голода и его последствиям различными мерами. В истории России наступление голода всегда было тяжелейшим потрясением прежде всего для крестьянства. Массовая смертность крестьян от голода и вызванных им болезней, гибель скота подрывали сельскохозяйственное производство, нередко приводили к опустошению целых районов. Поэтому главные усилия государства по борьбе с голодом были направлены на облегчение положения голодающего крестьянства. В эпоху крепостного права забота о поддержке крестьян возлагалась государством на помещиков: от них требовалась благотворительная помощь, они должны были следить за созданием силами крестьян так называемых сельских запасных магазинов, где хранился запас зерна на случай недорода. Боярский приговор 1606 г., подтвержденный статьями 41 и 42 Уложения 1649 г. и Указом Алексея Михайловича 1663 г., обязывал господ кормить своих холопов под угрозой дарования последним свободы⁸. Однако на практике во время голода крестьяне, как правило, оказывались предоставлены самим себе, и случаи благотворительной помощи были редкими (не случайно князь М. М. Щербатов во время голода 1787 г. советовал награждать орденами тех лиц, которые будут жертвовать хлеб для голодающих). После отмены крепостного права обязанности помещиков опекать своих крепостных в неурожайные годы отпали; устройство и содержание сельских запасных магазинов было отнесено к числу обязательных мирских повинностей, а назначение ссуд из этих магазинов предоставлено сельским сходам с разрешения местного начальства⁹.

Государство также пыталось предпринимать меры, способные если не предотвратить голод, то хотя бы ослабить его воздействие

и преодолеть последствия. Предметом особого внимания власти продовольственное дело стало при Петре I. Указом царя от 16 февраля 1723 г. на случай голода устанавливалась реквизиция — «опись у зажиточных лишнего хлеба, для раздачи неимущим в займы под расписки». Другим указом Петра I от 20 января 1724 г. повелевалось учредить казенные хлебные магазины в Петербурге, Риге, по Днепру, Дону, в Смоленске и Астрахани. Однако этот указ не был исполнен¹⁰. Мысль Петра о запасных хлебных магазинах возродилась при Елизавете Петровне и получила практическое осуществление при Екатерине II, повелевшей указом от 20 августа 1762 г. «завести магазины во всех городах, дабы цена хлеба в моих руках была». Хлебные магазины в городах должны были иметь годовой запас хлеба¹¹.

В первой половине XIX в. деятельность всех органов власти в условиях голода стала регламентироваться законом. Была законодательно упорядочена уже сложившаяся практика борьбы с последствиями неурожая. С этой целью были приняты специальные Продовольственные уставы (1822, 1834, 1836). На основании Устава от 14 апреля 1822 г. в 40 губерниях создавались запасные сельские хлебные магазины, а в 12 собирались денежные капиталы для оказания помощи голодающим¹². Голод 1833–1834 гг. выявил недостатки Устава 1822 г.: определенные им запасы — хлебные и денежные — оказались далеко не соответствующими потребностям неурожайных районов. 5 июля 1834 г. принимается новый Продовольственный устав, по которому предусматривалось создание запасных хлебных магазинов и денежных капиталов во всех губерниях¹³. Вопросами продовольствия в губерниях должны были заниматься специальные комиссии продовольствия, подконтрольные губернатору. Данную систему подтверждал и Устав 1836 г. В пореформенной России к делу борьбы с голодом оказались привлечены земства, в компетенцию которых входил сбор средств для оказания помощи голодающим, а также закупка семян для организации посевной в недородных районах.

Наряду с вышеназванными одним из средств борьбы с голодом была организация общественных работ (впервые использовано Борисом Годуновым: колокольня Ивана Великого в Москве сооружена руками голодающих в 1601–1602 гг.; во время голода 1839–1840 гг. правительство также прибегло к организации общественных работ на строительстве «броварского шоссе». Помощь голодающим рассматривалась как моральный долг правящего класса. Так, в голодные 1867–1868 гг. был учрежден Особый комитет для

сбора пожертвований под председательством наследника престола. Однако результаты подобных мер были минимальными¹⁴. Государственная поддержка во время голода всегда запаздывала по срокам и была недостаточной по размерам для избежания голодной смертности сельского населения.

Особенно очевидным этот факт стал для российской общественности в 1891–1892 гг., во время «Царя-голода». В 1891–1892 гг. государство оказалось не готово адекватно отреагировать на угрозу голода и принять своевременные меры по его ликвидации. Губернские власти скрывали масштабы бедствия, препятствовали развитию общественной инициативы и деятельности земств в организации помощи голодающим. Неэффективно действовали сами земства: конкурируя друг с другом в закупке хлеба, они взвинтили цены, записав за крестьянами ссуды по повышенным ценам. Продовольственные и семенные ссуды, выданные правительством голодающим крестьянам (151,4 млн руб.), увеличили их долги государству; на 15 марта 1892 г. продовольственные долги крестьян 18 неурожайных губерний составили около 129 млн руб. Власти стремились не допустить случаев голодной смерти, однако в 1892 г. в голодающих губерниях на каждую тысячу жителей умерло около 50 человек¹⁵.

Малоэффективные действия власти, попытки «замолчать» масштабы голода обусловили активное участие различных общественных сил в благотворительной деятельности в целях борьбы с голодом. По всей России представителями либеральной и демократической интеллигенции, деятелями культуры и науки был организован сбор средств, в котором принимали участие в том числе Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, В. Г. Короленко, В. О. Ключевский. На благотворительные средства было открыто 8 тыс. столовых и 1,5 тыс. пекарен, которые кормили свыше 5,5 млн человек. Голод 1891–1892 гг. дал толчок общественно-политической мысли. Вопиющие факты голода и связанных с ним правительственных злоупотреблений использовали теоретики и практики революционного движения (народники, социал-демократы) для выработки своих программ и тактики ведения антиправительственной агитации¹⁶.

После голода 1891–1892 гг. правительство наметило ряд мер по улучшению продовольственного дела: строительство элеваторов, мелиорационные мероприятия, развитие кредитной системы, упорядочение хлеботорговли, страхование посевов, регулирование цен на зерно и др. Однако эти меры не привели к ожидаемому ре-

зультату, о чем свидетельствуют новые голодные годы конца XIX — начала XX в.

В крестьянском менталитете понятие «голод» занимало важнейшее место, поскольку для крестьянства проблема обеспечения средств к существованию всегда остается первостепенной проблемой. Принцип «главное — выжить», обеспечить безопасное существование, избежать голода лежит в основе хозяйственной деятельности любой крестьянской семьи, определяет ее мотивацию. Страх перед голодом, его трагические последствия влияют на различные стороны жизни традиционного крестьянского общества, определяют многие особенности его экономической, социальной и моральной организации, формируют поведенческие стереотипы крестьян¹⁷.

Для российского крестьянства голод был старинным и жестоким врагом. В течение столетий у него сформировался особый менталитет (представления и поведенческие стереотипы) в отношении голода. Основные его черты можно охарактеризовать следующим образом¹⁸.

Угроза неурожая была постоянным спутником российской деревни из-за неблагоприятных природно-климатических условий на территории исторического центра Российского государства и в его черноземных районах. Они обусловили необычайно короткий цикл сельскохозяйственных работ (125 — 130 рабочих дней, с середины апреля до середины октября по старому стилю) и потребовали от российского крестьянства огромного трудолюбия, которое отнюдь не гарантировало ему стабильных урожаев¹⁹. В этих условиях крестьяне всеми силами стремились обеспечить устойчивость своего хозяйства. С этой целью они изучали особенности погодных условий в местности своего проживания, пытались их прогнозировать. Горький опыт неурожайных лет отложился в крестьянском земледельческом календаре. В нем были запримечены почти каждый день в году и почти каждый час в течение дня, объяснено появление каждого облака, дождя, снега, их свойства, вид. Использование земледельческого календаря позволяло проводить сельскохозяйственные работы исходя из агроклиматических условий каждой конкретной местности. Это снижало вероятность неурожая и ослабляло, таким образом, угрозу голода²⁰. Вплоть до создания колхозного строя крестьянская Россия пахала, сеяла и убирала хлеб, основываясь прежде всего на земледельческом опыте предков.

Знание природных примет и трудолюбие не всегда могли оградить крестьянские посевы от недорода, поскольку силы природы

все же были не подвластны крестьянину. Нередко засуха иссушала его ниву, буквально политую потом, — и крестьянские семьи оставались без хлеба. В крестьянском сознании сформировалось устойчивое представление о том, что могущество природы связано с божественной силой, от воли которой зависит, будет ли обильный урожай на полях, или на них падет засуха и обрушатся полчища саранчи и грызунов. «Прогневали Бога, видно, за грехи наши», — говорили в русских деревнях во время засухи. «Господь захочет, так хлеб уродится и при поздней пахоте», — утверждали старожилы. Крестьянин обращался к Богу, сверхъестественным силам и духам природы с просьбами об урожае, надеясь умиливать их молитвами, заклинаниями, жертвоприношениями и таким образом избежать недорода и голода. Этому служили ставшие традиционными в жизни российской деревни аграрные праздники, календарные песни, заказные молебны о дожде во время засухи, обрядовые игрища и увеселения²¹.

О голоде в крестьянском менталитете наиболее объективное представление дает устное народное творчество, народный фольклор — зеркало крестьянского менталитета. Народ сложил немало пословиц и поговорок о голоде. В крестьянском сознании голод ассоциируется с тяжелейшим потрясением, рассматривается как одно из самых трагических событий в жизни человека. Ему придается мистическое значение: «Царь-голод», то есть, всемогущий и беспощадный. В то же время в народных пословицах и поговорках нет панического страха перед голодом, скорее бесстрашие и лукавство: «Голод не тетка, заставит работать», «Голодной куме хлеб на уме», «Голодный праздник не считает». Народный фольклор досоветского периода российской истории связывает голод с бедностью крестьянства, ее широким распространением в дореволюционной России: «Работаешь в год — нечего класть в рот», «Ребята! Бери счеты — пойдем считать, сколько нищеты». В народных пословицах и поговорках доказывается необходимость трудолюбия как главного средства обеспечения материального благополучия крестьянской семьи: «Наездом хлеба не напашешь», «Деньги водом, добрые люди родом, а урожай хлеба годом», «Иглой да бороной деревня стоит»²².

Точно так же в народном фольклоре нашел отражение и голод 1932–1933 гг. Собранные пословицы, поговорки, частушки, слухи о голоде 1932–1933 гг. и его причинах дали оценку этой трагической страницы в истории России как бы снизу, с народной точки зрения. В них запечатлены масштабы голода: «В тридцать третьем

году всю поели лебеду. Руки, ноги опухали, умирали на ходу». Его наступление связывается с насильственным созданием в России колхозного строя: «Не боюсь я морозу, не боюсь холоду, а боюсь я колхоза, уморят там с голоду», «Вставай, Ленин, умри, Сталин, мы в колхозе жить не станем». В народном фольклоре указывается на ответственность сталинского руководства за искусственно организованный голодомор 1933 г. в России: «Когда Ленин жил, нас кормили. Когда Сталин поступил, нас голодом морили»²³.

Страх перед голодом и его трагические уроки были важнейшим мотивом консолидации крестьян в рамках традиционной крестьянской поземельной общины. В течение столетий, в условиях налогового гнета государства, помещичьей кабалы, община обеспечивала минимальное приложение трудовых сил своих членов, удерживала массу крестьянских хозяйств от быстрого разорения. Бедняк и средний крестьянин могли существовать, лишь ухватившись за общину²⁴. Особенно очевидным это стало во второй половине XIX в., когда в результате развития рыночных отношений начался кризис натурально-потребительского, продовольственного крестьянского хозяйства и соответственно усилилась угроза голода.

Как уже отмечалось, вовлечение подавляющего большинства крестьянских хозяйств в рыночные отношения происходило под давлением обстоятельств: необходимости выплаты налогов, выкупных и арендных платежей за землю, погашения банковских кредитов. Коммерциализации сельскохозяйственного производства способствовало строительство железных дорог. Чтобы заплатить налоги и всевозможные обязательные платежи, крестьяне были вынуждены продавать хлеб в ущерб своим собственным интересам. По оценке специалистов, в Европейской России в конце XIX в. больше половины всех крестьянских хозяйств своей земледельческой деятельностью не могли заработать необходимых средств для пропитания. В то же время они были вынуждены продавать урожай на рынок. Экспорт русского хлеба основывался на голодании миллионов крестьянских семей и справедливо назывался современниками «голодным экспортом»²⁵. В условиях малоземелья, обострявшегося в связи с ростом численности крестьянского населения при сохранении архаичных орудий труда, все большего истощения почвы, вынужденного отчуждения хлеба на рынок, система коллективной безопасности в русской поземельной общине была пусть слабой, но все же гарантией для среднего и беднейшего крестьянина на случай голода. Так, например, система

земельных переделов общинной земли при существовавшем малоземелье позволяла распределять землю по качеству, чересполосно, а не сводить ее в одну полосу, в отруб. Это давало возможность обеспечить за каждым двором ежегодный средний урожай, так как в засушливый год участок, расположенный в низине, мог дать вполне сносный урожай, в то время как участки, сведенные в отруб, расположенные на пригорке, могли полностью выгореть²⁶.

Следует оговориться, что для российского казачества ситуация была несколько иной. Получив от царя за службу самые плодородные земли, казаки имели возможность жить зажиточно и не испытывали тех затруднений, которые выпадали на долю крестьян помещичьих губерний. Их земли располагались в более благоприятных климатических зонах и давали прекрасные урожаи. Дон и Кубань были традиционными житницами Российской державы. Поэтому восприятие казаками голода неадекватно восприятию поволжского крестьянина, живущего в условиях малоземелья, привыкшего к нужде вследствие постоянных недородов и поборов со стороны государства и помещика. В то же время и в крестьянской, и в казачьей общине было много сходного в плане взаимопомощи в трудное время.

Моральная организация крестьянской и казачьей общины гарантировала для ее членов систему взаимоподдержки в случае голодного бедствия или других обстоятельств, обусловивших тяжелое материальное положение казака или крестьянина. Общественным мнением было освящено выживание слабейших в экономическом отношении семей. Во время голода члены общины сообща искали пути выхода из голодного кризиса (например, посылали на лучших лошадях за семенами, направляли ходоков в различные инстанции просить помощи и т. д.).

В истории России наступление голода всегда было тяжелейшим потрясением для крестьянства. Массовая смертность крестьян от голода и вызванных им болезней, гибель скота подрывали сельскохозяйственное производство, нередко приводили к опустошению целых районов. При том что крестьянское общество постоянно стремилось избежать голода, факт увеличения числа неурожайных, голодных лет в России в конце XIX — начале XX в. (1891, 1892, 1897, 1898, 1901, 1905, 1906, 1907, 1911, 1915 г.), огромные масштабы голодовок (число голодающих крестьян исчислялось миллионами) свидетельствовали о серьезной опасности, нависшей над крестьянством в данный период. Под влиянием рыночных отношений происходило разрушение крестьянского

натурально-потребительского хозяйства, а следовательно, шел процесс раскрестьянивания крестьянства, его уничтожение как класса. Одновременно шел процесс изменения менталитета российского крестьянства, которое постепенно осознавало нависшую над ним опасность. Подтверждением этого стало его массовое революционное движение в начале XX в., без которого крестьянская Россия прожила четыре пореформенных десятилетия²⁷. Неурожай 1901 г. стал одним из основных поводов крестьянских волнений 1902 г. В 1905 г. крестьянские выступления происходили под лозунгами земли и хлеба²⁸.

Угроза голода и сам факт его наступления вызывали массовое крестьянское движение лишь при определенных обстоятельствах²⁹. История России знает немало примеров, когда крестьяне безропотно переносили ужасы голода и не поддерживали революционные партии, пытавшиеся использовать фактор голода в своих революционных целях (голод 1872–1873 гг., «хождение в народ», голод 1891–1892 гг.)³⁰. Современники голода в России 1891–1892, 1897–1898 гг. отмечали примиренческое, фаталистическое отношение крестьян к своему положению. «Хлеб в Божьей воле», а неурожай и голод «Бог наводит на каждую страну по грехам ея», — говорили в голодающих деревнях³¹. В начале XX в. ситуация резко изменилась. В России началась аграрно-крестьянская революция. Огромным по масштабам голодовкам 1921–1922, 1932–1933 гг. предшествовали массовые крестьянские выступления³².

Страх перед голодом и сам его факт лишь тогда становятся мощным катализатором крестьянского движения, когда ставятся под угрозу коренные интересы крестьянства, возникает опасность его существования как класса. Такая ситуация сложилась в российской деревне к началу XX в. Обнищание крестьянства в пореформенный период вследствие непомерных государственных платежей, резкое увеличение в конце 90-х годов XIX в. арендных цен на землю в условиях малоземелья и аграрного перенаселения деревни поставили основную массу крестьян перед реальной угрозой разорения, пауперизации и голода. Защитной реакцией крестьянства вполне закономерно и стало массовое революционное движение³³.

В данном случае речь идет прежде всего о районах традиционного помещичьего землевладения. В Сибири и на Юге России, в том числе на Дону и Кубани, а также в зонах, свободных от крупного частновладельческого землепользования ситуация была несколько иной. Там и не было того страшного голода, который Россия познала во второй половине XIX — начале XX в.

В годы Гражданской войны и коллективизации крестьянство также всеми доступными средствами и методами активно боролось с государством за свои коренные интересы, так как продовольственная разверстка, насильственное насаждение коммун и колхозов, раскулачивание подрывали основы крестьянского хозяйства, обрекали деревню на голод³⁴.

Хроническое недоедание в пореформенный период миллионов крестьян, периодически повторяющиеся и увеличивающиеся по масштабам голодовки способствовали формированию у беднейшей, пауперизирующейся части крестьянского населения России идеологии, основанной на уравнилельных, коммунистически-социалистических принципах. В их осуществлении она увидела для себя путь избавления от нищеты и голода. Именно поэтому часть крестьянства, в основном из беднейших слоев, оказалась готова к восприятию идеологии большевизма и стала социальной базой в деревне для большевистской революции и сталинской коллективизации³⁵.

Опыт многих поколений сформировал в крестьянском менталитете поведенческие стереотипы во время голода. Они не всегда гуманны, но глубоко рациональны, так как направлены на выживание, сохранение наиболее дееспособных членов семьи, способных к продолжению хозяйственной деятельности. Эта стратегия выживания сводится к следующим правилам, обычно проявляющимся в период голодного бедствия. Во время наступления голода трудоспособные мужчины покидали голодающие семьи и уходили на поиски заработков и продовольствия в районы, не пораженные голодом. Спешно распродавали скот и имущество для получения средств на покупку хлеба. В последнюю очередь продавали корову — главную надежду семьи во время голода — и рабочую лошадь. Женщины, старики и дети занимались нищенством. Оставшиеся в голодающей деревне члены крестьянской семьи использовали в пищу различные суррогаты (заменители хлеба), рецепты приготовления которых передавались из поколения в поколение. В пищу употреблялось и мясо павших животных. Для прокорма рабочей лошади и коровы нередко разбирали соломенные крыши крестьянских изб. Родственники старались помогать друг другу.

Наиболее отчаявшиеся и смелые крестьяне начинали заниматься воровством продуктов и скота у своих соседей и в других селениях. В доколхозной деревне воровство сурово осуждалось общественным мнением общины. Пойманных с поличным воров

нередко забивали до смерти всем миром. Воровство получило распространение в годы насильственной коллективизации. В колхозной деревне воровство общественного зерна не осуждалось подавляющим большинством колхозников и единоличников, поскольку Советское государство в ходе хлебозаготовок грабило их не хуже любого вора.

В крестьянских семьях во время голода в первую очередь умирали от истощения старики и малые дети. Нередко их переставали кормить, чтобы сохранить пищу для старших детей и взрослых членов семьи: детей запирали в чуланах, амбарах и не кормили, старики иногда сами уходили из семьи умирать. В крестьянской семье больше страдали от голода дети жены от первого брака, нелюбимые члены семьи, которых кормили меньше или вовсе переставали кормить. Вместе с тем матери всеми силами стремились спасти своих детей от голода и смерти и лишь в исключительных обстоятельствах шли на изложенные выше суровые меры. В большинстве же случаев они стремились использовать все средства, чтобы сохранить жизнь своим детям. Например, специально не открывали в избе целый день ставни, чтобы обмануть голодных детей. Мол, ночь, и поэтому рано кушать. Кульминация голода наступала, как правило, в конце зимы — весной, когда все запасы были съедены, а до новых еще было далеко. Поэтому в этот период смертность от голода достигала наивысших размеров, люди сходили с ума, вплоть до случаев людоедства. Весной, с началом полевых работ, все сколько-нибудь способные держаться на ногах взрослые члены семьи и подростки выходили в поле, чтобы заложить основу будущего урожая³⁶.

Сложившимся в течение многих столетий стереотипом поведения российского крестьянства во время голода было ожидание помощи со стороны государства, а также действия, направленные на ее получение. В голодные годы крестьяне всегда обращались к представителям государственной власти на местах с просьбами об оказании помощи. Типичной картиной во время голода и в досоветский и в советский периоды российской истории были группы крестьян, как правило, женщин, стариков и детей, собравшихся у волостных правлений, сельских Советов и райисполкомов, просящих хлеба. На сельских сходах составлялись приговоры, в которых от имени общества в вышестоящие органы государственной власти направлялись просьбы об оказании помощи. Грамотные крестьяне, от себя лично и по поручению общества, писали письма, в которых просили чиновников и руководителей государства

о помощи. Крестьяне с благодарностью относились к деятельности во время голода российской общественности, всех добрых людей, помогавших им в лихую голодную годину. Например, в Поволжье и на Южном Урале, как показали результаты проведенного нами анкетирования, старожилы с благодарностью вспоминали благотворительную деятельность в их деревнях во время голода 1921–1922 гг. так называемой АРА (Американской администрации помощи Г. Гувера).

Источники указывают, что государственная поддержка российских крестьян во время голода всегда запаздывала по срокам и была недостаточной по размерам для избежания голодной смерти в деревне. Государство предоставляло зерновые ссуды крестьянам не безвозмездно, а в долг. Целью государственной поддержки крестьян во время голода было стремление не допустить полного развала сельского хозяйства, возможного в случае срыва посевной кампании в голодающей деревне. Государство стремилось оттянуть предоставление помощи крестьянам до начала посевных работ. Помощь оказывалась уже умирающей деревне, хотя о масштабах предстоящего бедствия государственных чиновников информировали заранее³⁷.

В народной памяти голодные годы оставляют неизгладимый след. В том числе такой след оставил и голод 1932–1933 гг. Например, в исследованных нами поволжских и южно-уральских деревнях старожилы хорошо помнили все пережитые ими в советское время голодовки. В их перечне голод 1932–1933 гг. занял особое место. И путь к нему проложила сталинская «революция сверху» — насильственная коллективизация крестьянских хозяйств. Поволжье, Дон и Кубань наряду с другими зерновыми районами страны стали ее первоочередными мишенями. Разразившийся в СССР в начале 1930-х гг. голод был новым явлением в череде многочисленных голодных лет в истории России.

§ 2. Коллективизация. Раскулачивание. Хлебозаготовки

Сплошная коллективизация крестьянских хозяйств начала осуществляться в основных зерновых районах СССР в начале 1930 г. На Северном Кавказе, Украине, в Поволжье и в других традиционных житницах страны принудительно насаждались новые формы организации сельскохозяйственного производства — колхозы. В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхоз-

ному строительству» завершение коллективизации в зерновых районах страны предусматривалось к весне 1931 г.³⁸ Уже к концу 1930 г. Республика немцев Поволжья (АССР НП) первой в СССР завершила в основном сплошную коллективизацию³⁹. В остальных зернопроизводящих регионах она была закончена к началу 1932 г. На Украине было коллективизировано 72 % крестьянских хозяйств, на Нижней Волге — 84,7, на Средней Волге — 64,4, в Северо-Кавказском крае — 81,5 %⁴⁰. Колхозы объединили большинство сельского населения и стали основными производителями сельскохозяйственной продукции в указанных регионах.

Сами по себе колхозы как форма общественной организации производства не могли нести крестьянам разорения и голода. Напротив, кооперирование крестьянства, в том числе производственное, могло существенно поднять уровень их жизни и одновременно решить проблему подъема сельского хозяйства на современный уровень. Именно через кооперацию основатель Советского государства В. И. Ленин предлагал в многомиллионной крестьянской стране приобщить крестьян к социалистическому строительству. В развитии всех ее видов он видел путь избавления миллионов крестьян от нищеты и кулацкой кабалы⁴¹.

Идея коллективного труда на земле не была утопией для советской деревни в конце 1920-х гг. Она основывалась, с одной стороны, на традициях, восходящих к дореволюционной крестьянской общине, с другой — на практическом опыте доколхозной деревни, где имели место не только социальное расслоение, но и традиционное сотрудничество крестьянских семей в решении общих хозяйственных проблем⁴². Вполне закономерно поэтому выдающиеся русские экономисты А. В. Чаянов, Н. Д. Кондратьев и другие именно в развитии кооперации на селе видели для российского крестьянства путь к зажиточной жизни, а для государства — безболезненный способ включения в современную экономику огромной массы мелких крестьянских хозяйств⁴³.

Новая экономическая политика, при всей непоследовательности и противоречивости ее замыслов и осуществления, была все же серьезной и результативной попыткой назревшего социально-экономического реформирования сельского хозяйства на основе постепенного и всестороннего его кооперирования, предоставления большей самостоятельности мелким земельным собственникам, внедрения элементов товарно-денежных отношений, самокупаемости и т. д. Были достигнуты, причем в короткие сроки, впечатляющие результаты в восстановлении сельскохозяйствен-

ного производства, в укреплении крестьянских хозяйств, развитии сельскохозяйственной кооперации⁴⁴.

Ситуация стала резко меняться с конца 1920-х гг. По инициативе И. В. Сталина провозглашается курс на массовую коллективизацию крестьянских хозяйств, не имеющую ничего общего с обозначенным в решениях XV съезда ВКП(б) планом развития в СССР колхозного движения. Этот курс официально закрепляется в конце 1929 г. на ноябрьском пленуме ЦК партии, в выступлениях Сталина 3 и 27 декабря, а затем конкретизируется в постановлениях ЦК ВКП(б) от 5 и 30 января 1930 г. и ряде последующих⁴⁵.

Вместо добровольного кооперирования крестьянства по мере создания для этого необходимых условий, вариант которого отстаивали в конце 1920-х гг. Н. И. Бухарин, А. И. Рыков и их сторонники и который был отражен в первоначальном плане первой пятилетки⁴⁶, страна пошла по пути сталинской насильственной коллективизации, не имеющей ничего общего ни с ленинским кооперативным планом, ни с идеями выдающихся русских экономистов. Подобный исход стал прямым результатом победы сталинского большинства в коммунистической партии, отбросившего вариант постепенной индустриальной модернизации страны, предлагаемый оппозицией, и взявшего курс на ее форсированное проведение административно-командными методами за счет безжалостной эксплуатации деревни⁴⁷. Созданная в годы нэпа разветвленная многообразная сеть кооперативов была окончательно ликвидирована или огосударствлена, развернулось безудержное форсирование коллективизации на основе насилия и массовых репрессий⁴⁸.

Главной целью сплошной коллективизации стало стремление сталинского режима в самые сжатые сроки решить зерновую проблему. С помощью насильственного насаждения колхозов в основных зерновых районах страны сталинское руководство рассчитывало резко повысить товарность зерновых культур с целью расширения их экспорта. Так, первый пятилетний план предусматривал рост производства зерна с 731 млн ц в 1927–1928 годах до 1058 млн ц в 1932–1933 гг., то есть от 36 до 45 % среднегодового роста⁴⁹. Колхозная деревня рассматривалась главным источником накопления средств для осуществления форсированной индустриализации. И если колхозы и кооперативы 1920-х гг., при всех их недостатках, объединявшие в основном энтузиастов общественного хозяйствования, не несли крестьянам никаких бед, то сталинские колхозы, создаваемые методами принуждения, ввергли деревню и всю страну в тяжелейшие испытания с самым трагическим исходом.

Антикрестьянский характер начавшейся «революции сверху» сразу же стал очевиден для подавляющей массы крестьянства. Поэтому первая половина 1930 г. ознаменовалась повсеместными антиколхозными выступлениями в районах сплошной коллективизации. В закрытом письме ЦК ВКП(б) от 2 апреля 1930 г. «О задачах колхозного движения в связи с борьбой с искривлениями партийной линии» ситуация оценивалась следующим образом: «Поступившие в феврале месяце в Центральный Комитет сведения о массовых выступлениях крестьян в ЦЧО, на Украине, в Казахстане, Сибири, Московской области вскрыли положение, которое нельзя назвать иначе, как угрожающим. Если бы не были тогда немедленно приняты меры против искривлений партлинии, мы имели бы теперь широкую волну повстанческих крестьянских выступлений, добрая половина наших “низовых” работников была бы перебита крестьянами, был бы сорван сев, было бы подорвано колхозное строительство и было бы поставлено под угрозу наше внутреннее и внешнее положение»⁵⁰. По сути, речь шла уже не об угрозе, а о начале крестьянской войны против насильственной коллективизации, коммунистической партии и Советской власти.

Сталинскому режиму пришлось временно отступить. Грубейшие «ошибки и искривления», допущенные якобы только местными работниками и вопреки «правильной линии» партии, были тотчас же признаны, и приняты меры по их исправлению. Их первый результат — массовые выходы крестьян из ненавистных колхозов, резкое снижение уровня коллективизации к концу лета 1930 г. почти на 2/3 (по СССР — до 21,4 %, по РСФСР — до 19,9 %) ⁵¹.

Затем наступило кратковременное «затишье», своеобразная стабилизация, когда «низы» добровольно не хотели возвращаться в колхозы, а тем более создавать новые, а временно растерявшиеся «верхи» на местах не решались начинать новое наступление на крестьян. Однако уже в сентябре 1930 года ЦК ВКП(б) в закрытом письме «О коллективизации», направленном местным партийным органам, резко осудил пассивное отношение к «новому приливу» в колхозы и потребовал «добиться нового мощного подъема колхозного движения». Подкреплением этой директивы было утверждение Декабрьским (1930 г.) пленумом ЦК и ЦКК ВКП(б), а затем третьей сессией ЦИК СССР (январь 1931 г.) жестких заданий («контрольных цифр») по коллективизации на 1931 г. для всех регионов страны. Речь шла о «полной возможности» коллективизировать в течение года «не менее половины» всех крестьянских хозяйств страны, а по главным зерновым районам — не менее 80 %,

что означало для них «завершение в основном сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса»⁵².

Установление таких сроков для крестьянских хозяйств в огромной стране, а тем более придание им силы закона само по себе означало грубое попрание таких элементарных принципов кооперирования, как постепенность этого процесса, строгая добровольность вступления в кооперативы и т. д. Более того, местным партийным организациям не только не возбранялось, а настоятельно рекомендовалось «перевыполнять задания по коллективизации». Таким образом, курс на ее всемерное форсирование был продолжен, началось новое наступление на крестьянство.

Уже первый год коллективизации ясно показал те цели, ради которых она осуществлялась. В 1930 г. государственные заготовки зерна, по сравнению с 1928 г., выросли в два раза. Из деревень в счет хлебозаготовок было вывезено рекордное за все годы Советской власти количество зерна (221,4 млн ц)⁵³. В основных зерновых районах заготовки составили в среднем 35–40 %. В 1928 г. они колебались в пределах 20–25 %, а в целом по стране равнялись 28,7 % собранного урожая⁵⁴. Так, например, в 1930 г. в Северо-Кавказском крае валовой сбор зерна вырос до 60,1 млн ц, по сравнению с 49,3 млн ц в 1928 г. В то же время в счет хлебозаготовок было изъято 22,9 млн ц, по сравнению с 10,7 млн ц в 1928 году, то есть на 107 % больше. Причем Северный Кавказ выполнил не только первоначальный план, но и дополнительный, сдав в счет хлебозаготовок часть посевного материала, фуражного и продовольственного зерна⁵⁵. В результате некоторые районы Северо-Кавказского края весной 1931 г. испытывали серьезные продовольственные трудности, и в них пришлось завозить семена для засева колхозных полей⁵⁶. Таким образом, главной целью насаждения колхозного строя был товарный хлеб.

Изучение экспортных планов СССР показало, что в хлебозаготовительные кампании 1930 — 1931 гг. в счет экспорта зерновых планировалось направить до половины заготовленного зерна, особенно пшеницы. Причем ситуация усугубилась мировым экономическим кризисом, который привел к падению цен на зерно и потребовал увеличения его экспорта. На это прямо указал в своем выступлении на Октябрьском 1931 г. пленуме ЦК ВКП(б) нарком снабжения СССР А. И. Микоян: «Конечно, зерновую проблему мы разрешили. Но нам пришлось увеличить против первоначального плана экспорт хлеба в силу потребности в валюте на оборудование для индустрии. Мировой кризис привел к резкому падению цен на

с/х продукты, в том числе и на наш экспорт»⁵⁷. Таким образом, очевидна неразрывная связь коллективизации, хлебозаготовок и индустриализации страны.

Причем высокая товарность колхозного хлеба была обеспечена не за счет преимуществ новой организации сельскохозяйственного производства, а в результате благоприятного стечения обстоятельств. 1930 год оказался чрезвычайно благоприятным для сельского хозяйства в погодном отношении. Такой мягкой весны и лета давно не переживали основные зерновые районы СССР⁵⁸. Именно погодный фактор стал решающим в получении в 1930 г. повышенного («рекордного») урожая в основных зернопроизводящих районах страны (по официальным данным — 835,4 млн ц, в действительности же — не более 772 млн ц)⁵⁹.

Что же касается состояния колхозного производства, то уже в первую колхозную страду, летом 1930 г., в полной мере проявились его очевидные недостатки. Повсеместно наблюдались огромные потери зерна при уборке урожая, составив по СССР, по данным НК РКИ, 177 млн ц (22 % валового сбора). Происходило это вследствие применения в период уборки так называемого конвейерного метода, целью которого было стремление власти вывезти из деревни как можно больше хлеба для государственных нужд, то есть обеспечить выполнение «первой заповеди» колхоза. «Конвейерный метод» применялся с целью «спасения» скошенного хлеба от расхитителей. Для этого зерно запрещалось скирдовать. Его сразу обмолачивали и, минуя колхозные амбары, свозили на заготовительные пункты. Но на практике «конвейер» все время буксовал, а разбросанный по всему полю хлеб портился и гнил в ожидании обмолота. Отсюда и огромные потери.

Для крестьян такой подход означал одно: главная цель коллективизации — это снабжение государства хлебом вне зависимости от учета интересов его непосредственных производителей. Попытки противодействовать спущенному сверху «конвейеру» заканчивались для них весьма плачевно. «В прошлом году, — говорил на Июньском (1931 г.) пленуме ЦК ВКП(б) председатель Колхозцентра Т. А. Юркин, — мы бросились на знаменитый газетный клич “конвеер” без разума и головы, до тех пор, пока не погиб хлеб». «Разум и голова» были тут ни при чем: противников «конвейера», как пояснил далее Юркин, обвинили в правом уклоне⁶⁰.

Между тем Сталин исходя из сравнительно неплохого урожая 1930 г., даже не дожидаясь, когда зерно будет убрано в амбары, в докладе на XVI съезде партии заявил об огромных преимуществах

колхозного строя, благодаря которому успешно разрешается зерновая проблема⁶¹. Руководствуясь данной оценкой, директивные органы увеличили государственные планы хлебозаготовок на 1930 и 1931 гг. более чем в два раза по сравнению с 1928 г. Выполнение их означало искусственное завышение товарности колхозов и совхозов, подрывало основы зернового хозяйства страны и материального благосостояния производителей. Мало того, широкое распространение в этот период получили дополнительные («встречные») планы, предъявляемые хлеботоргам после выполнения основных. В таких условиях вполне естественным становилось противодействие крестьян хлебозаготовительным органам, утаивание от них части выращенного урожая, его расхищение. Поэтому «рост товарности зернового производства» обеспечивался с помощью принуждения и насилия, применявшихся в отношении колхозов и единоличных хозяйств, не выполнявших планы хлебозаготовок.

Уже первый год сплошной коллективизации начался в условиях серьезных продовольственных трудностей, обусловленных последствиями самой коллективизации, а также прошедшими в 1928—1929 гг. хлебозаготовками, усугубленных плохим урожаем вследствие засухи в основных зернопроизводящих районах страны. Колхозцентр был завален сообщениями о фактах голода крестьян в Казахстане, Сибири, на Средней и Нижней Волге, в Татарии, Башкирии, на Северном Кавказе, в ряде районов Украины. Например, в Семипалатинском, Актюбинском, Павлодарском округах было учтено 109,8 тыс. голодающих; в восьми районах Балашовского, Аткарского, Сталинградского округов Поволжья не имели хлеба более 147 тыс. крестьянских хозяйств⁶². В Шахтинском, Черноморском и Ставропольском округах Северо-Кавказского края в города на заработки и в поисках продуктов ушло 10–17 % населения. Из-за отказа колхозников работать до выдачи продовольствия пришлось распустить ряд колхозов⁶³.

В телеграммах и записках на имя зампреда ОГПУ Г. Г. Ягоды также сообщалось о голоде крестьян в Сибири, Казахстане, Поволжье, на Северном Кавказе, Украине. Крестьяне даже просили забрать у них весь хлеб и посадить на такой же паек, как в городе; требовали: «верните кулаков, они нас накормят»⁶⁴. Так, например, о продзатруднениях в Сталинградском округе Нижне-Волжского края указывалось в докладной записке полномочного представителя ОГПУ по НКВ Каширина и начальника информа-

ционного отдела (ИНФО) ПП ОГПУ Илистанова от 28 января 1930 г.⁶⁵ Об этом же шла речь в датированной 3 апреля 1930 г. спецсводке № 27 ИНФО ПП ОГПУ по Средне-Волжскому краю⁶⁶.

Положение еще больше ухудшилось к началу мая 1930 г. В это время, по сообщениям информаторов ОГПУ, в ряде районов Пугачевского, Камышинского, Вольского округов Нижне-Волжского края, в Республике немцев Поволжья (АССР НП), а также в Мордовской области и Оренбургском округе Средне-Волжского края на почве голода были «отмечены случаи опухания детей и взрослых». Более того, в Пензенском округе СВК наблюдались «отдельные случаи голодной смерти детей»⁶⁷.

Не лучше складывалась ситуация в Северо-Кавказском крае. О «продовольственных и кормовых затруднениях» в крае также сообщалось в многочисленных сводках ОГПУ⁶⁸. В этом плане показательной является справка ИНФО ОГПУ о продовольственных затруднениях на Северном Кавказе и в других регионах страны от 18 июня 1930 г. В ней говорилось, что на Северном Кавказе продовольственные затруднения «приобретают все большее распространение, особенно в неурожайных районах Ставрополя, Сальского и Кубанского округов», где на «почве питания суррогатами» зарегистрированы многочисленные случаи опухания от голода и отдельные случаи голодной смерти»⁶⁹.

Продовольственные трудности стали одним из важнейших факторов крестьянского сопротивления коллективизации в начале 1930 г., заставившего власть пойти на временные уступки⁷⁰.

Так же голодно, несмотря на, казалось, достаточные запасы хлеба в стране вследствие хорошего урожая 1930 г., начинался 1931 год. Из многих районов шли тревожные сигналы о серьезных продовольственных трудностях сельского населения. Так, в начале 1931 г. в секретной телеграмме руководства Средне-Волжского края Сталину и В. М. Молотову было сообщено о голоде, наступившем в ряде районов края. В другой телеграмме, датированной февралем 1931 г., направленной Молотову и наркому Наркомата снабжения СССР А. И. Микояну, указывалось, что в шести левобережных районах края и в Ипатьевском районе Мордовской автономной области «в результате, с одной стороны, большого недорода, а с другой стороны, проведенных хлебозаготовок» положение оказалось «чрезвычайно тяжелым». «Во всех этих районах, — говорилось в телеграмме, — в половине сел население [...] употребляет в пищу разные суррогаты. В отдельных районах, особенно в Мордовской области (Ипатьевский район), на почве недоедания

развиваются эпидемии тифа и других болезней, и в настоящее время больницы переполнены больными»⁷¹.

В редакции центральных газет шли многочисленные письма колхозников о тяжелом продовольственном положении, сложившемся в деревне в начале 1931 г. Вот выдержка из одного из них, полученного в марте 1931 г. редакцией газеты «Социалистическое земледелие» из села Алгай Новоузенского района Нижней Волги: «Вы хорошо пишете обо всем. У нас, дескать, в СССР все хорошо, строятся заводы, растет сельское хозяйство, крепнут колхозы и совхозы, но мы просим взглянуть во внутрь всего этого. Мы находимся в колхозе второй год. Был у нас недород, и сейчас толпы оборванных, полуголодных людей весь день толпятся и просят одежды и хлеба. Находясь уже в колхозе, мы добились скотину, много подошло от бескормицы, остальная взята на мясозаготовки. Никто этого почему-то не замечает... Мы видим, как у крестьян бедняков и середняков отнимают последнюю овцу, а потом ее губят. Твердые задания дают беднякам, тащат последнюю телку. Люди дышат огнем, проклиная самого т. Сталина, который создал эту скорбь»⁷².

Основными причинами возникших трудностей в других, подобных этому крестьянских письмах назывались хлебозаготовки, массовая гибель скота в колхозах и единоличных хозяйствах из-за «перегибов» в коллективизации. Причем, как следует из приведенного отрывка, нередко ответственность за это возлагалась крестьянами на руководство страны и лично И. В. Сталина.

1931 год стал годом вовлечения в колхозы основной массы крестьянских хозяйств: в зерновых районах — до 78 %, в целом по СССР — более 50 %⁷³. Главными причинами, толкавшими единоличников в колхозы, обусловивших «новый подъем» колхозного строительства, были непосильные, фактически разорявшие их хозяйства налоги и задания по поставкам сельскохозяйственной продукции, а также страх перед раскулачиванием. Налоги, госпоставки, раскулачивание составляли единую цепь, с помощью которой затаскивали крестьян в колхозы, лишая их какой-либо альтернативы.

Раскулачивание, или так называемая политика «ликвидации кулачества как класса», стало одним из самых тяжелых преступлений сталинского режима, в значительной степени обусловившим трагедию 1933 г. Как известно, призыв к политике «ликвидации кулачества как класса» был провозглашен Сталиным в декабре 1929 г. в речи на конференции аграрников-марксистов, объявившей о «настоящем наступлении на кулачество»⁷⁴. К этому времени,

накануне сплошной коллективизации, 21 мая 1929 г. СНК СССР определил признаки кулацких хозяйств, достаточно расплывчатые и неопределенные, которые были несколько уточнены при разработке Закона о едином сельскохозяйственном налоге на 1930 г.⁷⁵

Политика ликвидации кулачества, наиболее активно проводившаяся в начале 1930 г., привела к тому, что большинство кулацких хозяйств (если даже исходить из признаков, обозначенных в постановлении ЦК), прекратили свое существование. В таких условиях выявление новых кулацких хозяйств становилось нелегкой задачей для финансовых органов, которым перешла палма первенства при определении социальной принадлежности крестьянских дворов. Однако термин «раскулачивание» применительно к периоду после февраля 1930 г. неправомерен, поскольку кулака в деревне после массовой чистки начала 1930 г. уже не было не только как класса, но и как социального слоя. В 1931 г. «раскулачивали» и ликвидировали, как правило, зажиточных крестьян и середняков, даже некоторых бедняков, заподозренных в сочувствии кулакам и противодействии властям, получивших ярлык «подкулачников».

В конце 1930 г. ЦИК и правительство сделали попытку в Законе о едином сельскохозяйственном налоге на 1931 г. по-новому определить признаки кулацких хозяйств. Однако, по свидетельству М. И. Калинина, они не увенчались успехом, так как «старые признаки кулачества почти отпали, новые не появились, чтобы их можно было зафиксировать»⁷⁶. Поэтому выход из этого тупика был найден такой: постановлением ЦИК и СНК СССР от 23 декабря 1930 г. местным Советам предписывалось самим устанавливать признаки кулацких хозяйств «применительно к местным условиям»⁷⁷. Типичным в этой связи является постановление Северо-Кавказского крайисполкома от 1 января 1931 г., дополнившего признаки кулацких хозяйств такими, как получение дохода от занятия извозом, содержание постоянного двора и чайного заведения и т. п.⁷⁸ При таком подходе социальные грани между кулачеством и зажиточными слоями крестьянства размывались, на первый план выступали имущественные различия.

По указанию правительства, Наркомфин СССР и его органы на местах устанавливали численность и удельный вес крестьянских хозяйств, подлежащих «индивидуальному обложению» (то есть кулацких). Постановлением СНК СССР от 23 декабря 1930 г. было дано указание районам, не завершившим сплошную коллективи-

зацию, выявить не менее 3 % таких хозяйств⁷⁹. Руководители районов, отстававших в выявлении кулацких хозяйств, обвинялись в проведении «правооппортунистической линии», а нередко и отдавались под суд. На всем протяжении 1931 года финансовые органы продолжали ревностно «выявлять» и «довыявлять» кулацкие хозяйства. По данным весенней переписи колхозов 1931 г., 26,6 % всех колхозов страны исключили «кулацкие хозяйства», в том числе в Нижне-Волжском крае — 68,9 %, в Средне-Волжском крае — 45,3, на Северном Кавказе — 21,5 % колхозов⁸⁰. Причем с юридической точки зрения это были уже бывшие кулацкие хозяйства.

Исключенные хозяйства немедленно облагались индивидуальным налогом, а если они не в состоянии были его уплатить, против них применялись репрессивные меры, вплоть до выселения в отдаленные районы страны. В 1931 г. было выявлено и обложено индивидуальным налогом 272,1 тыс. крестьянских хозяйств, в первой половине 1932 г. — 80 тыс.⁸¹

Осенью 1930 г. возобновилось выселение раскулаченных крестьян. Общее руководство и контроль осуществляла созданная в марте 1931 г. Комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с А. А. Андреевым. В целом по СССР на протяжении 1930 г. было раскулачено и выслано в отдаленные районы страны 115 231 крестьянская семья, в 1931 г. — 265 795, а всего за два года — 381 026 семей. Основная часть спецпереселенцев направлялась в малонаселенные, часто почти не пригодные для жизни районы. К январю 1932 г. в этих районах было расселено около 1,4 млн человек, в том числе на Урале — 540 тыс., в Сибири — 375 тыс., в Казахстане — более 190 тыс., в Северном крае — свыше 130 тыс.⁸² Среди депортированных оказались и многие крестьянские хозяйства, отнесенные к третьей категории (подлежащие расселению в пределах районов проживания), поскольку в ряде случаев не было возможности выделить им землю вне колхозных полей. Большинство из них работали на лесоповале, в горнодобывающей промышленности, меньшая часть использовалась в сельском хозяйстве. По примерным оценкам, от четверти до трети депортированных крестьян погибли в «кулацкой ссылке»...⁸³

Политика «ликвидации кулачества как класса» была важнейшим фактором осуществления сплошной коллективизации. Причем осуществлялась она не на основе сплошной коллективизации, как утверждал Сталин, а значительно опережала ее, стимулируя последнюю экономически и психологически. В частности, эконо-

мически раскулачивание «укрепляло» материальную базу колхозов, так как средства производства и имущество раскулаченных семей поступали в колхозный фонд или даже отдельным бедняцко-средняцким хозяйствам. Психологически оно являлось фактором «последнего предупреждения» и устрашения единоличников.

Политика раскулачивания нанесла колоссальный урон сельскому хозяйству, лишив деревню тысяч самых опытных хлеборобов-тружеников. Как очень верно и образно выразился А. И. Солженицын, искореняли «самых трудолюбивых, распорядливых, смысленных крестьян, тех, кто и несли в себе устойчивость русской нации»⁸⁴. В общей сложности искоренили около 6 млн человек. Из них более 400 тыс. были высланы в отдаленные районы страны, большинство остальных «самораскулачились» — бросив все имущество, перебрались в город⁸⁵.

Нажим на крестьян был столь силен, что задания по коллективизации, установленные Декабрьским пленумом 1930 г. и Январской 1931 г. сессией ЦИК на весь 1931 г., были выполнены уже весной. «В итоге весны 1931 года, — отмечалось в резолюции Июньского пленума ЦК ВКП(б) 1931 года, — коллективное движение одержало решающие победы в большинстве районов и областей по основным отраслям сельского хозяйства СССР»⁸⁶. «Завершена коллективизация в основных зерновых районах [...], колхозное крестьянство уже превратилось в центральную фигуру земледелия, колхозы стали основными производителями не только в области зерна, но и важнейшего сельскохозяйственного зерна», — оптимистически звучало в данной резолюции⁸⁷.

О том, что подобный результат стал следствием административного нажима на крестьян, свидетельствуют многочисленные документы, в том числе факты, приведенные в докладе инструктора ЦИК СССР Н. И. Короткова. Побывав в Сосновском районе ЦЧО в связи с проверкой жалоб крестьян, посланных на имя Калинина, он пришел к следующему выводу: «По своему характеру и глубине ошибки превосходят даже ошибки 1929–1930 гг. [...] Сплошная коллективизация, как правило, проводилась в жизнь независимо от результатов голосования крестьян. В селе Зеленом почти все единоличники при голосовании воздержались, никто не голосовал ни за, ни против коллективизации». Тем не менее президиум собрания объявил: «Раз голосующих против нет, сплошная коллективизация принимается». Если же единоличники упорствовали, применялись «всевозможные репрессии» — под разными

ми предложениями у них отбирали лошадей, коров, фураж, вплоть до усадебной земли. По мнению инструктора, во всех сельсоветах Со-сновского района не было создано никаких предпосылок для коллективизации. И тем не менее партийные ячейки проводили курс «на 100 % коллективизацию»⁸⁸. Точно такая же ситуация была зафиксирована национальным бюро Колхозцентра в ряде районов Казахстана, Татарской АССР, автономных областей и республик Поволжья и Северного Кавказа⁸⁹.

Наспех созданные колхозы оказались в чрезвычайно сложном положении. В них была слаба организация производства, не отлажен механизм учета и распределения труда. В результате раскулачивания деревня лишилась наиболее умелых, знающих хлеборобное дело крестьян, способных возглавить колхозы. Поставленные сверху взамен этих потенциальных руководителей и специалистов общественного хозяйства так называемые рабочие-двадцатипятидесятники умели лишь давать команды и слепо проводить спущенные сверху директивы. Такая ситуация была вполне закономерна, так как городские жители в силу объективных причин не могли научить крестьян лучше, чем они могут сами, сеять и убирать хлеб, работать на земле. Показательно в этом плане свидетельство старожилы села Солодушино Николаевского района Волгоградской области В. Н. Литвинова. «Были двадцатипятидесятники, они ничего не разбирали. Спрашивали: “Почему просо сеете, а почему сразу пшено не сеете”», — вспоминал он⁹⁰. Не только двадцатипятидесятники руководили колхозами, но и выдвинутые из числа бедноты, партийно-комсомольского актива. Их подбор осуществлялся партийными органами по принципу политической благонадежности и способности кандидатов беспрекословно исполнять распоряжения сверху. Причем способность председателя колхоза обеспечить выполнение директив вышестоящих органов была главным критерием оценки его деятельности. А поскольку главная задача любого новоиспеченного председателя — выполнение колхозом государственных поставок сельхозпродукции, то их положение было незавидным. Их безжалостно снимали с работы в случае невыполнения колхозом плана и на их место назначали других, более решительных. Поэтому в первые годы колхозной жизни текучесть кадров была массовым явлением во всех регионах страны. Так, например, по сообщению инструктора Президиума ВЦИК М. И. Чинчевого, в 1931 г. по Репьевскому сельскому Совету Сердобского района Нижне-Волжского края за год сменилось 24 председателя и 15 председателей сельсовета⁹¹.

В ходе сельскохозяйственных кампаний 1931 г. основная ставка местным руководством была сделана на административное принуждение колхозников. Насильно загнав большинство из них в колхозы, местные руководители нередко вели себя по отношению к ним как самые настоящие помещики-крепостники. Трудно в это поверить, но в 1931 г. в период весенней посевной в советских колхозах пороли крестьян, как в незапамятные времена крепостного права! Такие факты имели место в Колышлейском, Романовском, Турковском, Бековском, Самойловском и других районах Нижне-Волжского края. Порки колхозников организовывали состоявшие из местных активистов так называемые «Союзы для борьбы за дисциплину». Пользуясь безнаказанностью и попустительством со стороны вышестоящего районного руководства, активисты «Союзов» пороли колхозников за опоздание на работу, за огрехи в пахоте, за поломку инвентаря, за плохой уход за лошадьми, за то, что «отбил чужую жену», пришел на работу в валенках, просто «гулял на улице» и т. д. Порка, как указывают документы, обычно происходила следующим образом: «Присужденного силой клали на землю и били ладонью, ложкой, а чаще вожжами, ремнем, прутьями [...], били мужчин и женщин»⁹². Наряду с порками отдельные сельские активисты куражились над людьми и другими способами. Например, в колхозе села Колычево Турковского района Нижне-Волжского края женщин-колхозниц принуждали целоваться с дурачком, которого предварительно «заставляли целовать лошадь»⁹³. Конечно, все эти факты были проявлением крайности и местного самодурства, и их организаторы привлекались к ответственности. Но они передают ту атмосферу административного произвола и бесправия, которая царила в колхозной деревне в рассматриваемый период.

Трагическим по своим последствиям стало еще одно нововведение — принудительное обобществление коров и личного скота колхозников. Источником этого беззакония стало постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 30 июля 1931 г. «О развертывании социалистического животноводства», в котором выдвигалась «центральная задача ближайшего времени в области сельского хозяйства» — добиться в 1931–1932 гг. решительного перелома в развитии животноводства путем создания колхозных ферм и увеличения поголовья скота в совхозах⁹⁴. Таким образом была разработана и стала проводиться в жизнь авантюристическая программа «большого скачка» в животноводстве, нацеленная на то, чтобы за один-два года на базе общественного хозяйства решить живот-

новодческую проблему. На практике все это вылилось в банальную реквизицию скота с крестьянских подворий. Повсеместно у отказывавшихся обобществлять скот колхозников его отбирали силой: взламывали замки на скотных дворах, загоняли на общий двор коров колхозников, пасшихся вместе с общественными. Когда же колхозники требовали вернуть отобранный скот, им выдавали квитанции о том, что скот обобществлен или сдан заготовителям⁹⁵. Все эти акции были грубейшим нарушением 4-й статьи примерного Устава сельскохозяйственной артели.

Ответом на такого рода действия стали массовые выходы крестьян из колхозов с требованием вернуть им скот, инвентарь, часть посевов. Крестьяне уничтожали скот, подрывая тем самым основы не только животноводства, но и продовольственной безопасности. По данным Наркомзема СССР, в колхозной деревне повсеместно происходил «массовый убой молочного скота и разбазаривание рабочих лошадей». Базары и городские рынки были переполнены рогатым скотом и лошадьми. Были зарегистрированы случаи «оставления лошадей на постоянных дворах в уплату за ночлег». Не продав на базаре и не желая просто так отдать скот колхозу, крестьяне нередко бросали его на дороге, в поле, прикрепляя к брошенным лошадям и быкам надписи: «Ничьи, кому нужно — берите»⁹⁶.

«Новый подъем» колхозного движения едва дотянул до осени 1931 г. С конца года повсеместно начались массовые выходы из колхозов, а пик их пришелся на начало 1932 г., когда число коллективизированных хозяйств в РСФСР сократилось на 1370,8 тыс., а на Украине — на 41,2 тыс.⁹⁷

Важнейшим фактором спада колхозного движения в конце 1931 — начале 1932 гг. наряду с авантюрным обобществлением скота стала хлебозаготовительная кампания, еще более жесткая и циничная, чем все предшествующие. Именно ее результаты в значительной степени предопределили ситуацию 1932 г. и голодомор 1933 г.

1931 год выдался не совсем благоприятным по погодным условиям. Хотя не такая сильная, как в 1921 г., но все же засуха поразила пять основных районов Северо-Востока страны (Зауралье, Башкирию, Западную Сибирь, Поволжье, Казахстан). Это самым негативным образом сказалось на урожайности и валовых сборах зерновых хлебов. В 1931 г. был получен пониженный урожай зерновых, 690 млн ц (в 1930 году — 772 млн ц)⁹⁸. Однако государственные заготовки хлеба не только не были сокращены по сравне-

нию с урожайным 1930 г., но даже повышены. В частности, предусматривалось изъятие из деревни 227 млн ц зерна по сравнению с 221,4 млн ц в 1930 г.⁹⁹ Например, для пораженных засухой Нижне-Волжского и Средне-Волжского краев план хлебозаготовок составил соответственно 145 млн пудов и 125 млн пудов (в 1930 г. они равнялись 100,8 млн пудов и 88,6 млн пудов)¹⁰⁰.

Таким образом, не считаясь с тяжелым организационно-хозяйственным состоянием колхозов, усугубившимся недородом, сталинское руководство установило рекордные планы хлебозаготовок за все годы Советской власти. Загнав крестьян в колхозы, он рассчитывало теперь выжать из них как можно больше хлеба.

Хлебозаготовки 1931 г. оказали важнейшее влияние на темпы сплошной коллективизации в основных зерновых районах СССР. Для единоличных хозяйств устанавливались повышенные («твердые») задания по обязательной сдаче государству хлеба. За невыполнение их широко применялось раскулачивание. У единоличников конфисковывали имущество, выселяли за пределы района и края, осуждали по ст. 61 УК РСФСР¹⁰¹. В этих условиях вступление в колхоз было едва ли не единственным способом избежать раскулачивания и репрессий. Причем местные власти не скрывали того, что политика хлебозаготовок и политика коллективизации неразрывно связаны между собой и стимулируют друг друга. Например, в постановлении президиума Нижне-Волжского крайисполкома от 31 июля 1931 г. говорилось: «Хлебозаготовки должны на деле обеспечить дальнейшее закрепление коллективизации, поднять ее на высшую ступень, содействовать полному завершению коллективизации и окончательной ликвидации кулачества как класса»¹⁰².

Начавшаяся уборочная кампания 1931 г. сразу же показала, что спущенные сверху планы были завышены и нереальны для выполнения, наносили огромный ущерб интересам колхозов. Например, в Республике немцев Поволжья, по сообщению ОГПУ АССРНП, планы оказались «выше обмолоченного хлеба»¹⁰³. Завышенный характер хлебозаготовительных планов особенно очевидным был для руководителей колхозов и различных уполномоченных районного и более высокого звена. Им сразу стало ясно, что в случае выполнения плана их хозяйства останутся без продовольственного и семенного зерна. Поэтому многие из них сразу же стали сигнализировать в вышестоящие органы о нереальности планов, а в ряде случаев и противодействовать их выполнению. Например, в селе Воскресенка Федоровского кантона Республи-

ки немцев Поволжья колхозное правление во главе с председателем Гусевым «активно противодействовали сдаче хлеба». «План селу дан нереальный, хлеба больше сдавать не будем, иначе население помрет с голоду», — заявляли они¹⁰⁴.

В то же время планирование хлебозаготовительных планов осуществлялось на основе данных о размерах посевных площадей, которые направлялись региональной властью в вышестоящие органы планирования. И здесь свою негативную роль сыграла политика «подстегивания» коллективизации, когда местные власти в угоду Центру стремились «отрапортовать об успехах» и нередко, чтобы удержаться на своих постах, шли на прямой обман и приписки. Так, например, в письме писателя В. П. Ставского в редакцию газеты «Известия», датированном 28 марта 1931 г., о посевной кампании на Северном Кавказе приводились следующие факты: «По данным крайфинуправления приписки посевных площадей составили 900 тысяч га. [...] Край «наврал Центру!». [...] Эти данные, преувеличенные, легли в основу всех дальнейших расчетов, в частности хлебозаготовительных... На самом деле рост посевов в крае был 7–9 %. Так же было и в других областях, скажем, на ЦЧО или Нижней Волге»¹⁰⁵.

У многих участников хлебозаготовительной кампании 1931 г. возникало сомнение, что такие планы могли быть одобрены центральной властью. Уж больно они были похожи на происки класового врага, решившего развалить молодые колхозы. В этой связи в августе 1931 г. на слете районного актива в г. Балашове Нижне-Волжского края районный уполномоченный по хлебозаготовкам Н. С. Чиркунов в своем выступлении представил цифры, убедительно подтверждающие нереальность плана хлебозаготовок в закрепленных за ним колхозах. Он прямо заявил, что эти планы больше похожи на «грабеж крестьянства», так как после их выполнения колхозы останутся без хлеба, семян и фуража, что приведет к срыву весенней посевной. Такое планирование, по его мнению, могли осуществить только вредители. Чиркунова исключили из партии и сняли с должности заведующего Балашовского педагогического техникума¹⁰⁶. Все попытки председателей колхозов и других низовых советских и партийных работников оспаривать перед краевым руководством планы хлебозаготовок заканчивались в лучшем случае строгим предупреждением, в большинстве же — снятием с работы и исключением из партии. На уровне местного районного и сельского руководства все разговоры о нереальности планов были запрещены. А нарушители запрета, как правило,

объявлялись «оппортунистами» и «проводниками антипартийной кулацкой линии». В официальных заявлениях региональные руководители не ставили под сомнение контрольные цифры хлебозаготовок. Местным советским и партийным органам следовало выполнять их невзирая на погоду.

В то же время краевые и республиканские власти, решительно пресекая все движения снизу, осознавали сложность ситуации и пытались доказать ее перед ЦК партии и Советским правительством. В частности, руководство Нижне-Волжского и Средне-Волжского краев неоднократно обращалось в ЦК ВКП(б) и СНК СССР с просьбами снизить план хлебозаготовок, мотивируя эти просьбы резко ухудшившимися в процессе уборки климатическими условиями, а также катастрофическим положением с тяглом¹⁰⁷. Подобные же просьбы шли и из других регионов. В этом плане типична докладная записка секретаря Средне-Волжского крайкома ВКП(б) М. М. Хатаевича и председателя крайисполкома Брыкова в Наркомснаб и Наркомзем СССР от 26 августа 1931 г. В ней говорилось: «В 23-х из 35 районов Левобережной части нашего края полностью в текущем году погибли от засухи и суховея все посевы овса. <...> Состояние живой тягловой силы в левобережной части нашего края в данный момент крайне тяжелое. Вследствие истощения, вызываемого очень большой загрузкой и крайним недостатком концентрированных кормов, от 15 до 25 % лошадей по Левобережью в данный момент не может быть использовано ни на какой работе. Сильно увеличился падеж лошадей от менингита... являющегося результатом крайнего истощения, вызванного перегрузкой и недостатком питания...»¹⁰⁸

О реакции Сталина на просьбы региональных руководителей о снижении плана хлебозаготовок можно судить по его репликам и выступлениям на проходивших в это время пленумах ЦК партии, директивам местным партийным органам в связи с хлебозаготовками.

Так, например, 30–31 октября 1931 г. состоялся пленум ЦК ВКП(б), на котором заслушивались сообщения секретарей местных партийных организаций (С. В. Косиора, Б. П. Шеболдаева, И. М. Варейкиса, М. М. Хатаевича, В. В. Птухи и др.) о ходе выполнения плана хлебозаготовок. Просьбы секретарей Средне-Волжского и Нижне-Волжского крайкомов о сокращении хлебозаготовок в связи с недородом (при этом приводились конкретные данные об урожайности) Сталин отверг в резкой форме, поиронизировав над тем, «какими точными в последнее время» стали се-

кретари, приводя данные об урожайности. А присутствующий на пленуме нарком Микоян, непосредственно отвечавший за снабжение населения продуктами питания, подводя итоги заслушанным сообщениям, подчеркнул: «Вопрос не в нормах, сколько останется на еду и пр., главное в том, чтобы сказать колхозам: “в первую очередь выполни государственный план, а потом удовлетворяй свой план”»¹⁰⁹.

Вскоре после Октябрьского пленума первоначальные планы хлебозаготовок были несколько снижены. Но это снижение не было принципиальным, планы по-прежнему оставались чрезвычайно напряженными¹¹⁰. Они должны были выполняться, невзирая ни на какие причины. Виновных в срыве хлебозаготовок ожидали самые суровые меры наказания. Об этом прямо было указано в телеграмме Сталина и Молотова крайкомам и обкомам партии от 5 декабря 1931 г. В ней к колхозам, не выполнившим план хлебозаготовок, предписывалось применять такие репрессивные меры, как досрочное взыскание всех кредитов, прекращение обслуживания МТС, принудительное изъятие имеющегося зерна, включая семенное, «не останавливаясь перед продажей государству всех фондов таких колхозов»¹¹¹. Таким образом, давление на колхозную деревню шло с самого верха. Сталин и его ближайшее окружение несли личную ответственность за все действия местных властей по реализации решений и их трагические последствия.

А то, что эти решения обрекали деревню на голод, — было очевидно. И одним из примеров, подтверждающих эту мысль, стало дело бывшего секретаря Челно-Вершинского райкома партии Средне-Волжского края Ткачева. По его указанию в районной газете была опубликована та самая секретная телеграмма Сталина и Молотова от 5 декабря 1931 г. о хлебозаготовках. Этим необычным шагом секретарь райкома решил объяснить районному активу и рядовым колхозникам причины, вынуждавшие руководство района «фактически подчистую выгрести хлеб из деревни». Он не желал, чтобы колхозники посчитали его «вредителем», по вине которого в колхозах берут хлеб «до основания». Он не виноват в этом! Такая директива дана району ЦК ВКП(б) и Советским правительством. Поэтому секретарь райкома снимает с себя ответственность за все последствия, которые возникнут в районе после выполнения плана хлебозаготовок. Решением бюро Средне-Волжского крайкома партии от 16 декабря 1931 г. Ткачева за попытку «перевалить в глазах колхозников Челно-Вершинского района ответ-

ственность за серьезные меры нажима, которые надо было в районе принять в целях усиления хлебозаготовок, на партию в целом и на ее Центральный комитет» сняли с занимаемой должности и исключили из партии¹¹².

14 января 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) принимает постановление, которое требует от регионов проведения сверхплановых хлебозаготовок: «Обязать нац. ЦК, крайкомы и обкомы по выполнении установленного для области (края, республики) годового плана хлебозаготовок продолжать заготовки сверх плана... Весь хлеб, заготовленный сверх годового плана, за исключением 40 %-го отчисления, зачислять в централизованные ресурсы»¹¹³.

Подобные директивы центра не оставляли местной власти выбора в применении средств для их выполнения. Поскольку к декабрю 1931 г. в счет хлебозаготовок был вывезен уже весь хлеб, то их продолжение означало изъятие у колхозов хлеба, выданного на трудодни в качестве аванса или оставленного на семена. Подобная акция могла иметь успех лишь при условии широкого применения принудительных и репрессивных мер. Так и случилось. Зимой 1931–1932 гг. повсеместное распространение получили обыски, проводимые сельскими активистами, уполномоченными по хлебозаготовкам в домах колхозников и единоличников. Специально составленные из их числа так называемые штурмовые бригады, нередко с участием «милиционера с винтовкой», «днем и ночью» производили обыски, «не разбираясь, бедняк, середняк или зажиточный» и забирали обнаруженное зерно¹¹⁴. Так, например, по сообщению работника ОГПУ, в селе Н. Буяне Красноярского района Средне-Волжского края «председатель колхоза Тамбовцев и председатель сельсовета арестовали 8 колхозников». В том числе была арестована «беднячка-колхозница» Шерстнева, мать шести детей, у которой в ходе обыска был «отобран последний хлеб». В колхозе Ново-Котласского сельсовета Чаадаевского района того же края председатель колхоза Зотов избил, арестовал на трое суток и оштрафовал на 30 рублей колхозника Казакова за то, что он осмелился просить хлеба «за выработанные трудодни». Хлеба не было, так как он ушел в счет хлебозаготовок¹¹⁵.

Принудительный характер хлебозаготовок не мог не вызвать негативной реакции со стороны крестьян. Они прекрасно понимали, что эти хлебозаготовки оставят их без хлеба. Показательно в этом плане донесение начальника ОГПУ Республики немцев Поволжья Адамовича в центр о настроениях крестьян Немецкой республики осенью 1931 г. «Голод будет еще хуже, чем в 1921 году.

У крестьянина нет ничего, хлеб весь сдали, скотину тоже забрали», — шли разговоры в селениях АССРНП¹¹⁶.

Осознавая последствия, крестьяне пытались противодействовать хлебозаготовкам имеющимися в их распоряжении средствами. В ходе хлебозаготовительной кампании 1931 г. на почве недовольства хлебозаготовками, продовольственным положением и принудительным обобществлением скота во всех регионах страны имели место факты массовых выступлений, так называемых «волынок». Средством защиты своих интересов стало неорганизованное отходничество, убой и продажа скота, отказ единоличников от засева полей под новый урожай. Особенно активными эти выступления стали с осени 1931 г., когда в полной мере проявились негативные последствия хлебозаготовок и коллективизации в целом. Именно с этого времени в деревне резко усиливается недовольство крестьян своим материальным положением¹¹⁷. Например, в селе Воскресенка Федоровского кантона АССРНП 26 сентября 1931 г. женщины-колхозницы попытались помешать вывезти из колхоза хлеб. Около 100 человек сбежались к колхозному амбару, где шла погрузка хлеба на фуры и в категоричной форме заявили: «Мы вывозить хлеб не дадим, вы хотите нас поморить с голоду!» Женщины также потребовали освободить арестованных за невыполнение плана хлебозаготовок председателя колхоза и председателя сельского Совета. Выступление было разогнано с помощью милиции, инициаторы и активные участники подверглись аресту¹¹⁸.

Массовым явлением в зерновых районах стали факты укрытия зерна единоличниками, их бегство из селений, отказ от выполнения плана засева своих участков зерновыми культурами. Вот лишь несколько примеров из уже упомянутой докладной записки начальника ОГПУ Республики немцев Поволжья Адамовича о положении в республике осенью 1931 г. Так, в докладной записке сообщалось, что в Золотовском кантоне массовым явлением было «укрывательство хлеба», который крестьяне прятали «в разных местах, чтобы нашли не всё». В селе Лапоть этого кантона, где 40 % населения составляли единоличники, почти все их дома «были заколочены наглухо», сами они, «чтобы не беспокоили разные комиссии», днем находились «в садах, в лесу, в поле», а на ночь заходили в дом «черным ходом» или влезали в окно, ночевали в сараях, спали «в забитом доме и под замком». Ежедневно из селений Золотовского кантона выезжало «по 100 — 200 хозяйств». В другом кантоне республики, Мариентальском, как сообщалось в записке, настроение населения было «паническое». Единоличники, бедняки,

средняки прятали хлеб, «боясь, что отберут весь», не хотели больше сеять, отдельные семейства «без ведома сельсовета» оставляли дом, инвентарь и уезжали¹¹⁹.

Судя по документам, изъятия зерна «под гребенку» зимой 1931–1932 гг. вызывали протест не только у рядовых колхозников и единоличников, но и районных руководителей, озабоченных за положение вверенного им в управление населения. Чтобы не допустить голода, они пытались оставить часть зерна на внутреннее потребление, санкционируя его раздачу колхозникам в счет заработанных ими трудодней. Кроме того, они руководствовались положением об оставлении в районе 40 % зерна из заготовленного сверх плана. Результаты данных действий хорошо видны на примере Нехаевского района Нижне-Волжского края. 3 февраля 1932 г. бюро ВКП(б) и президиума крайисполкома НВК исключило из партии и отдало под суд секретаря Нехаевского райкома Мартынова, председателя райисполкома Родионова и председателя райколхозсоюза Гудко «за обман партии и государства», выразившийся в срыве плана хлебозаготовок из-за «оппортунистической практики» «авансирования колхозников»¹²⁰.

План хлебозаготовок 1931 г. силами уполномоченных и местных активистов, организовавших «хлебозаготовительные штурмы», с помощью принуждения и репрессий был выполнен в большинстве регионов СССР. Несмотря на то что в 1931 г. по сравнению с 1930 г. хлебозаготовки уменьшились (например, в Нижне-Волжском крае — на 13,4 %, в Средне-Волжском крае — на 12 %), из деревень было вывезено огромное количество хлеба по отношению к валовым сборам. На Нижней Волге, например, в счет хлебозаготовок отправили половину урожая, на Средней Волге — почти 40 %. В то же время сами валовые сборы зерновых снизились по сравнению с 1930 г., соответственно на 27,8 и на 22,4 %¹²¹.

Это означало, что в заготовки ушел хлеб, предназначенный для продовольственного обеспечения крестьянских семей и на семена. Оставшийся в деревне хлеб не мог обеспечить необходимых минимальных потребностей в нем миллионов крестьян до нового урожая. Например, по официальным отчетам колхозов Нижне-Волжского края, составлявших 65 % общего их числа в крае, в 1931 г. на одно хозяйство было выдано 450 кг хлеба¹²². Всего в колхозах края в 1931 г., по данным сельскохозяйственного налога, насчитывалось 605 409 хозяйств с населением в 2698,2 тыс. человек. Если рассчитать на все колхозное население Нижней Волги количество хлеба, выданного ему в 1931 г. за работу в колхозах, исходя из отчетных

данных 65 % колхозов края, то окажется, что на одного человека могло быть выдано не более 101 кг зерна. Это значит, что до следующего урожая каждый член колхозной семьи мог употребить в сутки всего 280 г хлеба. По принятым же нормам хлебного потребления на одного сельского жителя региона в 1920-е гг. приходилось в среднем 210 кг зерна в год, или 575 г в сутки¹²³.

Следует отметить, что хлеб, оставленный в колхозных деревнях в счет оплаты заработанных колхозниками трудодней, включил в себя количество хлеба, израсходованного на общественное питание во время полевых работ. Это означает, что на руки колхозникам выдали из указанного в колхозных отчетах хлеба еще меньше или вообще не выдали, так как он уже был съеден в ходе уборочной кампании. Кроме того, часть этого заработанного на трудодни хлеба вернулась в государственные закрома в ходе кампании по засыпке семян под урожай 1932 г. Особенно это касается единоличников, которых принудительно заставляли создавать семенные фонды в ущерб продовольственным запасам семьи. В 1931 г. в ходе хлебозаготовительной кампании колхозы и единоличные хозяйства свезли на элеваторы не только товарное, но и значительную часть продовольственного зерна. Попытки местного руководства протестовать против подобной практики и завышенных планов хлебозаготовок оказались безрезультатными из-за жесткой позиции Сталина и его ближайшего окружения. Итогом всего этого стали серьезные продовольственные трудности и местами голод в основных аграрных районах страны зимой 1931–1932 гг.

О том, что произошло именно так, свидетельствуют многочисленные письма крестьян, адресованные Сталину и другим руководителям государства. Приведем некоторые из них, наиболее типичные.

Колхозник П. Е. Хромоножкин из села Шумейковка Покровского района Средне-Волжского края писал в ноябре 1931 г. Сталину: «В нашем колхозе около 400 членов с семьями, а хлеба намолотили всего около 90 тыс. пуд. Задание по хлебозаготовкам — 85 тыс. пуд. Правление колхоза поставило в известность исполком, но тот предписал безоговорочно выполнять план. Когда сдали 50 % плана, председатель колхоза, видя, что хлеба остается только для собственного потребления, заявил, что колхоз больше не может сдавать хлеб. Исполком снимает этого председателя. Второй председатель сдавал хлеб до тех пор, пока осталось только семенное зерно, а потом отказался. Назначили третьего, который вывез весь хлеб... Колхозникам стали давать 400 г хлеба в день и больше

ничего. А ведь у колхозника есть и семья, которая сидит дома без куска хлеба [...] Дорогой тов. Сталин, Вы должны взгреть тех, кто подрывает авторитет и доверие к партии и Советской власти»¹²⁴.

Из письма рабочего А. П. Никишина Калинину о положении в колхозе имени рабочих завода Фрунзе Екатериновского сельского Совета Приволжского района Средне-Волжского края: «Под 1931 год была земля вся запахана и весной засеяна, и урожай был ничего, хороший. Пришла уборка хлеба, колхозники урожаем сняли благополучно [...], но стали возить государству и вывезли весь хлеб. И в настоящее время колхозники с малыми детьми пропадают с голоду [...]. Народ стал пухнуть с голоду. Колхозники с большим трудом добывают денег, бросают семьи и малых ребят и сами скрываются. И весь мужской пол разъехался, несмотря на то, что в скором будущем наступит весенний посев. Конная сила почти вся пала, на 360 домохозяев осталось 80 лошадей, и те, нынче-завтра, смотрят в могилу. И колхозники, не нынче-завтра, ожидают гибели от голода»¹²⁵.

«Тов. Сталин, я прошу Вас посмотреть, как в колхозе живут колхозники, — писал колхозник из Татищевского района Нижне-Волжского края. — У нас в Николаевском колхозе колхозники голодают. Хлеба не дают, а заставляют колхозников работать. Несмотря на голод, колхозники все же идут на работу. На общих собраниях нельзя говорить, если станешь говорить, то скажут, что ты — оппортунист»¹²⁶.

В письме председателя Курганского сельского Совета Ртищевского района Нижне-Волжского края Калинину сообщалось: «Согласно плану хлебозаготовок, который был дан более всего валового сбора всех культур в колхозе, сейчас из колхоза вывезен весь хлеб и даже не оставлено ни фунта на площадь в 2305 га семян и фуража для лошадей. Хлеба более месяца не выдавали хорошим колхозникам, пенсионерам и семьям красноармейцев, отчего сейчас даже примерные колхозники, у кого много трудодней, сидят с детьми более двух месяцев на одном картофеле. От этого все бросают на произвол судьбы и разбегаются в разные стороны только для того, чтобы спасти от голодной смерти себя и детей»¹²⁷.

Вопиющие факты тяжелейшего положения колхозников, с одной стороны, и циничного отношения к ним местных руководителей с другой, были приведены в коллективном письме Калинину 62 членов колхоза имени Блюхера Каменского сельского Совета Самойловского района Нижне-Волжского края: «Колхоз не имеет семенного материала ни одного килограмма [...], на питание не

имеется ни зерна [...], питание колхозников заключается в следующем: корнеплоды, то есть картофель и свекла. И такое питание не у каждого [...]. Некоторые питаются от голода падалью лошадей и свиней, несмотря на то, от какой боли животное погибло. Несколько раз было предупреждено колхозникам, чтобы падаль не ели, но отвечали: "Все равно нам помирать от голода, а употреблять падаль будем, хотя бы и заразная скотина. Или же нас расстреливайте, нам жизнь не нужна". На каждом заседании просим правление ходатайствовать о питании, хотя бы по 100 граммов на едока в день, у кого имеется большое количество трудодней. Но правление посмеется, а особенно предправления с жандармским криком отвечает: "Спасайся, кто может! Хотя бы померли несколько человек, от этого социализм не пострадает"¹²⁸.

Если Поволжье и другие районы страны поразила засуха, то совсем иная ситуация сложилась в Северо-Кавказском крае. В 1931 г. урожай побил там все рекорды урожайности за годы Советской власти. Он составил приблизительно 69,7 млн ц. Из них государству было сдано 30,6 млн ц, что составило порядка 43 % и втрое превысило показатель 1928 г.¹²⁹ Но для крестьян радости от такого достижения было мало. В результате выполнения хлебозаготовок оставшегося зерна оказалось недостаточно, чтобы удовлетворить минимальные потребности крестьян в хлебопродуктах, а скот в фураже¹³⁰. Для Северного Кавказа сложилась необычная ситуация. Впервые на Кубани, получившей приличный урожай, к началу весны колхозники остались без хлеба. «Мы работаем, но понятия не имеем за что», — заявил в связи с этим один из делегатов Третьей краевой конференции колхозников. «Мы работали целый год, и все, что мы получили за наши труды, — одни трудодни», — замечали другие колхозники¹³¹. Многочисленные источники засвидетельствовали факты заболеваний колхозников в начале 1932 г. в районах Дона и Кубани на почве недоедания¹³².

О начавшемся в 1932 г. голоде на Кубани и в Поволжье шли письма крестьян не только непосредственно «вождям», но и в центральные газеты, в надежде донести до руководства страны трагизм своего положения. Но и эти письма не публиковались и в большинстве своем не рассматривались. Они откладывались в «бюро читки» редакций центральных газет, а затем включались в так называемые «политические сводки неопубликованных писем». Среди них сводки газеты «Известия ЦИК» за февраль — март 1932 г. Приведем некоторые выдержки из них о ситуации в деревне в начале 1932 г.:

Аноним:

«Положение Немреспублики нужно признать критическим. В Марксистском кантоне, села Золопурт, Гатунг, Шенень, осталось 20 % населения. Крестьяне оставляют постройки и уходят на заработки, чтобы никогда не возвратиться. У колхозников и единоличников все отобрали, мы не сможем засеять поля, не сможем увеличить стада. Москва должна взять на буксир Немреспублику, накормить население и наказать всех вредителей, которые с плодородной Немреспублики сделали пустыню»¹³³.

Ст. Чамлыкская Северо-Кавказского края, колхозник, красноармеец В.М. Ковальчук:

«Я пишу не как пасующий перед трудностями, не как враг Советской власти, а как человек, который ее завоевал.

В Чамлыкском районе есть один колхоз, по величине второй в крае, выполняющий 300 тыс. пуд. хлебазаготовок, но беда в том, что это социалистическое хозяйство тает, как весенний снег, люди из колхоза бегут кто куда. В колхозе забрали весь хлеб и оставили немножко кукурузы, которой и люди питаются. Это и есть результат неизбежного развала колхоза...»¹³⁴

Новочеркасский район Северо-Кавказского края. Без подписи.

«Газета “Известия”, ответ на вопрос — правда ли, что есть распоряжение, чтоб колхозники все на производство, а на их место поселить иностранцев? Поэтому будто бы власть забирает весь хлеб и не оставляет на пропитание и на посев, чтобы колхозники сами побросали колхозы и ушли на производство...

Мы, колхозники, не верим, чтоб высшая власть забрала у нас весь хлеб, даже семенной... Газета “Известия”, не отнимай ты у нас веру в то, что колхозы ведут нас не к гибели, а к лучшей жизни, и что если мы голодаем, не виновата власть, а местные заправилы. Газета “Известия”, хочь для грудных бы детей пшеничного хлеба, хотя бы поесть, а то еще хуже будет»¹³⁵.

Наступивший в 1932 г. голод в Поволжье и Северо-Кавказском крае зафиксировали информационные службы ОГПУ.

Из спецсправки Секретно-политического отдела ОГПУ не ранее апреля 1932 г.:

«Средне-Волжский край:

Продзатруднения начали проявляться с января месяца 1932 года, главным образом, по районам Левобережья Средне-Волжского края, причем в марте месяце продзатруднения еще более усилились, увеличились случаи употребления в пищу суррогата (желуди, картофельная кожура, травы, листья и т. д.) и павших живот-

ных. За последнее время зарегистрированы опухания и два случая смерти на почве голода...»¹³⁶

«Ниже-Волжский край:

Продзатруднения по Ниже-Волжскому краю начали проявляться с декабря месяца прошлого года. Так, в декабре учтено 45 колхозов по 20 районам, преимущественно северной части края, где 1230 семей испытывали острые продзатруднения. Отмечено было на этой почве 3 случая смертности, одно покушение на самоубийство, случаев опухания — 20, употребление в пищу павших животных и разных суррогатов...»¹³⁷

«Северо-Кавказский край:

Продзатруднениями охвачены 5 районов СКК: Лабинский, Миллеровский, Краснодарский, Тарасовский и Майкопский. На 4 апреля в этих районах зарегистрировано смертей от голода — 6, опуханий — 6 случаев, употребления в пищу падали и суррогатов — 45 случаев, заболеваний — 1100 случаев, покушений на самоубийства — 2 случая, голодающих — 1869 чел.»¹³⁸

Таким образом, в результате хлебозаготовок 1931 г. пострадали и районы, пораженные засухой (Поволжье), и районы, где погода была нормальной (Северо-Кавказский край). Хлеб вывезли, не считаясь с положением колхозов и колхозников и невзирая на погоду.

Куда был вывезен хлеб, несмотря на, казалось бы, очевидные негативные последствия такой акции для сельского населения и колхозов? Конечно, основная его часть направлялась на удовлетворение внутренних потребностей страны (для нужд городского населения, армии и т.д), в 1930/31 г. на эти цели из поступившего в результате хлебозаготовок хлеба ушло — 62,5 %, в 1931/32 г. соответственно 71,4 %. В то же время, несмотря на то, что в 1931 г. валовой сбор зерновых хлебов оказался на 77,2 млн ц ниже, чем в 1930 г., на экспорт было отправлено 47,9 млн ц (21 % всего поступившего хлеба), лишь на 10,6 млн ц меньше, чем в урожайном 1930 г. (в этом году экспорт составил 58,4 млн ц)¹³⁹. Именно этого хлеба и не хватило, чтобы не допустить продовольственных трудностей и голода в деревне в начале 1932 г. С колхозников и единоличников государство сняло «сверхналог» в форме экспорта зерна, а полученная в связи с этим валюта использовалась на закупки промышленного оборудования, осуществлявшейся на основе договоров с западными фирмами. «Голодный экспорт» снова вернулся в Советскую Россию. Новым режимом в новых исторических условиях начала реализовываться известная формула царского министра Вышнеградского: «Не доедим, но вывезем». Крестьянская Россия стала

заложником форсированных планов индустриализации новых реформаторов, и в 1932 г. в полной мере испытала на себе последствия их антикрестьянской политики.

Таким образом, в 1930–1931 гг. складывались предпосылки общекрестьянской трагедии — голодного мора 1933 г. В чем же они состояли? Прежде всего в 1930–1931 гг. казаки и крестьяне получили горький опыт реальной, а не декларируемой сталинской пропагандой жизни в колхозах. Главный урок первых двух колхозных лет состоял в том, что государство рассматривало колхозы лишь как источник для выкачивания средств на нужды индустриализации, не считаясь при этом с интересами крестьянства. Сами колхозы оказались экономически слабыми, созданными методами принуждения, ценой раскулачивания самых трудолюбивых крестьян и превращения остальных в крепостных государства. Неоспоримым свидетельством этого стала хлебозаготовительная кампания 1931 г., когда в условиях недорода был вывезен из деревни необходимый хлеб. В 1931 г. за работу в колхозах подавляющее большинство колхозников ничего не получило. Ситуация усугубилась бездумным обобществлением личного скота, еще больше ухудшившим положение крестьян. Эти факты оказали несомненное воздействие на психологическое состояние деревни. Поскольку в колхозах не платили за труд, и они на практике становились, как об этом точно стали говорить в деревнях, «вторым крепостным правом большевиков» — формулировка дана по буквам названия коммунистической партии — ВКП(б), добросовестный труд для большинства колхозников становился бессмысленным. В условиях бескормицы зимы 1931–1932 гг. неизбежным становилась массовая гибель скота от бескормицы и некачественного ухода за ним в колхозах. К этому следует добавить реальный голод, наступивший уже в основных зерновых районах страны. Все эти факторы не могли не отразиться на ситуации 1932 г. в колхозной деревне.

Глава 3

1932 ГОД: ХЛЕБОЗАГОТОВИТЕЛЬНЫЙ БЕСПРЕДЕЛ

§ 1. Урожай 1932 года. Вырастили, но не убрали

В 1932 г. в полной мере проявились негативные последствия насильственной коллективизации и хлебозаготовок. Прежде всего они сказались на состоянии колхозного производства и настроенных крестьян. Как уже говорилось, первый колхозный урожай 1930 г. в силу благоприятных погодных условий оказался богатым. Это утвердило Сталина в мысли, что зерновая проблема в стране может быть решена в ближайшей перспективе. И самое главное, обильный урожай 1930 г. уверил вождя в преимуществах так называемого социалистического земледелия над мелким крестьянским хозяйством. Поэтому в 1930–1931 гг. в несколько раз был увеличен экспорт зерновых культур, а в 1931–1932 гг. даны колхозам и другим секторам аграрной экономики огромные планы обязательных зернопоставок. Но в 1932 г. произошел существенный спад урожайности зерновых хлебов, и режим столкнулся с серьезнейшими трудностями в период хлебозаготовительной кампании. В конечном итоге логика развернувшихся событий привела к трагедии 1933 г. Тому, как это было, и посвящается настоящая глава.

* * *

В феврале–мае 1932 г. на проведение посевной кампании Центром были выделены семенные и продовольственные ссуды¹. Официальным поводом для данной акции была названа засуха 1931 г., резко понизившая урожайность зерновых хлебов.

Первые решения об оказании помощи недородным районам СССР были приняты Политбюро ЦК ВКП(б) 3–8 февраля 1932 г. Беспроцентная семенная ссуда предоставлялась колхозам районов, подвергшихся засухе, на условиях возврата осенью натурой и составляла 27 млн 250 тыс. пудов. Из них Нижняя Волга получала

2 млн пудов, Средняя Волга — 5,8 млн пудов. Кроме того, колхозам районов, «пострадавших от засухи», отпускалась «продовольственная помощь» в размере 6 млн пудов ржи (в порядке ссуды с возвратом осенью натурой), в том числе: Средней Волге — 1500 тыс., Нижней Волге — 300 тыс. Особое внимание было уделено зерновым и семенным совхозам. Им для посева выделялось 6 млн 750 тыс. пудов зерна, в том числе Нижней Волге 500 тыс. пудов пшеницы, Средней Волге — 600 тыс. пудов пшеницы и 100 тыс. пудов овса. Отпуск производился в порядке беспроцентной ссуды с возвратом осенью натурой².

7 марта 1932 г. вышло очередное постановление Политбюро «О семенной ссуде», которое основывалось на осознании властью факта более серьезных последствий недорода 1931 г., чем представлялось ранее. Оно предусматривало выдачу колхозам недородных районов дополнительной семссуды в количестве 13 850 тыс. пуд., в том числе для НВК — 2350 тыс. пуд, для СВК — 2300 тыс. пуд. При этом оговаривалось, что помощь дается при условии «обязательного выполнения посевного плана Наркомзема»³.

Зерно для организации посевной изыскивалось не только из государственных резервов, но за счет его внутреннего перераспределения. В частности, для Нижней Волги его следовало получить с Дона. Об этом прямо указывалось в шифрограмме секретаря Нижневолжского крайкома В. В. Птухи из Москвы в Саратов 7 марта 1932 г.: «Необходимо немедленно мобилизовать машины тракторцентра и организовать вывоз пшеницы с Дона, командировав специальных уполномоченных»⁴. Подобная мера не способствовала улучшению положения в донских районах, поскольку они лишались 2 млн 350 тыс. пудов хлеба, который мог бы уйти на продовольственные нужды населения.

Выделение продовольственных и семенных ссуд происходило под личным контролем И.В. Сталина и его ближайшего окружения. Так, например, 29 мая 1932 г., ознакомившись с шифротелеграммой секретаря Нижне-Волжского края В. В. Птухи с просьбой об отпуске дополнительной продовольственной и семенной ссуды колхозам края, Сталин вынес резолюцию: «Нужно дать»⁵.

Документы свидетельствуют об осознании сталинским руководством сложной ситуации, сложившейся в сельском хозяйстве СССР в начале 1932 г. По-другому нельзя объяснить постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 8 января 1932 г. «О закупке семян за границей» (в США, Европе и Северной Африке) на сумму 550 тыс. руб., а также пункт постановления ПБ от 7 марта 1932 г. о

прекращении отгрузки «на экспорт продовольственных культур (85 тыс. т)»⁶.

Выделенные ссуды не покрывали потребностей весенней посевной. Например, в Нижне-Волжском крае дефицит семян оставался в пределах 75 %, в Средне-Волжском крае — 79 %. Оставшаяся часть зерна изыскивали на местах⁷.

Продовольственные ссуды также были минимальными с точки зрения потребностей деревни. Например, в Поволжье в 1932 г. трудоспособное население, работавшее в колхозах, составляло приблизительно 2 444 000 человек⁸. Весенняя посевная в среднем продолжалась месяц и чуть больше. На указанное число колхозников из выданной продовольственной ссуды должно было идти ежедневно примерно 300 граммов зерна на человека. Полученные зерновые ссуды в самой незначительной степени улучшили положение крестьян. И это улучшение они ощутили лишь в апреле, с началом посевной, когда государственное зерно стали выдавать выходящим на работу в поле колхозникам. На неработающих колхозников и единоличников данные ссуды не распространялись.

Таким образом, до начала посевной 1932 г. никакой продовольственной помощи колхозам Поволжья, Дона и Кубани Советским правительством оказано не было. Напротив, как уже говорилось, в селениях активно проводилась кампания по засыпке семян под урожай 1932 г. В соответствии с постановлением СНК СССР от 7 февраля 1932 г. основная часть семян, предназначенных на посевную, должна была быть собрана в колхозах. И местное руководство приняло все меры к выполнению данного решения правительства. К этому времени часть семян уже была заготовлена из урожая 1931 г. Однако значительное количество зерна, необходимого для семян, ушло в счет государственной хлебосдачи. Поэтому получить оставшуюся его часть, запланированную на посев, было возможно только за счет изъятия зерна у колхозников и единоличников.

Колхозникам было объявлено, что Советское правительство решило оказать им «помощь», но для этого оно ожидает и встречных шагов от них. Например, в постановлении бюро Нижне-Волжского крайкома ВКП(б) от 22 февраля 1932 г. указывалось, что в «ответ на решение ЦК и СНК о семенной помощи», колхозники должны организовать «встречную волну по засыпке семян»⁹. Поскольку продовольственное положение большинства из них было тяжелым, то взять хлеб у крестьян можно было только с помощью административного давления и прямого насилия. Боль-

шинство местных партийных органов вынуждено было пойти именно по этому пути. Так, например, Мало-Сердобинским райкомом партии Нижне-Волжского края была дана установка на «изъятие в семфонды хлеба сверх полутора пудов на едока»¹⁰. На деле во многих колхозах активисты производили конфискации всего найденного у крестьян продовольственного зерна. Местные власти принимали решения о возвращении так называемого переполученного хлеба на трудодни за 1931 г. «лодырями и рвачами», что позволяло подвести под это понятие широкую массу колхозников¹¹. Его «возвращали» как от «лодырей», так и от колхозников-ударников.

Кампания по засыпке семян под урожай 1932 г. значительно ухудшила положение сельского населения, так как в ходе ее проведения было изъято значительное количество зерна, предназначенного на пропитание крестьянских семей и прокорм скота. Весной 1932 г. на поля вышли ослабленные недоеданием колхозники. Продовольственная ссуда, выдаваемая колхозам за выполнение плана посевных работ, не могла досыта накормить работавших в поле. Это не могло не отразиться на качестве полевых работ.

Вступая в третью колхозную весну, краевое руководство на основании распоряжений ЦК ВКП(б), Советского правительства, государственных органов управления сельским хозяйством принимало решения, направленные на организацию успешного проведения посевной кампании. Основной упор в колхозах предполагалось сделать на создание производственных бригад с постоянным числом колхозников, с закреплением за ними рабочего скота, сельхозинвентаря, производственного участка¹². Для усиления партийного влияния на производстве предусматривалось создание в колхозных бригадах партийного звена из числа колхозников-коммунистов¹³. На места давались директивы, чтобы при составлении производственно-финансовых планов колхозов на 1932 г. планировалось за счет сокращения других расходов увеличение натуральной и денежной стоимости трудодня. Колхозные производственные бригады призывались к борьбе за достижение урожая выше среднего по колхозу. За это обещалась добавочная выдача премий натурой и деньгами. Предлагалось вывешивать специальные плакаты на колхозных станах с конкретными указаниями размеров премий. Партийные органы принимали решения о развертывании в деревне социалистического соревнования за успешное проведение полевых работ¹⁴. В центральной и местной печати публиковали статьи, в которых напоминалось крестьянам о причинах «временных трудностей» колхозного стро-

ительства. В конечном итоге они сводились к вредительской деятельности «кулака», который открыто или тайно вредил колхозному производству. Однако данные меры не привели к ожидаемому результату. Весенняя и уборочная кампании прошли крайне неудачно. Возник кризис хлебазаготовок, а в 1933 г. наступил ужасный голод.

Важнейшая проблема истории советской деревни начала 1930-х гг. — вопрос о размерах урожая 1932 г. В какой мере он повлиял на наступление голода? Для этого необходимо проанализировать ход основных сельскохозяйственных работ в 1932 г., влияние на них объективных и субъективных факторов. Важнейшим из них традиционно был природно-климатический фактор. И вопрос о погоде в 1932 г. и размерах выращенного урожая является ключевым для рассматриваемой темы. По этому вопросу, как отмечалось в историографическом обзоре, существуют разные мнения специалистов¹⁵. Попытаемся разобраться в нем на основе изученных архивных и других источников.

Итак, какой же в действительности была погода в 1932 г. в Поволжье, на Дону и Кубани? На этот счет имеются очень важные свидетельства специалистов, непосредственно наблюдавших за погодой и урожаем 1932 г. в зерновых районах СССР. Приведем наиболее важные из них. Комиссия президиума ЦИК по изучению хода советского, экономического и культурного строительства на территории Северного Кавказа в отчетном докладе, написанном в январе 1933 г., затрагивая вопрос об урожае 1932 г., заключила, что окончательные цифры урожайности каждой зерновой культуры (за исключением ржи) показывают, что валовой сбор с гектара был значительно ниже в 1932 г., по сравнению с 1931 г. В докладе названы многочисленные причины пониженной урожайности в 1932 г., кроме погодных условий. Комиссия считала, что погодный фактор не заслуживал внимания с точки зрения его включения в итоговый отчет¹⁶.

Другим, на наш взгляд, наиболее объективным наблюдателем урожая зерновых культур 1932 г. в момент их созревания был Эндрю Кэрнс, шотландско-канадский специалист по пшенице, который провел около трех месяцев в СССР — с 10 мая по 22 августа 1932 г., объезжая основные сельскохозяйственные районы, включая Поволжье и Северный Кавказ. Кэрнс считал, что, путешествуя по стране, он сможет получить более объективное представление, нежели если бы он оставался в Москве и полагался на официальные источники¹⁷. Кэрнс был высококвалифицированным специалистом в области агрономии, имел большой опыт работы. Поэтому

он вполне объективно мог оценить урожайность пшеницы в тех районах, где ему удалось побывать. В этом ему помогало и хорошее знание русского языка. Кэрнс мог сравнить ситуацию с 1930 г., поскольку тогда он также наблюдал выращенный урожай¹⁸.

В 1932 г. большую часть созревавших хлебов Кэрнс увидел через окна поезда, в которые он непрерывно смотрел, пока имелась такая возможность во время его путешествия по стране. Кроме того, он совершил автомобильные поездки из нескольких городов в деревни, расположенные неподалеку от образцовых колхозов, которые ему специально показывали. Он активно использовал свои знания русского языка, беседуя с людьми или слушая их разговоры. Нередко он рано поутру уходил без сопровождения советских чиновников, чтобы повращаться среди крестьян и рабочих на городских рынках¹⁹. Так вот, в итоговом отчете, написанном в августе 1932 г., Кэрнс акцентировал внимание на многих факторах, но ни один из них не имел отношения к погоде. Более того, он указал на проходившие дожди и не привел никаких сведений о природных катаклизмах типа засух, наводнений и т. д.²⁰

Оценивая значение погодных условий в 1932 г., следует напомнить, что плохие урожаи необязательно связаны с погодой. Их размеры могут определять и другими факторы, в том числе политические, например прямые военные действия (Греция, 1941), вражеская блокада (Индия, 1943) и т. д. Кэрнс отмечал, что, хотя зерновые хлеба вокруг Киева и Днепропетровска были довольно бедными, цвет пшеницы говорил о том, что она вовремя получила необходимое количество осадков. В Днепропетровске он заметил прекрасную пшеницу там, где земля была хорошо обработана²¹.

Известно, что расположенные рядом земли при одинаковых погодных условиях, но разной обработке посевов дают урожаи, резко отличающиеся друг от друга по качеству. Аналогичную ситуацию наблюдал Кэрнс на Кубани в 1932 г.. В пятидесяти километрах от станции Кавказская располагалась совместная немецко-российская семеноводческая кампания, созданная на условиях концессии в середине 1920-х гг., известная как «Друсаг». Ею управляли немецкие специалисты, которые нанимали на работу местных крестьян и переселенцев, в том числе бывших кулаков, занимавших должности бригадиров. Кэрнс имел возможность сравнить посевы пшеницы «Друсага» и расположенные рядом с кампанией посевы пшеницы соседнего совхоза. Контраст был разителен, поскольку поля располагались по разные стороны дороги. На стороне «Друсага», по словам Кэрнса, было «великолепное поле пшеницы».

Издали казалось, что оно даст урожай не менее 20 ц с гектара. Совершенно иная картина открывалась по другую сторону. Там простиралось красивое поле чертополоха вперемежку с пшеничными колосьями, способное дать урожай в пределах 1–2 ц²². В Саратове на экспериментальной станции Института зерна урожай пшеницы в 1932 г. в среднем составил 15 ц с гектара, в то время как самое лучшее хозяйство во всем Поволжье дало в этом году урожайность 6 ц с гектара²³.

Однако идеальной погода никогда не была для всех районов Дона, Кубани или Поволжья. Даже в благоприятные годы хотя бы одна какая-то часть регионов страдала от несвоевременных дождей или продолжительной засухи²⁴.

В 1932 г. на Северном Кавказе были отдельные районы, пострадавшие от одного или действовавших в комплексе нескольких природных бедствий: суровый ноябрьский мороз (Сальск, 1931), летняя засуха в нескольких районах Кубани, 10–20 дней непрерывного дождя в период уборки урожая (Морозовск, Вешенская, Сальск)²⁵. В то же время на снижение урожайности зерновых хлебов в 1932 г. оказали влияние не столько данные климатические факторы, сколько иные, о которых пойдет речь дальше. Например, в упомянутом Вешенском районе, несмотря на дожди, непрерывно шедшие три недели, в 1932 г. было собрано 57 тыс. тонн зерна, почти столько же, сколько в 1931 г.²⁶ На Украине, за исключением жарких сухих ветров на юге центральной части, погода в 1932 г. была в основном благоприятной для урожая зерновых культур²⁷.

Особое значение для урожая зерновых хлебов имеет погода в Поволжье. До начала 1930-х гг. наступление голода в регионе всегда обуславливалось засухой и недородом. И это неудивительно. Засуха в Поволжье — явление обычное. В естественно-историческом отношении значительная часть Нижней и Средней Волги характеризуется резкой континентальностью климата, малым количеством выпадающих осадков, высокой температурой летом. Большая часть территории Поволжья располагается в центре засушливой области и часто подвержена засухам, резкому снижению, а иногда и полному уничтожению урожая. Засухи и недороды нередко обуславливали наступление массового голода в поволжских деревнях.

По принятой в климатологии и метеорологии классификации, засухи подразделяются на три вида: очень сильная, сильная и средняя засуха. Сильная и средняя засухи вызывают частичный недород. Засухи в Поволжье 1890–1891, 1921 г., приводившие к гибели урожая и массовому голоду, относились к числу очень силь-

ных засух. В 1931—1933 гг. специалистами-метеорологами установлена следующая характеристика погоды в весенне-летний период, определяющий созревание сельскохозяйственных культур. 1931 г. — средняя засуха в районе городов Саратова и Сталинграда, сильная — в районе г. Безенчука. В 1932 г. — засухи нет. По мнению специалистов, этот год можно охарактеризовать, как «благоприятный для урожая всех полевых культур». 1933 г. — очень сильная засуха в районе г. Безенчука, в остальных районах Нижней и Средней Волги погода нормальная²⁸.

Известными российскими исследователями засух В. Ф. Козельцевой и Д. А. Педью по 40 метеостанциям, расположенным в Европейской части страны, в том числе и в рассматриваемых регионах, был рассчитан индекс засушливости, характеризующий интенсивность атмосферной засушливости за май — август 1900—1979 гг. Было установлено, что в 1931 г. индекс атмосферной засушливости в районе городов Саратова, Оренбурга, Астрахани был значительно слабее, чем в 1921, 1924 гг. В 1932 г. индекс атмосферной засушливости не показывал засухи в Поволжье, на Дону и Кубани. На несильную по интенсивности засуху индекс засушливости указал в 1933 г. в районе г. Оренбурга²⁹.

В бывшем Всесоюзном научно-исследовательском институте сельскохозяйственной метеорологии по методике, разработанной доктором физико-математических наук О. Д. Сиротенко, сотрудницей института В. Н. Павловой с помощью математического моделирования была определена урожайность одной из основных зерновых культур Поволжья — яровой пшеницы за период с 1890 по 1990 г. исходя из агроклиматических условий данных лет³⁰. Гипотетически был определен средний уровень урожайности яровой пшеницы за 100 лет и ее отклонения от этого уровня за каждый из данных 100 лет³¹.

Было установлено, что в 1931 г. на территории Нижне-Волжского и Средне-Волжского краев должно было произойти существенное снижение урожайности яровой пшеницы вследствие засухи. В частности, в сельской местности современной Волгоградской области урожайность яровой пшеницы должна была понизиться на 20 % по сравнению со средней урожайностью за период с 1890 по 1990 г., Саратовской области — на 30 %, Самарской — на 50, Оренбургской — на 40, Ульяновской — на 30 %. В 1932 г. ситуация уже складывалась по-другому. Гипотетически урожайность яровой пшеницы должна была равняться средней за 100 лет в сельских районах современных Волгоградской и Ульяновской областей, незначительно снизиться в современных районах Сара-

товской (на 30 %) и Самарской (на 10 %) областей и более серьезно упасть в Оренбургской области (на 40 %). В 1933 г. в Волгоградской области она должна была увеличиться по сравнению со средней урожайностью за 100 лет на 60 %, в Саратовской – на 10 %. В то же время в Самарской и Оренбургской областях урожайность яровой пшеницы в 1933 г. понизилась бы соответственно на 40 %³².

Для того чтобы представить реальное влияние погоды на урожайность в 1931–1933 гг., мы сравнили ее с 1921 г., во время которого наблюдалась засуха, действительно погубившая урожай (см. таблицу).

Таблица*

Гипотетическое отклонение урожайности яровой пшеницы в Средне-Волжском и Нижне-Волжском краях в 1931–1933 гг. от ее средней нормы за период с 1890 по 1990 г. (в процентах)

Современные области бывших НВК и СВК	Годы	Отклонения урожайности яровой пшеницы от нормы
Волгоградская	1921	–60
	1931	–20
	1932	100
	1933	+ 60
Саратовская	1921	–90
	1931	–30
	1932	–30
	1933	+ 10
Самарская	1921	–90
	1931	–50
	1932	–10
	1933	–52
Оренбургская	1921	–90
	1931	–40
	1932	–40
	1933	–42
Ульяновская	1921	–80
	1931	–30
	1932	100
	1933	–40

* Источник: Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов в деревне Поволжья. М., 1991. С. 51.

Из таблицы видно, что урожайность яровой пшеницы в 1931–1931 гг. в Поволжье и на Южном Урале хотя и должна была снизиться по сравнению со средней за 100 лет (за исключением 1932 г.), особенно в 1931 г. и в 1933 г. в Самарской и Оренбургской областях, но все же это снижение не могло идти ни в какое сравнение с 1921 г., породившем «Царь-голод».

В ходе социологического обследования деревень Поволжья и Южного Урала старожилам был задан вопрос, касающийся влияния погодных условий на наступление голода. В составленной анкете он звучал следующим образом: «Достаточным ли был урожай зерновых, собранный крестьянами вашего села накануне голода, чтобы обеспечить их семьи хлебом до следующего урожая, или этот урожай полностью или частично погиб вследствие засухи?» Из 617 опрошенных человек уверенно ответить смогли 293 человека. Из них 206 ответили утвердительно и 87 — отрицательно. То есть из числа сумевших дать ответ на указанный вопрос преобладающее большинство свидетелей событий 1932–1933 гг. в Нижне-Волжском и Средне-Волжском краях (70,2 %) не признали влияния погодных условий на наступление голода. В то же время почти 30 % заняли иную позицию. Но здесь следует оговориться, что и эти 30 % не отрицали негативных последствий хлебозаготовок для судеб крестьянства и подчеркивали, что хлеб вывезли из деревни, несмотря на засуху³³. Таким образом, очевидцы рассматриваемых событий подтвердили данные других источников о характере погодных условий в Поволжье в 1932 г.

В целом можно заключить, что в 1931–1933 гг. погода в Поволжье была не совсем благоприятной для сельского хозяйства. Однако при сохранении существовавшего уровня агротехники она не могла вызвать в регионе массового недорода, подобного 1890–1891, 1921, 1946 г. Как таковая засуха не могла стать причиной страшного «голодомора 1933 г.», поскольку в 1932 г. большая часть территории Нижней и Средней Волги вообще не была поражена ею. Еще более благоприятной была погода на Дону и Кубани. О том, что все было именно так, свидетельствует шифротелеграмма Л. М. Кагановича И. В. Сталину от 4 июля 1932 г., где приводится текст сообщения заместителя наркома земледелия А. М. Маркевича о видах на урожай в СССР по данным на 20 июня 1932 г. Эти виды Маркевич определял как «среднее» состояние. Он считал, что ожидаемый сбор с гектара по Союзу составит 46 пудов против фактической урожайности с гектара прошлого года 41 пуд. В целом, по его мнению, валовой сбор урожая зерновых должен

быть на 380 млн пудов выше фактического сбора 1931 г. Маркевич привел следующие виды на урожай по отдельным краям и областям: Московская область, Башкирская АССР, Средне-Волжский край, ЦЧО — «выше среднего», по всем прочим краям и областям — «среднее»³⁴.

Таким образом, причины голода следует искать не в «воле Божьей», а в «руке человеческой». И если быть точнее: в «руководящей и направляющей руке» существовавшего в России политического режима. Впервые в истории России голод не был обусловлен естественными причинами. Данный фактор не играл существенной роли. В 1932 г. в зерновых районах страны не было засухи, аналогичной по своей интенсивности и границам распространения засухам XIX — первой половины XX в., приведившим к повсеместной гибели посевов.

Почему же тогда в 1932 г. пониженная урожайность зерновых хлебов стала свершившимся фактом? Причины, приведшие к этому, следует искать не в природных явлениях, а в сложившейся в 1932 г. ситуации в колхозной деревне.

Самым очевидным фактором снижения валового сбора зерновых стало сокращение засеянных площадей в 1932 г. Оценки незасеянной площади в 1932 г. по отношению к 1931 г. колебались от 14 до 25 %. Кэрнса постоянно поражало количество необработанной земли на Украине и Северном Кавказе, «ранее бывшей под урожаем»³⁵.

Другой причиной пониженного урожая стало то, что поля оказались засеяны меньшим количеством зерна на гектар, чем это предусматривалось нормой³⁶. В Вешенском районе Северо-Кавказского края, как подметил Шолохов, весной 1932 г. колхозники высеяли лишь часть зерна, предназначенного на посев. Остальное зерно было просто разворовано. Этот факт признал на ноябрьском совещании директор Глубокинского совхоза, констатировав, что его работники весной 1932 г. стащили значительную часть посевного зерна. Количество недосеянного зерна на гектар посева в ряде случаев достигало 40 %³⁷.

Третьим фактором низкого урожая в 1932 г. стала долгая весенняя посевная кампания. В России, в силу ее климатических условий, весенняя посевная всегда была короткой по срокам, обычно неделю или чуть больше. В 1932 г., согласно отчету комиссии ВЦИК, на Северном Кавказе она растянулась на 30–45 дней. В совхозе «Верблюд» Сальского района, по признанию канадского друга Кэрнса Мак Дауэлла, на проведение посевных работ потре-

бывалось четыре недели вместо обычных двух. На Украине впечатление Кэрнса, что яровая пшеница была посажена с большим запозданием, подтвердила случайно увиденная им на столе председателя отделения колхозцентра таблица с цифрами о темпах весенней посевной. В ней указывалось, что на 15 июня 1932 г. план посевных работ был выполнен лишь на 72,7 %³⁸. Данное обстоятельство имело чрезвычайно негативные последствия для вызревания урожая. Кэрнс, как опытный специалист, узнав о реальном положении дел, с сожалением констатировал, что «пшеница, засеянная позднее конца мая», даже при нормальных погодных условиях «даст очень низкий урожай». Более того, чем позже засеяна пшеница (и яровая, и озимая), тем она более уязвима ранними морозами и августовскими дождями. В «Друсаге», например, где озимая пшеница была посеяна вовремя, ноябрьские морозы не погубили ее³⁹.

Имеющаяся в источниках оперативная информация позволяет говорить о большом опоздании с началом весеннего сева в 1932 г. во всех зерновых районах СССР. Например, на Украине только 8 млн гектаров было засеяно к 15 мая 1932 г. (для сравнения: 15,9 млн в 1930 г. и 12,3 в 1931 г.). В 1931–1932 гг. ход сева яровых на Украине проходил намного хуже, чем в 1930 г. Если в 1930 г. к 15 мая там было засеяно 85,4 % площадей, то в 1932 г. — всего 48,8 %⁴⁰. На крайне неудовлетворительные темпы весенних полевых работ, на низкое их качество указывалось в многочисленных решениях бюро крайкомов Нижней и Средней Волги. Во время посевной имели место огрехи, просевы, сознательное уменьшение норм высева, хищение семян, невыходы на работу, безобразное отношение к рабочему скоту и сельхозинвентарю⁴¹.

Четвертой причиной пониженной урожайности в 1932 г., как отметил Кэрнс и вышеупомянутая комиссия ВЦИК, было необычайно высокое засилье сорняков на полях, засеянных хлебами. Этот фактор в решающей степени способствовал уменьшению валового сбора зерна. В 1932 г. сорняки просто съедали урожай. Данный факт признавался многими специалистами, работавшими тогда на селе, и самими крестьянами⁴². Например, в зоне Новодеревенской МТС Старо-Минского района в 1933 г. сумели получить по 12–14 ц зерна с гектара, поскольку четырежды проводили прополку посевов. В то же время с участков, прополотых всего один раз, урожайность оказалась в пределах 5–7 ц с гектара. Начальник политотдела Больше-Орловской МТС Васильев свидетельствовал, что даже старожилы не помнили такого количества

сорняков на полях, по крайней мере за последние 15 лет. О том значении, которое придавали крестьяне борьбе с сорняками, можно судить по ситуации в 1933 г. в Больше-Орловском колхозе. Даже опухшие от голода колхозники из последних сил выходили на поля, чтобы несколько раз прополоть посевы. Как указывал начальник политотдела МТС Васильев, они не желали «снова остаться без хлеба»⁴³. Такие действия были необходимы, чтобы обеспечить высокую калорийность зерна (сорняки забирают питательные вещества у зерновых злаков), а также не допустить затяжки уборочной из-за засилья сорной травы. Некоторые виды сорняков, вырастая, становились очень высокими и толстыми. В результате при уборке ломались серпы и забивались уборочные механизмы комбайнов. Типичной в этом плане была в 1932 г. ситуация в одном из лучших в СССР совхозов «Гигант», где в период уборочной практически все комбайны остановились, поскольку оказались забиты сорняками⁴⁴.

О повсеместной засоренности полей в 1932 г. сорняками и широко распространении различных болезней растений было хорошо известно высшему руководству страны, в том числе Сталину. 26 июля 1932 г. ему было направлено письмо К. Е. Ворошилова следующего содержания: «Дорогой Коба, здравствуй! Я тебе рассказывал о своих впечатлениях от виденного из окна вагона на пшеничных полях Северо-Кавказского края [...] тяжелейшую картину безобразной засоренности хлебов [...]. Северный Кавказ переживает величайшее бедствие: я смею утверждать, что в этом году только по С. К. сорняки сожрали у нас не меньше 120–150 млн пудов, если не все 200! Климатические (метеорологические) условия текущей весны и лета на С.К. были исключительно благоприятны. Мы должны получить превосходный урожай, а получили в лучшем случае средний, если не хуже»⁴⁵. В многочисленных информационных сводках НКЗ СССР шла речь о появлении на полевых и огородных площадях разного рода вредителей (саранчи, мотылька и т. д.), уничтожавших большие массивы посевов. Например, 20 августа 1932 года Крайколхозсоюзу было сообщено с Нижней Волги, что «развитие спорыньи ржи принимает угрожающие размеры»⁴⁶. В спецсводках ОГПУ указывалось, что основной причиной гибели хлебов и понижения урожайности было низкое качество сева и слабое внедрение агрокультурных мероприятий. Некоторые колхозы производили посев на явно негодной земле, заросшей сорняками, семена не протравливались, не высевались нормы. Из-за срыва прополочных работ всходы глушились сорняками.

Другим фактором, повлиявшим на урожайность 1932 г., было повсеместное сокращение поголовья рабочего скота, создавшее серьезные трудности для проведения сезонных сельскохозяйственных работ. Из-за недостатка фуража, обусловленного последствиями хлебозаготовок, зимой 1931/32 г. произошло самое резкое сокращение поголовья рабочего и продуктивного скота с начала коллективизации: пало 6,6 млн. лошадей — четвертая часть из еще оставшегося тяглового скота, остальной скот был крайне истощен. Общее поголовье рабочих лошадей и быков сократилось в СССР с 27,4 млн в 1928 г. до 17,9 млн в 1932 г.⁴⁷ В Нижне-Волжском и Средне-Волжском краях в 1932 г. наблюдалась аналогичная картина. Произошло самое большое за все годы коллективизации сокращение поголовья скота. Если в 1931 г. по сравнению с 1930 г. на Нижней Волге численность лошадей сократилось на 117,0 тыс., на Средней Волге — на 128,0 тыс., то в 1932 г. по сравнению с 1931 г. этот показатель на Нижней Волге составил 333 тыс. лошадей, на Средней Волге — 300 тыс.⁴⁸

Частично это сокращение восполнялось быстрым ростом количества тракторов, совокупная мощность которых увеличилась в СССР с 0,27 млн л.с. в 1928 г. до 2,1 млн в 1932 г. Одна тракторная л.с. эквивалентна более чем одной рабочей лошади. Но даже с учетом этого совокупная тяговая сила в 1932 г. составляла лишь порядка 21–22 млн л.с. в сравнении с 28 млн в 1928 г.

Поэтому, по данным Наркомзема СССР, в весеннюю посевную кампанию 1932 г., например, в Нижне-Волжском крае нагрузка на одну рабочую лошадь в среднем составила 23 га, в левобережных районах Средне-Волжского края — 18 га (вместо, соответственно, 10 и 7 га до начала коллективизации)⁴⁹. В частности, в таких районах Нижне-Волжского края, как Сердобский, Ртищевский, Вязовский, Петровский, нагрузка на одну рабочую лошадь колебалась в пределах от 24 до 27 га⁵⁰. И хотя в 1932 г. на Нижнюю Волгу было завезено 2845 тракторов, а на Среднюю Волгу — 2069, они не могли компенсировать колоссальные потери деревни в рабочих лошадях. Именно в результате этих потерь в 1932 г. произошло снижение качества основных полевых работ в колхозах региона.

Таким образом, к началу посевной 1932 года стал очевиден тот невосполнимый урон, который понесло животноводство в результате коллективизации. Страна лишилась половины поголовья, потеряв примерно столько же животноводческой продукции. Только в 1958 г. в СССР был превышен уровень 1928 г. по основным видам поголовья скота⁵¹.

Массовая миграция наиболее здоровых и молодых крестьян в города сначала от страха перед раскулачиванием, а затем из колхозов в поисках лучшей доли также существенно ослабила производственный потенциал деревни в 1932 г. Вследствие тяжелого продовольственного положения зимой 1931/32 г. из сельской местности началось бегство в города и на заработки наиболее активной части колхозников и единоличников, прежде всего мужчин трудоспособного возраста. Значительная часть колхозников пыталась выйти из колхозов и вернуться к единоличному хозяйствованию. Пик массовых выходов пришелся на первое полугодие 1932 г., когда число коллективизированных хозяйств в РСФСР сократилось на 1370,8 тыс., на Украине на 41,2 тыс.⁵²

Ситуация, сложившаяся в начале 1932 г. в нижеволжских и средневолжских деревнях, оказала самое негативное влияние на состояние сельскохозяйственного производства в регионе. Пережив тяжелую зиму, многие крестьянские семьи стали выходить из колхозов. Основной причиной выходов было их нежелание еще один год испытывать судьбу, оставаться в колхозе и голодать. Единоличное хозяйство могло обеспечить им лучшую жизнь. Прежде всего выходили крестьяне, вступившие в колхозы в 1931 г.

В специальной докладной записке «Об отливах из колхозов за период октября 1931 — февраля 1932 года», подготовленной инструкторами ВЦИК, сообщалось, что в Нижне-Волжском крае в начале 1932 г. «наблюдается бегство из колхозов [...]. В Хвалынском районе самотеком ушло 6000 человек». В данной записке были проанализированы основные причины, вынуждавшие крестьян уходить из деревни. Среди них были названы «перегибы в вопросах обобществления скота (последняя корова)», «обезличка и уравниловка в распределении доходов», «погоня за дутыми цифрами коллективизации». Например, в колхозе Карельско-Полянском Сердобского района Нижне-Волжского края в 1931 г. «распределения доходов в колхозе не было, и кто сколько заработал, никто не знает»⁵³.

В указанной выше записке сообщалось о причинах массового выхода из колхозов зимой 1931–1932 гг. колхозников Республики немцев Поволжья. В ней говорилось, что в ноябре–декабре 1931 г. из колхозов вышла «часть колхозников, мало выработавшая трудней и не обеспечившая себя хлебом», остальная часть колхозников в начале следующего года «вышла по причине, что мало получила при распределении доходов»⁵⁴.

Местное руководство всячески препятствовало выходам: не отдавало лошадей, сельскохозяйственный инвентарь. Поэтому нередко они проходили, как указывалось в документах Саракташского райкома партии Средне-Волжского края, «с самовольным растаскиванием лошадей, сельхозинвентаря, с побоями и оскорблениями колхозного актива»⁵⁵. Особенно активными выходы крестьян из колхозов были после постановления ЦК ВКП(б) от 26 марта 1932 г., осудившего такой перегиб коллективизации, как принудительное обобществление скота. С 1 мая по 1 июня 1932 г. из колхозов Нижне-Волжского края вышло 7,4 тыс. крестьянских хозяйств, из колхозов Средне-Волжского края — 14,6 тыс.⁵⁶ Но все же основная масса колхозников, рассчитывая на государственную помощь, опасаясь репрессий, и по другим причинам вынуждена была оставаться в колхозах. Тем не менее 1932 г. стал годом самого резкого сокращения численности сельского населения в регионе за годы первой пятилетки. В Нижне-Волжском крае она сократилась на 430,6 тыс. чел., в Средне-Волжском крае — на 38,0 тыс. чел., в АССРНП — на 66,0 тыс. чел.⁵⁷

Особенно тяжелым в начале 1932 г. было положение сельского населения Республики немцев Поволжья. В 1931 г. АССРНП сдала в счет хлебозаготовок 50,6 % зерна от полученного валового сбора. Оставшись без хлеба, крестьяне республики устремились в соседние районы Поволжья на поиски продовольствия. На начало 1932 г. за пределы АССРНП выехало 60 тыс. чел., составляющих 32 % трудоспособного населения⁵⁸.

Таким образом, к началу весенней посевной 1932 г. советская деревня подошла с подорванным животноводством и тяжелым продовольственным положением населения. Поэтому посевная кампания по объективным причинам не могла быть проведена качественно и в срок. Недостаток тягловой силы и нарушения правил агротехники в ходе сельскохозяйственной кампании 1932 г. были предопределены последствиями пагубной для сельскохозяйственного производства аграрной политики сталинского руководства. Так, сокращение тягловой силы привело к серьезным затяжкам всех основных полевых работ, снижению их качества. Упорные усилия власти по расширению посевных площадей зерновых культур для роста их товарности, без введения прогрессивных севооборотов, внесения достаточного количества навоза и удобрений, неизбежно вели к истощению земли, падению урожайности, росту заболеваемости растений. Огромное сокращение тягловой силы при одновременном увеличении посевных площадей

не могло не иметь своим результатом ухудшение качества вспашки, засева и уборки, а следовательно, снижение урожайности и увеличение потерь.

Тем не менее, по оценкам источников и свидетельствам очевидцев, в 1932 г. урожай был выращен средний по сравнению с предыдущими годами и вполне достаточный, чтобы не допустить массового голода. Но убрать его своевременно и без потерь не удалось⁵⁹. Только по данным годовых отчетов колхозов и совхозов потери зерна при уборке в 1932 г. достигали 50 млн т, то есть почти 30 % выращенного урожая⁶⁰.

В конечном итоге урожай 1932 г. оказался хуже, чем в 1931 г., хотя официальные цифры свидетельствуют об обратном. В начале 1930-х гг. они основывались на биологических оценках урожайности (69 млн т в 1931 г., 67,1 млн т в 1932 г.)⁶⁰. При исчислении валовых сборов в основу расчетов бралась биологическая (видовая) урожайность, а не фактически собранное зерно. В этом заключалась «большая политика». Необходимо было показать рост сельскохозяйственного производства и скрыть провалы коллективизации. Так, 9 октября 1932 г. СНК СССР приняло секретное постановление за № 1551, предписавшее ЦУНХУ и Наркомзему СССР «прекратить дискуссию о размерах посевных площадей 1931 и 1932 годов, публикуя в качестве официальных данных о посевных площадях цифры, показанные в посевных сводках НКЗема СССР, опубликованных в печати»⁶¹. Было запрещено публиковать какие-либо данные без разрешения вышестоящего руководства.

Специалисты пришли к выводу, что система биологических урожаев завывшала истинный урожай не меньше чем на 20 %. Это значит, что валовой сбор 1932 г. составлял примерно 53–58 млн ц, а не 69,87 млн, как утверждал Сталин на XVII партийном съезде⁶². В частности, С. Уиткрофт рассчитал, что реальный урожай в 1932 г., убранный колхозами, совхозами и единоличными хозяйствами, составил приблизительно 566 млн ц.⁶³ Это значит, что к 1932 г. вместо 1058 млн ц, запланированных первым пятилетним планом накануне сплошной коллективизации, собрали почти в 2 раза меньше и даже в 1,3 раза меньше, чем до начала коллективизации (731 млн ц в 1927–1928 г.)⁶⁴.

В этой связи становится понятным тот огромный дефицит зерна в стране после окончания уборки и хлебозаготовительной кампании 1932 г. Но возник он не из-за погодных условий, а в силу объективных и субъективных обстоятельств.

Если к объективным причинам можно отнести последствия двух лет коллективизации, сказавшиеся на уровне агротехники в 1932 г., то субъективными причинами стало, во-первых, крестьянское сопротивление хлебозаготовкам и, во-вторых, сталинская политика хлебозаготовок. В полной мере это проявилось в ходе уборочных работ 1932 г. Фактор крестьянского противодействия хлебозаготовкам наложился на объективные трудности, связанные с недостатком тягла, рабочих рук, последствиями некачественного ухода за посевами, и обусловил получение в ходе уборочных работ пониженного урожая.

Уборочная страда 1932 г., как и посевная и проположная кампании, прошла крайне неудовлетворительно с точки зрения соблюдения правил агротехники. Срывы сроков уборки, качество молотильных работ и небрежная перевозка убранных хлеба обусловливали огромные потери урожая⁶⁵. Если в 1931 г., по данным НК РКИ, при уборке было потеряно более 150 млн ц (около 20 %) валового сбора зерновых, то в 1932 г. потери урожая оказались еще большими⁶⁶. Например, на Украине они колебались от 100 до 200 млн пудов. По данным годовых отчетов колхозов и совхозов, потери зерна от засухи и при уборке в 1932 г. достигали 50 млн т, то есть почти 30 % выращенного урожая⁶⁷. В целом по стране не менее половины выращенного урожая осталось в поле⁶⁸. История поволжской деревни не помнила, чтобы до начала коллективизации во время уборки урожая на полях было потеряно столько хлеба, сколько в 1932 г. На Нижней и Средней Волге при наличии минимально необходимого количества рабочих рук и в целом нормальных погодных условий (без страшных засух и суховеев) во время уборки 1932 г. было потеряно просто огромное количество зерна. На Июньском 1933 г. пленуме Нижне-Волжского крайкома ВКП(б) была названа цифра потерь в 72 млн пудов, то есть 35,6 % всего валового сбора зерновых в крае в 1932 г. Если бы эти потери были сокращены хотя бы наполовину, то в нижеволжской деревне осталось бы достаточно хлеба, чтобы, по принятым нормам потребления хлебных продуктов, накормить до нового урожая 2,5 млн чел. На Средней Волге потери при уборке урожая 1932 г. составили примерно 60 млн пудов, или 21,2 % валового урожая зерновых. Сокращение наполовину данных потерь накормило бы хлебом до нового урожая 2 млн чел.⁶⁹

Многочисленные источники рисуют крайне негативную картину хода уборочных работ 1932 г. Так, в информационной сводке НКЗ СССР от 24 июля 1932 г. сообщалось, что на Северном Кавка-

зе «есть колхозы, которые ни одного гектара не скосили, несмотря на все возможности»⁷⁰. Сводки ОГПУ фиксировали как повсеместное явление разрыв между косью и скирдованием, когда убранный хлеб почти повсюду не скирдовался. Вследствие несвоевременного покоса отмечались факты перестаивания созревшего зерна и осыпания его на корню. Кроме того, плохо заскирдованная рожь начинала прорастать. Одновременно наблюдались массовые хищения колхозного урожая. Так, например, по УССР на 5 августа 1932 г. было заскирдовано 13,5 % скошенного хлеба, по Татарии — 11,7, по Западной области — на 10 августа — 23,7 %⁷¹.

Почему так случилось? Как могли земледельцы, испокон веков бережно относящиеся к земле-кормилице, нарушить эту традицию и допустить противоестественную крестьянской природе ситуацию в 1932 г.? Ответ на этот вопрос очевиден. Все нарушения агротехники — результат насильственной коллективизации, политики сталинского руководства, проводимой в деревне в начале 1930-х гг.

Связь между коллективизацией, пониженной урожайностью зерновых хлебов и голодом 1933 г. самая тесная. Именно в основных районах сплошной коллективизации, являвшихся главными житницами страны, в полной мере сказались ее негативные последствия. Главными из них, с точки зрения сельскохозяйственного производства, были два. Во-первых, это крестьянское неприятие колхозов, их активное сопротивление политике коллективизации и хлебозаготовок. Во-вторых, это разрушение основных производительных сил аграрного сектора экономики: подрыв животноводческой отрасли, массовая гибель рабочего и продуктивного скота, сокращение трудовых резервов села вследствие миграции и раскулачивания. Вторая причина была неразрывно связана с первой, но обе вытекали из сталинской насильственной коллективизации.

Мы уже говорили об антикрестьянском характере коллективизации. Поэтому хотелось бы обратить внимание лишь на один ее аспект. Почему крестьяне не восприняли саму идею коллективного труда в предложенном сталинском режиме варианте? Ведь его суть состояла в создании крупного механизированного сельского хозяйства, более оптимальной формы производственной организации по сравнению с мелким крестьянским хозяйством. Произошло это не потому, что крестьяне по натуре были косными и невосприимчивыми к техническому прогрессу людьми. Как раз наоборот, они поддерживали в период нэпа курс партии на меха-

низацию и тракторизацию сельского труда, внедрение в крестьянскую среду агрономических знаний⁷². В принципе они не были и против идеи коллективного труда, но при одном условии — в результате перехода на новые формы организации производства их жизнь должна была измениться в лучшую сторону. Поэтому главной ошибкой инициаторов коллективизации были ее поспешность и принудительный характер проведения. Крестьяне Поволжья, Дона и Кубани сопротивлялись коллективизации прежде всего потому, что жизненные условия в колхозах оказались хуже, чем при единоличном хозяйствовании. Кроме того, им претило превращение в бесправные винтики, слепое подчинение новым хозяевам, требовавшим от них добросовестного труда при нищенской оплате. И лучшим аргументом в пользу их негативного отношения к колхозам была хлебозаготовительная политика Советского государства. Поэтому крестьянское противодействие коллективизации стало важнейшей причиной нарушения традиционных правил агротехники, о которых шла речь выше.

Самым печальным последствием разочарования крестьян, вступивших в колхозы, было их безразличное и нередко даже враждебное отношение к колхозной собственности, в том числе сельскохозяйственным орудиям и скоту. Буквально за несколько дней после принудительного вступления в колхоз они теряли прежние навыки и превращались в отпетых лодырей. Осенью 1932 г. типичными становились следующие картины колхозного быта: «Большое количество инвентаря и машинного оборудования, с которыми когда-то их владельцы обращались, как с драгоценностями, лежали разбросанными под открытым небом, грязные, ржавяющие, требующие ремонта [...] лошади стояли по колено в грязи, скот в стойлах без корма»⁷³.

Изменившееся отношение крестьян к выполнению основных сельскохозяйственных работ в 1932 г. — красноречивое свидетельство произошедшей перемены в крестьянской психологии в результате коллективизации. В 1928 г., когда многим казакам Дона и Кубани было запрещено работать на своих полях, пока они не выполнят нормы государственной хлебосдачи зерна, они искренне переживали, что пшеница на полях зарастала сорняками, в то время когда был дорог каждый день. В начале 1930-х гг., когда большинство из них загнали в колхозы, ситуация была принципиально иной. Так, например, в мае 1930 г. студенты Новочеркасской сельскохозяйственной академии, побывавшие на практике в ста-

нице Воронежской, наблюдали, что пока некоторые взрослые работали в своих садах, большинство слонялись без дела. В хорошие солнечные дни, когда сотни гектаров зарастали высокими сорняками, совершенно здоровые люди с удочками в руках тянулись вдоль берегов Кубани⁷⁴.

Основная масса колхозников и единоличников, имея крайне негативный опыт 1931 г., когда в результате выполнения хлебозаготовок они остались без хлеба и вынуждены были пережить голодную зиму, не желала и, в силу объективных условий (недостатка тягла прежде всего), не могла добросовестно работать в колхозах и своих хозяйствах. Колхозники предпочитали работе в колхозе любые другие заработки: в личном хозяйстве, совхозах, городе.

Уже весной 1932 г. по стране прокатились так называемые «волынки» — коллективные отказы от работы в колхозах. В этих условиях, чтобы заинтересовать крестьян в своевременной уборке урожая, в мае 1932 года выходят постановления СНК, ЦИК СССР и ЦК ВКП(б), согласно которым сокращается государственный план хлебозаготовок и после их выполнения (с 15 января) разрешается свободная торговля хлебом и мясом (в случае регулярного выполнения поставок в централизованные фонды). В весенние и летние месяцы 1932 г. следуют постановления о недопустимости ликвидации личных подсобных хозяйств колхозников, о возвращении им ранее реквизированного для общественных ферм скота, о соблюдении законности и прекращении незаконных в деревне⁷⁵. Секретарь ЦК КП(б)У М. М. Хатаевич, так же как и другие региональные руководители, рассматривал эти постановления как попытку партии повысить производительность труда колхозников⁷⁶.

Однако все эти меры так называемого «неонэпа» не могли дать результата, поскольку они были приняты слишком поздно. В частности, постановление о «свободной торговле», на которое рассчитывало Советское правительство, не сработало, так как на начало мая 1932 г. у колхозников просто не осталось хлеба для его продажи на рынок. Его не хватало для собственного потребления⁷⁷. Не случайно поэтому даже иностранные наблюдатели понимали, что это постановление вышло слишком поздно, чтобы дать результат. Голодавшими крестьянами владела одна мысль: как пережить зиму и весну. Задавленные многолетним произволом казаки и крестьяне уже не верили власти, и после четырех лет обманутых обещаний изменить ситуацию, то есть восстановить доверие кре-

стьян, могло только «долгосрочное и неуклонное следование этому курсу»⁷⁸.

Казаки и крестьяне меньше всего думали о судьбе урожая на колхозных полях. И если они на что-то рассчитывали, так это на сокращение планов обязательной поставки государству производимой ими продукции. Они надеялись, что это позволит им улучшить свое материальное положение. Например, М. А. Шолохов сообщал, что колхозники Вешенского района пребывали в ожидании получения пониженного плана хлебосдачи, обещанного партией⁷⁹.

Но эти надежды не оправдались. Поэтому летом 1932 г. с начала уборочной кампании в колхозах получили повсеместное распространение небывалое ранее воровство колхозного зерна с полей, массовый уход из деревень трудоспособного населения на заработки. Продолжались самороспуски колхозов, сопровождавшиеся, как говорилось в сводках ОГПУ, «разбором скота, имущества и с/х инвентаря», «самочинным захватом и разделом в единоличное пользование земли и посевов». Колхозники и единоличники отказывались работать в поле без обеспеченности общественным питанием. В ряде мест вспыхивали массовые волнения, которые власти подавляли вооруженной силой⁸⁰.

В 1930 и особенно в 1931 г. непосильными хлебозаготовками и перегибами в коллективизации была подорвана вера многих крестьян в колхозное производство. Большинство из них увидели бесполезность добросовестной работы в колхозах. Весной 1932 г. колхозники выходили на посевную и выполняли объемы полевых работ в зависимости от выдачи общественного питания. Только продовольственная ссуда удерживала большинство из них от бегства из деревни. Именно поэтому в 1932 г. в случае прекращения выдачи общественного питания во время посевной и других сельскохозяйственных работ в нижеволжских и средневолжских колхозах повсеместно наблюдались факты отказа крестьян от работ и ухода из деревень. Особенно характерными они были для районов с наивысшими показателями коллективизированных крестьянских хозяйств, что еще раз доказывает нашу мысль о неразрывной связи пониженной урожайности, хлебозаготовок, голода с насильственной коллективизацией.

Изучение порайонной динамики коллективизации в Нижне-Волжском и Средне-Волжском краях в 1931–1932 г. показало, что в 1931 г. наибольший процент коллективизации был достигнут в Республике немцев Поволжья, правобережных районах Ниж-

не-Волжского края и левобережных районах Средне-Волжского края. Например, в таких кантонах Республики немцев Поволжья, как Зельманский, Марксштадский, в 1931 г. было коллективизировано более 90 % крестьянских хозяйств. В среднем 80–85 % составил в 1931 г. уровень коллективизации в правобережных районах Нижней и левобережных районах Средней Волги⁸¹. Именно в тех районах, где был самый высокий уровень коллективизации крестьянских хозяйств, зимой 1931–1932 гг. произошло наиболее резкое сокращение поголовья скота. В большинстве из них в 1931 г. в колхозах имели место факты принудительного обобществления скота и издевательств над колхозниками в виде порок, арестов и других подобных действий. Вследствие этого в 1932 г. в данных районах намного хуже, чем в остальных районах региона, были проведены все основные сельскохозяйственные работы. В указанных районах были самые низкие темпы посевной, уборочной кампаний, самое низкое качество полевых работ.

Но коллективизация сама по себе, при всех указанных недостатках, все же не привела бы к такому трагическому результату, если бы не начавшаяся хлебозаготовительная кампания. Она с первых же дней подтвердила самые худшие опасения крестьян. Государству был нужен хлеб любой ценой, и оно так же, как и в 1930–1931 гг., использовало всю мощь своего репрессивного аппарата, чтобы взять его из деревни, не считаясь с интересами его производителей — колхозников и единоличников. Фактически сталинский режим объявил войну за хлеб со всеми вытекающими последствиями.

Исходя из вышеизложенного можно заключить, что пониженный урожай 1932 г. определила совокупность объективных и субъективных причин. Их соотношение не было равнозначным на протяжении всего года. Весной 1932 г. доминирующими были объективные факторы — последствия насильственной коллективизации и хлебозаготовок, обусловившие нарушения агротехники в период посевных и прополочных работ. Хотя и субъективный фактор — нежелание крестьян добросовестно работать — тоже проявлялся. Однако во многом он определялся объективными обстоятельствами (продовольственными трудностями, сокращением тягла, рабочих рук и т. д.). С началом же уборочных работ доминирующим стал субъективный фактор — крестьянское сопротивление хлебозаготовкам. Крестьяне не желали добросовестно убирать урожай в страхе перед голодом, который усиливался по

мере развертывания хлебозаготовительной кампании. Но и здесь объективные причины те же, что и в период посевных и прополочных работ, давали о себе знать. В основе совокупности перечисленных обстоятельств лежала сталинская политика коллективизации, проводившаяся осознанно и решительно. Поэтому главная вина за аграрный кризис 1932 г. лежит на политическом руководстве страны. Именно оно породило кризис и несет основную ответственность за последующие события. Поэтому можно говорить, что пониженный урожай 1932 г. стал результатом действия субъективного фактора — политики форсированной модернизации, осуществляемой сталинским режимом за счет безжалостной эксплуатации деревни. Самым зримым ее проявлением в 1932 г. были принудительные хлебозаготовки и как ответная реакция на них — крестьянское сопротивление.

§ 2. Колхозная «итальянка»: сопротивление хлебозаготовкам⁸²

Сразу же после объявления планов хлебозаготовок сталинское руководство взяло курс на их безоговорочное выполнение, всячески подстегивая в этом местные власти. Главной проблемой, с которой столкнулся Центр, стало несогласие региональных руководителей с размерами спущенных регионам планов. В той или иной форме они пытались донести эту мысль до сознания высшего руководства страны, и при этом речь не шла о каких-то поблажках. Просто на местах были очевидны те издержки коллективизации и предшествующих хлебозаготовок, которые не позволяли надеяться на выполнение явно завышенных хлебозаготовительных планов. Поэтому начало хлебозаготовительной кампании ознаменовалось потоком просьб с мест в ЦК о снижении этих планов. Реакция ЦК была резко отрицательной: ни о каком снижении речь не могла идти, поскольку виды на урожай были вполне оптимистическими, не сравнимыми с засушливым 1931 г.

Так, например, 24 августа 1932 г. Л. М. Каганович сообщил И. В. Сталину, что Политбюро приняло постановление о хлебозаготовках на Северном Кавказе, в котором решительно отвергались попытки руководства СКК добиться сокращения их плана на 10–15 млн пудов. ЦК предложило крайкому «немедленно принять все необходимые меры к решительному устранению демобилизационных настроений»⁸³.

Одновременно ЦК выступил с резкой критикой любых действий региональной власти, в ряде случаев пытавшейся часть заготовливаемого хлеба направлять на местные нужды. Ни о каком одновременном выполнении хлебозаготовительного плана и создании различных продовольственных фондов местного значения также не могло быть и речи.

В этом случае показательна ситуация на Нижней Волге, где краевое руководство в июне 1932 г. дало распоряжение на места произвести «расчеты плана хлебозаготовок и полного возврата семенной, продовольственной ссуды колхозно-крестьянского сектора», «исходя из определившихся видов урожая». Учитывая сложное положение в крае, Нижне-Волжский крайком ВКП(б) принял решение об оставлении в колхозах «ориентировочно 15–18 пудов в среднем на едока», в зависимости от «успешности выполнения плана сева, качества обработки». Кроме того, колхозам, выполнившим план сева, предусматривалось оставление 3–4 % зерна от валового сбора для его реализации на рынке⁸⁴.

Данные действия руководства Нижней Волги были резко негативно восприняты в Центре, поскольку Нижне-Волжский край срывал установленный график выполнения плана хлебозаготовок. 1 сентября 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло соответствующее постановление на эту тему — «О неправильных директивах Нижне-Волжского крайкома по вопросам хлебозаготовок». Секретарь крайкома В. В. Птуха должен был «немедленно» прибыть в Москву «для объяснений» комиссии «в составе т.т. Сталина, Постышева и Куйбышева»⁸⁵. 8 сентября 1932 г. Политбюро ЦК еще раз вернулось к этому вопросу и в присутствии В. В. Птухи постановило на своем заседании считать «абсолютно неправильной» и «политически ошибочной директивную телеграмму секретаря Нижне-Волжского крайкома тов. Птухи от 13 июня партийным организациям края». Нижне-Волжскому крайкому было указано, что «первейшей обязанностью партийной организации края является полное выполнение хлебозаготовительного плана». Политбюро приняло к сведению «заявление т. Птухи, что хлебозаготовительный план по краю будет безусловно выполнен». Учитывая важность этого дела и его типичность с точки зрения поведения многих местных руководителей, в постановление Политбюро ЦК от 8 сентября был включен специальный пункт, обязывающий «все краевые (областные) комитеты и ЦК нацкомпартий копии всех своих постановлений и директив, относящихся к хлебозаготовкам, сообщать сразу после принятия в ЦК и Комитет заготовок»⁸⁶.

В целях «подстегивания» темпов хлебозаготовок ЦК ВКП(б) пошел на беспрецедентную меру, объявив региональным руководителям о своем решении не оказывать колхозам никакой помощи семенами при проведении озимого и ярового сева⁸⁷. Об этом было заявлено в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б), подписанном Сталиным и Молотовым 23 сентября 1932 г.

Оно гласило: «Ряд местных организаций обращается в СНК и ЦК за семенной ссудой для совхозов и колхозов. Ввиду того что урожай настоящего года является удовлетворительным, а правительством установлен для колхозов уменьшенный план государственных заготовок, который должен быть выполнен полностью, СНК и ЦК постановляют:

1. Отклонить все предложения о выдаче семенной ссуды.
2. Предупредить, что в текущем году ни совхозам, ни колхозам семссуда не будет выдаваться ни для озимого, ни для ярового сева.

3. Возложить на председателей колхозов, директоров МТС и директоров совхозов ответственность за выделение полностью семенных фондов к яровому севу в установленные СНК и ЦК сроки (не позднее 15 января 1933 г.) и за их полную сохранность»⁸⁸.

Местные власти, столкнувшись с непоколебимой позицией Центра в отношении спущенных им планов хлебозаготовок, были вынуждены использовать все доступные им средства, чтобы добиться их выполнения. И доминирующим из них стало прямое насилие над крестьянством.

Само объявление планов хлебозаготовок 1932 г. сразу же вызвало глубокую трещину во взаимоотношениях крестьянства и партии. Секретари райкомов, лично выезжавшие в колхозы, не согласные с предписанными цифрами плана, столкнулись не только с «бешеным» сопротивлением «со стороны кулацко-зажиточной части и единоличного сектора», но также и с «сопротивлением» со стороны «наших колхозов»⁸⁹. В августе 1932 г. в русских районах Северо-Кавказского края произошло от 40 до 60 «массовых выступлений» «на почве хлебозаготовок»⁹⁰. Резкие выступления против плана, категорические отказы добровольно выполнять их особенно получили распространение в Белогнинском, Тихорецком, Петровском, Кропоткинском, Отрадненском и Сальском районах. На многочисленных колхозных собраниях предложения об отказе выполнять план, как правило, сопровождались «бурными аплодисментами». Так, например, в партячейке колхоза имени Ленина Белогнинского сельского совета на закрытом собрании коммуни-

стами, несмотря на настойчивые призывы его организатора, «все четыре раза выносилось решение о нереальности плана и отказе в его выполнении»⁹¹. То же самое происходило в Поволжье. Например, в д. Юматовка Мало-Сердобинского района Нижне-Волжского края группа колхозников подошла к правлению колхоза и стала требовать созыва общего собрания по вопросу о выдаче хлеба. Из среды пришедших раздавались выкрики: «Вы вывозите весь хлеб, а нам придется голодать, не надо больше вывозить хлеб» и т. д. Как отмечается в спецсводке ОГПУ, после «разъяснения колхозники разошлись»⁹².

В Северо-Кавказском крае особым фактором дестабилизации обстановки стал украинский фактор. Объявление планов хлебазаготовок породило панические настроения в казачьей и крестьянской среде, поскольку они почувствовали реальную угрозу голода, аналогичного наступившему в 1932 г. на Украине. А на Украине он уже приобретал характер общенационального бедствия, о чем становилось известно не только крестьянам Дона и Кубани, но и высшему руководству страны⁹³. На 21 июня 1932 г., по подсчетам ЦК ВКП(б)У, по меньшей мере четыре области Украины отчаянно нуждались в экстренной продовольственной помощи⁹⁴. Среди них была и Винницкая область. О положении там в июне 1932 г. приводились следующие факты в докладной записке спецкора газеты «За пищевую индустрию» наркому земледелия Яковлеву: «Из районов Винницкой области в исключительно тяжелом положении находятся два района — Уманский и Бабанский. [...] Села и деревни пусты. Нельзя услышать даже собачьего лая, ибо собаки уничтожены — съедены. [...] На этой почве [голода] нередки убийства: за два пуда муки зарезали сторожа; чтобы утащить курицу, убили 13-летнего парнишку, за овцу вырезали семью и т. д. Дошло до того, что один колхозник убил своего двухлетнего ребенка, сварил и съел его. [...] От голода умирали и умирают ежедневно в большом количестве: например, в Городнице ежедневно умирает 12 человек голодной смертью. В Умани за май умерло 400 человек, т.е. столько, сколько за весь прошлый год. Ежедневно на улицах Умани по утрам поднимают трупы умерших от голода, пришедших из деревни крестьян. Опухло от голода свыше трети населения на селе»⁹⁵. В письме Сталину 20 августа 1932 г. Шеболдаев отметил, что почти повсеместно крестьяне открыто говорят о том, что Северный Кавказ ожидает то, что произошло на Украине (голод)⁹⁶. Типичными в этом смысле были слова председателя Медведковского сельского совета, обсуждавшего вопрос об утвер-

ждении спущенного сверху плана хлебозаготовок: «Голод такой же, как на Украине, придется пережить и Медведке»⁹⁷.

На наш взгляд, данное обстоятельство сыграло очень важную роль в изменении направления политики сталинского руководства в деревне в период хлебозаготовок. В начале 1932 г. Сталин полагал, что главная вина за возникшие на селе трудности лежала на местном руководстве. Именно этот факт заострился Центральным Комитетом в начале лета 1932 г. В частности, Каганович действия украинских властей, допустивших голодание колхозников, назвал «скандальным позором». В своем письме Сталину 12 июня 1932 г. он указывал, что председатель Всеукраинского ЦИК Г. И. Петровский и председатель СНК УССР В. Я. Чубарь не поставили перед ЦК ВКП(б) «своевременно и честно все их вопросы»⁹⁸. Находясь на отдыхе в Сочи, Сталин определил две главные причины голода на Украине. Во-первых, указал он, «главная ошибка нашей хлебозаготовительной работы в истекшем году, особенно на Украине и Урале, состоит в том, что план хлебозаготовок был разверстан по районам и колхозам и проводился не в организованном порядке, а стихийно, по “принципу” уравниловки, проводился механически, без учета положения в каждом отдельном районе, без учета положения в каждом отдельном колхозе». Второй ошибкой, по мнению Сталина, было то, что «ряд первых секретарей (Украина, Урал, отчасти Нижегородский край) увлекся гигантами промышленности и не уделил должного внимания сельскому хозяйству, забыв, что без систематического подъема сельского хозяйства не может быть у нас и подъема промышленности»⁹⁹. Как видим, Сталин, признавая факт голода на Украине, ни словом не обмолвился о «плохой погоде» как его причине. Кроме того, нехватку зерновых ресурсов он не связывал и с крестьянским поведением. Не случайно поэтому 5 июня 1932 г. Политбюро «решило увеличить план завоза хлеба на Украину сверх ранее утвержденных 6,5 млн пудов на 1,6 млн пудов за счет вывоза из Средней Азии»¹⁰⁰.

Однако 15 июня Сталин уже начинал думать, что Украине «даю больше, чем следует». В письме Кагановичу он заключил: «Дать еще хлеб незачем и неоткуда»¹⁰¹. Его настроение еще больше ухудшилось после получения писем от Петровского и Чубаря, в «антибольшевистской манере» поднявших вопрос о выделении Украине дополнительных зерновых ссуд. Петровский, как писал Каганович Сталину, «с первых же строк начинает сваливать вину на ЦК ВКП(б)»¹⁰². Это было нетерпимо с точки зрения сложившейся

практики. Местные руководители должны были прежде всего самостоятельно решать проблемы, а уж затем апеллировать к центру. В упомянутом письме Кагановичу от 15 июня 1932 г. Сталин заметил по этому поводу: «Чубарь ошибается, если он думает, что самокритика нужна не для мобилизации сил и средств Украины, а для получения “помощи” извне»¹⁰³. Тем не менее 16 июня 1932 г. Политбюро «рассмотрело заявление В.Я. Чубаря и приняло решение отпустить Украине 2 тыс. т овса на продовольственные нужды из неиспользованной семсуды, 100 тыс. пудов кукурузы на продовольственные нужды из отпущенной на посев для Одесской области, но не использованной по назначению, 70 тыс. пудов хлеба для свекловичных совхозов на продовольственные нужды и 230 тыс. пудов хлеба для колхозов свекловичных районов Украины на продовольственные нужды»¹⁰⁴. 18 июня 1932 г. Сталин уже располагал информацией, что «несколько десятков тысяч украинских колхозников все еще разъезжают по всей Европейской части СССР и разлагают [...] колхозы своими жалобами и нытьем»¹⁰⁵. С этого времени его подход к голодному бедствию на Украине (а затем и в других регионах) начинает принципиально меняться. От практики предоставления продовольственных ссуд он переходит к политике установления жесткого контроля над сельским населением. 21 июня Сталин и Молотов направляют телеграмму ЦК КП(б)У, в которой предупреждают украинское руководство о необходимости быть готовыми к проведению хлебозаготовительной кампании¹⁰⁶. 23 июня Политбюро отказывает Косиору в просьбе о дополнительной помощи Украине¹⁰⁷. Исключение было сделано лишь для отдельных, «особо пострадавших районов», в которых предполагалось, по словам Сталина, «скостить» колхозам «половину плана, а индивидуалам треть»¹⁰⁸. Но в целом сталинский поворот в сторону ужесточения политики в деревне становился необратимым. И он утвердился окончательно по мере усиления крестьянского противодействия хлебозаготовкам, поскольку страх казаков и крестьян перед голодом пересилил все остальные факторы, в том числе деятельность власти по стабилизации положения в основных зерновых районах страны.

К сожалению, многочисленные слухи о фактах каннибализма и самоубийств на почве голода в украинских селениях дошли быстрее до казачьих станиц Дона и Кубани, чем сведения о весьма скромных усилиях Советского правительства по оказанию помощи голодающим. Даже бывшие красные партизаны во многих районах Северо-Кавказского края были уверены, что голод на Украине

в 1932 г. был умышленным государственным актом. Поэтому, обсуждая полученные планы хлебозаготовок, они с тревогой говорили: «План очень большой, невозможный для выполнения... Очень жаль, что они хотят и у нас сделать то же самое, что и на Украине»¹⁰⁹. Хотя источники информации о настроениях казаков и крестьян были не всегда достоверными, тем не менее они верно подметили, что даже в просоветских селениях сторонники власти (красные партизаны и другие активисты) в 1932 г. допускали, что партия может нарушить свои обещания. У колхозников уже был накоплен достаточный опыт для подобных скептических настроений. В кубанских станицах говорили на этот счет, что «прошедший год научил их», теперь они голодают, несмотря на то, что сдали государству весь хлеб¹¹⁰. Основываясь на опыте 1930 и 1931 гг., руководство колхозов и колхозники уже не верили в обещания власти¹¹¹. Пример Украины стоял перед их глазами.

Точно такая же напряженная ситуация сложилась в Поволжье. Несмотря на то что руководству страны было известно, в каком затруднительном положении оказались колхозы Нижней и Средней Волги в 1932 г., тем не менее Нижне-Волжскому и Средне-Волжскому краям были спущены явно завышенные планы хлебозаготовок. Для Нижне-Волжского края план хлебозаготовок 1932 г. был установлен ЦК ВКП(б) и Советским правительством в размере 77 млн пудов зерна, для Средне-Волжского края — 72 млн пудов¹¹². Эти планы лишь в самой незначительной степени отличались от планов хлебозаготовок 1931 г. По сравнению с 1931 г. для Нижне-Волжского края план хлебозаготовок был снижен на 12 % (11 млн пудов), для Средне-Волжского края — на 7 % (на 5 млн пудов). Планы хлебозаготовок 1932 г. были завышены прежде всего с точки зрения тогдашнего уровня производства зерновых в большинстве колхозов Нижней и Средней Волги. В конце июля — начале августа 1932 г. краевое партийное руководство Нижней и Средней Волги сообщило на места в районы цифры плана хлебосдачи государству исходя из урожая текущего года¹¹³. По мере развертывания уборочной кампании становилось ясно, что для многих районов и колхозов установленные планы хлебозаготовок оказались нереальными для выполнения. Из-за низкой организации труда в колхозах, а также ухудшившихся погодных условий в ряде левобережных районов региона первоначальные виды на урожай не оправдались. В райкомы и крайкомы партии стали поступать с мест массовые просьбы председателей колхозов и сельсоветов о снижении плана хлебозаготовок. На январском

1933 г. пленуме Нижне-Волжского крайкома ВКП(б) в речи секретаря крайкома партии Птухи было отмечено, что в 1931 г. «секретари райкомов боялись заикаться о плане хлебозаготовок», а в 1932 г. наблюдался «поток, наводнение разговоров о плане»¹¹⁴. На колхозных и партийных собраниях коммунисты и рядовые колхозники активно обсуждали спущенные сверху планы и приходили к выводу об их нереальности. Так, например, председатель Тамалеевского колхоза «Труд» Средне-Волжского края Туров на партийном собрании колхозников-коммунистов заявил: «Выполнить план — это значит оставить колхозников без хлеба»¹¹⁵. Работники ОГПУ сообщали о появлении в ряде районов Средне-Волжского края антиколхозных и антисоветских листовок. В одной из них говорилось: «Товарищи, довольно время проводить нам, мы видим гибель нам и скотине. Предстоит голод и холод. Пусть погибнет звание колхоза. Да здравствует единоличное хозяйство. Нужно покончить с колхозом, приступить к хлебной уборке, хлеб делить на год, излишки — государству»¹¹⁶. В другой листовке, обнаруженной в селе Водопьяново Еланского района Нижне-Волжского края, указывалось: «Товарищи села Водопьяново, перед вами голодная смерть, над вами жестоко расправляется Советская власть. За это отомстит озверелый народ, находящийся под игом Советской власти. Долой Советскую власть и ее палачей»¹¹⁷. Органами ОГПУ было зарегистрировано появление в нижеволжских деревнях во время уборочной кампании многочисленных нищих, «распространяющих слухи о роспуске колхозов, что в Средне-Волжском крае все колхозы распались и выходцам вернули все обобщественное имущество»¹¹⁸.

Местные члены партии, убедившиеся в нереальности хлебозаготовительных квот, стали настойчиво «организовывать делегации из представителей колхозов с жалобами центру на незаконные действия районных организаций»¹¹⁹. Такие же делегации создавались простыми колхозниками и единоличниками. Например, в Петровском районе Северо-Кавказского края объединились колхозники и единоличники в стремлении получить «формальное разрешение местной парторганизации для посылки в ЦК [делегации] с жалобой на непосильность плана хлебосдачи»¹²⁰. Однако, как показывал предшествующий опыт, в партийной практике местных комитетов последовательно проводилась линия на волокиту и задержку подобных петиций, поскольку они противоречили курсу партии на мобилизацию всех ресурсов страны и подрывали их престиж. Хотя, конечно, были и отдельные исключения,

как, например, с последователями толстовского учения, которым разрешили обратиться с петицией к Калинин у об амнистии, но при этом данный факт не получил огласки, и за просителями было установлено негласное наблюдение¹²¹. Но в целом в казачьей среде сложилось мнение, что «Москва знает только один ответ — отвергнуть». Поэтому если было наоборот, то весть об этом мгновенно распространялась по всем селениям, как, например, в 1928 г. в Армавирском районе¹²². В 1932 г. в Морозовском районе колхозное руководство, минуя райком партии, отправляло ходатайства о снижении плана хлебозаготовок прямо в секретариат Сталина, откуда все они были возвращены обратно местному райкому с предписанием «немедленно проверить эти ходатайства»¹²³.

Сталинское руководство пошло на уменьшение планов хлебозаготовок, но при этом заняло позицию, усугубившую ситуацию. Именно эта позиция в значительной степени обусловила пониженный урожай 1932 г. в Поволжье, на Дону и Кубани. Принятые постановления о некотором снижении запланированных квот были засекречены и не дошли до основной массы земледельцев. Так, например, 18 июня 1932 г. в письме из Сочи Кагановичу и Молотову Сталин указал, что хотя ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление о некотором сокращении плана хлебозаготовок, но до села сниженный план доводить не надо; необходимо использовать разницу между первоначальным планом, который должен выполняться на местах, и сокращенным планом «исключительно для стимулирования посевной кампании»¹²⁵. Подобная линия должна была нацелить колхозы на выполнение плана любой ценой. И если они не выполняют «официальный план», то реальный, пониженный план будет выполнен. По этому поводу Сталин указал: «Допустить надбавку к плану в 4–5 %, чтобы создать тем самым возможность перекрытия неизбежных ошибок в учете и выполнить самый план во что бы то ни стало»¹²⁶.

При этом о дальнейшем понижении планов региональные руководители должны были забыть и неукоснительно выполнять основной план. Секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Шеболдаев неоднократно просил Сталина об уменьшении квоты краю на 10–15 млн пудов. Все его просьбы были отклонены¹²⁷. Так, например, когда в конце октября 1932 г. он попытался добиться в Москве существенного снижения плана хлебозаготовок, Сталин в грубой форме отверг его просьбы, разъяснив, что крайком не дает должного отпора «кулацкому саботажу»¹²⁸. Вот как об этом Шеболдаев рассказал делегатам Азово-Черноморской парт-

конференции в начале 1934 г. «Тов. Сталин, — отметил он, — отверг все разговоры о семенах и совершенно правильно указал на то, что у нас неблагополучно с политикой в крае и что все наше отставание, все недостатки нашего сельского хозяйства прежде всего происходят из-за того, что мы допустили, что кулачество сумело организовать саботаж»¹²⁹.

Почему Сталин занял двусмысленную позицию по вопросу о размерах планов хлебозаготовок? Неужели нельзя было сказать правду земледельцам? Может быть, тогда они не стали бы так активно противодействовать хлебозаготовкам и урожай был бы убран с меньшими потерями? Причина этого, на наш взгляд, коренилась в сталинском отношении к крестьянину, который для него был коварным и хитрым противником, основой мелкобуржуазной стихии, порождающей капитализм¹³⁰. Точно так же думали и многие коммунисты. Они считали, что колхозники и единоличники только и думают, как им надуть социалистическое государство. Например, Сталин в телеграмме Кагановичу из Сочи 15 августа 1932 г. указал на опасность превращения МТС в «богадельни и средство для систематического обмана государства» со стороны колхозников из-за нерешенности вопроса оплаты их услуг¹³¹. Точно такое же недоверие крестьянину-единоличнику было высказано Молотовым в телеграмме Косиору 20 ноября 1932 г.: «Единоличник нас здорово надувает (по всем заготовкам, по подписке на заем, на рынке и т. д.). На колхозы мы нажимаем, единоличник здорово выкручивается»¹³². Именно поэтому планы обязательных госпоставок сельскохозяйственной продукции составлялись с учетом данного фактора. В ряде случаев ситуация доходила до абсурда. На Украине крестьяне получили план по заготовке яиц, согласно которому его выполнение было возможным, если бы каждая курица откладывала по одному яйцу в день. Вице-консул Италии в Харькове заинтересовался этим вопросом и обратился за разъяснением к компетентным источникам. Ему было откровенно сказано, что на каждую подсчитанную курицу исходя из логики крестьянского поведения приходится как минимум две, укрытые крестьянами от учета¹³³.

В сложившихся условиях местные власти были вынуждены не только скрывать от колхозов реальные цифры плана, но и повышать уже объявленные для районов, где имелась возможность выкачать больше хлеба. Например, в Вешенском районе план был увеличен на 250 %. Когда Шолохов попытался упрекнуть группу казаков, отдыхающих в разгар уборочной страды, одна из казачек

в оправдание ответила ему, что уж слишком тяжелый план дан их колхозу¹³⁴.

Сталинская стратегия «подстраховки от крестьянской хитрости» дала совершенно иной результат. Об этом не побоялся указать Сталину Хатаевич в письме от 27 декабря 1932 г.: «...план хлебозаготовок в 425 млн пудов (после снижения — 315 млн), который вначале получила Украина, не содействовал созданию должной мобилизованности в борьбе за хлеб. Многие были уверены в его невыполнимости и ничего не делали. Если бы вначале Украина получила 350 млн — скорее бы выполнила»¹³⁵. В Северо-Кавказском крае и в Поволжье, как только известие о планах хлебозаготовок дошло до селений, казаки и крестьяне начали срочно прятать сохранившиеся у них скудные запасы зерна и приготовились к решительной борьбе с государством за хлеб.

Когда попытки земледельцев добиться существенного снижения планов хлебозаготовок не увенчались успехом, они избрали другой путь защиты своих интересов — сопротивление вывозу из деревень выращенного их руками хлеба. В этой борьбе с государством за хлеб приняли участие и рядовые колхозники, и сельские активисты, в том числе члены партии. В кубанских станицах говорили: «В этом году мы должны быть уверены, что наши нужды будут удовлетворены», «прошлый год научил нас, что надо делать, чтобы не голодать», «какое зерно останется, то и сдадим государству»¹³⁶.

Формы крестьянского противодействия хлебозаготовкам были разнообразными, но суть сводилась к одному — не выпустить из деревни хлеб. Крестьяне выставляли специальную охрану близ хранилищ зерна, чтобы не дать начальству тайно вывезти его из деревни. Один из характерных документов того времени гласил: «Правление колхоза “Искра социализма”, боясь говорить о размерах плана колхозникам, намеревалось вывезти три подводы хлеба на элеватор под предлогом его перемола на мельнице. Этот маневр не удался, группа колхозников, узнав действительное назначение хлеба, задержала подводы»¹³⁷. В Васильевском сельском совете Сальского округа Северо-Кавказского края колхозные активисты «мобилизовали колхозников, которые не допускали даже председателей партийных и советских организаций в колхоз, заявляя, что если кто-нибудь посмеет войти в колхозный амбар, мы с этим элементом рассчитаемся». К 2 ноября 1932 г., даже несмотря на осуждение к трехлетнему тюремному заключению председателя колхоза и его заместителя, колхозом было выполнено только 43 %

годового плана. В Белогнинском районе прибывшие за зерном автомашины «в течение 5 часов простояли, не имея возможности погрузить хлеб из-за протестов коммунистов». Причем нередко за идущими по району порожняком грузовыми машинами устанавливалось пристальное наблюдение со стороны крестьян. В Петровском районе колхозники с вилами в руках «воспрепятствовали вывозу хлеба на элеватор». Наблюдались случаи, когда казаки нападали на машины с зерном. Например, в Мечетинском районе Северо-Кавказского края «публика» «вскакивала на грузовую машину», едущую под горку, «сваливала мешки» и «убирала их в кусты»¹³⁸.

В ряде деревень Нижней и Средней Волги особую активность в противодействии хлебозаготовкам оказали вышедшие из колхозов единоличники. Происходило это потому, что им не были возвращены их прежние земельные участки, уже засеянные и давшие урожай. В условиях начавшейся хлебозаготовительной кампании они в первую очередь оставались без хлеба и были обречены на голод¹³⁹. Против крестьян, вышедших из колхозов и осмелившихся убирать выращенный их руками хлеб, местные власти направляли вооруженные отряды милиции, решительно подавлявшие эти «контрреволюционные выступления». Так, в спецсводке ОГПУ от 5 августа 1932 г. сообщалось, что «на собрании 130 выходцев села Щербаково Саранского района Средне-Волжского края было принято решение о самовольном разделе и уборке колхозных посевов. На собрании говорилось: Советская власть не даст погибнуть с голоду и оставить необранный посев, пулеметы и винтовки не пошлет на нас. Если местная власть будет убирать посев другими силами, мы вилами и топорами не дадим сделать этого, все равно умирать с голоду. Под влиянием этой «агитации» 18 июля толпа женщин и мужчин до 150 человек с серпами вышла в поле жать рожь. Высланным отрядом милиции самоуправные действия толпы приостановлены»¹⁴⁰.

Хотя почти все источники по крестьянскому сопротивлению хлебозаготовкам написаны или связаны с партийными работниками, им можно верить. В сложной ситуации крестьянского противодействия хлебозаготовкам, обращаясь в своих отчетах и докладных записках к деталям этой ситуации, они таким образом подчеркивали собственные заслуги в деле выполнения плана или проведении связанных с ним организационных мероприятий. Успешное выполнение плана было для них предметом особой гордости. Следует напомнить, что местные партийные органы несли

непосредственную ответственность за выполнение директив ЦК. Они хорошо осознавали причины крестьянского сопротивления политике хлебозаготовок. Но этот факт не мог служить оправданием для них в случае провала хлебозаготовительной кампании. С точки зрения сталинистов, невыполнение директив Центра свидетельствовало бы лишь о плохой работе и слабости местного руководства, не сумевшего обуздать «наглых» крестьян, исподтишка нападавших на обозы с хлебом. Местные власти должны были действовать решительно, а не уповать на трудности. Как аналогию можно вспомнить зерновые транспорты, шедшие с предназначенным на экспорт зерном через голодающие Ирландию и Индию в ближайшие порты под вооруженной охраной¹⁴¹.

В 1932 г. в Поволжье, на Дону и Кубани казаки и крестьяне в полной мере воспользовались традиционным крестьянским «оружием слабых». Это скрытые формы пассивного, повседневного сопротивления. Они широко применялись крестьянством, когда открытые выступления были невозможны из-за неминуемого возмездия со стороны репрессивного аппарата государственной власти. В 1932 г. такими формами протеста земледельцев стали «волынки», забастовки, или, как тогда было принято говорить, «итальянки». Земледельцы Дона, Кубани и Поволжья оказались не оригинальны. Они проявили себя в данной ситуации так же, как и миллионы крестьян в других странах, отстаивающие свои жизненные права перед натиском государственной власти, решающей за их счет модернизационные задачи. Прежде чем охарактеризовать их действия в 1932 г., целесообразно напомнить о том, что такое «оружие слабых» и в чем значение повседневного сопротивления крестьян государственной политике, ущемляющей их права.

Об этом очень точно высказался один из основателей современного крестьяноведения Джеймс Скотт. Формами повседневного крестьянского сопротивления он назвал «прозаическую, но постоянную борьбу между крестьянством и теми, кто стремится отнять у них труд, еду, содрать с них налоги, ренту и процент»¹⁴². Большинство форм этой борьбы очень далеко от открытого коллективного выступления. Обычно они проявляются в таких явлениях, как волокита, симулирование, дезертирство, притворная угодливость, воровство, мнимое неведение, клевета, поджоги, саботаж и т. п. Эти — в духе Брехта и Швейка — формы классовой борьбы имеют некоторые общие черты. Они вообще не требуют или требуют незначительной координации действий; в них используются

тайные сговоры и скрытые сети информации; часто они представляют собой определенную форму взаимопомощи; как правило, в такой борьбе избегают какого-либо прямого, явного столкновения с властями. Разобраться в этих обычных формах сопротивления — значит многое понять в том, что на протяжении многих веков делали крестьяне для защиты своих интересов как от консервативных, так и от прогрессивных порядков. Такого рода сопротивление в долгосрочном плане часто оказывалось наиболее значительным и эффективным. Так, Марк Блок, историк феодализма, отметил, что великие мессианские движения были «бурей в стакане воды» по сравнению с «терпеливой, молчаливой борьбой, которую упорно ведут сельские общины» для того, чтобы избежать покушений на излишки и отстоять свои права на средства производства, например пашню, лес, пастбища¹⁴³. Почти такой же подход возможен при анализе феномена рабства в «Новом Свете». Скотт очень тонко подметил, что «героические и безнадежные выступления Ната Тэрнера и Джона Брауна были редки и просто не годятся в качестве примеров борьбы между рабами и их хозяевами». Образец, по его мнению, может быть найден, скорее, в постоянных мелких конфликтах по поводу работы, съестного, права на самостоятельность, ритуалов, то есть в повседневных формах сопротивления. Как хорошо видно на примере стран «третьего мира», крестьяне редко рискуют идти на прямой конфликт с властями из-за налогов, навязываемой им структуры земледелия, политики или обременительных новых законов. Вместо этого они предпочитают постепенно разрушать данные меры путем неподчинения, отлынивания, жульничества. Например, разделу земли они предпочитают постепенное расселение; открытому мятежу — уклонение от действий; нападению на государственные или частные зернохранилища — растаскивание по мелочам. Когда крестьяне отказываются от такой стратегии и совершают открытые выступления в форме бунта, то это всегда знак крайнего отчаяния. То есть на открытые выступления они идут лишь в крайне исключительных случаях.

«Оружие слабых» соответствует социальной структуре крестьянства как класса, который рассредоточен в сельской местности, не имеет формальной организации и располагает всем необходимым для продолжительной партизанской оборонительной войны на истощение. Индивидуально осуществляемые крестьянами акты волокиты и уклонения, поддерживаемые высококочтимой народной культурой сопротивления и помноженные на тысячи слу-

чаев, могут в конце концов полностью разрушить меры, задуманные государством против крестьян. Скотт писал: «Повседневные формы сопротивления не привлекают внимания газет. Но подобно тому как миллионы полипов-антозоанов создают, как бы там ни было, коралловый риф, так и многочисленные акты крестьянского неподчинения и уклонения создают собственные рифы политических и экономических препятствий. И продолжает сравнение: «...когда корабль государства напарывается на такие рифы, внимание всегда бывает направлено на само крушение, а не на большое скопление мелких актов, сделавших его возможным. Именно по этой причине представляется важным постичь крестьянскую стихию квиетистских и анонимных действий»¹⁴⁴. Таким образом, избранный крестьянами и казаками Поволжья, Дона и Кубани в 1932 г. метод пассивного сопротивления был в традициях крестьянских общин всего мира¹⁴⁵.

В данном контексте важнейшей формой крестьянского сопротивления, активно применяемой крестьянами и казаками в период летних и осенних полевых работ 1932 г., был отказ от выполнения производственных заданий до удовлетворения выдвинутых руководством требований. Иногда это происходило в индивидуальном порядке, в ряде случаев без предварительной организации и в небольших масштабах. Для обозначения этого явления мы используем термин «забастовка», взятый из городской практики рабочего движения, под которым имеется в виду открытый отказ от выполнения работы в колхозе более чем одного человека до выполнения ясно изложенных «бастующими» требований. Хотя сами казаки и крестьяне обычно действовали спонтанно и не обсуждали вопросов терминологии, термины «забастовка», «бастовать» точно передают суть происходивших событий¹⁴⁶. В сообщениях агентов ОГПУ о крестьянском сопротивлении в 1932 г. фигурируют и варьируются понятия «волынка» и «забастовка»¹⁴⁷. Соотношение бастующих колхозников и работающих на полях, несмотря ни на какие обстоятельства, было примерно равное, половина на половину, или, если быть точнее, то число работающих колхозников иногда составляло менее 54 %¹⁴⁸. Коллективные забастовки часто развивались при активном участии бригадиров, которые выступали перед начальством от имени колхозников¹⁴⁹. Например, в Богородитском сельсовете Сальского района Северо-Кавказского края местный бригадир собрал вокруг себя колхозников и выдвинул коллективный ультиматум председателю колхоза. До его выполнения возглавляемая им бригада ушла с поля по домам¹⁵⁰.

Аналогичные события происходили на Нижней и Средней Волге. В колхозах резко падает трудовая дисциплина, свидетельством чему становятся многочисленные факты недобросовестной уборки урожая. Так, выступая 29 августа 1932 г. на бюро Мало-Сердобинского райкома партии Нижне-Волжского края, начальник районной милиции Аброськин обратил внимание районного руководства на факты прямого «саботажа хлебозаготовок» в ряде колхозов района, который осуществлялся путем «умышленного пуска зерна в мякину, недоброкачественного обмолота, затяжки обмолота, затяжки переивания, затяжки в вывозе хлеба, преувеличении авансирования и общественного питания»¹⁵¹. После того как крестьяне узнали, что новые хлебозаготовки, как и в 1931 г., обрекают их на возможный голод, во многих колхозах и районах участились случаи полного отказа от уборки урожая. Так, в специальной сводке ОГПУ сообщалось, что в Ачинском колхозе Котельниковского района Нижне-Волжского края колхозник Миرون, выступая перед другими колхозниками, заявил: «Колхозникам хлеба не дадут. Советская власть хочет нас с голода поморить, а коммунисты нанялись брехать нам [...] сами коммунисты жрут по горло, а народ морят с голода, пусть сами коммунисты работают, давайте не ходить на работу». В результате этого выступления, как сообщили работники ОГПУ, 10 колхозников бросили работу и ушли с поля¹⁵². В Нижне-Волжском крае особенно распространены стали факты падения трудовой дисциплины, хищений колхозного зерна в колхозах Котельниковского, Нижне-Чирского, Клетского, Ольховского, Нехаевского, Николаевского, Самойловского, Мало-Сердобинского районов. Происходило это потому, что для колхозов этих районов были установлены в 1932 г. огромные планы хлебозаготовок. Так, если в 1931 г. план хлебосдачи для Клетского района был установлен в 17,9 тыс. т, то в 1932 г. он составил 36 тыс. т. Нижне-Чирскому району в 1932 г. установили план хлебозаготовок в 52 тыс. т, в 5,1 раза больше, чем в 1931 г. Такое резкое повышение хлебозаготовительных планов было обусловлено благоприятными погодными условиями 1932 г., которые в этих районах позволяли вырастить хорошие урожаи зерновых культур. Именно страх крестьян перед огромными размерами установленных для их колхозов планов хлебозаготовок тормозил ход уборки урожая.

Отказы от выполнения полевых работ в колхозах Дона и Кубани получили широкое распространение в период с июля по октябрь 1932 г. — наиболее важный в сезонном сельскохозяйственном ци-

кле, так как именно в это время происходит уборка урожая и засеваются озимые культуры¹⁵³. По крайней мере в пяти богатейших казачьих станицах Ейского района в сентябре 1932 г. «волынки» оказались наиболее массовыми. Причем они попали в поле зрения Ворошилова во время его поездки по Северо-Кавказскому краю, и он установил, что отказы от участия в молотье и скирдовании происходили «на почве невыдачи колхозникам печеного хлеба»¹⁵⁴. Массовый невыход на работу в начале сентября 1932 г. в колхозах Северо-Кавказского края стал ответной реакцией колхозников на отмену общественного питания в поле. В итоге краевые власти, оказавшись перед угрозой срыва уборочных работ, «восстановили выдачу хлеба на общественное питание»¹⁵⁵.

Наряду с открытыми и массовыми забастовками происходили и другие, на первый взгляд, незаметные, но оказывавшие крайне негативное влияние на ход полевых работ. Это скрытые, замедленные забастовки, когда колхозники выходили на работу, но выполняли свои задания спустя рукава, ни шатко ни валко, то есть очень медленно и небрежно. Колхозники отказывались прилежно работать принципиально, поскольку, как сказал один из них, «качество работы» должно было соответствовать «качеству заработанного продукта»¹⁵⁶. Именно поэтому они сквозь пальцы смотрели на потери зерна при уборке. Так, например, Шолохову в Вешенском районе одна из колхозниц, подбиравшая оставшиеся после уборки колосья, показывая на лежащее на полях зерно, сказала: «Наше зерно не принадлежит за границе. Мы сами его съедим»¹⁵⁷.

Вскоре после обильных дождей в начале августа Шолохов решил объехать на лошади земли Чукаринского колхоза, где надеялся увидеть колхозников, активно работающих на полях. Но вместо этого перед ним открылась совсем иная картина. Писатель увидел пустынные поля, где примерно до 50 мужчин и женщин откровенно бездельничали. Одни дремали, другие пели, и никто не работал¹⁵⁸. По сообщениям ОГПУ, подобные явления наблюдались не только в Вешенском районе, но и в колхозах Украины, Поволжья, Крыма и Казахстана¹⁵⁹.

Следует отметить, что по крайней мере некоторые действия казаков и крестьян, расцененные режимом как преднамеренное сопротивление, на самом деле были результатом голодного истощения, которое и обусловило крестьянскую «лень» во время работы в колхозе. То есть не всегда отказ колхозников от работы или недобросовестное ее выполнение было показателем «саботажа». Американский репортер Юджин Лионс сравнил крестьян-

ское сопротивление с «ленивым безнадежным манифестом безразличия, лени и пренебрежения», который «никто не замечает»¹⁶⁰. Заведующий здравотделом Ейского района объяснил причины неудачного хода осенних сельскохозяйственных работ «вспышкой малярии в Ейском районе»¹⁶¹. Но партийные активисты, работавшие в колхозах Ейского района, были убеждены в другом: вместо болезни имели место ее «симуляции» с целью освобождения от работы¹⁶².

Было бы ошибкой характеризовать все случаи невыхода крестьян на работу в поле, их некачественного труда в колхозе лишь как симуляцию болезни. Хотя и это было, но данные случаи не могут поставить под сомнение сам факт крестьянского пассивного сопротивления в 1932 г. Так, например, Шиллер, часто наблюдая в июне 1932 г. голодные толпы, сообщал Кэрнсу о содержании разговоров, которые вели между собой голодающие. «Я очень удивлен услышанными в дороге разговорами людей, они не озабочены тем, чтобы их услышали. Я никогда не слышал, чтобы люди говорили так много, так горько и так открыто раньше», — указывал он. В Самаре Кэрнс был свидетелем, когда «весь день крестьяне говорили о пассивном сопротивлении, которое они оказывали»¹⁶³. Если в сообщениях ОГПУ содержатся упоминания о единичных случаях прикованных к постели больных колхозников весной 1932 и 1934 гг., то подобных сведений в этих сообщениях за лето 1932 г. не обнаружено¹⁶⁴. Хорошо известно, что множество голодающих крестьян Украины все же нашли силы, чтобы летом 1932 г. добраться до городских улиц и сельских районов соседней Белоруссии¹⁶⁵. Так что факт крестьянского сопротивления был реальностью, и об этом свидетельствуют события 1933 г.

В частности, после разгрома стачки подавляющее большинство колхозников, хотя и с тяжелым настроением, но все же вышли на колхозные поля весной и летом 1933 г.¹⁶⁶ И голодающие колхозники, нередко опухшие и на грани смерти, участвовали в трех-четыре прополках полей, в то время как в предыдущее лето их не пропалывали и два раза!¹⁶⁷ Начальники политотделов МТС Ейского района, одного из самых разоренных за годы коллективизации и хлебаготовок, в декабре 1933 г. сообщали: «Половина из всего личного состава колхозников убирала урожай и обработала площадь, на 20–25 % превосходящую уровень прошлого года. Какое замечательное достижение!»¹⁶⁸, «Среди колхозников нередки случаи, когда колхозники работают день и ночь, чтобы справиться с той колоссальной нагрузкой на транспортные средства и тягло»¹⁶⁹.

Изменения в настроениях крестьян в 1933 г. по сравнению с 1932 г. были очевидными и связаны с последствиями голода, желанием получить государственную помощь, выдаваемую лишь тем, кто выходил в поле. В Вешенском районе, где, по подсчетам Шолохова, голодали от 49 тыс. до 50 тыс. человек, краевые власти выделили 22 тыс. пудов (или 359 тыс. 920 кг) на трехмесячный период. В соответствии с этой «помощью» на каждого человека приходилось приблизительно по 2 килограмма¹⁷⁰. Украина получила 80 тыс. т пищевых продуктов, которые, по расчетам Н. А. Ивницкого, распределялись примерно по 3 килограмма на человека¹⁷¹. Таким образом, по сравнению с 1932 г. в 1933 г. произошли существенные изменения в казацкой и крестьянской психологии. Эти изменения, по мнению партийных комментаторов, были в лучшую для власти сторону. В 1932 г. ситуация была принципиально иной.

Поскольку хлебозаготовки 1932 г. лишали колхозников и единоличников необходимого им для пропитания хлеба, они нашли еще один метод «компенсации за неоплаченный труд» — воровство общественного зерна. В соответствии с сообщениями ОГПУ и милиции, большинство правонарушений в 1932 г. со стороны «непокорных крестьян» было связано именно с этим преступлением, причем расхищали зерно как индивидуально, так и большими группами. «Незаконное расхищение» зерна, предназначенного для государственных закромов, подобно эпидемии, поразило деревню на протяжении всего 1932 г.¹⁷² Крестьяне обычно по ночам ножницами, серпами и косами срезали колосья, уносили с полей скошенные снопы пшеницы и ржи, воровали зерно из-под молотилок. На косьбе, скирдовании и обмолоте они тайком насыпали зерно в специально пришитые к одежде карманы¹⁷³. Органы ОГПУ сообщали руководству страны о фактах «организованных нападений на колхозные поля», доходивших в отдельных случаях «до открытых столкновений с охраной»¹⁷⁴.

Чтобы представить масштабы явления, можно напомнить, что в августе 1932 г. в сельских районах Северо-Кавказского края за 10 дней было поймано 830 человек за спекуляцию зерном и его воровство на колхозных полях, в октябре того же года эта цифра выросла до 1133 человек¹⁷⁵. В ноябре 1932 г. только в Шахтинском районе инциденты, связанные с воровством зерна, утроились¹⁷⁶. За период с 1 ноября по 10 декабря 1932 г. в сельских районах Северо-Кавказского края было обнаружено «4764 ямы и 238 “черных амбаров”, из которых изъято зерна 93108 цент[неров]»¹⁷⁷. Как было засвидетельствовано секретарями райкомов партии перед

Кагановичем и Микояном в ноябре 1932 г., в сокрытии зерна были уличены не только рядовые колхозники и единоличники, но и очень часто секретари местных партячеек, председатели колхозов и бригады. Так, например, широкий резонанс получило дело 29-летнего секретаря партийной организации станицы Отрадной Тихорецкого района Н. В. Котова, уроженца Дона, героя Гражданской войны. Он приостановил выполнение плана хлебозаготовок и проавансировал колхозников зерном в размере, превышающем установленную норму. Котов и его ближайшие помощники были приговорены к расстрелу¹⁷⁸. В этом же ряду были широко распространенные в колхозах Поволжья, Дона и Кубани факты использования собранного хлеба на общественное питание колхозников. В колхозах стремились как можно больше пустить зерна на общественное питание и выдать авансом на трудодни.

Сталинское руководство оправданно считало, что в 1932 г. воровство «социалистической собственности» приобрело масштаб подлинной эпидемии. И у историков нет сомнений на этот счет. Даже самые критически настроенные к сталинистам и симпатизирующие земледельцам исследователи признают достоверность содержащихся в официальных источниках сведений о воровстве в колхозах. Они верно заключают, что данный факт стал закономерным ответом казаков и крестьян государству на его трехлетнюю политику принудительных хлебозаготовок¹⁷⁹. Крестьянское воровство расценивается ими как оправданное средство «самообороны» от голода. В частности, противодействие местных руководителей хлебозаготовкам И. Е. Зеленин вполне справедливо определяет как «естественное стремление» не допустить голода¹⁸⁰. Еще одним важным источником наряду с докладами агентов ОГПУ, партийных работников, начальников политотделов МТС, подтверждающим идею о крестьянском воровстве зерна как способе самозащиты перед надвигающейся голодной катастрофой, являются свидетельства очевидцев. В них содержится немало примеров отчаянной борьбы казаков и крестьян за хлеб, чтобы избежать, по меткому выражению одного из свидетелей, «казни голодом»¹⁸¹. Их достоинство состоит в том, что они сообщают мельчайшие подробности самой «техники воровства», иной раз даже с оттенком гордости за проявленную смекалку (протаскивание зерна в дом, внешне закрытый наглухо, и т. д.)¹⁸². Единственный момент, который менее ясен исследователям в данном сюжете, это каков был процент «государственного зерна», захваченного крестьянами в 1932 г. в результате вышеизложенных действий. Таким образом, факт массо-

вого расхищения крестьянами предназначенного в счет выполнения плана хлебозаготовок зерна не может вызывать сомнений.

Когда «секретариат тов. Сталина» поручил Морозовскому райкому расследовать обстоятельства направленных на его имя жалоб местных колхозных лидеров на завышенный характер хлебозаготовительных планов, он развернул кампанию против жалобщиков и других колхозных руководителей, инкриминируя им воровство общественного зерна. Созданная комиссия проводила обыски в домах заподозренных активистов и находила там хлеб. Чтобы оправдаться перед вышестоящим руководством за инцидент с бывшим секретарем партячейки станицы Отрадной Н. В. Котовым, расстрелянным за противодействие хлебозаготовкам и пользовавшегося огромным авторитетом у колхозников, райкомом была проведена специальная акция по его развенчанию. Документы свидетельствуют: «Приняли семью Котова... Семья буквально пухлая от голода. Когда обработали его сынишку шестнадцати лет, он одну ямку показал, ровно 49 пудов 20 фунтов, и другую ямку, в степи, за 18 километров от станицы, еще урожая тридцать первого года. Ячмень чистый, как золото, и ямки во дворе чистой пшеницы 105 килограммов»¹⁸³. О данных фактах население района было широко оповещено по радио.

Секретари райкомов партии Северо-Кавказского края, собранные в ноябре 1932 г. на совещание с участием Кагановича, Микояна и Шеболдаева, имели возможность оправдаться за допущенные срывы в выполнении планов хлебозаготовок ссылкой на массовое воровство колхозников. Но после четырех лет хлебозаготовительных кампаний им было трудно делать это, так как они уже были обязаны учитывать данное обстоятельство заранее и принимать в кратчайший срок соответствующие меры. В ситуации 1932 г. им было легче свалить вину за невыполнение хлебозаготовок на плохую погоду, чем на собственные промахи или действия вверенных им колхозников.

В начале марта 1933 г. секретари райкомов и начальники политотделов МТС собрались снова, чтобы обсудить меры по активизации работы по поиску разворованного зерна. При этом они руководствовались установкой сверху о необходимости борьбы буквально за каждое зернышко, которое пойдет на семена или общественное питание работникам на колхозных и совхозных полях.

Весной 1933 г. местные партийные кадры прежде всего резко негативно смотрели на единоличников, которые, на их взгляд, в первую очередь были замешаны в воровстве общественного зерна.

Типичным в этом плане было мнение одного их активистов Ейского округа, выступившего против приема в колхоз единоличников, изъявивших подобное желание. «У нас имеется значительное количество единоличников и значительное число исключенных из колхозов, которые ведут паразитический образ жизни, которые занимались грабежом, воровством», — указывал он¹⁸⁴. Все источники убедительно подтверждают, что весной 1933 г. в эпицентрах голода именно семьи единоличных крестьян умирали в первую очередь.

То, что единоличники воровали зерно, не вызывает сомнений, точно так же, как и воровство колхозников. И здесь не было ничего сверхординарного, тем более связанного со статусом колхозника или единоличника. Воровство в период голода — веками освященный, универсальный метод выживания крестьянских семей. Например, в 1921–1922 гг. оно получило повсеместное распространение¹⁸⁵. Голодающие люди во всем мире, особенно изнуренные матери, идут на риск воровства у таких же, как они, несчастных соседей, когда они и их дети оказываются между жизнью и смертью, достигнув критической черты. Нередко они платятся за это жизнью, поскольку застигнутых на месте воров, как правило, калечили и забивали до смерти.

Особенностью Северо-Кавказского края, в отличие от Украины и Поволжья, было наличие там особой сельской категории населения — иногородних. Именно из них, как правило, были укомплектованы кадры местных ОГПУ, партийных органов. В большинстве своем они предвзято относились к казачеству, помня старые обиды, свое неравноправное положение в дореволюционный период¹⁸⁶. Многие из местных партийных активистов, выходцев из иногородних, согласились бы с председателем сельского совета Майкопского района, заявившим в 1925 г., что призыв партии повернуться «лицом к казачеству» есть «большая ошибка». В июне 1925 г. в антисоветски настроенном Сулинском округе несколько партийных активистов приняли совместное решение, что «новый аграрный курс не касается нашего района». В этом же году секретарь сельской партиячейки Кубанского района попыток отклик коммунистов — неказаков, работающих в казацкой твердыне: «Мы не для того боролись семь лет, чтобы сдать теперь»¹⁸⁷. Еще более резко высказался другой активист, Югаров, на состоявшейся в июне 1925 г. конференции по обсуждению казачьего вопроса: «Если бы это зависело от меня, то я бы отправил их всех как бесполезных элементов в Мурманск. Иначе они будут продолжать

дальше осложнять нашу работу»¹⁸⁸. Некоторые активисты были недовольны наказаниями, которые были назначены казакам в 1928 г. за невыполнение государственных налоговых обязательств. Один из кубанских активистов заметил по этому поводу: «Очень жаль, что не вызвали меня свидетелем. Я бы предложил тогда дать им не менее пяти лет. Некоторых из них следовало бы расстрелять, чтобы и духу их не было в нашей станице»¹⁸⁹. В конце января 1933 г. агенту ОГПУ было поручено наблюдение за одной казачьей семьей с целью выяснения, действительно ли она находится в затруднительном положении, а не симулирует его. Агент жил с семьей в течение пяти дней, и в это время «семья ничего не ела». Когда же на шестой день он решил внезапно нагрянуть с проверкой, то обнаружил «в доме свежий печеный хлеб», что, по мнению сталинистов, подтвердило факт умышленного и организованного сопротивления казачества политике партии¹⁹⁰. Таким образом, особая предвзятость партийного актива из числа иногородних к казачеству наложила свой отпечаток на характер хлебозаготовительной кампании 1932 г. и дальнейших действий в голодающих станицах Дона и Кубани.

Доклады ОГПУ пестрят многочисленными точными цифрами изъятого у колхозников зерна в ходе проведенных операций, типа: «по данным на 14 часов 5 ноября [...] в результате оргмероприятий райаппаратов и опергрупп по 9 районам Кубани обнаружено, изъято укрытого хлеба 2335,6 центнера»¹⁹¹. Возможно, что конкретные цифры конфискованного зерна, привлеченных к ответственности за спекуляцию или за обнаружение скрытых ям с зерном крестьян несколько преуменьшены. Сюда следует включить и зерно, расхищенное в период уборочной страды и хлебозаготовительной кампании. Но и эти цифры дают представление о масштабах данного явления и проделанной работы официальных властных органов. Тщательный анализ количества конфискованного зерна в контексте 1932–1933 гг. был вполне закономерен. Чтобы выполнить план, необходимо было учесть «все до зернышка». Поэтому весной 1933 г. при перевозке семенного материала зерно дважды взвешивалось — до его отправки и по прибытии к месту назначения. Учитывался каждый килограмм, потерянный при перевозке.

Начальники политотделов МТС в своих докладах указывали на факт массового воровства зерна в колхозах как на одно из серьезных препятствий, которое преодолевалось с большевистской решимостью¹⁹². Они подробно описывали методы, использованные для борьбы с ним, в том числе вознаграждение гражданам,

указавшим на ямы с зерном и т. д. Подобно агентам ОГПУ, они детально освещали в своих итоговых докладах сроки проведенных операций по поиску ям, приводили точные цифры обнаруженного зерна, его сорт. Начальники политотделов пытались представить себя как последовательных сталинистов, решительно борющихся с расхитителями общественной собственности.

Во время уборочной 1932 г. факты хищений зерна и «саботажа» полевых работ в первую очередь получили распространение в тех колхозах, где в 1931 — начале 1932 г. имели место наибольшие перегибы в коллективизации и хлебозаготовках, то есть принудительное обобществление скота, конфискации имущества и продовольствия за невыполнение плана хлебозаготовок и засыпки семян, выселения, раскулачивание. Данная ситуация сложилась в большинстве кантонов Республики немцев Поволжья, правобережных районах Нижне-Волжского края и левобережных районах Средне-Волжского края, а также в основных зерновых районах Дона и Кубани. В 1931 г., например, на Нижней и Средней Волге в колхозах, оказавшихся в зоне засухи, хлеб, предназначенный на оплату трудодней колхозников, ушел в хлебозаготовки и на семена, и зимой 1931—1932 гг. там сложилось самое напряженное положение. В колхозах этих районов в зимние месяцы погибло самое большое количество скота, и наибольшим был отток из деревень трудоспособного населения. Не сумев из-за недостатка тягла, напряженного продовольственного положения, слабой организации труда, не совсем благоприятных погодных условий, усугубивших ситуацию, качественно провести сев, а затем и другие полевые работы, данные колхозы вполне закономерно в итоге получили низкие урожаи. Так, например, в Самойловском районе Нижне-Волжского края, по сообщению инструктора президиума ВЦИК Шутова, весенний сев 1932 г. в силу указанных выше причин продолжался в течение 64 дней вместо 10—15 по плану. «Сеяли только для того, чтобы посеять, не обращая внимания на то, что получится в результате позднего сева. Преступное замедление весеннего сева потянуло за собой всю цепь летне-осенних работ к позорному срыву. Уборка проводилась через пень-колоду, с большими потерями. Хлеб убирали до 26 декабря», — констатировал Шутов¹⁹³.

Для ослабленных в 1931 г. колхозов спущенные сверху планы хлебозаготовок 1932 г. должны были изъять от ожидаемых валовых сборов зерновых в среднем 40—50 % зерна и на оплату трудодней в самом лучшем случае, при условии качественной уборки, должно было остаться примерно до 1 килограмма зерна на трудо-

день. Чтобы получить этот хлеб, колхозникам необходимо было напряженно и добросовестно работать. Но у них не было уверенности, что даже это небольшое количество хлеба они получат на трудодни. Пример 1931 г. с ударниками, заработавшими сотни трудодней и голодавшими затем зимой 1931–1932 гг. наравне со всеми остальными колхозниками, отчетливо стоял перед глазами. Поэтому более верным расчетом, более надежным, чем добросовестный труд за палочки и крохи хлеба, было хищение колхозного зерна во время его уборки. Таким образом, в период уборочной 1932 г. наиболее явные факты хищений общественного зерна и нежелание добросовестно убирать хлеб получили распространение в тех районах и колхозах, где оказались наиболее сильны издержки коллективизации и в наибольшей степени проявились последствия хлебозаготовок 1931 г. Реакция подавляющего большинства колхозов Поволжья, Дона и Кубани в отношении спущенных сверху планов хлебозаготовок была резко отрицательной и адекватной с точки зрения имеющих в распоряжении крестьян возможностей.

§ 3. Хлебозаготовки по принципу продрозверстки

Поскольку планы хлебозаготовок были чрезвычайно напряженными и их выполнение натолкнулось на массовое крестьянское сопротивление, основным средством решения данной проблемы для сталинского руководства стало государственное насилие. Подавление крестьянского протеста всей мощью репрессивного аппарата Советского государства — таков путь, избранный им в 1932 г. в ходе хлебозаготовительной кампании. Хлебозаготовки 1932 г. проводились по принципу продрозверстки, то есть решительно и любой ценой¹⁹⁴.

Для пресечения массового воровства колхозного зерна в распоряжение местной власти было предоставлено мощное средство. 7 августа 1932 г. ЦИК СССР принял написанный Сталиным закон «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной социалистической собственности», названный в народе законом «о пяти колосках»¹⁹⁵. В докладе на I Всесоюзном съезде колхозников-ударников Каганович назвал его «великим законом». Он подчеркнул, что, опираясь на него, «мы показали, что государство тот хлеб, который оно намечает по плану, заготовит»¹⁹⁶. Сталинский ответ крестьянским «парикмахерам», как называли тогда в прессе расхитителей кол-

хозного зерна, предусматривал за хищения колхозного имущества высшую меру наказания — расстрел, а при смягчающих обстоятельствах — его замену лишением свободы на срок не менее 10 лет. Амнистия по этим делам запрещалась¹⁹⁷. Сразу же в сельских районах начались судебные процессы над пойманными ворами. Местная печать публиковала фамилии крестьян, приговоренных к расстрелу и 10 годам тюремного заключения за воровство колхозного хлеба с полей¹⁹⁸. Вместе с тем нередко наблюдались случаи отказа судей выносить подобные приговоры пойманным с горстями колхозного зерна крестьянам. Таких судей местная и центральная печать клеймила позором, поскольку они «своей правооппортунистической практикой» помогали «кулаку»¹⁹⁹.

Старожилы поволжских деревень вспоминали, как пойманных с горстью зерна голодающих крестьян безжалостно осуждали по сталинскому закону «о пяти колосках». «Вон он, вон он задержался. Вон он, вон он побежал. Десять лет ему дадите, колоски он собирал», — родилась невеселая поговорка, запечатлевшая в народном сознании этот трагический факт в истории российской деревни²⁰⁰. Очевидцы вспоминали, что были случаи, когда, после осуждения взрослых по Закону от 7 августа 1932 г., оставшиеся без родителей дети умирали от голода²⁰¹. На 1 января 1933 г. по РСФСР по этому закону осуждены 54 645 человек, из них 2100 человек расстреляны²⁰².

Перед местным руководством встала задача переломить настроения части партийно-хозяйственного актива, сомневающегося в реальности спущенных сверху планов. Необходимо было заменить тех работников, которые пытались противодействовать их выполнению, а также проявляющих нерешительность в использовании насильственных мер в деревне. В краевой печати развернулась активная пропагандистская кампания против коммунистов, руководителей колхозов, сельсоветов, сомневающихся в реальности плана хлебозаготовок. На первые полосы газет выносились призывы типа: «Кто не выполняет плана хлебозаготовок, тот действует на руку врагам партии и революции»²⁰³. В отношении руководящих работников районов, колхозов, сельсоветов, не обеспечивавших выполнение плана хлебозаготовок, стали широко применяться репрессивные меры. Их снимали с должностей, исключали из партии и, как правило, отдавали под суд²⁰⁴. Особенно решительно пресекались все попытки использовать хлеб собранного урожая на внутриколхозные нужды. Например, постановлением бюро Лопатинского РК ВКП(б) Нижне-Волжского края от 21 ок-

тября 1932 г. предложено «фракции РИКа отменить вынесенное РИКом решение о полном создании школьных фондов за счет колхоза как политически неправильное и направленное против хлебозаготовок»²⁰⁵.

На Северном Кавказе апробирована такая мера «воздействия» на «саботажников» хлебозаготовок, как занесение селений на «черную доску». В этом случае немедленно прекращался подвоз товаров в селение, а также кооперативная и государственная торговля, все наличные товары вывозили из соответствующих кооперативных и государственных лавок. Запрещалась и колхозная торговля как для колхозов и колхозников, так и для единоличников. Одновременно приостанавливалось всякого рода кредитование и проводилось досрочное взыскание кредитов и других финансовых обязательств колхозов, колхозников и единоличников. Кроме того, соответствующие органы должны были провести «проверку и очистку» «кооперативных и государственных аппаратов от всякого рода чуждых и враждебных элементов», «организаторов срыва хлебозаготовок», с их «изъятием из села как контрреволюционных элементов». Например, 10 декабря 1932 г. уполномоченный по хлебозаготовкам в Каневском районе Северо-Кавказского края сообщил секретарю крайкома Б. П. Шеболдаеву, что благодаря его активности «все колхозы вывезли все наличие зерна». К саботажникам, в том числе к райпрокурору, проводившему «оппортунистическую политику», по его инициативе приняты «необходимые меры»: 9 человек приговорены к расстрелу «за воровство хлеба», одна станица занесена на черную доску. В сообщении приводились факты изъятия у колхозников не только зерна, но и продукции, выращенной на огородах²⁰⁶.

Хотя Центральный Комитет ВКП(б) внимательно следил за ходом хлебозаготовок и постоянно подталкивал местное руководство к более решительным действиям, план хлебозаготовок все-таки не выполнялся, как в Поволжье, так и на Дону и Кубани. Поэтому в ноябре и особенно в декабре 1932 г. ЦК инициировал в эпицентрах крестьянского сопротивления новый нажим на крестьянство.

Основным проводником массовых репрессий в деревне, их надежным механизмом стали чрезвычайные комиссии, направленные осенью 1932 г. в основные зерновые районы. Решение об их создании на Украине и Северном Кавказе принято Политбюро ЦК ВКП(б) 22 октября 1932 г. «в целях усиления хлебозаготовок»; первую из них возглавил Молотов, вторую — Каганович. Персо-

нальный состав северокавказской комиссии был определен в начале ноября; в нее вошли: М. А. Чернов (комитет заготовок), Т. А. Юркин (наркомат совхозов), А. И. Микоян (наркомат снабжения), Я. Б. Гамарник (политуправление РККА), М. Ф. Шкирятов (ЦК ВКП(б)), Г. Г. Ягода (ОГПУ), А. В. Косарев (ЦК ВЛКСМ). Персональный состав комиссии Молотова не был установлен, фактически в ее работе принимал участие Каганович — секретарь ЦК ВКП(б), а с декабря 1932 г. — и заведующий сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП (б). В конце ноября 1932 г. для поездки в Поволжье создана комиссия во главе с секретарем ЦК ВКП(б) и КП(б)У П. П. Постышевым, в состав которой вошли также Зыков, Гольдин и Шкляр²⁰⁷.

Сигналом к новой атаке на деревню стало постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 14 декабря 1932 г. «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области». В нем открыто заявлено о главной причине невыполнения плана хлебозаготовок — «кулацком саботаже контрреволюционных элементов».

Постановление предусматривало под личную ответственность первых секретарей Украины, Северного Кавказа и Западной области завершить выполнение плана хлебозаготовок в течение января 1933 г. Для этого следовало развернуть активные репрессивные меры против «саботажников хлебозаготовок», к числу которых были отнесены кулаки, бывшие офицеры, петлюровцы, сторонники Кубанской Рады и т. д. По мнению Центра, они «засели» в районных парторганах и в руководстве колхозов и «саботировали» хлебозаготовки. Поэтому, чтобы «сломить саботаж», к ним необходимо применить все предусмотренные законом меры, в том числе «заключение в концлагерь», и высшую меру наказания «к наиболее злостным из них»²⁰⁸.

Постановление содержало пункт о выселении «в кратчайший срок в северные области СССР из станицы Полтавской, “как наиболее контрреволюционной”, всех жителей, за исключением действительно преданных Советской власти и не замешанных в саботаже хлебозаготовок колхозников и единоличников». После выселения предполагалось заселить эту станицу Северо-Кавказского края «добросовестными колхозниками-красноармейцами». Автором этой дикой меры был Л. М. Каганович, возглавлявший чрезвычайную комиссию по хлебозаготовкам на Северном Кавказе.

Кроме того, согласно постановлению, выселению «в северные области наравне с кулаками» подлежали коммунисты, осужденные «за саботаж хлебозаготовок и сева».

В постановлении причиной невыполнения хлебозаготовительных планов ЦК ВКП(б) впервые названа «легкомысленная, не вытекающая из культурных интересов населения, небольшевистская “украинизация” почти половины районов Северного Кавказа», происшедшая по вине краевых органов. Она якобы и дала «легальную форму врагам Советской власти для организации сопротивления мероприятиям и заданиям Советской власти со стороны кулаков, офицеров, реэмигрантов-казаков, участников Кубанской Рады и т. д.» Чтобы искоренить ее и разгромить «сопротивление хлебозаготовкам кулацких элементов и их “партийных” и беспартийных прислужников», постановление требовало от местных властей немедленного перевода на Северном Кавказе делопроизводства советских и кооперативных органов «украинизированных» районов, а также всех издающихся газет и журналов с украинского языка на русский, «как более понятный для кубанцев», а также подготовит и к осени «перевести преподавание в школах на русский язык»²⁰⁹.

16 декабря 1932 г. бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) утвердило конкретные меры по выполнению вышеназванного постановления ЦК и СНК. В принятом постановлении «О ходе хлебозаготовок» фактически санкционировались сверхплановые дозаготовки в крае, что означало очередной виток массовых репрессий крестьянства и казачества. Согласно постановлению выполнившим план колхозам, станицам вменялось «продолжать хлебозаготовки до выполнения плана хлебозаготовок по району в целом». При этом единоличники подлежали высылке за пределы края в случае невыполнения ими хлебозаготовительного плана. Постановление санкционировало решение ЦК и СНК о выселении жителей станицы Полтавской «за саботаж хозяйственных мероприятий Советской власти». За срыв хлебозаготовок данным постановлением бюро крайкома снимались со своих постов и исключались из партии четыре секретаря райкомов (Леонид Калитвенского, Невинномысского, Армавирского, Ейского).

Пункты постановления санкционировали полный беспредел местных активистов и уполномоченных в деле выколачивания из села продовольственных запасов. Например, пункт 4 обязывал районные организации, «у которых особо широко было распространено хищение хлеба с полей, развернуть широкую работу по сбору и выявлению расхищенного колхозниками и единоличниками хлеба и сдаче его государству в счет плана хлебозаготовок, доводя в необходимых случаях обязательные задания до бригады и

применяя меры репрессий (в частности, натуральный штраф мясом в размере мясных поставок и др.), вплоть до исключения из колхозов и предания суду лодырей и расхитителей, злостно разворывавших и упорно скрывающих хлеб, не выполняющих задания бригады по сдаче хлеба, взыскивая с исключенных из колхозов все обязательства государству и задания по хлебу как с одиночников».

Пункт 5, с одной стороны, запрещал районам, не выполнившим план хлебозаготовок, образовывать какие-либо фонды, а с другой — им вменялось в «обязательном порядке» провести «дополнительные» (сверх плана) заготовки «по отдельным районам и колхозам, выполнившим план».

Следуя букве постановления ЦК и СНК от 14 декабря 1932 г., крайком констатировал факт существования на Кубани «организованного кулачеством контрреволюционного саботажа» и потребовал от всей краевой парторганизации проведения «беспощадной борьбы» с организаторами «контрреволюционного саботажа и срывщиками мероприятий по хлебозаготовкам». Для этого в деревню направлялись 300 уполномоченных. Репрессии должны были коснуться 5–7 % колхозников, которых «за саботаж хлебозаготовок» следовало исключать из колхоза и применять к ним пункт 4 настоящего постановления²¹⁰.

Самым трагическим фактом «хлебозаготовительного беспредела» в Северо-Кавказском крае стало поголовное выселение (депортация) жителей трех казачьих станиц (Полтавской, Медведовской и Урупской), «участвовавших в саботаже», на Север и заселение их колхозниками с Севера и демобилизованными красноармейцами. В них проживали 47,5 тыс. человек, а были высланы — 45,6 тыс. человек. После депортации станица Полтавская была переименована в Красноармейскую, а Урупская — в Советскую. Всего же на «черную доску» было занесено 15 казачьих станиц²¹¹.

Подобные меры в значительной степени определялись традиционной неприязнью большевиков к казачеству. И это следует особо подчеркнуть. Помня об активном участии большинства кубанских, донских и терских казаков в белом движении в годы Гражданской войны, сталинское руководство усматривало в казачьих станицах гнезда «кулацко-казачьей контрреволюции», отождествляя казачество с кулачеством. При этом особое внимание уделялось ситуации на Кубани. Подавление развернувшегося там казачье-крестьянского сопротивления имело для сталинистов большое символическое значение. Именно на Кубани это сопро-

тивление приобрело наиболее активный характер. Причем его участниками были в большинстве своем бывшие «белоказаки». И это сопротивление проходило, несмотря на то что на Кубань, в гораздо большем количестве, чем на Дон, были завезены трактора, а также созданы там многочисленные машинно-тракторные станции²¹². С точки зрения сталинистов, Кубань была как бы показательным полигоном, где испытывалась на прочность Советская власть. На нее «смотрела вся страна»²¹³. Поэтому направленный туда «сталинский апостол» Каганович энергично нацеливал местное руководство на применение самых крайних мер против казаков — «саботажников хлебозаготовок»²¹⁴.

Когда он приехал в Северо-Кавказский край, то во всех выступлениях, касаясь вопроса «кулацкого саботажа» хлебозаготовок, прежде всего обращал внимание на казачьи станицы. Например, в речи на совещании секретарей РК ВКП(б) 2 ноября 1932 г. он открыто пригрозил кубанскому казачеству репрессиями, подчеркнув: «Надо, чтобы все кубанские казаки знали, как в 1921 году терских казаков переселяли, которые сопротивлялись Советской власти. Так и сейчас — мы не можем, чтобы кубанские земли, земли золотые, чтобы они не засевались, а засорялись, чтобы на них плевали, чтобы с ними не считались [...] вам не нравится здесь работать, мы переселим вас»²¹⁵. Эта угроза не осталась декларацией. Уже на том же совещании 2 ноября, когда решено наиболее отстававшие в хлебозаготовках станицы заносить на «черную доску» и оказывать на их население особенно сильный нажим, Каганович услышал чей-то голос с места о том, что «на Северном Кавказе самая тяжелая станица Полтавская, самая контрреволюционная, откуда все исходит». Имелось в виду, что многие ее жители в прошлом были активными участниками белоказачьего движения, а после окончания Гражданской войны продолжали вооруженную борьбу с Советской властью. Именно в этой станице в конце 1931 г. за срыв плана хлебозаготовок был распущен колхоз «Черный прапор».

Через три недели, 24 ноября, на заседании бюро крайкома Каганович узнал, что в казачьей станице Полтавской план хлебозаготовок так и не выполнен, за что она и была занесена на «черную доску». Когда же выяснилось, что и к середине декабря Полтавская по-прежнему среди отстающих, по инициативе Кагановича Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о поголовном выселении жителей этой казачьей станицы на Север. Вслед за этим, как отмечалось, последовало выселение казаков из кубанских станиц Медведов-

кой, Урупской, Уманской и др. Началось массовое переселение казачества и крестьянства в отдаленные районы Севера²¹⁶.

Таким образом, в ходе хлебозаготовок на Северном Кавказе удар направлялся в целом против крестьянства, но прежде всего против казачества. Этим и объясняется, что в 1933 г. в наиболее тяжелом положении оказались казачьи районы Кубани, Дона и Ставрополя.

Масштабы репрессий в ходе хлебозаготовительной кампании регулировали лично И. В. Сталин. Так, например, 29 ноября 1932 г. он направил шифрограмму ПП ОГПУ Украины, Севкавказя, Средней и Нижней Волги, Западной Сибири, Урала, Западной и Московской областям с предложением от имени ЦК «немедленно выслать в секретный отдел ЦК копии тех допросов и сообщений о саботаже хлебозаготовок, вредительстве в колхозах и расхищении общественного и государственного имущества в колхозах и совхозах, какие представляют интерес с точки зрения извлечения поучительных выводов»²¹⁷. Именно по указанию Сталина принято 14 декабря 1932 г. совместное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной Сибири», определившее жесткие сроки (к 10–15 января 1933 г.) завершения хлебозаготовок, «не останавливаясь перед применением высшей меры наказания» к их «саботажникам»²¹⁸.

О том, как и какими методами выполнялись директивы Центра, к каким чудовищным репрессиям прибегали хлебозаготовители и уполномоченные по хлебозаготовкам, чтобы обеспечить выполнение плана, можно судить по письмам М. А. Шолохова Сталину весной 1933 г. Остановимся на одном из них, отправленном из станицы Вешенской 4 апреля 1933 г. и не случайно ставшем достоянием российских историков только в условиях гласности. Писатель информировал Сталина, что Вешенский район Северо-Кавказского края, как и многие другие, не выполнил (по объективным причинам) плана хлебозаготовок и не засыпал семена. Районная комиссия значительно завысила урожайность (до 82 тыс. тонн вместо фактической 56–57 тыс. т). К тому же в августе в течение трех недель шли дожди, погубившие десятки тысяч центнеров хлеба. К середине ноября удалось выполнить план хлебозаготовок на 82 %. Крайком партии в этой связи направил в Вешенский район своего уполномоченного Г. Ф. Овчинникова, который дал установку «Хлеб надо взять любой ценой! Будем давить так, что кровь брызнет! Дров наломать, но хлеб взять!». Начались массовые обыски с изъятием всего обнаруженного хлеба, в том числе и получен-

ного крестьянами на трудодни в счет 15-процентного аванса. Ночью колхозников по одному вызывали в Комитет содействия хлебозаготовок (Комсод) для «допроса с пристрастием», чтобы выяснить, где спрятан хлеб. «Применяли пытки, — писал Шолохов, — между пальцев клали карандаш и ломали суставы, а затем надевали на шею веревочную петлю и вели к проруби в Дону топить». «В Грачевском колхозе уполномоченный РК подвешивал колхозниц за шею к потолку, продолжая допрашивать полузадушенных, потом тащил на ремне к реке, избивал по дороге ногами, ставил на льдину на колени и продолжал допрос».

И далее: «Людей пытали, как во времена средневековья, и не только пытали в Комсодах, превращенных буквально в застенки, но и издевались над теми, кого пытали». За неспадку хлеба колхозников выселяли из домов, распродавали за бесценок все имущество. «Было официально и строжайше воспрещено остальным колхозникам пускать в свои дома ночевать или греться выселенных [...]». «Население было предупреждено: кто пустит выселенную семью — будет сам выселен с семьей. И выселяли только за то, что какой-нибудь колхозник, тронутый ревом замерзших детишек, пускал своего выселенного соседа погреться. 1090 семей при 20-градусном морозе изо дня в день круглые сутки жили на улице [...]. Представители сельских советов и секретари ячеек посылали по улицам патрули, которые шарили по сараям и выгоняли семьи выкинутых из домов колхозников на улицы. Я видел такое, что нельзя забыть до смерти: в хуторе Волоховском Лебяжеского колхоза, ночью, на лютom ветру, на морозе, когда даже собаки прячутся от холода, семьи выкинутых из домов жгли на проулках костры и сидели возле огня. Детей заворачивали в лохмотья и клали на оттаившую от огня землю. *Сплошной детский крик стоял над проулками. Да разве можно так издеваться над людьми?»*

«В конце января или в начале февраля в Вешенскую приехал секретарь Крайкома Н. Н. Зимин... После этого по району взяли линию еще круче. И выселенные стали замерзать. В Базковском колхозе выселили женщину с грудным ребенком. Всю ночь она ходила по хутору и просила, чтобы ее пустили с ребенком погреться. Не пустили, боясь, как бы самих не выселили. Под утро ребенок замерз на руках матери». «Число замерзших не установлено, так как этой статистикой никто не интересуется; точно так же, как никто не интересуется количеством умерших от голода. Бесспорно одно: огромное количество взрослых и “цветов жизни” после двухмесячной зимовки на улице, после ночевки на снегу уйдут из этой

жизни с последним снегом. А те, которые останутся в живых, будут полукалеками».

«Но выселение еще не самое главное», — писал Шолохов. И после этого перечислил 16 способов пыток колхозников, при помощи которых было добыто 593 т хлеба. «Примеры эти можно бесконечно умножать. Это — не отдельные случаи загибов, — утверждал писатель, — это указанный в районном масштабе “метод” проведения хлебозаготовок. Об этих фактах я либо слышал от коммунистов, либо от самих колхозников, которые испытали все эти “методы” на себе и после приходили ко мне с просьбами “прописать про это в газету”».

Аналогичные методы, по словам Шолохова, применялись и в Верхне-Донском районе, где уполномоченным крайкома был тот же Овчинников, «являющийся идейным вдохновителем этих жутких издевательств». И конечный результат тоже одинаков: «В Вешенском районе, — писал Шолохов, — как и в других, сейчас умирают от голода колхозники и единоличники, [...] 99 процентов трудящегося населения терпят страшное бедствие»²¹⁹.

На Нижней и Средней Волге события разворачивались примерно по тому же сценарию, что и на Северном Кавказе, но лишь с небольшим отличием.

Сталинское руководство оказывало давление на местные партийные органы Поволжья и с помощью информации о принятых им мерах на Кубани. В частности, в начале ноября 1932 г. Сталин и Молотов направили в Средне-Волжский крайком ВКП(б) телеграмму, в которой подробно излагались действия на Кубани комиссии ЦК партии, возглавлявшейся секретарем ЦК Кагановичем. В ней сообщалось о репрессиях, предпринятых на Кубани этой комиссией в отношении не выполнивших планы хлебозаготовок кубанских станиц. В телеграмме говорилось, что «ЦК и СНК обязывает Вас (то есть крайком) немедленно предупредить названных в вашей телеграмме секретарей и предрайисполкомов отстающих районов, что в случае неприятия ими срочных мер по поднятию хлебозаготовок в продолжение первой половины ноября, ЦК и СНК будут вынуждены поставить вопрос об их исключении из партии»²²⁰. Тогда же, в начале ноября 1932 г., подобного содержания телеграмма была направлена ЦК ВКП(б) руководству Нижне-Волжского края. Ее содержание было сообщено всем райкомам партии. В ней, в частности, говорилось: «ЦК и СНК предупреждает крайком, что ссылки на цифры об урожайности, как причину невыполнения установленного плана, не могут быть приняты во

внимание, так как эти цифры явно преуменьшены и рассчитаны на обман государства [...] если в кратчайший срок не будет организован в крае действительный перелом в хлебосдаче», ЦК и СНК «будут вынуждены прибегнуть к мерам репрессий, аналогичным репрессиям на Северном Кавказе». В телеграмме особо указывалось на необходимость выполнения плана хлебозаготовок по пшенице. В ней предупреждались руководители отстающих районов, фамилии которых были сообщены Центральному Комитету решением крайкома партии от 26 октября 1932 г. В телеграмме говорилось также, что в случае неприятия ими срочных мер по активизации хлебозаготовок «ЦК и СНК будут вынуждены поставить вопрос об их исключении из партии»²²¹.

В ответ на указанную телеграмму, желая показать свое стремление твердо и решительно выполнять установки партии, бюро Нижне-Волжского крайкома ВКП(б) 10 ноября 1932 г. приняло специальное постановление «О ходе хлебозаготовок». В нем отмечалось, что «ввиду позорного срыва выполнения планов» Нижне-Чирскому, Клетскому, Мало-Сердобинскому районам объявлялся экономический бойкот. В районы полностью прекращался завоз товаров. Их руководство объявлялось «чуждыми и вредными элементами» и подвергалось репрессиям. В эти и другие районы для ускорения выполнения плана хлебозаготовок направлялись 38 уполномоченных крайкома и крайисполкома²²².

Аналогичным постановлением на Средней Волге «за медлительность в организации выполнения планов хлебозаготовок» серьезные партийные взыскания получили секретари Кузнецкого, Николо-Пестровского, Пономаревского и Нижне-Ломовского райкомов партии. Крайсуду и крайпрокуратуре предписывалось выслать в эти районы выездные сессии для проведения показательных судов над виновными в срыве хлебозаготовок²²³. Решительные меры применялись к тем руководителям колхозов, сельсоветов, которые пытались распределять хлеб собранного урожая в первую очередь на внутриколхозные нужды. Их снимали с работы, исключали из партии и отдавали под суд²²⁴.

Широкое распространение получили насаждаемые сверхрайкомами и райисполкомами «встречные планы», когда колхозы, выполнившие план, должны были организовать «красные обозы» со сверхплановым хлебом. Руководство некоторых колхозов выступало против «встречных планов», за что председателей колхозов, сельсоветов исключали из партии и судили²²⁵. Местные газеты пестрели призывами: «Поднять ярость колхозных масс про-

тив зажимщиков хлеба»²²⁶. Крайкомы партии давали директивы судебным органам в трехдневный срок рассматривать дела о невыполнении колхозами и единоличными хозяйствами планов хлебозаготовок.

Масштабы развернувшихся репрессий и насилия не могли не вызвать сомнений и колебаний у части партийного и советского актива, рядовых комсомольцев и коммунистов в правильности политики партии, проводившейся в деревне. Развеять эти сомнения и укрепить веру коммунистов, руководящего состава районов, колхозов, сельсоветов в правильности партийной линии в деревне призвана статья секретаря ЦК ВКП(б) Постышева, опубликованная 11 ноября 1932 г. в «Поволжской правде», посвященная 15-летней годовщине Октябрьской революции. В ней автор обратился к кадрам с разъяснением причин «временных трудностей», которые возникли в стране в 1932 г. Он указал, что эти трудности были «трудностями роста и трудностями классовой борьбы». «Кулацким элементам, — писал Постышев, — удалось повести за собой часть единоличников и колхозников». Однако «нельзя поддаваться унынию и сомневаться в необходимости классовой борьбы и коллективизации». «Без этого не удастся индустриализация, на основе которой будет укреплена обороноспособность и техническая реконструкция сельского хозяйства»²²⁷. Таким образом, в этой статье секретарь ЦК ВКП(б) призвал партийно-хозяйственный актив отбросить все сомнения, не поддаваться унынию, бороться против «кулака» — главного виновника всех бед, во имя высоких целей индустриализации страны. В статье фактически дано идеологическое обоснование сталинской политики хлебозаготовок. В ней разъяснялась необходимость использования принуждения в борьбе за выполнение плана хлебозаготовок, поскольку только таким образом было возможно сломить «сопротивление кулака», организовавшего их «саботаж» и тем самым поставившего под угрозу осуществление грандиозных планов индустриализации страны.

В Поволжье наиболее сложная ситуация с выполнением плана хлебозаготовок сложилась в Нижне-Волжском крае. Несмотря на все усилия, предпринимаемые партийными и советскими органами, он так и не был выполнен. Октябрьский и ноябрьский «штурмы хлебозаготовок», во время которых широко применялись методы принуждения и репрессий к руководителям колхозов, посылались «штурмовые бригады» в отстающие колхозы и т. д., результатов не дали. И это несмотря на то, что «в отдельных рай-

онах» Нижне-Волжского края выполнение плана хлебозаготовок проходило «почти исключительно за счет принудительного изъятия»²²⁸. К этому времени 20 сельских советов (колхозов) семи районов НВК (Урюпинского, Нехаевского, Нижне-Чирского, Клетского, Котельниковского, Самойловского, Мало-Сердобинского) было занесено на «черную доску». Только Республика немцев Поволжья 25 ноября 1932 г. смогла выполнить годовой план. 26 ноября «Поволжская правда» опубликовала рапорт руководства республики, в котором заявлялось о стопроцентном выполнении АССРНП плана хлебозаготовок 1932 г.²²⁹

В конце ноября ситуация с выполнением плановых заданий по хлебосдаче государству в большинстве районов Нижне-Волжского края, не входящих в состав Республики немцев Поволжья, еще более обострилась. По состоянию на 6 декабря 1932 г., по данным спецсводки №8 СПО ОГПУ, план хлебозаготовок в НВК был выполнен на 77,1 %²³⁰. В районах не был закончен обмолот зерна. Большое количество зерна лежало неубранным на полях и гнило под непрекращающимися дождями. Как уже отмечалось, попытки краевого руководства Нижней Волги в течение октября — ноября 1932 г. с помощью широкого применения репрессий против местного партийно-хозяйственного актива, не обеспечившего выполнения государственных хлебозаготовок, превосходивших по своему размаху аналогичные меры 1931 г., добиться выполнения плана не дали ожидаемых результатов. Дело в том, что в условиях хищений, некачественной уборки урожая в колхозах края местные партийные и советские органы объективно не могли ничего поделать. Они и так делали все возможное: гнали зерно из-под молотилок на элеваторы, перевеивали мякину, приостановили выдачу зерна в счет заработанных колхозниками трудодней. Единственным средством получения дополнительного зерна для выполнения плана хлебозаготовок могло стать его изъятие из той части, которую колхозники получили в начальный период уборки на авансирование трудодней. Кроме того, в ряде колхозов, где организация производства была выше и которые поэтому смогли выполнить первоначальный план и выдать колхозникам какое-то количество зерна на трудодни, также существовал небольшой резерв для выполнения плана. Однако пойти на это — означало бы лишить колхозников минимальных норм хлеба, необходимых для пропитания их семей.

И на такие меры руководство Нижней Волги было вынуждено пойти после приезда в край в начале декабря 1932 г. вышеупо-

мянутой комиссии ЦК ВКП(б) по вопросам хлебозаготовок во главе с секретарем ЦК партии Постышевым. ЦК и СНК внимательно следили за действиями краевого руководства и всячески подстегивали его активность в направлении использования репрессивных мер по отношению к «саботажникам хлебозаготовок». Так, например, 11 декабря 1932 г. Сталин и Молотов направили в Нижне-Волжский крайком и крайисполком шифрограмму, в которой потребовали арестовать, немедленно судить и «дать пять, лучше десять лет тюремного заключения» председателю Алексеевского райисполкома Макарову, председателю колхозсоюза Суворову, председателю райснаба Решетникову и заведующему райЗО Сиволапову за то, что они «разъезжали по колхозам и давали распоряжения прекратить хлебосдачу». При этом приговор с мотивировкой следовало «опубликовать в печати»²³¹.

Особую роль в трагических событиях на Нижней Волге в 1933 г. сыграл секретарь ЦК ВКП(б) П. П. Постышев. Прибыв на Нижнюю Волгу по личному указанию Сталина, он охарактеризовал позицию руководства Нижне-Волжского края «либеральной» в борьбе за хлеб. Было указано, что одной из основных причин невыполнения плана хлебозаготовок стало неправильное решение крайкома партии о выдаче колхозникам в счет аванса в период обмолота по 1–1,5 кг зерна на трудодень²³². По мнению Постышева, до приезда комиссии ЦК партии хлебозаготовки в Нижне-Волжском крае «находились в руках классового врага»²³³. Решениями бюро Нижне-Волжского крайкома ВКП(б), на заседаниях которого присутствовали члены комиссии ЦК Постышев, Зыков, Гольдин, за невыполнение плана хлебозаготовок были сняты с занимаемых должностей 9 секретарей райкомов партии и 3 председателя райисполкома²³⁴. За неумелое руководство хлебозаготовками освобождается от занимаемой должности секретарь Нижне-Волжского крайкома ВКП(б) Кенинг. Бюро крайкома партии, на котором присутствовал Постышев, принимает решение о направлении в отставные по выполнению планов хлебозаготовок районы Нижней Волги выездных сессий крайсуда. Уполномоченные крайкома партии и крайисполкома получают право «снимать с работы, отдавать под суд работников, не обеспечивающих выполнение плана»²³⁵. Устанавливалась уголовная ответственность для председателей колхозов, директоров МТС за невыполнение плана хлебозаготовок²³⁶. 5 декабря предписывается всем районным прокурорам и народным судам «применять ко всем злостным срывщикам выполнения плана хлебозаготовок [...] максимальные меры репрес-

сий, в особенности в отстающих районах — с обязательным применением конфискации всего имущества, а в необходимых случаях и ссылки по ст. 61 УК». Местные органы прокуратуры и суда обязывались «производить немедленное изъятие всего обнаруженного хлеба»²³⁷. Им давалось право привлекать по ст. 131 УК РСФСР с применением предельной нормы — 10 лет тюремного заключения с конфискацией имущества не только самих «злостных несдатчиков», но и их «пособников»²³⁸. В местной краевой и районной печати появились призывы типа: «Каленым железом выжечь из практики хлебозаготовок примиренчество, попустительство кулацкого саботажа хлебозаготовок, отсутствие личной ответственности за порученное дело»²³⁹.

Комиссия ЦК ВКП(б) в декабре 1932 г. провела несколько совещаний с партийно-хозяйственным активом Нижне-Волжского края по вопросам хлебозаготовок. Участником одного из таких совещаний в г. Балашове был И. А. Никулин (житель г. Балашова Саратовской области). Он вспоминал: «На совещании выступил Постышев. “Любыми средствами выполнить план хлебозаготовок”, — заявил он собравшимся на встречу секретарям райкомов, представителям колхозов. Слово взял секретарь Романовского райкома (на самом деле Турковского. — В. К.): “Товарищ Постышев, мы не сможем выполнить план потому, что мы перевеяли мякину, перемололи очень много соломы, но до плана далеко. Больше нам нечего перемалывать и перевеивать”. — “Разве это секретарь райкома партии?” — обратился к залу Постышев в ответ на эти слова. — “Есть предложение освободить его от должности секретаря!” И — его освобождают. Затем выступил другой секретарь райкома. Он сказал: “У нас некоторые колхозы выполнили план, а другие нет. Мы думаем за счет тех, которые выполнили план, взять хлеб”. — “Партия не позволит этого делать, чтобы за счет нерадивых трогать хорошие колхозы”, — возразил на это Постышев. Но это была фарисейская позиция»²⁴⁰.

Секретарь ЦК партии Постышев в своих выступлениях в местной печати призывал партийные и советские органы усилить организаторскую работу в колхозах. В борьбе за выполнение плана хлебозаготовок им следовало больше опираться на колхозный актив. Он указывал на необходимость продолжать заготовки в тех колхозах, которые еще не выполнили план и, на словах, выступал против того, чтобы брать хлеб у выполнивших план колхозов²⁴¹. Однако реальность была такова, что взять хлеб можно было как раз в колхозах, выполнивших план и засыпавших семена, и прежде

всего у колхозников, получивших его на трудодни. За позицией Постышева, на словах не допускавшего возможности продолжения хлебозаготовок в выполнивших план колхозах, стояло очень жесткое отношение к тем руководителям, чьи районы, колхозы и совхозы не выполняли план, заставлявшее их идти на крайние меры. Так, П. М. Тырин, еще один свидетель пребывания Постышева в г. Балашове Нижне-Волжского края (житель с. Тростянка Балашовского района Саратовской области), работавший в 1932 г. председателем Больше-Меликского сельсовета Балашовского района НКВ, вспоминал: «При мне за саботаж хлебозаготовок вызвали председателя колхоза П. Ф. Бурмистрова, члена партии с 1924 года. У него было четыре процента невыполнения плана. Постышев у него спросил: “Почему не выполняете план? Это саботаж! Идите вон в ту дверь”. Там стояли работники ОГПУ. Его арестовали и посадили. Четыре месяца он сидел в подвале»²⁴².

Вопрос о положении с хлебозаготовками на Нижней Волге был рассмотрен Политбюро ЦК 17 декабря 1932 г. в присутствии секретаря НКВ В. В. Птухи. В этот же день ЦК ВКП(б) принял специальное постановление, в котором указывалось, что Нижне-Волжский крайком оказался не в состоянии обеспечить выполнение плана хлебозаготовок, поскольку дезориентировал колхозы своим указанием о необходимости создания хлебных фондов для проведения колхозной торговли после завершения хлебозаготовительной кампании. В результате колхозы снизили темпы хлебосдачи и поставили под угрозу выполнение самого плана. Постановление вменяло в обязанность руководству НКВ «закончить выполнение годового плана хлебозаготовок к 1 января 1933 года»²⁴³.

Конкретные меры по выполнению данного постановления Политбюро определены 18 декабря 1932 г. на расширенном заседании бюро Нижне-Волжского крайкома ВКП(б) с участием членов комиссии ЦК Постышева, Зыкова, Гольдина, Шкляра. Так же как и на Северном Кавказе, они вызвали новый виток репрессий в деревне. В частности, было определено 20 районов, отстающих по выполнению плана хлебозаготовок. В них районное руководство должно было «во что бы то ни стало обеспечить такой ход хлебозаготовок», при котором краевой план был бы выполнен в установленный ЦК ВКП(б) срок, то есть до 1 января 1933 г. В пятом пункте крайком не возражал «против мер изъятия излишков, находящихся на руках у колхозников, или получивших его незаконно». В постановлении по инициативе секретаря ЦК ВКП(б) Постышева указывалось на недопустимость перегибов и огульного примене-

ния репрессивных мер к колхозам и колхозникам, которым следовало, например, вернуть распроданных за невыполнение гособязательств лошадей, волов и т. д.²⁴⁴ Но, как уже отмечалось выше, это были лишь слова. О том, что именно Постышев — организатор голода на Нижней Волге, указано в датированной не позднее 22 марта 1933 г. выписке из рабоче-оперативной сводки № 5 Хвалынского райотделения ПП ОГПУ Нижне-Волжского края. В ней приводился факт возмущения работника Наркомснаба СССР Осовского «разорением края по вине его руководителей и уполномоченного ЦК П. Постышева»²⁴⁵.

Среди районов Нижне-Волжского края особенно напряженное положение с выполнением плана хлебозаготовок сложилось в Нижне-Чирском и Котельниковском районах. По сравнению с 1931 г., в 1932 г. им были установлены огромные задания по государственной хлебосдаче. Казачье население станиц и хуторов этих районов, отличавшееся традиционно особым старанием и умением работать на земле, тем не менее допускало при уборке огромные потери. В колхозах данных районов, как и в большинстве других районов края, в завышенных нормах пускалось зерно на общественное питание и авансирование трудодней. Во время уборочной, особенно осенью, в районах начались сильные дожди, которые значительно препятствовали колхозникам высокими темпами, без потерь убирать хлеб. Безусловно, и в этих районах казаки и крестьяне не слишком добросовестно, в силу указанных нами выше причин объективного и субъективного плана, работали на уборке хлебов, стремясь прежде всего оставить его как можно больше в колхозе. Однако их действия не давали оснований для применения к ним огульных репрессий, которые были осуществлены в этих районах в результате работы там комиссии ЦК ВКП(б) по вопросам хлебозаготовок. Ознакомившись с положением в Нижне-Чирском и Котельниковском районах, комиссия ЦК партии и лично Постышев пришли к выводу, что главная причина срыва хлебозаготовок в данных районах заключалась в позиции руководства районов, колхозов и сельсоветов, «саботирующих» их выполнение. У комиссии не возникало сомнений относительно правильности спущенных для этих районов планов хлебозаготовок. Она решительно расправлялась с «саботажниками».

Свидетелем работы комиссии Постышева в декабре 1932 г. в Нижне-Чирском районе Нижне-Волжского края был Е. А. Пападейкин, занимавший тогда должность председателя колхоза «Путь Ленина» Бурасского сельсовета Нижне-Чирского района. Он

вспоминал: «Приехал Постышев — уполномоченный. Он много наших партизан Гражданской войны порубил. В саботаж наш район поставил, много людей пересажал. Ночью ездил “черный ворон” и подбирал. Я за Гражданскую войну имел орден Красного Знамени. Его хотели снять. Говорили, что мой колхоз не выполнил план хлебозаготовок. Меня арестовали и конвоировали в Нижний Чир, но не посадили, потому что план был выполнен на 80 процентов. Постышев очень много председателей колхозов, сельсоветов, бывших красных партизан пересажал. А мы были не виноваты. Дожди шли, гнило все на полях. Что мы могли сделать? А он считал — саботаж»²⁴⁶.

Результатом работы комиссии Постышева в казачьих районах Нижней Волги стало постановление ЦК ВКП(б) от 30 декабря 1932 г. по Нижне-Чирскому и Котельниковскому районам. Все районное руководство за невыполнение плана хлебозаготовок было подвергнуто репрессиям²⁴⁷. Руководство краевого ОГПУ в специальной телеграмме в Москву сообщило Постышеву о конкретных репрессивных мерах, принятых ОГПУ в отношении местного партийно-хозяйственного актива Нижне-Чирского района, среди которых аресты председателей колхозов, колхозников, отказавшихся выходить в поле и убирать необмолоченный заскирдованный хлеб и другие²⁴⁸. На Нижней Волге, по указанию Постышева, на «черную доску» в декабре 1932 г. занесены 19 сельсоветов семи районов и нескольких колхозов со всеми вытекающими отсюда последствиями²⁴⁹. По казачьим станицам и хуторам Нижне-Волжского края ходили слухи, что жесткие меры к казакам приняты из-за ненависти Сталина к казачеству. Старожилы вспоминали: «Сталин особенно казачество ненавидел. Поэтому свирепствовали. Раскулачивание и голод организовали» (Бирюков О. Е. и Бирюкова А. Е., жители с. Первая Берзовка Ново-Анинского района Волгоградской области).

Под давлением комиссии ЦК партии руководство Нижне-Волжского края, нацеленное на выполнение плана любой ценой, использовало все средства для того, чтобы хлебозаготовки проходили успешнее. На пленуме Нижне-Волжского крайкома ВКП(б) 12 июня 1933 г. секретарь крайкома Птуха заявил: «Если бы не помощь секретаря тов. Постышева, Нижне-Волжский край не справился и не выполнил бы плана хлебозаготовок»²⁵⁰. Полученный на Нижней Волге опыт секретарь ЦК ВКП(б) Постышев, охарактеризованный одним из источников как неглупый, но равнодушный к чувствам окружающих человек, использовал затем на Украине,

где, по словам Конквеста, «стал последним и наиболее твердым сталинским эмиссаром в украинской кампании»²⁵¹.

В конце декабря 1932 г. — начале января 1933 г. на Нижней Волге резко усилились меры принуждения в отношении колхозов и единоличных хозяйств, не выполнявших планы хлебозаготовок. Центральный комитет партии был информирован о характере этих мер и санкционировал их применение. Так, например, 23 декабря 1932 г. на заседании Политбюро ЦК партии была удовлетворена просьба Нижне-Волжского крайкома ВКП(б) о высылке 300–400 семей единоличников, не выполнявших планы государственной, обязательной хлебосдачи за пределы края. Политбюро ЦК ВКП(б) разрешило крайкому партии в местностях «массового хищения зерна» объявить колхозникам и единоличникам, что при добровольной сдаче хлеба они не будут подвергаться репрессиям. Данное решение было обсуждено на бюро крайкома партии 24 декабря и принято к исполнению²⁵². 16 декабря 1932 г. секретарь Нижне-Волжского крайкома ВКП(б) Птуха вызывался на заседания Политбюро ЦК, где отчитывался перед высшей партийной властью о ходе хлебозаготовок в крае. 23 декабря 1932 г. за подписями Сталина и Молотова в Нижне-Волжский край направлена телеграмма, в которой до сведения местного партийного руководства доводились факты «о саботаже хлебозаготовок в Харьковской и Днепропетровской области и внутриколхозной вредительской группировке на Кубани»²⁵³.

Именно давление центра, прежде всего ЦК ВКП(б), заставило краевое руководство Нижней Волги принимать самые жесткие решения для обеспечения выполнения государственных хлебозаготовок 1932 г. Страх перед репрессиями, широко применявшимися в 1932 г. сталинскими эмиссарами и ЦК ВКП(б) в отношении партийно-хозяйственного руководства основных зерновых районов страны, был главным фактором, определявшим характер мер, использованных партийными и советскими органами Нижне-Волжского края в конце 1932 г. О том, что данное обстоятельство действительно было реальностью, свидетельствует тот факт, что в конце 1932 г. в Центре возникал вопрос о необходимости развертывания массовых репрессий в Нижне-Волжском крае, аналогичных принятым на Северном Кавказе и Украине во время хлебозаготовительной кампании 1932 г. Об этом, например, говорилось в выступлении на закрытом заседании коллегии Народного комиссариата юстиции РСФСР 29 декабря 1932 г. и в выступлении на коллегии Наркомата РСФСР 19 января 1933 г. народного комиссара Крыленко²⁵⁴.

В последних числах декабря 1932 — начале 1933 г. Нижне-Волжский крайком ВКП(б) принимает самые радикальные с начала хлебозаготовительной кампании решения, обеспечившие выполнение плана хлебозаготовок 1932 г. Так, местному районному руководству разрешено начать проверку «расхищенного» колхозниками и единоличниками хлеба²⁵⁵. В постановлении бюро крайкома ВКП(б) от 24 декабря 1932 г. местным партийным и советским органам предписывалось усилить «репрессии в отношении злостных хищников хлеба» в колхозах. Они должны добиваться того, чтобы «те колхозники, которые добровольно сдают расхищенный хлеб, одновременно указывали на злостных расхищителей хлеба и места хранения ими хлеба»²⁵⁶.

4 января 1933 г. бюро крайкома ВКП(б) принимает постановление «о дополнительных заданиях колхозам, выполнившим план хлебозаготовок», фактически санкционирующее право местных партийных и советских органов использовать все возможные средства для выполнения хлебозаготовительных планов. В нем указывалось: «Крайком и крайисполком требуют от райисполкомов и райкомов районов, сорвавших план, безусловного выполнения плана хлебозаготовок к 5 января, не останавливаясь перед дополнительными заготовками в колхозах, выполнивших план, допуская частичный возврат от колхозников»²⁵⁷. На места были посланы соответствующие телеграммы. Так, например, в телеграмме секретарю Преображенского райкома указывалось: «Ответ ваш считаем неудовлетворительным. Предлагаем всеми имеющимися в районе возможностями, в том числе из ресурсов колхозов, выполнивших план, обеспечить полное выполнение пятидневного задания»²⁵⁸.

О том, каким образом в нижеволжских деревнях выполнялась эта и другие приведенные выше директивы партийных органов, могут поведать многочисленные свидетельства очевидцев, подтверждающиеся архивными документами. В ходе хлебозаготовок у крестьян отбирали хлеб, заработанный ими на трудодни в колхозе и оставшийся еще с прошлых лет, не выдавался хлеб на трудодни за работу в колхозе, а шел государству, вывозился семенной хлеб. Нередко применялось насилие над крестьянами. Так, например, в селе Боцманово Турковского района уполномоченный по хлебозаготовкам из Балашова некий Шевченко, чтобы выбить из крестьян хлеб, посадил в амбар под замок почти все село (Дубровин М. Е., житель р.п. Турки Саратовской области). «Приходили, хлеб силком забирали и увозили», «Дали, а потом отбирали», «Ходили по домам, забирали хлеб и картошку. Тех, кто противился, —

сажали на ночь в амбар», «Из печки вытаскивали», — вспоминали старожилы саратовских, пензенских, волгоградских деревень²⁵⁹.

Многие уполномоченные по хлебозаготовкам, сельские активисты, коммунисты и комсомольцы, выполнявшие указания партийных органов, наделенные всеми правами и непосредственно осуществлявшие политику ЦК, искренне верили в необходимость насилия над крестьянами. Они полагали, что только таким образом можно построить новую счастливую жизнь — социализм. В большинстве своем выходцы из беднейших слоев, знавшие в доколхозной деревне и голод, и кулацкую кабалу, они с энтузиазмом восприняли идею коллективизации и активно ее проводили. Работая не покладая рук на колхозных полях, изо всех сил стремясь организовать общественное хозяйство, они видели, как основная масса односельчан недобросовестно относится к колхозному труду, как многие из них воруют колхозное зерно, нередко в самый напряженный период полевых работ бросают всё и уходят из деревни. Ведь именно они, как правило, перевыполняли нормы в несколько раз, нередко полуголодные вытягивали в колхозе все основные сельскохозяйственные работы. Поэтому для них выполнение жестких директив районного руководства с помощью методов принуждения психологически не было трудным. Кроме того, у них имелся уже подобный опыт работы в период массового раскулачивания и хлебозаготовок 1929–1931 гг. Важным моментом был страх перед репрессиями, толкавший их на крайние меры.

Были среди них и такие, которые, опьяненные властью и безнаказанностью, находили удовольствие в демонстрации этой власти и ради этого открыто издевались над людьми, доводя до абсурда методы выполнения спущенных руководством директив. К сожалению, их было немало. Так, например, А. А. Афонин (житель с. Новое Зубово Тамалинского района Пензенской области) вспоминал о деятельности в его селе во время хлебозаготовок уполномоченного Мазякина. Когда во время изъятия у его семьи хлеба, заработанного в колхозе на трудодни, он спросил уполномоченного: «Чем же теперь кормить детей, народ? — Мазякин ответил: “Вам землю дали, землей кормите”»²⁶⁰. Желая выполнить план хлебозаготовок и засыпать семена в колхозные амбары, многие уполномоченные и сельские активисты готовы были ради этого на всё. Так, на колхозном собрании колхоза «13-й год Октября» Балашовского района Нижне-Волжского края уполномоченный райкома партии Степанов, выступая по вопросу засыпки семян, заявил: «Мы по трупам пройдем, а хлеб у крестьян найдем»²⁶¹.

Более благоприятной, по сравнению с СКК и НВК, ситуация с хлебозаготовками развивалась в Средне-Волжском крае, который смог успешно выполнить краевой план по колхозно-крестьянскому сектору. Но это не означало, что край оказался в выигрышном положении и мог избежать надвигающейся голодной катастрофы. 28 декабря 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) отклонило просьбу секретаря Средне-Волжского крайкома В. П. Шубрикова о развертывании в крае колхозной торговли хлебом с 1 января 1933 г., поскольку установленный план хлебозаготовок еще не выполнили совхозы. Крайком должен был до 5 января 1933 г. устранить данное препятствие с помощью применения в отношении директоров совхозов и других ответственных лиц «строжайших мер», вплоть до их ареста, а также «проверки наличия хлеба в совхозах силами ГПУ и их изъятия»²⁶².

ЦК ВКП(б) не позволило руководству Средне-Волжского края использовать имеющиеся в регионе излишки хлеба на внутренние нужды, хотя край и выполнил основной план хлебосдачи. Все излишки должны были направляться в распоряжение Центра. В данном случае в какой-то мере, но лишь чуть позже, повторилась ситуация с Нижне-Волжским краем, руководство которого в июне 1932 г. попыталось учесть краевые интересы, но было наказано за это ЦК.

В начале января 1933 г. председатель СТО СССР В. В. Куйбышев сообщил Сталину о факте «децентрализованных заготовок в Средне-Волжском крае». По его сведениям, основанным на имеющихся в Комитете заготовок СТО и Заготзерно данным, в Средне-Волжском крае наряду с централизованными заготовками хлеба производились и заготовки в децентрализованном порядке. Только по восьми районам Средней Волги было заготовлено около 10,5 тыс. центнеров. Полученный хлеб краевое руководство не передало в централизованные ресурсы, несмотря на соответствующее указание Комитета заготовок²⁶³.

Реакция последовала незамедлительно. 6 января 1933 г. в шифрограмме Сталина и Молотова в Самару, крайком ВКП(б) и крайисполком указывали: «В связи с установленными фактами децентрализованных заготовок хлеба в ряде районов, в частности — Больше-Глушицком, Кинель-Черкасском, Бугурусланском, Челно-Вершинском, Андреевском, Барановском, Сызранском, Бузулукском, ЦК предлагает: первое — расследовать, по чьим распоряжениям велись эти заготовки, привлечь виновных к партийной и судебной ответственности, второе — установить, в каких

районах велись эти заготовки, сколько заготовлено, и третье — передать в трехдневный срок весь заготовленный хлеб Заготзерно, в централизованные ресурсы»²⁶⁴.

12 января 1933 г., когда из селений Поволжья, Дона и Кубани чрезвычайные комиссии и различные уполномоченные выгребали последнее зерно, последовало постановление Политбюро ЦК ВКП(б) об уменьшении плана хлебозаготовок из урожая 1932 г. Украине, Северо-Кавказскому краю, Уральской области и Казахстану. На Северном Кавказе, например, он был уменьшен — на 2 млн пудов и составил 112,4 млн пудов. И он выполнялся «во что бы то ни стало»...²⁶⁵

С помощью массовых репрессий в отношении представителей партийно-хозяйственного актива, рядовых колхозников и одиночников, сопротивлявшихся выполнению планов хлебозаготовок, необходимый государству хлеб был изъят. В Поволжье, на Дону и Кубани из скудных амбаров его удалось выгрести вплоть «до последнего зерна» и тем самым сделать неизбежным наступление голода в этих житницах страны.

Однако полностью выполнить план хлебозаготовок удалось только Нижне-Волжскому и Средне-Волжскому краям²⁶⁶. На Украине же он «был провален», что зафиксировано в постановлении ЦК ВКП(б) от 24 января 1933 г. и на Февральском (1933 г.) пленуме ЦК Компартии Украины. На Северном Кавказе, как отмечалось в решении крайкома партии, план «был выполнен к 15 января 1933 г.», но при этом «в выполнение плана внесен весь собранный краевой семфонд»²⁶⁷.

Фактическим продолжением хлебозаготовок 1932 г. стала кампания по засыпке семян под урожай 1933 г., активизировавшаяся сразу же после окончания хлебозаготовительной кампании. Она еще больше усугубила ситуацию, поскольку выгребла из колхозов остатки заготовленного зерна. Засыпку семян проводили теми же методами, что и хлебозаготовки. Вот лишь некоторые факты.

3 февраля 1933 г. Политбюро ЦК ВКП(б) принимает постановление, в котором соглашается с предложением Нижне-Волжского крайкома о «высылке на Север через ОГПУ коммунистов-колхозников», отказывающихся от выполнения заданий по засыпке семян²⁶⁸. 20 февраля 1933 г. следует еще одно аналогичное решение: «Выселить за пределы края две тысячи домохозяйств с семьями одиночников, также колхозников, исключенных из колхоза за злостный саботаж выполнения задания по засыпке семян»²⁶⁹.

В ходе кампании по засыпке семян зерно отбирали не только у нерадивых колхозов, но и у тех, кто обеспечивал себя семенами в предшествующий период. Так, например, 23 февраля 1933 г. бюро Нижне-Волжского крайкома ВКП(б) дало санкцию на места организовывать «займы части семян» у «других колхозов района, обеспеченных семенами». Одновременно райкомы должны были разоблачать «новый кулацкий маневр в борьбе против сбора семян, пускания слухов о голоде», искать «организаторов и вдохновителей этого дела» и привлекать их «к строжайшей ответственности»²⁷⁰.

15 марта 1933 г. Политбюро ЦК ВКП(б) санкционировало очередную акцию выселения за пределы Нижне-Волжского края 3 тыс. «прежде раскулаченных кулацких хозяйств»²⁷¹.

Такая же картина в период осуществления семенной кампании и проведения весенних полевых работ наблюдалась и в Средне-Волжском крае. 15 апреля 1933 г. Политбюро приняло предложение Средне-Волжского крайкома: провести изъятие и выселение за пределы края в течение мая–июня с.г. не менее 6 тысяч кулацких хозяйств и 1 тыс. хозяйств наиболее разложившихся единоличников²⁷².

В среднем по зерновым районам СССР в счет хлебазаготовок ушло не менее 40 % хлеба убранный урожая, не считая семенного зерна²⁷³, изъятие которого будет продолжаться вплоть до начала посевной 1933 г. Подобные изъятия означали для крестьянства наступление массового голода со всеми присущими ему ужасами.

* * *

Изложенный в настоящей главе материал позволяет сделать следующие выводы принципиального значения.

Пониженный урожай 1932 г. — результат совокупности действовавших факторов объективного и субъективного характера. Он ни в коей мере не был обусловлен погодными условиями. Неблагоприятная погода лишь усугубила ситуацию в ряде районов, но не оказала принципиального влияния на ситуацию в целом. Урожай был выращен вполне достаточный, чтобы не допустить массового голода, но не убран без потерь вследствие негативных последствий коллективизации и крестьянского сопротивления хлебазаготовкам. Анализ многочисленных источников дает основание заключить, что колхозники Северо-Кавказского края, Нижней и Средней Волги не желали и по объективным причинам не могли добросовестно убирать урожай. Они понимали, что его

снова, как и в 1930–1931 гг., вывезут государству. Работать в поте лица за мизерное количество зерна, которое им могут выдать на трудодни, а могут и не выдать, — было неразумно. Из опыта 1931 г. они знали, что даже ударники, заработавшие по нескольку сотен трудодней, кроме морального поощрения (публикации в прессе, почетные грамоты и т. д.), ничего не получили за свой труд и зимой 1931–1932 г., наравне с «лодырями», переносили тяготы голода. Они видели, что в деревне погибал скот — важнейший источник существования крестьянских семей в голодные годы. Три года коллективизации и особенно зима 1931–1932 г. настолько подорвали животноводство, что многие крестьянские семьи лишились коров — последней надежды спастись от смерти в случае голодного бедствия.

В Поволжье, на Дону, Кубани и в других районах страны земледелец всегда стремился сделать запас хлеба на случай недорода. К этому подталкивал его горький опыт предыдущих голодовок, в том числе совсем недавних. Особенно нагляден пример голода 1921–1922 гг. Накануне его, в 1920 г., в результате продрозверстки из селений был вывезен хлеб, а в 1921 г. из-за засухи он не уродился. В итоге в Поволжье и других зерновых районах наступил страшный голод²⁷⁴. Схожая ситуация сложилась в 1932 г. Принудительные хлебозаготовки 1930–1931 гг. не прошли бесследно для донских, кубанских, поволжских селений. Земледельцы уже не имели запасов хлеба, которые бы в случае голода обеспечили их пропитанием до нового урожая. Они запомнили, что в 1930–1932 гг. местное районное и сельское начальство не смогло позаботиться о них. Поэтому они вполне оправданно рассуждали, что в случае голода им придется перебиваться до весны, когда государство предоставит им хлеб за выполнение полевых работ в колхозе. Так что никаких запасов у них не было.

В 1930–1931 гг. большинство колхозников воочию убедились в неэффективности того колхозного производства, которое наильно навязывалось им сталинским режимом. Неразбериха, отсутствие порядка, бесхозяйственность в большинстве колхозов укрепляли в них веру в недолговечность существования колхозов. Отсюда было их стремление к выходу из колхозов, к осознанному противодействию их «организационно-хозяйственного укрепления».

Главное, что определяло нежелание казаков и крестьян добросовестно убирать хлеб, — это стремление любой ценой оставить в деревне как можно больше хлеба. Фактически — это была борьба

за выживание. Они прекрасно понимали, что в случае повторения хлебозаготовок 1931 г., многим из них уже не дожить до нового урожая. Страх перед хлебозаготовками — вот чем прежде всего объяснялись те негативные моменты в уборочной страде 1932 г., которые имели тогда место. Они определялись и общим упадком сельского хозяйства регионов в результате коллективизации, факт которого стал очевиден в 1932 г. Гибель скота, отток из деревни во время полевых работ и накануне их значительного количества трудоспособного населения, низкая организация колхозного производства значительно затруднили качественное проведение уборки урожая. Неблагоприятная погода в ряде районов Поволжья, как уже отмечалось, лишь еще больше усугубила ситуацию, но не создала ее как таковую. Она здесь была ни при чем.

Общее положение, сложившееся в коллективизированных районах Поволжья, Дона и Кубани в 1932 г., свидетельствовало не просто о возникновении «определенных трудностей» в системе колхозного производства, а о кризисе сталинской политики насильственной коллективизации. Проводимая без учета объективных условий, она оказалась способна лишь на разрушение старой системы производственных отношений в деревне. Но создать взамен хотя бы равную ей по своей эффективности она не смогла. Сталинское руководство не решило главную задачу, от которой и зависела эффективность колхозного производства. Оно не могло заинтересовать крестьян в добросовестном труде в колхозах, доказать их полезность им.

В 1932 г. в период основных сельскохозяйственных работ, и особенно во время уборочной, этот факт стал реальностью. Крестьяне и казаки Поволжья, Дона и Кубани не желали в угоду грандиозным планам индустриализации страны в полурабских условиях, на грани голода, с полной отдачей работать в колхозах. Как уже говорилось, они не могли это сделать и в силу чисто объективных причин — из-за того огромного ущерба, который был нанесен сельскому хозяйству регионов во время коллективизации. Катастрофическое сокращение численности скота, уход из сельской местности сотен тысяч тружеников в результате резкого ухудшения продовольственного положения, выселение из деревни в ходе раскулачивания самой лучшей ее части — наиболее опытных, знающих хлеборобное дело казаков и крестьян, бесхозяйственность в колхозах не оставляли шансов для достижения колхозами Поволжья, Дона и Кубани высоких производственных показателей, на которые рассчитывала партия.

Характер мер, предпринятых сталинским режимом во время хлебозаготовительной кампании, убедительно свидетельствует, что он решал не только задачу обеспечения государства хлебом, но и преследовал цель наказать крестьян за их нежелание добросовестно работать в колхозах, сопротивление политике коллективизации. В подтверждение сказанному можно привести следующие факты. Во время хлебозаготовок хлеб принудительно был вывезен прежде всего из тех колхозов, где в наибольшей степени проявились элементы «кулацкого саботажа» (хищения зерна, невыходы на работу, некачественное выполнение основных работ и т. д.). В 1933 г. помощь оказывалась лишь тем колхозникам, кто выходил в поле и выполнял установленные нормы выработки. Данные мотивы признавали и сами организаторы хлебозаготовок, в том числе на региональном уровне. Так, например, выступая в июне 1933 г. на пленуме Нижне-Волжского крайкома ВКП(б) один из его участников, Лукоянов, недвусмысленно заявил: «Хлебозаготовки являются тем рычагом, при помощи которого мы добиваемся социалистического перевоспитания колхозника. Мы его приучаем по-иному мыслить, мыслить не как собственника хлеба, а мыслить как участника социалистического соревнования, сознательно, дисциплинированно относящегося к своим обязанностям перед пролетарским государством. Хлебозаготовки являются той нашей работой, которой мы учитываем колхозника [...] укладываем крестьянина в русло пролетарской дисциплины»²⁷⁵.

Насильственный характер хлебозаготовок в зерновых районах Поволжья, Дона и Кубани в определенной степени был обусловлен и экспортными интересами Советского государства. Аргументировать данное заключение можно на примере Нижне-Волжского края.

На Нижней Волге, прежде всего в Республике немцев Поволжья, выращивались одни из лучших сортов экспортной пшеницы. В 1932 г. удельный вес яровой пшеницы в зерновом клине Нижне-Волжского края составил 59 % (в Средне-Волжском крае — 35 %). Во всем пшеничном клине страны по размерам посевных площадей Нижняя Волга занимала третье место, уступая лишь Украине и Северному Кавказу²⁷⁶. Если в 1931 г. план экспорта пшеницы из Нижне-Волжского края в удельном весе союзного значения составлял 16 %, то в 1932 г. предусматривалось вывезти из региона за границу 683 тыс. тонн, или 37,9 %, зерна к состоявшемуся союзному экспорту этого года. По размерам экспорта зерновых Нижне-Волжский край уступал только Украине и Северному Кавказу.

В хлебозаготовках 1931–1932 г. в Нижне-Волжском крае доля плановых экспортных заданий занимала около 60 %. По плану экспорта предполагалось вывезти за границу до половины урожая 1931–1932 г.²⁷⁷ Это означало, что вся пшеница, сдаваемая в данные годы в счет плана хлебозаготовок, должна была уходить на экспорт. А его невыполнение означало нанесение серьезного ущерба всей государственной экспортной политике, неразрывно связанной с программой форсированной индустриализации страны.

Хлебозаготовки 1932 г. стали непосредственной причиной голода, так как они лишили деревню хлеба, необходимого для жизнеобеспечения миллионов крестьянских семей. Но сами они были неотъемлемой частью политики коллективизации. Поэтому наступивший в 1933 г. голодомор — прямое следствие этой политики, а не одних хлебозаготовок как таковых.

В этой связи нельзя не сказать о факторе внешней угрозы, который не могло не учитывать сталинское руководство, осуществляя свою политику в деревне в 1932 г. Более того, именно он во многом предопределил бескомпромиссный характер противостояния сталинистов и крестьянства в период хлебозаготовительной кампании.

Многим «большим патриотам» России всегда казалось, что, за исключением периода «холодной войны», так называемая империалистическая угроза была идеологической роскошью, реальностью лишь для народов «третьего мира». И России не следовало придавать ей чересчур уж важное значение, растрачивая на нее свои ресурсы²⁷⁸. Но в 1930-е гг. сталинисты были единодушны во мнении, что вопрос борьбы с империализмом — это вопрос выживания Советского государства²⁷⁹. Молотов, например, так и остался до конца своих дней убежденным в том, что империализм был и останется главной проблемой советских граждан, граждан социалистических стран и народов развивающихся стран, несмотря на крушение колониальной системы. «Уничтожение империализма, — подчеркивал он, — всегда было главной задачей СССР»²⁸⁰. И основания у него для этого были, в том числе применительно к периоду 1932 — 1933 гг.

Еще в декабре 1931 г. на сессии ЦИК Молотов в сильных выражениях говорил о «растущей опасности военной интервенции против СССР»²⁸¹. Ситуация не изменилась в лучшую сторону и в следующем году. С лета 1932 г. и в течение всего 1933 г. сталинское руководство действовало в условиях обостряющейся международной обстановки, которая не могла не оказывать на него своего

влияния²⁸². Так, например, в 1932 г. произошли вполне реальные события, свидетельствующие о приближении империалистической атаки, к которой страна еще не была подготовлена в должной мере. В частности, еще в сентябре 1931 г. Япония оккупировала Маньчжурию, взяв под свой контроль богатейшую провинцию Китая, в которой Россия имела традиционные коммерческие интересы²⁸³. В руках у Японии оказалось «русское чудо» — Китайско-Восточная железная дорога, построенная Россией в начале XX в. для закрепления своего экономического влияния в Северо-Восточном Китае и развития русского Дальнего Востока²⁸⁴. 13 декабря 1932 г. Япония с пренебрежением отвергла предложенный СССР в декабре 1931 г. пакт о ненападении. В начале 1933 г. она продолжила свое наступление в Китае, захватив город Жехе во Внутренней Монголии. Сталинское руководство с тревогой ожидало дальнейших ее шагов, которые могли быть направлены не только в сторону Пекина и Внешней Монголии, но и в сторону советского Дальнего Востока²⁸⁵. Сталин полностью осознавал значение японской угрозы и предпринимал срочные меры для усиления дальневосточных границ СССР²⁸⁶. В данной ситуации принятые им действия в отношении крестьян в 1932 г. не могли не иметь цели укрепления режима перед угрозой империалистической атаки, которая уже обозначилась на Дальнем Востоке именно в это время.

Другая угроза начинала вырисовываться в Европе. И ее контуры четко определились именно в 1932–1933 гг. Победившие в Германии нацисты не скрывали своих антикоммунистических и антироссийских настроений. При этом следует помнить, что Россия имела негативный опыт войн в XX в. Каганович подчеркивал в связи с этим, что царизм мог лишь проигрывать войны²⁸⁷. Это только в XXI в. стала маловероятной империалистическая политика захвата чужих территорий с помощью военной силы. В 1930-е гг. все было по-другому. Сталинисты не питали иллюзий относительно отношения к ним западных стран, и в первую очередь Германии. Как известно, германские империалистические амбиции зародились еще в первой половине XIX в., и Россия занимала в них далеко не самое последнее место. Намного ранее 1917 г., задолго до утверждения в России большевистской власти, идеологи германского нацизма в своих планах уже готовили ей участь германской колонии, где должны были найти себе «спокойную и зажиточную жизнь» немецкие крестьяне и ветераны «победоносных империалистических войн»²⁸⁸. Сталинисты по-

нимали это. «Мы могли бы стать колонией», — заметил по этому поводу Каганович²⁸⁹. Таким образом, внешний фактор сыграл свою роль в выработке сталинским руководством линии поведения в 1932–1933 гг. в советской деревне. Без учета этого фактора нельзя давать оценку сталинской политике в период хлебозаготовок и голода.

А как оценили события 1932 г. их непосредственные очевидцы спустя более полувека? Насколько они расходятся с изложенными нами фактами, в большинстве своем основанными на архивных документах?

Старожилы поволжских и южноуральских деревень говорили, что, хотя организаторы хлебозаготовок объясняли крестьянам, что хлеб заготавливается для рабочего класса и Красной Армии, в деревне ходили упорные слухи, что на самом деле хлеб отбирают для того, чтобы вывезти его за границу и искусственно организовать голод с целью выкачки из населения золота. Именно тогда, по их воспоминаниям, в деревне появляются поговорки на эту тему: «Рожь, пшеницу отправили за границу, а цыганку, лебеду — колхозникам на еду», «Дранку, барду, кукурузу — Советскому Союзу, а рожь, пшеницу отправили на [...] за границу», «Наша горелка хлебородная. Хлеб отдала — сама голодная». Хлебозаготовки и наступивший голод, отмечали старожилы, многие крестьяне связывали с именами Сталина и Калинина. «В 1932 году Сталин сделал запись, поэтому и наступил голод», — говорили в деревнях. В 1932–1933 гг. в поволжских деревнях ходил слух, что идет «сталинская выкачка золота». Голодовка создана для того, чтобы через магазины торгсина за бесценнок, в обмен на продукты питания, выкачать из населения для нужд индустриализации ценные вещи: золото, серебро и др. Само слово «Торгсин» расшифровывалось следующим образом: «Товарищи! Опомнитесь! Россия гибнет! Сталин истребляет народ!» Организацию голода с помощью хлебозаготовок крестьяне объясняли стремлением Калинина наказать их за нежелание добросовестно работать в сталинских колхозах. В поволжской деревне в 1933 г. ходила молва, что голод искусственно организовал Калинин, чтобы приучить крестьян к колхозам. Подобно тому как известный русский дрессировщик Дуров голодом приучал животных к повиновению, не кормил их, а потом они за кусок сахара делали все, что ему хотелось, так и Калинин решил колхозников приучить к колхозам голодом. Когда они перенесут голод, то уже навсегда привыкнут к колхозам, будут лучше там работать и ценить колхозную жизнь²⁹⁰.

Вот лишь некоторые, наиболее типичные суждения непосредственных очевидцев о причинах голода 1932–1933 гг. в советской деревне в той редакции, в которой они были записаны в ходе анкетирования.

«В 1929 году кулаков — самых хлеборобов, забрали и вывезли. Стала коллективизация. Порядка не было. Сеять, плохо сеяли. Голодуха специально была организована Сталиным. Он кулаков, самых хозяев, забрал, а беднота ничего не умела. Им надо было только командовать. Они разорили все» (В. Н. Литвинов, житель села Солодушино Николаевского района Волгоградской области).

«Главная причина голода в организации производства, а потом уже засуха. С людьми не стали говорить, как положено, и люди, когда стали убирать хлеб, стали его себе брать. Люди голодные работать не будут. Когда обыски провели, хлеб весь отобрали, поэтому и наступил голод» (Ф. И. Мордынский, житель районного поселка Саракташ Оренбургской области).

«В 1933 году голод был потому, что хлеб государству сдали». (В. А. Скворцов, житель села Тамбовка Больше-Глушицкого района Самарской области).

«Хлеб весь, до зерна, под метелку государству вывезли. Хлебозаготовками нас мучили» (Е. В. Колпакова, жительница села Лебяжье Камышинского района Волгоградской области).

«В 1933 году элеваторы были полны хлеба, но хлеб этот не давали. Сталин запретил давать хлеб, и люди умерли от голода. Надо было проучить мужиков за то, что они не работали. В колхозах порядка не было» (А. А. Галяшин, житель районного поселка Сергиевск Самарской области).

Таким образом, очевидцы событий 1932–1933 гг. наступление голода связали с коллективизацией и хлебозаготовками, то есть подтвердили наше заключение о причинах данного голода, охарактеризованных в настоящей и предыдущей главах.

Глава 4

ГОЛОД

§ 1. География и интенсивность голода

Огромное горе обрушилось на советскую деревню в 1932–1933 гг. Наступил голодный мор...

О том, что голодом было поражено большинство районов Северо-Кавказского края, свидетельствовали материалы заседания бюро крайкома партии от 22 февраля 1933 г. На заседании был признан факт массового распространения эпидемических заболеваний, прежде всего сыпного тифа во многих населенных пунктах. Рассадником заболеваний стали железнодорожные станции, переполненные голодными людьми¹. Это вокзалы Грозного, Минеральных Вод, Армавира, Тихорецкой, Ростова, Каменска, Миллерово, Таганрога. Наибольшую тревогу у руководителей края вызвали районы, граничащие с Украиной: Таганрогский, Матвеево-Курганский, Каменский и Тарасовский. Таким образом, голод охватил подавляющее большинство сельских районов Северо-Кавказского края.

О распространении голода по территории Северо-Кавказского края дают представление сохранившиеся секретные документы из «особой папки» крайкома ВКП(б). На заседании бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) 23 февраля 1933 года руководители края с известными оговорками вынуждены были признать, что часть сельскохозяйственного населения голодает. Однако из подготовленного хорошо информированными органами ОГПУ документа, приложенного к протоколу заседания бюро, видно, что в действительности голод охватил подавляющее большинство сельских районов края. Голодали 21 из 34 кубанских, 14 из 23 донских и 12 из 18 ставропольских районов. Таким образом, из 75 зерновых районов края голодало население 47 районов, или 63 %².

По степени тяжести голода крайком разделил районы на три категории: «особо неблагополучные», «неблагополучные» и «прочие».

К «особо неблагополучным» были отнесены 13 районов, в том числе 11 районов Кубани: Армавирский, Ейский, Каневский, Краснодарский, Курганевский, Кореновский, Ново-Александровский, Ново-Покровский, Павловский, Старо-Минский, Тимашевский; один район Адыгейской АО — Шовгеновский и один район Ставрополя — Курсавский. К «неблагополучным» было отнесено 20 районов, в том числе кубанских — 6, донских — 7 и ставропольских — 7. К «прочим» отнесли — 15 районов, в том числе кубанских — 4, донских — 7 и ставропольских — 4³.

В «особо неблагополучных районах» голодало почти все население, исключительно высокой была смертность. Вымирало население целых кварталов и улиц. От голода люди теряли рассудок, распространились случаи людоедства и трупоедства⁴.

О масштабах голода в Северо-Кавказском крае можно судить по официальной статистике зарегистрированной смертности. Так, например, в первом полугодии 1932 г. смертность в крае была обычной, не превышала естественной убыли населения. В среднем в месяц в крае умирало 8270 чел. Но начиная с июля 1932 г. смертность заметно увеличилась и во втором полугодии составила в среднем 12 247 чел.⁵ Это объяснялось возникшими продовольственными трудностями в связи с исчерпанием запасов хлеба и других продуктов вследствие хлебозаготовок. Данное явление было уже первым предвестником голода. Особенно резко смертность возросла с января 1933 г. и своего пика достигла в апреле — июне этого года (соответственно 59 242, 60 038, 56 062)⁶. Например, в мае 1933 г. в крае скончалось людей почти в семь раз больше, по сравнению со среднемесячным показателем в первом полугодии 1932 г. В последующие месяцы смертность постепенно снижалась, но до конца года так и не пришла к обычному уровню. Если учесть избыточную смертность в крае с июля 1932 г. по декабрь 1933 г., то она составила примерно 350 тыс. чел., то есть 4,4 % населения.

Велики были масштабы голода и трагичны его последствия в сельских районах Поволжья. Такие населенные пункты Нижне-Волжского края, как деревня Ивлевка Аткарского района, село Старые Гривки Турковского района, колхоз имени Свердлова Семеновского сельсовета Федоровского кантона АССРП почти полностью обезлюдели⁷. Из 617 опрошенных свидетелей голода в Поволжье и на Южном Урале у 124 во время голода погибли голод-

ной смертью близкие родственники. Например, в семье жителя села Монастырское Калининского района Саратовской области А. И. Тверскова в 1933 г. от голода умерло восемь членов семьи. Такая же трагедия произошла в семье крестьянки села Калмантай Вольского района Саратовской области П.И. Губановой.

Нами установлено, что в 1933 г. случаи людоедства и трупоедства имели место в таких селах Саратовской области, как Новая Ивановка, Симоновка Калининского района, Ивлевка Аткарского района, Залетовка Петровского района, Огаревка, Бурасы Новобурасского района, Ново-Репное Ершовского района, Калмантай Вольского района, Шумейка Энгельсского района, Семеновка Мокроусовского района, в селе Козловка Пензенской области, в таких селах Волгоградской области, как Савинка Палласовского района, Костырево Камышинского района, Серино, Моисеево Котовского района, Мачеха Киквидзенского района, Етеревка Михайловского района, Отрог Фроловского района, в селе Кануевка Безенчукского района Самарской области⁸.

Вот лишь одно свидетельство из сотен других, записанных в ходе социологического обследования поволжских деревень, о голоде 1932–1933 гг. в Поволжье.

Из воспоминаний жительницы поселка Ртищево Саратовской области Филипповой Ксении Васильевны:

«Что самое страшное-то было в жизни? Это когда голод был. Люди падали, как инкубаторские циплаки. Мы однажды с отцом купили на базаре холодец, а он, когда дома решили поесть, оказался из человеческого мяса, ноготь от пальца нашли в нем. Моя бабушка почти весь голодный год пролежала без движения. Каждый день ждали, что вот-вот отойдет. А когда зернеца дали понемногу, принесли ей махонький ломтик плюшки: “Вот, бабуля, встанешь теперь”. А она этот ломтик взяла, прижала к губам и отвернулась. Поначалу мы и не поняли, а как повернули голову-то, а бабушка мертвая. Только на щеке слезу видно было. Дождалась, значит, хлебушка...»⁹

Масштабы и география трагедии оказались запечатлены в донесениях начальников политотделов МТС и сотрудников ОГПУ. Приведем наиболее яркие из них, детально воспроизводящие ситуацию в конкретных населенных пунктах Поволжья и Северного Кавказа во время голода в 1933 г.

Из информации Секретно-политического отдела (СПО) ОГПУ за 7 марта 1933 г. о голоде в районах Северо-Кавказского края (СКК):

«Факты продзатруднений в районах: Курганском, Армавирском, Ново-Александровском, Лабинском, Невинномысском, Моздокском, Ессентукском, Крымском, Анапском, Ейском, Старо-Минском, Кушевском, Тихорецком, Медвеженском, Ново-Покровском, Каневском, Краснодарском, Павловском, Кореновском, Майкопском, Вешенском, Калмыцком, Константиновском и Тимошевском.

По далеко не полным данным в этих районах учтено: опухших от голода — 1742 чел., заболевших от голода — 898 чел., умерших от голода — 740 чел., случаев людоедства-трупоедства — 10.

В голодающих населенных пунктах имеют место случаи употребления в пищу различных суррогатов: мясо павших животных (в том числе сапных лошадей), убитых кошек, собак, крыс и т. п.»¹⁰

* * *

Из спецсводки ОГПУ по Нижне-Волжскому краю (НВК) от 20 марта 1933 г.:

«Продовольственные затруднения продолжают захватывать новые районы и колхозы...

Основным контингентом, испытывающим продзатруднения, являются:

а) некоторые семьи добросовестных активных колхозников, которые получили преувеличенные задания по засыпке семян и полностью выполнили их за счет продовольственного хлеба;

б) отдельные семьи колхозников, у которых при обысках отбились последние запасы хлеба в семенной фонд;

в) многоедоцкие семьи колхозников при одном трудоспособном, семьи колхозниц-вдов при наличии 3–4 малолетних детей;

г) семьи колхозников-лодырей, а также семьи, в которых главы семей возвратились из отходничества (в большинстве неорганизованного) после уборочной кампании и позднее, а потому выработали минимальное количество трудодней;

д) отдельные семьи кустарей, пенсионеров, инвалидов, служащих, снятых с продснабжения, и даже ответственных работников (Ягодно-Полянский район);

е) отдельные семьи единоличников, сокративших в прошлом году посевы;

ж) семьи социально-чуждого элемента (бежавшие и вычищенные из колхозов кулаки, прочий преступный элемент;

з) семьи, главы коих осуждены за хищение колхозного хлеба и имущества...

На 20 марта зарегистрировано: 1) свыше 700 случаев опухолей на почве недоедания (230 по АССРНП); 2) свыше 300 случаев употребления в пищу мяса павших животных, в том числе сапных лошадей, собак, кошек и т. д... 3) 10 случаев людоедства (5 из них по АССРНП) и 2 попытки к этому; 4) 4 случая самоубийства... 5) 221 случай смертности (главным образом, АССРНП, Красноярский район, Сердобский, Ленинский, Б.-Карабулакский) и 6) 5 случаев убийств с целью ограбления (главным образом, продовольствия)...

На почве продовольственных затруднений... по отдельным районам продолжают отмечаться тифозные заболевания (преимущественно сыпняк)... а также значительное распространение имеют острожелудочные заболевания, в связи с употреблением в пищу суррогатов»¹¹.

Факты смертности...

Сердобский район. В с. Н. Студенка умерла от голода колхозница Потапова вместе с двумя детьми...

Ягодно-Полянский район... В с. М. Скатовка на этой же почве умерло 6 детей колхозников, последние не хоронились по несколько дней, так как взрослые члены этих семей находились в состоянии опухания...

Энгельсский кантон АССРНП... В с. Генеральское 9 марта после употребления в пищу набранной в поле травы — репьев с примесью мучной пыли, сразу умерло трое детей (в возрасте от 7 до 13 лет) колхозника Алексеенко, сам он был направлен в больницу (имел 660 трудодней, в семье 8 чел., получил из колхоза за все время только 18 — 20 пуд. хлеба).

... Б. Карабулакский район. В с. Алексеевка... у колхозника Сухова в один день — 6 марта — умерло 2 сына, а через день еще один. Сам Сухов опух от недоедания и положен в больницу.

Хвалынский район. В г. Хвалынске с 15 февраля по 1 марта обнаружено 10 трупов стариков, некоторые из них умерли от голода. Трупы вследствие одиночества не хоронились по 3–4 дня. Умерший от голода мальчик 9 лет (отец — лишенец, сбежал неизвестно куда) не был похоронен в течение 9 дней. По дороге на Волге обнаружено 3 трупа, умерших, по заключению ветфельдшера, от истощения»¹².

* * *

Из спецсообщения СПО ОГПУ СКК края от 7 апреля 1933 г.:

«Кушевский район... Вследствие значительной смертности трупы населением выбрасываются на кладбище, во дворы, сараи и пр.

На кладбище скопилось до 100 человеческих трупов, лежащих на поверхности земли. Часть трупов зарыта в землю на глубину до 1 аршина. Умирают в большинстве дети и мужчины»¹³.

* * *

Из политдонесения № 1 начальника Ново-Джерелиевской МТС СКК в политуправление НКЗ СССР за 10 апреля 1933 г.:

«Случаи опухания, смерти от голода все увеличиваются. Так, далеко по неполным сведениям, в сельсовете не регистрируют, а прямо возят на кладбище, не закапывая ставят гробы, а то и не вывозят из дома. За январь по ст. Н. Джерелиевской умерло 18 колхозников, 10 единоличников, февраль — 24 колхозника, 10 единоличников, март — 71 колхозник, 50 единоличников. За один день 31 марта было вывезено 48 трупов. В колхозе «Ворошилова» в этот же день умерла семья из трех человек, умерло два тракториста...»¹⁴

* * *

Из донесения № 9 политотдела Водораздельской МТС СКК в политуправление НКЗ СССР за 20 апреля 1933 г.:

«Из фактов голода:

1. В с. Алексеевке 16 апреля умер ребенок двух лет. 17 апреля мать его порубила, сварила и с остальными тремя детьми съела. На вопрос председателя сельсовета и секретаря ячейки — ответила, “что есть нечего”...

3. В Будановском колхозе — при осмотре одного нежилого дома обнаружена мертвая женщина и рядом лежала полумертвая девочка лет восьми — дочь умершей. При приведении в чувство девочка рассказала, что мать с неизвестным мужчиной съела грудного ребенка и мальчика пяти лет, хотели съесть и ее — померла мать.

4. В Подгорненском сельсовете единоличница ... бросила двух малолетних детей в колодец с водой, где они погибли, объясняет тем, что есть нечего...»¹⁵

* * *

Из донесения политотдела Георгиевской МТС СКК в политуправление Наркомзема СССР от 21 апреля 1933 г.:

«...В колхозах ст. Лысогорской продовольственное положение очень тяжелое. Сильно выросла смертность, по сравнению с 1932 годом...

При этом надо иметь в виду, что в 1933 году на апрель было 62 смерти в течение 18 дней, а в 1932 году умерло 5 чел. за весь

апрель месяц. Эти данные не полны, ибо не всегда смерти аккуратно регистрируются ЗАГСом (умирает одинокий, безродный старик, или умирают вне станицы, по пути в степь или в г. Георгиевск, в совхоз и т. д.). Умирают больше всего дети и старики, но 20 % умерших взрослые от 20 до 40 лет. Причины смертей — истощение, болезни кишок, простуда и т. д. На тысячу колхозников ст. Лысогорской имеется 60 семей опухших от голода, которым выдано по 4–5 кило муки кукурузной.

В бригадах нет приварка, варится суп с кукурузной мукой или с пшеном (по 50 грамм на человека) без жиров. По домам варят суп со щавелем, нарванным в поле. Из ст. Лысогорской множество женщин ходят за 12 верст в ст. Незлобную и там выменивают на одежду и покупают за деньги отруби и другие отходы с мельницы и крупорушки. В поле выходят работать преимущественно девицы от 12 до 19 лет, взрослых женщин видно мало, они заняты дома или же собирают в поле щавель, либо промышляют чем-нибудь на базаре, или ушли за отрубями, за отходами в ст. Незлобную (здесь находится крупная государственная мельница и элеватор). От недоедания люди ослабели и работают вяло, как сонные мухи. В поле питаются только тем, что отпускается в порядке продсуды, обычный рацион 400 гр. кукурузного хлеба и один или два раза суп из котла с кукурузной мукой или пшеном без жиров. Несколько лучше питание тракторных бригад, они имеют через день мясо (по 100 гр. на человека), а приварок такой же, хлеба 800 гр.»¹⁶

* * *

Из докладной записки ПП ОГПУ по НВК о продзатруднениях в деревне от 4 мая 1933 г.:

«Ярким показателем обострившихся продзатруднений служит увеличившаяся смертность от голода: на 20 мая был зарегистрирован 221 случай смертности, а с 20 марта по 5 мая около 1 тыс. случаев.

Красноярский район. За апрель на почве недоедания умерло 308 чел. Колхозники ежедневно бродят по степям в поисках суррогатов... Отмечен ряд случаев истощения в поле (в Тетеревятском колхозе по дороге с поля умерло от истощения 3 чел.). Иногда умершие лежат непохороненными по 3–5 дней...

Воскресенский район. В с. Букатовка и других трех за 13 дней апреля умерло 56 чел. 5 семей колхозников вымерло целиком. Трупы умерших лежат на квартирах по 5–7 дней непохороненными. Аналогичное положение в ряде других районов.

...Продзатруднения затрагивают особенно членов семьи колхозников и не работающих непосредственно в поле по различным причинам колхозников, т.к. недостаток собственных продовольственных ресурсов отдельных колхозов и отпущенная продссуда используется исключительно на общественное питание работающих в поле»¹⁷.

* * *

Из сводки СПО ПП ОГПУ по НВК о «продзатруднениях» в колхозах края 10 мая 1933 г.:

«Красноярский район. Отмечается обострение продзатруднений. За апрель на почве недоедания умерло 303 чел., в том числе трудоспособных 223 чел., подростков и детей 85 чел. (не все умершие зарегистрированы в сельсоветах, часть трупов зарывается прямо во дворах колхозников). Колхозники, не работающие в поле, ежедневно бродят по степям в поисках сусликов, которых употребляют в пищу. Много членов семей питаются сусликами, мышами, падалью, суррогатами, всевозможными травами и корнями, а иногда и лягушками...

27 апреля в с. Бородочи умерло 7 колхозников на почве истощения от голода. Колхозница Супрунова просила председателя колхоза оказать содействие, похоронить умершего мужа, труп которого лежал второй день в сарае. Председатель колхоза Молтянинов заявил: «Пусть еще полежит немного, у меня сейчас колхозников дома нет, все работают в поле».

В с. Тетереватка на стану в полевой бригаде во время обеденного перерыва колхозник Злобин просил бригадира и парторга отпустить его с работы по болезни (имеет опухоль от голода), получив разрешение, заявил: «Что ж я пойду домой, хлеба там нет, дети голодные, я там умру, дайте мне хоть горсть пшеницы», в чем получил отказ с мотивировкой, что пшеница протравлена, после чего Злобин, упав лицом в кучу пшеницы, начал ее глотать. Отправившись домой, он сел отдохнуть около села и там же умер...

Бальцерский кантон АССРНП. Случаи смерти от голода за декаду участились. В один день — 24 апреля — в с. Денгоф умерло 21 чел., Грим — 20 чел., Куттер — 12 чел., ст. Топовка — 18 чел., Бальцер — 25 чел. В с. Денгоф за апрель умерло 260 чел., в с. Гукк — 60 чел. В целом ряде сел наиболее крупных кантонов имеется много опухших от недоедания колхозников... Основной контингент подверженных продзатруднениям — колхозники, имеющие мало трудоней, а также единоличники — кратники, семьи репрессированных...¹⁸

По указанию сельсовета в с. Старая Топовка ввиду участвовавшей смертности трупы складывались в большие могилы — на 10–15 чел., и эти могилы зарывались только по мере наполнения...

Аткарский район. В Руднянском сельсовете ежедневно умирает от 2 до 5 чел. от истощения и различных заболеваний на почве питания суррогатами... В Ивановском сельсовете от истощения умер колхозник Казаков и его сын 18 лет. У колхозницы Никулиной умерли две дочери 6 и 12 лет. По Дарьевскому участку умерло от истощения 5 чел. Имеются колхозники, настолько ослабевшие (опухшие), что при работе в поле падают»¹⁹.

* * *

Из отчета политотдела Самойловской МТС Нижне-Волжского края в политуправление Наркомзема СССР о тяжелом продовольственном положении от 17 мая 1933 года:

«В Еловатовском колхозе “Завет Ильича”... голод охватил большинство хозяйств и угрожает вымиранием колхозников. За последние 10 дней в Еловатке умерло 45 чел. (в том числе 36 колхозников в возрасте: от 1 до 10 лет — 16 чел., от 18 до 50 лет — 11 человек и старше 50 лет — 18 чел.). Были случаи, когда трупы не убирались по нескольку дней ввиду беспомощного состояния остальных членов семьи умершего и в то время, как трудоспособные колхозники находятся в поле. Обнаружены факты погребения колхозников на своих усадьбах без гробов. Имеет место случай, когда двое голодавших пошли в поле на охоту за сусликами и от туда не вернулись и умерли у суслиных нор.

В колхозе организовано 7 детских, которые обслуживают 218 чел. детей в возрасте от 1 до 7 лет. Состояние этих яслей явно нетерпимое. Детишки — грязные и голодные. Среди детей имеются с отеками и сильно истощенные. Питание явно недостаточное. Ребенку от 1 до 7 лет выдается 100 гр. суррогатного хлеба и 30 гр. кукурузной крупы или пшена на весь день. Ни жиров, ни молока, ни сахара на детские не отпускается. Дети теряют силы и жизнеспособность, перед смертью их отправляют к родителям»²⁰.

* * *

Из сводки № 5 политотдела Ягодно-Полянской МТС АССРП от 21 мая 1933 г.:

«На почве продовольственных затруднений имеет место много смертных случаев по целому ряду причин, а также на почве голода. По колхозу «Весткамф» с 1 января 1933 года по 20 мая 1933 года

умерло по разным причинам 110 чел., из них колхозников — 104 и единоличников — 6 чел., по социальному составу — бедняков — 12, середняков — 98. Если взять по трудодням, то получается, что имевших до 200 трудодней умерло 25 чел., от 200 до 500 трудодней умерло 70 чел. И свыше 500 трудодней — умерло 25 чел. И характерно, что подавляющее большинство из умерших были мужчины»²¹.

* * *

Из донесения политотдела Шентальской МТС АССР немцев Поволжья в политуправление Наркомзема СССР и обком ВКП(б) о росте смертности от голода от 1 июня 1933 г.:

«...положение с питанием населения ухудшилось: все, что было для общественного питания, небольшие фонды и отходы от чистки семян, еще до окончания сева все съедено...

Участилась смерть от голода, имеются случаи невыхода на работу за отсутствием хлеба (с. Шенфельд). О положении с питанием населения моим заместителем по работе ГПУ собраны по сельсоветам такие данные: с 1 января по 1 мая по району МТС случаев опухания на почве голода было 1532 чел., умерло на почве голода 259 чел.»²²

* * *

Из донесения политотдела Тамалинской МТС Нижне-Волжского края в политуправление Наркомзема СССР от 4 июня 1933 г.:

«...значительная часть колхозников от недостаточного питания сильно ослабла. По неполным данным, в Тамалинском районе на почве недостаточного питания с января по 25 марта текущего года опухло 1028 чел., в том числе колхозников 624. За это же время умерло 725 чел., в том числе колхозников 520 чел. Во втором участке МТС с общим числом населения 2543 чел. в течение этого времени опухло 195 чел., а умерло 253 чел...

Умирают не только дети и старики, но колхозники от 20 до 40 лет, ибо взрослые колхозники получаемый в качестве общественного питания хлеб, как правило, отдают своим детям»²³.

* * *

Из спецсообщения ПП ОГПУ по НВК за 8 июня 1933 г.:

«За последнее время в отдельных селах НВК на почве голода увеличались случаи смертности, опухания и употребления в пищу падали — сусликов, собак, кошек, ежей и т. п.

Лысогорский район. В с. Атаевке в апреле с.г. от голода умерло 122 чел. С 1 января с.г. в этом селе вымерло 12 % к общему числу населения. В с. Шаховском в апреле от голода умерло 75 чел. В с. Липовке за апрель и май умерло от голода 52 чел. В этих селах, а также в селах Федоровке, Б. Рельня, Ключи, Б. Озеро большинство колхозников питается падалью, корнями болотных трав, сусликами и ежами. Наблюдаются отдельные случаи, когда колхозники во время работы в поле падают от истощения.

Самойловский район. В Тюменевском колхозе на почве голода ежедневно умирают 2–3 чел. В 110 семьях имеются опухшие, из них 75 % детей...

Петровский район. В с. Кожевино ежедневно умирают один-два человека. 9 мая умерло 4 чел. Имеются случаи, когда по 4–5 дней труп остается непохороненным. По распоряжению сельсовета начали заранее вырывать яму и назначать члена сельсовета для объезда и сбора трупов.

Красноярский район. По Слюсаревскому колхозу наблюдается большая смертность на почве недоедания: с 1 января умерло 73 чел., некоторые семьи вымерли целиком.

Мало-Сердобинский район. По с. Ст. Славкино смертность от голода усиливается: ежедневно умирают 10–12 чел. Трупы продолжительное время лежат на кладбище незарытыми»²⁴.

* * *

Из донесения №5 политотдела Лопатинской МТС Нижне-Волжского края от 5 августа 1933 г.:

«В селах Козловка, Суляевки и Пылкова во время ожидания нового обмолота хлеба отдельные колхозники с травы, грибов (мухомор) начали объедаться и в результате значительное количество умерло. За период с 1 января по 1 июля 1933 года выбыло около 800 чел., возрастом: от детского до 50 лет и старики, преклонные к этому.

Случаи людоедства. В с. Козловка 24 июня у гражданки... 45 лет обнаружено было около 1 кг человеческого мяса в вареном виде. В произведенном расследовании установлено, что 8 июня умер муж вследствие недоедания. Семья, состоящая из 6 чел., в том числе 4 человека детей, оказалась без средств к существованию и без хлеба. 11 июня у нее умер ребенок 11 месяцев, которого на почве голода решила использовать в пищу... На предварительном допросе в людоедстве созналась и заявила: «Я вынуждена была пойти на это преступление в силу совершенного отсутствия средств существования хлебом»²⁵.

Красноречивое свидетельство развернувшейся трагедии также официальные цифры зарегистрированной загсами смертности и рождаемости сельского населения в 1932–1933 гг. В историографии распространено представление об отсутствии достоверной информации о динамике смертности в голодающих районах СССР вследствие неэффективной работы загсов. Например, В. Цаплин заявлял, что в 1933 г. «многие загсы оказались не в состоянии выполнять функцию регистрации смертей, ибо смертность носила массовый характер»²⁶. Р. Конквест в дискуссии с крупным российским ученым В. П. Даниловым относительно общего числа жертв голода 1932–1933 гг. в СССР утверждал, что в «районах, охваченных голодом, регистрация смертей была прекращена в конце 1932 года»²⁷. Однако такая позиция может быть скорректирована на материалах архивов загсов Поволжья и Южного Урала.

Прежде всего, как видно из отчетных данных сектора учета населения и здравоохранения ЦУНХУ Госплана СССР за 1933 г., подавляющее большинство загсов Нижне-Волжского и Средне-Волжского краев проводили работу по учету смертей и рождений в подотчетной им сельской местности. Так, число загсов, ежемесячно представлявших в 1933 г. отчеты о естественном движении населения, к общему числу загсов, обслуживавших данную территорию, колебалось в среднем от 82,6 до 87 %²⁸. В 1933 г. лишь 12,6 % сельского населения региона оказалось не охвачено учетом загсами.

Проведенный анализ первичной документации 65 районных архивов загсов и четырех областных, расположенных на территории, в 1933 г. входившей в состав Нижне-Волжского и Средне-Волжского краев, убедительно доказал факт высокой смертности на почве голода и связанных с ней болезней в рассматриваемый период²⁹. Кроме того, установлено существенное падение уровня рождаемости в 1932–1934 гг. в изученных районах Поволжья и Южного Урала. Динамика смертности и рождаемости прослежена по 895 сельским Советам 43 бывших районов Нижне-Волжского края и 19 — Средне-Волжского края. Как уже отмечалось, данные районы не сгруппированы в какой-то одной или нескольких частях региона, а равномерно распределены по всей территории, что позволило воссоздать общую картину демографической ситуации в регионе во время голода.

Изучение содержащихся в архивах книг записей актов гражданского состояния о смерти по 895 сельским Советам за период с

1927 по 1940 г. показало, что наибольшее количество актовых записей в этих книгах относится к 1933 г. В частности, зарегистрированный уровень смертности населения в 1933 г. в Нижне-Волжском крае превысил уровень 1927 г. в 3,1 раза, 1928 г. — в 3,7, 1929 г. — в 2,8, 1930 г. — в 2,7, 1931 г. — в 3,4, 1932 г. — в 3,3, в Средне-Волжском крае соответственно 1927 г. — в 1,8, 1928 г. — в 1,9, 1929 г. — в 1,5, 1930 г. — в 1,6, 1931 г. — в 1,5, 1932 г. — в 1,8, 1934 г. — в 2,2 раза³⁰. Наивысшим в 1933 г. он оставался и по сравнению с последующими довоенными годами.

Наряду с уровнем смертности в 1933 г. в сельской местности Поволжья и Южного Урала произошло резкое падение рождаемости населения. Об этом свидетельствуют данные книг записей актов гражданского состояния о рождении по тем же советам. В них также выделяется 1933 г., за который в книгах содержится наименьшее количество актовых записей о рождении, по сравнению с предшествующими годами. Например, в Нижне-Волжском крае она упала по сравнению с 1927 г. в 3,3 раза, 1928 г. — в 3,4, 1929 г. — в 3,6, 1930 г. — в 3,4, 1931 г. — в 2,7, 1932 г. — в 1,8 раза³¹. В 1934 г. уровень рождаемости упал еще больше, по сравнению с 1933 г. соответственно в Нижне-Волжском крае в 1,2 раза, в Средне-Волжском крае в 1,6 раза.

На то, что резкий скачок смертности в 1933 г. и падение рождаемости сельского населения были обусловлены наступившим голодом, указывают имеющиеся в актах о смерти записи причин смерти. Они прямо или косвенно свидетельствуют о голоде.

Прежде всего в актовых книгах о смерти имеются прямые указания на смерть крестьян в 1933 г. от голода. В частности, в графе акта о смерти «причины смерти» содержатся записи типа: умер «от голода», «истощения», «голодания» и т. п. В 65 районных архивах ЗАГС Поволжья и Южного Урала нами обнаружены 3296 записей подобного содержания. Они засвидетельствовали факты непосредственной гибели от голода крестьян, проживавших на территории 241 сельского Совета Нижне-Волжского и Средне-Волжского краев³². Например, в с. Васильевка Телегинского района Средне-Волжского края в период с января по июль 1933 г. из 66 зарегистрированных загсом случаев смерти крестьян, 60 человек записаны умершими «с голоду»³³. На территории Малошербидинского сельсовета Романовского района Нижне-Волжского края из 151 умершего в 1933 г. 103 чел. зарегистрированы загсом как умершие от «голода», «истощенности», «истощения», «отоощания» и т. д. В 1932 г. смертность на территории данного

сельского Совета составила 18 чел., и никто из них от указанных выше причин не умер³⁴. Актовые книги о смерти бесстрастно запечатлели на своих страницах многочисленные семейные трагедии. Так, 10 июля 1933 г. в упомянутом выше с. Васильевка Телегинского района умершими от голода записаны четырехлетний В. С. Родионов и годовалая А. С. Родионова, 15 июля — трехлетняя С. С. Родионова и восьмилетняя Т. С. Родионова³⁵.

В актовых книгах содержится информация о конкретных обстоятельствах гибели крестьян от голода в 1933 г. Например, в акте о смерти № 16 по с. Озерки Лысогорского района Нижне-Волжского края записано, что 3 мая 1933 г. найден «умершим в поле» крестьянин данного села³⁶. В с. Золотом Золотовского кантона АССРП актовые записи о смерти за 1933 г. содержат такую причину смерти многих крестьян, как «истощение в дороге»³⁷. В селениях В. Аксеновского сельсовета Нижне-Чирского района Нижне-Волжского края в 1933 г. жители умирали, согласно записям в книгах загса о смерти, от «переутомления ходьбой в истощенном виде»³⁸. Приведенные факты характеризуют случаи гибели голодающих крестьян во время полевых работ и передвижений по региону в поисках продуктов питания.

О наступлении голода и степени обрушившихся на деревню тягот свидетельствуют имеющиеся в актах о смерти за 1933 г. записи о смерти крестьян от болезней органов пищеварения и болезней, связанных с голодом. В частности, в графе «причина смерти» актов о смерти широко распространены такие записи, как: «истощение желудка», «воспаление кишечника», «кروавый понос», «отравление суррогатом» и т. п. Эти причины определили большую часть зарегистрированной избыточной смертности в 1933 г. Например, в 1933 г. в с. Ново-Шаткино Русско-Камешкирского района Средне-Волжского края 15 чел. из 60 умерших за год зарегистрированы умершими «от истощения желудка». В 1932 г. такого диагноза смерти в данном селе не наблюдалось³⁹. В с. Котово Каменского кантона Республики немцев Поволжья в 1933 г. 55 чел. умерли от «катара желудка». В предыдущем, 1932 г., смертность в селе составила 62 чел., из которых лишь пятеро скончались по этой причине⁴⁰. В с. Нежежино Лысогорского района Нижне-Волжского края в 1933 г. «кровоавый понос» стал причиной смерти 42 крестьян. В 1932 г. подобных причин смерти в селе зарегистрировано не было, и общее число умерших составило 38 чел.⁴¹ Как свидетельствуют актовые записи о смерти за 1933 г. по Генеральскому сельсовету Энгельсской сельскохозяйственной зоны

АССРНП, в этом году 15 жителей умерли от «отравления суррогатом». Ранее подобных смертей в селениях Генеральского сельского Совета не случалось⁴². По Гончаровскому сельсовету Палласовского кантона АССРНП в 1933 г. зарегистрирована причина смерти, не встречающаяся в актовых записях не только по данному району, но и по другим районам в предыдущие годы. В акте записано, что 45-летний мужчина умер от «отравления мясом павших животных»⁴³. В с. Сестренки Камышинского района Нижне-Волжского края, как указывается в акте о смерти, 20 июля 1933 г. умерла девочка шести лет, которая «от истощения объелась землей»⁴⁴.

Таким образом, приведенные примеры убедительно раскрывают характерную черту голодного бедствия — смерть голодающих вследствие употребления в пищу различных суррогатов.

Еще одним показателем трагедии стала массовая смертность населения в 1933 г. от таких болезней, как тиф, дизентерия, водянка, малярия — постоянных спутников голода. Документы архивов загов фиксируют многочисленные факты смертей крестьян в 1933 г. от названных болезней в большинстве районов Нижне-Волжского и Средне-Волжского краев. Например, в с. Зеркло Шарлыкского района Средне-Волжского края в 1933 г. из 87 зарегистрированных умерших за год крестьян 44 чел. записаны умершими от дизентерии. В 1932 г. в селе из 68 умерших никто не умер от этой болезни⁴⁵. С. Кожевино Петровского района Нижне-Волжского края в 1933 г. оказалось поражено эпидемией тифа, поскольку из 288 умерших 81 чел. был зарегистрирован как умерший от тифа⁴⁶. В с. Иловатовка Старо-Полтавского кантона АССРНП в 1933 г. жители не только болели, но и умирали от цинги — еще одной страшной спутницы голода⁴⁷.

Наиболее тяжелым положение сельского населения было в районах Нижней Волги и Северного Кавказа, специализировавшихся на зерновом производстве. Здесь работали комиссии ЦК ВКП(б) по вопросам хлебозаготовок. В наибольшей степени голод коснулся отсталых колхозов, в отношении которых в период хлебозаготовок были применены самые жесткие меры⁴⁸.

В 1933 г. эпицентр голода в Поволжье и на Южном Урале находился в правобережных районах Нижне-Волжского края, в кантонах АССРНП, в левобережных районах Средне-Волжского края. Там наблюдались факты массовой смертности населения, людоедства и захоронений жертв голода в общих могилах. Среди них в Нижне-Волжском крае особенно выделялись Аткарский, Баландинский, Базарно-Карабулакский, Балтайский, Бековский, Вос-

кресенский, Вязовский, Екатериновский, Камышинский, Колышлейский, Котельниковский, Лопатинский, Лысогорский, Мало-Сердобинский, Ново-Бураский, Петровский, Романовский, Нижне-Чирский, Ртищевский, Самойловский районы, Саратовская пригородная зона, Сердобский, Тамалинский, Татищевский, Турковский, Фроловский, Черкасский, а в Республике немцев Поволжья (АССРНП) – Бальцерский, Золотовский, Каменский, Мариентальский, Маркштадтский, Покровский, Федоровский, Франкский, Ягодно-Полянский районы, Энгельсская сельскохозяйственная зона; в Средне-Волжском крае – Приволжский район.

В целом в эпицентре голода в Поволжье и на Южном Урале находилось примерно 30 % общей территории Нижне-Волжского и Средне-Волжского краев.

Среди голодающего населения Поволжья трагичной стала судьба откочевавших туда из Казахстана в 1932–1933 гг. казахов. В соседнем Средне-Волжском краю Казахстане в результате форсированной коллективизации произошло массовое сокращение поголовья скота. Были подорваны основы существования казахского аула, население которого испокон века занималось скотоводством⁴⁹. Десятки тысяч казахов хлынули в соседние зерновые районы Поволжья спасаться от голода, где положение было не намного лучшим. Зимой 1932–1933 г. на улицах городов левобережных районов Средне-Волжского края нередким явлением были лежавшие на улицах замерзшие трупы погибших от голода казахов.

Местные власти пытались трудоустроить часть откочевавших казахов на различные работы в совхозах, привлечь их на новостройки. Детей казахов помещали в детские дома. Однако принимаемые меры были недостаточными ввиду отсутствия на местах средств на приобретение продуктов питания.

Местное население в целом с состраданием относилось к голодающим пришельцам из Казахстана, по мере сил помогало им. Но были случаи и иного плана, квалифицированные Средне-Волжским крайкомом партии как «проявление великодержавного шовинизма». В ряде совхозов края рабочие, сами испытывавшие серьезные продовольственные затруднения, высказывали недовольство попытками местного руководства трудоустроить казахов с выдачей им пайков. Имели место факты избиений казахов, снятия их с довольствия.

Руководство Средне-Волжского края вело переговоры с руководителями Казахстана о возвращении обратно нетрудоустроенных казахов-откочевников. 11 июля 1933 г. бюро Средне-Волж-

ского крайкома ВКП(б) приняло решение о выселении с помощью милиции за пределы края всех казахов, не перешедших к оседлости и «отказавшихся от трудоустройства» в совхозы, колхозы и на предприятия края⁵⁰. Людей выселяли без предоставления им необходимого в пути продовольствия, отчего многие из них умирали, так и не добравшись до места назначения. Об этом свидетельствует, в частности, шифрограмма Кагановича секретарю Средне-Волжского крайкома Шубрикову, отправленная в Самару 25 августа 1933 г.: «Из Казахстана получена следующая шифровка: Распоряжением крайкома из Сорочинского района Средне-Волжского края в административном порядке выселены на территорию Западного Казахстана 81 хозяйство в составе 391 человека, работавших в Сорочинском районе, причем при выселении этим хозяйствам не произвели расчета по месту их работы. Эти хозяйства выселены без средств и продовольствия, в силу чего в пути следования умерло 22 человека. Для устройства этих хозяйств нами командирован специальный товарищ, отпущены средства и продовольствие. Мирзоян»⁵¹.

Как показывают изученные источники, голод в равной степени затронул селения с русским и нерусским населением и не имел «национальной специфики», то есть направленности против какого-то одного народа. Особенно убедительно данное положение иллюстрируется на примере Поволжья — одного из самых многонациональных регионов России.

Проведенное анкетирование очевидцев голода в 80 деревнях и 22 населенных пунктах районного подчинения, расположенных на бывшей территории Нижне-Волжского и Средне-Волжского краев, в ходе которого были опрошены представители всех народов, традиционно проживавших в регионе (449 русских, 69 украинцев, 42 мордвина, 39 чувашей, 10 немцев, 7 татар, 4 казаха и 4 литовца), установлено, что степень остроты голода определялась не национальной принадлежностью села, а его территориальным расположением в регионе и экономической специализацией. В эпицентре голода оказались селения, расположенные в районах, специализировавшихся на товарном зерновом производстве⁵². В них последствия хлебозаготовительной кампании и форсированной коллективизации равным образом сказались на продовольственном положении населения. То есть голод в равной степени поразил русские, мордовские, украинские и другие селения.

В связи с этим вряд ли правомерно имеющееся в историографии утверждение о том, что в Республике немцев Поволжья боль-

ше всего оказались поражены голодом немецкие поселения⁵³. Социологическое обследование девяти населенных пунктов, расположенных на бывшей территории АССРНП, входящих в настоящее время в состав Саратовской и Волгоградской областей, указывает на то, что в действительности существенной разницы в протекании голода в селениях с чисто немецким населением и в близлежащих украинских и русских поселениях не наблюдалось. В частности, такой вывод основывается на анализе результатов опроса очевидцев голода в трех русских селах (Вознесеновке Марксовского района Саратовской области, Савинке Палласовского района и Новая Полтавка Старо-Полтавского района Волгоградской области) и двух украинских (Шумейке Энгельсского района и Семеновке Мокроусовского района Саратовской области), безвыездно проживавших на данной территории, в том числе до депортации немецкого населения из Поволжья в 1941 г. Все они указали на факт сильнейшего голода в их селениях, не уступавшего по интенсивности соседним немецким поселениям⁵⁴.

С полной уверенностью можно утверждать, что в 1932–1933 гг. представители всех национальностей Поволжья, Южного Урала и Северного Кавказа в полной мере хватили лиха. Но больше всего пострадали те селения, которые находились в зоне сплошной коллективизации и специализировались на зерновом производстве.

Голод 1932–1933 гг. стал подлинной демографической катастрофой для деревни и страны в целом. О масштабах трагедии можно судить по следующим данным: население СССР с осени 1932 г. до апреля 1933 г. сократилось со 165,7 млн чел. до 158 млн, или на 7,7 млн, причем главным образом за счет сельского населения⁵⁵. В докладной записке заместителя начальника сектора населения и здравоохранения ЦУНХУ Госплана СССР от 7 июня 1934 г. указывалось, что численность населения Украины и Северного Кавказа только по состоянию на 1 января 1933 г. уменьшилась на 2,4 млн чел.⁵⁶

По подсчетам современных демографов, в 1933 г. умерло 11 450 тыс. чел. Если иметь в виду, что обычная смертность в 1927–1929 гг. равнялась примерно 4 млн чел., то на сверхнормативную смертность пришлось свыше 7 млн чел. В 1933 г. смертность превысила рождаемость на 5905 тыс. чел., а ее коэффициент поднялся примерно в 2,5 раза, «прыгнув» до невероятной величины — 71,6 %, естественный прирост дал отрицательный результат — 36,9 %⁵⁷.

Среди исследователей существуют различные оценки числа жертв данного голода. Так, Конквест считает, что не менее 1 млн чел.

погибли в казахстанской трагедии и 7 млн — во время голода 1932–1933 гг. в других районах СССР, в том числе 5 млн — на Украине, 1 млн — на Северном Кавказе и 1 млн в остальных районах. Другой американский исследователь С. Розфильд, исходя из исчислений «избыточных смертей» в СССР во время голода, к числу его жертв относит более 5 млн крестьян. Д. Мейс считает, что только на Украине количество жертв голода достигло 5–7 млн. Таким образом, одна группа зарубежных историков и демографов определяет общее число жертв голода 1932–1933 гг. в пределах 5–7 млн.⁵⁸ С ними соглашаются некоторые российские исследователи⁵⁹.

Данной позиции противостоит другая группа специалистов, вполне обоснованно критикующая своих коллег за тенденциозный, нередко идеологизированный подход к проблеме, слабую источниковую базу и неубедительную методику расчетов. Например, произвольность исчислений и оценок Конквеста — Розфильда доказана английским историком Р. Дэвисом и австралийским С. Уиткрофтом, проведшими кропотливую работу по изучению материалов советской демографической статистики. По их мнению, число жертв голода находится в пределах 4–5 млн чел., в том числе 3–4 млн чел. на Украине. С этой точкой зрения согласны некоторые современные российские историки (В. П. Данилов и др.)⁶⁰.

Произведенные в последние годы расчеты местных, региональных специалистов, базирующиеся на достоверной источниковой базе, рисуют следующую картину демографических потрясений на территории бывшего СССР в 1932–1933 гг.

Так, на основе анализа данных переписей 1926 и 1937 гг., а также текущего загсовского учета рассчитаны демографические потери от свирепствовавшего голода на Украине. Его прямые потери составили 3238 тыс. чел., или, с поправкой на несовершенство расчетов, они могут колебаться в диапазоне от 3 до 3,5 млн чел. С учетом недобора родившихся в 1932–1934 гг. (1268 тыс. чел.) и снижения рождаемости полные потери колеблются в интервале от 4,3 до 5 млн чел.⁶¹

По расчетам, основанным на анализе материалов 65 архивов ЗАГС Поволжья и Южного Урала, данных центральных органов ЦУНХУ СССР, общие демографические потери сел и деревень регионов во время голода 1932–1933 гг., включавшие непосредственные жертвы голода, а также косвенные потери в результате падения рождаемости и миграции сельского населения, составили около 1 млн чел. Численность крестьян, умерших непосредственно от голода и вызванных им болезней, определилась в 200–300 тыс. чел.⁶²

В Северо-Кавказском крае, как уже отмечалось нами, примерное количество казаков и крестьян, непосредственно погибших от голода и вызванных им болезней, по официальным данным, исчисляется цифрой 350 тыс. чел. Однако применительно к этому региону необходимо учесть еще одно обстоятельство. В ходе хлебозаготовок, сопровождавшихся непрерывным ростом репрессий, огромный размах в крае получило массовое выселение «саботажников», то есть в основном ни в чем не повинных хлеборобов с семьями. Только из четырех «чернодосочных» кубанских станиц (Полтавской, Медведовской, Урупской, Уманской) в последней декаде декабря 1932 г. — первой половине 1933 г. было выселено в северные районы страны 51,6 тыс. чел. Из других кубанских станиц было выслано не менее 10 тыс. жителей, а всего 62 тыс. хлеборобов кубанских станиц. Общее количество высланных превысило 100 тыс. чел. Кроме того, начиная с ноября 1932 г. за два месяца и двенадцать дней хлебозаготовок под руководством Кагановича в крае было арестовано и брошено в тюрьмы около 100 тыс. чел. (из них 26 тыс. вывезено из края)⁶³.

Судьбу репрессированных хлеборобов Северо-Кавказского края, как уже указывалось, разделили и многие коммунисты, пытавшиеся защищать интересы крестьянства и казачества. За два последних месяца 1932 г. и в 1933 г. в краевой парторганизации исключены из партии около 40 тыс. коммунистов, большинство из них репрессированы. 30 тыс. коммунистов, не выдержав разгула насилия, разуверившись в политике партии, не снимаясь с партийного учета, покинули свои организации и бежали из края.

Таким образом, всего лишь одна хлебозаготовительная кампания 1932 г. в Северо-Кавказском крае сопровождалась людскими потерями (жертвы голода, репрессий и депортаций) в 620 тыс. чел., то есть около 8 % населения Дона и Кубани⁶⁴.

По мнению авторитетного исследователя истории голода 1932–1933 гг. в Центрально-Черноземной области, прямые жертвы голода составили цифру 241 тыс. чел., косвенные («недород», стихийная миграция) — около 400 тыс. чел., общие — приблизительно 600 — 650 тыс. чел.⁶⁵

Демографами установлено, что в Западной Сибири рост смертности сопровождался также падением рождаемости. Население региона в 1933 г. по сути балансировало на грани депопуляции. Однако конкретные цифры трудно рассчитать из-за отсутствия достоверных сведений о численности населения⁶⁶. Тем не менее

демографами установлен факт вымирания целого района в Новосибирской области, где проживало 100 тыс. чел.

Следовательно, только по официально зарегистрированной статистике можно утверждать, что в основных зерновых районах РСФСР (Поволжье, ЦЧО, Северном Кавказе и Южном Урале) от голода и связанных с ним болезней умерло не менее 891 тыс. чел. (Поволжье и Южный Урал — 300 тыс., СВК — 350, ЦЧО — 241 тыс.). Если согласиться с мнением начальника отдела народонаселения ЦУНХУ Курмана о том, что в 1933 г. на 2,5 млн зарегистрированных смертей, превысивших предшествующий уровень смертности, следует приплюсовать 1 млн незарегистрированных смертей⁶⁷, то к цифре 891 тыс. чел. необходимо прибавить еще 500 тыс. незарегистрированных смертей. И в итоге получится цифра, равная 1391 тыс. смертей. Исходя из этого есть основания утверждать, что прямые жертвы голода 1932–1933 гг. в российских регионах составили примерно 1,5 млн человек, то есть 7 % общей численности сельского населения по переписи 1926 г. При этом не учитываются демографические потери в российских регионах в первой половине 1934 г., когда голод сохранялся на территории, пораженной сильной засухой 1933 г. Кроме этого, в расчет не берутся последствия голода в Казахстане, входившего в начале 1930-х гг. в состав РСФСР на правах автономной республики.

По последним данным демографов Казахстана, от голода в начале 1930-х гг. в республике погибло около 2 млн коренных жителей (1798 тыс.), включая около 200 тыс. безвозвратно ушедших за рубеж — в Китай, Монголию, Афганистан, Иран, Турцию. Есть основания полагать, что значительная их часть погибла от голода и болезней. Материалы переписей 1926, 1937, 1939 гг. свидетельствуют, что численность казахского населения была восстановлена к концу 1960-х гг. Так, по данным первой переписи в республике проживало 3968,3 тыс. казахов, второй — 2862,4 тыс. (или на 1105,9 тыс. меньше), третьей — 3100,9 тыс. (или на 976,4 тыс. меньше, чем в 1926 г.). Таким образом, жертвами голода могли стать около 2 млн коренных жителей⁶⁸.

Проблема установления точного числа жертв голода 1932–1933 гг. в СССР и России нуждается в дальнейшем глубоком и всестороннем исследовании. На сегодняшний день можно утверждать по крайней мере о 5–7 млн жертв голода 1932–1933 гг. Из них около 1,5 млн чел. приходится на Поволжье, Южный Урал, Дон и Кубань. В целом по РСФСР без Казахстана от голода погибло не менее 2,5 млн чел.

§ 2. Стратегия и тактика выживания

Причины высокой смертности населения в 1933 г. были обусловлены не только хлебозаготовками 1932 г. как таковыми. Они прямо вытекали из результатов государственной политики в деревне в предшествующие годы, которая подорвала основы жизнеобеспечения крестьянской семьи. Кроме того, эта политика разрушила традиционную систему выживания крестьян в условиях голода.

Как известно, исторически сложились проверенные опытом многих поколений формы государственной политики в период голодовок, а также выживания сельского населения в условиях голодного кризиса. На эту тему существуют многочисленные исследования, в которых авторы признают обусловленность этих форм природно-климатической средой и макроэкономическими условиями⁶⁹. Обычно они сводятся к следующим мероприятиям: профилактике голода (созданию продовольственных резервов и т. д.), миграции голодающего населения, субсидируемым государством работам и др. Причем каждая страна имеет свою специфику в данном вопросе. На эту тему уже говорилось применительно к российскому крестьянству в первой главе настоящего исследования. Теперь же представляется целесообразным более подробно остановиться на данном аспекте проблемы в контексте событий 1933–1933 гг. в Поволжье, на Дону и Кубани.

В Новое и Новейшее время на содержание стратегий выживания населения во время голода решающее влияние оказали факторы рыночной модернизации, а для колониальных стран — политика метрополии в отношении пораженных голодом территорий⁷⁰. Например, британская политика приватизации общинных земель в Индии, в ходе которой большинство крестьян лишились доступа к лесам, пастбищам и водопоям, привела к сокращению поголовья рабочего скота, свертыванию ирригационных работ. А это, в свою очередь, отразилось на продовольственном обеспечении населения, особенно в засушливые годы⁷¹.

Выше указывалось, что масштабы голода, поразившего СССР в 1933 г., были ужасными. И подобный исход был вполне закономерен, потому что был обусловлен разрушением в СССР в период нэпа и особенно в годы насильственной коллективизации традиционной для деревни системы выживания в голодное время, а также антигуманной по отношению к голодающему населению политикой Советского государства.

Прежде всего, к 1933 г. в колхозной деревне не оказалось никаких страховых запасов зерна на случай голода. В 1932 г. в казачьих и крестьянских семьях еще не умирали от голода во многом из-за того, что там еще оставались незначительные запасы продовольствия от единоличного хозяйства, так как основная масса их вступила в колхозы только в 1931 г.

Данная ситуация вполне закономерна и проистекала из сути аграрной политики большевиков. Они рассматривали деревню прежде всего как основной источник получения средств для индустриализации и социалистического строительства, которое, впрочем, подразумевало и создание высокомеханизированного, прогрессивного сельского хозяйства⁷². Как уже говорилось, только для этих целей и предназначалось выращенное в колхозах зерно. Например, Молотов даже на закате своей жизни продолжал считать, что сталинский курс на индустриализацию и тракторизацию «любой ценой» в 1930-е гг. был абсолютно правильным⁷³. Только благодаря ему, подчеркивал он, механизация проложила дорогу для создания максимально производительного сельского хозяйства. Таким образом, для сталинцев зерно считалось государственным достоянием.

Но так было с точки зрения сталинского руководства. А крестьяне же, как указывает Д. Бергер, должны всегда иметь излишки хлеба, чтобы пережить неизбежные в их жизни бедствия, связанные с рискованным характером сельского труда, для которого постоянной угрозой являются бури, засухи, наводнения, сельскохозяйственные вредители, случайные катастрофы, болезни растений и домашнего скота, низкие урожаи и другие подобные явления. Кроме того, необходимость наличия минимальных продовольственных запасов определялась постоянными социальными и политическими потрясениями, которые всегда затрагивали деревню⁷⁴. Поэтому, как показывает мировая практика, крестьяне даже в условиях острого голода всегда стремились любой ценой сохранить семенное зерно как гарантию будущего урожая. Например, во время голода 1921–1922 гг. на Дону были отмечены случаи «вымирания селений от голода при сохранении нетронутым семенного материала»⁷⁵. Следовательно, казаки и крестьяне всегда старались иметь зерновые запасы на непредвиденный случай. И, как говорил один из донских казаков в мае 1928 г. уполномоченному по заготовкам, земледельцы, не сумевшие запасти по 15–20 пудов зерна на едока на такой случай, считались безответственными хозяевами⁷⁶. Но при новой власти все получилось по-другому. Ни-

каких зерновых запасов в селениях не создавалось. Например, в 1925 г. кубанские казаки говорили, что если раньше в общественном магазине было 2 тыс. пудов зерна на случай неурожая, то с приходом к власти коммунистов «сейчас там нет ни одного зерна». В связи с этим они задавались вполне резонным вопросом: «...такое руководство партии для нас полезно или не полезно?»⁷⁷ Таким образом, в 1920-е гг. практика создания в деревне государственных запасов зерна на случай голода, характерная для дореволюционного периода, была отброшена Советским государством. А в годы коллективизации об этом вообще не шла речь. Зерно, как уже говорилось, рассматривалось лишь в качестве источника получения средств для форсированной индустриализации и укрепления колхозного строя. И об этом красноречиво свидетельствуют зерновые ссуды, выданные колхозам страны в 1932–1933 гг. Причем их характер принципиально изменился в 1933 г.

Если в 1931–1932 гг. колхозная деревня рассчитывала на помощь государства и к началу весенних полевых работ получала продовольственную и семенную ссуды, то в начале 1933 г. ситуация в зерновых районах СССР складывалась по-иному. Ее характер определился последствиями крестьянского сопротивления хлебозаготовкам и колхозному строю в 1932 г. В начале 1932 г. сталинский режим еще не предполагал, насколько серьезным будет крестьянское сопротивление его мероприятиям в ходе основных сельскохозяйственных кампаний года. Поэтому выдаваемые ссуды преследовали цель обеспечения засева запланированных посевных площадей и выдавались в зависимости от степени пораженности региона засухой. В 1933 г. ситуация была принципиально иной. На протяжении второй половины 1932 г. казаки и крестьяне с помощью «итальянки» попытались воспрепятствовать власти в ее усилиях по изъятию из деревни хлеба в счет госпоставок. Война за хлеб привела к огромным потерям урожая во время уборки. Часть зерна была расхищена казаками и крестьянами, поэтому перед властью встала задача не только организованно провести очередную «колхозную весну», но и окончательно сломить казачье и крестьянское сопротивление. Необходимо было заставить их добросовестно выполнять государственные повинности. В этих условиях зерновые ссуды становились важным средством достижения указанной цели. Кроме того, вне зависимости от данного обстоятельства, они становились и залогом выхода деревни из голодного кризиса, так как только в хлебе нового урожая было ее спасение.

Учитывая ситуацию 1932 г., сталинское руководство при выдаче колхозам зерновых ссуд решило проявить «твердость», чтобы заставить казаков и крестьян подчиниться его воле. Как уже отмечалось, еще 23 сентября 1932 г. постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) региональным руководителям было запрещено обращаться в ЦК и правительство с просьбами о предоставлении семенных ссуд колхозам и совхозам в будущем, 1933 г. Обосновывался этот запрет тем, что, по мнению ЦК и СНК, урожай текущего года был «удовлетворительным», и колхозам был установлен «уменьшенный план государственных хлебозаготовок»⁷⁸. Выполняя директиву центра, местное руководство заявило колхозам, что они не получат никаких ссуд, пока не изыщут все внутренние ресурсы для обеспечения семенами запланированных посевов зерновых культур. Это привело к новому давлению на колхозы и единоличные хозяйства в ходе проведения кампании по засыпке семенного фонда. В ходе засыпки семян у крестьян отбиралось зерно под предлогом того, что оно якобы было «расхищено» в период уборочной страды. При этом для стимулирования выполнения плана поощрялось доноительство на соседей, утаивавших зерно. Например, постановлением Самойловского РК ВКП(б) Нижне-Волжского края колхознику, который указал и помог найти «расхищенный хлеб», засчитывалось «это количество в счет выполнения полученного им задания»⁷⁹. Уже в умирающих деревнях активисты вместе с присланными райкомами партии и райисполкомами уполномоченными ходили по дворам и с помощью специально изготовленных щупов искали зерно.

Чтобы выполнить план засыпки семян, по инициативе местного районного руководства выпускались семенные займы и организовывалась принудительная подписка на них колхозников под лозунгом: «Ни одного члена колхоза без облигации семенного займа»⁸⁰.

Повсеместное распространение зимой 1933 г. получили исключения колхозников из колхозов за невыполнение плана засыпки семян. Практиковалась и высылка семей единоличников, отказывавшихся ссыпать зерно в общественные амбары, засеять запланированные посевные площади.

Инициатива подобных мер исходила из Центра, который требовал от местных властей твердости и контролировал их действия в данном направлении. Так, например, за период с февраля по апрель 1933 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло четыре постановления о применении репрессий в отношении колхозников и едино-

личников Нижней и Средней Волги, «саботирующих» семенную кампанию: 20 февраля — постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о высылке из Нижне-Волжского края единоличников и исключенных из колхозов; 14 апреля — «о выселении из Средне-Волжского края кулаков и единоличников»; 15 марта — «о высылке из Нижне-Волжского края раскулаченных хозяйств»; 23 апреля — об изъятии и выселении за пределы Средне-Волжского края в течение мая-июня с.г. «не менее 6 тысяч кулацких хозяйств и 1 тыс. хозяйств наиболее разложившихся единоличников»⁸¹.

Руководствуясь директивами Центра, местные власти развернули активные действия по выполнению плана семенной и посевной кампаний 1933 г. Например, только в Мало-Сердобинском районе Нижне-Волжского края в январе-феврале 1933 г. за невыполнение заданий по засыпке семян было выселено 70 хозяйств колхозников и единоличников⁸². По решениям особых троек, весной 1933 г. из деревень выселяли семьи не только простых колхозников и единоличников, но и членов партии, председателей колхозов. Это свидетельствовало о противодействии проводимым мероприятиям со стороны значительной части колхозного актива. Не случайно поэтому, что именно сельских коммунистов объявляли «носителями саботажа», и они подлежали безжалостному наказанию — выселению на Север⁸³.

Кампания по засыпке семян находилась под постоянным контролем центральных органов власти, которые подталкивали региональных руководителей к более решительным действиям. Так, например, 28 января 1933 г. из Комитета заготовок при СНК СССР нарочным был отправлен в ЦК ВКП(б) на подпись Сталину проект телеграммы в Нижне-Волжский крайком партии следующего содержания: «Сравнение данных [по] засыпке семян на 15 и 20 января показывает, что по ряду районов вместо нарастания фондов имеется снижение: по Тамалинскому району — с 9,7 на 15 января до 7,5 на 20 января, Колышлейскому району — с 19,9 до 17,4, Хвалынскому — с 19,5 до 16,5. Телеграфьте (так в документе. — В. К.) объяснения. Сталин»⁸⁴.

Исключения из колхозов и высылки «саботирующих» семенную кампанию, ввиду отсутствия запасов хлеба, не давали должных результатов. Они лишь еще больше ухудшили продовольственное положение колхозников и единоличников. Кроме того, они усиливали их недовольство государственной политикой в деревне. Во время кампании по сбору семян под урожай 1933 г. в ряде селений крестьяне пытались противодействовать ее организато-

рам. Зерно прятали в колодцах, ямах. Были случаи избиений и даже убийств уполномоченных, сельских активистов, непосредственно осуществлявших проведение семенной кампании⁸⁵. В этих условиях местные власти были вынуждены изменить избранную тактику. Показательно в этом плане закрытое письмо Нижне-Волжского крайкома ВКП(б) райкомам партии от 28 февраля 1933 г. В нем давалась директива на места прекратить «огульные массовые репрессии» и подходить «дифференцированно к распределению заданий по семенам между колхозниками»⁸⁶.

Семенная кампания еще больше усугубила положение сельского населения, так как в ходе ее проведения у колхозников было изъято зерно, полученное на трудодни за работу в колхозе. Кроме того, в условиях встречных планов и завышенных хлебопоставок колхозы не выдали колхозникам запланированные нормы зерна, которые ушли в семенные фонды. Можно привести немало примеров, когда в ходе семенной кампании конфисковывалось все зерно, обнаруженное даже у колхозников-ударников. Так, например, в Вешенском районе Северо-Кавказского края в ходе обыска было изъято 112 кг зерна у колхозника, заработавшего в колхозе 600 трудодней⁸⁷. Документы содержат немало сведений о фактах гибели от голода колхозников, у которых было конфисковано найденное в ямах, амбарах и других потаенных местах «семенное зерно»⁸⁸.

Лишь после того как на местах были осуществлены все возможные меры по созданию семенных фондов за счет внутренних ресурсов села, то есть прежде всего за счет продовольственного зерна, предназначенного на пропитание семей колхозников и единоличников, Советское правительство предоставило казакам и крестьянам продовольственные и семенные ссуды. С февраля по июль было принято не менее 35 постановлений Политбюро и декретов Совнаркома — все секретные или совершенно секретные — о выдаче в общей сложности 320 тыс. тонн зерна для продовольственных нужд. На семена, включая секретные поставки, было выделено 1 274 млн т хлеба⁸⁹.

Продовольственные и семенные ссуды поступили и в российские регионы, в том числе в Поволжье и на Северный Кавказ⁹⁰. Так же как и в 1932 г., в 1933 г. зерновые ссуды выдавались на проведение основных сельскохозяйственных работ, а не на какие-либо иные цели. В то же время, в отличие от 1932 г., в 1933 г. зерновые ссуды выделялись из резервного фонда Совнаркома СССР, а не за счет зерновых ресурсов регионов. На получателей ссуд возлага-

лись административные и транспортные расходы в размере 10 пудов на каждые 100 пудов семсуды.

Среди многих постановлений ЦК и правительства на эту тему следует выделить постановление Политбюро ЦК от 23 апреля 1933 г., поскольку оно касалось двух наиболее пострадавших регионов СССР — Северного Кавказа и Украины. Согласно постановлению Северо-Кавказскому крайкому из отпущенного ранее обменного фонда семян разрешалось использовать 3300 тонн бобовых культур для выдачи колхозам и совхозам в виде семсуды на условиях ее возврата осенью 1933 г. натурой. Кроме того, для ярового сева СКК выделялось 200 тыс. пудов проса, в том числе: для колхозов 130 тыс. пудов, для совхозов 30 тыс. пудов и для единоличников 40 тыс. пудов⁹¹.

Новым явлением в 1933 г. стало предоставление Центром помощи регионам СССР, оказавшимся в эпицентре засухи, как говорится, по свежим следам — сразу, а не весной следующего года. Этот факт говорил о том, что сталинское руководство все же учитывало уроки 1931–1932 гг. и стремилось не допустить развития ситуации в 1934 г. по тому же сценарию. В частности, 25 октября 1933 г. Каганович и Молотов шифрограммой сообщили Сталину о просьбе Средне-Волжского крайкома оказать продовольственную, семенную и фуражную помощь недородным колхозам левобережья Средней Волги, получившим низкий урожай в результате недорода. Сталин согласился с предложенным Кагановичем — Молотовым вариантом такой «помощи»: оставить в распоряжении края все зерно, «поступившее сверх установленного ЦК и СНК основного плана зернопоставок»⁹². 26 октября 1933 г. вышло соответствующее постановление Политбюро ЦК «О продовольственной, семенной и фуражной помощи недородным колхозам Средней Волги»⁹³.

При этом оставалась неизменной главная стратегическая линия сталинского руководства на жесткий контроль над всеми продовольственными ресурсами в стране и действиями местных властей по их распределению. Никто без санкции Центра не имел права свободно ими распоряжаться. В этом плане показателен пример с действиями того же Средне-Волжского крайкома, получившего в конце октября 1933 г. право оставить в крае излишки хлеба для оказания помощи недородным районам.

17 ноября 1933 г. Л. М. Каганович направил в Самару, в крайком ВКП(б) — Горкину шифрограмму следующего содержания: «По сообщению газеты “Социалистическое Земледелие” от 14 нояб-

ря Пензенский горсовет опубликовал постановление о массовых мероприятиях по закупке хлеба, в то время как в Пензенском районе на 10 ноября семфонд засыпан лишь на 70 %. Это является грубым нарушением постановления ЦК и СНК. По сведениям, имеющимся в ЦК, и в других районах края (Сталинском — колхозы “Мордовский Труженик”, “Максим Горький”, Лунинском — колхоз “Путь к социализму”) безнаказанно проводится торговля хлебом. ЦК предлагает Вам проверить указанные факты и о принятых мерах сообщить»⁹⁴.

Осенью 1933 г., в отличие от предшествующих лет, сталинское руководство было явно озабочено проблемой дефицита семян сортовой пшеницы. Именно поэтому 22 октября 1933 г. принимается соответствующее постановление Политбюро ЦК «О закупке в Канаде» (500 тонн яровой пшеницы)⁹⁵.

Дополнительные продовольственные и семенные ссуды были отпущены Нижней Волге, ЦЧО и Северо-Кавказскому краю в мае—июне 1933 г.⁹⁶ Они обеспечили возможность успешного проведения весенней посевной кампании. Без этой государственной поддержки колхозная деревня не смогла бы выйти из голодного кризиса.

Однако колхозниками зерновые ссуды 1933 г. воспринимались несколько по-иному. Например, подавляющее большинство опрошенных очевидцев голода 1932–1933 гг. в Поволжье не посчитали их фактом помощи голодающему населению со стороны государства. 617 старожилам поволжских и южноуральских деревень в ходе проведенного анкетирования нами был задан вопрос: «Была ли оказана какая-либо помощь Вам, членам вашей семьи во время голода колхозом, сельсоветом и т. д.?» Из 460 очевидцев, сумевших ответить на этот вопрос, лишь 56 человек ответили утвердительно. Они вспомнили, что их семьям руководством колхоза было выдано немного суррогатного хлеба и отрубей. 404 очевидца решительно заявили, что никакой помощи их семьям во время голода оказано не было. «Кто как мог спасался», «если бы помогали, не померли бы», «не знали, что мы еще есть люди на свете»⁹⁷. Таким образом, главный аргумент крестьян состоял в том, что помощь пришла поздно, когда голод уже вовсю свирепствовал, и люди тысячами умирали от истощения и связанных с ним болезней.

Еще одним фактом, обусловившим скептическое отношение колхозников к выдаче колхозам зерновых ссуд, было то, что выданные государством ссуды, по воспоминаниям большинства очевидцев, слишком малы и пошли на организацию «общественного питания» во время весенних полевых работ. Стакан проса,

горсть ржаной, пшеничной, кукурузной муки и вода — таково обычное содержание «болтушки», «мамалыги», «затирухи», «шуплемки», называвшихся колхозниками «общественным питанием». «Ведро воды, да крупинку туды», «Крупинка за крупинкой, не догонишь и дубинкой», — горько шутили они по поводу такого «общественного питания». По мнению старожилов поволжских и южноуральских деревень, «общественное питание» в поле было организовано для того, чтобы заставить работать в колхозе⁹⁸. То есть продовольственная помощь предназначалась только для тех колхозников, кто выходил на работу в колхоз. Остальным она не выдавалась.

Документы подтверждают это и убедительно свидетельствуют, что продовольственные ссуды использовались властью прежде всего в качестве рычага принуждения колхозников к труду в общественном хозяйстве. Скучную помощь колхозам на продовольственные нужды выдавали лишь работавшим колхозникам. На этот факт в колхозах Нижне-Волжского края указал, например, в своем докладе во ВЦИК от 4 апреля 1933 г. инспектор Мих: «Решили выдавать хлеб лишь колхозникам, работающим в поле, лишь выполняющим количественно и качественно норму, только за один прошедший день»⁹⁹.

И центральные, и местные власти использовали хлеб как инструмент для выполнения сельскохозяйственных работ. Сама выдача ссуды и ее размеры обуславливались выполнением колхозами распоряжений власти. Так, в совершенно секретном декрете ЦК и Совнаркома от 18 февраля 1933 г. специально подчеркивалось, что продовольственное зерно выделялось на период весенних полевых работ¹⁰⁰. На это же было указано в выступлении секретаря Нижне-Волжского крайкома ВКП(б) Птухи 5 марта 1933 г. на совещании партийного актива края. «Распределение семенной ссуды в этом году, — заявил он, — должно проходить поинному [...]. Добросовестные колхозы должны получить больше помощи и в первую очередь [...]. Мы должны сделать семенную ссуду оружием в наших руках против кулацкого саботажа»¹⁰¹. В соответствии с данной установкой бюро крайкома в апреле 1933 г. лишило государственной зерновой ссуды Мало-Сердобинский район «за слабую работу по засыпке семян»¹⁰². Постановлением Бековского РК ВКП(б) Нижне-Волжского края от 1 апреля 1933 г. двум колхозам района «за прекращение сбора семян» был также сокращен отпуск государственной семссуды¹⁰³. В период весенней и уборочной страды 1933 г. выдача продовольственной ссуды приостанавлива-

лась в колхозах в случае невыполнения колхозниками прополочных и других сельскохозяйственных работ¹⁰⁴. Выходящим в поле колхозникам нередко значительно сокращалась и без того мизерная норма общественного питания при невыполнении ими запланированных норм выработки.

Общественным питанием не были охвачены нетрудоспособные колхозники, единоличники, старики и дети, все те, кто не выходил в поле на колхозные работы. Им выдавали самую незначительную часть зерна из государственных ссуд. Как правило, продовольственная помощь выдавалась не всем нуждающимся старикам и нетрудоспособным, а в первую очередь активистам, членам семей красноармейцев, коммунистам. Поэтому в 1933 г. в голодающих селениях были случаи, когда пожилые и истощенные люди приходили в колхозные правления, сельские Советы просить помощи и там же, обессиленные от голода, умирали.

Документы засвидетельствовали трагические эпизоды, связанные с распределением продовольственной ссуды в голодающих районах весной 1933 г. Так, в Лавровском колхозе Краснокутского кантона Республики немцев Поволжья старик-колхозник Сторчак обратился к председателю колхоза Денисенко с просьбой «выдать ему хлеб». Как указывается в документе, председатель заставил старика «на коленях просить об этом в присутствии всех колхозников», «некоторые присутствующие при этом колхозники плакали»¹⁰⁵. В докладной записке уполномоченной Котельниковского РК ВКП(б) Нижне-Волжского края Светошевой, побывавшей в июне 1933 г. в колхозе Комаровского сельсовета, сообщалось: «Колхознику Зиновьеву Александру было выдано 1 кг хлеба перед смертью [...], от которого он умер, после того как съел этот хлеб»¹⁰⁶.

В резолюции ЦК КП(б)У были даны следующие «разъяснения» относительно того, что делать с крестьянами Киевской области, попавшими в больницу в результате голода: «Разделить всех госпитализированных на больных и выздоравливающих, значительно улучшить питание последних с тем, чтобы как можно скорее выпустить их на работу».

Таким образом, в 1933 г. зерновые ссуды выдавались прежде всего для того, чтобы не допустить срыва посевной и уборочной кампаний текущего года и обеспечить таким образом государство хлебом нового урожая. Ссуды завозились в деревню не до начала полевых работ, когда уже было необходимо спасать голодающих крестьян, а только когда вставала задача организовать колхозников на выполнение государственного плана засева колхозных пло-

щадей под новый урожай. Ничего подобного в истории России до этого не было. Например, во время первого советского голода 1921–1922 гг. общественным питанием пытались охватить наибольшее количество нуждающихся и не заставляли голодных людей отработывать право получения обеда в общественной столовой¹⁰⁷. Именно поэтому непосредственные очевидцы голода не желают признать факт оказания им помощи со стороны Советского правительства. Но подобная оценка излишне эмоциональна и связана с перенесенными страданиями, смертью близких и соседей во время голода. То, что основным зерновым районам были выданы зерновые ссуды, благодаря чему посевная кампания была проведена успешно, — бесспорный факт. Однако при этом трудно не увидеть наличия в действиях власти мотива «наказания» казаков и крестьян за их сопротивление хлебозаготовкам и колхозам в 1932 г. (за воровство общественного зерна, «волынки» и т. д.). Без сомнения, действия Советского правительства в 1933 г. в отношении голодающих казаков и крестьян оказались менее гуманными, по сравнению, например, с действиями царского правительства в 1892 г. и большевистского в 1921–1922 гг. А самое главное — размеры продовольственных ссуд были минимальными, с точки зрения спасения от голодной смерти сотен тысяч крестьян и казаков.

Коллективизация разрушила одну из традиционных систем выживания земледельцев во время голода, связанную с существованием в деревне кулака¹⁰⁸. Кулак, или, точнее, зажиточный, хозяйственный хлебороб, был постоянным гарантом для бедняка на случай голода. К нему он всегда мог обратиться за помощью, чтобы дотянуть до нового урожая¹⁰⁹.

С точки зрения большевистской партии в деревне существовало два типа «кулаков»: идеологические и экономические. Все они были высланы из деревень в ходе коллективизации. Причем сначала были раскулачены и высланы казаки и крестьяне по «экономическим мотивам»: в Поволжье и на Северном Кавказе — 3–5 % общего числа хозяйств¹¹⁰. Как правило, это были земледельцы, в период нэпа платившие самые высокие налоги. Затем под определение «кулак», со всеми вытекающими отсюда последствиями, попали казаки и крестьяне, выступавшие против коллективизации и хлебозаготовок. Это были уже «идеологические кулаки». Особенно много их было в казачьих общинах, где казаки уже по своему бывшему социальному статусу считались потенциальными противниками власти¹¹¹.

Как известно, для большевиков раскулачивание преследовало цель «окончательно уничтожить эксплуатацию человека человеком»¹¹². Кроме того, оно было направлено и на решение другой, не менее важной, с их точки зрения, задачи — ликвидировать в стране «пятую колонну» в условиях ожидавшегося нападения на нее со стороны империалистических держав. Например, и на склоне лет ближайшие сподвижники Сталина Молотов и Каганович оставались убеждены, что в 1930-е гг. Советскому Союзу в действительности угрожала эта самая «пятая колонна» так же, как и мировой империализм¹¹³. «Если бы мы не уничтожили эту пятую колонну, — уверенно утверждал Каганович, — мы были бы разбиты немцами в пух и прах»¹¹⁴.

Однако для деревни раскулачивание стало фактором, не только подорвавшим сельскохозяйственное производство, но и усугубившим положение земледельцев в условиях голода. Главный результат раскулачивания — то, что в 1932–1933 гг. колхозы не смогли равноценно заменить кулака с точки зрения оказания помощи голодающим казакам и крестьянам. И в Поволжье, и на Северном Кавказе, так же как и в других регионах СССР, нормы хлеба, выделяемого колхозникам в счет продовольственной ссуды за выполнение колхозных работ, ни в какое сравнение не шли с теми «нормами», которые получали они в доколхозной деревне, работая на «эксплуататора». Особенно это касалось Дона и Кубани, где в казачьих зажиточных хозяйствах выращивались богатые урожаи, и работники никогда не испытывали нужды в хлебе, получая хорошую плату за труд. «Раньше каждый кулак набирал на полку десятки людей, и хотя издевался над ними в работе, но все же варил крутую кашу со старым свиным салом и платил по 80 копеек в день. На эти деньги можно было пуд хлеба купить», — с нескрываемой ностальгией вспоминала одна из колхозниц находящегося в зоне деятельности Азовского политотдела МТС Северо-Кавказского края колхоза. «Теперь же за 400–500 грамм хлеба в день отдаешь свой труд, даже корову, и ничего не получаешь», — заключала она¹¹⁵. Вполне возможно, что эта колхозница несколько приукрасила щедрость «благодетеля», чтобы таким образом пристыдить колхозную администрацию и, в противопоставление ситуации с «классовым врагом», заставить ее активнее действовать для улучшения условий труда в колхозе. Но данная ею характеристика «кулацкой помощи» подтверждается и другими многочисленными источниками.

Все они говорят о том, что кулаки действительно помогали бедным казакам и крестьянам в тяжелые времена. Например, в голод-

ные 1921–1922, 1924–1925 гг., по свидетельствам многих бедняков, их семьи погибли бы от голода зимой, если бы не помощь кулака. Причем эта помощь оказывалась в самые тяжелые моменты, когда еще не развернули свою работу Комитеты крестьянской общественной взаимопомощи¹¹⁶. Более того, в тяжелые 1924–1925 гг., в Донском регионе, как признавали партийные работники, у бедняков не было иного средства получить семенное зерно, кроме как обратиться к богатому соседу¹¹⁷. О том, что богатые помогали бедным, вопреки насаждаемому большевиками стереотипу о них как о безжалостных эксплуататорах, свидетельствует еще один интересный факт. Весной 1925 г. в Таганрогском районе секретарь райкома партии выступил в защиту местного мельника Бугрова, подвергнувшегося репрессиям. Главным его аргументом был следующий: «Беднейшее население деревень, нуждающееся, всегда получало помощь с мельницы Бугрова в голодный 1921 год, и многие обязаны своей жизнью Бугрову, так как последний весьма сочувственно относился к голодающим»¹¹⁸. Помощь нуждающимся особенно считалась первой обязанностью в староверческих общинах Дона и Кубани. «Если придет бедняк ко мне и попросит у меня мешок муки или быков, то я ему и без ККОВ никогда не откажу», — говорил один из зажиточных хлеборобов-староверов¹¹⁹.

Но для большевиков зажиточные казаки и крестьяне были идеологическими противниками, носителями в деревне «эксплуатации», поэтому цель их политики — полное искоренение «эксплуаторов». В период заката нэпа эта линия выразилась в ограничении политических прав кулаков, что сразу же отразилось на материальном положении бедноты. В частности, лишение кулаков права голоса на выборах в Советы в 1927 г. привело к тому, что зажиточные хозяева стали сокращать посевы зерновых культур в своих хозяйствах, чтобы не пользоваться наемным трудом и вернуть себе таким образом отобранное право голоса¹²⁰. Причем в станицах и деревнях началось массовое движение лишенцев за возвращение им прежних прав, в ходе которого они увольняли нанятых в их хозяйства батраков. Многие из них разрывали договоры с батраками до окончания срока или даже отправляли их в другие деревни. При этом они понимали, что такими действиями обрекают батраков на серьезные испытания, поскольку лишают их средств к существованию в голодную зиму. «Пусть батракидохнут», — говорили тогда в деревне по этому поводу лишенные избирательных прав. И еще резче заявляли: «Если наши голоса, отданные батракам, не вернут, то тогда даже собака не получит у нас работы в будущем»¹²¹.

В доколхозный период сложившиеся отношения в деревне между зажиточными («кулаками») земледельцами и беднотой можно было назвать взаимовыгодным компромиссом. Кулаки давали работу бедноте, пускай и тяжелую, но оплачиваемую должным образом. Об этом неоднократно говорили сами батраки¹²². Поэтому проводимую большевиками политику классового расслоения и обострения социальных отношений в деревне посредством ставки на бедноту и ущемления прав зажиточных хозяев подавляющее большинство крестьянства и казачества не принимало.

И именно потому, что в реальности кулак для односельчан не был той одиозной фигурой, какой изображала его официальная пропаганда.

Все знали, что любой трудоспособный бедняк при должном трудолюбии всегда сможет выбиться в середняки. Например, по свидетельству старожилов поволжских деревень, в доколхозный период в деревне считалось, что главным условием зажиточной жизни должен быть личный труд крестьянина. Лишь в этом случае отношение к богатым односельчанам было уважительным. «Богатство должно быть заработано честным трудом, на людях, чтоб люди знали, откуда у тебя деньги и сколько у тебя их», — вспоминала жительница села Лох Новобурасского района Саратовской области С. П. Марунова¹²³. Старожилы этого села до сих пор помнят многих односельчан, сумевших своим трудолюбием выбиться в «кулаки». Так, другая жительница села Лох, А. С. Симкина вспоминала: «Вот у Степана Мордасова я работала, и у Федора Леонтьевича Ладухина работала. Семьи-то большие были, а работников еще не было, не выросли [...]. Вот и нанимали [...]. Вот Степан Мордасов был — он, знаешь, как работал?.. Он вот так работал: как уйдет на неделю в “степь” ночевать, так и не приходит. У него и рубашка вот до коих была коркой. Гольная соль на рубашке! Как криолин жесткая. Все соль съедала [...]. Тот, кто работающий — жил хорошо, кто ленивый — плохо»¹²⁴. «Тот, кто много работает и не пьет, тот и богатый», — констатировала еще одна жительница села Лох Э. Б. Корнеева¹²⁵.

Однако в сельской жизни кулак — это не только трудолюбивый и рачительный хозяин, но и мироед, ростовщик, сосущий соки из односельчан, жирующий на их бедах. Поэтому негативный образ кулака — это не выдумка сталинской пропаганды, но реальный факт деревенской жизни. Например, во время голода 1921–1922 гг. имели место случаи, когда кулаки за пуд муки забирали у умирающих от голода матерей «избу и надворные постройки». Здесь

следует учесть, что эти факты были обусловлены последней стадией голодного истощения, когда голодающие теряли рассудок, матери бросали своих детей и жилища и уходили куда глаза глядят в поисках хлеба¹²⁶. Но такие сделки осуждало общественное мнение.

Для понимания характера взаимоотношений богатых и бедных крестьян и казаков необходимо вспомнить и об отношении земледельцев к самому феномену «бедности». «Бедность — не порок» — хорошо известная русская пословица, а также «От сумы и от тюрьмы не зарекайся» и др. Бедность в общественном мнении доколхозной деревни считалась возможной и оправданной лишь при определенных обстоятельствах: при потере кормильца, несчастном случае (пожар, наводнение), тяжелой болезни членов семьи и т. д. В остальных случаях она рассматривалась как результат лени и ущерба личности. Более того, быть бедняком не считалось каким-то достоинством. Поэтому ставка большевиков на бедноту и не получила одобрения деревни. Особенно это проявилось в казачьих районах страны, где были сильны сословные традиции. Например, на Кубани и Дону попытки Советской власти записывать беднейших казаков в батраки вызывали у них крайне негативную реакцию. В частности, один из секретарей сельской партячейки отмечал: «Казак может быть бедняком в полном смысле этого слова, но никогда сам не назовет себя так»¹²⁷. Группа беднейших казаков из Старощербиновска заявили инструктору райкома партии, рассуждавшему о преимуществах для бедноты, предоставляемых Советской властью: «Мы не бедняки и батраки, а казаки»¹²⁸.

С другой стороны, не следует забывать, что батраки (бедняки), несмотря на их отчаянные попытки обеспечить семьям пропитание, даже в урожайные годы оставались в экономической зависимости от своих «покровителей». Именно этим объяснялась их поддержка кулаков в ходе кампании 1927 г. по лишению последних избирательных прав. «Куда нам деваться?» — говорили они¹²⁹.

В то же время, конечно, взаимоотношения между зажиточными и беднотой не были столь безоблачными: накапливались обиды за пляску «за ведро картошки», ломание шапки перед кулаком и т. д. Поэтому в условиях наступления власти на кулака вполне закономерными стали активные выступления части бедноты по отношению к своим «благодетелям». Например, в январе 1927 г. на Дону на собраниях сельских Советов звучали следующие речи: «Было время, когда вы катались на нашей шее, а теперь разрешите вам сказать, что существует Советская власть и ваши дни миновали.

Будьте добры подчиниться нам». Пользуясь поддержкой власти, бедняки изгоняли кулаков с собраний, нередко вели себя агрессивно, выкрикивая лозунг: «Бей кулака!»

В этой связи следует отметить один характерный пример принципиального значения. Классовый подход большевиков в 1920-е гг. в отношении различных категорий казачества и крестьянства отрицательно сказался на сложившейся практике внутريدеревенской помощи. Теперь она во многом определялась идеологической и политической позицией «просителя» и «благодетеля». Например, пробольшевистски настроенные казаки нередко оказывались отрезанными от традиционной практики общинной помощи в период кризиса в силу своих политических симпатий. Показателен пример кубанского казака из Тихорецка, участника мировой и Гражданской войн, Г. И. Рябинского. На стороне красных он воевал против Каледина и Корнилова. Белые убили его мать, сожгли хозяйство, конфисковали имущество. В 1921–1922 гг. в поисках продовольствия судьба занесла его на Терек, в станицу Маринскую, где он решил обосноваться и заняться хозяйством. Но поскольку его новые соседи, несмотря на его старания, узнали о его симпатиях к большевикам, он был отрезан от традиционной казачьей общественной помощи. Ему сказали, что если бы он «не валял дурака» и не был большевиком, то кто-то из казаков дал бы ему плуг, кто-то лошадь и т. д. В конце концов ему посоветовали обратиться за помощью в комитет¹³⁰. В Шахтинском округе богатые крестьяне отказывались молотить зерно бедняков и давать им в долг зерно, поскольку те «особенно любили выступать на партийных собраниях»¹³¹. В 1920-е гг. в ходе земельных переделов казачьи общества ущемляли интересы бывших красноармейцев и других пробольшевистски настроенных сельчан¹³².

Главным итогом аграрной политики Советской власти в деревне к началу 1933 года стало то, что в результате раскулачивания казаки и крестьяне лишились возможности получения частной помощи в пределах своего селения — традиционной формы выживания в условиях голода в доколхозной деревне. Кроме того, чисто экономически деревня была настолько ослаблена насильственной коллективизацией и принудительными госпоставками сельскохозяйственной продукции, что у земледельцев просто не осталось сил помогать друг другу. Переживать голод они должны были с надеждой на помощь государства, загнавшего их в колхозы.

Еще одним распространенным средством выживания деревни в условиях голода во все времена было нищенство — последняя

надежда попавших в беду крестьян. И в 1932–1933 гг. было так и в Поволжье, и на Северном Кавказе, и в других пораженных голодом районах. Крестьяне Поволжья и Южного Урала в основном шли побираться в места, где традиционно были развиты огородничество и садоводство, особенно туда, где можно было выменять и выпросить картошку (в северо-западные районы Средне-Волжского края, в Чувашию и т. п.)¹³³. Часть крестьян выезжала в Закавказье и Среднюю Азию. Такая же ситуация была на Дону и Кубани, хотя и со своей спецификой.

Нищелюбие — это характерная для России и многих других стран традиция¹³⁴. По сведениям Н. Энгельгарда, голодающие крестьяне Смоленска в условиях голода всегда спасали жизнь с помощью побирательства, хождения по дворам с просьбой о корке хлеба¹³⁵. И, как с удивлением отмечал он, крестьяне подавали просящим, несмотря на собственную крайнюю нужду, поскольку прекрасно понимали, что сами тоже могут оказаться на их месте через несколько дней. Таким образом они предотвращали гибель от голода просящих подавание в самый тяжелый для них момент, хотя, конечно, не решали проблему в целом. В то же время, несмотря на попытки крестьянских женщин сделать этот процесс насколько возможно безболезненным, на практике нищенство (попрошайничество) оставалось унижительным занятием¹³⁶.

В царской России беднейшие крестьяне очень часто продавали зерно собранного урожая, чтобы расплатиться с долгами. И запаса собственного хлеба им хватало лишь до рождественских праздников¹³⁷. В то же время в казачьих областях ситуация была несколько иной. То, что в марте 1932 г. закончился в кубанских станицах и хуторах хлеб, было необычно для этого района и для самих казаков¹³⁸. Это был настоящий позор для гордых казаков, привыкших к достатку и сохранению чувства собственного достоинства в любом положении. Собирать милостыню было занятием, недостойным звания казака. Поэтому в доколхозный период побирающийся казак — это то же самое, что и «плачущий большевик». Фактически этого явления не существовало в казачьих станицах. В крестьянских же селениях, особенно в Поволжье, это считалось обычным и не вызывало таких эмоций, как в казачьей среде.

Уж если нужда нагрязнула в казачью семью, то голодающие казаки обращались за помощью к богатым соседям и родственникам. Они могли остановиться у них, чтобы вместе с их семьями разделить трапезу. В то же время, как свидетельствуют источники, у казаков не было традиции побираться по соседям за коркой хлеба.

Иначе и быть не могло, так как гордые казаки, освобожденные царским правительством от налогов и наделенные большими участками самой плодородной в империи земли, не имели морального права на это. У них было все, в отличие от малоземельных крестьян Поволжья, чтобы жить достойно. И поэтому они всегда стремились не выставлять напоказ свою нужду, особенно перед «хохлами» и иногородними. Для казака его принадлежность к служилому сословию была самой высокой честью, и переход в другое сословие, например городское, означал страшное моральное потрясение, сравнимое с потерей офицером своего воинского звания¹³⁹. То же самое было для него сравняться с мужиком. Поэтому нищенство противоречило казачьей традиции, и его распространение на Дону и Кубани в 1933 г. свидетельствовало о страшной катастрофе, обрушившейся на станицы и хутора.

Казачьи общины имели собственные, веками отработанные механизмы оказания помощи друг другу в кризисные периоды, возникавшие по «воле Бога», но не связанные с ленью казака. Как отмечал С. Номикосов, они делали все для защиты интересов каждого из казаков, подвергшегося удару судьбы¹⁴⁰. Например, Харузин докладывал, что в особых случаях, вызванных нуждой, некоторые казаки снаряжались в армию за счет общественных фондов¹⁴¹. Но не все казачьи общины поступали таким образом. В некоторых из них существовал тщательно разработанный унижительный ритуал для снаряжаемых за их счет малоимущих казаков, который отбивал охоту пройти через него у большинства потенциальных кандидатов. В Аннинске, например, «богатые», отбывающие на службу, военнослужащие систематически унижали тех новобранцев (плевали им в глаза и т. д.), которые оказались не в состоянии обеспечить себя собственной лошадью. Позднее их принуждали просить помощи, стоя на коленях¹⁴². В связи с этим были случаи, когда бедные казаки, чтобы не подвергаться публичному унижению и поддержать свой статус, продавали рабочий скот и таким образом находили средства на экипировку сыновей на службу. Причем нередко это достигалось очень большой ценой. Например, был случай в Донецком районе, когда отец казака, продавший быков ради снаряжения в армию своего сына, ушел в амбар и там застрелился, поскольку средств к существованию у него уже не осталось¹⁴³. Этот случай показателен в плане того, что для казачества чувство собственного достоинства было важнее его материального положения. Поэтому, как уже говорилось, идти побираться было для него самым последним делом.

Однако в 1933 г. ситуация приобрела особый характер, и все казачьи общины Северного Кавказа оказались под ударом рока. На проходившем в начале марта 1933 г. совещании секретарей райкомов ВКП(б) и начальников политотделов МТС и совхозов Северо-Кавказского края представитель Курсавского района заявил, что по селениям ходят «вереницами и просят хлеба» семьи, дети высланных спекулянтов¹⁴⁴. С подобными явлениями власть предполагала бороться самыми решительными методами, в том числе с помощью высылки за пределы края злостных побирушек. Другим средством борьбы Советского правительства с бродяжничеством голодных крестьян стали ограничения частной благотворительности в пораженных голодом районах¹⁴⁵. Городским рабочим, военнослужащим и жителям соседних регионов было запрещено делиться своими продовольственными пайками с голодающими колхозниками¹⁴⁶. Данные меры не принесли дохода в государственную казну, но они послужили еще одним катализатором роста общего числа жертв организованного голода.

Почему столь непримиримо в отношении бродяжничества голодных людей выступило Советское государство? Одна из причин этого — идеологическая. Потворство нищенству и нищелюбие считалось ниже достоинства большевика и противоречили характеру новой власти. Например, в период голода 1925 г. местными партийными организациями расценивались как моральное поражение факты, когда «мать старуха-вдова, а сын — красноармеец, вдобавок комсомолец, оставшись одна, — побирается»¹⁴⁷. В последних числах декабря 1932 г. Баштанский райком ВКП(б) Северо-Кавказского края в целях обеспечения плана хлебозаготовок принял решение о подворном обходе дворов колхозников и единоличников для сбора трех центнеров зерна, в ходе которого следовало не требовать, а просить крестьян помочь государству. Инициаторам этого дела казалось, что так будет лучше, чем «бороться с ними как с ворами». Однако Каганович был возмущен подходом — «побираться для хлебозаготовок», поскольку он противоречил партийной линии, решительно отвергавшей какую бы то ни было «просительную» позицию¹⁴⁸. При этом для большевиков бедность и нищенство оставались пороками царского режима, которые Советская власть успешно устраняла благодаря сталинскому курсу на индустриализацию и коллективизацию. Настоящий большевик никогда не опускает руки перед трудностями, преодолевает их, не просит милости у судьбы. Причем нередко многие руководители Советского государства, особенно на местном уровне, сами

прошли через голодное детство и не раз подчеркивали, что трудности закалили их, сделали большевиками. Например, Каганович, родившийся в бедной еврейской семье, вспоминал, как родители учили его: «Надо не примиряться с существующим положением, не опускаться, не плакать, не вымаливать милостыню у богатых, как нищие, и не падать духом»¹⁴⁹. В этом плане показательна реакция Молотова на фельетон Бухарина в «Правде» по поводу взаимоотношений рабочего класса и среднего крестьянства, опубликованный в середине 1920-х гг. Молотов был возмущен и посчитал немыслимым и неоправданным для большевика предложение «любимца партии», чтобы рабочий класс не только кланялся середняку, но и стоял перед ним на коленях! «Такая просительная позиция, — подчеркивал он, — означала выставить напоказ собственную слабость, хныканье и т. д.». Она противоречила большевизму и линии партии¹⁵⁰. В частности, она противоречила истории большевистской партии, которая всегда гордилась тем, что в дореволюционные годы поднимала крестьян на борьбу с помещиками. «Не ждать милости от волков-врагов своих, вооружайтесь, чем только можно, идите на помещика все вместе и забирайте землю», — заявляли большевистские агитаторы¹⁵¹. С помощью механизации и коллективизации, по мнению сталинского руководства, был нанесен решающей удар по многовековой нужде крестьян. В данном контексте нищенство и бродяжничество бросали тень на политику партии, угрожали ее авторитету, а также способствовали распространению лени и воровства в колхозной деревне. Именно поэтому с ними велась активная борьба государством, еще более усугублявшая положение голодающего населения. Таким образом, голод 1932–1933 гг., в отличие от предшествующих голодовок, стал первым голодом в истории России, когда организовавшая его власть использовала все имеющиеся в ее арсенале средства, чтобы не позволить голодающим крестьянам собирать милостыню, искать лучшей доли за пределами своей деревни и района, пораженных бедствием.

Традиционным средством выживания крестьян в условиях голода была продажа личного имущества, прежде всего домашнего скота и сельскохозяйственного инвентаря, а также использование возможностей крестьянского подворья¹⁵². Например, из 617 опрошенных свидетелей голода в Поволжье и на Южном Урале почти все отмечали, что их семьям удалось избежать голодных смертей главным образом благодаря наличию в хозяйстве дойной коровы. «У кого была корова, тот и остался жив», — вспоминали они.

Именно отсутствие коров у соседей в результате их уничтожения в ходе коллективизации, по словам очевидцев, стало причиной смерти зимой–весной 1933 г. тысяч колхозников и единоличников.

Итогом коллективизации стал факт, что казачки и крестьянки («бабы») сумели отстоять право на сохранение в личном хозяйстве коровы, домашней птицы, свиней и коз, в то время как сильная половина деревни — «мужики» капитулировали перед государством и сдали в колхоз рабочих лошадей, быков, сельскохозяйственный инвентарь. В результате возникла иная, чем прежде, ситуация в условиях голодной катастрофы.

В предшествующие годы, когда урожай вследствие засухи оказывался низким и селениям угрожал голод, казаки и крестьяне обычно уже в первые летние месяцы продавали рабочий скот. Это было вполне рациональное решение, так как в условиях засухи и бескормицы цены на рабочий скот резко падали (на 50 % по сравнению с благоприятными в погодном отношении годами). Еще больше они падали зимой. Продавая лошадей и быков, земледельцы сохраняли тем самым хлеб для продовольственного потребления семьи, поскольку его уже не надо было направлять на корм скоту¹⁵³. Например, в голодном 1922 г. в наиболее пораженных голодом донских районах подавляющее большинство крестьянских хозяйств осталось без рабочего скота. В станице Ильинской, например, только 20 % хозяев сохранили рабочий скот. Большинство из них «продали или обменяли на хлеб лучший инвентарь».

В 1924 г., когда зерновые районы СССР поразила сильная засуха, Советское правительство в целях сохранения стабильного положения в сельском хозяйстве и недопущения ситуации 1922 г. призывало казаков и крестьян не продавать рабочий скот, обещая им помощь кормами. Но эти призывы не были услышаны, поскольку помощь пришла только в январе 1925 г., а не раньше. Поэтому в предшествующие месяцы испытывавшие недостаток хлеба земледельцы продавали скот «за бесценок, потому что голод не ждет»¹⁵⁴.

Как уже отмечалось, насильственная коллективизация подорвала животноводческую отрасль. Катастрофическое сокращение поголовья рабочего и продуктивного скота в колхозах и на личных подворьях колхозников и единоличников самым негативным образом отразилось на положении казаков и крестьян, умиравших в 1933 г. именно по этой причине. В 1933 г. ситуация принципиально изменилась потому, что в течение предшествующего года произошло резкое сокращение численности скота в деревне. В Поволжье хлебозаготовки 1931 г. заставили крестьян, чтобы избежать голод-

ной смерти, пустить под нож десятки тысяч коров — основных «кормилиц» в условиях голода. Тысячи их погибли от бескормицы и некачественного ухода в колхозах. Результатом этого стала еще более распространившаяся бескоровность крестьянских хозяйств. В 1933 г. на 100 крестьян Нижней Волги осталось 11 коров, Средней Волги — 12. Во время «царя-голода» 1921 г. в Поволжье на 100 голодающих крестьян приходилось 16 коров. Таким образом, в 1933 г. крестьяне оказались в худших условиях, чем в предшествующие голодные годы, так как, с одной стороны, их рабочий скот был обобществлен и не мог быть продан ради получения хлеба, а с другой — оставшийся в их распоряжении домашний скот, прежде всего коровы, гибнул от бескормицы.

Во время голода казаки и крестьяне всегда жертвуют личным имуществом ради спасения своих жизней. Так было и в 1932–1933 гг. Например, в декабре 1932 г. агенты ОГПУ сообщали, что в северных районах Северо-Кавказского края «на базарах увеличилась продажа единоличниками домашних вещей». Весной 1933 г. один из начальников политотделов МТС подтвердил наличие этого факта и в южных районах края: «Часть колхозников (к несчастью, значительная) в связи с недоеданием ослаблена, принуждена продавать свое барахло, чтобы купить на базаре бураков»¹⁵⁵.

Кроме того, важнейшее средство выживания семей хлеборобов — это огороды и сады на приусадебных участках, позволяющие получить продовольственные запасы, вполне достаточные, чтобы избежать голодной смерти. Лишение людей возможности свободно продавать ценные личные вещи и в полной мере использовать полученные от личного подворья и промыслов съестные припасы приводит к самым негативным последствиям.

В 1933 г., как свидетельствовали очевидцы голода в поволжских деревнях, доходы от личного приусадебного участка (огородов), подсобных промыслов, так же как и в предшествующие голодные годы, остались важнейшим источником выживания. Еще одним подспорьем были операции по обмену личных вещей, предметов домашнего обихода на суррогатный хлеб, картофель, муку и другие продукты в близлежащих селениях, районных центрах и городах. С весны 1933 г. голодающие крестьяне повсеместно стали употреблять в пищу различные травы-суррогаты. Среди них, по свидетельствам очевидцев, наиболее распространенными были: жмыхи подсолнечные, льняные, конопляные, рыжиковые, толченая конопля, желуди («желудёвая мука», когда желуди подвергались четырехдневной вымочке), лебеда («лебедовая мука», «ле-

бедная трава»), мука из вики, картофельные очистки, «дрызга» (картофельная «мязга» — остаток крахмально-картофельного производства), «отбой», «чилим» (водяной орех), сухой орех, «земляной орех», «буковые орешки» (не облупленные и облупленные), «чекан» (мука из корневища камыша), «карлыговая мука» (из зерна), кора древесная, хрен дикий, листья капустные, липовые, малины, конский щавель («коневник»), крапива, «душина», ботва свекельная и картофельная, дикий лук и чеснок, «мука» из ягод шиповника, солома, мякина, опилки, глина, гнилое дерево, мох, кровь и кости падших животных, «холодец» из сырых кож павших животных и т. д.¹⁵⁶ Мерзлая картошка была спасением от голода для многих семейств. Из трав и суррогатов крестьяне пекли так называемые «пышки» — черного цвета, горькие на вкус, после употребления которых они страдали запорами и нередко умирали по этой причине. Начиная с весны в реках голодающие ловили ракушки, варили их и употребляли в пищу. Как только с полей сошел снег, массовым явлением стала охота за сусликами, чье мясо шло в пищу.

Большое количество голодающих скапливалось у спиртзаводов, где после обработки спирта «спускали барду» — выжимку, отходы от переработанного на спирт сырья. Голодные люди набивали ею мешки и везли домой. После ее употребления многие умирали. В ряде случаев на спиртзаводах «барду» продавали за деньги. В пищу шло все, что могло спасти от голодной смерти. Например, на скотомогильниках трупы животных обливали керосином, различными растворами, чтобы люди их не ели. Но это мало помогало.

Вот лишь одно из свидетельств очевидца событий 1933 г. в Нижне-Волжском крае, жительницы поселка Ртищево Саратовской области Ксении Васильевны Филипповой: «После того как в доме нечего стало есть: ракушки из Хопра — съели, траву — съели, лес ободрали, гнилую картошку съели, сусликов, мышей, кошек, собак; дохлую конину и говядину, облитую карболкой, отмачивали в Хопре и ели. В соседних селах, слышали, были и случаи трупоедства».

Использование возможностей личного подворья (сада, огорода), собирательство трав, консервирование грибов, ягод были важнейшим средством спасения голодающих, поскольку позволяло создать минимальные продовольственные запасы для сохранения жизни в условиях голода. Но в 1933 г. в голодающей советской деревне государственная власть и это проверенное веками средство выживания ослабила своим вмешательством. Был

установлен контроль над всеми продовольственными запасами крестьянской семьи, в том числе личными, что еще больше усугубило ситуацию.

Как показывает мировой опыт, нанесение удара со стороны враждебных крестьянам сил по этому источнику жизнеобеспечения наиболее болезненно отражается на их судьбах. Например, в ходе колониальных войн империалистические страны использовали против партизан тактику сжигания посевов, конфискаций крупного рогатого скота, уничтожения продовольственных запасов, лишения земельных наделов. По сути, это была стратегия организации искусственного голода для подавления сопротивления крестьян¹⁵⁷. То же самое делали нацисты в годы Второй мировой войны. Подобная линия просматривается и в действиях сталинского режима во время голода 1932–1933 гг.

Как уже отмечалось, в условиях дефицита хлеба земледельцы использовали возможности садоводства, а также ранним утром отправлялись в ближайшие леса на сбор грибов и ягод. Эти дары природы не устраняли голод, но снижали его остроту и предотвращали голодную смерть. Казалось бы, что они не подлежат государственной регламентации и могут свободно использоваться по назначению. Но в 1932–1933 гг. в Поволжье, на Дону и Кубани, так же как и в других регионах страны, было по-другому.

В ходе хлебозаготовительной кампании 1932 г., особенно в зимние месяцы, уполномоченными по хлебозаготовкам совместно с представителями сельского Совета были проведены специальные рейды по погребам и подвалам колхозников и единоличников, санкционированные сверху. Так, например, Староминский райком ВКП(б) Северо-Кавказского края санкционировал предложение Ярощенко в отношении Новодеревенской станицы, которое гласило: «Принять самые суровые меры воздействия, принуждения, производя изъятие всех продуктов питания». При этом следовало «соблюдать строго классовый принцип»¹⁵⁸. Такая позиция в датированном не позднее 23 ноября 1932 г. письме Молотова Хатаевичу фарисейски была названа «небольшевистской», вытекающей «из отчаяния, к чему мы не имеем никаких оснований», поскольку она бросала тень на политику партии, на слова выступавшей против практики местных властей «брать любой хлеб и где угодно, не считаясь и пр.»¹⁵⁹

В реальной жизни обстояло все как раз наоборот. Имеется огромное количество свидетельств конфискаций выращенных на приусадебных участках колхозников и единоличников продуктов, а также законсервированных даров природы в наказание за невы-

полнение государственных обязательств. Например, в Вешенском районе Северо-Кавказского края, как аргумент в пользу предоставления помощи району, в докладе инструктора ВЦИК констатировалось: «Эти чрезмерные меры теперь и дают себя чувствовать. Ведь во многих сельсоветах в массовом количестве отбиралось все продовольствие до соленого и сушеного включительно»¹⁶⁰. Причем подобные действия поддерживал крайком партии, поскольку все сигналы с мест районных уполномоченных и других активистов о широком использовании силы в ходе хлебозаготовительной кампании, конфискациях продовольствия у населения были проигнорированы им, а их инициаторы подвергнуты жесткой критике. Им указали на «не совсем удачные письма о чрезмерных мерах, чрезмерном администрировании при проведении хлебозаготовок»¹⁶¹. Не случайно поэтому небезызвестный Овчинников уверенно смог приказать дать колхозникам Вешенского района задания «на полную сдачу кукурузы и семян», собранных с огородов¹⁶². По линии ОГПУ были установлены многочисленные факты злоупотреблений властью на местах уполномоченных, которые в январе 1933 г. конфисковали у единоличников молочные продукты, кур и кроликов за невыполнение различных гособязательств¹⁶³.

Почему столь решительно и даже дико (буквально «зверели»), с нарушением закона действовали в деревне местные коммунисты и активисты?¹⁶⁴ Например, в голодающей деревне, получая государственный паек, они иногда вели себя как безумные — среди белого дня выбегали на улицу в пьяном виде и на глазах у опешивших колхозников хватали себе на ужин колхозных кроликов. Подобное бесцеремонное поведение объяснялось прежде всего тем обстоятельством, что на них лежала персональная ответственность за выполнение районного плана хлебозаготовок. И к тому же они чувствовали поддержку не только районного, но и вышестоящего начальства, желавшего видеть результат и не вдаваться в подробности того, как этот результат получен. Характерно предостережение Кагановича секретарям райкомов: «Мы сумеем оправдать и добиться результатов, если не вместе с вами, товарищи районщики, то через ваши головы»¹⁶⁵. Другой причиной было то, что за четыре года хлебозаготовительных кампаний они уже увидели разницу в наказании за следование «левому» или «правому» уклону, которое стало особенно суровым в 1932 г. Например, только в Верхнедонском районе Северо-Кавказского края, в «процессе ломки саботажа райкомом и райКК исключено из партии 96 чел., и в даль-

нейшем комиссией по чистке партии вычищено 167 чел., а всего исключено из партии 263 чел., или 40,3 % парторганизации»¹⁶⁶. Поэтому тактика «лучше перегнуть, чем не догнуть» была вполне оправданной для местных активистов. Она была удобна и для Центра, поскольку ответственность при этом перекладывалась на местное руководство.

С другой стороны, эта тактика содействовала решению проблемы так называемой пятой колонны, существование которой было навязчивой идеей сталинского режима, и ее ликвидация, по мнению властей, отвечала интересам каждого советского человека. В частности, по этому поводу Каганович писал Сталину 5 ноября 1932 г.: «Теперь приходится возмещать то, что пропущено, это неизбежно приведет к некоторым перегибам. Будем бороться, чтобы их не допускать, но так как все это будет предприниматься ударно, то всего до конца трудно будет избежать. Во всяком случае, главная задача здесь сейчас — это сломить саботаж, несомненно организованный и руководящийся из единого центра»¹⁶⁷. Не случайно поэтому были отменены назначенные на декабрь 1932 г. судебные разбирательства в отношении «левых перегибщиков»¹⁶⁸.

Конечно, руководство партии не санкционировало изъятие всех продовольственных запасов из кладовых и погребов колхозников и единоличников, но то, что оно не остановило его вовремя и не приняло должных мер по исправлению допущенных беззаконий, не снимает с него ответственности за смерть от голода тысяч крестьян¹⁶⁹.

Веками проверенной традицией спасения во время голода была возможность крестьян покинуть зону бедствия, уйти на заработки или просто найти более безопасное место и выждать время. В неурожайные годы они так и делали. Причем время ухода зависело от интенсивности протекания голода в крестьянской семье, а также пола крестьянина. В условиях недорода трудоспособные крестьяне стремились уйти из селения в момент начала уборочной страды, чтобы успеть наняться на сельхозработы в благополучных районах. Кроме того, они уходили на заработки в города, на промышленные предприятия. Как правило, в первую очередь деревню покидали одинокие мужчины, но иногда уезжали и целыми семьями¹⁷⁰. С Дона в период голода обычно уезжали на Юг, на Кубань, Украину, а также в Среднюю Азию (Ташкент)¹⁷¹. Голодающие Поволжья также стремились в эти районы и северо-западные губернии, где была развита промышленная база. В 1925 г., например, Ростов и Таганрог были буквально осаждены в пятидесяतिकило-

метровой зоне земледельцами, ищущими работу. Стихийное движение крестьян из голодающих районов приобретало массовый характер, когда они понимали, что им не придется рассчитывать на помощь государства в самый тяжелый момент. Именно так было и в 1922 г.: крестьяне, «дабы спастись от голодной смерти», при отсутствии фуража для скота бросали недвижимое имущество и массами уходили из деревень. Оставшимся в зоне голода приходилось испытать до дна горькую чашу страданий. В 1921–1922 гг. в эпицентре голодающих деревень наблюдались многочисленные случаи каннибализма. По свидетельствам крестьян, переживших голод, именно бегство многих из них в самый пик голода позволило им сохранить жизни. Те же, кто остался дома и оказался неспособным найти работу, заниматься нищенством, взять продукты взаимы или купить их, подписали себе смертный приговор.

Подобная ситуация была вполне закономерна. Даже без оказания помощи со стороны государства бегство голодающих из эпицентра бедствия в менее пораженные районы значительно увеличивало индивидуальные шансы на спасение, так как в этих районах они могли найти мелкие вспомогательные работы, жить «на подножном корму», собирая дикие растения и охотясь на диких животных. Кроме того, они могли рассчитывать на великодушие чужих, незнакомых им людей, поскольку последние находились в лучших материальных условиях, чем их соседи в зоне голода, и поэтому были менее склонны немилосердно реагировать на их просьбы о куске хлеба и работе.

Тем не менее, как свидетельствует история, почти универсально стремление правительств, будь оно доимпериалистическим, империалистическим или социалистическим, остановить массовое бегство крестьян из голодающих районов или по крайней мере взять его под жесткий контроль. В капиталистических странах правительства проводят данную линию, заботясь прежде всего о личной безопасности и сохранении неприкосновенности частной собственности высшего и среднего класса общества. Голодающие крестьяне, потерявшие надежду на помощь, обычно располагались близ частных поместий или базаров. Если они не встречали там соответствующего милосердного отношения, то нередко прибегали к насилию. Когда они организовывались для поиска лучшей доли в многочисленные группы, по 100 и даже несколько тысяч человек, общая социальная обстановка в стране накалялась. Например, в России в начале 1600-х гг. голод был катализатором мощных народных восстаний, когда тысячи голодающих крестьян осажда-

ли города и требовали помощи от царя и бояр. Еще один великий голод, 1921–1922 гг., сопровождался не только мелким воровством в садах, погребах и чуланах запасливых казаков и крестьян, но и движением многочисленных вооруженных повстанческих отрядов, совершавших при поддержке местного населения захваты государственного зерна, рабочего скота, просто грабивших всех, кто попадался им под руку¹⁷².

В колониальных странах, включенных в мировой рынок помимо воли большинства их крестьянского населения, правительства метрополий были заинтересованы не только в сохранении жизней и собственности их местных сторонников в период голодных бедствий, но и в поддержании максимально благоприятных условий для торговых операций (например, экспорта зерна из пораженных голодом районов в Англию)¹⁷³. Поэтому свободное перемещение крестьянских масс в период голода представляло угрозу для осуществления данных операций. Сам голод всячески замалчивался и контролировался цензурой. Общественности предоставлялась абсурдно оптимистическая информация о процветающем сельском хозяйстве голодающих колоний вопреки реальности и сообщениям миссионеров. В результате множество голодающих крестьян, покинувших свои селения в поисках пищи, воспринимались негативно.

Обычно разбредавшихся по стране голодающих крестьян власти водворяли на места их постоянного проживания с помощью военно-полицейской силы. И эти операции, как правило, сопровождалось оказанием крестьянам государственной помощи. Самым удачным опытом проведения подобных операций, по мнению специалистов, можно считать китайский опыт в XVIII столетии. В ходе действий китайской администрации была обеспечена транспортировка голодающих домой и на местах осуществлена широкая программа помощи, позволившая крестьянам, имевшим сельскохозяйственные орудия, жить своим трудом. Те же из голодающих, которые были сильно истощены и не способны самостоятельно передвигаться, размещались на специальных пунктах вне городской черты и обеспечивались питанием и медицинской помощью¹⁷⁴.

В 1932 г. массовой голодной смертности в сельской местности удалось избежать во многом потому, что у казаков и крестьян имелась возможность фактически беспрепятственно уйти из деревни в город, другие районы страны. Поэтому в условиях возникших в начале 1932 г. продовольственных трудностей наиболее активная

часть казачества и крестьянства, в основном трудоспособного возраста, воспользовалась ею и оставила деревню. Тем самым тысячи земледельцев спаслись от голодной смерти. Именно поэтому 1932 год стал годом самого активного за все годы первой пятилетки оттока населения из сельской местности. Например, в 1932 г. в Нижне-Волжском крае убыль сельского населения составила 476 тыс. чел. (в 1931 г. — 227,7 тыс., в 1930 г. — 55,7 тыс. чел.), в Средне-Волжском крае соответственно 165 тыс. чел. (в 1931 г. — 74, 1 тыс. чел., в 1930 г. — 22,7 тыс.)¹⁷⁵.

В 1933 г., в отличие от предшествующих лет, отток населения из голодающих районов был значительно затруднен вследствие принятых Советским государством мер по пресечению стихийной миграции из села. Поскольку размеры продовольственных ссуд были ничтожны, то голодающие земледельцы, так же как и в 1931–1932 гг., зимой 1933 г. стали массами покидать родные края в поисках куска хлеба. Тысячи, десятки тысяч истощенных, оборванных людей, спасаясь от голода, двинулись по дорогам страны. Органы ОГПУ проинформировали Сталина и Молотова о массовом бегстве крестьян из колхозов. Реакция Сталина была незамедлительной.

22 января 1933 г. Сталин и Молотов направили шифротелеграмму (директиву) в Ростов-на-Дону, Харьков, Воронеж, Смоленск, Минск, Сталинград, Самару, в которой региональное руководство информировалось о факте массового выезда крестьян Кубани и Украины «за хлебом» в ЦЧО, на Волгу, Московскую и Западную области, Белоруссию. В связи с этим руководству Северного Кавказа предписывалось «не допускать массовый выезд крестьян из Северного Кавказа в другие края и въезд в пределы своего края из Украины». Аналогичное распоряжение давалось ЦК КП(б)У — «не допускать массовый выезд крестьян из Украины в другие края и въезд на Украину из Северного Кавказа». Органам ОГПУ Московской области, ЦЧО, Западной области, Белоруссии, Нижней и Средней Волги вменялось в обязанность «арестовывать пробравшихся на север крестьян Украины и Северного Кавказа и водворять их в места жительства».

В данной директиве указывалось, что «массовый выезд крестьян “за хлебом” в названные регионы СССР организован врагами советской власти, эсерами и агентами Польши с целью агитации “через крестьян” в северных районах СССР против колхозов и вообще против Советской власти»¹⁷⁶.

25 января 1933 г. в постановлении бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) определены конкретные меры по реализации

директивы ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 22 января 1933 г. Постановление предусматривало: запрет сельсоветам и другим сельским организациям выдавать разрешения крестьянам на выезд за пределы края, запрет на выдачу им железнодорожными кассами и кассами водного транспорта проездных билетов, увеличение численности заслонов и опергрупп ГПУ на станциях Юго-Восточной и Южной железных дорог, закрывающих выходы на Украину, в ЦЧО и НВК. Кроме того, под контроль органов ГПУ, милиции и местного актива следовало взять передвижение крестьян по грунтовым дорогам, выходящим за пределы селений, особенно в районах, граничащих с Украиной, ЦЧО, НВК и Закавказьем¹⁷⁷.

В дополнение к этому постановлению 28 января 1933 г. бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) опубликовало новое постановление, в котором в целях «быстрейшей проверки задерживаемых» и «возвращения их к месту жительства» ОГПУ СКК предписывалось создать 9 фильтрационных пунктов для задержанных на основных железнодорожных станциях края (Миллерово, Шахты, Матвеево-Курган, Батайск, Тихорецкая, Армавир, Краснодар, Прохладная и Махачкала)¹⁷⁸.

Действие сталинско-моловской директивы от 22 января 1933 г. не ограничилось Украиной и Северным Кавказом. Оно распространилось и на Поволжье. Решение об этом было принято Политбюро ЦК 16 февраля 1933 г. На основании телеграммы Нижне-Волжского крайкома Политбюро постановило «распространить на Нижнюю Волгу действие директивы ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 22 января 1933 года о борьбе с самовольным выездом крестьян из своей области»¹⁷⁹.

И данное решение не только декларировалось, но и выполнялось. Об этом свидетельствует докладная записка ОГПУ № 50110 «о мероприятиях по пресечению массового выезда крестьян», датированная 9 марта 1933 г. В ней сообщалось, что в Нижне-Волжском крае за время с 1 по 5 марта задержаны 1636 чел., из них: возвращены к месту жительства — 1010 чел., арестованы — 8 чел., остальные — 618 чел. — «проходят фильтрацию». Она содержала также сведения о действии директивы ЦК и СНК от 22 января 1933 г. и на территории Средне-Волжского края, где за этот же период задержаны 167 чел., из них: возвращены к месту жительства — 137 чел., арестованы отказавшиеся вернуться к месту жительства — 30 чел.¹⁸⁰ К началу марта 1933 г. ОГПУ и милицией были задержаны 219 460 чел. Из них 186 588 чел. были возвращены обратно, остальные привлечены к судебной ответственности и осуждены¹⁸¹.

К числу мер, направленных на пресечение стихийной миграции крестьян, можно отнести и такие, как создание в зерновых районах чрезвычайных органов — политотделов МТС, а также изменение правил отходничества, введение паспортной системы. Осуществляемые политотделами МТС мероприятия по укреплению трудовой дисциплины в колхозах делали невозможным повторение ситуации 1932 г., когда из колхозов беспрепятственно уходили десятки трудоспособных колхозников.

17 марта 1933 г. ЦИК СССР и СНК СССР приняли постановление, изменившее существовавшие в соответствии с постановлением ЦИК и СНК от 30 июня 1931 г. правила отходничества колхозников из колхозов¹⁸². Если в 1932 г., в самый пик продовольственных трудностей, тысячи колхозников могли уйти из колхоза на заработки, а затем, к началу уборочной, вернуться обратно, то новое постановление о правилах отходничества лишало такой возможности большинство из них. Теперь, чтобы уйти в отход, колхозник должен был зарегистрировать в правлении колхоза договор с тем хозяйственным органом, который нуждался в его услугах. На практике эта процедура, предусматривающая предварительную договоренность с предприятием, совхозом, была крайне затруднена. В то же время в случае самовольного ухода колхозника из колхоза на заработки он и его семья исключались из колхоза и лишались, таким образом, права на получение государственной помощи (продовольственной ссуды), а также и тех средств, которые были заработаны ими в колхозе или переданы ему в неделимые фонды (рабочий и продуктивный скот, сельскохозяйственные орудия).

Когда в конце 1932 г. участились случаи голодной смерти, правительство издало закон о паспортах с тем, чтобы воспрепятствовать массовому оттоку населения из голодающих областей в города, продовольственное снабжение которых также оставляло желать много лучшего. Милиция теперь получила право высылать из городов крестьян, у которых не было договоров о найме с промышленными предприятиями, а также препятствовать самовольному уходу из деревни¹⁸³. Начавшаяся в 1933 г. паспортизация городского населения существенно затрудняла трудоустройство самовольно покидавших колхозы колхозников. Следует учесть, что в 1933 г. в городах продовольственное положение еще больше ухудшилось¹⁸⁴. Например, рабочие промышленных предприятий получали продовольственные пайки, составлявшие суточную норму от 400 до 800 граммов печеного хлеба на человека и от 200 до 400 граммов на каждого члена семьи¹⁸⁵. В 1933 г. в поволжских и юж-

ноуральских городах имели место факты смертей от недоедания отдельных рабочих и членов их семей¹⁸⁶.

Введение в СССР в 1932 г. паспортной системы, казалось бы, было необходимым мероприятием с точки зрения предотвращения эпидемий среди стихийно перемещающихся крестьян. При такой ситуации на Северном Кавказе, например, наибольшее распространение в голодающих селениях получила малярия, в меньшей степени — брюшной тиф¹⁸⁷. Примерно так же обстояло дело и в Поволжье¹⁸⁸. По данным специалистов, на 23 января 1933 г. в «чернодосочной» станции Новодеревенской было зарегистрировано 50 случаев заболевания брюшным тифом. Эпидемия малярии началась там в августе 1933 г., когда эта болезнь поразила большинство донских и кубанских станиц¹⁸⁹. Масштабы эпидемий, распространившихся в стране в 1933 г. из-за голода, вынудили сталинское руководство рассмотреть эту проблему на уровне Политбюро ЦК ВКП(б)¹⁹⁰.

Как уже отмечалось, не только Украина, но и Северо-Кавказский край был закрыт для всех крестьян и казаков, и не только чернодосочных районов, подписанной Сталиным и Молотовым 22 января 1933 г. директивой СНК и ЦК. Основная мотивация данной директивы с точки зрения сложившейся мировой практики борьбы с эпидемиями должна была бы сводиться к решению именно этой проблемы — остановить распространение эпидемии голодающими сельскими жителями. Но для сталинского режима цель этой акции было иной — не допустить ведения «через крестьян» организованной «врагами Советской власти, эсерами и агентами Польши» агитации «против колхозов и вообще против Советской власти»¹⁹¹. В директиве с сожалением отмечалось, что в 1932 г. местные власти «прозевали эту контрреволюционную затею»¹⁹². О том, что в первую очередь забота о сохранении собственного реноме, а не мысли об оказании помощи голодающим советским гражданам волновала Сталина и его окружение, свидетельствует уже указанное (от 18 июня 1932 г.) письмо вождя Молотову и Кагановичу. «Несколько десятков тысяч украинских колхозников все еще разъезжают по всей Европейской части СССР и разлагают нам колхозы своими жалобами и нытьем», — указывал в письме Сталин¹⁹³.

Чтобы понять позицию Сталина и его сподвижников в оценке рассматриваемого явления, необходимо вновь вспомнить о существенных характеристиках большевизма. Прежде всего большевики гордились своей способностью решительно преодолевать все

преграды, с презрением относиться ко всем трудностям и «нытикам», пасующим перед этими трудностями. Так, например, Каганович использовал, может быть, даже более образное высказывание, чем Сталин, обращаясь к данной теме. В письме Сталину от 23 июня 1932 г. он писал: «У нас есть околоправоуклонистские и околотроцкистские элементы, болотные лягушки, квакающие по поводу малейших затруднений»¹⁹⁴. Более конкретно он выразился в другом письме к вождю, датированном 5 ноября 1932 г., в котором дал презрительные оценки донским и особенно кубанским коммунистам: «Люди выступают, с одной стороны, как нищие, просящие Христа ради». И эти оценки давались не только кулуарно, но публично. В частности, в первой речи в Ростове перед активом 2 ноября 1932 г. Каганович бросил в лицо собравшимся членам партии унижительные для них слова: «нытики», «хлюпики»¹⁹⁵.

Хотя Каганович никогда прямо не упоминал о голоде в своих мемуарах, создается впечатление, что он все же полемизировал в них с кубанскими казаками по поводу тех давних событий. Он вновь заострял внимание на главном — возникшие трудности были преодолены благодаря железной воле партии, не спасовавшей перед ними, не пошедшей на поводу у «нытиков». Такими большевики стали благодаря суровой жизненной школе, которую прошел и сам Каганович. «Нет худа без добра», — писал он в мемуарах, оценивая тяжелые условия первых лет своей трудовой жизни, которые стали для него бесценным революционным уроком¹⁹⁶.

Сталинисты, включая Кагановича, вопреки фактам убеждены, что крестьяне не могли не быть благодарны партии за то, что она направила «сотни миллионов на организацию МТС для обслуживания колхозов»¹⁹⁷. Повторяя набившие оскомину фразы о воровстве крестьянами зерна, их лени и саботаже, Каганович заостряет внимание на главном, по его мнению, факте — появлении множества тракторов и машин на колхозных пашнях¹⁹⁸. При этом он, как и другие сталинские сподвижники, не хотел понять ту колоссальную разницу, которая существовала между крестьянином-собственником и сельскохозяйственным рабочим, в кого превратился последний в результате «механизации» и коллективизации. Сталинисты были уверены, что колхозники должны быть взволнованны и благодарны им за трактора, так же, как они радуются новым фабрикам, военной технике, метро, железным дорогам и т. д. Они должны благодарить их и за предоставленную их детям возможность получить образование. То есть с позиций организаторов коллективизации, всё, что они делали в деревне, должно

было быть поддержано трудовым крестьянством, а все свалившиеся на него беды — есть результат политической несознательности крестьян, отсутствия в них «большевистской» закалки, вредительской деятельности «пятой колонны».

И вот вместо благодарности сталинское руководство получает многочисленные сообщения о том, что украинские крестьяне не хотят добросовестно работать на колхозных полях, а бродяжничают по стране, вымаливают милостыню у рабочих на городских улицах, рассказывают разные антисоветские и антиколхозные небывицы¹⁹⁹. Реакцией на это и становится вышеупомянутая директива от 22 января 1933 г.

Еще одной причиной, по которой сталинский режим делал все для того, чтобы запретить голодающих крестьян в их селениях, возможно, был его страх потерять авторитет в глазах сторонников политики партии за пределами пораженных голодом районов, а также сохранить «революционную репутацию» за рубежом²⁰⁰. Например, одной из причин сталинского решения о снижении плана хлебозаготовок летом 1932 г. в ряде районов Украины, находящихся на пороге голода, стала их близость к польской границе²⁰¹.

Конечно, такая позиция не могла вызвать благодарности крестьян. Сам факт страшного голодомора не вписывался в созданный сталинской пропагандой миф об успехах коллективизации. Вот лишь несколько примеров, подтверждающих сказанное. Направленный ВЦИК в Вешенский район Северо-Кавказского края инструктор в апреле 1933 г. в отчетном докладе сообщал о переживаемом им потрясении от фактов ежедневной смерти от голода в одной из деревень пяти–семи крестьян. Обращаясь во ВЦИК с просьбой об оказании экстренной помощи Вешенскому району, он наивно заявляет: «Мне думается, нет такого положения в Республике, чтобы люди умирали с голоду и мы не могли им помочь»²⁰². Один из проезжавших кубанские станицы рабочих в июне 1933 г. сообщил в Центр: «Людидохнут и валяются по дорогам»²⁰³. Да и сами рабочие были не в восторге от такой власти, которая допускает подобные факты. Например, шахтинские рабочие, проживавшие в зоне голода, в апреле 1933 г. говорили: «Когда уже эта власть провалится, как она всем надоела, люди умирают с голоду, а дальше еще хуже будет, если рабочие не свергнут эту власть»²⁰⁴.

Еще одна и может быть, самая главная причина того, что казаки и крестьяне оказались заперты в своих селениях в 1933 г., заключалась в том, что таким образом им был преподнесен урок: чтобы не голодать и не умирать от голода в будущем году, они должны

будут добросовестно работать в колхозе. Колхозники и специалисты должны понять, что все их проблемы им нужно решать на месте, в их деревне. В подтверждение этого аргумента в селения были возвращены бежавшие от голода односельчане, взрослые и дети²⁰⁵. И впредь будет так же со всеми, кто попытается бросить колхоз в трудное для него время.

Таким образом, причины государственной политики запрета свободного передвижения крестьянства в период голода 1932–1933 гг. в СССР были переплетены. Но все они были направлены на решение главной задачи сталинской коллективизации — установление полного контроля государства над аграрным сектором экономики, зерновыми запасами и крестьянским населением. О том, чем это обернулось для обычного крестьянина, очень точно высказался уже упоминавшийся выше приглашенный в СССР немецкий специалист в области сельского хозяйства Отто Шиллер: «Голодающий крестьянин практически стал заключенным в своей деревне, так как у него не было лошади, чтобы уехать, и сил, чтобы отлучиться на длительное расстояние». Так писал он в мае 1933 г.²⁰⁶

Обращаясь к этому сюжету, нельзя не отметить еще один характерный штрих. В предшествующий период в голодный год крестьяне, распродав ценные вещи, в самый пик голода отправлялись в хлебобродные районы зарабатывать хлеб, нанимаясь рабочими и батраками²⁰⁷. В 1921 г., например, они объединялись в группы для совместной покупки хлеба в менее пораженных бедствием соседних районах²⁰⁸. В 1933 г. даже тем колхозникам, которым было разрешено властью купить коммерческий хлеб, продаваемый только в городах, имели право провезти домой всего один килограмм на человека²⁰⁹. При этом от крестьянина, задержанного милицией в городе, требовали справку сельсовета, разрешающую поездку в город, железнодорожный билет, свидетельствующий, что он проживает в ближайших окрестностях данного района. Сообщения ОГПУ содержат немало примеров ежедневных конфискации хлеба у задержанных в городах, на железнодорожных станциях крестьян, нарушавших установленные нормы провоза, являвшихся, по мнению ОГПУ, «бездельниками», «бродягами» и т. д.²¹⁰ Колхозники с горькой иронией говорили на этот счет: «Рабочие и сильно нуждающиеся в хлебе могут покупать еще, а мы, колхозники, производители данного хлеба, примерно с октября 1932 года настоящего хлеба не видали — едим разный суррогат. Кроме того, у нас поедаются суслики»²¹¹.

Таким образом, в 1933 г. принятые Советским государством меры фактически прикрепляли крестьян к колхозам, обрекая их на голод и голодную смерть. Данное обстоятельство в немалой степени обусловило высокую смертность сельского населения в районах, находившихся в эпицентре голода.

Подводя итог анализу о способах выживания голодающего сельского населения Поволжья и Северного Кавказа в 1933 г., можно сделать следующий вывод. Разрушение коллективизацией и политикой сталинского режима традиционной системы выживания земледельцев в условиях голода привело к значительному росту голодной смертности в пораженных голодом районах. Конечно, вряд ли можно утверждать, что Советское правительство осознанно шло к этому результату. Грандиозные перемены в экономике страны, по замыслу сталинского руководства, были направлены как раз на устранение причин голода — создание высокопродуктивного сельского хозяйства, которое навсегда покончит с бедностью, нищенством и т. д. При этом подавляющее большинство полученных в ходе государственных заготовок в деревне средств было направлено на финансирование индустриализации и модернизацию армии. Однако в этих грандиозных планах крестьянству, даже и колхозному, все же отводилась вторая роль. Например, один из самых близких соратников Сталина Молотов, полностью разделявший его политические взгляды, говоря о коммунизме как конечной цели социалистического строительства, не признавал равных условий при этом «самом справедливом строе» для города и деревни²¹². С точки зрения большевиков, жертвы, принесенные на алтарь революции, были оправданны, так как результатом стало построение социализма. Они были обусловлены сопротивлением врагов социализма. Без этого сопротивления не было бы и голода 1932–1933 гг. Поэтому раскулачивание осуществлялось для того, чтобы обезопасить социализм и защитить беднейших крестьян от эксплуатации кулака. Но, к сожалению, данные «благие цели», как показал опыт XX в., обернулись тяжелыми бедствиями для простых тружеников, и не только в советской деревне. Созданная ценой огромных жертв советская система рухнула, вызвав цепную реакцию во всем мире, ввергнув миллионы крестьян в новые страдания. Примерно около трех миллионов смертей в Северной Корее на почве недоедания в конце 1990-х гг. стали результатом разрыва экономических связей в результате крушения социализма в СССР и европейских странах²¹³.

Осуществленные Советским правительством меры в отношении голодающей деревни в период с декабря 1932 до августа 1933 г. были направлены прежде всего на «наведение порядка» в пораженных голодом районах Поволжья и Северного Кавказа. Прекращение разгула преступности было более важной задачей, чем предотвращение голодных смертей. Продолжение хаоса угрожало самим устоям сталинского режима.

Особенно это касалось казачьих районов, рассматривающихся коммунистами в качестве ненадежных сторонников Советской власти. В доказательство этого можно привести много фактов, но ограничимся лишь одним. В январе 1928 г. небольшая группа казаков, собравшаяся в станице Вешенской, провозгласила тост за бывшего императора Николая II. При этом один из казаков с уверенностью предсказывал, что Советское правительство не удержит надолго власть в своих руках²¹⁴. В этой ситуации, начиная коллективизацию, сталинское руководство готово было любой ценой заставить казаков подчиниться его воле, пусть и посредством организации голода²¹⁵.

В 1933 г. в деревне имелись сторонники колхозного строя, в казачьих районах это были «иногородние». Они надеялись, что Советская власть не оставит их в беде, но им пришлось нелегко. Особенно когда они, по словам одного из очевидцев голода, украинского крестьянина Мирона Долота, превратились в «заключенных в своей собственной деревне».

Горькая ирония состоит в том, что в 1920-е гг. земледельцы Северо-Кавказского края выражали недовольство мягкостью советских законов в отношении «растратчиков» и воров (особенно лошадей). Они возмущались, когда преступников освобождали досрочно²¹⁶. По их мнению, конокрадов следовало расстреливать, «иначе спасения от них не будет», как заявил, например, в декабре 1925 г. на районной беспартийной крестьянской конференции Ремонтинского района Северо-Кавказского края житель с. Валуевка Полубинский²¹⁷. Донские хлеборобы открыто в присутствии коммунистов призывали власть решительнее бороться с конокрадством и нередко заявляли, что «если власти не примут меры к искоренению слабости к ворам, то придется перейти на старую самосудную меру с ворами»²¹⁸. И вот спустя несколько лет они увидели, как государство «выполнило» их просьбу об ужесточении наказаний за воровство! Ужесточение коснулось большинства из них и в меньшей степени криминальных элементов. В частности, земледельцы посчитали чрезмерно суровым наказание в 10 лет тюрем-

ного заключения за воровство одного килограмма зерна, особенно для «воров», «голодных и опухших», в то время как спекулянты, представлявшие большую опасность, отделялись всего лишь пятью годами²¹⁹. Все эти факты, так же как и позиция государства по отношению к голодающей деревне в 1933 г., подрывали веру крестьян-колхозников в социализм как самый справедливый и гуманный строй.

§ 3. Голод во внутридеревенской среде

А какова была ситуация во внутридеревенской среде в период голода? Степень остроты голода была разной не только в отдельных районах, но и в каждой голодающей деревне. Легче было тем семьям, в которых сохранилась корова, которые до вступления в колхоз нажили больше имущества и поэтому могли обменивать его на продукты питания. Выживали те сельчане, которые работали в совхозах и МТС, где был положен продовольственный паек, а также немногочетные семьи.

В наиболее тяжелом положении в 1933 г. оказались единоличники. Объяснялось это тем, что в ходе хлебозаготовительной кампании единоличные хозяйства облагались повышенными заданиями, причем вне зависимости от наличия или отсутствия в хозяйстве посевов зерновых культур. Чтобы выполнить задания, многим единоличникам нередко приходилось продавать скот и личное имущество. В противном случае в счет погашения задолженностей по хлебосдаче и другим налогам у них конфисковывали скот, продукты питания и даже личные вещи. Подобных случаев было немало. Например, семья М. А. Тверского (жителя с. Монастырское Калининского района Саратовской области), не вступившая в колхоз, погибла в 1933 г. от голода вследствие того, что за невыполнение заданий по сдаче государству хлеба, мяса и молока у нее была конфискована корова. По свидетельству М. И. Аксенова (жителя р.п. Кондоль Пензенской области), занимавшего в начале 1930-х гг. должность председателя колхоза «Свободный труд» Марьевского сельсовета Кондольского района Средне-Волжского края, в 1932 г. самовольно вышедшим из колхоза крестьянам было отказано в возвращении бывших в их собственности участков земли и рабочего скота, объявленных «неделимым фондом колхоза». В результате им не удалось засеять поля и получить хоть какой-то урожай зерновых. По этой причине в 1933 г. они оказались в тяжелейшем положении и умерли от голода.

Особенно трагичной была судьба тех семейств единоличников, главы и трудоспособные члены которых выехали на заработки в отдаленные местности и районы страны, потеряв на некоторое время связь с родными местами. Оставшиеся без кормильцев женщины, дети и старики сильно голодали и умирали от голода. Ситуация усугублялась тем обстоятельством, что семьям единоличников не полагалась государственная продовольственная ссуда.

Тяжелым в голодающих селениях Поволжья, Южного Урала и Северного Кавказа было положение детей и стариков, причем как в семьях колхозников, так и единоличников. Особенно высока была смертность от истощения среди малолетних детей. Высокая смертность детей младенческого возраста всегда связывалась с наступлением голода в деревне, так как у кормящих матерей вследствие недостатка продуктов питания было мало шансов спасти от голода и болезней, связанных с недоеданием, еще физически неокрепших, только что родившихся малышей. Данный факт в полной мере получил отражение в отчетной документации загсов за 1932–1933 гг. Так, например, в 1933 г. в сельских районах Нижне-Волжского края смертность младенцев до одного года, по сравнению с 1932 г., увеличилась в 1,6 раза (с 111,6 тыс. чел. в 1932 г. до 183,2 тыс. чел. в 1933 г.)²²⁰.

В голодающих районах дети повсеместно ходили собирать милостыню. В многодетных семьях наблюдались случаи, когда родители были вынуждены специально не кормить часть детей, чтобы спасти жизни остальных. Их запирали в чуланы, погреба, амбары. Около мельниц и элеваторов, где рабочие употребляли в пищу зерно, голодные дети собирали человеческий кал, извлекали из него зерна и употребляли их в пищу. В большинстве колхозов во время голода, особенно в период полевых работ, работали ясли и детские сады, в которых как-то пытались подкармливать детей и спасти их от голодной смерти. Но из-за нехватки продуктов и там дети часто умирали от истощения. Например, как уже указывалось, в с. Калмантай Вольского района Нижне-Волжского края в 1933 г. умерло от голода двое детей. Колхоз мог выделять детскому саду по 100 — 200 г муки «на затирку» в сутки на 40 детей. Поэтому дети побирались по деревне, ходили воровать колоски ржи и картошку на колхозных полях. В с. Лебежайка Хвалынского района Нижней Волги на содержание 150 детей колхозников правление колхоза ежедневно могло выделять по 150 г кукурузной муки и 150 г молока. Из них с примесью различных трав детям варили «затир-

ку». От подобной еды они опухали и умирали от истощения. В другом детском саду – Еловатовского колхоза «Завет Ильича» Самойловского района того же края истощенных умирающих детей «перед смертью» передавали «родителям»²²¹. Документы содержат и другие многочисленные сведения о фактах детской голодной смертности в селениях Поволжья, Южного Урала и Северного Кавказа²²².

В эпицентре трагедии именно дети становились первоочередным объектом людоедства, и обычно со стороны потерявших рассудок родителей и близких²²³.

Весной и летом 1933 г. улицы городов региона оказались заполнены беспризорными крестьянскими детьми от трех до четырнадцати лет, чьи родители умерли от голода или ушли на поиски средств существования. Оставшись без родителей и близких родственников, дети нередко скапливались на железнодорожных станциях, стремясь попасть на поезда, следующие в Москву и центральные районы России. Имели место случаи, когда отчаявшиеся спасти своих детей матери приносили их в районный или краевой центр и оставляли на пороге детских домов, на вокзалах, базах. По этому поводу в политдонесении начальника политотдела Ново-Николаевской МТС Орского района Средне-Волжского края указывалось: «Кулаки применяют новый маневр, бросают маленьких детей на произвол, а сами сбегают»²²⁴.

В действительности никаких кулаков не было. Были безумевшие от горя матери, пытавшиеся спасти своих детей. И иногда это им удавалось ценой собственной жизни. Об одном из таких случаев рассказала жительница совхоза им. Кирова Каменского района Пензенской области З. Д. Рындина. В 1933 г. в семье ее отца, директора совхоза Д. В. Тарасова было пятеро детей. Если в совхозе люди еще как-то перебивались мякиной, то в окрестных колхозах и этого не было. Поэтому в совхоз шли голодающие из ближайших сел. Чаще всего дети. Кто мог, тот приютил сирот. В том числе в многодетной семье директора к своим пяти ртам в 1933 г. прибавилось еще пять чужих. Младшего трехлетнего мальчика конюх нашел в лошадиных яслях, уткнутого ртом в горку мякины, и принес в директорский дом. А потом неподалеку от конюшни в овраге нашли мертвую мать. Только и хватило сил донести умирающего сынишку людям. Может, хоть его спасут. Его спасли. Через несколько десятков лет он станет директором Оренбургского шинного завода²²⁵.

В 1933 г. все детские дома и детприемники в городах и районных центрах Северо-Кавказского края, Нижней и Средней Волги

были переполнены крестьянскими детьми. Краевое руководство постоянно обращалось в центральные органы с просьбами о выделении краям дополнительных фондов для обеспечения продуктами и одеждой детских домов. Весной 1933 г. в городах с помощью милиции проводились операции по изъятию с улиц беспризорных детей, большинство из которых болели тифом и другими болезнями, связанными с истощением организма.

Местные партийные и советские органы пытались как-то регулировать процесс роста детской беспризорности на почве голода с целью снижения его остроты. Для этого принимались специальные решения, направленные на «борьбу с детской беспризорностью», суть которых сводилась к одному главному требованию — не допускать поступления детей в райцентры и города, решать проблему на местах. Об этом, например, было прямо заявлено в июльской директиве секретаря Саракташского РК ВКП(б) Средне-Волжского края Попова начальникам политотделов МТС. В ней предписывалось не допускать «случаев посылки и подбрасывания детей в районы и детские дома», поскольку к тому времени все детские дома оказались переполненными. В связи с этим политотделам МТС предписывалось развернуть активную работу в колхозах «по организации детяслей и детплощадок» и необходимой материальной базы для них за счет колхозных фондов²²⁶. 15 мая 1933 г. на заседании Балашовского райисполкома Нижне-Волжского края было предписано председателям сельских Советов и директорам совхозов в декадный срок произвести «учет безнадзорных и беспризорных детей от 4 до 15 лет» и отдать их «по договорам на патронаж колхозникам, рабочим и служащим совхозов и МТС, взяв на себя ответственность обеспечить их продуктами питания из фондов совхозов и колхозов, не допуская случаев присылки детей в районы для направления в детдома»²²⁷.

Свою лепту в спасение голодающих детей вносили сельские учителя. В 1933 г. в голодающих селениях по их инициативе и при их непосредственном участии группы школьников ходили по дворам и собирали оставшихся без родителей малолетних детей. Известный советский писатель М. Н. Алексеев, лично переживший «голодомор 1933 года» в саратовской деревне, вспоминал по этому поводу: «Приносили на руках по несколько ребятешек, подобранных в заброшенных домах, в одичавших дворах и огородах, некоторых отыскивали в густых зарослях лебеды, крапивы и горьких лопухов — находили их там по слабому писку»²²⁸.

В общей массе умерших от голода большинство составляли мужчины (например, в Нижне-Волжском крае — 58,1 %, в Средне-Волжском крае — 54 %) ²²⁹. Преобладание в половозрастной структуре умерших в 1933 г. в сельской местности мужчин подтверждало общее правило всех голодовок — мужская часть деревенского населения несла большие потери, чем женская. Происходило это потому, что на мужчин падала основная тяжесть заботы о спасении голодающей семьи. Именно мужчины в первую очередь во время голода выходили в колхоз на полевые работы и за мизерную пайку хлеба работали из последних сил. От заработанных горсти зерна, куска суррогатного хлеба обычно им доставалась меньшая часть, так как остальное они отдавали своей семье. Женщины же, как вспоминали очевидцы голода, больше находились дома — «у печки», и тем самым имели больше шансов выжить, чем их истощенные голодом мужья и братья, работавшие в поле.

В числе первых жертв голода, вместе с малолетними детьми, оказывались старики. Причем нередко они осознанно сокращали положенный им и без того скудный рацион питания, чтобы поддержать остальных членов семьи. Они старались меньше выходить к столу, иногда просто прекращали есть, уходили из дому и умирали. Именно так закончил свою жизнь в 1933 г. родной дед писателя М. Н. Алексеева в селе Монастырском Баландинского района Нижне-Волжского края ²³⁰.

Документы архивов загсов прямо связывают рост смертности пожилых людей с голодом и болезнями на его почве. В многочисленных актах о смерти имеются записи, согласно которым в 1933 г. причинами смерти тысяч крестьян пожилого возраста стали: «старость и голод», «старость от недоедания», «старость и истощение» и т. п. Эти диагнозы не встречались в актовых книгах о смерти за предшествующие годы. Их наличие в актах о смерти за 1933 г. — свидетельство той тяжкой участи, которая выпала на долю стариков во время наступившего голода. Старики и младенцы первыми умирали от истощения среди всех возрастных групп...

В лучшем положении во время голода находились семьи председателей колхозов, сельских Советов, местных активистов. На это указывают как очевидцы голода, так и другие источники. В частности, 226 проинтервьюированных жителей поволжских и южноуральских деревень заявили, что председатели колхозов, сельсоветов и их семьи не голодали так, как остальные колхозники, потому что у них «свой распределитель был». В то же время отмечены и факты, свидетельствующие о тя-

желейшем положении во время голода и семейств сельского руководства. Например, А. Г. Семикин (записано в р.п. Турки Саратовской области), работавший в 1933 г. учителем сельской школы, вспоминал, что председатель Чернавского колхоза вместе с простыми колхозниками ходил на скотомогильник и для пропитания своей семьи выкапывал трупы павших лошадей и коров.

Многочисленные источники свидетельствуют, что материальное положение сельского актива было лучше, нежели у рядовых колхозников. Так, председатель сельсовета ежемесячно получал заработную плату в размере 250 рублей и 16 килограммов муки на себя и по 8 килограммов на каждого члена семьи. Секретарю сельской партячейки райком партии ежемесячно выплачивал 50 рублей. Конечно, эти выплаты и пайки были минимальными с точки зрения обычных потребностей человека в нормальное время. Но все же этого было достаточно, чтобы выжить и не умереть от голода. В частности, весной 1933 г. в Нижне-Волжском и Средне-Волжском краях на 250 рублей (зарплату председателя колхоза) по базарным ценам можно было купить 2 пуда ржаной муки (1 кг стоил 8 руб. 14 коп.), либо 7 ведер картошки (1 кг стоил 4 руб. 70 коп.), либо 76 литров молока (1 литр стоил 3 руб. 30 коп.), либо 214 яиц (1 десяток стоил 11 руб. 67 коп.). Даже на 50 рублей секретарь сельской партячейки мог купить на рынке 2 ведра картофеля²³¹.

Социологическое обследование 102 сельских населенных пунктов Поволжья и Южного Урала, а также изучение других источников не выявило фактов гибели от голода председателей колхозов, сельских Советов, членов Коммунистической партии. В то же время установлены случаи использования представителями местной власти должностного статуса в целях улучшения своего продовольственного положения в условиях голода. Например, обычным явлением было стремление местного руководства в ходе хлебозаготовок и кампании по засыпке семенного фонда создавать специальные продовольственные фонды для снабжения районного партийно-хозяйственного актива. Для этого колхозам увеличивались и без того непосильные планы хлебозаготовок. Так, по сообщению начальника политотдела Тамалинской МТС Нижне-Волжского края Денисова, весной 1933 г. коровы, отобранные у колхозников и единоличников Тамалинского колхоза за «незасыпку семян», были использованы «для самоснабжения партактива». Кроме того, из этого колхоза «для самоснабжения» районными работниками было вывезено 200 ц хлеба. При этом в политдонесении Денисова от 4 июня 1933 г. в политуправление Наркомзема

СССР указывалось, что в Тамалинском районе в период с января по 25 мая текущего года погибло от голода 725 чел.²³²

Работники районных партийных, советских и хозяйственных органов, под чьим непосредственным руководством была проведена хлебозаготовительная кампания 1932 г., находились на специальном государственном обеспечении. В 1933 г. председатели райисполкомов, завотделами РИК, уполномоченные РИК и крайкомов, как правило, получали следующие ежемесячные продовольственные пайки: 18 кг муки и по 8 кг на иждивенцев, 1,5 кг крупы и по 1 кг на иждивенцев, 800 г сахара и по 400 г на иждивенцев, 1,2 кг растительного масла²³³. Названные категории номенклатуры получали ежемесячную заработную плату в пределах 250–500 рублей. Уполномоченные риков и райисполкомов, выезжавшие с поручениями в сельскую местность, обеспечивались разовыми дополнительными продовольственными пайками и денежным вознаграждением. Кроме того, их должны были кормить за свой счет колхозы и совхозы, в которые они командировались для проведения различных хозяйственных кампаний²³⁴.

Крайкомы партии возложили персональную ответственность на местные органы ОГПУ за «бесперебойное снабжение работников политотделов и их семей», которые по продовольственному обеспечению приравнивались к контингенту районного партийного актива²³⁵.

Продовольственные пайки районной номенклатуры заметно превосходили пайки сельских врачей, учителей, милиционеров, персональных пенсионеров, членов семей красноармейцев, которым по закону полагались льготы. Так, в 1933 г. врачу сельской больницы ежемесячно выдавалось 8 кг муки, учителю, рядовому милиционеру, бывшему «красному партизану» — 8,5 кг, члену семьи красноармейца — 5,4 кг.²³⁶

В самый пик голода, когда в районных больницах и тюрьмах из-за нехватки продовольствия наблюдались случаи заболеваний тифом, больные и заключенные нередко умирали от истощения, в Сталинграде, Саратове и Астрахани действовали закрытые медицинские диспансеры для краевого партактива, в которых на одного лечашегося активиста в соответствии с меню предусматривались следующие нормы продуктов: хлеб белый — 400 г, хлеб черный — 200 г, мясо говяжье — 400 г, дичь разная — 400 г, рыба красная — 500 г, масло сливочное — 50 г, масло животное — 50 г, масло растительное — 50 г, яйца — 3 шт., молоко — 1,5 л, мука пшеничная — 250 г, крупа манная — 50 г, крупа гречневая — 50 г, крупа

перловая — 75 г, рис — 50 г, сахар-рафинад — 50 г, сахар-песок — 50 г, сыр голландский — 80 г, икра зернистая — 40 г, колбаса — 50 г, творог — 150 г, сметана — 40 г, макароны — 50 г, чай — 8 г, кофе — 5 г, мука картофельная — 30 г, картофель — 400 г, морковь — 50 г, свекла — 100 г, капуста — 400 г, фрукты сухие — 40 г²³⁷.

Таким образом, приведенные факты свидетельствуют о существовании «иерархии потребления» в советской системе и даже в колхозной деревне, которая строилась исходя из принципа полезности гражданина государству. Выживали — сильные, погибали — слабые, не нужные в данный момент стране, а это малолетние дети, старики, одинокие и т. д. В то же время сельская советская элита находилась в лучшем положении, не говоря уже о районной и краевой. Надо признать, что положение, особенно деревенского актива, ненамного отличалось от положения остальных крестьян. Но оно было достаточным, чтобы не умереть от голода и выжить. Случай с директором совхоза, спасшим пятерых беспризорных детей, весьма показателен в этом плане. В ходе проведенного социологического обследования поволжских и южноуральских деревень не было установлено ни одного факта смерти от голода коммуниста, председателя колхоза или сельского Совета. Вернее, был засвидетельствован один, в Лопатинском районе Пензенской области (в 1933 г. входил в состав Нижне-Волжского края). Старожилы рассказали о смерти председателя колхоза. Но умер он не от голода, а от перепоя после одного из заседаний в районе. Его, мертвецки пьяного, заботливо накрыл тулупом кучер, и он, бедолага, задохнулся... Это не значит, что сельские активисты не страдали от голода. Им тоже было нелегко. При этом не следует забывать, что десятки тысяч коммунистов, особенно в Северо-Кавказском крае, были репрессированы в 1932 г. за противодействие хлебозаготовкам. И в 1933 г. было немало таких директоров и председателей, которые, как Дмитрий Васильевич Тарасов, прибавляли к своим ртам дополнительные...

§ 4. Голод 1932–1933 годов в России и на Украине: сравнительный анализ

Как уже отмечалось выше, очевиден тот факт, что тема голода 1932–1933 гг. выходит за рамки научной дискуссии, поскольку значительно политизирована. В этой связи следует напомнить слова известного исследователя голода Майка Дэвиса относительно непонятной забывчивости западной общественности голодных трагедий в Индии и странах «третьего мира», по крайней мере не

уступавших по числу жертв сталинскому голодомору на Украине. «Дети голода 1876 и 1890 исчезли из мирового курса истории», — констатировал Дэвис²³⁸.

Еще один известный факт: представители ирландских националистов, выступающие с обвинением в адрес Англии по поводу якобы организованного ею картофельного голода в Ирландии с целью окончательно сломить движение ирландского народа за независимость, не поддержаны серьезными экспертами, имеющими доступ к соответствующим архивным материалам²³⁹.

И третий факт — проблема сталинского голодомора на Украине приобрела особый подтекст в связи с распадом СССР. До этого времени Запад не замечал данной трагедии на Украине ни в 1930-е, ни в последующие годы.

Главный вопрос дискуссии — это вопрос о специфике ситуации на Украине и в других регионах СССР в начале 1930-х гг. В какой степени сталинская политика коллективизации, хлебозаготовок в целом имела региональные особенности с точки зрения конкретных мер и последствий?

В историографии установлен тот факт, что произошло распространение голодного бедствия в 1932–1933 гг. за пределы Украины, на Дон, Кубань, в Поволжье, ЦЧО, Южный Урал, Западную Сибирь. Совершенно исключительными по драматизму и последствиям стали события в Казахстане.

Как уже отмечалось, на собственном опыте автор данной монографии убедился, что трагедия 1932–1933 гг. в российских регионах оставила не менее неизгладимый след в народной памяти, чем на Украине. Занимаясь, по инициативе В. П. Данилова, кандидатской диссертацией по теме голода 1932–1933 гг. в Поволжье и на Южном Урале, он обошел пять областей и в 102 селениях опросил 617 очевидцев трагедии. Их свидетельства можно ставить в один ряд с опубликованными воспоминаниями украинских крестьян в известной «Народной книге-мемориале» «Голод 33» Лидии Коваленко и Владимира Маняка²⁴⁰. В каждой российской деревне, попавшей в зону голода, до сих пор помнят 33-й год. Например, в районном поселке Малая Сердоба Пензенской области жителями установлен обелиск в память о жертвах 33-го года...

По глубокому убеждению автора, дискуссия на тему, какой народ больше пострадал от сталинского режима, малопродуктивна в научном отношении и опасна в нравственном и политическом.

За последние годы, как уже отмечалось, благодаря прежде всего исследованиям В. П. Данилова, Н. А. Ивницкого, И. Е. Зелени-

на, Е.Н. Осколкова общественность получила всестороннее представление о причинах, ходе и последствиях коллективизации в СССР. Их работы и труды других историков, а также публикация огромного комплекса источников по истории коллективизации из ранее недоступных фондов российских архивов достаточно убедительно показали, что в основе трагедии 1932–1933 гг. в советской деревне, в том числе на Украине, лежала политика насильственной коллективизации и принудительных хлебозаготовок сталинского режима.

Данный вывод подтвержден на региональном уровне: в ЦЧО — П. В. Загоровским, в Уральском регионе — Ю. П. Барановым, на Дону и Кубани — Д. Пеннер, в Республике Мордовия — Т. Д. Надькиным, в Поволжье — В. В. Кондрашиным.

Необходимо вспомнить и о зарубежных исследователях, подтвердивших выводы российских историков. Среди них — Р. Дэвис, С. Уиткрофт, М. Левин, С. Мерль, Л. Виола, Д. Пеннер, Х. Окуда, Ш. Фицпатрик и др.

Выявленные факты и сделанные обобщения в ходе многолетних изысканий дают основания для следующих суждений относительно причин, масштабов и последствий голода 1932–1933 гг. в основных аграрных районах СССР, в том числе на Украине. Эти суждения основаны на разнообразном и достоверном источниковом материале.

Прежде всего в 1932–1933 гг. голод поразил не только Украину, а все основные зерновые районы СССР, зоны сплошной коллективизации. Внимательное изучение источников указывает на единый в своей основе механизм создания голодной ситуации в зерновых районах страны. Повсюду это насильственная коллективизация, принудительные хлебозаготовки и госпоставки других сельскохозяйственных продуктов, раскулачивание, подавление крестьянского сопротивления, разрушение традиционной системы выживания крестьян в условиях голода (ликвидация кулака, борьба с нищенством, стихийной миграцией и т. д.).

Самое главное, что шел процесс одновременного вхождения коллективизированных регионов СССР в голод. Мы еще раз подчеркиваем, *одновременного вхождения.*

На Украине, в Поволжье, ЦЧО, на Дону и Кубани происходили примерно одни и те же процессы. Октябрьский 1931 г. Пленум ЦК ВКП(б) о хлебозаготовках касался всех зерновых районов, а не лишь Украины. Чрезвычайные комиссии Политбюро ЦК 1932 г. по хлебозаготовкам были созданы почти одновременно не только на

Украине, но на Кубани и в Поволжье. «Черные доски» для районов, не выполнивших план хлебозаготовок, были введены не только на Украине, но и в Северо-Кавказском крае и Поволжье²⁴¹. Конфискация всего продовольствия у крестьян за невыполнение плана хлебозаготовок происходила в 1932–1933 гг. не только на Украине, но и в российских регионах, о чем свидетельствует, например, постановление Староминского райкома ВКП(б) Северо-Кавказского края по поводу Новодеревенской станицы²⁴². Произвол местных властей там в отношении сельских тружеников в период хлебозаготовок был не меньшим, чем на Украине, о чем можно судить хотя бы по письмам М. А. Шолохова И. В. Сталину о ситуации в Вешенском районе²⁴³. И наконец, печально известная директива Сталина–Молотова от 22 января 1933 г. о принудительном закреплении крестьян в голодающих районах, касалась не одной только Украины.

Не следует забывать, что в российских регионах было и то, чего не было на Украине. Это порки крестьян в колхозах Нижне-Волжского края в период сельскохозяйственной кампании 1931 г., а также поголовное выселение казачьих станиц на Кубани за «саботаж хлебозаготовок»²⁴⁴.

В то же время украинская специфика в событиях 1932–1933 гг. присутствовала, так же как присутствуют свои специфики во всех регионах, особенно в Казахстане, если говорить о последствиях трагедии²⁴⁵. В многонациональном Поволжье, например, спецификой голода было отсутствие его «национальной специфики». Это значит, что в зоне сплошной коллективизации одинаково голодали и русские, и татары, и мордва, и представители других народов²⁴⁶.

Перерыв горы документов, исследователи еще не обнаружили ни одного постановления ЦК партии и Советского правительства, приказывающих убить с помощью голода определенное число украинских или других крестьян!

Возвращаясь к украинскому фактору в событиях 1932–1933 гг., укажем на одно очень важное обстоятельство, повлиявшее на их ход и в немалой степени предопределившее их трагические последствия.

Напомним, что летом 1932 г. голод на Украине сыграл роль дестабилизирующего фактора для соседних регионов, прежде всего Северо-Кавказского края и ЦЧО. Хлынувшие туда голодные украинские крестьяне стимулировали «панические настроения» в казачьей и крестьянской среде, срывая тем самым уборочную кампанию и хлебозаготовки. Сам факт голода на Украине был шоком

для русских крестьян. Показательна в этом плане реакция и белорусов. Летом 1932 г. Белоруссия оказалась заполнена голодающими сельскими жителями с Украины. Изумленные белорусские рабочие писали в «Правду» и высшему руководству страны, что они не помнят, чтобы когда бы то ни было «Белоруссия кормила Украину».

Однако следует отметить принципиальное положение: голод в соседних зерновых районах России возник одновременно с украинским, и последний лишь выступил в качестве катализатора событий, но не их главной причиной.

Однако именно массовое бегство украинских крестьян из колхозов весной–летом 1932 г. в немалой степени обусловило ужесточение политики сталинского руководства в деревне в целом, во всех регионах, в том числе на Украине.

Как свидетельствует опубликованная переписка И. В. Сталина и Л. М. Кагановича, в начале 1932 г. Сталин полагал, что главная вина за возникшие на Украине трудности лежала на местном руководстве, которое не уделило должного внимания сельскому хозяйству, поскольку увлеклось «гигантами промышленности» и уравнительно разверстали план хлебозаготовок по районам и колхозам. Именно поэтому весной 1932 г. была предоставлена помощь Центра: семенная и продовольственная ссуды²⁴⁷. Однако после того, как Сталину сообщили, что руководители Украины (Г. И. Петровский) пытаются свалить вину за возникшие трудности на ЦК ВКП(б), а украинские колхозники, вместо благодарности за оказанную помощь, бросают колхозы, разъезжают по Европейской части СССР и разлагают чужие колхозы «своими жалобами и нытьем», его позиция стала изменяться²⁴⁸. От практики предоставления продовольственных ссуд Сталин переходит к политике установления жесткого контроля над сельским населением. Причем эта тенденция усиливалась по мере усиления крестьянского противодействия хлебозаготовкам в форме прежде всего массового расхищения урожая и во всех без исключения зерновых районах СССР.

Таким образом, в основе сталинской твердости было стремление укрепить колхозный строй и сломить крестьянское сопротивление хлебозаготовкам как на Украине, так и в других районах.

В то же время нельзя отрицать наличия у сталинского режима сопутствующего мотива в его политике на Украине в 1932–1933 гг. — стремления воспользоваться ситуацией и нейтрализовать те слои украинской интеллигенции и партийно-советской бюрократии, которые выступали за сохранение самобытности

украинской культуры и образования в условиях начавшейся унификации национальных культур. Происходило примерно то, что было в период голода 1921–1922 гг., когда большевистское руководство под предлогом спасения голодающих расправлялось с инакомыслящими священниками, сопротивлявшимся неупорядоченному изъятию церковных ценностей (вспомним известное письмо В. И. Ленина В. М. Молотову от 19 марта 1922 г.)²⁴⁹.

Голод 1932–1933 гг. помог Сталину ликвидировать на Украине, по его мнению, потенциальную оппозицию его режиму, которая из культурной могла вырасти в политическую и опереться при этом на крестьянство. На этот счет имеются факты, в том числе в третьем томе документального сборника «Трагедия советской деревни», посвященного голодомору, где характеризуется деятельность в украинском селе органов ГПУ²⁵⁰.

Однако все же в основе трагедии на Украине были другие причины, прежде всего антикрестьянская политика сталинцев, недоверие Сталина к крестьянству как классу, независимо от его национальной принадлежности.

Характерно в этом плане распоряжение Сталина, озвученное в его письме из Сочи Кагановичу и Молотову 18 июня 1932 г., — о запрещении доводить до села сниженный план хлебозаготовок, чтобы не расхолаживать крестьян²⁵¹. В этом же ключе почти анекдотическая история с заготовкой яиц на Украине, план которой предполагал, что на каждую подсчитанную курицу, исходя из логики крестьянского поведения, приходится как минимум две, укрытые от учета. Поэтому спустили план, выполнение которого было бы возможным, если бы каждая курица откладывала по одному яйцу в день²⁵².

Сталинская стратегия «подстраховки от крестьянской хитрости» усугубила ситуацию, о чем не побоялся сказать Сталину М. Хатаевич в письме от 27 декабря 1932 г. Он заметил, что если бы Украина сразу получила сниженный план хлебозаготовок, то он был бы выполнен, поскольку люди были бы уверены в его реальности²⁵³.

В то же время имеются документы, однозначно указывающие на то, что у Сталина не было идеи уничтожить украинский народ и Украину с помощью «террора», «геноцида» голодом. Они связаны с продовольственными и семенными ссудами, другими видами государственной помощи, оказанной Украине при личном участии Сталина в 1933 г., о чем весьма детально сказано в упомянутой нами фундаментальной монографии Р. Дэвиса и С. Уиткрофта. Вот лишь некоторые из них.

27 июня 1933 г. 23 час. 10 мин. секретарь ЦК КП(б)У М. М. Хатаевич направил Сталину шифrogramму следующего содержания: «Продолжающиеся последние 10 дней непрерывные дожди сильно оттянули вызревание хлебов и уборку урожая. В колхозах ряда районов полностью съеден, доедается весь отпущенный нами хлеб, сильно обострилось продовольственное положение, что в последние дни перед уборкой особенно опасно. Очень прошу, если возможно, дать нам еще 50 тысяч пудов продссуды». На документе имеется резолюция И. Сталина: «Надо дать»²⁵⁴. В то же время на просьбу начальника политотдела Новоузенской МТС Нижне-Волжского края Зеленова, поступившую в ЦК 3 июля 1933 г., о продовольственной помощи колхозам зоны МТС был дан отказ²⁵⁵.

По нашим подсчетам, основанным на анализе источников, опубликованных в третьем томе сборника документов «Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание» (М., 2001), в 1933 г. в общей сложности Украина получила 501 тыс. тонн зерна в виде продовольственных и семенных ссуд, что было в восемь раз больше, чем в 1932 г. (60 тыс. тонн). Российские регионы (без Казахстана) соответственно получили 990 тыс. тонн, лишь в 1,5 раза больше, чем в 1932 г. (650 тыс. тонн). Откуда взялось зерно для Украины? На наш взгляд, в том числе и за счет прекращения весной 1933 г. хлебного экспорта из СССР, который снизился в пять раз (с 1800 тыс. тонн в 1932 г. до 354 тыс. тонн в 1933 г.). О масштабах полученных Украиной в 1933 г. продовольственных ресурсов свидетельствует тот факт, что во время голода 1921–1922 гг. вся международная помощь голодающим в Советской России, включая пять областей Украины, составила 568 тыс. тонн.

Почему именно в Украину в 1933 г. было направлено из Центра такое огромное количество зерна? Потому что в УССР сложилась наиболее острая ситуация в зерновых районах, поставившая под угрозу срыв посевной кампании, чего сталинское руководство не могло допустить из-за особой роли республики в зерновом производстве страны. В 1932 г. ситуация была иной; основные ссуды получили зерновые районы СССР, подвергшиеся засухе, где в 1931 г. был крайне низкий урожай. В Украине же в 1931 г. ситуация была более благоприятной. И именно по этой причине она стала тогда особым объектом хлебозаготовок, а в 1932 г. ей было предоставлено наименьшее количество продовольственной и семенной помощи.

Говоря о ситуации 1932 г. в Украине, необходимо особо подчеркнуть, что ответственность за начавшейся голод и несвоевременную реакцию на него Центра несет в немалой степени руководство

УССР, фактически обманувшее Сталина. Об этом красноречиво говорит, например, письмо Сталину секретаря ЦК КП(б)У Косиора от 26 апреля 1932 г. В нем Косиор писал: «У нас есть отдельные случаи и даже отдельные села голодающие, однако это только результат местного головоотяпства, перегибов, особенно в отношении колхозов. Всякие разговоры о «голоде» на Украине нужно категорически отбросить. Та серьезная помощь, которая Украине была оказана, дает нам возможность все такие очаги ликвидировать» (Голодомор 1932–1933 років в Україні: документи і матеріали / Упоряд. Р. Я. Пиріг; НАН України. Ін-т історії України. К.: Вид. дім «Киево-Могилянська академія», 2007. С. 127 – 128).

В самый пик голода в российских регионах забиралось продовольствие для Украины. Вот лишь один пример — шифрограмма И. В. Сталина и В. М. Молотова секретарю Центрально-Черноземного обкома И. М. Варейкису от 31 марта 1931 г. с требованием отгрузить Донбассу 26 тыс. тонн картофеля.

Согласно постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 1 июня 1933 г. «О распределении тракторов производства июня — июля и половины августа 1933 года» из 12 100 тракторов, запланированных к поставке в регионы СССР, Украина должна была получить 5500 тракторов, Северный Кавказ — 2500, Нижняя Волга — 1800, ЦЧО — 1250, Средняя Азия — 550, ЗСФСР — 150, Крым — 200, Южный Казахстан — 150. Таким образом, российские регионы вместе взятые получали 5700 тракторов (47 %), а одна Украина — 5500 (45,4 %) ²⁵⁶.

В этом же ключе следует рассматривать и решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 декабря 1933 г. о закупке 16 тыс. рабочих лошадей для Украины в БССР и Западной области. Учитывая реальную ситуацию в СССР в 1933 г., в том числе распространение голода и на территорию Белоруссии и Западной области, можно предположить, что Украина получила несомненную льготу в данной части по сравнению с другими регионами страны ²⁵⁷.

И наконец, «проукраински» выглядят даже решения Политбюро ЦК от 23 декабря 1933 г. и от 20 января 1934 г. о развертывании индивидуального огородничества, крайне необходимого в условиях начавшегося в СССР в 1930-е гг. перманентного голода. «Идя навстречу желаниям рабочих — обзавестись небольшими огородами для работы на них собственным трудом в свободное время от работы на производстве», ЦК ВКП(б) постановило разрешить в 1934 г. 1,5 млн рабочих заняться собственными индивидуальными огородами. Были намечены следующие размеры развертыва-

ния по областям индивидуальных рабочих огородов на 1934 г.: Украина — 500 тыс. чел. (в том числе по Донбассу — 250 тыс. чел.); Московская область — 250; Ивановская область — 150; Западная Сибирь — 100; Восточная Сибирь — 60; Горьковский край — 50; ДВК — 50; Казахстан — 50; Ленинградская область — 50; Северный край — 40 тыс. чел. Таким образом, «украинская доля» рабочих-огородников в общей массе рабочих СССР, допущенных к занятию огородничеством, составила 500 тыс. чел., или 33,3 %!²⁵⁸

«Особое внимание» к Украине со стороны сталинского режима определялось ролью республики в общесоюзном зерновом производстве и соответственно хлебозаготовках. Так, например, из общего плана хлебозаготовок 1931 г. (1492 млн пудов) 510 млн пудов приходилось на Украину, что составляло 34 %. На все другие основные зерновые районы РСФСР, без Казахстана, а именно: СКК, ЦЧО, НВК, СВК, Урал, Западную и Восточную Сибирь — оставалось 672 млн пудов, или 45 %²⁵⁹. Именно данным обстоятельством объясняется характер «сталинской твердости» по отношению к Украине и другим зерновым районам СССР. Власти нужен был хлеб, и она его брала там, где он был, применяя самые крайние меры по отношению к крестьянству в случае противодействия.

Важнейший вопрос дискуссии — это причины огромных жертв Украины во время голодомора. По нашему мнению, точнее всех в определении величины демографических потерь Украины в 1932–1933 гг. оказывается С. Уиткрофт как специалист, досконально изучивший источники по данной теме, самый авторитетный зарубежный специалист в области изучения демографических потерь СССР в 1930-е гг. По его мнению, число жертв голода находится в пределах 6–7 млн чел., в том числе 3,5–4 млн на Украине²⁶⁰.

С другой стороны, следует вспомнить некоторые факты, относящиеся к подсчету количества жертв голода в Поволжье и на Южном Урале.

Располагая информацией о повсеместном распространении голода в регионе, автор столкнулся, как ему показалось на первый взгляд, с заниженными официальными цифрами голодной смертности. Изучив материалы 65 районных архивов ЗАГС, сопоставляя их с другими источниками, он пришел к выводу, что в пределах селения сельсовет фиксировал почти всех умерших, если не сразу, то чуть позже. В своем селе все друг друга знали, и поэтому факт смерти одного человека или семьи не мог остаться незамеченным.

Другое дело — умершие вне пределов селения. Но и здесь, на примере железнодорожного узла Ртищево Саратовской области

(в 1932–1933 гг., Нижне-Волжский край), автор убедился, что умерших неизвестных лиц, как правило, беженцев из голодных сел, хоронили в общей яме на кладбище, но выписывали при этом соответствующий акт о смерти.

Сопоставив цифры убыли сельского населения и прибыли городского в Поволжье во время голода, приходим к выводу, что бо́льшая часть бежавших крестьян устроилась в городе, на стройках и не погибла от голода. На это указывают и свидетельства очевидцев. В селениях умирали самые слабые и нетрудоспособные. Те же, кто мог спастись, уходили. И в первую очередь спасались крестьяне работоспособного возраста. Хотя нередко было и по-другому, и немало отчаявшихся умирали от истощения в пути.

Скорее всего на Украине было так же, и думается, что и там гораздо больше крестьян спаслись в городах и на стройках первой пятилетки, чем это принято считать. В данном контексте хотелось бы иметь специальные исследования по конкретным селениям, где была бы установлена как можно точнее судьба бежавших от голода крестьян.

Огромные потери жителей Украины от голода определяются, с одной стороны, размерами территории республики и численностью ее населения, проживавшего в сельской местности, в зоне сплошной коллективизации. С другой стороны, они стали результатом более жестких мер властей по установлению контроля над стихийной миграцией голодающего населения, цель которых была в сохранении колхозного производства. Характер этих мер определялся опять же огромной территорией Украины, ее пограничным, стратегическим положением по сравнению с другими зерновыми районами СССР.

В то же время, демографическая статистика убедительно свидетельствует о пропорциональных размерах жертв голода в его эпицентрах, каковыми являлись зерновые районы. Так, например, если сравнить в процентном отношении сокращение сельского населения на Украине и в зерновых районах России между переписями 1926 и 1937 гг., то окажется, что картина примерно одна и та же, что подтверждает факт примерно одинаковой остроты голода 1932–1933 гг., в данных районах СССР.

Приведем некоторые факты, подтверждающие эту точку зрения относительно масштабов и последствий трагедии 1932–1933 гг. в России и на Украине.

Согласно переписи 1926 г. в сельских районах России, оказавшихся в эпицентре голода 1932–1933 гг., проживало в общей слож-

ности 21 911 158 чел. (Поволжье и Южный Урал — 10 411 182 чел., Северный Кавказ — 1 446 958, ЦЧО — 10 053 018 чел.). Соответственно в сельской местности Украины — 23 663 113 чел.²⁶¹ Цифры примерно сопоставимы, так же как и демографические потери во время голода. Разница была лишь в том, что несопоставима плотность сельского населения на Украине и в зерновых районах РСФСР, пораженных голодом. На огромной территории РСФСР (исключая Казахстан, Сибирь, Дальний Восток), оказавшейся в эпицентре голода, проживало примерно столько же сельского населения, как и на Украине.

Имеются в виду расчеты, осуществленные ведущим российским демографом в области изучения демографической ситуации в СССР в 1930-е гг. В. Б. Жиромской, основанные на анализе материалов Всесоюзных переписей 1926 и 1937 гг.:

Таблица

Убыль населения в 1937 г. по сравнению с 1926 г., %*

Районы	Все население	В том числе сельское население
РСФСР, в том числе:		
Саратовская область	- 23,0	- 40,5
АССР немцев Поволжья	- 14,4	- 26,0
Курская область	- 14,3	- 17,6
Воронежская область	- 2,1	- 10,4
Куйбышевская (Самарская) область	- 7,8	- 10,3
Сталинградская область	+ 2,8	- 18,4
Татарская АССР	+ 5,8	- 6,0
Кировская область	- 0,3	- 8,8
Мордовская АССР	- 5,4	- 9,0
Северо-Кавказский край	- 4,1	- 15,3
Азово-Черноморский край	- 0,7	- 20,8
Челябинская область	+ 8,0	- 27,7
Казахстан	- 15,8	- 31,9
Украина	- 1,9	- 20,4

* Российская газета. 2006. 6 дек. № 274. С. 9.

Данные таблицы позволяют сравнить масштабы демографических потрясений в 1930-е гг., в том числе в результате «вели-

кого голода». Из таблицы следует, что как минимум четыре региона тогдашней РСФСР — Саратовская область, АССР немцев Поволжья, Азово-Черноморский край, Челябинская область — пострадали больше, чем Украина. Что же касается Украины, то ее сельское население уменьшилось на 20,4 % — это очень много, но общее население уменьшилось не так уж сильно — всего на 1,9 %. Данный факт позволяет подтвердить нашу гипотезу о необходимости учета фактора стихийной миграции учеными Украины при расчетах общего числа жертв голода 1932–1933 гг. Из приведенной таблицы очевидно, что миграцию украинского сельского населения поглощала в основном украинская же индустрия.

По мнению И.Е. Зеленина, сравнительный анализ материалов переписей 1926 и 1937 г. следующим образом показывает сокращение сельского населения в районах СССР, пораженных голодом 1932–1933 гг.: в Казахстане — на 30,9 %, в Поволжье — на 23, на Украине — на 20,5, на Северном Кавказе — на 20,4 %²⁶².

Таким образом, налицо примерно одинаковая картина развития демографической и общей ситуации в России и на Украине в рассматриваемый период.

Автор убежден, что корректнее в научном отношении и дальновиднее в политическом говорить о голоде 1932–1933 гг. в советской деревне, а не на Украине исключительно. Пусть память об этой трагедии объединяет, а не разъединяет братские народы.

Глава 5

ВЫХОД ИЗ ГОЛОДНОГО КРИЗИСА

§ 1. Голод, которого не было

Как известно, в досоветский период и в 1921–1922 гг. власти не замалчивали факт наступившего голода в стране. Хотя и с запозданием, но предпринимались меры по мобилизации всех имеющихся ресурсов для снижения его остроты в наиболее пораженных голодом районах. Лучшие представители отечественной интеллигенции стремились помочь попавшему в беду крестьянству. Например, в 1891–1892 гг. выдающийся русский историк В. О. Ключевский читал платные лекции в пользу голодающих¹. Л. Н. Толстой и многие другие представители интеллигенции и российской общественности занимались благотворительностью. Широко известна позиция большевистского правительства В. И. Ленина во время голода 1921–1922 гг., обратившегося за помощью к Западу и принявшего эту помощь². По-другому развивалась ситуация в 1933 г.

Историками установлено, что в 1932–1933 гг. резервный зерновой фонд страны составлял почти 2 млн т. Из этого зерна голодающим не было выделено ни грамма. Нетрудно подсчитать, что, если бы в первой половине 1933 г., в самый пик голода, этот хлеб поступил голодающим в размере полугодовой нормы на человека в 100 кг, его хватило бы по крайней мере 20 млн чел., чтобы не умереть с голоду. Но и этим дело не ограничивалось. В условиях начавшегося страшного голодомора в зимние месяцы 1932/33 г. сталинское руководство продолжало экспортировать из СССР зерно. Решение о прекращении экспорта зерновых культур было принято Политбюро ЦК только 4 апреля 1933 г.³

Новым явлением в истории голодных лет в России стало замалчивание властью факта голода. Более того, ему не была затребована помощь из-за границы. Напротив, под предлогом отсутствия фак-

та голода в стране как такового, в целях поддержать свой престиж на международной арене и внутри страны, сталинский режим отказался от помощи.

ЦК ВКП(б), Советское правительство и лично Сталин располагали исчерпывающей информацией о наступившем в стране голоде. Еще летом 1932 г. Молотов, вернувшись с Украины, на заседании Политбюро ЦК ВКП (б) заявлял: «Мы стоим действительно перед призраком голода и к тому же в богатых хлебных районах»⁴. В дневниковых записях Л. М. Кагановича, датированных ноябрем 1932 г. — февралем 1933 г., воспроизводится следующий рассказ секретаря Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Б. П. Шеболдаева: «Недостаток продовольствия наиболее остро чувствуется в Ново-Александровском районе. Выезжающие из крайкома работники ОГПУ констатировали около 100 случаев смерти от голода. В особенно тяжелом положении некоторые активисты и часть единоличников»⁵.

По мере нарастания голодного кризиса местные органы власти, представители общественности и рядовые граждане направляли высшему руководству страны многочисленные письма с просьбами о помощи. Так, например, на имя Сталина было направлено письмо из Шарлыкского района Средне-Волжского края колхозника, подписавшегося псевдонимом «Аноним», в котором сообщалось, что в районе крестьяне «крайне оборваны, истощены», «питание самое скверное», «хлеба нет», «запаса нет», «призрак голода стоит перед всеми, так как на помощь власти никто не надеется». Неизвестный автор причиной подобной ситуации называет хлебозаготовки, в ходе которых было изъято «громадное количество хлеба»⁶.

В августе 1932 г. председатель СНК Казахской АССР У. Д. Исаев проинформировал Сталина о том, что в районах Центрального Казахстана значительная часть населения голодает, тысячи людей умирают от голода, общее количество хозяйств края по сравнению с 1931 г. сократилось на 25 %⁷.

В конце 1932 г. о массовом голоде на Украине Сталину лично сообщил секретарь ЦК КП(Б) Украины и Харьковского обкома партии Р. Терехов. Реакция вождя была следующей: «Нам говорили, что вы, товарищ Терехов, хороший оратор, оказывается, вы хороший рассказчик — сочинили такую сказку о голоде, думали нас запугать, но — не выйдет! Не лучше ли вам оставить пост секретаря обкома и ЦК КП(б) и пойти работать в Союз писателей; будете сказки писать, а дураки будут читать»⁸. Через две недели Терехов был снят с работы.

Зампредседателя СНК РСФСР Т.Р. Рыскулов в докладной записке на имя Сталина, датированной мартом 1933 г., приводил многочисленные факты выпавших на долю населения Казахстана страданий и просил его «вмешаться в это дело и тем самым спасти жизнь многих людей, обреченных на голодную смерть»⁹.

Весной 1933 г. ЦИК СССР получил информацию о положении в Республике немцев Поволжья от иностранного инженера Мозига, посетившего во время отпуска юг страны, в том числе Поволжье. Увиденное настолько поразило его и «стояло в таком противоречии с указаниями Сталина и ЦК», что он посчитал своим долгом сообщить об этом высшему руководству СССР. В письме указывалось: «В республике сельское население умирает с голоду, поля и деревни частью покинуты, окна домов забиты. В городах на левобережье Волги бродят умирающие люди. Трупы хоронятся кучами. Урожай зреет на полях, но убирать его будет некому». Инженер предложил немедленно направить в Республику немцев Поволжья следственную комиссию для наказания виновных в случившемся развале сельского хозяйства, а также привлечь для уборки урожая части Красной Армии¹⁰.

В 1933 г. Ф. Раскольников (Черноморский флот) и командующий Киевским военным округом И. Якир направляли Сталину официальные письма с просьбами о помощи голодающим¹¹.

О голоде на Северном Кавказе, в донских станицах и хуторах Сталина информировал известный советский писатель М. А. Шолохов¹².

Специальное письмо о голоде в Республике немцев Поволжья было направлено Сталину группой советских писателей во главе с Б. Пильняком. В нем они сообщили о фактах голодной смерти колхозников, во время полевых работ умиравших прямо в борозде, употреблении в пищу голодными крестьянами суррогатов¹³. ОГПУ, ответственные работники Республики немцев Поволжья и Нижне-Волжского края проверили эти факты и доложили Сталину, что «приводимые в документе писателей цифры смертности по г. Энгельсу (речь шла о смертях от голода. — В. К.) взяты из загса и соответствуют действительности»¹⁴.

14 мая 1933 г. секретарь Башобкома ВКП(б) А. Р. Исанчурин направил Сталину докладную записку о продовольственном положении колхозов Башкирии, в которой отметил: «Положение снабжения колхозов катастрофическое. На почве голода массовое опухание семей нетрудоспособных, на производстве имеются случаи смерти даже в борозде»¹⁵.

Даже жена Сталина Надежда Аллилуева, возможно, пыталась открыть ему глаза на голод. Студенты Института народного хозяйства, который она посещала, якобы рассказывали ей о случаях людоедства и торговли человеческим мясом в районах смертности от голода. «Аллилуева, — писал в своих воспоминаниях генерал НКВД А. Орлов, — пораженная ужасом, пересказала этот разговор Сталину и начальнику его личной охраны Паукеру»¹⁶. Были и другие многочисленные факты.

Так, например, 5 июля 1933 г. секретарь Уфимского ОК ВКП(б) и председатель облисполкома Быкин и Булашев направили ЦК ВКП(б) на имя Сталина следующую шифрограмму: «Положение с хлебом в ряде районов чрезвычайно тяжелое, есть масса случаев голодания, в том числе семей красноармейцев, также случаи голодной смерти (Давлекановский, Мечетлинский, Карагушевский, Карайдельский и другие районы), поедания павших животных»¹⁷.

Руководители Советского правительства, секретари ЦК ВКП(б), так же как и Сталин, получали с мест исчерпывающую информацию о голоде¹⁸.

Таким образом, не вызывает сомнений факт полной осведомленности руководства страны относительно географии и интенсивности разразившегося в стране голода. Власти на этот факт реагировали так: замалчивали. Это был первый в истории страны «секретный», «тихий» голод, когда миллионы людей голодали и умирали от голода, а власть не только делала вид, что ничего не происходит, но и публично заявляла о всенародном благополучии.

Установка на замалчивание голода исходила от самого Сталина. Тему голода он затронул на Январском, 1933 г. объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). В выступлении на пленуме Сталин привел отзыв американской газеты «Нью-Йорк таймс», которая на своих страницах в ноябре 1932 г. заявила, что «коллективизация позорно провалилась» и «привела Россию на грань голода»¹⁹. Генеральный секретарь опроверг точку зрения американской прессы, приведя цифры коллективизированных крестьянских хозяйств в стране и доложил о достижениях промышленности за годы первой пятилетки. Чтобы не допустить новых критических публикаций на Западе, Советское правительство запретило свободное передвижение по территории, пораженной голодом, иностранных журналистов. Сталин был возмущен, когда узнал о том, что американские корреспонденты смогли побывать на Кубани и по итогам поездки «состряпать гнусность» о положении в крае. В записке

Кагановичу и Молотову, датированной не ранее 19 февраля 1933 г., он указал: «Надо положить этому конец и воспретить этим господам разъезжать по СССР. Шпионов и так много в СССР»²⁰. Зато он всячески поддерживал тех западных журналистов и деятелей культуры, которые симпатизировали СССР и восхваляли успехи его режима. Показательны в этом плане публикации, посвященные пребыванию в СССР английского писателя и драматурга Б. Шоу и супругов Вебб. В частности, 27 июня 1932 г. газета «Известия» опубликовала информацию ТАСС из Лондона под заголовком: «Б. Шоу издевается над распространителями антисоветской клеветы». В ней приводилось помещенное в лондонской «Дейли экспресс» окончание ответа Б. Шоу на статью английского журналиста Вестгарта о его впечатлениях от поездки в СССР, ранее опубликованной в данной газете. Б. Шоу выразил сожаление о том, что «Вестгард после пребывания в СССР не нашел ничего другого сообщить, кроме “обычной чепухи”, которую всякий нуждающийся журналист в Европе выдумывает, даже и не ступив ногой на советскую территорию, чтобы иметь возможность продать свою статью антисоветским газетам». Особенное его недовольство вызвало заключение Вестгарта о том, что «коммунизм еще не спас все 160 млн русских от нищеты». Б. Шоу, вспоминая свое недавнее пребывание в СССР, фактов голода и нищеты населения не заметил²¹. Аналогичного содержания были публикации советских газет о пребывании в СССР летом 1932 г. английской четы Вебб, превозносившей успехи социалистического строительства в многочисленных интервью журналистам²².

Сталин также активно участвовал в создании мифа о всенародном благополучии в результате выполнения первой пятилетки. «Мы несомненно добились того, что материальное положение рабочих и крестьян улучшается у нас из года в год. В этом могут сомневаться разве только заклятые враги Советской власти»²³, — цинично заявил он на Январском объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). Не только на всю страну, но и на весь мир он заявил, что «колхозники забыли о разорении и голоде» и поднялись «на положение людей обеспеченных». Выступая на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 г., Сталин бездоказательно заключил, что крестьяне в колхозах «работают для того, чтобы изо дня в день улучшать свое материальное и культурное положение [...], что главные трудности уже пройдены, а те трудности, которые стоят перед вами (колхозниками. — В. К.), не стоят даже того, чтобы серьезно разговаривать о них»²⁴.

Лишь в сентябре 1940 г. Сталин публично признал факт голода в СССР в первые годы существования колхозного строя. Выступая на закрытом совещании в Кремле, посвященном обсуждению сценария фильма «Закон жизни», он мельком обронил фразу: «У нас, например, миллионов 25–30 людей в прошлом голодало, хлеба не хватало»²⁵.

Сталинскую линию на замалчивание голода и прославление успехов коллективизации активно проводило его ближайшее окружение и региональные наместники. Так, например, секретарь Северо-Кавказского крайкома партии Шеболдаев, последовательно проводивший в 1932 г. в крае сталинскую линию, прекрасно осведомленный о масштабах голода на Дону и Кубани, где смертность от голода составила в казачьих районах от 25 до 50 % общего населения²⁶, в начале 1934 г. с уверенностью повторял официальную версию о «кулацком саботаже»²⁷. Вот некоторые отрывки из «верноподданнических» выступлений на Январском объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) других сталинистов — С. Косиора и Ф. Голощекина. В то время как крестьяне Украины и Казахстана тысячами умирали от голода и переживали невыносимые страдания, эти сталинские сподвижники вещали с высоких трибун совсем о другом...

Косиор (первый секретарь ЦК КП(б)У): «Сельское население находилось в самом нищенском положении. Совершенно другое дело теперь. Переселение имело место в начале пятилетки, сейчас этот вопрос совершенно снят жизнью. Коренным образом изменилось положение крестьянских масс [...]. Сельское хозяйство Украины несомненно выросло и окрепло [...]. Колхозы, крепнущие, развивающиеся. Уровень сельского хозяйства значительно выше, чем при индивидуальном хозяйстве [...]. Партия имеет величайшие достижения в области коллективизации». Правда, «несмотря на большое количество хлеба, — продолжил он, — нам сейчас все же трудно его брать. Беда заключается в том, что колхозный хлеб пожирают имеющиеся в колхозах дармоеды и лодыри, большое количество паразитов».

Голощекин (секретарь крайкома ВКП(б) Казахстана): «Разительные успехи мы достигли в сельском хозяйстве. Произведено очень резкое изменение в сторону исключительного превалирования социалистического земледелия и животноводства [...]. Провели и проводим оседание казахского населения [...]. Мы входим во вторую пятилетку укрепленными, мы путь нашли»²⁸.

Среди коммунистов верхнего эшелона власти нашлись смелые и принципиальные люди, не побоявшиеся сказать правду о реаль-

ной ситуации в стране. Во-первых, это так называемая антипартийная группировка А. П. Смирнова, В. Н. Толмачева, Н. Б. Эйсмонта. Дело одного из ее представителей, наркома сельского хозяйства СССР А. П. Смирнова, рассматривалось на том же Январском пленуме, где выступали вышеупомянутые Косиор и Голощекин. По этому делу с докладом выступил председатель ЦКК ВКП(б) Я. Э. Рудзутак. Вот что вменялось в вину членам «антипартийной группировки»: «Эти люди заявляли, что в результате неправильной политики ЦК партии Казахстан разбежался, Украина разбежалась, разбегается Северный Кавказ»; «Получалось так, что никакой классовой борьбы нет, классового врага нет, а виноват во всем ЦК, который за срезанный колос приказывает расстреливать людей»; «По их мнению, Сталин является организатором крестьянских восстаний», «...говорили о мероприятиях, которые наметила комиссия Кагановича». О действиях бывшего наркома сельского хозяйства РСФСР Смирнова докладчик сообщил следующее: «В своих беседах заявлял: “Сволочи, подлецы, мерзавцы, до чего довели страну! До того докатились, до чего и царское правительство не докатывалось”; “До чего докатился ЦК партии, что отдает приказ о том, чтобы за срезанный колос невинного человека расстреливать”», «Смирнов заявлял: неужели не найдется у нас в стране ни одного человека, который мог бы убрать Сталина. Нужно “выбирать” — или Сталин, или крестьянское восстание», «Сталин — не Папа римский и переизбрать его можно»²⁹.

Председателя ЦКК активно поддержал на пленуме секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Шеболдаев. Он решительно заявил: «Эйсмонт и еще кто-то из этой группы Смирнова интересуются Северным Кавказом, ездят смотреть, как там обстоит дело. В одном из своих разговоров, контрреволюционных по существу разговоров, он заявил о том, что, должно быть, на Северном Кавказе весной 1933 года будет восстание. Достаточно одного этого, чтобы стало ясным, что говорит враг. Мы настолько глубоко, настолько капитально вошли во все поры деревни, что о развале колхозов, о каких-либо выступлениях, восстаниях не может быть и речи. Это форменная чепуха!»³⁰

Кроме антисталинской группы Смирнова — Эйсмонта — Толмачева, с резкой критикой генсека выступила «контрреволюционная группа Рютина — Слепкова», именовавшая себя «союзом марксистов-ленинцев». Ее члены обвинили Сталина в том, что осуществляемая под его руководством «авантюристическая коллек-

тивизация с помощью невероятных насилий и террора», «экспроприации деревни путем всякого рода поборов и насильственных заготовок» привела страну к «глубочайшему кризису, чудовищному обнищанию масс и голоду»³¹. Однако все попытки критики лично Сталина и его политики были решительно пресечены, а их инициаторы жестоко наказаны.

В 1933 г. руководство страны не только умолчало сам факт голода, но фактически возложило на крестьян ответственность за его наступление. Крестьяне оказались виновными в том, что попали под влияние «кулака» и как следствие этого — недобросовестно работали в колхозах и «саботировали хлебозаготовки». За это им и пришлось расплачиваться в 1933 г. Так, председатель СНК СССР Молотов во время пребывания в мае 1933 г. в Средне-Волжском крае, в Пензе, заявил: «Там, где лодыри, лентяи, вольтыжники [...] не интересовались честной работой в колхозе, там они уже получили от первого урожая вершки, но не получили корешков»³².

В выступлениях на Январском, 1933 г. объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) Сталина и его ближайшего сподвижника — секретаря ЦК партии Кагановича было сказано, что в 1932 г. «кулак» организовал «саботаж» хлебозаготовок и сева. Результатом «саботажа» и стали те большие трудности, с которыми в 1932 г. прошли хлебозаготовки. О том, что «острое недоедание», по сути, было частью казачьей кампании по свержению Советской власти и ослаблению колхозной системы, было записано в дневнике Кагановича по итогам его январской поездки на Северный Кавказ³³.

Об этом же шла речь в ответном письме Сталина М. А. Шолохову, датированном 6 мая 1933 г. В нем Сталин указал, что «уважаемые хлеборобы Вашего района (и не только Вашего района) проводили “итальянку”, саботаж и не прочь были оставить рабочих, Красную Армию без хлеба. Тот факт, что саботаж был тихий и внешне безобидный (без крови), — этот факт не меняет и того, что уважаемые хлеборобы, по сути, вели “тихую войну” с Советской властью. Войну на измор, дорогой тов. Шолохов», и они «не такие уж безобидные люди, как это может показаться издали»³⁴.

Сталин не только обвинил крестьян в развале сельскохозяйственного производства, но и попытался снять с себя персональную ответственность за насильственный характер хлебозаготовительной кампании 1932 г. С этой целью из проекта резолюции Январского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 1933 г. об итогах первой пятилетки он собственноручно вычеркнул следующий пункт:

«Пленум ЦК одобряет решения Политбюро по разгрому кулацких организаций (Северный Кавказ, Украина) и принятые Политбюро жесткие меры к лжекоммунистам с партбилетом в кармане»³⁵. Таким образом, вся ответственность за хлебозаготовительный беспредел была возложена вождем на председателей и членов чрезвычайных комиссий по хлебозаготовкам.

Кроме того, Сталин решил найти «козла отпущения» и в стане несуществующей «пятой колонны». Ответственность за глубочайший кризис в аграрном секторе экономики он возложил на так называемых вредителей, пробравшихся в среду специалистов сельского хозяйства. В марте 1933 г. был организован скороспелый процесс над работниками системы Наркомзема и Наркомсовхозов, по которому было привлечено 75 человек, «выходцев из буржуазных и помещичьих классов». Им было предъявлено обвинение в «контрреволюционной, вредительской работе в области сельского хозяйства в районах Украины, Северного Кавказа, Белоруссии». В постановлении коллегии ОГПУ от 11 марта 1933 г. указывалось, что члены группы участвовали в порче и уничтожении тракторов и сельскохозяйственных машин, умышленном засорении полей, дезорганизации сева, уборки и обмолота, «с целью подорвать материальное положение крестьянства и создать в стране состояние голода». К высшей мере наказания — расстрелу — были приговорены 35 человек, к 10 годам тюремного заключения — 22, к 8 годам — 18 человек. Приговор был приведен в исполнение немедленно³⁶. Характерно, что формулировка приговора — «создать в стране состояние голода» — выглядела весьма двусмысленно, так как было непонятно, удалось ли группе из 75 человек осуществить эту цель или компетентные органы пресекли их деятельность на стадии разработки этого чудовищного плана. Бесспорно лишь одно: сталинское руководство перекладывало вину «с больной головы на здоровую» и не желало открыто признать факт трагедии миллионов советских крестьян.

Руководствуясь официальной установкой (хотя и не оформленной директивно) на «замалчивание голода», СМИ развернули в стране пропагандистскую кампанию, в которой основное внимание уделялось показу трудностей жизни рабочих и крестьян в капиталистических странах и разоблачению «измышлений» западной печати о голоде в СССР. Газеты писали о том, что «капитализм вступил в четвертую голодную зиму» и непрерывно растут «безработица, нищета, голод миллионов рабочих и крестьян». Они сообщали о «вымирающих деревнях Японии», о «голоде и нищете

в фашистской Германии». В то же время о положении советской колхозной деревни публиковались материалы, превозносившие достижения коллективизации. На страницах советской печати колхозник-ударник заявлял: «Мы не только едим вдоволь, но и продаем хлеб, в первую очередь рабочему государству». О том, что «колхозники обеспечены хлебом как никогда», говорилось на состоявшемся в феврале–марте 1933 г. Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников в большинстве выступлений представителей колхозного крестьянства³⁷.

В пропагандистской кампании по восхвалению «успехов» сталинской коллективизации и разоблачению «кулацкого саботажа» участвовали многие представители советской интеллигенции. Например, известный советский писатель А. Серафимович, находясь в г. Сталинграде, 9 августа 1933 года в выступлении перед краевым партийно-хозяйственным активом заявил, что колхозные массы уже «осознали свою вину перед пролетарским государством» за то, что в 1932 г. допустили «расхищение колхозного хлеба»³⁸.

В 1932–1933 гг. со стороны нацистской Германии последовал «ряд дипломатических демаршей» с требованием прекратить «вымаривание голодом немецкого меньшинства», уже в марте 1933-го состоялись публичные выступления высших руководителей Германии с соответствующими обвинениями в адрес советского руководства. В июне в Берлине была организована выставка писем голодающих немцев из СССР, вызвавшая шок у посетителей. На улицах городов вывешивали стенды с письмами крестьян из Республики немцев Поволжья, в которых сообщалось о наступившем там голоде. В июле начался сбор пожертвований в пользу немцев в СССР. В банках открылся специальный счет «Братья в нужде», на который в числе первых внесли по тысяче марок президент Пауль фон Гинденбург и канцлер Адольф Гитлер. На эти же цели германское правительство ассигновало 17 млн марок³⁹.

Как видно из документов, размеры средств, собранных в Германии в 1933 г. для оказания помощи голодающим немцам Поволжья, были незначительными, и вся эта кампания носила больше пропагандистский характер. В частности, ОГПУ АССРНП проинформировало Москву о том, что за период с августа по ноябрь 1933 г. из Германии было получено денежных переводов на сумму всего лишь 4000 руб. Такие незначительные поступления, по мнению работников ОГПУ, «ни в какой степени» не соответствовали «размерам шумихи», поднятой по этому поводу за границей⁴⁰.

В ответ на антисоветскую кампанию в Германии в советской печати появились многочисленные статьи, опровергавшие «измышления фашистов», их «наглую клевету» и «бездарную ложь» о положении в АССРНП. В центральной и местной печати публиковались письма немцев-колхозников о том, что они «сыты и работают с огромным удовлетворением» и готовы «сдачей пшеницы государству» ответить «на наглую клевету фашистов»⁴¹.

Советскую контрпропаганду по этому вопросу организовывал и контролировал ЦК ВКП(б). 9 июля 1933 г. заведующий культпропом ЦК Стецкий направил в г. Энгельс секретарю ОК ВКП(б) АССРНП Фрешеру телеграмму следующего содержания: «Германские фашисты проводят клеветническую кампанию помощи якобы голодающим немцам СССР, в основном Немреспублики, демонстративные сборы пожертвований, собрания и прочее. Вам предлагается организовать кампанию протеста против клеветы фашистов в виде постановлений колхозных и профсоюзных собраний, писем и заявлений, радиопереклички данными о культурном и материальном росте Немреспублики, отдельных колхозов и всего населения, передаваемых в местную и центральную прессу»⁴². Судя по всему, ЦК оказалось недовольным первыми шагами руководства АССРНП в данном направлении. Поэтому спустя два дня, 11 июля 1933 г., последовала еще одна телеграмма Стецкого в обком Немреспублики. В ней указывалось: «Материал, присланный в ответ на директиву ЦК, неудовлетворителен. Немедленно обеспечьте присылку ТАССу резолюций колхозников, в которых на конкретных примерах, фактах, цифрах показывалось бы улучшение жизни немцев-крестьян в результате коллективизации»⁴³. Несмотря на поток официальных публикаций местной прессы об «успехах» немецкой автономии и других пропагандистских действий местной власти, ПП ОГПУ по Нижне-Волжскому краю констатировал «усиление националистического, фашистского влияния и настроений в АССРНП»⁴⁴. Подобными фразами ОГПУ прикрывало факт недовольства немецких крестьян своим ужасным положением, неприятие им лживой советской пропаганды.

Почему сталинское руководство замалчивало голод? В 1933 г. американская коммунистка Анна Луиза Стронг на этот счет получила следующее объяснение от одного из советских чиновников. Он заверил ее, что Советское правительство делало все для того, чтобы контролировать голодный кризис⁴⁵. Но говорить об этом публично было опасно с точки зрения международного ав-

торитета большевиков, так как империалисты сразу же используют этот факт в качестве идеологического оружия против СССР. Ведь погодные условия были нормальными, а тут голод!⁴⁶ Здесь уместно напомнить, что и индийский голод 1876–1878 гг. также был объявлен «под контролем» Литтоном, непосредственно занимавшимся этой проблемой. И об эффективности этого контроля Литтону язвительно заметил придерживающийся иного мнения английский журналист Дигби, указавший на смертность от голода четверти населения колонии⁴⁷.

Исходя из политической линии на замалчивание голода действовали и местные власти. Они решительно пресекали любые разговоры о голоде, «вдохновителей пускания слухов о голоде» подвергали аресту. Органам ЗАГС было запрещено регистрировать голодную смертность в районах голода⁴⁸. Так, например, 17 февраля 1933 г. на слете районного партийного актива Тамалинского района Нижне-Волжского края было заявлено: «Не надо верить тому, что хлеба нет. Фактов, что с голоду пухнут, у нас нет. Нам втирают очки»⁴⁹. В действительности все было как раз наоборот. Только по сведениям начальника политотдела Тамалинской МТС, с января по май 1933 г. в районе было установлено 1028 фактов опухания колхозников от голода и 725 смертей на этой почве⁵⁰.

23 февраля 1933 г. по итогам поездки по сельским районам Нижне-Волжского края секретаря крайкома Птухи бюро крайкома приняло постановление о выявлении и привлечении к ответственности «организаторов и вдохновителей пускания слухов о голоде»⁵¹. Постановление выполнялось особенно по отношению к сельским коммунистам. Те из них, кто выражал сомнение в правильности хлебозаготовительной политики партии и коллективизации в целом, кто вел с односельчанами разговоры на эту тему, немедленно исключались из партии⁵².

Специальным распоряжением ОГПУ работникам загса г. Энгельса Республики немцев Поволжья было запрещено оформлять акты о смерти граждан с записью причины смерти: «умер от голода». Объяснялось данное распоряжение обстоятельством, что «контрреволюционные элементы», засорявшие статистический аппарат, якобы пытались «всякий случай смерти мотивировать голодом» с целью «сгущения красок для определенных антисоветских кругов»⁵³. Судя по всему, подобные запреты распространялись и на остальные структуры учета естественного движения населения, так как в изученных нами актовых книгах лишь 4 % акто-

вых записей о смерти в 1933 г. непосредственно указывают на смерть крестьян от голода и сопутствующих им болезней.

В то же время в местных загсах были работники, которые не просто нарушали наложенный сверху запрет на регистрацию голодных смертей, но и, регистрируя смертность от голода, демонстративно выделяли этот факт в своей отчетности. Например, в книге записей актов гражданского состояния о смерти за 1933 г. по с. Обливное Аркадакского района Нижне-Волжского края, в начале книги, на полстраницы большими цифрами написано «1933 год», и далее в актах о смерти указаны многочисленные факты голодных смертей в данном селе в этом году⁵⁵. Среди актовых записей о смерти за 1933 г. по Ахтубинскому сельсовету Баландинского района Нижне-Волжского края в акте № 6 в графе «причина смерти» большими буквами написано слово «голодовка»⁵⁵.

Работники загсов не всегда следовали инструкциям. Происходило это, видимо, потому, что им было нелегко оставаться беспристрастными свидетелями разыгравшейся трагедии. На наш взгляд, именно чисто эмоциональный момент подталкивал их, вопреки запрету, писать в актах подлинную причину высокой смертности в подотчетных им селениях. О том, что это было именно так, подтверждает то обстоятельство, что у работников загса существовала возможность без всякого для себя риска обойти запретное слово «голод» и в то же время добросовестно исполнить возложенные на них обязанности по регистрации всех фактов смертей в голодающей деревне. И подавляющее большинство из них воспользовались этой возможностью.

Так, например, в 1933 г. в актовых записях о смерти впервые в огромном количестве, по сравнению с предшествующими годами, появились такие записи причин смертности населения, как умер «по неизвестным причинам», «от слабости» и т. п. Причем появление этих записей не было связано с сокращением числа медицинских работников на местах, дававших врачебное заключение о причинах смерти. Оно не было обусловлено и неожиданной потерей большинством медработников, обслуживавших в 1933 г. сельское население, своей квалификации. Трудно себе представить, чтобы вдруг сразу же сельские врачи и фельдшера перестали понимать, от чего и как умирают в их селениях десятки и сотни крестьян, с которыми они совместно проживали многие годы! Это же относится и к работникам сельских Советов, которые непосредственно вели учет фактов гражданского состояния на территории Совета. Поэтому появление в 1933 г. в актовых записях о смерти

указаний на смерть крестьян «по неизвестным причинам» было результатом выполнения работниками органов учета спущенной сверху установки на замалчивание голода.

В подтверждение обратимся к нескольким документам архивов загсов, содержащих сведения о динамике смертности в сельской местности Нижне-Волжского края в 1932–1933 гг. Так, в 1933 г. на территории Малокнязевского сельсовета Баландинского района из 219 умерших за год крестьян 192 чел. зафиксированы как «умершие по неизвестным причинам». В 1932 г. смертность на территории сельсовета составила 62 чел., в 1934 г. — 38 чел., и все причины смерти были известны⁵⁶. В 319 актовых записях о смерти за 1933 г. по Рассказанскому сельсовету Балашовского района в графе актов «причина смерти» стоит пропуск. В то же время в 1932 г. из 83 актов о смерти, имеющих в наличии в актовой книге, все причины смерти названы⁵⁷.

То, что смерть крестьян в 1933 г. по «неизвестным причинам» на самом деле была смертью на почве голода, можно увидеть по некоторым записям в актах о смерти. Так, в с. Алексеевка Базарно-Карабулакского района в 1933 г. был зарегистрирован 401 умерший. В 1932 г. в селе умерли 124 человека. Существенный рост смертности в 1933 г. был вызван наступившим голодом. Но в актах о смерти за 1933 г. записей об этом не сделано. Все причины смерти объявлены неизвестными. В одном из актов в графе «причина смерти» зачеркнуто слово «голод» и причина смерти вообще не указана⁵⁸. В актовой книге о смерти за 1933 г. по Шкловскому сельсовету Баландинского района в графе «причина смерти» в 36 актах зачеркнуто слово «голодовка» и вместо него сделана запись: «неизвестно». В 1932 г. на территории Шкловского сельсовета, согласно актовым записям, было зарегистрировано 44 умерших. Из них никто не умер по «неизвестным причинам»⁵⁹.

Голодная смертность прикрывалась и таким диагнозом, как «слабость». Например, в с. Яблочное Лысогорского района в 1933 г. из 102 умерших 50 человек были записаны как умершие от «слабости». В 1932 г. смертность в селе составила 27 чел., и никто из них не умер от «слабости»⁶⁰. Конечно, от «слабости» люди не умирали в обычных условиях и в самом трудоспособном возрасте. Например, в селе Александровка Аркадакского района 2 июня 1933 года зарегистрирован факт смерти от «слабости» двадцатилетнего Е. П. Андреева⁶¹. В документах загсов имеются и другие многочисленные записи об умерших в 1933 г. в селениях Нижне-Волжского края «от слабости» двадцати-тридцатилетних крестьян. В дей-

ствительности все они стали жертвами голода, скрытого органами учета по указке сверху.

Сталинское руководство не только замалчивало голод, но и отказалось от помощи, предлагаемой СССР различными западными общественными организациями. Такой практики еще не знала новейшая история. Как правило, даже в случае наличия жесткой цензуры и нежелания по политическим соображениям «раздувать» масштабы бедствия, правительства допускали благотворительную деятельность международных организаций и частных лиц, если она не выходила за рамки закона. Вот лишь некоторые эпизоды по данному сюжету.

Организация международной помощи голодающим стала важным фактором влияния на ситуацию в пораженных бедствием странах, особенно с XIX столетия, когда широкое распространение получили миссионерское движение и социалистические идеи. Миссионеры и филантропы закупали продовольствие для бедных и доставляли его им. Например, в период голода в Ирландии туда поступала помощь от американских индейцев, квакеров и католической церкви⁶². Помощь поступила даже от англичан, к которым ирландцы относились с предубеждением. «В знак солидарности с индийскими фермерами» канзасские популисты направили в голодающие районы Индии 200 тыс. мешков зерна. Помощь пришла и от других американских общественных организаций. Эта спонтанная международная солидарность к попавшим в беду людям была проявлена до распространения в мире идей марксизма о так называемом «пролетарском интернационализме». В голодающих районах миссионеры раздавали нуждающимся тарелки с бесплатным супом. С точки зрения укрепления в Китае позиций английского империализма, в засушливом 1877 г., вызвавшем голод, благотворительная деятельность христианских миссионеров оказалась эффективнее «дюжины войн»⁶³.

В то же время деятельность миссионеров не всегда получала такую оценку от официальных властей. Иногда считалось, что связанные с риском усилия миссионеров по спасению голодающих создавали препятствия для формирования рынка «свободных рук». Так, например, сэр Темпл в 1877 г. зашел так далеко в этом вопросе, что утвердил специальный акт («Anti-Charitable Contribution Act»), который запрещал под угрозой тюремного заключения частные денежные пожертвования, потенциально препятствовавшие установлению рыночной цены на зерно. Не случайно поэтому, что самые убийственные оценки действиям коло-

ниальной администрации Великобритании в периоды голода даны именно американскими и английскими миссионерами, непосредственно видевшими все собственными глазами. Например, в 1897 г. они жаловались, что их усилия по организации международной помощи в Индии саботировались правительством⁶⁴. Конечно, намеренного саботажа с целью «уморить голодом» как можно больше индийцев у английского правительства не было, просто англичане действовали с точки зрения получения максимальной выгоды, связанной с эксплуатацией основных богатств завоеванных ими колоний.

Как уже говорилось, сталинский режим отказался от международной помощи голодающим советским крестьянам. А помощь эта могла быть значительной. Следует напомнить, что, несмотря на Великую депрессию, за рубежом существовало немало частных лиц и общественных организаций, настойчиво стремившихся переправить продовольствие в СССР, особенно для голодающих детей Украины и Республики немцев Поволжья. Среди них были германский комитет «Братья в нужде», международный комитет помощи под председательством кардинала Инницера, архиепископа Вены, Украинский центральный комитет помощи и другие⁶⁵. Центральный комитет менонитов, Объединенная русская национальная организация и различные группы украинской диаспоры пытались оказать давление на государственного секретаря США Хилла и даже президента Рузвельта, чтобы они убедили Советское правительство принять помощь. Думается, что только Рузвельт мог бы выстроить мост между несовместимыми реальностями — «советской гордостью за великие достижения» и голодающими крестьянскими детьми — в виде продажи СССР по дешевым ценам излишков продовольствия. Данный шаг был бы свидетельством доброй воли США по отношению к СССР в связи с установлением официальных дипломатических отношений. Акт признания как бы «покрывал» возможные идеологические и политические издержки СССР, согласившегося принять американскую помощь. Высоким сторонам удалось бы «сохранить свое лицо». Кроме того, от этого шага была бы несомненная польза американским фермерам⁶⁶.

Но подобный вариант, вполне допустимый для США, не имел шансов на реализацию с советской точки зрения. Для сталинского режима согласие принять помощь стало бы, возможно, еще более уязвляющим ударом по его престижу, чем закупки продовольствия за границей. На это менее всего рассчитывали и сами кре-

стьяне, включая колхозников, имевших родственников за границей. Подобную ситуацию обнаружил Де Уолл в Судане, где крестьяне были изумлены фактом получения американской помощи. «Кто такой Рейган?» — спросил один из них⁶⁷.

В отличие от империалистов, отказ Сталина от помощи не был обусловлен фискальными мотивами. Скорее это было желание сохранить образ страны, уверенно шагающей вперед, готовой к отражению вражеских атак. Наиболее точной сравнительной аналогией, возможно, является Эфиопия под управлением императора Хайли Селасси. В постколониальную эпоху она была передовой линией происходящего в Африке процесса укрепления власти местных элит («Black Power Movement»). Смертность от голода обычно принижалась или вообще полностью отрицалась, чтобы создать более благоприятный имидж новой эфиопской элите, с целью привлечения инвестиций в экономику, а также на военные цели, поскольку Эфиопия выступала в качестве надежного проводника в регионе американских интересов. Голодные эфиопские крестьяне, бросавшие свои деревни в поисках пищи, в конце концов выставили напоказ свое реальное положение и разрушили существовавший стереотип «процветающей Эфиопии», насаждаемый императором и его чиновниками⁶⁸.

В то же время Эфиопия дала и другой пример — открытости страны в период голодного бедствия — создавший ей имидж самой бедной страны Африки, символа бедности во всем мире. В 1984 г. весь мир с содроганием смотрел телевизионные кадры из Эфиопии, запечатлевшие истощенных детей с безжизненным взглядом. До сих пор этот образ Эфиопии остается доминирующим в общественном сознании американцев⁶⁹. В этой связи можно сказать, что сталинский образ гордых масс трудового народа, успешно взявших в свои руки судьбу страны, в течение долгого времени мог быть полезнее для советских граждан, чем образ спасенных благодаря иностранной помощи во время голода людей, а тем более разрушенного коллективизацией сельского хозяйства.

В кратковременной перспективе пример бедной страны, сумевшей выстоять во враждебном окружении империалистических держав и совершить грандиозный рывок вперед, был притягателен для набирающего силу национально-освободительного движения в колониях, его лидеров, внимательно наблюдавших за советским экспериментом. Особенно это относится к Джавахарлалу Неру, лидеру индийского национально-освободительного движения, который признавал огромное влияние Советского Союза. Его

восхищал факт строительства в СССР «новой цивилизации» со своими ценностями и стандартами, не похожими на старые, присущие миру капитализма. В 1936 г., обращаясь к советскому опыту, он заключил: «Со всеми его дефектами, и ошибками, и жестокостью, он становится явью, приобретает жизненную форму, спотыкаясь изредка, но все же идет вперед»⁷⁰. Сохранил бы молодой Джавахарлал Неру такой же оптимизм, узнав в деталях о смерти от голода миллионов советских людей? История об этом умалчивает.

Однако в долгосрочной перспективе покрытые молчанием бесчеловечные страдания в 1933 г. голодных советских крестьян не могли не сыграть важной роли в дискредитации социалистических экспериментов и самой идеи социализма (коммунизма). Катастрофы, подобные голоду 1932–1933 гг. в СССР, обеспечили антикоммунистам возможность вбить крепкий гвоздь в «гроб мирового коммунизма», чтобы закрыть его навсегда⁷¹. Даже большинство марксистов признали, что репрессии ассоциируются в общественном сознании с «реально существовавшим социализмом» и перед коммунистами стоит задача смены названия партии и всей их тактики⁷².

Таким образом, в 1932–1933 гг. впервые в истории России сталинский режим попытался скрыть факт голода в стране, «запретить его». Для него это был «тихий голод», который следовало не замечать и создавать видимость благополучия. И голод «не заметили», отказавшись от протянутой руки помощи со стороны международных организаций и идеи закупки продовольствия за рубежом. При этом ответственность за возникшие в сельском хозяйстве просчеты, а следовательно, голод, была возложена на крестьянство. Подобная ситуация принципиально отличала голод 1932–1933 гг. от первого «советского голода» 1921–1922 гг. и массовых голодовок в дореволюционной России.

§ 2. «Не доели» и «вывезли»

Одно из средств борьбы с голодом — политика государства по снижению налогового бремени голодающего населения, ограничение или прекращение экспорта продовольствия и одновременно закупки его за рубежом. Если сделать небольшой экскурс в историю, то, например, в доколониальной Индии правители в период сильных засух отменяли сбор налогов. И великие моголы, и их преемники хорошо осознавали, в каких климатических условиях находится страна. Они понимали непредсказуемость климатиче-

ских колебаний в ее засушливых районах и поэтому реагировали на них адекватно, не ущемляя существенно интересов сельского населения⁷³. В сравнении с британским колониальным владычеством в Индии, во время которого рост населения фактически остановился из-за тяжелых материальных условий, «Могольская» Индия фактически не знала голода до 1770 г.⁷⁴ Как известно, в дореволюционной России, несмотря на все усилия царского правительства, уровень жизни крестьянства оставался одним из самых низких в Европе⁷⁵. Тем не менее оно никогда не рисковало принимать в период частых неурожаев непопулярных мер, способных вызвать недовольство хлеборобов. Не случайно поэтому вплоть до революции 1905 г. в народном сознании образ царя ассоциировался с образом заботливого отца⁷⁶. В период неурожая крестьяне платили налоги в соответствии с их возможностями⁷⁷. В частности, выкупные платежи не взимали, недоимки на них переносили на следующие годы⁷⁸. Подобная позиция объяснялась стремлением царя и помещиков не только не допустить волнений голодных крестьян, но и сохранить в их сознании образ заботливых попечителей, а также поддержать «дворянскую честь». Казачество вообще находилось в привилегированном положении по сравнению с крестьянством. В дореволюционный период казаки были освобождены от налогов и в урожайные, и в неурожайные годы⁷⁹.

В 1897 г. лидер английских социалистов Генри Хидман в связи с наступившим в Индии голодом в качестве самого эффективного средства борьбы с ним предложил, с одной стороны, приостановить взимание местных налогов на один год, а с другой — предоставить индийцам право свободного распоряжения собственными ресурсами⁸⁰. Это предложение было свидетельством проявления гуманизма со стороны представителя империалистической державы. Но официальная политика оставалась прежней. Лорд Солсбери, возмущенный предложением Хидмана, воскликнул: «Как же так! Платить дань Индии, которую завоевали!»⁸¹ Богатейшие нации в мире, конечно, не добились бы такого престижного положения, если бы проявляли уступчивость в сборе налогов с подвластных им колоний⁸². Документы британской колониальной администрации содержат россыпь записей об отказе в налоговых отсрочках в периоды засухи и голода⁸³. Англичане активно использовали воинскую силу для обеспечения сбора налогов с голодающего населения⁸⁴. Причем за неуплату налогов, несмотря на неурожай, у крестьян конфисковывали их земельные участки⁸⁵.

В небританской части Индии некоторые местные раджи в период голода придерживались прежних традиций, в том числе освобождали крестьян от уплаты налогов. Другие же следовали англичанам, будучи уверенными, что в случае восстания колониальная администрация окажет им военную поддержку⁸⁶. Чтобы обезопасить себя от гнева голодных крестьян, англичане всегда держали в боеготовности войска и были способны в течение часа выставить против безоружных крестьян (или вооруженных камнями, вилами и т. д.) несколько тысяч солдат, в том числе вооруженных пулеметами⁸⁷.

В Советской России налоговая практика доколхозной деревни была недостаточно восприимчивой к капризам природы, и крестьяне постоянно жаловались власти, что она мало учитывала этот фактор. В 1922 г., например, морозовские хлеборобы выразили недовольство тем, что Советское правительство продолжает придумывать новые мелкие налоги и требовать их выполнения, в то время как положение в районе было «катастрофическое». «Буквально голодает 15 станиц», — указывали они⁸⁸. Налоговые сборы 1923–1924 гг., в районах, пораженных частичным неурожаем, оказались непомерно высокими, особенно для бедняцких и середняцких хозяйств, продовольственные запасы которых сократились ниже прожиточного уровня⁸⁹. Аналогичная ситуация наблюдалась и в следующем году. Например, после признания факта гибели урожая на значительной части Шахтинско-Донецкого района, затруднившего выполнение крестьянами налоговых сборов, секретарь райкома Равич подчеркнул, что обязанность партийных работников на селе — «обеспечить эти налоговые сборы»⁹⁰. Хотя некоторые скидки и были сделаны, крестьяне считали, что они недостаточны, и продолжали жаловаться на «тяжесть налогов» в условиях засухи⁹¹. Даже в самый благоприятный период, когда налоги снижались, крестьяне оставались недовольны и ими, поскольку, по их мнению, существовавший диспаритет цен на зерно и промышленные товары сводил к минимуму их выгоду от этого снижения⁹². «Налог скинули, а на товары накинули», — говорили они⁹³. С 1926 г. начался процесс неуклонного роста налогового бремени в деревне⁹⁴. Он не остановился и в трагическом 1933 г., когда налоги продолжали собирать с умирающих земледельцев в самый пик голода⁹⁵. И в этом не было ничего удивительного, если учитывать характер налоговой политики Советского государства. Хотя, с точки зрения гуманистических принципов, она выглядела аморально, особенно в голодном 1933 г.

Еще в 1920-е гг. все налоговые кампании проходили напряженно как для крестьян, так и для местных партийных органов. Например, и в первые годы нэпа, и в последующие они проходили, как правило, с использованием милиции. При этом отсрочки по платежам в связи с климатическими условиями в большинстве своем не принимались в расчет. Более того, в селения выезжали специальные революционные трибуналы для показательных судов над неплательщиками⁹⁶. Земледельцев штрафовали, конфисковывали имущество, приговаривали к тюремному заключению⁹⁷.

В то же время до начала коллективизации к неплательщикам налогов не применяли мер исключительного характера, типа конфискации земельного надела, хотя широко практиковали конфискации рабочего скота, в том числе у бедняков⁹⁸. Например, в январе 1928 г. в многочисленных донесениях ОГПУ сообщалось, что за неуплату налогов у беднейших хлеборобов Дона и Кубани были конфискованы единственные лошадь и корова⁹⁹.

Почему столь жесткой была налоговая политика сталинского режима? Чтобы понять это, необходимо напомнить основные мотивы, которыми он руководствовался при ее проведении во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. Прежде всего они были связаны с понятиями «гражданский долг», «гражданство». Уклонение крестьянина от уплаты налогов рассматривалось как неуважение к государственной власти. И здесь сталинисты и империалисты были похожи друг на друга. И те и другие были уверены, что, только своевременно уплатив налоги, крестьянин осознает себя под контролем государства¹⁰⁰. То есть уплата налогов — это основной показатель власти режима над деревней. И платить их обязаны все сельские граждане, независимо от района и рода занятий.

Но так было не всегда. В дореволюционной России, решавшей похожие проблемы, ситуация имела некоторую специфику, касающуюся казачьего сословия. Как известно, казачество получило от самодержавия право не платить налоги, возложенные на крестьян, поскольку оно являлось военным сословием и своей службой царю отработывало эту привилегию. Даже чисто гипотетическая перспектива перейти в податное сословие означала для казака трансформацию в «мужика», что было для него равносильно смерти¹⁰¹. Поэтому объяснимо, почему в 1920-е гг. в большинстве казачьих районов Дона и Кубани уклонение казаков от уплаты налогов стало достаточно широко распространенным явлением и было, по сути, сопротивлением казаков режиму Советской власти, отобравшей у них все привилегии¹⁰². Данное обстоятельство наложи-

ло отпечаток и на характер действий организаторов хлебозаготовок и налоговых сборов в казачьих селениях Северо-Кавказского края в 1932–1933 гг. Они хорошо понимали, с кем имеют дело, и поэтому действовали решительно, так, как от них это требовал сталинский эмиссар Каганович. Необходимо было сломить сопротивление казаков.

Другой важнейший, если не определяющий мотив сталинской налоговой политики — это стремление обеспечить финансовую поддержку грандиозным планам партии по форсированной индустриализации страны. Основное бремя налогов при этом возлагалось на село. Одновременно в более привилегированное положение ставились рабочие и представители номенклатуры, в том числе в голодные 1932–1933 гг. Они не только не платили в это время непомерных налогов, но и пользовались разными льготами. Например, их дети в период голода обеспечивались питанием в лагерях отдыха за счет дополнительных сборов с крестьян, у которых собственные дети голодали и умирали. В частности, в 1933 г. колхозы и совхозы наряду с хлебом, сданным в счет хлебозаготовок, обязаны были изыскивать продукты для обеспечения лагерей отдыха детей рабочих¹⁰³.

Как уже говорилось выше, следуя этой линии, попытки собрать с крестьян установленные налоги не прекращались даже в период пика голодного бедствия, когда от голода умирали тысячи из них. Например, в Ремонтинском районе Северо-Кавказского края к 1 февраля 1933 г. в счет ежеквартальной квоты было взыскано с сельского населения 9,6 % средств от запланированной нормы (252 093 руб.)¹⁰⁴. Хотя план и не был выполнен, от крестьянского «пирога» был «отщиплен» еще небольшой кусочек, благодаря которому могло бы выжить немало голодающих хлеборобов. «Уже жизнь наша решается, всё налоги и налоги без конца», — говорили по этому поводу колхозники Северо-Кавказского края¹⁰⁵.

Больше всего их возмущал тот факт, что налоги собирают с опухших и недееспособных людей. Это было жестоко и несправедливо. Подобные действия озлобляли крестьян и казаков. «Как только придут, сейчас же сажусь на коня, беру палаш и начну коммунистов рубить», — сказал на этот счет один из донских казаков¹⁰⁶. Подобные действия власти в значительной мере усиливали в казачьей среде антисоветские настроения, которые и раньше были распространены там. Многим казалось, что эти действия происходят от отчаяния коммунистов, потерявших контроль над ситуацией. «Коммунисты чувствуют, что им приходит конец, а

поэтому обдирают людей налогами», — говорили в казачьих станицах¹⁰⁷. Более того, жестокость власти в период бедствия по отношению к казачеству породила в его среде, особенно среди склонных к чрезмерным эмоциям женщин, слухи о преднамеренном уничтожении их посредством чрезмерных налогов. Например, в донских районах женщины рассуждали: «Достроились, что нечего есть, а тут еще займами душат, совсем народ погубят. Говорят, что в этом году должно по плану умереть несколько тысяч людей. Вот для этого и устраивают разные займы»¹⁰⁸.

Собранные в период голодного бедствия налоги с крестьян пошли на любые цели, кроме одной — оказание помощи голодающим. И здесь сталинский режим мог бы проявить определенную гибкость. Например, в период голода власть не в ущерб интересам индустриализации могла бы направить часть собранных средств на закупку суррогатного хлеба, например макухи (жмыха). Макуха являлась типичным «хлебом голода», который был существенным подспорьем для крестьян в трудное время. Но в 1933 г. ситуация была иной. Даже макуха стала недостижимой роскошью для тысяч голодающих. «Вот это завоевали красные партизаны: хлеб вывезли весь, а теперь сидим голодные, даже макухи не добьешься, подышаем с голоду», — с горечью говорили колхозники Ремонтинского района СКК¹⁰⁹. Следуя политике «запрета голода», в 1933 г. сталинский режим не сделал и этого «маленького шага». В то же время в 1933 г. Советское правительство слишком поздно отменило экспорт зерна и ничего не сделало для закупок продовольствия за границей.

Во время голода Сталин и его окружение проводили экспортную политику по известной формуле царского правительства: «не доедим, но вывезем». Происходило это потому, что с началом коллективизации хлеб стал крупнейшей статьей советского экспорта. Так, в 1930 г. было экспортировано до 5,8 млн т зерна, в 1931 — до 4,8 млн т, в 1932 г. — 1,6 млн т. В январе–июне 1933 г. из голодающей страны было вывезено 354 тыс. т зерна¹¹⁰. Как уже указывалось выше, решение о прекращении хлебного экспорта было принято Политбюро ЦК ВКП(б) лишь в апреле 1933 г., когда голод уже достиг своего пика.

У любого правительства всегда есть в распоряжении эффективное средство борьбы с голодом, применение которого зависит исключительно от его политической воли. Как уже отмечалось, это запрет или сокращение экспорта продовольствия и его закупки за рубежом. История знает множество примеров использования

данного средства борьбы с голодом. Например, в добританской Индии Великие Моголы замораживали экспорт продовольствия в период голодных лет¹¹¹. Однако большинство стран, вовлеченных в мировой рынок, вели себя по-другому: они не прекращали «голодный экспорт». Так было, например, в колониальной Индии, где хлеботорговцы, несмотря на голод, вывозили зерно в целях получения максимальной прибыли. Причем этому способствовало строительство железных дорог, «превознесенных» в качестве гарантов своевременной помощи во время голода, но в реальности способствовавших успешному преодолению торговцами зерном «физических трудностей перемещения большого количества платформ с зерном» из пораженных бедствием районов¹¹². В частности, в период голода в Индии 1877–1878 гг. в Европу было вывезено рекордное количество пшеницы¹¹³. Между 1875 и 1900 г. ежегодный экспорт зерна из Индии, которым можно было бы накормить 25 млн человек, колебался в пределах 3–10 млн т¹¹⁴.

В течение «картофельного голода» в Ирландии также рассматривалась идея строительства железной дороги как средства против голода. Двойственную природу английского «милосердия» сразу же раскусили ирландские националисты. Один из ирландских журналистов написал по этому поводу, что «если ее построят», то она будет «спасать» англичан и сделает Англию «богатым уделом британского империализма»¹¹⁵. Даже без строительства железной дороги «продовольствие продолжало вывозиться из Ирландии в Англию под вооруженной охраной»¹¹⁶. И по этому поводу Бертольд Брехт заключил: «Голодовки наступают не сами по себе, они организуются посредством зерновой торговли»¹¹⁷.

В царской России во время голода 1891–1892 гг. хлеботорговцы имели возможность заниматься экспортными операциями в Европу до официального запрета 28 июля 1891 г.¹¹⁸ В Советской России в 1924–1925 гг., когда зерновые районы страны оказались поражены сильной засухой, размеры хлебного экспорта были минимальными по сравнению с довоенным уровнем¹¹⁹.

Историки, занимающиеся изучением голода 1932–1933 гг. в СССР, в первую очередь обращают внимание на факт экспорта зерна из страны в 1933 г. Два наиболее авторитетных российских исследователя — Н. А. Ивницкий и Е. Н. Осколков считают, что вывезенных за рубеж в 1933 г. 1,8 млн т зерна оказалось бы вполне достаточно, чтобы предотвратить массовый голод¹²⁰. Таугер возражает им, что уместнее было бы обсуждать цифры экспорта не за весь год, а за первую половину 1933 г. При этом он заключает, что

если бы Советское правительство отказалось от экспорта вывезенных в первой половине 1933 г. 354 тыс. т зерна, то, по его подсчетам, было бы сохранено «всего лишь» 2 млн жизней!¹²¹

Таугер не совсем прав, поскольку смертность на почве истощения и болезней, вызванных голодом, получила распространение не только в первой половине 1933 г., хотя, конечно, пик голода пришелся на этот период. На Северном Кавказе, например, число смертей в августе 1933 г. было не менее чем в три раза выше, чем в 1932 г. (соответственно 31 808 и 11 675), и в два раза выше, чем в следующем месяце (сентябре). В этом месяце от голода умерло лишь на 3 тыс. чел. меньше, чем в марте 1933 г.¹²² Поэтому при гипотетических расчетах количества жизней, которые могли бы быть спасены сокращением хлебного экспорта в 1933 г., следует брать в расчет не только первую половину года, но и последующий период. Не совсем точен Таугер и в другом.

В частности, его расчеты минимальных норм продовольствия, необходимых для выживания голодающего, завышены и не соответствуют оценкам большинства специалистов. По расчетам Шиллера, например, 500 г хлеба на человека было вполне достаточно, так как за три года коллективизации люди уже «привыкли» к недоеданию¹²³. В деревне Киша Ремонтненского района Северо-Кавказского края местный врач, после осмотра истощенных, опухших от голода колхозников, определил им следующий ежедневный рацион питания: «600 граммов хлеба, 400 граммов картофеля и 50 граммов сала». Этого должно было хватить, чтобы отвести от больших угроз голодной смерти¹²⁴. Поэтому если принять расчеты Таугера, то число спасенных жизней в результате отказа от экспорта в первой половине 1933 г. 354 тыс. т зерна следует как минимум удвоить. И уже получается не два миллиона, а четыре миллиона сохраненных жизней! В период голода важнейшее значение имеет даже небольшое увеличение калорийности пищи находящихся в поле работников. И 354 тыс. т зерна значительно бы повысили ее. А у работающих людей всегда больше шансов дотянуть до спасительной черты, чем у тех, которые лишены такой возможности. Поэтому 354 тыс. т зерна — это оставшиеся в живых не только 4 миллиона крестьян, а гораздо больше.

Общую «цену экспорта» рассчитал В. П. Данилов. По его расчетам, каждое крестьянское хозяйство России ежегодно потребляло 16 пудов, или 262 кг на душу населения. Вывезенные в 1932 г. 18 млн ц зерна обеспечивали возможность прокормить по нормам благополучных лет 6,9 млн человек, а по условиям голодных лет

спасти от крайнего истощения и вымирания вдвое больше — 14 млн человек.¹²⁵

Зерно было наиболее важной статьей экспорта 1933 г., но не единственной, способной снизить остроту голода. Наряду с ним в 1933 г. продолжался экспорт молочных продуктов, особенно масла¹²⁶. Вопрос о том, насколько велики были поставки молочной продукции за рубеж в 1933 г., не так важен сам по себе по сравнению с тем, сколько ее было взято из деревни в ходе принудительных заготовок! В 1930-е гг. этот показатель колебался от 70 до 85 % всего произведенного в колхозном животноводстве молока. В ряде мест создавалось такое впечатление, что государству уходило все имеющееся в колхозах и единоличных хозяйствах молоко¹²⁷. Не случайно поэтому, как отмечалось выше, наличие в семействе коровы значительно повышало шансы на выживание, особенно детей¹²⁸.

Как уже говорилось, англичане избрали позицию невмешательства в рыночные отношения по «идеологическим» причинам. И в XIX в. в периоды голодовок из Индии, несмотря на смерть от голода тысяч крестьян, ради получения максимальной прибыли в Европу было вывезено огромное количество зерна. При этом англичане даже в периоды двух ужасных голодовок последней четверти столетия, выкосивших не менее 12,2 млн жизней индийских крестьян (по другим сведениям, 29,3 млн чел.), осуждали саму идею возможности наказания хлеботорговцев, экспортирующих зерно из Индии в Англию! «Как это, богатая Великобритания будет наказывать ее торговцев ради бедной Индии!» — заявил лорд Солсбери по этому поводу¹²⁹.

Историки-экономисты считают, что в 1933 г. главным мотивом организации сталинским режимом хлебного экспорта в момент массового голода был экономический. С этим можно согласиться, но лишь частично. Советское правительство, несомненно, всегда стремилось получить твердую валюту для нужд индустриализации. Но в 1933 г., в условиях резкого падения цен на пшеницу на мировом рынке, прибыль от ее экспорта выросла всего на 7 %¹³⁰. А ценой этой «прибыли» были жизни миллионов крестьян! Экспорт большого количества хлеба в 1932–1933 гг., когда голодный мор косил советских людей, суммарно составил всего 369 млн рублей, а от продажи лесоматериалов и нефтепродуктов государство получило почти 1570 млн руб. В 1933 г. только продажа пушнины позволила выручить средств больше, чем продажа хлеба. Таким образом, материальная выгода от экспорта зерна уже не могла ничего изменить¹³¹. По мнению Н. А. Ивницкого, Советское прави-

тельство, экспортируя зерно, могло бы одновременно пожертвовать частью золотого запаса страны для закупки за рубежом других пищевых продуктов¹³².

Однако подобный подход был нереален в силу политических соображений сталинского руководства. Снижение плана экспорта пшеницы, а тем более его прекращение ставили под угрозу его авторитет на международной арене. В представлении Сталина, осознание успеха советского эксперимента за границей было связано с экспортом пшеницы. Отто Шиллер, наиболее компетентный из иностранных наблюдателей, совершенно справедливо писал в 1933 г.: «Советское правительство многолетней пропагандой пятилетнего плана, основанной на явно преувеличенных известиях о победах, завело себя в такой тупик, что признание катастрофы, каковой являлся голод, было бы равносильно объявлению абсолютного банкротства со всеми связанными с этим опасностями»¹³³.

Связь между экспортом и авторитетом власти проявлялась не только в высших эшелонах бюрократии, но и на низовом уровне. Весной 1932 г. наркомснабу Микояну стало известно, что в кооперативных магазинах Мурманска исчезла свежая треска, поскольку местные власти вели подготовку к ее экспорту в Гамбург. По его мнению, это была «показуха»¹³⁴. Сократить уровень экспорта зерна в 1933 г., с точки зрения сталинистов, означало позволить крестьянам поставить в неловкое положение Советское правительство за границей, признать действительным факт их активного сопротивления коллективизации и свести тем самым на нет их усилия по подготовке страны к отражению империалистической агрессии, реальность которой становилась всё очевиднее.

Мы уже говорили в предыдущих главах о факторе военной угрозы. Он в значительной мере определял политику сталинистов не только в период хлебозаготовок, но и в 1933 г. В течение всего периода голода на Дальнем Востоке страны продолжала явственно вырисовываться угроза со стороны Японии, уверенно укрепляющей свои позиции в Маньчжурии и осуществлявшей чрезвычайно амбициозную программу модернизации. Поэтому для сталинского руководства важна была твердая и решительная позиция. «Уверенно-пренебрежительный тон в отношении “великих” держав, вера в свои силы», — как очень точно выразил ее суть Молотов в речи на III сессии ЦИК СССР VI созыва 23 января 1933 г.¹³⁵ Так и было на состоявшейся летом 1933 г. международной торговой конференции в Лондоне по проблеме зернового экспорта. Советские представители попытались добиться там увеличения экс-

портной квоты с 25 до 85 млн бушелей. Этот шаг стал удачным пропагандистским приемом и опровергал ходившие за границей слухи о голоде в СССР¹³⁶. Но, с другой стороны, он усилил аргументацию сторонников теории искусственно организованного в СССР в 1932–1933 гг. голода.

Идея искусственного голода как результата продажи зерна на экспорт получила широкое распространение среди столпов общественности (в отличие от научных кругов), рассуждающих о голоде в Ирландии¹³⁷. Память об этом голоде была так сильна, что она стала частью легенды, которая передается из поколения в поколение. Суть ее выражена в словах ирландского крестьянина, родившегося в 1859 г.: «Нагруженные американским зерном суда перегружались и с ирландским зерном следовали из Ирландии в Англию — зерно, которое они (крестьяне) имели, шло в счет оплаты ренты лендлорду, чтобы избежать потери их домов и всего, что было у них»¹³⁸. Факт того, что ирландский хлеб поедали сытые англичане, в то время как ирландцы умирали от голода, вызывал возмущение у лидеров ирландских националистов¹³⁹.

Хотя в общественном сознании Ирландии и ее диаспоры Великий голод связывается с «форсированным экспортом», в действительности этот экспорт был неразрывно связан с выбором, который пришлось сделать самим арендаторам: не продавать зерно и быть изгнанными из родных домов с тем, что они смогут унести, или продать зерно, чтобы оплатить ренту и наблюдать, как члены семьи медленно и мучительно умирают в результате этого шага, и, возможно, все равно быть выселенным в середине зимы. «Важный момент, — казалось ирландскому радикальному националисту Митчелу, — был в том, чтобы проложить английский канал (Ла-Манш) между людьми и продуктами, которые Провидение им послало, как можно раньше». Как образно выразился один из критиков, едва перо Митчела касалось бумаги, чтобы вернуться к этой теме, как вспыхивал огонь¹⁴⁰. Таким образом, и применительно к голоду в Ирландии звучат те же мотивы, что и в отношении трагедии 1932–1933 гг. в СССР.

Они хорошо заметны и во времена голодных бедствий в британской Индии. В колониальной Индии, как указывал Дэвид Хардман, особенное раздражение голодающих крестьян и миссионеров вызывали «движущиеся повозки с зерном по направлению к железнодорожным станциям, мешки с зерном, нагроможденные в пакгаузах в ожидании отправки на экспорт из района, где остается масса людей, остро нуждающихся пополнить свои семейные

запасы»¹⁴¹. Составы с пшеницей и рисом, идущие из провинции, писал Пьер Лоти, осаждали дети со «сморщенными» животами и протянутыми высохшими руками, которые «дрожащим голосом пели песню» о голоде¹⁴². Тела умерших индийских крестьян и их детей тянулись непрерывной полосой вдоль железнодорожных путей, построенных на их рупи¹⁴³.

В перечне претензий крестьян к Советскому правительству весной 1933 г. следует указать на их недовольство тем обстоятельством, что выращенный их руками и отобранный у них и их детей властью хлеб был не только вывезен за границу, но и направлен на пропитание их «недоброжелателей». В общем, они, хлеборобы, остались без хлеба, а хлеб этот ели все, кроме них! (иностранцы, жены сельских специалистов, городские рабочие, бюрократы «с портфелями», нерусские и т. д.). «Служащие, как паразиты, едят хлеб вдоволь», бюрократы «обедают в столовых по самым дешевым ценам», в то время как «десятки около этих столовых валяются мертвыми», — сетовали по этому поводу голодающие земледельцы¹⁴⁴. Их возмущало то, что «по дешевке отправляют экспортом продукты, а хозяин страны ходит голодным»¹⁴⁵.

Мы уже приводили слова очевидцев голода по поводу хлебного экспорта в голодном 1933 г. Они однозначно негативны по содержанию, и это неудивительно. Научный мир уже приучен к «банальности», что большинство жертв во время голода — это хлеборобы, но сами хлеборобы никогда не перестанут испытывать негодование от того, что у них отнимают право есть зерно, которое они вырастили, даже во время голода, тем более вывозить его за пределы страны!

Наряду с отказом от «голодного экспорта» в 1933 г. у Советского правительства существовала, как мы уже говорили, чисто гипотетическая возможность снизить остроту голода организацией закупок продовольствия за рубежом. Для этого требовалась лишь политическая воля и решение чисто технических задач. Причем с этой дилеммой столкнулось не только сталинское руководство, она неоднократно возникала и в истории других стран. И чтобы лучше понять позицию Советского правительства, можно обратиться к некоторым эпизодам из всемирной истории, относящимся к данной теме.

Так, например, Англия создала в Индии эффективное средство для борьбы с голодом, проложив десятки тысяч рельсов железнодорожных путей, связавших страну с мировым рынком¹⁴⁶. С их помощью можно было смело осуществлять импортные операции во

время наступления голода. И в XIX столетии можно найти один такой удачный пример действий англичан по ослаблению его остроты в Индии, когда они оплатили из государственной казны половину стоимости нескольких миллионов тонн риса, ввезенных в Индию из Бирмы¹⁴⁷. Еще один пример реальной попытки государства снизить остроту голода с помощью импорта продовольствия относится к Эфиопии. Эта страна, самоотверженно борющаяся против итальянских захватчиков, предпринимала героические усилия, чтобы предотвратить трагические последствия засухи с помощью сбора всех имеющиеся в стране скудных средств для закупки за рубежом продовольственного зерна¹⁴⁸. Хотя импортируемое зерно подвергалось разграблению вооруженными бандами врагов Эфиопии (суданцами и др.), император Менелик II заслуживает благодарности своего народа, так как он использовал все имеющиеся в его распоряжении средства, чтобы ослабить остроту бедствия и не допустить гибели от голода своих подданных¹⁴⁹.

Хотя ирландские историки и популистские повстанцы долгое время занимают негативную позицию в отношении экспорта зерна из пораженной голодом Ирландии, фактом остается организованный правительством импорт туда значительной части продовольствия. Ревизионистские историки-англофилы возражают ортодоксам в данном вопросе и указывают, что экспорт более дорогих продуктов был компенсирован импортом большего объема более дешевых продуктов, более доступных обедневшим ирландским арендаторам, чем экспортируемые товары. Питер М. Солар, например, считает, что по калорийности импортируемое зерно в три раза превосходило экспортируемое в конце 1840-х гг.¹⁵⁰ Совсем недавно постревизионист Остин Бурк продемонстрировал, что самое неблагоприятное соотношение между экспортом и импортом наблюдалось только в первой четверти периода голода. И именно в этот период голод унес гораздо больше жизней, чем допускают ревизионисты. Кроме того, Бурк не разделяет точку зрения ирландских националистов, что прекращение экспорта сразу же предотвратило голод¹⁵¹.

Документы свидетельствуют, что в начале 1930-х гг. Советское правительство критически относилось к идее импорта в страну не только продовольствия, но и любых средств, способных хоть как-то ослабить страдания голодных людей¹⁵². В частности, оно ничего не сделало для закупки за рубежом необходимых лекарственных средств.

Так, в 1933 г. для большинства голодающих регионов Кубани была характерна заболеваемость населения малярией на почве истощения организма. Например, только в «чернодосочной» станице Ново-Деревенковской, по подсчетам заместителя начальника политотдела МТС, около 65 % населения были «больны малярией». Происходило это вследствие полного «отсутствия хинина и недостатка врачей»¹⁵³. Есть известный факт: во время голода очень часто люди умирают не от недоедания, а от болезней, вызванных голодом (малярии, тифа и др.)¹⁵⁴. Именно поэтому смертность населения от малярии в период голода включается в общую скорбную статистику, так как связь между ним и болезнью самая непосредственная. К сожалению, Советское правительство не сделало никаких шагов для закупки за рубежом хинина, и подобная позиция была характерна не только для него, но и для британских колонизаторов, «экономивших» на голодающем населении.

Между собой английские парламентарии откровенно говорили, что Индия — это не «богадельня», она должна управляться как «доходная плантация», то есть с целью извлечения дохода¹⁵⁵. Поэтому принцип бережливости, умеренности был основным при осуществлении в колонии мер английского правительства по борьбе с голодом, и нарушение его не приветствовалось им. Ключевая фигура удачного примера британской помощи населению Индии во время голода 1873 — 1874 гг. — сэр Темпл. В Лондоне ему устроили разнос за то, что, по словам одного высокопоставленного чиновника, он потратил «очень много денег, чтобы спасти больше черных людей»¹⁵⁶.

Однако Англия извлекала из своей «жемчужины» средства, обеспечивающие годовой бюджет имперских вооруженных сил, целью которых было дальнейшее расширение границ империи, а не защита. По признанию высокопоставленного чиновника колониальной администрации, в 1878 г. проводимые в Индии мероприятия по «страхованию голода» были просто «циничным фасадом для повышения налогов с целью покрытия расходов по хлопковым операциям и финансирования вторжения в Афганистан»¹⁵⁷. Когда в конце 1890-х гг. засуха вновь поразила участки индийских крестьян, обнаружилось, что значительное количество рупий, выплаченных ими в качестве налогов, оказалось вложено в империалистическую акцию в Афганистане¹⁵⁸. Лорд Керзон не постеснялся запустить руку в предназначенные для оказания помощи индийским земледельцам средства, собранные с них в качестве налога, для финансовой поддержки англо-бурской войны¹⁵⁹. Под

британским владычеством индийских крестьян не только нещадно эксплуатировали в интересах империи, но и лишали традиционных средств поддержки в период голода. Прежде всего в результате роста налогов у них не оставалось средств даже для поддержания в рабочем состоянии ирригационных систем, которые оказались разрушены в большей части Индии¹⁶⁰. Все средства шли в метрополию и делали сказочно богатыми английский истеблишмент.

В Советской России все было по-другому. И можно понять мотивы, по которым сталинское руководство не захотело тратить государственные средства на закупку за рубежом продовольствия и медикаментов для голодающих крестьян.

Убежденные сталинисты любят подчеркивать факт личной скромности вождей и «настоящих коммунистов»¹⁶¹. При этом они указывают, что коммунисты не разоряли крестьян подобно империалистам, для того чтобы «одевать английских лендлордов». Английские колонизаторы всегда старались «поддерживать установившиеся цивилизованные условия жизни англичан» в колониях¹⁶². Сталинисты же, наоборот, символом пролетарской чести, их солидарности с народом считали личную скромность, пренебрежение материальными ценностями, признание общественных интересов выше личных¹⁶³. Например, один из таких «непоколебимых» для сталинистов символов — похороны Сталина. Как вспоминал Молотов, Сталин был похоронен в военном френче старого образца (еще времен империалистической войны), лишь хорошо вычищенном и заштопанном¹⁶⁴. А родственники самого Молотова указывали, что тот всю жизнь носил одну шапку, которую легко можно узнать на его фотографиях¹⁶⁵. Обстановка молотовской дачи, отмечал Чуев, свидетельствовала, что ее хозяин «не любил роскошь», у него не было ни богатых ковров, ни роскошных люстр¹⁶⁶. Он же указывал, что Каганович имел только одну «ценную вещь — красивый ковер, некогда подаренный китайцами», который он вместе с книгами продал, чтобы «купить надгробие для жены». Он жил, по свидетельству Чуева, «в обычной, весьма скромной московской квартире» и в последние годы жизни жаловался на мизерную пенсию, которую получал (115 руб. 20 коп.)¹⁶⁷. Поэтому Молотов с неодобрением относился к коммунистам, склонным к «мещанству», что было характерно в 1930-е гг. для К. Е. Ворошилова¹⁶⁸. Самым первым антисталинистом для Молотова был Л. И. Брежнев, нацепивший на себя многочисленные золотые звезды, опозоривший тем самым чистый образ коммуниста¹⁶⁹.

Примером рачительного отношения к государственным интересам для сталинистов, в том числе Кагановича, в 1932 г. безжалостно расправившегося с хлебобородами Дона и Кубани, всегда оставался В. И. Ленин. В частности, для него на всю жизнь запомнившимся уроком большевистского подхода к товарообмену стал эпизод из его нижегородской практики периода Гражданской войны. Будучи руководителем нижегородской парторганизации, он попросил у председателя Совнаркома разрешения оставить на местные нужды две баржи с зерном. Но Ленин, как вспоминал Каганович, «разрешил нам оставить у меня в Нижнем одну баржу»¹⁷⁰.

Точно такое же рачительное отношение было у большевиков к государственному бюджету, где учитывалась каждая копейка. Именно так, по их мнению, можно было накопить средства для модернизации страны и выдержать атаку империалистических сил¹⁷¹. Поэтому они с большим трудом шли на урезание главной статьи бюджета — индустриализации и военных расходов. В июле 1932 г. Сталин пошел на снижение военного бюджета 1933 г. в пределах 5–6 млрд руб. Одновременно он отказал предоставить Путиловскому заводу 2 млн 900 тыс. руб. валютой «на перестройку тракторного цеха в автомобильный». И это отказ одному из флагманов рабочего класса! Что же тогда говорить о крестьянстве! «У нас и так много долгов за границей, и мы должны когда-либо научиться экономить на валюте», — заявил Сталин, потому что легковые автомобили все же относились к «предметам роскоши», а не к первоочередным военным потребностям¹⁷². В конце концов, статья бюджета на военные расходы была сокращена до 4 млн 718 тыс. руб.¹⁷³ Коммунистические правительства часто критикуют за их чрезмерные расходы на оборону¹⁷⁴, но не следует забывать, что в 1933 г. геополитическая обстановка в мире складывалась не совсем благоприятно для СССР. Прежде всего сталинский режим, в отличие от коммунистических правительств в послевоенный период, не имел в мире надежных союзников. Они появятся только после победы СССР во Второй мировой войне, когда рухнет мировая система колониализма и возникнут просоветские режимы в Европе и Азии.

С точки зрения сталинистов, валюту нельзя было использовать вне главного назначения — индустриализации и милитаризации, поскольку эти задачи были приоритетными и для сельского хозяйства, его перевода на новые рельсы механизации. Как можно было транжирить средства на поддержку хлебоборогов, не сумевших

поработать на славу, чтобы обеспечить и себя, и государство необходимым количеством хлеба и другой сельскохозяйственной продукцией?! Как можно было пойти на расходы, ничего не дающие для решения главной стратегической задачи, способные сорвать пуск в строй необходимых стране промышленных объектов, предназначенных в том числе для подъема сельского хозяйства?! Сталин был взбешен, узнав, что Внешторг «нарушает решение ЦК об импортных контингентах для Челябинского». «Это преступление, так как без окончания к сроку первой очереди Челябинского мы подведем страну и сельское хозяйство», — отмечал он¹⁷⁵. Молотов неоднократно подчеркивал приоритет инвестирования государственных средств в производство сельскохозяйственной техники перед тратой ресурсов на продовольственное обеспечение деревни¹⁷⁶.

Важнейшим правилом сталинской политики («антитезой» империалистическим странам) было стремление скрыть свои ошибки и слабости от глаз не только «хищного» мира капитализма, но и от народов колониальных стран, борющихся за свою независимость, а также рабочих метрополий. «Показывать слабость, — свидетельствовал Молотов, — политически невыгодно и нецелесообразно. Для большевика это неподобающе»¹⁷⁷.

Импортные операции Советского правительства в начале 1930-х гг. находились под пристальным вниманием западных политических обозревателей. Все они убедительно доказывали факт активно осуществляющейся в СССР индустриальной модернизации, «здоровья» советской экономики. Как писал Сталин в 1929 г. секретарю Сибирского крайкома ВКП(б) С. И. Сырцову и председателю крайисполкома Р. И. Эйхе: «Мы не можем ввозить хлеб, ибо валюты мало. Мы все равно не ввезли бы хлеба, если бы даже была валюта, так как ввоз хлеба подрывает наш кредит за границей и усугубляет трудности нашего международного положения»¹⁷⁸.

Именно заботой о сохранении образа динамично развивающейся страны объясняются уже упомянутые выше факты ограничения доступа иностранных журналистов к районам, пораженным в 1932–1933 гг. голодом. Правда была не нужна сталинскому руководству, поскольку она свидетельствовала бы о его ошибках и слабости, что было на руку врагам Советской власти за рубежом. С другой стороны, западные журналисты, писавшие о голоде в СССР, объективно ставили сталинский режим в ситуацию, когда ему в целях «контрпропаганды» следовало занимать более жесткую линию в отношении голодающего населения и, чтобы не да-

вать лишний повод недоброжелателям, даже не помышлять о каких-либо импортных операциях в его пользу.

В конце августа 1934 г. Сталин не поддержал, по политическим мотивам, предложение его соратников о проведении импортной операции с хлебом, сулившей экономическую выгоду. 29 августа 1934 г. Молотов и Каганович сообщили ему: «В целях облегчения нашего транспорта на ДВК намечаем принять предложение Наркомвнешторга о закупке для ДВК 100 000 тонн аргентинской и австралийской пшеницы, с одновременным вывозом на европейский рынок 50-ти тысяч тонн овса и 50-ти тысяч тонн ячменя. В валютном отношении это выгодно»¹⁷⁹. Сталин отреагировал следующим образом: «Импорт хлеба теперь, когда за границей кричат о нехватке хлеба в СССР, может дать только политический минус»¹⁸⁰.

В период голода 1933 г. СССР был озабочен приобретением очень важного потенциального союзника на случай уже маячившей на горизонте войны. Это были Соединенные Штаты Америки, где в ноябре 1932 г. на выборах победил Франклин Д. Рузвельт¹⁸¹. В декабре 1932 г. Уолтеру Дюранти, обозревателю Нью-Йорк Таймс, любимцу Сталина, был сделан строгий выговор за чересчур уж пессимистическую оценку уровня жизни в России, поскольку именно в это время появилась возможность для дипломатического признания СССР Америкой¹⁸². Даже американские журналисты испугались, что подтверждение слухов о голоде за границей помешает процессу налаживания отношений между двумя странами, и для противодействия им нашли влиятельного американского бизнесмена из числа сторонников признания СССР¹⁸³.

Впоследствии, в 1970-е гг., сталинисты не могли не назвать позором факт импорта в страну огромного количества зерна. В декабре 1975 г. Чуев вызвал Молотова на разговор об обстоятельствах переговоров между США и СССР по вопросу о заключении двустороннего соглашения о поставках зерна. Молотову было неприятно вспоминать о «ликовании», охватившем американцев, получивших весьма выгодные условия после его подписания¹⁸⁴. Но в то же время он не переставал гордиться тем фактом, что при Сталине никогда не ввозили продовольствие из-за границы¹⁸⁵.

Однако при всем таланте сталинского руководства прикрывать свои просчеты во имя «высоких» интересов, оно все же не совсем рационально поступило по отношению к имеющейся в их распоряжении возможности использовать международную солидарность рабочих. Советское правительство могло бы закупить продовольствие в качестве награды своим рабочим за их самоотверженный

труд у их «товарищей по классу», переживавших тяжелую экономическую депрессию за рубежом. В частности, можно было бы импортировать апельсины из Калифорнии, где их обливали керосином и уничтожали, так как это было дешевле, чем продать на рынке¹⁸⁶. Таким образом получили бы поддержку рабочие калифорнийских ранчо и их коллеги в далекой России. Кроме того, выгодной сделкой стали бы закупки сои по низким ценам у разорявшихся американских фермеров из-за отсутствия у безработных американских рабочих средств на ее приобретение. Это было бы проявлением настоящей международной солидарности, о которой трубила сталинская пропаганда.

Следовательно, исходя из вышеизложенного можно сделать такие выводы. В 1933 г. сталинское руководство замалчивало голод, продолжало вывозить хлеб за границу и игнорировать попытки мировой общественности оказать помощь голодающему населению СССР, основываясь на проводимом политическом курсе. В его основе была форсированная индустриализация страны, ради которой и осуществлялась авантюрная аграрная политика, приведшая страну к голоду. Признание факта голода было бы равносильным признанию краха выбранной Сталиным и его окружением модели модернизации страны, что в условиях разгрома оппозиции и укрепления режима нереально. Это понимали не только Сталин и его окружение, но и многие иностранные наблюдатели. Так, например, по мнению торгового советника посольства Великобритании в Москве, высказанному в конце 1931 г., невыполнение (Советским правительством) своих обязательств непременно вызвало бы катастрофические последствия. Не только было бы отказано в дальнейших кредитах, но и «весь будущий экспорт, все заходы советских кораблей в иностранные порты, вся советская собственность, уже находящаяся за границей», — все это могло быть подвергнуто конфискации для покрытия задолженностей. Признание финансовой несостоятельности поставило бы под угрозу «исполнение всех надежд, связанных с пятилетним планом, и даже создало бы опасность для существования самого правительства»¹⁸⁷.

§ 3. Выход из голода

Непосредственный выход из голодного кризиса осуществлялся прежде всего на путях организационно-хозяйственного укрепления колхозов в 1933 г. Необходимо было не допустить дальнейшего развала сельского хозяйства и подготовить деревню к посевной

кампании. Поэтому в начале 1933 г. в соответствии с решениями Январского объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) в зерновых районах СССР создаются чрезвычайные органы — политические отделы при МТС. В системе антикризисных мероприятий в сельском хозяйстве эти чрезвычайные органы партии мыслились как «основное звено», что вполне укладывалось в систему мышления правящего сталинского режима. Политотделы сочетали функции партийно-политических, хозяйственных и карательных органов. На первый план их деятельности выносились две узловыe задачи: обеспечение в текущем году выполнения колхозами их первой и основной заповеди — своевременно и в установленных количествах сдать государству хлеб нового урожая и очищение колхозов и МТС от классово-враждебных и вредительских элементов в духе концепции Сталина. Политотделы как чрезвычайные органы были выведены из непосредственного подчинения райкомам партии и тем самым могли решать «по справедливости» вопросы «своих» колхозов и крестьян, не оглядываясь на территориальные партийные органы, апеллируя в случае необходимости к более высоким инстанциям, вплоть до ЦК партии. Кроме того, они напрямую подчинялись ЦК ВКП(б)¹⁸⁸. В течение марта–апреля 1933 г. политотделы были созданы и приступили к работе в основных зерновых районах СССР, в том числе в Поволжье, на Дону и Кубани¹⁸⁹.

Прибывшим на места работникам политотделов открылась трагическая картина. В первых донесениях в политуправление Наркомзема СССР они сообщают невероятные, с точки зрения официальной пропаганды, факты: в деревнях крестьяне умирают от голода, наблюдаются случаи людоедства и «умышленного некормления детей и стариков», умерших от голода хоронят в общих ямах и т. д. Сложившаяся в голодающих районах ситуация, согласно установке ЦК партии, должна была рассматриваться работниками политотделов как результат вредительской деятельности «кулака», «тихой сапой» пробравшегося в руководство колхозами и намеренно развалившего их. Исходя из этого поначалу они так и расценивали трагические события в зоне действия их МТС. Например, начальник политотдела Воскресенской МТС Нижне-Волжского края Куликов в политдонесении от 5 апреля 1933 г. так и объяснил случаи массовой смертности от голода в окружающих МТС селениях¹⁹⁰. «Что же касается случаев смертности, то политотдел рассматривает это явление как неизбежный естественный отбор в борьбе за социализм», — указал он¹⁹¹.

В то же время работники политотделов столкнулись с реальными фактами произвола и беззакония по отношению к колхозникам, бесхозяйственности, царивших в колхозах зоны действия МТС. Начальник политотдела Тамалинской МТС Нижне-Волжского края Денисов в докладной записке секретарю ЦК ВКП(б) Кагановичу сообщил, например, что в марте 1933 г. в с. Варварино за отказ идти на работу колхозников загоняли в амбар и обливали холодной водой¹⁹². Вопиющими были условия содержания скота на колхозных фермах, который погибал от бескормицы и некачественного ухода за ним. Так, в колхозе «Красное знамя» Эстонской МТС Средней Волги лошади примерзали к полу конюшни и их вырубали топорами, подвешивали на веревки, поскольку они были полностью истощены от бескормицы¹⁹³. В голодающих деревнях среди населения были распространены упаднические настроения, велись разговоры антиколхозной и антисоветской направленности. «Коммунисты нас хотят с голоду заморить», «хлеб отправляют за границу», «наживаются одни комиссары, а бедный мужик подыхает с голоду», — говорили крестьяне о причинах тяжелейшего положения, в котором они оказались в начале 1933 г.

В этих чрезвычайных условиях перед политотделами МТС, так же как и перед местным партийно-хозяйственным активом, встала сложнейшая задача — организовать голодных крестьян на весенние полевые работы. Они понимали, что выход деревни из голодного кризиса мог быть осуществлен только посредством успешного проведения посевной кампании, которая заложит основу будущего урожая. Для этого необходимо укрепить трудовую дисциплину в колхозах, мобилизовать все их силы на выполнение плана сельскохозяйственных работ текущего года.

Основным средством выполнения этой трудной задачи в деятельности политотделов МТС весной 1933 г. стало принуждение. Старожилы поволжских и южно-уральских деревень хорошо запомнили эту сторону в работе политотделов. «Они ездили и подгоняли колхозников и начальство», «чуть не палками в морду совали, гнали на работу», «кто зерно воровал — сажали», «желудили председателей и начальников», — говорили очевидцы¹⁹⁴.

В течение 1933 г. заместители начальника политотдела по ОГПУ, непосредственно подчинявшиеся ведомству Г. Ягоды, осуществили массовую чистку кадров колхозов и МТС от «классово-враждебных элементов», поскольку ответственность за кризисное состояние сельского хозяйства была возложена ЦК ВКП(б) на

местных руководителей и «нерадивых» колхозников. Правда, после майской директивы 1933 г. ее масштабы несколько снизились, но тем не менее она продолжалась на всем протяжении этого года и только в 1934 г. была фарисейски осуждена в ряде постановлений ЦК партии и даже в выступлении Сталина на совещании в ЦК по вопросам коллективизации 2 июля 1934 г. «В некоторых районах, — сокрушался генсек, — прямо сотнями лупят и не считаются с тем, что значит человека выгнать из колхоза. А это значит обречь его на голодное существование или на воровство. Исключить из колхоза хуже, чем исключить из партии»¹⁹⁵.

По данным политотделов МТС 24 областей, краев и республик СССР, в 1933 г. в результате чистки было снято с работы около половины заведующих производственными участками МТС и завхозов, более трети механиков и работников бухгалтерии МТС, кладовщиков колхозов, около трети агрономов МТС, четверть бригадиров тракторных бригад МТС, колхозных конюхов, седьмая часть трактористов и председателей колхозов и других работников¹⁹⁶. Только в колхозах Поволжья и Южного Урала, по выборочно исследованным МТС, в 1933 г. было «вычищено» 22 % председателей колхозов, 68 — завхозов, 44 — счетоводов, 52,1 % кладовщиков¹⁹⁷. Среди «вычищенного» актива были многие из тех, чьими руками в 1932 г. был вывезен из деревни хлеб, кто ходил по дворам с щупами и отбирал последние горсти зерна и кусок хлеба у напрасно взывавших к их жалости крестьянских матерей. Взамен политотделами были выдвинуты подобранные ими новые кадры руководителей из числа колхозников-ударников. Наряду с колхозным активом политотделами была проведена «чистка» и среди рядовых колхозников. Многие из них как «классово-чуждые элементы» были арестованы за антиколхозные высказывания, сняты с должностей конюхов, бригадиров и т. д.

Совместно с местной властью политотделы приняли самые решительные меры по укреплению трудовой дисциплины в колхозах. Они жестко контролировали выходы колхозников на работу, ее своевременное начало и качество. Во время весенней посевной 1933 г. широкое распространение получили факты арестов и отдачи под суд колхозников, не выходявших на работу и не выполнявших установленные нормы выработки. Например, в Мало-Сердобинском районе Нижне-Волжского края в период посевной за невыход и опоздания на работу ежедневно арестовывали 60 колхозников. В колхозе «Новый быт» были арестованы 75 % бригадиров и за нарушение трудовой дисциплины осуждены 27 колхозников¹⁹⁸.

Показателен в плане характеристики мер, использованных политотделами для укрепления производственной дисциплины в колхозах в 1933 г., в период основных сезонных работ, — приказ № 24 от 12 августа 1933 г. начальника политотдела Самойловской МТС Нижне-Волжского края: «Обязать всех колхозников выполнять и перевыполнять нормы выработки. За систематическое невыполнение норм выработки колхозниками подвергать взысканию (штраф до 5 трудовых, лишение натураванса, исключение из колхоза). Никто не имеет права без разрешения бригадира оставлять трудовой фронт. Виновных в самовольной отлучке строго наказывать (штраф, лишение авансов, исключение из колхоза, предание суду за саботаж при массовом срыве работ). Все мужчины безусловно обязаны ночевать на стане. Женщинам-колхозницам в отдельных, заслуживающих внимания случаях бригадир может разрешить уход на ночевку в село»¹⁹⁹.

В 1933 г. во время посевной и уборочной кампаний политотделы особое внимание обратили на борьбу с хищениями колхозниками семенного зерна и зерна нового урожая. Кроме того, жесткие меры принимали в отношении механизаторов, работников МТС, допускавших поломку техники в период полевых работ. Пойманных с поличным воров колхозного зерна безжалостно отдавали под суд по указу «о пяти колосках» (Закон от 7 августа 1932 г.). В деревнях говорили по этому поводу, что через закон от 7 августа «начали вести заготовку людей»²⁰⁰.

О масштабах применения репрессий в колхозной деревне летом 1933 г. можно судить на примере постановления бюро Средне-Волжского крайкома ВКП(б) от 21 июня 1933 г., посвященного состоянию «карательной политики судебных органов Красноярского района». В нем констатировалось, что судебные органы района «допустили ряд извращений и перегибов в карательной политике, производя массовые осуждения». В частности, в мае в районе были осуждены, по признанию бюро крайкома, «за маловажные преступления» к «чрезвычайно суровым наказаниям» около 200 колхозников и единоличников, в том числе на 10 лет соответственно тракторист — «за расплавку подшипников», колхозники, «дряхлые старики и инвалиды» — «за кражу незначительного количества хлеба»²⁰¹.

В отличие от 1932 г., весной 1933 г. политотделы и районная власть установили жесткий контроль за расходованием на общественное питание выданных государством продовольственных ссуд. Политотделы решительно пресекали все попытки колхозно-

го руководства направлять на организацию питания колхозников в поле больше хлеба, чем это было необходимо с их точки зрения. В условиях голода многие председатели колхозов таким образом стремились поддержать голодных крестьян. Более того, в ряде случаев в связи с тяжелым продовольственным положением они ставили перед политотделами и вышестоящим руководством вопрос о невозможности выполнения спущенных сверху планов полевых работ, требуя дополнительной помощи. Подобные действия в большинстве случаев квалифицировались работниками политотделов как стремление «разбазаривать зерно на общественное питание» и «саботировать полевые работы под предлогом его отсутствия». Организаторов «саботажа», как правило, снимали с работы и отдавали под суд. Именно таким образом, по инициативе начальника политотдела Мало-Сердобинской МТС Нижне-Волжского края был снят с работы, исключен из партии и осужден на 10 лет один из председателей колхоза зоны действия МТС. «Хлеба нам не дали, — говорил от колхозникам, — так пусть сами и убирают»²⁰².

В 1933 г. были учтены ошибки предыдущего года, когда председатели колхозов не несли серьезной ответственности за искажение отчетных данных о размерах посевных площадей и урожайности. Принятое 14 февраля 1933 г. Наркомюстом РСФСР постановление гласило, что «всякий обман в деле учета колхозной продукции, колхозного труда и колхозного урожая должен рассматриваться как пособничество кулаку и антисоветским элементам, как попытка расхищения колхозного имущества, ввиду чего должен караться по закону от 7 августа 1932 года»²⁰³. Руководствуясь данным постановлением, пойманных за попытку преуменьшения размеров засеянных площадей и урожайности зерновых культур председателей судили по сталинскому закону «о пяти колосках».

Кроме того, начиная с 1933 г., в основу измерения урожайности была положена не амбарная, а биологическая урожайность. Учитывался хлеб, который колосился на полях, а не находился в амбарах после уборки. Биологическая оценка позволяла районным государственным комиссиям по определению урожайности завышать виды на урожай и планировать для колхозов хлебопоставки по максимуму, нацеливая тем самым их на проведение качественной уборки урожая с минимальными потерями. С помощью завышения видов на урожай колхозы включались в более высокую группу по урожайности с целью расчета за работу МТС по более высокой ставке натуроплаты²⁰⁴. Делалось это обычно следующим

образом. Член комиссии по определению урожайности выходил в поле, снимал фуражку и бросал ее туда, где наиболее густо колосился хлеб. В этом месте производили контрольный обмолот и по его результатам оценивали урожайность на всей площади поля, которая затем и бралась за основу при планировании государственных норм хлебосдачи²⁰⁵. Подобная система ужесточала контроль государства над колхозным урожаем, делая его более «прозрачным». С другой стороны, она оставляла колхозам единственный путь — всеми силами добиваться проведения качественной уборки и не допускать огромных потерь и расхищения урожая, как это было в 1932 г.

Для укрепления производственной дисциплины в колхозах политотделы активно использовали и агитационно-пропагандистские методы. Выпускали специальные политотдельские газеты, листки, проводили беседы с колхозниками, в которых разъясняли положения постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19 января 1933 г. об отмене контрактационной системы заготовок зерновых культур и установлении твердых заданий по хлебосдаче, другие решения партии и правительства и местных органов власти. Следует особо отметить, что именно работники политотделов МТС, пользуясь своим статусом, наиболее активно обращались в центральные и региональные органы государственной власти с сигналами о тяжелом продовольственном положении колхозов, находившихся в поле деятельности их МТС, просили об оказании помощи голодающему населению. В отличие от местного руководства, не заинтересованного в объективном информировании вышестоящих органов о положении во вверенных им районах, поскольку оно тогда бы неизбежно бросило на них тень как на руководителей, политотделы смело вскрывали недостатки, ошибки и преступные действия ряда местных работников, устраняли наиболее вопиющие перегибы и извращения в проводимых хозяйственных кампаниях.

В 1933 г., при сохранении преемственности стратегического курса руководства сельским хозяйством произошли заметные изменения в тактике его осуществления. Об этом свидетельствует проведенный нами анализ огромного числа шифрограмм Сталина, Молотова, Кагановича на места в 1933–1934 гг. Данный вид источника позволяет увидеть каждодневную и буквально ежечасную работу высших руководителей СССР по управлению сельским хозяйством страны, поскольку они представляют собой директивно-распорядительные материалы оперативного реагирования Центра на возникавшие конкретные проблемы в аграрном секторе страны.

Их анализ позволяет заключить, что в 1933 г. прежде всего был установлен жесткий и даже мелочный контроль высших органов власти и первых лиц государства за деятельностью местных партийных и советских органов. Под постоянным контролем Сталина, Молотова, Кагановича находились все основные вопросы сельского хозяйства (посевная, уборочная страда, продовольственное и материальное снабжение и т. д.). Особенно жестким стал контроль высшего руководства страны над имеющимися на местах продовольственными ресурсами. Без санкции Центра местные власти не имели права самостоятельно распоряжаться ими. Сталин, Молотов, Каганович занимались оперативной работой по перемещению в стране продовольственных грузов для промышленных центров. Местной власти было запрещено проводить несанкционированные заготовки продовольствия для внутренних нужд. Объем шифрограмм и имеющейся в них информации убедительно доказывает высокую информированность высшего руководства СССР о ситуации в стране, показывает их стремление любыми средствами наладить сельскохозяйственное производство, вывести экономику из кризисного состояния²⁰⁶.

Весной 1933 г. в зерновых районах СССР стала складываться принципиально новая ситуация. Важнейшим ее показателем стал факт укрепления в колхозах трудовой дисциплины под воздействием мер принуждения со стороны политотделов МТС и местных органов власти.

Так, в результате активного применения закона об охране социалистической собственности во второй половине 1933 г. удалось добиться снижения хищений зерна с колхозных полей. В частности, накануне уборочной кампании уже не наблюдались массовые хищения выращенного хлеба, аналогичные хищениям 1932 г. Именно поэтому ЦК ВКП(б) и СНК СССР 8 июня 1933 г. в Инструкции органам прокуратуры и суда дали установку прекратить выселения и аресты крестьян в массовом масштабе по закону от 7 августа 1932 г., так как в этом уже не было необходимости²⁰⁷. Осуждение в 1932 — первой половине 1933 г. большой группы крестьян заставило остальных в значительной степени изменить свое отношение к колхозной собственности.

В 1933 г., как свидетельствовали очевидцы, произошли существенные изменения в сознании крестьян, отразившиеся на состоянии колхозного производства. В 1932 г. основная их масса не желала и в силу объективных обстоятельств не могла добросовестно, с полной отдачей работать в колхозах. Многие колхозники надеялись,

что из-за существовавших у них беспорядков они долго не просуществоют, а будут распущены как противоречащие здравому смыслу и многовековой традиции хозяйствования на земле. Но насильственный характер хлебозаготовок 1932 г., политика государства во время наступившего голода не оставляли никаких надежд на этот счет. Обратного пути к единоличному хозяйству не было. Если в предыдущие годы колхозники при большом желании могли уйти из колхоза в отход на заработки, работать с ленцой или вообще не выходить на колхозные работы, то с созданием политотделов МТС, введением паспортной системы, новых правил отходничества такие действия были затруднены и чреваты серьезными последствиями. Теперь колхозники закреплялись в колхозе и, чтобы жить лучше и не умирать от голода, обязаны были добросовестно работать²⁰⁸.

В данном случае речь идет об основной массе колхозного крестьянства. Другая его часть, состоявшая, как правило, из колхозного актива — ударников, коммунистов и комсомольцев, в большинстве молодежь, продолжала поддерживать и активно проводить в своих деревнях государственную политику по укреплению колхозного строя. Ни голод, ни так называемые перегибы не подорвали у этой части крестьян веры в социалистическое будущее, путь к которому лежал через насильственную коллективизацию. Идеино воспитанные Коммунистической партией на теории классовой непримиримости, с менталитетом Гражданской войны они уверенно шли по пути «социалистического преобразования деревни», невзирая ни на какие трудности. Происходившие в 1933 г. в деревне трагические события рассматривались ими как неизбежность на этом пути. Эта часть крестьянства активно поддержала действия политотделов МТС, направленные на укрепление колхозного производства. «Силу какую-то они вдохнули в нас», — говорили они и принимали самое активное участие в организованном политотделами и партийными органами «социалистическом соревновании» между бригадами, колхозами, МТС за качественное проведение сева, уборочной, других сельскохозяйственных работ²⁰⁹. Своим трудом они способствовали укреплению сельскохозяйственного производства, обеспечивая тем самым условия выхода селений из голодного кризиса.

Этот выход происходил не только на путях усиления административных методов давления на крестьянство, но и с помощью изменения государственной политики по отношению к колхозам.

Самым существенным ее изменением стала отмена постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 19 января 1933 г. договорной

(контракционной) системы заготовок зерновых культур. Данное постановление устанавливало твердые нормы сдачи зерна государству колхозами и совхозами и запрещало встречные планы. Нормы сдачи зерна были определены для зерновых районов СССР в конце января 1933 г.²¹⁰ В частности, согласно постановлению о зернопоставках не позднее 15 марта каждому колхозу и единоличному хозяйству вручалось обязательство, в котором точно указывалось, сколько они должны сдать государству зерна с каждого гектара посевной площади и в какие сроки. Причем обязательная поставка не должна была превышать трети валового сбора каждого хозяйства при среднем урожае. Все оставшееся зерно после выполнения обязательной поставки и натуроплаты МТС оставалось в полном распоряжении производителей. Особое значение для крестьян имел пункт о «безусловном запрещении» местным органам власти и заготовительным органам «допускать встречные планы или налагать на колхозы и единоличные хозяйства обязательства по сдаче зерна, превышающие нормы, установленные настоящим законом. Все излишки хлеба после выполнения обязательств сдачи государству зерна остаются в полном распоряжении самих колхозов, колхозников и единоличников»²¹¹.

Подобные изменения стимулировали трудовую активность колхозников, поскольку хлеб, собранный сверх установленных норм, оставался в колхозе. Они заставляли местное руководство принимать все меры для обеспечения успешного проведения сельскохозяйственных работ, которые только и могли обеспечить выполнение государственных заданий по хлебосдаче. Теперь оно лишалось возможности выполнять районный и краевой планы за счет изъятия хлеба у передовых хозяйств. Таким образом, новая система заготовок повышала заинтересованность и ответственность за состояние колхозного производства как руководителей, так и рядовых колхозников.

Укреплению колхозного производства способствовали и постановления Наркомзема СССР от 28 февраля 1933 г. «О примерных нормах выработки на 1933 год» и «Об оценке трудодня различных сельскохозяйственных работ в колхозах»²¹². Они в значительной мере устраняли ту неразбериху, которая существовала в колхозах в 1932 г. при определении и оценке норм выработки колхозников на различных колхозных работах и оказала негативное влияние на их стимулирование. Например, тогда начисление трудодней происходило в большинстве случаев вне зависимости от качества работы. Трудодни механически писали за пахоту с огрехами, остав-

ление сорняков при прополке, неполный оборот, потери при уборке, плохую косьбу и т. д. Новые правила строго предписывали бригадирам не начислять трудодни за работу, «проведенную некачественно». Нормы выработки следовало определять не механически по всем колхозам района, а в соответствии с «особенностями колхоза, состоянием тягла, машин, характером почвы». В целях стимулирования предусматривалось при получении бригадой колхоза урожая выше среднего колхозного всем членам бригады производить начисление трудодней в пределах 20 % всего числа выработанных ими трудодней за счет одновременного снижения в тех же размерах бригадам, давшим урожай ниже среднего колхозного²¹³. Данные постановления способствовали повышению заинтересованности колхозников в качественном выполнении основных сельскохозяйственных работ. В отличие от 1932 г., в 1933 г., с появлением в колхозной деревне политотделов МТС, становилось возможным контролировать их выполнение.

8 мая 1933 г. за подписью Сталина и Молотова разслана «всем партийно-советским работникам, органам ОГПУ, суда и прокуратуры» секретная директива-инструкция, в которой давалась установка на прекращение массовых репрессий в деревне. «Три года борьбы, — говорилось в ней, — привели к разгрому сил наших классовых врагов в деревне». Создается «новая благоприятная обстановка», дающая возможность «прекратить, как правило, применение массовых выселений и острых форм репрессий». «Наступил момент, когда мы уже не нуждаемся в массовых репрессиях, задевающих, как известно, не только кулаков, но и единоличников и часть колхозников». В этом документе Сталин и Молотов не осудили применение в деревне методов массовых репрессий и террора против крестьянства (раскулачивание, выселение и т. д.). Их применение было необходимым средством для «укрепления» колхозного строя. Сталина и Молотова беспокоило то, что дальнейшее применение «острых форм репрессий» может «свести к нулю влияние нашей партии в деревне». Поэтому и были даны конкретные указания о прекращении массовых выселений крестьян, об «упорядочении» производства арестов и о разгрузке мест заключения²¹⁴. По сути, этой директивой-инструкцией был признан факт слома сопротивления крестьянства сталинской политике. Ослабленные голодом и запертые в своих деревнях крестьяне уже не представляли угрозы режиму. Необходимо было сменить политику «кнута» на политику «пряника», создать в колхозной деревне условия для подъема сельскохозяйственного производства. А этот

подъем мог быть обеспечен более гибкой политикой, чем простая ставка на силу, обеспечившая успех сталинскому руководству в предшествующие годы. Таким образом, вышеупомянутая директива давала отбой прежней политике партии в деревне, сводившейся прежде всего к осуществлению массовых репрессий. Эта политика исчерпала себя и стратегически и тактически, хотя ее методы, как уже указывалось выше, продолжали широко использовать политотделы в 1933 г.

Необходимо указать и еще на одно нововведение, стимулировавшее трудовую активность колхозников. 19 января 1934 г. был принят закон «О закупках хлеба потребительской кооперации», которые должны производиться у крестьян на основе полной добровольности по ценам на 20–25 % выше заготовительных, причем хозяйства, продавшие хлеб по закупочным ценам, получали право приобретать дефицитные промтовары на сумму, в три раза превышающую стоимость проданного хлеба²¹⁵.

Начало выхода колхозной деревни из голодного кризиса было положено в целом успешно подготовленной и проведенной в основных зерновых районах страны посевной кампанией. В самый пик голода, весной 1933 г., с помощью административного принуждения, выдачи продовольственных ссуд выходящим в поле колхозникам, пахотой на коровах удалось засеять колхозные поля. В селениях, находившихся в эпицентрах голода, многие крестьяне погибли во время посевной, наевшись сырого протравленного зерна и не выдержав напряжения полевых работ. Нередки были случаи, когда обессиленные голодом люди выходили в поле и умирали в борозде. «Помирать собирайся, а хлеб сей», — говорили они...²¹⁶

Продержавшись до начала уборочной, голодающая деревня вздохнула с облегчением. В июле — августе 1933 г. смертность от голода пошла на убыль и вскоре почти прекратилась в большинстве пораженных голодом районах СССР²¹⁷.

Во время уборочной местным руководством и политотделами удалось не допустить повторения ситуации 1932 г., когда повсеместное распространение получили факты хищений колхозного зерна, отказов от уборки, некачественного ее проведения. Этому способствовал и ряд постановлений ЦК ВКП(б) и Советского правительства, принятых летом 1933 г. Например, 10 июня 1933 г. вышло постановление, установившее новый порядок выдачи авансов колхозникам за участие в уборочных работах. На авансирование трудодней предусматривалось отчислять не более 15 % фактически намолоченного зерна. Остальная его часть должна идти в счет

выполнения государственных заданий по хлебосдаче²¹⁸. В 1932 г. ситуация была иной. Во многих районах авансирование осуществлялось стихийно, в зависимости от ситуации и позиции местного руководства. По мнению комиссии Постышева, именно решение Нижне-Волжского крайкома ВКП(б) о выдаче аванса в колхозах края до 1,5 кг зерна на трудодень в начале уборочной страды привело к неразберихе, расхищению урожая и срыву хлебазаготовок²¹⁹. Установленный в постановлении ЦК и правительства от 10 июня 1933 г. порядок авансирования трудодней стимулировал колхозы организованнее проводить уборку. Не в интересах колхозников было теперь затягивать косьбу и обмолот, поскольку чем быстрее и с меньшими потерями они смогут их провести, тем больше хлеба они получат на трудодни.

Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 2 августа 1933 г. местное руководство вновь предупреждено о запрещении дачи встречных планов колхозам, выполнившим задания по зернопоставкам. За нарушение по постановлению предусматривалась уголовная ответственность²²⁰.

И здесь свою позитивную роль сыграли политотделы МТС, активно защищавшие интересы колхозов, находящихся в зоне их действия. Пользуясь своим статусом, они решительно шли на конфликты с районными властями по поводу планов зернопоставок, настаивая на их снижении, если они не учитывали реально сложившуюся ситуацию в колхозах. В 1932 г. за подобные действия председатели колхозов расплачивались собственной головой, а уполномоченные творили беспредел. Теперь же подобной практике был положен конец. И в этом состоит несомненная заслуга работников политотделов МТС.

О том, насколько конфликтной сложилась ситуация по вопросу корректировки государственных планов зернопоставок, можно судить по материалам Июньского пленума ЦК ВКП(б) 1934 г. Конфликтные отношения между политотделами МТС и райкомами партии затронуты на пленуме в выступлении начальника объединения «Заготзерно» И. М. Клейнера. Он отметил, что при вручении обязательств по зернопоставкам весной 1934 г. многие местные работники, в том числе начальники политотделов, ставили вопрос о завышенности плана хлебазаготовок, просили и требовали уменьшить зернопоставки. Клейнер квалифицировал эти факты как проявление антигосударственной тенденции, как «скидочные настроения». Его поддержал и ряд видных региональных руководителей, поднатюривших в 1931–1932 гг. в выкачке хлеба из

подвластных им деревень и проведении в жизнь в 1933 г. драконовских мероприятий партии (Косиор, Постышев, Варейкис). Например, Косиор заявлял, что политотделы заботятся лишь о том, как бы их колхозы не обидели, не взяли лишнего. «Многие политотдельщики срослись с местными людьми, забыли о том, какие задачи перед ними ставились в начале 1933 года», — отметил он и предложил «ударить по таким настроениям, указать на это в резолюции пленума». Так и сделали: пленум обязал «партийные и советские организации, и в особенности политотделы МТС и совхозов, — дать решительный отпор антигосударственным тенденциям и мобилизовать силы и бдительность колхозников и совхозных работников на борьбу за полное выполнение в установленные сроки плана зернопоставок и возврата ссуд»²²¹.

Комплекс охарактеризованных мер дал первые позитивные результаты. В 1933 г. уже налицо укрепление производственной дисциплины в колхозах. Об этом свидетельствовал факт большего числа трудодней, выработанных в колхозах, по сравнению с 1932 г. Так, например, если в 1932 г. в Нижне-Волжском крае в колхозе одним колхозником в среднем было выработано 105 трудодней, в Средне-Волжском крае — 100, то в 1933 г. эти показатели равнялись соответственно 167 для колхозника Нижне-Волжского края и 123 — Средне-Волжского края²²². В 1933 г., по сравнению с 1932 г., в зерновых районах СССР более организованно и качественно были проведены основные сельскохозяйственные работы. Было вспахано больше паров, обмолочено больше площадей, меньшими стали потери при уборке урожая²²³.

Успешное завершение уборочной страды сняло остроту голодного кризиса. Общественное питание и полученный колхозниками хлеб на трудодни спасли от гибели трудоспособную часть деревни и иждивенцев, сумевших дожить до нового урожая.

Наряду с мерами, обеспечившими успехи в организации посевной и уборочной кампаний, в 1933 г. советским государством приняты и другие важные решения, способствовавшие выходу из кризиса. Они оказали позитивное влияние на материальное положение сельского населения. Среди них следует отметить постановление СНК СССР от 20 июня 1933 г., согласно которому законодательно закреплено право колхозников иметь на своем личном подворье корову, мелкий скот и птицу²²⁴. Важное значение имело постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 14 августа 1933 г., а также постановление Политбюро ЦК от 1 ноября 1933 г. «О помощи бескорванным колхозникам в обзаведении коровами»²²⁵. Постанов-

лениями предусматривалось из общественного стада колхозов выделить коров в личное пользование колхозников. Например, в Нижне-Волжском крае выделялось 70 тыс. коров, в Средне-Волжском крае — 85 тыс. коров. Возможность обзавестись коровой давала тысячам колхозных семей гарантию спасения от голодной смерти. Таким образом, в 1933 г. начался процесс роста обеспеченности колхозников индивидуальным скотом. Используя предусматриваемые государством льготы, поощряемые политотделами, колхозники приобрели в 1933–1934 гг. для личных подсобных хозяйств (ЛПХ) около 5,5 млн голов скота, в том числе 1,9 млн коров и телок, 3 млн свиней и поросят, более 0,5 млн овец и ягнят. К концу 1934 г. уже почти две трети колхозных семей страны имели коров. На 100 колхозных дворов приходилось 62 коровы и 80 голов другого скота. В ЛПХ колхозников было произведено 20,6 % валовой продукции животноводства страны²²⁶.

В 1933 г. в зерновых регионах СССР, впервые за годы коллективизации, приостановилось сокращение поголовья рабочего и продуктивного скота. Более того, кроме лошадей происходит увеличение численности крупного рогатого скота, овец, коз и свиней²²⁷.

Таким образом, выход зерновых районов СССР из голодного кризиса 1933 г. был осуществлен на путях организационно-хозяйственного укрепления колхозов. Деятельность политотделов МТС и изменение в психологии крестьянства стали решающими факторами этого процесса.

Следует особо отметить такую характерную деталь, подтверждающую сказанное. В результате организованного проведения основных сельскохозяйственных работ в 1933–1934 гг. впервые в истории колхозной деревни хлебозаготовительные планы были выполнены не только по стране в целом, но и в отдельности каждой областью, краем, республикой (в том числе в рассматриваемых регионах) в рекордные для тех лет сроки: в 1933 г. — к середине декабря, а в 1934 г. — к 1 ноября. В докладе на Ноябрьском пленуме ЦК партии 1934 г. Каганович с гордостью заявил: «Никогда мы так не кончали и никогда так организованно не производили хлебозаготовки, как в этом году». И тут же этот успех был приписан докладчиком «любимому вождю!» «План об организации политотделов — план ЦК, план тов. Сталина», — заключил Каганович.

Политотделы МТС были ликвидированы в ноябре 1934 г. быстро и неожиданно. Формально эта была «победа» партийного единовластия над двоецентрием в районах. «Политотделы цели-

ком себя оправдали, — дипломатично говорил секретарь обкома партии Центрально-Черноземной области Варейкис на Ноябрьском пленуме ЦК, реагируя на реплику Сталина: «Двоецентрие было одно время необходимо», — но далее сохранять их нецелесообразно: нет единого центра в районе, продолжаются непрерывные разногласия, часть района вырывается из единого целого, а райком должен отвечать за все»²²⁸. Но другой причиной, может быть, более важной, было нежелание сталинского руководства потворствовать дальше действиям политотдельцев по защите интересов колхозников. Уж больно независимо они стали себя вести и слишком рьяно защищать колхозные интересы в ущерб районным, областным и государственным. Политотделы были необходимы для вывода деревни из кризиса в чрезвычайной ситуации первой половины 1933 г. Теперь же, когда эта задача в основном была решена, Сталину уже не нужны были партийцы, чересчур уж «сросшиеся» с колхозниками и «взявшими их сторону». С ними уже невозможно было говорить на фарисейском языке. А поскольку реальная ситуация в сельском хозяйстве была еще далека до идеальной, не исключены были новые «штурмы», «чистки» и т. д., — режим не мог не опасаться появления на селе потенциальной оппозиции из числа коммунистов²²⁹. Ему нужны были простые исполнители, готовые на все ради выполнения заданий партии, а не коммунисты, способные отстаивать интересы бесправных крестьян. Поэтому вертикаль власти и была восстановлена.

Несмотря на достигнутые успехи, последствия голодного кризиса не были полностью устранены ни в 1933 г., ни в следующем году. В стране оставалась низкой урожайность, не росли валовые сборы зерновых культур. При некотором росте поголовья скороспелых видов скота (свиньи, овцы) численность основных видов (крупный рогатый и рабочий скот) продолжала падать. Кризис сельскохозяйственного производства в целом не был преодолен, несмотря на бодрые резолюции Ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) 1934 г. о том, что политотделы МТС «добились серьезных успехов в деле превращения отсталого участка социалистического строительства — сельского хозяйства — в передовой»²³⁰. Более того, в результате сильной засухи 1933 г. в левобережных районах Поволжья и на Южном Урале население оказалось в очень тяжелом положении. Наблюдались случаи опуханий и смертей на почве голода²³¹. Однако это явление имело локальный характер и было преодолено в 1934 г. с началом весенней посевной кампании. Кульминация общекрестьянской трагедии была уже позади.

Голод 1932–1933 гг., ставший кульминацией глубочайшего кризиса сельского хозяйства СССР, заставил сталинский режим скорректировать аграрную политику. Сталинскому руководству пришлось поступиться некоторыми принципами ортодоксального коммунизма. В частности, Сталину пришлось отказаться от идеи прямого продуктообмена между городом и деревней, сторонником которого он был с момента перехода к сплошной коллективизации. В выступлении на Ноябрьском пленуме ЦК ВКП(б) 1934 г. в связи с отменой карточной системы он заявил о желании партии «укрепить денежное хозяйство», «вовсю развернуть товарооборот, заменив системой товарооборота нынешнюю политику механического распределения продуктов». При этом, сохраняя излюбленную им тактику «поиска стрелочника», Сталин подверг резкой критике «левацкие» элементы в партии, считавшие, что можно «с места в карьер, сразу перейти на продуктообмен», даже эмоционально назвал их действия «глупостью» и уверенно подытожил, что установить обмен между городом и деревней без купли-продажи — «немыслимое дело»!²³² Этой речью, казалось бы, вождь открывал дорогу неонэповским новациям и, таким образом, делались некоторые уступки деревне, к чему призывали еще раньше отдельные члены ЦК партии, в частности, на Сентябрьско-октябрьском пленуме 1932 г.²³³ Но в действительности нового нэпа не произошло. С отменой карточной системы, которую Сталин объявил радикальной экономической реформой, суть экономических отношений в стране, в том числе в аграрном секторе, осталась прежней. Рыночные (товарно-денежные) отношения получили распространение в крайне узких сферах. Фундаментальные же принципы созданной в годы первых пятилеток социалистической экономики остались неизменными, особенно в деревне. Прежде всего неизменной осталась ценовая и налоговая политика. Заготовительные цены на сельскохозяйственную продукцию продолжали оставаться крайне низкими, убыточными для колхозов и единоличных хозяйств. Колхозная торговля хотя и способствовала некоторому оживлению рыночных связей между городом и деревней, не могла широко развернуться, поскольку была жестко привязана к обязательным поставкам и базировалась на «остаточном принципе». Кроме того, были ограничены рамками «государственного социализма» потенциальные возможности приусадебных хозяйств колхозников. По-другому и не могло быть. В противном случае развитие товарно-денежных отношений неминуемо разрушило бы тоталитарную систему сталинизма, основанную на директивном планировании и командно-мобилизационных методах руководства экономикой.

Единственным компромиссом с крестьянством стало приусадебное хозяйство колхозников. Необходимость создания благоприятных условий для его развития была, скорее всего, первыми осознана в голодном 1933 году работниками политотделов МТС. Об этом же шла речь в многочисленных выступлениях делегатов на Втором Всесоюзном съезде колхозников-ударников в феврале 1935 г. при обсуждении нового колхозного Устава. Каждое их предложение было буквально выстрадано голодающими крестьянами и оплачено тысячами жизней. Прежде всего делегаты съезда внесли предложения, направленные на то, чтобы законодательно закрепить в Уставе право колхозника на личное подсобное хозяйство, четко и справедливо определить его размеры (площадь участка, количество скота, наличие построек и т. п.). И Сталин был вынужден пойти в этом вопросе на серьезные уступки. На съезде было решено, в зависимости от региона, предоставить колхознику возможность иметь от 0,25 до 0,5, а в отдельных районах до одного гектара приусадебной земли и от одной до двух-трех коров, неограниченное количество птицы, кроликов и т. п. В районах же кочевого животноводства, в частности в Казахстане, пережившем в 1932–1933 гг. самую страшную за свою историю демографическую катастрофу, — колхозникам разрешено было содержать на подворье до 20 коров, 100 — 150 овец, до 10 лошадей, до 8 верблюдов и т. д. Принятый на съезде колхозников и утвержденный 17 февраля 1935 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Примерный устав сельскохозяйственной артели» впервые с начала коллективизации юридически закрепил за крестьянином право на ведение личного подсобного хозяйства. Уставом колхозникам разрешалось продавать свою продукцию, выращенную в ЛПХ, на рынке. Были несколько расширены их права в управлении колхозами, при решении вопроса об исключении из колхоза и т. д.²³⁴ В создание «основного закона» колхозной деревни внес свою лепту и Сталин. Как член Комиссии съезда по выработке Примерного устава, он предложил дополнить формулировку проекта Устава о закреплении за колхозами земли в бессрочное пользование словами «то есть навечно»²³⁵. Таким образом, Сталин еще раз напомнил колхозникам о незыблемости колхозного строя и его основополагающих принципов. Этот факт получил наглядное подтверждение в части положений Устава, касающихся организации колхозного производства. В частности, Устав оставил неизменным «остаточный принцип» распределения колхозной продукции по трудодням — в конце года, после выполнения колхозом обязательных поставок, засыпки семенных, фу-

ражных и страховых фондов, создания фонда государственных закупок и т. д. Тем самым в Уставе закреплялся приоритет государственных интересов над интересами колхозников. Колхозы оставались предприятиями по обеспечению государства прежде всего сельскохозяйственной продукцией и сырьем, а затем уже для удовлетворения нужд колхозников.

Тем не менее Второй Всесоюзный съезд колхозников, принявший новый Устав колхозов, сыграл важную роль в нормализации обстановки в деревне, в урегулировании, насколько это было возможно в условиях сталинского режима, взаимоотношений государства с колхозами и колхозниками. Сталинское руководство вынуждено было пойти на известный компромисс с колхозниками, предоставив им гарантированное право на приусадебное хозяйство, которое для подавляющего большинства из них превратилось в основной источник продуктов питания, кормов для скота и денежных средств. Уже в 1935 г., вскоре после принятия нового Устава, колхозники приобрели для приусадебного хозяйства на льготных условиях 5,4 млн голов скота, в том числе 1,6 млн коров и телок, 2,8 млн свиней. В 1937 г. в общем объеме валовой продукции колхозного сектора удельный вес приусадебных хозяйств составлял: по картофелю и овощам — 52,1 %, по плодовым культурам — 56,6, по молоку — 71,4, по мясу — 70,9, по производству кож — 70,4 %²³⁶. В конце второй пятилетки личные подсобные хозяйства значительно опережали общественное хозяйство колхозов в производстве животноводческой продукции и давали более половины картофеля, овощей и плодов, что шло в основном на личное потребление, но частично продавалось и на рынке (примерно четверть животноводческой продукции, до половины картофеля и овощей). За годы второй пятилетки обороты рыночной колхозной торговли увеличились с 7,5 млрд руб. до 17,8 млрд, или в 2,4 раза. К 1938 г., по сравнению с 1933 г., рыночные цены снизились на 63,9 %, в том числе по хлебной группе — на 83 %, по картофелю — на 80, по овощам — на 39, по мясу — на 29, по молоку — на 43 %²³⁷.

Таким образом, выход колхозной деревни из голодного кризиса, улучшение материального положения колхозников были закреплены на базе развития личного подсобного хозяйства колхозников. Именно на этом мизерном клочке земли крестьянин-колхозник решал свои главные бытовые проблемы, трудился с полной отдачей сил, сохраняя подлинно крестьянские черты в условиях почти полного раскрестьянивания в системе общественного хозяйства. Хотя в стабилизации обстановки в деревне во вто-

рой половине 1930-х гг. важную позитивную роль сыграли факторы укрепления колхозного производства, в частности, усиления материально-технической базы, все же реальный перелом в материальном положении крестьянства произошел прежде всего за счет развития личного подсобного хозяйства. И вся последующая история советской деревни неразрывно связана именно с этим.

§ 4. Пиррова победа

Загнав крестьян в колхозы, сломив крестьянское сопротивление коллективизации, Советская власть так и не сможет добиться от них более производительного труда в общественном хозяйстве, чем на своем подворье. На протяжении второй половины 1930-х гг. и до начала «брежневской эпохи» будет вестись, с переменным успехом, изнурительная борьба Советского государства с колхозным крестьянством за сохранение приоритета колхозных интересов над личными. Постоянным явлением станут так называемые нарушения Устава сельскохозяйственной артели. Закрепив за колхозниками право на ведение личного хозяйства, Советская власть столкнется с повсеместным крестьянским желанием расширять экономические возможности ЛПХ. В Поволжье и на Дону, в Сибири и на Кубани колхозники начнут распахивать под огороды колхозные земли, увеличивать в своих хозяйствах поголовье скота, в ущерб интересам колхозного производства больше работать в личных подсобных хозяйствах²³⁸. Почему происходило так? Неужели опыт 1933 г. оказался недостаточно поучителен для крестьян и Советского государства? Оказывается, нет. Выход из голодного кризиса не был окончательным, поскольку сохранились его глубинные причины. Поэтому призрак голода будет постоянно возникать в советской деревне, а советский строй так и не сможет решить «продовольственную проблему»! Возникать он будет вследствие того, что колхозы так и не смогут обеспечить крестьянам достойной их труда жизни, а Советское государство сохранит к ним чисто потребительский подход как к источнику сырья и продовольствия для города и промышленности. Так было в начальный период существования колхозного строя, так останется и в последующий период, вплоть до его крушения.

Труд в колхозах мало привлекал колхозников: что толку работать, если осенью государство все заберет подчистую? Поэтому и в 1930-е гг., и в дальнейшем колхозники заботились больше о своем личном хозяйстве, чем о колхозном. Например, по официальным

данным, в 1937 г. более 10 % колхозников не вырабатывали ни одного трудодня, в 1938 г. — 6,5 %, 16 % колхозников вырабатывали менее 50 трудодней в год²³⁹. Вот лишь один пример из жизни типичного колхоза, иллюстрирующий сказанное. В 1930–1940-е гг. в колхозе с. Лох Новобурасского района Саратовской губернии широкое распространение получили так называемые нарушения Устава сельскохозяйственной артели. Колхозники увеличивали размеры своих огородов за счет колхозной земли, количество скота на подворье, чтобы компенсировать таким образом фактически бесплатный труд в колхозе. В частности, в 1939 г. в материалах Саратовского обкома ВКП(б) говорилось: «Из года в год [...] колхозники на трудодни получают мало хлебом и деньгами [...] поэтому колхозники не заинтересованы работать в колхозе, а лишь раздувают свое личное хозяйство (скот, приусадебные участки). В 1939 г. из 380 трудоспособных, в колхозе им. Молотова не выработал ни одного трудодня 181 человек»²⁴⁰.

Поскольку государственные заготовки исчислялись с посевной площади и поголовья скота, колхозники самовольно сокращали посевы, и были случаи, когда пытались «порезать» колхозный скот — планы заготовок в этом случае уменьшались. Во второй половине 1930-х гг. характерной была ситуация, когда колхозные земли находились в запустении и колхозники работали спустя рукава. В то же время колхозная администрация раздавала общественную землю в личное пользование. Колхозники за счет аренды расширяли свои приусадебные участки и даже имели в частном пользовании земли в колхозных полях. Уплачивая колхозам определенную мзду, арендаторы везли выращенную продукцию на рынок и тем жили. В колхозных полях появились крестьянские хутора и даже поселки. Быстро росло поголовье скота в личном пользовании крестьян. По численности оно превышало колхозное стадо. Для пополнения ферм и выполнения плана колхозы зачастую покупали личный скот колхозников.

В довоенные годы подсобное хозяйство и рынок оставались главным источником продовольственного самообеспечения крестьянства и их денежных доходов. Если за годы второй пятилетки колхозные посевы сократились, то подсобные хозяйства колхозников выросли на 2,5 млн га. По сути, под крышей колхозов в относительно спокойные годы второй пятилетки бурно развивалось частное предпринимательство крестьян.

Как уже говорилось, подсобные хозяйства — клочок земли в четверть гектара — значительно опережали колхозы в животно-

водстве и производстве овощей, хотя огромными были размеры посевной площади колхозов (117,2 млн га) и только 8 млн га — под приусадебными участками колхозников²⁴¹. В 1937 г. в общем объеме валовой продукции крестьянские подсобные хозяйства давали более половины картофеля и овощей, более 70 % молока и мяса. Продукция подсобных хозяйств крестьян обеспечивала 80 % продаж на «колхозном» рынке. На долю крестьянского рынка приходилась пятая часть товарооборота продовольствия. Исключительную роль играл крестьянский рынок и в снабжении горожан, для них он оставался главным поставщиком мясо-молочных продуктов, овощей, картофеля²⁴². Личные хозяйства разрастались, крестьянский рынок процветал, крестьяне богатели.

Власти, обеспокоенные падением трудовой дисциплины в колхозах вследствие отсутствия материальной заинтересованности колхозников в подъеме общественного производства, решили исправить положение не путем дополнительных ассигнований в сельское хозяйство, повышения заготовительных цен и снижения объемов заготовок, а путем санкций против личных хозяйств колхозников, изначально ставших главным источником благосостояния для их семей. Сталин посчитал, что, если снизить и без того невысокую доходность личных хозяйств, колхозники за одни только «палочки» будут лучше работать в колхозах. Таким образом, спустя пять лет после «хлебозаготовительного беспредела», сталинский режим вновь пошел по пути «завинчивания гаек» в колхозной деревне, создавая тем самым новую угрозу голода. И снова важнейшим мотивом его аграрной политики становится антиколхозная позиция подавляющего большинства крестьянства, выразившаяся в пренебрежении интересами общественного производства. Обратимся к основным сюжетам новой атаки на крестьянство, предпринятой Советским государством накануне Великой Отечественной войны, дестабилизировавшей сельское хозяйство страны накануне суровых испытаний.

Прежде всего, Политбюро решило остановить «разбазаривание социалистической собственности». По данным ЦУНХУ СССР, на 1 января 1938 г. приусадебные участки колхозников соответствовали норме Устава сельскохозяйственной артели (0,4–0,2 га), в 77,1 % колхозов ниже нормы — в 12,5 %, а выше нормы — в 10,4 %. Произведенный в 1939 г. обмер земель выявил гораздо большие размеры превышения уставных норм землепользования²⁴³.

На Майском (1939 г.) пленуме ЦК ВКП(б) было решено произвести повсеместный обмер участков и выявленные излишки пере-

дать в общественный земельный фонд колхозов. Земли были обмерены, усадебные участки обрезаны, хутора в колхозных полях ликвидированы. Обмеры дезорганизовали уборочную и осеннюю посевную кампании и больно ударили по приусадебному хозяйству — главному источнику самообеспечения крестьянства и рыночной торговли. Излишки составили 2 542,2 тыс. га²⁴⁴. Обрезка усадеб повлекла за собой сокращение скота в личном пользовании. Тот личный скот, что превышал установленную уставом норму, был обобществлен и передан колхозам.

Наряду с «упорядочением» колхозного землепользования на Майском пленуме ЦК ВКП(б) 1939 г. для каждого трудоспособного колхозника был установлен обязательный минимум трудодней в году: 100 трудодней — в хлопковых районах, 60–80 трудодней — в зерновых и животноводческих районах. Особыми правами теперь наделялись руководители колхозов: они могли исключать тех членов артели, кто не вырабатывал установленный минимум трудодней, одновременно их лишали и приусадебных участков. Эти меры усиливали зависимость крестьян от руководителей хозяйств²⁴⁵.

Размеры обязательных поставок с подсобных хозяйств крестьян были увеличены. С 1940 г. планы заготовок стали определяться не посевами и поголовьем скота, а общей площадью земли, закрепленной за колхозами.

Из официальных документов того времени явствует, что особенно низкой трудовая дисциплина была у колхозников-хуторян, что вполне понятно. Живя на отшибе, они не находились под таким повседневным контролем местного начальства, как остальные колхозники. Это послужило едва ли не главной причиной партийного решения об их сселении в колхозные центры. Но на словах эта акция представлялась как проявление заботы о хуторянах, дескать, сселившись в поселки, они сразу же приобщатся к благам «колхозной цивилизации».

В целях расширения колхозного землепользования предлагалось также в Белоруссии, на Украине, в Смоленской, Калининской и Ленинградской областях РСФСР переселить в деревни колхозников с хуторов, расположенных на общественных полях колхозов. По мнению руководителей страны, весьма далеких от проблем сельского хозяйства, наличие хуторских усадеб лишь уменьшало размеры и ухудшало конфигурацию колхозных полей, снижало участие колхозников в общественном труде. С хуторов и из мелких поселков, насчитывающих до десятка дворов, переселению

подлежали 801,5 тыс. хозяйств. К январю 1941 г. в Белоруссии, на Украине, а также в 16 автономных республиках и областях РСФСР было переселено в укрупненные деревни 689,2 тыс. дворов, что составило 86,1 % всех намеченных к переселению²⁴⁶.

Сселение хуторов, как и сплошная коллективизация в начале 1930-х гг., проводилось в виде форсированной кампании. На полную мощность заработал партийно-пропагандистский аппарат.

Из-за недостатка средств помощь оказывалась лишь немногим счастливицам. Остальных, не спрашивая их согласия, по сути, насильно, в несколько дней со всем скарбом свезли в поселки, словно им грозил пожар или нашествие полчищ Мамаю. Кстати, в годы фашистской оккупации для развертывания партизанской борьбы хутора были более удобны, чем крупные поселки.

За полтора года — вторую половину 1939 и 1940 г. — основная часть хуторян была сселена. В ходе этого сселения многие хуторяне-единоличники были вовлечены в колхозы. Только в Белоруссии за 1939 г. в колхозы было принято 20 тыс. единоличников.

Процесс ликвидации хуторов в ряде районов сопровождался объединением мелких колхозов. С 1 июля 1939 г. по 1 июля 1940 г. численность колхозов в СССР сократилась за счет укрупнения на 4800, в том числе по Калининской области — на 472, Смоленской — на 230, Ленинградской — на 361²⁴⁷.

Фактором, дестабилизирующим сельскохозяйственное производство, были также массовые насильственные переселения крестьян для освоения восточных регионов, которые по решению Политбюро проводились на рубеже 1930–1940-х гг.²⁴⁸

Удар по рыночному хозяйству (в то время как госзаготовки росли, а централизованное снабжение населения ухудшалось) обострил продовольственную ситуацию в стране, усилил и аграрные мероприятия, которые проводились по решению Майского 1939 г. пленума ЦК ВКП(б).

Результаты мер, принятых Политбюро для реанимации низкоэффективного колхозного хозяйства и сокращения частной крестьянской деятельности, были плачевными. Источники самообеспечения крестьянства и размеры крестьянской торговли сократились, что наряду с усилением милитаризации и ростом военных расходов стало одной из причин продовольственного кризиса 1939–1941 гг.²⁴⁹

В 1939 г. началась Вторая мировая война. Пока она шла еще в стороне от СССР, а страна уже начала постепенно скатываться в полосу серьезнейших продовольственных затруднений. Особенно ощутимо это становится в советско-финскую войну. В декабре

1939 г. из свободной продажи исчезают хлеб и мука, чуть позже начинаются перебои и с другими продуктами. Реакция продовольственных рынков не замедлилась: цены резко подскочили. И хотя карточная система официально еще не была введена, фактически страна перешла на нормированное снабжение.

Из-за нехватки ресурсов с 1 декабря 1939 г. правительство запрещает свободную продажу муки и печеного хлеба в сельских местностях. Тревожные вести поступали из колхозов. Весной-летом 1940 г., по сообщениям НКВД Чувашской АССР и материалам проверки НКВД СССР, в ряде колхозов республики «создалось напряженное положение с хлебом». Из 1690 колхозов 651 не имели возможности создать семенной и фуражный фонды. В 535 колхозах на трудодень выдали не более 1 кг зерна, в 847 — не более 2 кг. В некоторых колхозах власти разрешили отпускать семенное зерно на пропитание. Росли упаднические настроения, желание отказаться от руководства колхозами: «Надо избить кого-нибудь из колхозников, чтобы поскорее сняли с работы». Председатель Хымайлокосинского колхоза Кондратьев написал заявление об уходе с работы, повесил на двери своего кабинета, а сам ушел на заработки. В апреле 1940 г. Берия в донесении Сталину и Молотову информировал: «По сообщениям ряда УНКВД республик и областей за последнее время имеют место случаи заболевания отдельных колхозников и их семей по причине недоедания». В числе нуждающихся в помощи перечислялись Киевская, Рязанская, Воронежская, Орловская, Пензенская, Куйбышевская области, Татарская АССР. «Проведенной НКВД проверкой факты опухания на почве недоедания подтвердились». Колхозники ели мясо из скотомогильников, подсолнечный жмых и другие суррогаты, бросали работу и уезжали в другие районы... Реальностью было мешочничество — хлебный десант в ближайшие и дальние города²⁵⁰.

Многие крестьянские семьи, спасаясь от голода, стремились переселиться в город, правдами и неправдами преодолевая всевозможные препятствия, чинимые властями. В Российском государственном архиве экономики хранятся некоторые выписки из заявлений крестьян с просьбами разрешить им отходничество: «Хлеба нет. Кормиться нечем и жить больше невозможно» (Федор Агапов); «Учел себя в том, что не могу ни в коем случае прокормить свою семью. Хлеба нет. Дом продал» (Иван Шаров); «Живу в плохих условиях. Хлеба не имею. Дети доносили последнюю одежду. Скота не имею. Существовать больше нечем» (Дмитрий Степанов)²⁵¹.

Ситуация, складывающаяся в стране, была настолько серьезной, что о ней сообщали наверх и высшим государственным чиновникам. Так, в записке прокурора Союза ССР В. Бочкова от 7 марта 1941 г. на имя секретаря ЦК ВКП(б) Андреева приводились многочисленные факты голода в колхозах Новосибирской области, где наблюдался большой падеж скота, употребление в пищу голодающими мяса павших животных²⁵². Информация о голоде, идущая как «снизу», так и «сверху», несомненно, была известна Сталину, но она словно бы уходила в песок. Каких-либо действенных мер по оказанию помощи голодающим в это время не отмечено.

Изложенные факты свидетельствовали о начале глубокого кризиса колхозного строя в СССР, и если бы не война, то не исключено, что его радикальное реформирование стало бы неизбежным, так же как и существующего политического строя. Вторая мировая война остановила этот процесс, «законсервировала» колхозы и сталинский режим, создала миф о так называемых преимуществах колхозного строя, обеспечивших советскому народу Великую Победу.

Сталинская выдумка о «преимуществах социалистической системы хозяйства», о «преимуществах колхозного строя», якобы сыгравших решающую роль в победе советского народа в Великой Отечественной войне, вот уже более пятидесяти лет кочует в исторической литературе из одной работы в другую. Данная оценка нуждается в существенной корректировке.

Об «экономической победе колхозного строя» в годы Великой Отечественной войны нельзя говорить столь категорично, потому что колхозы оказались неспособными взять на себя полностью продовольственное обеспечение страны, в первую очередь городского населения. Если бы горожане полагались только на колхозную экономику, то многим из них не удалось бы избежать голодной смерти. Данное обстоятельство хорошо понимало сталинское руководство. Поэтому оно и предоставило городскому населению возможности для развития огородничества и личных подсобных хозяйств, против которых велась активная борьба в колхозной деревне в довоенные годы.

Так, 7 апреля 1942 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих»²⁵³. Для развития огородничества 19 июня 1943 г. Советское правительство приняло решение об освобождении от обложения сельскохозяйственным налогом

доходов рабочих и служащих, получаемых ими с коллективных и индивидуальных огородов. 19 февраля 1944 г. Совнарком СССР принял постановление «О мерах по дальнейшему развитию и улучшению индивидуального и коллективного огородничества рабочих и служащих в 1944 году»²⁵⁴. По расчетам У.Г. Чернявского, в индивидуальном и коллективном огородничестве в 1942 г. участвовала одна треть городского населения, в 1943 г. — две пятых, а в 1944 г. — 50 %²⁵⁵. Вклад подсобных хозяйств в продовольственный баланс страны был весьма существенным. Так, в 1945 г. их продукция в общих ресурсах, поступивших на снабжение рабочих и служащих предприятий, составляла: картофеля — 38 %, овощей — 59 %²⁵⁶.

Именно развитие огородничества в колхозах смягчило остроту продовольственной проблемы в стране в целом и особенно в деревне в годы Великой Отечественной войны. Основную часть продуктов питания крестьяне получили от своих личных хозяйств. Личное подсобное хозяйство стало основным источником их жизнеобеспечения. Оно в среднем на 85–90 % восполняло недостачу продуктов в общественном производстве. За годы войны личное подсобное хозяйство несколько расширилось. Так, если в 1940 г. в РСФСР на 100 колхозных дворов приходилось 95 голов крупного рогатого скота, то в 1945 г. их стало 104. По Союзу ССР в 1940 г. на один колхозный двор приходилось 0,24 га посевов, а в 1945 г. — 0,28. Основную площадь сельчане отводили под картофель и овощи. Приусадебный участок давал в 10–20 раз больше продукции, чем колхоз на трудодни. И можно с уверенностью сказать, что подавляющее большинство крестьянских семей спаслись от голодной смерти только благодаря приусадебному хозяйству. Следовательно, колхозы оказались не в состоянии прокормить все население страны во время войны. Они накормили армию, но не крестьянство и даже не весь рабочий класс! Крестьяне и рабочие выживали за счет подсобных хозяйств, ставших в действительности основными. Причем хорошо поставленные личные подсобные хозяйства крестьян не только снабжали овощами, картофелем, частично зерном семью крестьянина, но и приносили доход, особенно если в хозяйстве имелись пчелы. Поэтому первым инициатором сбора средств на оплату самолетов и танков для Советской Армии стал колхозник-пчеловод Саратовской области Ф. П. Головатый, подаривший государству 200 тыс. руб., накопленных от продажи меда²⁵⁷. Таким образом, личный интерес крестьянина оказался во благо страны и ее обороноспособности.

Однако, возвращаясь к теме голода 1932–1933 гг., следует отметить, что несмотря на живучесть крестьянства, его инициативность, последствия голодомора, так же как и сталинской коллективизации в целом, оказались весьма негативными для страны как в ближайшей, так и в долгосрочной перспективе. Так, например, огромные потери сельского населения во время голода так и не были полностью восстановлены, так же как и численность животноводческого поголовья. Животноводство крайне медленно и с большим трудом преодолевало последствия кризиса. А демографическое эхо общекрестьянской трагедии напоминало о себе многие десятилетия, в том числе в Поволжье, на Дону и Кубани. Поэтому можно согласиться с мнением российского экономиста О. Р. Лациса, что после трагедии 1932–1933 гг. до сих пор российская деревня не оправилась от «плановых ударов по ее генетическому потенциалу и, видно, не в силах будет когда-либо справиться»²⁵⁸.

Проиллюстрировать это положение можно на примере одного из российских сел — Лох Новобурасского района Саратовской области, пережившего и коллективизацию, и голод, и все перипетии советской истории²⁵⁹.

Лох — старинное русское село с многовековой историей, в до-революционный период с зажиточным населением, развитым земледелием, животноводством и промыслами. Его пример — наглядное подтверждение главного вывода, что выход из голодного кризиса, созданного сталинской насильственной коллективизацией, был относительным, поскольку главные причины голода так и не были преодолены вплоть до начала в СССР эпохи горбачевской перестройки. И вот почему.

В 1932–1933 г. с. Лох так же, как и сотни других саратовских селений, оказался в эпицентре голода. В 1932 г. в счет хлебазаготовок из села был вывезен почти весь хлеб, который удалось вырастить на колхозных полях и в единоличных хозяйствах. В 1933 г. голод впервые за всю историю села характеризовался всеми его ужасами: голодной смертностью, людоедством и т. д. В селе произошла настоящая демографическая катастрофа: численность населения сократилась более чем в два раза (с 5005 чел. в 1928 г. — до 2623 чел. в июне 1933 г.)²⁶⁰.

Как свидетельствуют документы, на протяжении всего колхозного периода главным назначением колхоза с. Лох было производство сельскохозяйственной продукции для нужд государства — основной источник, откуда государство вычерпывало ресурсы, в

самую последнюю очередь при этом считаясь с интересами колхозников. Так, до начала 1950-х гг. в результате выполнения государственных планов зернопоставок на продовольственное потребление колхозников с. Лох оставалось хлеба меньше среднегодовой медицинской нормы. Особенно тяжелым положение было в годы Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы, когда в счет государственных хлебопоставок, не считаясь с неблагоприятными погодными условиями, направлялось больше половины выращенного урожая зерновых культур. Система планирования хлебозаготовок предусматривала поддержку государственного плана на очень высоком уровне, подстегивая тем самым колхозников на интенсивный труд. За 62 года существования колхозники с. Лох смогли выполнить государственные планы зернопоставок только девять раз. Сами эти планы постоянно увеличивались в такой зависимости, чтобы брать из колхоза около половины урожая, не считаясь с его валовыми показателями. Чем больше был урожай, тем выше устанавливались заготовительные планы²⁶¹.

По отношению к колхозникам действовал «остаточный» принцип обеспечения хлебом из выращенного урожая. В колхозе с. Лох собранные урожаи зерновых культур распределялись следующим образом: примерно 40 % зерна шло на государственные нужды, 20 — на семена, 15 — на фураж скоту и только 7 % — на оплату труда колхозников, их продовольственное обеспечение. В досоветский период, как правило, в крестьянских хозяйствах с. Лох на продовольственное потребление направлялось не менее одной трети полученного урожая зерновых хлебов. Таким образом, для государства главным была не забота о материальном благосостоянии колхозников, а стремление как можно больше взять из колхозов сельскохозяйственной продукции²⁶².

Колхозное животноводство, так же как и зерновое производство, было нацелено на удовлетворение государственных потребностей. Фактически вся его валовая продукция шла государству, а ее непосредственные производители довольствовались мизерным вознаграждением. Например, в 1930–1940-е гг. ударники колхозного животноводства получали «молочные» премии в размере до 100 литров молока на человека. Их иногда премировали поросенком. Во время обеденного перерыва колхозникам выдавали по кружке молока. Принципиальных изменений не было и в последующие годы. В 1970-х гг., например, в колхозе «Красная звезда» на оплату колхозников шло до 1 % молока от всего сданного государству и до 4 % яиц²⁶³.

Личный скот колхозников, выращенный на приусадебном участке урожай, все другие виды хозяйственной деятельности до 1960-х гг. обкладывались разорительными государственными налогами, скот нередко использовался для колхозных нужд, причем, как правило, бесплатно. В 1930–1940-е гг. особенно часто использовались коровы для выполнения колхозных полевых работ ввиду нехватки тягловой силы²⁶⁴.

Государственные налоги, существовавшие в колхозный период по отношению к личным подсобным хозяйствам лоховских колхозников, по мнению старожилы села, были непосильными, ограничивающими возможности их развития. Так, Э. Б. Корнеева вспоминала: «А урожай — неурожай картофеля, а два центнера отдай — налог такой. И мяса 40 килограммов, 100 яиц, масла — 10 килограммов с каждого двора. А если нет коровы, а овцы, там брынзу давай. Поэтому скотину перевели всю. Скотину было держать невыгодно, просто невозможно». «А налоги? Картошки отдай три центнера, мяса отдай 40 килограммов, масла — 12 килограммов... Шерсть отдай, кожу отдай... А потом и корову отберут», — вспоминал А. О. Казанкин. Старожил села А.С. Симакина свидетельствовала: «Платили: три центнера картошки, 10 килограммов платили масла... Шерсть с овцы отдавали два килограмма, с козы брали 200 граммов. И мяса — 20 килограммов. Кроликов держали, ими хорошо было выплачивать... На себе в Бурасы возили (районный центр) налог сдавать. Ящик сколачивали и тележку делали. И тащили на себе»²⁶⁵. За невыполнение обязательств по государственному налоговому обложению личных подсобных хозяйств, колхозники с. Лох привлекались к административной и судебной ответственности. Так, в 1939–1940 гг. А. С. Симакина за противодействие сельской власти во время изъятия у нее тыкв (в счет уплаты налогов) была приговорена судом к шести месяцам принудительных работ. Отец старожилы с. Лох А. О. Казанкина во второй половине 1930-х гг. за неуплату денежного налога был обязан выполнять гужевую повинность: возить лес, дрова, навоз.

До начала 1960-х гг. в колхозах с. Лох («Красная звезда» и им. В. М. Молотова) доминирующим средством, с помощью которого стимулировалась трудовая активность колхозников, было принуждение. Уголовное преследование за невыработку минимума трудодней, суровые наказания за нарушения производственной дисциплины были обычным явлением в колхозах с. Лох. Например, в августе 1940 г. тракторист колхоза им. Молотова П. А. Марунов был привлечен к уголовной ответственности за то, что «не за-

лил воду в радиатор трактора и тем самым вывел его из строя в период колхозных полевых работ». В августе 1941 г. против 20 колхозниц этого же колхоза возбуждалось уголовное дело за самовольный уход в село до завершения жатвы. Особенно много колхозников было осуждено на принудительные работы за невыработку обязательного минимума трудодней²⁶⁶.

В 1950-е гг. в жизни села четко обозначилась и усилилась тенденция, существовавшая и в предшествующий период, которая в конечном счете и привела лоховский колхоз «Красная звезда» к его ликвидации. Председатель колхоза, фронтовик В. К. Казанкин, много сделавший для подъема колхоза в трудные послевоенные годы, пользовавшийся огромным авторитетом среди односельчан, ничего не мог поделать с начавшимся в 1950-е гг. процессом ухода молодежи из села. В 1950 г. на одном из районных собраний партийно-хозяйственного актива он с горечью сказал: «Колхозники убывают, молодежь уходит в армию, на учебу и больше не возвращается [...] работаем только со стариками». Происходило это потому, что государство накладывало «слишком большие тяготы на колхозы», поэтому и возникла проблема с трудовыми ресурсами²⁶⁷. Документы свидетельствуют, что как только «государственные вожжи» в условиях «хрущевской оттепели» были отпущены, из с. Лох начался отток населения в город. Стала постепенно таять главная материальная сила колхозного производства — его людской потенциал. К началу 1980-х гг. численность населения с. Лох, по сравнению с 1928 г., сократилась в 7,3 раза (с 5505 до 749 человек)²⁶⁸.

Главной причиной постепенного обезлюдения села, так же как и в предыдущий период, была недостаточная забота государства и правления колхоза «Красная звезда» о культурно-бытовых условиях жизни колхозников, прежде всего молодежи. Так, например, 14 марта 1969 г., выступая на страницах районной газеты, тракторист колхоза «Красная звезда» А. Ступников указывал: «Парни и девочки кончают десятилетку и уезжают в город. Зарплата хорошая. Почему? Не создаем мы для молодежи условий для культурного отдыха. Ну, потанцуют под гармошку, в клубе нет спортзала, на фермах никакой механизации»²⁶⁹. В 1978 г. на пленуме РК КПСС отмечалось, что из с. Лох «люди уезжают, потому что плохо заботятся о быте колхозников, не строится жилье, плохо работает сельский клуб, дорога на райцентр в плохом состоянии»²⁷⁰.

В чем же было дело в «сытые» брежневские 1970-е гг.? Почему не могли в конце концов создать необходимые условия, чтобы мо-

лодежь не уезжала из села? Причина была та же, что и раньше, в том числе в трагический период коллективизации в 1932 г. Средства, необходимые колхозникам для создания приемлемых условий жизни, забирало государство, но только теперь не с помощью открытого давления, а завуалированно.

В 1970-е гг. от своего валового дохода на культурно-бытовые нужды населения колхоз с. Лох не мог выделять достаточного количества средств, потому что они, как и прежде, направлялись на удовлетворение потребностей колхозного производства, поддержку его функционирования. И в 1960–1970-е гг. созданный в период коллективизации основной принцип государственной политики по отношению к колхозу сохранился и действовал в полной мере. Государство продолжало брать из колхоза сельскохозяйственную продукцию, в последнюю очередь считаясь с интересами колхозников. Это наглядно подтверждает анализ валовых показателей сельскохозяйственного производства в колхозе «Красная звезда» в рассматриваемый период. В 1960–1970-е гг. производство зерновых хлебов оставалось примерно на одном уровне, существенно не сокращалось поголовье скота, а колхоз превращался в убыточное хозяйство — и молодежь уезжала из села. Происходило это потому, что из-за ценовой политики государства вырученных средств от реализации сельскохозяйственной продукции не хватало для динамичного развития социальной сферы хозяйства. Колхозники с. Лох, как и прежде, не были хозяевами результатов своего труда. Они не могли устанавливать цены на производимую ими продукцию и свободно реализовывать ее. Объемы и цены на нее устанавливались государством и были таковы, что после выполнения государственных обязательных поставок у колхоза просто не было средств для механизации трудоемких работ в основных отраслях колхозной экономики, строительства жилья и объектов социально-культурного назначения. Из-за своей бедности колхоз просто не имел возможности создать колхозникам соответствующие их труду условия жизни. И если старое поколение могло жить при устоявшемся порядке вещей, то молодежь притягивали «прелести» городской жизни, где не было такого тяжелого и малооплачиваемого труда, как на фермах и колхозных полях, неустроенного быта, и потому молодежь без особого сожаления покидала село. Многие родители, испытавшие на себе все тяготы первых десятилетий колхозного периода, стремились избавить детей от повторения своей судьбы²⁷¹.

Колхоз «Красная звезда» держался на плаву до начала 1990-х гг. исключительно благодаря труду колхозников предпенсионного и

пенсионного возраста, а также сезонных рабочих шефских предприятий Саратова. В 1990–1991 гг., после ухода на пенсию значительного числа колхозниц, фермы остались практически без доярок, и в июле 1991 г. в районной газете констатировалось, что колхоз «Красная звезда» оказался в бедственном положении²⁷². Весной 1992 г., в соответствии с указом Президента РСФСР «О порядке реорганизации колхозов и совхозов», колхоз с. Лох прекратил свое существование²⁷³.

Почему так бесславно закончился более чем 60-летний колхозный период в 300-летней истории села? Только ли вина в этом «ретивных реформаторов» ельцинской эпохи?

Не отрицая негативных последствий непродуманной и авантюристической политики Б. Н. Ельцина, старожилы с. Лох с высоты прожитых лет указали, что причина кроется и в другом — самой сути колхозного строя. Колхозы изменили односельчан не в лучшую сторону. Прежде всего, у них ослабло чувство хозяйского отношения к земле, уважение к крестьянскому труду, исчезла инициатива. Показателем этого было распространение повального пьянства среди колхозников, некачественное проведение основных сельскохозяйственных работ в колхозе. Даже гарантированная оплата труда в колхозе, по словам старожилы с. Лох А. С. Симакиной, «избаловала» лоховчан. «Изболтала все-таки жизнь нас, — изболтала-избаловала. Вот дали нам хорошую-то жизнь и денег вдоволь», — говорила она. В. К. Казанкин с горечью указывал: «Сейчас работать не хотят. И водка губит людей. Через водку всех повыгоняли председателей после меня». Вспоминая жизнь лоховчан в доколхозное время, он отмечал, что тогда не было такого положения, потому что люди «работали на себя», то есть были хозяевами своего труда²⁷⁴.

Таков был итог политики Советского государства в отношении одного села. Весь колхозный период жители Лоха работали на государство, решали задачу бесперебойного и в нужных количествах снабжения его сельскохозяйственной продукцией, оставаясь на втором плане, людьми «второго сорта». Конечно, на примере одного села некорректно делать выводы более широкого плана. Но для этого есть основания. Поскольку таких сел, разбросанных по бескрайним просторам России, тысячи. И судьба у них одна и та же²⁷⁵.

Колхозный строй, созданный ценой миллионов погибших во время голода 1932–1933 гг., раскулаченных и высланных из своих родных гнезд казаков и крестьян, в том числе донских, кубанских, поволжских и др., так и не смог решить продовольственную про-

блему в стране с богатейшими сельскохозяйственными ресурсами и традициями. Это была пиррова победа. Прямое наследие ее — это миллионы горожан, неустанно работающие на своих дачных участках ради прокорма семьи²⁷⁶. И это в XXI в. — веке глобализации и информационной революции! Выход из голодного кризиса 1933 г. был долгим и непростым. Завершился ли он? Ответ на этот вопрос еще остается открытым. В России так и не создано сельское хозяйство на уровне требований времени, способное обеспечить население продовольствием в нужном количестве и соответствующего качества²⁷⁷. Поэтому опыт трагедии 1932–1933 гг. может быть полезен современникам.

Глава 6

ГОЛОД 1932–1933 ГОДОВ В КОНТЕКСТЕ МИРОВЫХ ГОЛОДНЫХ БЕДСТВИЙ И ГОЛОДНЫХ ЛЕТ В ИСТОРИИ РОССИИ – СССР

§ 1. Три советских голода: общее и особенное

В советский период истории Россия пережила три великих голода: 1921–1922 гг., 1932–1933 гг., 1946–1947 гг., унесших миллионы человеческих жизней. Кроме того, серьезные продовольственные трудности пережило население в 1924–1925 гг. из-за сильнейшего недорода 1924 г. Что общего и особенного между тремя главными голодными трагедиями в Советской России? Какое место в их ряду занимает голод 1932–1933 гг.? Чтобы ответить на эти вопросы, кратко охарактеризуем причины, масштабы и последствия первого советского голода 1921–1922 гг. и третьего – 1946–1947 гг.

Как и в дореволюционный период, советские голода были вызваны комплексом причин объективного и субъективного характера, имели общие черты и особенности.

Первый советский голод 1921–1922 гг. стал закономерным результатом разорения страны в результате империалистической и Гражданской войн. Но сами по себе они не привели бы к столь трагическим последствиям, если бы не страшное стихийное бедствие – засуха 1921 г. По масштабам она превзошла даже засуху 1891 г.¹ Ею оказались поражены 16 российских губерний, 3 автономные республики, 3 автономные области и Трудовая коммуна немцев Поволжья, где проживало 34 589,4 тыс. чел.²

Голод охватил не только Поволжье и Юг Урала, но и Север Казахстана, Западную Сибирь, пять губерний Украины. В 1922 г. голодало и городское население Московской, Петроградской, Омской, Пензенской, Нижегородской, Курской и Тамбовской губерний (13 781, 3 тыс. чел.). Всего в зоне голода проживало около

70 млн чел. (52 % общей численности населения страны), в эпицентрах — до 35 млн.³

По подсчетам известного статистика П. Н. Попова, население СССР за 1921–1922 гг. сократилось на 5,2 млн чел. Современные исследователи трагедии считают, что жертвами очередного «царя-голода» стали как минимум 5 млн чел.⁴

В иерархии причин голода в первом ряду следует поставить негативные последствия империалистической и Гражданской войн, ослабивших крестьянское хозяйство. На протяжении семи лет они несли разорение и голод миллионам крестьян, поскольку подрывали материальную базу и людские ресурсы села (мобилизации в армию — царскую, белую, красную — мужчин, лошадей и т. д.).

Но особенно негативной по своим последствиям для сельского хозяйства была продовольственная разверстка, введенная в России еще при Николае II, но реально осуществленная большевиками после начала Гражданской войны в рамках политики «военного коммунизма». Аналогичные действия на территории России предпринимали и белые режимы (Колчака, Деникина и др.).

Продразверстка носила объективный характер и была вынужденной мерой, направленной на обеспечение государственных нужд (снабжения армии и городов продовольствием). Но в условиях развала промышленности она свелась к безэквивалентному обмену между городом и деревней, к практике реквизиций продовольствия у крестьян с помощью насильственных действий специально организованных продотрядов и других вооруженных соединений. Ответной реакцией крестьянства на антикрестьянскую продовольственную политику стали массовые восстания. Они прокатились по всей территории Советской России («антоновщина», «махновщина» и др.), были жестоко подавлены властью и еще больше подорвали сельскую экономику.

Результатом продразверстки и тягот многолетней войны стало падение уровня сельскохозяйственного производства (сокращение посевных площадей зерновых хлебов с 60,4 млн десятин в 1916 г. до 46,2 млн десятин в 1920 г., поголовья скота: крупного рогатого скота с 51,7 млн голов в 1916 г. до 43,7 млн голов в 1920 г., лошадей соответственно с 34,2 млн до 30,5 млн голов). Кроме того, крестьянские хозяйства лишились продовольственных запасов, необходимых на случай неурожая. Они были изъяты продорганами в 1918–1920 гг., уничтожены в ходе боевых столкновений противоборствующих сторон (в 1920 г. в счет продразверстки было изъято 347 млн пудов)⁵.

Таким образом, Гражданская война создала объективные условия для трагедии 1921–1922 гг. Субъективным ее фактором была аграрная политика Советской власти и противостоящих ей белых режимов. Подорванное за годы Гражданской войны сельское хозяйство не смогло противостоять обрушившемуся на страну стихийному бедствию.

Советское правительство не замалчивало масштабов трагедии, предпринимало активные действия по оказанию помощи голодающему населению и выводу сельского хозяйства из кризисного состояния. Одновременно большевистский режим использовал голод для укрепления своих позиций и устранения политических противников. Так, например, под предлогом оказания помощи голодающим в 1922 г. властью были проведены репрессии в отношении оппозиционно настроенных к большевикам священнослужителей Русской православной церкви.

Еще в августе 1921 г. РПЦ в лице патриарха Тихона предложила Советскому правительству помощь в деле борьбы с голодом. 9 декабря 1921 г. Совнарком дал на это свое согласие. Возник Всероссийский церковный комитет помощи голодающим под руководством патриарха Тихона. Была достигнута договоренность о том, что для помощи голодающим церкви будут отдавать драгоценности «в объеме вещей, не имеющих богослужебного употребления».

Однако, воспользовавшись волнениями верующих в Шуе на почве принудительной реквизиции церковного имущества, 19 марта 1922 г. Ленин в «строго секретной записке» указал: «Мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий»⁶.

Началось массовое изъятие церковных ценностей по всей России. В ходе изъятий произошло 1414 инцидентов с трагическими последствиями. В результате церковного золота, серебра и драгоценных камней было изъято на сумму почти 7 млрд руб.⁷ Однако эта гигантская сумма не могла сравниться с теми объемами помощи, которые направляли в Россию иностранные общественные организации.

Советское правительство публично признало факт голода 18 июля 1921 г., когда Президиум ВЦИК утвердил «Центральную Комиссию помощи голодающим Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета» (ЦК Помгол). В ее состав вошли

М. И. Калинин (председатель), И. С. Лобачев и С. И. Гусев (заместители), Н. А. Семашко (нарком здравоохранения), Л. Б. Красин (нарком внешней торговли), А. В. Луначарский (нарком просвещения) и др. В голодающих губерниях функционировали местные комиссии ЦК Помгол. В своей деятельности они опирались на общественные объединения граждан — кооперативы, сельские и волостные сходы, домовые и уличные комитеты.

Одновременно с 22 июня 1921 г. в Советской России действовал неправительственный Всероссийский комитет помощи голодающим (ВКПГ), созданный по инициативе интеллигенции, в том числе бывших идейных противников большевиков (С. Н. Прокоповича, Е. Д. Кусковой, Н. М. Кишкина и др.). В ВКПГ работали крупнейшие специалисты в области сельского хозяйства А. В. Чайанов, Н. Д. Кондратьев, а также большая группа гуманитариев: писатели А. М. Горький, Э. Л. Гуревич, В. Г. Короленко и др. Председателем был избран В. Г. Короленко. Всемирно известные имена российских ученых и писателей должны были привлечь пожертвования из-за границы. Создание ВКПГ как независимого от Советского правительства общественного органа вызвало одобрение в зарубежных общественных кругах. По линии ВКПГ в США видный российский экономист-эмигрант профессор А. Н. Корф организовал широкомасштабную кампанию по сбору средств для Комитета. Его поддержали жившие в Америке композитор С. В. Рахманинов (давал благотворительные концерты), балетмейстер В. В. Фокин (отчисления от театральных постановок), художник Н. К. Рерих, который организовал турне с выставками своих картин, доход от которых шел в Россию. Среди российской эмиграции в Нью-Йорке была открыта подписка.

Однако деятельность ВКПГ оказалась непродолжительной, поскольку противоречила природе сложившегося в стране политического режима, не допускавшего оппозиции и неподконтрольной власти общественной инициативы. ВКПГ был распущен, а его руководство арестовано ВЧК как «шпионы» и «контрреволюционеры», как только Советское правительство в августе 1921 г. подписало соглашение с АРА о помощи голодающим в России.

За счет внутренних ресурсов посредством жесточайшей экономии Советское государство сумело собрать и предоставить пораженным неурожаем местностям более 12 млн пудов семян для озимого сева и 31,5 млн пудов для ярового. Полученным от государства семенным зерном крестьяне засеяли свыше 10 млн десятин и тем самым заложили основу для преодоления последствий ката-

строфы и возрождения своих хозяйств. Непосредственно голодающему населению государство смогло предоставить около 22 млн пудов продовольствия (в переводе на зерно). Кроме того, советские общественные организации собрали и доставили в голодающие районы 10,6 млн пудов продовольствия. Около 1 млн пудов дала Красная Армия, добровольно ограничившая свои продовольственные пайки. Считая по 10 пудов зерновых на человека (при обычной в крестьянской семье того времени норме годового потребления в 15–16 пудов на человека), можно утверждать, что помощь, оказанная из внутренних ресурсов страны, сохранила жизнь не менее 3,3 млн чел. Около 1 млн чел. удалось эвакуировать в другие районы⁸.

Однако решающее значение в ликвидации последствий голода сыграла международная помощь. Призыв к ней со стороны Советской России раздался сразу, как только выяснились катастрофические масштабы неурожая и невозможность собственными силами предупредить массовый голод. Советское правительство официальной нотой известило правительства Европы и Америки о постигшем страну бедствии и просило разрешения закупить хлебные продукты и пропустить их через кордоны экономической блокады, которой была обложена тогда Советская Россия.

Первой реакцией Запада на просьбу о предоставлении кредита для закупки 230 млн пудов зерна стали требования о выплате старых царских долгов. Но затем, несмотря на политические противоречия, которые носили тогда открытый и острый характер, Советской России была оказана значительная помощь, позволившая существенно сократить число погибших от голода. В июле 1921 г. Москва получила предложения продовольственной помощи от Лиги Наций, которой руководили Англия, Франция и Италия, а также от правительства США, представленного Американской администрацией помощи (АРА). Лига Наций образовала особую комиссию для организации помощи голодающим России, во главе которой встал известный норвежский полярный исследователь Ф. Нансен. До конца 1921 г. зарубежная помощь поступала исключительно от зарубежных общественных организаций, которые не стали дожидаться решений на правительственном уровне. Ими было распределено среди голодающих 6,5 млн пудов хлеба и других продуктов.

Однако основная по объему продовольственная помощь была оказана Советской России со стороны АРА — Американской адми-

нистрации помощи⁹. Ею было завезено и распределено среди голодающего населения 29 млн пудов. Это была помощь со стороны американского народа и в широком, и в самом прямом, непосредственном смысле (рабочие, фермеры, служащие жертвовали деньги и продукты, которые через АРА доставлялись в Россию). Общественные организации США оказывали сильное давление на руководство АРА, добиваясь ускорения и активизации практической работы по доставке и распределению продуктов. Реальная помощь со стороны АРА стала поступать в декабре 1921 г. — в январе 1922 г., когда голод уже начал свою страшную жатву, и первоначально ограничивалась организацией питания для детей и больных. Основные грузы АРА прибыли уже весной 1922 г. АРА обеспечила продовольствием более 10 млн жителей России, в то время как все остальные организации международной помощи — менее 1 млн. Суммарный объем международной помощи голодающим в Советской России составил 35,5 млн пудов, что означало спасение от голодной смерти по меньшей мере 3,5 млн чел.

Таким образом, первый советский голод 1921–1922 гг. был обусловлен комплексом причин объективного и субъективного характера. Объективный характер голода проистекал из последствий разорения страны в ходе империалистической и Гражданской войн. К числу объективных причин следует отнести страшную засуху 1921 г., погубившую урожай в основных зерновых районах страны.

Несомненна и роль субъективного фактора в наступлении голода 1921–1921 гг. — аграрная политика Советской власти и противостоящих ей белых режимов, разорившая крестьянские хозяйства, не оставившая в них страховых запасов на случай голода. Но голод при всей значимости субъективного фактора все же нельзя считать организованным, то есть наступившим в результате политики правящего режима.

По масштабам голод 1921–1922 гг. превзошел все дореволюционные голода в России. В его зоне оказалось около 70 млн чел. (52 % общей численности населения страны), в эпицентрах до 35 млн. Голод 1921–1922 гг. превзошел дореволюционные голода по числу жертв, которых насчитывается как минимум 5 млн чел.

Документы свидетельствуют, что голод не скрывался властью и отличался от дореволюционных голодных лет активными действиями Советского правительства по организации международной помощи голодающим. В то же время большевистский режим использовал голод для укрепления своих позиций и устранения

политических противников, особенно в лице руководства Русской православной церкви.

Последним советским голодом стал голод 1946–1947 гг. Он был похож на голода 1921–1922 и 1932–1933 гг. Так же как и в первый советский голод, существовали объективные причины трагедии: последствия войны и страшная засуха, поразившая основные зернопроизводящие районы страны. Как и в 1932–1933 гг. проявился субъективный фактор — действия власти накануне и во время голода. Однако голод имел и свои особенности.

По своим масштабам голод 1946–1947 гг. не уступал голодовкам 1921–1922 и 1932–1933 гг. Он охватил не только районы, подвергшиеся засухе, но и большинство других, опустошенных государственными заготовками. В зоне голода проживало около 100 млн чел., в том числе не менее 50 млн в его эпицентрах (Центральном Черноземье, Поволжье, Юге Украины и Молдавии). Голод сопровождался эпидемиями и массовой смертностью населения. Численность умерших в 1947 г. в районах голода превышала уровень 1946 г. на 774,5 тыс. чел. и в среднем в 1,5–2 раза превосходила число родившихся. В охваченных голодом районах РСФСР, Украины и Молдавии численность населения в 1947 г. сократилась за счет роста смертности и стихийной миграции на 5–6 млн чел. Из них жертвы голода и связанных с ним болезней составили около 1 млн чел., в том числе в России не менее 500 тыс. чел. Всего от послевоенного голода и вызванных им болезней скончалось не менее 2 млн чел.¹⁰

Голод 1946–1947 гг. был обусловлен комплексом причин, среди которых отсутствовала важнейшая причина великих голодовок 1891–1892 и 1932–1933 гг. — индустриальная модернизация страны.

Главными причинами голода стали объективные факторы — последствия Великой Отечественной войны и засуха. По сравнению с ситуацией в годы коллективизации уже не было необходимости любой ценой разрушать старое и создавать новое сельское хозяйство, подавлять сопротивление крестьянства. Победившему в страшной войне СССР не нужны были никакие потрясения. Перед страной стояли тяжелейшие задачи восстановления народного хозяйства и противостояния Западу в условиях начавшейся «холодной войны».

Война существенно подорвала материально-производственную базу сельского хозяйства. Резко сократились трудовые ресурсы деревни. К началу 1946 г. трудоспособное население кол-

хозов уменьшилось по сравнению с 1941 г. почти на одну треть (с 18 189,2 тыс. чел. до 11 430,9 тыс.), а число трудоспособных мужчин составляло только две пятых довоенного уровня¹¹. Намного меньше стало тракторов, комбайнов, другой сельскохозяйственной техники, что затрудняло проведение основных сельскохозяйственных работ.

Однако смертного голода удалось бы избежать, если бы не страшная засуха 1946 г. Она охватила почти все зерновые районы страны: Центральное Черноземье, Ростовскую область, Правобережье Нижней и Средней Волги, Украину, Молдавию. Ее влияние, хотя и в несколько меньших размерах, сказалось на областях Нечерноземья и Восточной Сибири. По силе и масштабам охвата территории засуха 1946 г. превосходила засуху 1921 г. Во многих районах дождей не наблюдалось в течение 60–70 дней подряд. Например, в Воронежской области с момента посева ранних зерновых и весь май 1946 г. не выпало ни одного дождя. В засушливом 1921 г. за этот период выпало в два раза больше осадков. Для Молдавии и некоторых областей Юга Украины это была уже вторая засуха после 1945 г.¹²

Видовая урожайность в колхозах Воронежской области была определена госинспекторами в 2,7 ц с га, Курской — 3, Орловской — 2,8, Тамбовской — 2,4 ц. Действительная урожайность оказалась примерно в 5–6 раз ниже средней. Чуть мягче следствия засухи отразились на урожайности зерновых в Поволжье. Общая площадь зерновых культур колхозов СССР, погибших от засухи и плохой перезимовки, составила в 1947 г. 4,3 млн га, то есть 6,3 % всех посевов зерновых. На значительных площадях юга Молдавии, ЦЧО, Украины убирать практически было нечего. Зерновые культуры, сахарная свекла, картофель полностью погибли¹³.

Ослабленные войной колхозы и совхозы не смогли противопоставить засухе необходимый комплекс мер, который бы снизил масштабы ее пагубного влияния. Недостаток техники, рабочей силы не позволил обеспечить необходимые требования агротехники (качество семенного материала, сроки посева, качество их обработки и т. д.). В результате большая часть озимых под урожай 1946 г. была засеяна некондиционными семенами и с большим опозданием. Так, например, в Краснодарском крае сев озимых продолжался до 10 декабря и было посеяно только 61 % озимых. С большими нарушениями агротехники были проведены и весенние полевые работы. В 1946 г. по зяби было посеяно всего лишь 22 % яровых вместо 56 % в 1940 г. К тому же во многих областях этот сев был

проведен с большим опозданием. В Рязанской области весенний сев длился около 70 дней, в Воронежской, Пензенской — 45–55 дней¹⁴.

В областях, подвергшихся оккупации, из-за недостатка техники и рабочего скота значительная часть весенних полевых работ (вспашка, боронование) выполнялась с использованием коров из колхозных ферм и личных хозяйств колхозников. В Украине и Белоруссии во многих колхозах до половины работ на весеннем севе было проведено на коровах.

Хотя наступление голода было следствием прежде всего объективных причин, не следует отрицать и действия субъективного фактора — политики сталинского режима. Результатом насильственной коллективизации стало создание колхозного строя, цель которого — бесперебойное снабжение государства сельскохозяйственной продукцией. При этом в ходе планирования и осуществления государственных заготовок зерна и продукции животноводства интересы их непосредственных производителей учитывались в самую последнюю очередь. Это правило действовало в 1930-е гг., а затем и в годы войны. Результатом подобного отношения власти к селу стал все более набирающий силу процесс отчуждения крестьянина от земли. Практически бесплатная работа на колхозных полях за пустой трудодень вела к утрате крестьянами хозяйского отношения к земле, отбивала желание добросовестно работать в колхозе, заставляла искать любые средства для выживания.

С другой стороны, в результате коллективизации в СССР сложилась административно-командная система управления сельским хозяйством, ориентировавшая местное руководство на беспрекословное выполнение государственных планов любой ценой. Именно на него возлагалась ответственность за все проблемы сельского хозяйства. В полной мере все эти обстоятельства проявились в 1946 г. во время хлебозаготовительной кампании. Ситуация во многом оказалась похожей на ситуацию 1932 г.

Первоначально республикам, краям и областям, которые подверглись губительному воздействию стихии, размеры обязательных поставок зерна в 1946 г. были даже увеличены по сравнению с 1945 г. Однако затем их сократили, в среднем по зерновым районам страны в три раза. Тем не менее удельный вес хлебозаготовок от валового сбора в колхозах и совхозах достигал неслыханных размеров. Процент изъятия заготовок, не считая закупок, от вало-

вого сбора в Куйбышевской области был равен 62, Пензенской — 74, Саратовской — 77, Сталинградской — 86¹⁵.

По сути, применялись чрезвычайные методы заготовок с использованием опыта чрезвычайных уполномоченных по хлебозаготовкам 1932 г. «Мы станем на путь любых жертв, а хлеб возьмем», — говорил, например, на пленуме Смоленского обкома ВКП(б) секретарь Попов в октябре 1946 г.¹⁶ Для выполнения плана «любой ценой» нередко в хлебозаготовки сдавали и семенной фонд. Такие факты были в Московской, Тамбовской, Калининской и других областях.

Так же как и в 1931–1932 гг., в ходе хлебозаготовок 1946 г. широко применялись репрессии в отношении руководителей хозяйств, не выполнявших план. Так, например, в первом полугодии 1946 г. в СССР за невыполнение плана хлебозаготовок было привлечено к суду 4490 председателей колхозов, а во втором полугодии того же года — 8058. В некоторых районах осуждено было от четверти до половины всех председателей¹⁷.

Колхозники, пережившие голод 1932–1933 гг., хорошо понимали, что их ожидает после заготовок 1946 г. Поэтому многие из них, не получившие ни грамма зерна на трудодни, вынуждены были красть его, используя каждый удобный случай. По неполным данным, осенью 1946 г. было осуждено за хищение хлеба 53 369 чел., из них 36 678 чел. (74,3 %) приговорены к лишению свободы. По закону от 7 августа 1932 г. осудили 1146 чел., из них 35 чел. приговорили к расстрелу¹⁸.

Хлебозаготовительная кампания 1946 г., проводившаяся административно-репрессивными методами, обусловила снижение трудовой активности колхозников в ходе уборочной страды. Это не могло не отразиться на собранном урожае. В 1946 г. урожай зерновых культур составил 396 млн ц, в 2,4 раза меньше уровня 1940 г. (956 млн т) и в 1,2 раза меньше пониженного урожая 1945 г. (473 млн ц)¹⁹. Урожай еле-еле возмещал расход на посев.

Из урожая зерновых культур 1946 г. государством было заготовлено 175 млн ц, то есть 44 % валового сбора. Годовой план хлебозаготовок по СССР был выполнен на 76,9 %²⁰. Основной вклад в продовольственный фонд страны, как и в годы войны, внесли колхозы. Они сдали 133,7 млн ц.

Собранный продовольственный фонд был примерно вдвое меньше, чем в 1940 г.: вдвое меньше удалось заготовить хлеба, картофеля, овощей, меньше было закуплено и продуктов животноводства.

После заготовок 1946 г. во многих колхозах страны оплата трудодней колхозникам не производилась или носила формальный характер. В целом по СССР 75,8 % колхозов выдавали на трудодень меньше 1 кг зерна, 7,7 % — вообще не производили оплату зерном. Расчет с колхозниками по зерну в 1946 г. был хуже, чем в военном 1943 г. — самом тяжелом для сельского хозяйства. В среднем по стране в 1946 г. было распределено на один трудодень 0,52 кг хлеба (а фактически выдано меньше), в Украине — 0,27 кг; в Белоруссии — 0,34 кг²¹.

Субъективным фактором голода, так же как и в 1932–1933 гг., следует считать организованный сталинским режимом экспорт зерна в 1946–1948 гг. Его целью было стремление укрепить международное влияние СССР, помочь упрочению коммунистических режимов в Восточной Европе. В течение 1946–1948 гг. экспорт составил 5,7 млн т зерна, что на 2,1 млн т больше экспорта трех предвоенных лет. Это было немалое изъятие из скромного продовольственного фонда страны, которое могло бы существенно помочь населению районов, охваченных голодом. Зерно экспортировалось в Болгарию, Румынию, Польшу, Чехословакию, Югославию и Францию²².

Несмотря на серьезные недостатки в системе государственного управления в условиях голода (несвоевременная реакция на обострение ситуации в эпицентрах голода, бюрократическая волокита и т. д.), Советское правительство контролировало ситуацию и смогло обеспечить меры по выходу страны из голодного бедствия. Однако осуществлялись они за счет сельского населения, которое оказалось в самом тяжелом положении.

В условиях голода все сельское население: рабочие совхозов, МТС, сельские работники культуры (колхозники, как известно, и раньше не получали карточек на хлеб) — было снято с карточной (пайковой) системы снабжения хлебом. Численность сельских жителей, снабжавшихся хлебом, сократилась с 27 до 4 млн чел. В то же время на централизованном снабжении остались жители городов, занятые в промышленном производстве, сферах торговли, образования, культуры и госуправления. Всего на 1 февраля 1947 г. на централизованном снабжении хлебом было 58 822,77 тыс. чел., по сравнению с 80,5 млн чел. в декабре 1945 г.²³ Городское население было минимально обеспечено самым необходимым продовольствием.

За счет имеющихся внутренних резервов Советскому правительству удалось организовать посевную кампанию 1947 г. и обе-

спечить минимальными нормами продовольствия вышедших в поле колхозников. Тем самым, так же как и в 1933 г., была заложена основа выхода из голодного кризиса. Также были приняты, хотя и запоздалые и не в полном объеме, меры по оказанию помощи голодающим детям и другим категориям населения в эпицентрах голода. Всего республикам и областям СССР, пострадавшим от засухи, на весенний сев 1947 г. было отпущено 2558 тыс. т зерна (примерно 15 % всего заготовленного зерна)²⁴. Это позволило не допустить сокращения посевных площадей.

Для пострадавших от засухи районов ЦЧО, Поволжья, Украины и Молдавии были выделены из государственного резерва продовольственные ссуды. Например, только согласно постановлению Совмина СССР от 3 июля 1947 г. из госрезерва в порядке единовременной продовольственной ссуды было направлено 61 620 т зерна²⁵. Большая часть хлеба ушла на общественное питание работающих колхозников. В Украине, например, на время весенних полевых работ 1947 г. было организовано общественное питание для 3,4 млн чел. Занятым на севе выдавалось 300–400 г хлеба на день. Часть продовольствия была направлена для организации питательных пунктов в эпицентрах голода, которые предназначались в основном для детей. В Молдавии, например, с января 1947 г. действовало более 680 таких пунктов, а в марте — уже более тысячи. Здесь питание получали до 200 тыс. чел., в том числе значительная часть детей²⁶.

Новым явлением в голодной трагедии 1946–1947 гг., по сравнению с ситуацией 1932–1933 гг., были действия власти по оказанию медицинской помощи голодающему сельскому населению. Хотя и с запозданием и недостаточным материальным обеспечением, но все же был принят Правительством СССР и осуществлялся план медицинской и продовольственной помощи больным дистрофией. Например, к началу июня 1947 г. число госпитализированных дистрофиков составило 24,5 тыс. чел.²⁷

Отличием ситуации во время голода 1946–1947 гг. от ситуации в 1932–1933 гг. и в какой-то степени похожей с 1921–1922 гг. стало привлечение Советским правительством, пусть и в незначительных размерах, средств зарубежных организаций для нужд населения страны. Хотя оно и не признавало факт голода, но и не отказалось от помощи, предложенной СССР международными общественными организациями. Она была принята, поскольку исходила от бывших союзников по антигитлеровской коалиции. В течение 1946 г. Администрация помощи восстановления, соз-

данная при Лиге Наций в 1943 г. для оказания помощи жертвам войны, направила в Белоруссию товаров на сумму 61 млн американских долларов. В поставки входили продукты питания, семена, сырье для мыловарения, промтовары, промышленное и медицинское оборудование. В 1946–1947 гг. от Американского Красного Креста и благотворительной организации Рашен Релиф (США) было получено грузов на сумму 31 млн долл.²⁸ Это была крупная материальная помощь, направленная в СССР во время голода.

Голод 1946–1947 гг., несмотря на масштабы, все же существенно отличался от предшествующего великого голода 1932–1933 гг. Прежде всего он наступил в стране, победившей во Второй мировой войне, в которой уже утвердилась сталинская модель экономики и государственной власти и которая нуждалась в стабильности. Поэтому он не мог быть, как в 1932–1933 гг., организованным голодом, хотя действие субъективного фактора и негативных явлений сталинского режима несомненны. Главной причиной голода были последствия войны и засухи. При всех издержках, сталинский режим учел предшествующий опыт и, несмотря на огромные масштабы бедствия, не допустил развала сельскохозяйственного производства и тех огромных жертв, которые были во время голода 1932–1933 гг. и могли повториться в 1946–1947 гг.

В дальнейшем благодаря успехам индустриального развития и получению огромных средств от продажи за рубеж нефти и газа в СССР уже не могло возникнуть голода, подобному голодовкам второй половины XIX — первой половины XX в., хотя продовольственная проблема из-за неэффективного социалистического сельского хозяйства так и не была решена.

Таким образом, третий советский голод 1946–1947 гг. был результатом объективных причин (последствия войны, засуха), чем он оказался похож на голод 1921–1922 гг., и субъективного фактора (политика хлебозаготовок сталинского режима и «голодный экспорт»), чем он не отличался от голода 1932–1933 гг. Думается, главными причинами голода стали объективные причины — последствия Великой Отечественной войны и засуха. Его нельзя квалифицировать как «организованный голод», поскольку у сталинского режима отсутствовал главный мотив его «организации» — крестьянское сопротивление колхозно-совхозному строю. Кроме того, как уже отмечалось, по сравнению с ситуацией в годы коллективизации уже не было необходимости любой ценой разрушать старое и создавать новое сельское хозяйство. В послевоенные годы страна нуждалась в стабильности для решения сложных го-

сударственных задач (восстановление народного хозяйства, создание ракетно-ядерного комплекса и т. д.).

В то же время характер сталинского режима, страдавшего «избыточным терроризмом», наложил свою печать на аграрную политику во время голода и предопределил высокую смертность населения от голода (принудительные хлебозаготовки, репрессии, замалчивание голода, экспорт зерна для упрочения коммунистических режимов в Европе).

По масштабам голод 1946–1947 гг. не уступал голодовкам 1921–1922 и 1932–1933 гг. Он поразил территорию с населением около 100 млн чел., в том числе не менее 50 млн проживали в его эпицентрах. Жертвы голода и связанных с ним болезней составили в пределах 1–2 млн чел., в том числе в России не менее 500 тыс. чел.

Причины сравнительно небольших жертв в контексте масштабов бедствия и опыта предшествующих голодных лет в СССР объясняются двумя обстоятельствами: действиями власти по оказанию медицинской помощи голодающему населению, а также привлечением Советским правительством средств зарубежных организаций для оказания помощи голодающим.

В контексте голодных лет в истории России, в том числе советского периода, своеобразие голода 1932–1933 гг. заключается в том, что это был первый в ее истории «организованный голод», когда субъективный, политический фактор выступил решающим и доминировал над всеми другими. В какой-то степени он был похож на голод 1891–1892 гг., поскольку был связан с процессом индустриальной модернизации. Так же как и тогда, в основе голода лежали действия государственной власти (конкретные решения в экономической и политической области). Но в комплексе вызвавших его причин отсутствовал природный фактор, как равноценный другим, характерный для голодов 1891–1892, 1921–1922, 1946–1947 гг. В 1932–1933 гг. не наблюдалось природных катаклизмов, подобным великим засухам 1891, 1921, 1946 гг., хотя погода была и не идеальной для сельского хозяйства (особенно в 1931 г.).

Субъективный фактор проявил себя как главный, поскольку в 1932–1933 гг. голод стал результатом сталинской политики насильственной коллективизации и неразрывно связанных с ней принудительных хлебозаготовок, проводившихся с целью извлечения ресурсов (прежде всего зерна) для нужд форсированной индустриализации. В основе действий власти по «организации голода» лежала антикрестьянская политика сталинского режима, ставившая целью любой ценой ликвидировать традиционные устои

жизни российского крестьянства ради создания крупного общественного сельскохозяйственного производства.

Ничего подобного нельзя было сказать о действиях большевистской власти в трагические для Советской России 1921–1922 гг. Под давлением крестьянского сопротивления и в результате осознания факта глубочайшего кризиса сельского хозяйства, она отступила, и, в отличие от сталинского режима, «не пошла до конца», отказалась от политики «военного коммунизма». В принятом в декабре 1922 г. «Земельном кодексе РСФСР» за крестьянином закреплялось право свободного хозяйствования на своей земле. Советское правительство, в отличие от действий сталинистов в 1932–1933 гг., спасло миллионы голодающих крестьян, обратившись за помощью к иностранным государствам. Весной 1922 г. было завезено в эпицентры голода зерно, необходимое для проведения посевной и для организации общественного питания голодающих, прежде всего детей.

Решающее значение субъективного фактора в организации голода, в отличие от голодных бедствий в России в предшествующий период, проявилось в борьбе со стихийной миграцией крестьян. Наложённый на них запрет покидать голодающие районы (директива Сталина — Молотова от 22 января 1933 г.) обусловил рост массовой смертности крестьян. Ничего подобного не наблюдалось в предшествующей истории России.

Он выразился также и в ликвидации сталинским режимом в годы коллективизации традиционных способов выживания крестьян в условиях голода: получение помощи от общины, которая была разрушена коллективизацией, и более зажиточных крестьян, которых изъяли из деревни как «кулаков».

По территории распространения голод 1932–1933 гг. сопоставим с трагедиями 1921–1922 и 1946–1947 гг. Но это самое страшное демографическое потрясение, если исходить из количества жертв. Масштабы смертности от голода и вызванных им болезней в немалой степени определялись нежеланием сталинистов обратиться за помощью к мировому сообществу, поскольку в силу политических причин голод замалчивался. Также они обусловлены драконовскими мерами власти по борьбе со стихийной миграцией на Украине, Северном Кавказе и Нижней Волге.

В то же время голод 1932–1933 гг. не был заранее спланированной акцией сталинистов по уничтожению крестьянства или какого-то отдельного народа (в этом смысле он имел общее с голодом 1891–1892 гг., которого также не желало царское правитель-

ство). Он стал результатом ошибок, допущенных при реализации авантюристической политики сплошной коллективизации, а также ярко выраженной террористической природы победившего в СССР режима. Кроме того, характер аграрной политики сталинского режима в немалой степени формировался под влиянием неблагоприятной международной обстановки, в которой оказался СССР в начале 1930-х гг. С помощью голода и чрезвычайных мер ему удалось сохранить колхозный строй и направить его ресурсы на нужды индустриальной модернизации страны.

§ 2. А была ли альтернатива трагедии?

Особенностью нашего подхода к теме является сравнительно-исторический метод. Рассмотрим эту проблему в контексте мировой истории голода и политической природы установившегося в СССР в 1930-е гг. сталинского режима, победившего крестьян в крестьянской стране. Предлагаем свою версию ответа на вопрос, почему было именно так и могло ли быть по-другому? Остановимся на наиболее принципиальных аспектах данной темы.

* * *

В 1978 г. Альвин Гоулднер предложил рассматривать постколлективизированную историю взаимоотношений «партия — крестьянство» как случай «внутренней колонизации», аналогичной англо-кельтским взаимоотношениям²⁹. Ссылаясь на работу М. Л. Левина, он отметил факт отчуждения между большевистскими городами и сельской местностью, которая закреплялась законодательно. Крестьяне выступали людьми второго сорта, и единственным назначением деревни в советской системе было обеспечивать власть необходимыми ресурсами для «проведения социалистической индустриализации». Во имя этой цели крестьяне подвергались постоянной эксплуатации³⁰.

Линн Виола в работе, посвященной проблеме крестьянского сопротивления коллективизации, называет коллективизацию «кампанией господства и разорения», цель которой — внутренняя колонизация крестьянства и его подчинение. Причем «конечной целью» сталинской «революции сверху» была не только максимальная экономическая эксплуатация деревни, но и уничтожение «крестьянства как культуры», самобытного явления в истории России³¹.

Большевики, сталинцы, постсталинские коммунисты, в том числе за рубежом, расходились между собой по многим пунктам,

особенно в понимании социализма и наиболее правильной дороги к коммунизму. Единственное, в чем они оставались едины, — это антиимпериалистическая позиция. И эта позиция проявлялась в международной практике борьбы с голодом в XX в. Например, даже в 1987 г., когда в СССР началась перестройка, М.С. Горбачев, согласившийся оказать помощь голодающим в Эфиопии (куда на советских самолетах и вертолетах было перевезено 250 тыс. т пшеницы, закупленных в Турции на валюту), заявлял, что эта акция предпринята с единственной целью — не допустить влияния на Эфиопию «империалистического» Запада³².

Однако если посмотреть на эту проблему глубже, то возникает немало вопросов, в том числе о том, насколько отчужденными и антагонистическими была сталинская (коммунистическая) и крестьянская культура (идеологии) в начале 1930-х гг.? Почему сын Марии, плотник из станицы Вешенской, в большей степени обвиняет поколение своей матери в ответственности за голод, чем сталинцев?³³ Почему Краснодарский край до последнего времени — оплот «красных» и КПРФ пользовалась там поддержкой в сельской местности?³⁴

* * *

Прежде всего необходимо ответить на очень важный вопрос о причинах проявленной в 1932–1933 гг. «сталинской твердости».

Вне пределов России всегда были небольшие, но достаточно сплоченные группы людей, которые долгое время восхищались большевиками, несмотря на их неудачи. Их подкупала неиссякаемая энергия и воля большевиков в осуществлении радикального переустройства общества, сумевших за одно десятилетие подготовить страну к отражению империалистической агрессии. Сами большевики — уверенные люди, преодолевающие любые жизненные обстоятельства, большие и малые. Молотов, например, представлял большевиков только «в гуще драки», ведущих за собой народ, преодолевающих любые возникающие перед ними препятствия³⁵. И вдохновляющим примером для него был Ленин, которого он ставил даже выше Сталина. Молотов вспоминал ленинские слова по поводу возможности поражения большевиков, суть которых сводилась к тому, что такая ситуация вероятна только при условии, если для победы они сделали все, что было в их силах³⁶.

Примеров, подтверждающих это положение, было предостаточно. Вот лишь два из них. Во время голода 1921–1922 гг. Ленинское

правительство конфисковало ценности церкви и продало их за границу для закупки зерна, приняло международную помощь. Ленин даже предлагал в целях экономии закрыть Большой театр³⁷. Самые твердолобые антисталинисты изумлялись, каким образом Советскому правительству в тяжелейшие месяцы 1941 г. удалось в кратчайший срок провести грандиозную операцию по эвакуации промышленного оборудования, людей и скота на Восток, равной которой не знал мир³⁸. Мечтавший задушить большевизм в колыбели, непримиримый его враг Уинстон Черчилль каждое утро в течение Второй мировой войны молился за здоровье Сталина³⁹.

Так было и во время партийно-крестьянской борьбы в 1932–1933 гг. Всегда, когда сталинистам приходилось принимать решение, они мысленно подбадривали себя: «Нет таких препятствий, которые не могли бы преодолеть большевики». Поэтому они не растерялись в труднейшей ситуации крестьянского сопротивления и развала сельского хозяйства. На помощь ослабевшим и не испытывающим энтузиазма колхозникам были направлены части Красной Армии, рабочие, помогавшие убирать урожай⁴⁰. Только в Северо-Кавказский край летом 1933 г. по линии военного ведомства, московских учреждений и других организаций было направлено 500 грузовых машин⁴¹. Как говорилось в предыдущей главе, погибший во время голода рабочий скот (лошади и быки) в период весенней посевной 1933 г. был заменен коровами, которых впрягали в плуг и ставили в борозду и тянули, пока они не падали обессиленные⁴².

На такое вряд ли бы решилось царское правительство! Один из начальников политотдела МТС, в духе большевистской традиции решительно преодолевать трудности, несмотря на явное противоречие с реальным положением дел, уверенно сообщал в Москву: «Коровы прекрасно идут с плугом, вспахивая мягкую землю»⁴³. Ничего «прекрасного» здесь не было, ситуация была крайне тяжелой, свидетельствующей о трагических последствиях коллективизации и хлебозаготовок. «Фактически тягло было уничтожено, и сейчас колхоз тягла не имеет, вся работа по севу, косовице и обмолоту произведена исключительно на коровах колхозников», — сообщалось из Ново-Батайского сельсовета⁴⁴.

Сталин, Молотов и Каганович просто бы рассмеялись над аргументом, что недостаточные зерновые резервы помешают большевикам рационально распределить их и выйти из голодного кризиса. Каганович критически отзывался о мужицкой логике как «слишком механической», поскольку мужик рассуждал так: «Раз

у меня нет чем сеять, как можно что-либо заготовливать»⁴⁵. Для большевика подобные рассуждения были неприемлемы. Конечно, отсутствие семенного зерна — это тяжелая проблема. Но раз это так, то необходимо найти решение и преодолеть эту очередную трудность в борьбе за светлое будущее. И преодолевалась она с помощью принудительных реквизиций всего имеющегося у крестьян хлеба.

Подобное решение не было оптимальным с точки зрения существовавших альтернатив. И почитатели большевиков, применительно к этой ситуации, никак не могут согласиться с тем, что большевистское правительство делало «все, что могло» для организации помощи в 1933 г. голодающим крестьянам. На самом деле оно делало даже меньше, чем во время голода царское правительство, англичане в Индии и португальцы в Анголе. Именно поэтому сталинский режим подвергается критике не только антикоммунистами, но и современными марксистами⁴⁶.

А что же оно могло сделать, хоть самое минимальное, чтобы снизить остроту голода, не подвергая опасности свой международный престиж? На наш взгляд, хотя бы организовать снабжение населения «голодным хлебом». Как уже говорилось выше, в досоветский период в голодные годы крестьяне спасали свои жизни, употребляя суррогатный («голодный хлеб»). И в 1933 г. в голодающих деревнях Поволжья, Дона и Кубани было то же самое. Липовые листки, березовая кора, желуди, гречневая шелуха и другие подобные средства добавляли в муку и из этой смеси выпекали лепешки⁴⁷. Кроме того, в пищу шло мясо сусликов. Поэтому местные власти могли бы организовать снабжение населения «голодным хлебом», особенно активистов и добросовестных колхозников, с помощью его заготовки в районах, менее пострадавших от «кулацкого саботажа».

Еще одним каналом могла бы стать помощь рабочим тем же колхозникам-ударникам — «жертвам кулацкого саботажа».

Несмотря на официальную пропаганду о рабочем как интернационалисте и верном союзнике сталинской форсированной индустриализации, в действительности большинство из них думали по-другому, так как, в отличие от западных пролетариев, российские рабочие не потеряли связей с деревней и по менталитету все еще оставались крестьянами. Они и рабочими-то стали в первом поколении, особенно в годы первой пятилетки, когда на возводимые гиганты индустрии в поисках лучшей доли хлынули десятки тысяч бывших крестьян⁴⁸. Типичными в этом смысле были слова

одного из таганрогских рабочих во время обсуждения доклада Сталина на Январском объединенном пленуме ЦК и ЦКК: «Если бы он вместо задания по черной металлургии дал колхознику по килограмму хлеба, было бы лучше, а то у нас в деревне с голоду пухнут»⁴⁹. Точно так же рабочие рассуждали и о так называемом пролетарском интернационализме. «Помощь оказывать иностранным рабочим не нужно, так как свои дома голодают», — говорили они⁵⁰. Даже многие рабочие-коммунисты рассуждали в 1933 г. в том же духе. Зная о сотнях умерших от голода в близлежащих деревнях, они недоумевали: «Нет такого положения в Республике, чтобы люди умирали с голоду, а мы не могли им помочь»⁵¹.

Если бы сталинское руководство обратилось к рабочим и всему народу с призывом оказать посильную помощь колхозникам-ударникам, пострадавшим от «кулацкого саботажа» в 1932 г., от голодной смерти были бы спасены тысячи крестьян, и при этом его политическая репутация только бы выиграла. Однако оно выбрало «твердость».

* * *

Важнейший вопрос — это вопрос об общем и особенном в голоде 1932–1933 гг. по сравнению с голодовками в других странах, особенно колониальных. Для этого проведем сравнительный анализ политики сталинистов в СССР и английских колонизаторов в Индии, а также другие подобные примеры.

Итак, в чем было сходство между сталинским голодом 1932–1933 гг. и известными голодовками в колониальных странах, управляемых империалистами? Прежде всего оно состоит в том, что в обоих случаях голод распространялся на значительных территориях и сопровождался массовой смертностью населения.

С середины XIX в. у империалистических правительств была возможность предпринимать специальные усилия по предотвращению смертности от голода в пораженных им районах, но они не использовали ее в полной мере, так как для них важнее была коммерческая выгода⁵².

В период с 1931 по 1934 г. сталинский голод унес приблизительно 5–7 млн жизней. В годы Великой Отечественной войны на почве недоедания и голода в СССР умерло не менее 1 млн чел. В 1946–1947 гг. голодная смертность колебалась в пределах 1–2 млн чел.⁵³ Если сравнить указанные голодные годы при Советской власти с самым крупным голодом в царской России, 1891–

1892 г., то окажется, что «царский голод», вызванный сильнейшей засухой, унес жизни более 500 тыс. чел.⁵⁴

Если вспомнить сюжеты мировой истории, то, как считают наиболее авторитетные специалисты, именно насильственное навязывание империалистических порядков народам Азии и Африки в достаточно короткий срок усилило крестьянскую уязвимость от голода⁵⁵. Так, например, в период с 1880 по 1921 г. продолжительность жизни индийских мужчин снизилась на 22 %⁵⁶. Кроме того, как указывалось выше, англичане, которые «управляли голодом» в Индии в 1876–1902 гг., получили в результате этого «управления» голодную смертность в пределах от 12,2 до 29,3 млн чел.⁵⁷ Для сравнения можно напомнить, что страшная засуха XVII в. в Индии, когда правителями были Великие Моголы, унесла всего только несколько жизней⁵⁸.

Другой яркий пример — действия португальцев в Анголе в районе рек Данде и Кванза между 1876 и 1898 г. От их «управления голодом» численность местного населения сократилась вдвое, и демографическая ситуация так и не была восстановлена вплоть до 1930 г.⁵⁹ Ситуация в мире стала меняться в лучшую сторону лишь в XX в., причем для колониальных стран в первой половине, а для Советского Союза — во второй. В частности, действия Англии в Индии после 1902 г. (исключая период Второй мировой войны) и постсталинского коммунистического режима в СССР успешно предотвратили голодную смертность населения в охваченных засухой районах (например, в СССР в 1972 г.).

И сталинский режим, и империалисты использовали примерно одинаковый арсенал средств для подавления сопротивления крестьянства их политике. Англичане, например, практиковали политику отчуждения земли и массовые депортации в менее обжитые районы⁶⁰. В Советской России во время Гражданской войны терские казаки были депортированы, так же как и значительная часть кубанских казаков из «чернодосочных» станиц в 1932–1933 гг. Кроме того, и англичане, и сталинское руководство во время голода продолжали осуществлять взимание налогов на военные нужды.

Общей чертой колониальной политики и политики сталинистов было их стремление активно использовать возможности сельскохозяйственного производства для финансирования промышленной, аграрной и военной модернизации. В этом деле их объединял высокий процент извлекаемой из деревни сельскохозяйственной продукции, как правило, ценой ухудшения или под-

держания на низком уровне продовольственного положения крестьян. Например, как отмечает Майкл Дэвис, в Индии в результате политики англичан в период с 1757 по 1947 г. не наблюдалось роста доходов на душу населения⁶¹.

Империалисты и сталинское руководство полагали, что проводимые ими структурные изменения в сельском хозяйстве, направленные на его включение в рынок или объединение крестьян в колхозы вне зависимости от их желания, были рациональны и необходимы. При этом в трудные времена приходилось проявлять твердость, чтобы обеспечить хоть минимальный результат.

Как уже говорилось, для империалистов такие меры соотносились с экономической прибылью. Например, Майкл Уотс отмечает, что в Нигерии англичане принудительно заставляли крестьян покупать английские промышленные товары⁶². Империалисты поддерживали местную элиту и европейские поселения, которые были проводниками их колониальной политики в стране. Именно эти слои населения наживались на голодных страданиях крестьян.

Для сталинистов использование государственного принуждения против крестьян не было самоцелью. Оно выросло из чрезвычайной ситуации, созданной ими коллективизацией, и связано было с необходимостью в условиях враждебного империалистического окружения любой ценой провести модернизацию страны⁶³. Осознавая факт неизбежного столкновения с империалистами, сталинское руководство не имело намерения впустую растратить свои ресурсы, в том числе людские⁶⁴. Наоборот, Сталин чрезвычайно экономно обращался с ними. Поэтому, как свидетельствуют документы, вплоть до кризиса хлебозаготовок второй половины 1932 г. и усиления напряженности на Дальнем Востоке Сталин понимал необходимость улучшения материального положения рабочих и крестьян. «Возможно, придется когда-либо повышать цены по государственным заготовкам», — с сожалением говорил он в июне 1932 г.⁶⁵ Чуть позже Сталин выступил с критикой проекта плана второй пятилетки по Северо-Кавказскому краю за недостаточный учет в нем проблемы «роста материального положения рабочих и крестьян»⁶⁶. Каганович отмечал, что подобная позиция Сталина в 1930-е гг. стала правилом и своего рода «законом»⁶⁷.

Большинство английских высших должностных лиц в Индии и сталинское руководство ценили жизнь прежде всего местных работников госаппарата и в последнюю очередь жизни земледельцев, наиболее уязвимых в «естественных катастрофах»⁶⁸. В частности, англичане «не замечали» традиционных методов благотворитель-

ной деятельности в период голода и поэтому не создавали фондов, предназначенных для помощи голодающим.

Сталинская позиция в вопросе борьбы с голодом не была столь прямолинейной, как у англичан. В 1933 г., например, официальная линия сводилась к тому, чтобы наградить трудолюбивых и наказать «ленивых и нечестных».

Однако не следует забывать, что Сталин считал себя ответственным за успех мировой революции. Для него, как и последующих руководителей СССР, это была реальная цель (создание «мировой системы социализма». — В. К.). Закономерна поэтому сталинская политика в послевоенные годы: во время страшного голода в советских деревнях в страны Восточной Европы из СССР направлялось огромное количество продовольствия, чтобы поддержать там просоветские и прокоммунистические силы⁶⁹. При этом страны «народной демократии» находились в более благоприятных условиях, чем СССР. Учитывая данное обстоятельство, Молотов с возмущением отзывался о чехословацких крестьянах, скармливающих русский хлеб скоту, в то время как «мы голодаем»⁷⁰. Говоря «мы», он отождествлял себя с колхозниками, которые в отличие от 1932 г., не были «саботажниками», а пострадали от недороды и военной разрухи. Подобная реакция со стороны, например, английских империалистов по отношению к индийским крестьянам вряд ли возможна, поскольку они однозначно отделяли себя от сельского населения колоний.

Общим для сталинистов и английских колонизаторов было то, что они особое значение всегда придавали военным интересам, проблеме обороноспособности стран. Именно поэтому их решение «недодать» помощь голодающим нередко оправдывалось военной необходимостью. Например, англичане использовали не менее 75 раз канонерские лодки, чтобы расширить свое влияние в мире⁷¹. По точному определению Хардта и Негри, «состояние войны, насилие, являлось необходимой основой колониализма»⁷². Подобная же ситуация применима к СССР, который в 1930-е гг. находился во враждебном окружении и готовился к неизбежной мировой войне. При этом военная стратегия СССР была оборонительной: защитить рабочий класс и трудовое крестьянство. Лишь впоследствии Советский Союз стал использовать все имеющиеся в его распоряжении возможности для расширения сферы влияния в мире.

Принципиальное различие между сталинистами и империалистами состояло в использовании ресурсов, полученных ими в результате эксплуатации крестьянства, в том числе чрезмерных изъ-

ятий сельхозпродукции в виде налогов и госпоставок, приводивших к голоду, как это было, например, в 1932–1933 гг. в СССР. Как известно, колониальный бюджет Индии наполнялся в основном за счет налогов с земли, но лишь 2 % собранных средств возвращались обратно в село на обеспечение его нужд⁷³. Это были жалкие крохи по сравнению со средствами, направленными англичанами, например, в независимую азиатскую страну — Сиам. Также англичане тратили немало средств на различные общественные работы в Индии, пик которых пришелся на начало 1880-х гг.⁷⁴ В то же время, как указывали специалисты, английское правительство фактически не стимулировало развитие сельского хозяйства Индии, отказываясь от инвестирования в него необходимых финансовых средств⁷⁵. Более того, англичане ввели различные ограничения для индийцев: запрет становиться квалифицированным механиком, отказы индийским фирмам в праве заключать контракты на покупку материалов из Англии и т. д.⁷⁶

Совсем другая картина наблюдалась в СССР в начале 1930-х гг. Сталинский режим, в отличие от британских колонизаторов в Индии, инвестировал в сельское хозяйство страны значительные средства. Например, в 1930–1932 гг. одновременно с принудительными хлебозаготовками в село направлено такое количество тракторов, общая мощность которых эквивалентна 383 300 лошадиным силам⁷⁷. Эта линия не прерывалась и в 1933 г. В самый пик голода по решению Политбюро в сельские районы СССР было направлено значительное количество тракторов. В соответствии с «генеральной линией партии» Советское правительство тратило сотни миллионов рублей на организацию МТС для обслуживания колхозов⁷⁸. Кроме того, детям колхозников были предоставлены большие возможности в получении образования, которых не было у их родителей⁷⁹. Не случайно поэтому для многих крестьян возможность получить образование, в том числе высшее, оправдывала возникшие трудности, и они терпели голод, имея данную мотивировку. Об этом, например, писал в своих мемуарах Мирон Долот. Подобное невозможно было представить в колониальной Индии⁸⁰.

В то же время и сталинское окружение, и английские колонизаторы считали себя чуть ли не спасителями погруженных во мрак невежества крестьянских масс. Голодающих земледельцев они часто обвиняли в природной лени и отсталости. Этот «имидж» поддерживался с помощью намеренного принижения уровня жизни крестьян в предшествующий период (в царской России, в «могольской» Индии)⁸¹. Осознание своего превосходства над «забитым»

крестьянином было идеологическим кредом как английских колонизаторов, так и сталинских «коллективизаторов». Для англичан, например, показателем превосходства господствующей культуры была способность военной техники убить тысячи безоружных людей за какой-нибудь час. То же самое и для Сталина — вера в приоритет общественной формы производства и механизации давала основания для применения жестоких средств к «невежественным» крестьянам, не понимавших «своего счастья». При этом Сталин и его окружение знали о тяжелых условиях жизни колхозников в 1930-х гг. Например, Молотов говорил Чуеву: «Мы создали тяжелые, суровые условия для людей. Я удивляюсь, как они выстояли. Были колоссальные трудности»⁸². Именно поэтому он считал коллективизацию даже более значительным успехом, чем победа в Великой Отечественной войне⁸³. И она была необходима с точки зрения обеспечения этой Победы. По мнению Молотова, без победы над империализмом невозможно было в принципе решить проблему повышения благосостояния трудящихся. «Пока существует империализм, будет очень трудно для людей улучшить уровень своей жизни», — говорил он⁸⁴.

Таким образом, с точки зрения сталинистов, «издержки» коллективизации были оправданны, поскольку благодаря ей страна подготовилась к войне. Крестьяне же в силу своей «невежественности» не могли учесть данное обстоятельство в начале 1930-х гг., и как результат — суровое отношение к ним власти.

Еще одно принципиальное отличие между сталинистами и империалистами — явно необъективное отношение к их политике со стороны мирового сообщества. Как уже указывалось выше, до начала в СССР эпохи гласности о голоде 1932–1933 гг. почти ничего не говорилось⁸⁵. На Западе же в течение нескольких десятилетий инициативные группы украинских эмигрантов всячески муссировали эту тему⁸⁶. Результатом их деятельности стала волна появившихся публикаций о голоде 1932–1933 гг. на Украине и особенно в связи с его 50-летней годовщиной, а также начавшейся эрой Рональда Рейгана во внешней политике США⁸⁷. При этом четко проявилась одна характерная особенность, на которую указали некоторые неангажированные украинской диаспорой исследователи — очевидное выпячивание данной трагедии в контексте других переживших человечеством подобных бедствий. Например, на фоне антисоветской истерии Майкл Дэвис отметил непонятную забывчивость западной общественностью голодных трагедий в Индии, не уступавших по числу жертв сталинскому голоду

1932–1933 гг. «Дети голода 1876 и 1899 гг. исчезли из мирового учебного курса истории», — констатировал он. Также он заметил, что почему-то «все историки без исключения проигнорировали события викторианских великих засух и голода XIX века, которые поглощали целые страны “третьего мира”». В частности, на данную тему молчали все, от левого историка Эрика Хосбаума до консерватора Дэвида Ландеса⁸⁸. И это в то время, когда историки, изучавшие ирландскую историю, указывали на смерть во время «Великого голода» 500 тыс. чел.⁸⁹

В объяснении особенностей голода 1932–1933 гг. в контексте мировых голодных бедствий следует учитывать и следующее обстоятельство. Парадоксально, но реальным фактом была определенная духовная близость между сталинистами и крестьянством, не замеченная нами между английскими колонизаторами и индийскими земледельцами.

Так, например, и для сталинистов, и для крестьян общим было уважительное отношение к труду как высшей ценности. Лень и праздность воспринимались ими как моральное падение. В казачьих селениях до 1930-х гг. казаки боялись носить клеймо «ленивого». Но этим общность взглядов сталинистов и крестьян на труд исчерпывалась.

Сталинское руководство по-своему определяло ценность труда. Оно оказалось охвачено идеей принудительного насаждения «советского образа жизни» и вкладывало в понятие «сознательное отношение к труду рабочих и колхозников» свой смысл, заключавшийся в добросовестном выполнении ими государственных заданий. Оно было уверено, что трудолюбивые колхозники и активисты, которые будут хорошо работать, никогда не останутся голодными. Например, в 1932 г. считалось, что колхозники, заработавшие более 300 трудодней, никогда не умрут с голоду. Показательно в этом плане, что в последующие вслед за голодом годы инспекторы РКИ специально выясняли вопрос, был ли умерший от голода колхозник нерадивым работником⁹⁰. В этом же ключе была практика, когда в период голода, как отмечалось нами, промышленные товары из попавших в «черный список» районов за срыв плана хлебозаготовок передавались в качестве награды в районы, выполнившие план на 100 %.

В 1932 г. в Поволжье, на Дону и Кубани колхозники рассматривали свое нежелание работать в колхозе не как проявление лени, а как форму протеста против проходивших вопреки их воле коренных изменений жизни, обрекавших их на голод. До начала коллек-

тивизации все они с одобрением относились к идее механизации сельского хозяйства, сталинским тракторам и комбайнам. Кроме того, казаки и крестьяне разделяли сталинский энтузиазм по отношению к военной технике и понимали необходимость укрепления обороноспособности страны. Казаки, в частности, говорили, что они никогда не склонят колени перед врагом⁹¹.

* * *

Вернемся к вопросу, поставленному во введении данной книги. Требуется ли голода марксистская модернизация? Голод, убивающий крестьян, в западном общественном сознании, как правило, не ассоциируется с голодными бедствиями в коммунистических странах. Обычно на ум приходят африканские страны, к тяжелому положению которых на Западе привыкли. «Голодающие африканцы — разве это новость!» — заметил в 1983 г. один из канадских газетных редакторов⁹². В то же время «веховые» голодовки в коммунистических странах служили хорошим оправданием для вооруженного вмешательства Запада во внутренние дела других стран — Конго, Никарагуа, Венесуэлы. Но одновременно они отбивали охоту у наследников империалистических традиций искать «левое» (радикальное) решение в деле установления контроля над ресурсами стран «третьего мира»⁹³.

Для того чтобы определить, действительно ли неизбежен голод сельского населения в условиях марксистской модернизации, следует ответить на следующие вопросы: 1. Способствовал ли голод достижению тех целей, которыми, скорее всего, руководствовался сталинский режим при выработке политического курса в 1932–1933 гг., а именно — создания высокопродуктивного сельского хозяйства с целью финансирования индустриализации и уничтожения в деревне потенциальной «пятой колонны»? 2. Можно ли утверждать, что все случаи голода в странах с коммунистическими режимами принципиально отличаются от голодных лет в странах с другим политическим строем?

* * *

Внешне кажется, что борьба донских, кубанских казаков, так же как и поволжских крестьян, против насильственного разрушения Советской властью их традиционного уклада жизни в период коллективизации и хлебозаготовок была похожа на борьбу сельского населения колоний против колонизаторов (например, зулусов или других народов)⁹⁴. Однако в действительности здесь име-

ются существенные различия, на которых необходимо остановиться более подробно.

К 1932 г. на Северном Кавказе наверняка большинство казаков старше тридцати лет согласились бы с мнением Гоулднера и Виолы, что сталинская власть чем-то напоминает власть колонизаторов. Но все же это была несколько иная власть, хотя и чужая для большинства казачества. Ее, как указывали казаки, завоевали не какие-то иноземцы, а крестьяне и иногородние⁹⁵. Таким образом, противостояние с Советской властью проходило не только по линии казачество — коммунисты, но и по линии казачество — крестьяне, иногородние⁹⁶. Отсутствие единства между этими основными категориями сельского населения Дона и Кубани трагическим образом сказалось на их судьбах. Они так и остались чужими, даже перед лицом смертельной угрозы.

Как уже отмечалось выше, казаки всегда отделяли себя от крестьян, считали себя особым сословием и народом и резко негативно относились к большевикам, называя их «мерзавцами-обманщиками»⁹⁷. В период коллективизации и хлебозаготовок 1932 г. они вновь, как и в годы Гражданской войны, попытались отстаивать свое право свободно распоряжаться своей судьбой, доказать тщетность колхозного движения. Следует напомнить, что в период нэпа в массе казаков произошел раскол на тех, кто стал лояльно относиться к Советской власти, поскольку она предоставила им возможность заниматься хозяйством, и тех, кто по-прежнему не мог забыть нанесенные им обиды. Но хрупкий союз казаков-земледельцев с коммунистами продержался недолго. Он стал давать трещины во второй половине 1920-х гг., когда Советское правительство усилило налоговый пресс и прижимало хозяйственных казаков. С началом коллективизации этот союз окончательно рухнул, а в 1932 г. казачество единодушно выступило против грабительских хлебозаготовок. Для казаков-земледельцев уже не было иного выхода, так как власть лишила их права быть хозяином на своей земле и поставила под угрозу их жизни, вывозя из селений выращенный хлеб. В точно такое же положение попали крестьяне-мужики. Их тоже разорила Советская власть и, загнав в колхозы, обрекла на нищенское существование. Поэтому когда в 1932 г. до голодных казачьих и крестьянских селений дошла весть о запланированных сверху планах хлебозаготовок, и казаки, и крестьяне укрепились в своих антиколхозных настроениях и приготовились к продолжительной борьбе за выращенный ими хлеб.

Крестьянское сопротивление как фактор аграрного кризиса 1932 г. довольно часто упоминалось в литературе. В советской историографии, вслед за Сталиным, на него навесили ярлык «кулацкого саботажа»⁹⁸. В западной историографии оно получило название «пассивного» протеста как традиционной для XX в. формы защиты крестьянами своих интересов. Западные интерпретации голода идут в контексте известного стереотипа о русском крестьянине как отсталом и аполитичном типе⁹⁹. Даже до начала второй фазы «Великой советской крестьянской войны», говоря высоким слогом Андрео Грациози, на Дону казаки, крестьяне и иногородние имели схожие черты поведения, присущие типичному русскому крестьянину¹⁰⁰. В то же время в их поведении до коллективизации были существенные различия. В 1920-е гг. среди всей массы сельского населения Дона лишь самая малая часть была безразлична к Советской власти. Значительное число казаков было негативно настроено по отношению к ней. Среди крестьян преобладали другие настроения. Поскольку в результате революции они оказались в выигрыше от земельного передела, то большинство из них привлекала идея рабоче-крестьянского (или крестьянско-рабочего) государства. Крестьяне, которые с оружием в руках сражались за большевиков в годы Гражданской войны, верили, что они не зря рисковали своими жизнями. Они приложили немало усилий для того, чтобы появилось общество, основанное на крестьянском понимании закона и справедливости. Но до этой цели оказалось очень далеко.

Стратегия сопротивления политике хлебозаготовок напоминала действия донских земледельцев и поволжских крестьян во второй половине 1920-х гг. В обоих случаях они пытались добиться желаемой цели, несмотря на возможные репрессивные действия Советского правительства. И их отношение к власти определялось ее конкретными действиями по удовлетворению крестьянских чаяний. Так было и в предшествующий период. В частности, существует различие между крестьянским отношением к революционерам в период после первой русской революции и в судьбоносный 1917 г. В первом случае крестьянство разочаровалось в политике и скептически отнеслось к революционерам, требовавшим от них решительных действий. Другое дело — 1917 год. Тогда интересы крестьян и большевиков совпали, и они поддержали их усилия по легализации осуществляемого в деревне «черного передела». Однако как только Советская власть изменила свой курс и ввела политику «военного коммунизма» с продрозверсткой и принудительными

мобилизациями в Красную Армию и на трудовой фронт, ситуация вновь изменилась. В Поволжье в 1918–1921 гг. не затихала стихия крестьянского повстанчества. Донские и кубанские казаки также активно сопротивлялись большевикам. В начале 1921 г. донской казак Вакулин с товарищами организовал антикоммунистический мятеж и двинулся с рейдом на Волгу, где придал крестьянскому движению против большевистской власти еще более ожесточенный характер¹⁰¹. С началом нэпа повернувшаяся лицом к крестьянству Советская власть вновь получила его поддержку. И так было постоянно. Крестьяне относились к коммунистам так, как те относились к ним. Всякий раз, когда аграрная политика партии разочаровывала их, в крестьянской среде появлялись разговоры типа: «Нам не нужны коммунисты. Мы совершили революцию без них»¹⁰². Точно такие же настроения витали в крестьянской среде в голодном 1933 г., особенно среди бывших участников Гражданской войны, сражавшихся на стороне красных. «Скоро у нас не будет выбора, нам останется только идти сражаться. Зачем мы рисковали своей жизнью, чтобы сейчас голодать и умирать», — с горечью говорил в январе 1933 г. бывший красный партизан¹⁰³.

Главный мотив крестьянского недовольства — экономический. Крестьяне приходили в негодование от мысли, что им, хлеборобам, вырастившим хлеб, придется его отдать другим, которые будут его есть, а они, их семьи в это время будут голодать. Поэтому они и начали «игру в итальянку», стали применять другие методы сопротивления. Перед сталинским руководством встал вопрос, идти ли на компромисс с крестьянством или применить насилие по отношению к нему¹⁰⁴.

Главное отличие крестьянского сопротивления политике партии в 1932 г. от ситуации 1920-х гг. в том, что оно вобрало в себя не только традиционно настроенные против власти элементы деревни, но и сельских активистов, активных сторонников власти. Бывшие красные партизаны, чувствуя свою вину за установление власти большевиков, заняли резко негативную позицию и поставили перед собой цель «перевоевать 1917 год».

В 1932 г. не только бывшие красные партизаны, но и многие активные проводники политики коллективизации в деревне оказались в оппозиции власти. В этом плане показательным было «дело Котова», о котором говорилось в третьей главе данной книги. Напомним, что Н. В. Котов — секретарь партийной ячейки станицы Отрадной Тихорецкого района Северо-Кавказского края и руководство колхоза им. Первой Конной Армии в конце октября

1932 г. были приговорены к расстрелу за разбазаривание колхозного зерна (вместо его сдачи в счет выполнения плана хлебозаготовок его раздали колхозникам в качестве аванса за заработанные трудодни). При выводе из здания суда приговоренного Котова из толпы собравшихся колхозников его отец — бывший красный партизан — крикнул: «Ничего, сын, мы боролись с тобой за колхоз, а теперь мы будем бороться за народ!»¹⁰⁵

С точки зрения сталинистов, это была оправданная мера, поскольку надо было сломить сопротивление крестьянства, особенно казаков, взятому курсу на мобилизацию всех ресурсов во имя индустриализации и укрепления обороноспособности страны. При этом они твердо были убеждены, что таким образом они не только обеспечат выполнение этой задачи, но и смогут вернуть в деревню трактора, промышленные товары, поднять тем самым уровень благосостояния. Летом 1932 г. Сталин и особенно Каганович приложили немало усилий, чтобы обеспечить село промышленными товарами, рассчитывая на ответную реакцию крестьянства. Но при этом они все же были далеки от его нужд, так как ввозимые товары не могли компенсировать главного — угрозы голода, встававшей во весь рост в ходе начавшейся хлебозаготовительной кампании. И эта угроза была реальной. Она напоминала о страшном «Цареголоде» 1921–1922 гг., поскольку колхозники уже узнали о трагической судьбе соседней Украины, переживавшей голод в 1932 г.

Сталинское руководство не признало за собой хоть какой-то доли вины за возникший в сельском хозяйстве страны кризис, оно обвинило в нем крестьянство¹⁰⁶. Крестьянское сопротивление хлебозаготовкам было интерпретировано как объявление войны партии, городу и Красной Армии. Для сталинского режима главным оружием в руках крестьян стало продовольствие. Крестьяне не просто саботировали хлебозаготовки, но и отказывались сеять озимую пшеницу осенью 1932 г., создавая тем самым реальную угрозу голода для городов и армии. Каганович, который провел свои детские годы на Кубани, хорошо помнил о способности крестьян к защите своих интересов. В глубине украинского Полесья, на границе с белорусским Полесьем, в знакомых ему деревнях крестьянское сопротивление возникало как акт мести за причиненную деревне несправедливость. Он вспоминал, как местные украинские крестьяне, опасаясь быть пойманными, воровали ночью лес у помещиков¹⁰⁷. Поэтому для него не были неожиданными сообщения ОГПУ о кубанских единоличниках, ночью засевавших свои наделы, чтобы избежать государственного налогообложения.

В то же время ни Молотов, ни Каганович не были крестьянскими детьми, о чем они сами неоднократно с гордостью говорили¹⁰⁸. Поэтому они не понимали крестьянской мечты быть самостоятельными хозяевами, трудиться на земле так же, как их отцы и деды. Для них судьба советской деревни, проводимая в ней коллективизация всегда связывались с тракторами, более рациональным подходом к ведению сельского хозяйства. Они искренне верили, что тракторизация колхозной деревни не могла не восприниматься крестьянами позитивно. Каганович говорил Ф. Чуеву: «Когда крестьяне увидели трактора, они пошли в колхоз»¹⁰⁹. Поэтому для Кагановича и других подобных ему представителей партийной верхушки, включая Сталина, летние и осенние аграрные забастовки 1932 г., вооруженные выступления крестьян рассматривались как предательство, как «черная неблагодарность» после двух лет государственной политики инвестирования средств в техническое перевооружение сельского хозяйства, снабжение деревни промышленными товарами. Для сталинского окружения сам факт предательства, вне зависимости от личности и обстоятельств, уже являлся самым страшным преступлением. И ничто не задевало так сталинистов, как измена членов партии в трудное для них время. Не случайно Молотов определял, является ли член партии «настоящим большевиком», по его поведению в годы Гражданской войны, коллективизации и Великой Отечественной войны¹¹⁰. А жена Сталина, покончившая жизнь самоубийством осенью 1932 г., была осуждена сталинистами за нанесение вождю удара в трудное для него время¹¹¹.

Крестьянские выступления и нежелание колхозников работать в условиях нового социального устройства служили для сталинского режима основанием для жесткой ответной реакции как хозяина, ответственного за судьбы социалистической страны. А как любой настоящий хозяин он должен обеспечить порядок в своем доме. Поэтому сталинское руководство не намерено было терпеть терроризм и криминальный разгул, угрожавшие общественным устоям. Оно считало, что крестьяне не имеют морального права на сопротивление советскому строю в необъятной крестьянской стране, поскольку тем самым они подвергают смертельной опасности рабочих и красноармейцев и ставят страну в уязвимое положение перед грядущей империалистической атакой. В период с августа 1932 по август 1933 г. сталинским руководством было ясно сказано единоличникам, в чем состоит их главная обязанность перед Советской властью: землю нужно использовать эффектив-

но, выполнять требования, нормы, независимо от обстоятельств подчиняться советским законам, делить лошадей с соседними колхозами и т. д. Необходимо было искоренить в их среде любое проявление «буржуазного эгоизма», которое лишь тянет назад страну, которую меньше чем за десятилетие надо было подготовить к отражению империалистической агрессии. И то, что Советская власть не шутит, для крестьян стало очевидным, когда за покушение на «социалистическую собственность» государство спросило с них так же, как они в деревне спрашивали за воровство лошадей.

Как уже отмечалось, противостояние партии и крестьянства в решающей стадии сбора урожая 1932 г. привело к голодному кризису. Хотя сталинское руководство не планировало голода с помощью имеющихся в его распоряжении средств, но, вывезя из деревень хлеб в ходе хлебозаготовительной кампании, оно использовало голод в качестве оружия для подавления сопротивления крестьянства, сделало его своим помощником в борьбе за упрочение колхозного строя. Чтобы положить конец крестьянскому сопротивлению, были переписаны законы, регламентирующие свободу передвижений крестьян, направлены в село вооруженные агенты. Крестьяне оказались лишены возможности апелляции к антибольшевистским силам, их лишили многих традиционных средств выживания в условиях голода. Кроме того, несмотря на голод, во всех пораженных им районах Советское правительство продолжало взимать налоги, собирать займы, приучая таким образом крестьян к дисциплине и порядку. Поэтому неоспоримый факт: эти действия лишь усугубили ситуацию и увеличили и без того огромное число жертв голода. Жестоким, но реальным фактом стало осознание крестьянами простой истины: в Советской стране есть не тот, кто работает и растит хлеб, а тот, кто работает и своевременно выполняет спущенные сверху задания по сдаче государству сельхозпродукции и другим платежам.

В конечном итоге крестьянское противостояние с властью в 1932–1933 гг. имело негативные последствия не только для крестьянства, но и для самого сталинского режима. Хотя казаки и крестьяне уступили первыми, но они оставили неизгладимый след в коллективном сознании сталинистов. Для них, в том числе для самого Сталина, события 1932–1933 гг. не прошли бесследно. Сталин, если верить Кагановичу, в начале 1930-х гг. «стал более суровым». И подобная перемена несомненно была связана с крестьянским движением в 1932–1933 гг., закончившимся голодом¹¹². Об этом было сказано и редакторами издания «Сталин и Каганович.

Переписка», подчеркнувших, что период с 1931 по июль 1933 г. был периодом, оказавшим «огромное воздействие на формирование сталинской системы и самого Сталина»¹¹³. Необычайная жестокость, которую Советская власть проявила зимой 1932–1933 г. на Северном Кавказе, в значительной степени результат открытого столкновения, лицом к лицу, Кагановича и казачества. Не случайно поэтому, как сообщает О. В. Хлевнюк, некоторые члены ЦК партии, включая Г. К. Орджоникидзе, прекратили свои личные отношения с Кагановичем, почувствовав, что его чрезмерная раздражительность испортила отношения партии с крестьянством¹¹⁴. И это было именно так. Вряд ли драконовские законы о защите социалистической собственности, безжалостное подавление крестьянских выступлений, введение паспортной системы для колхозников «укрепили эти отношения». Ведь все это было из арсенала империалистических методов утверждения своего господства, которые, по иронии, сталинский режим использовал, чтобы создать сильный, самостоятельный, социалистический Советский Союз, способный отразить вторжение империалистов! И не кто иные, как самые преданные Советской власти крестьяне, обеспечившие победу революции в 1917 г., а затем и победу большевиков в Гражданской войне¹¹⁵, получили награду за это от коммунистов в виде нескончаемых репрессий и притеснений, в ряду которых были коллективизация, голод, 1937 год, предвоенная борьба с личным подсобным хозяйством и т. д.!

В желании сломить крестьянское сопротивление сталинский режим шел на использование всех имеющихся в его распоряжении возможностей. И что могли противопоставить крестьяне и казаки вооруженной силе государства?! Лишь обреза и вилы и, как это обычно бывает в период крестьянских выступлений, отсутствие единства и организующей политической силы. Даже в период кульминации голода призывы казаков к проживающим с ними по соседству крестьянам объединиться и поднять совместное вооруженное восстание оказались не услышанными¹¹⁶. И в этом проявилась историческая традиция: на Северном Кавказе для подавляющего большинства крестьян и иногородних казачий выбор никогда не был принят близко к сердцу как свой собственный.

* * *

Могла ли быть альтернатива событиям 1932–1933 гг., приведшим к голоду? Гипотетически — да, если бы удалось избежать допущенной в 1929 г. ошибки с принятием решения о начале сплош-

ной коллективизации крестьянских хозяйств. Эту ошибку можно было бы исправить, как только стало ясно, что крестьяне не поддерживали коллективизацию, выразив свое отношение к ней массовым забоем и распродажей скота. Сталинское руководство могло бы отказаться от продолжения массовой коллективизации, как сделало, например, китайское правительство после аналогичных явлений в китайской деревне в 1950-х гг. Если партия считала, что коллективизация необходима по идеологическим, экономическим и стратегическим причинам, то сначала нужно было усовершенствовать условия жизни колхозников, сделать их лучше, чем они были до 1929 г. Голодной катастрофы можно было бы не допустить путем последовательных мер по улучшению положения колхозников год от года. Если бы Советское правительство шло по пути компромисса с крестьянством, то оно облегчило бы ему условия для свободной рыночной торговли, приобретения промышленных товаров, более внимательно отнеслось к информации о крестьянских затруднениях, предприняло меры по снабжению деревни дешевыми непортящимися продуктами питания.

Трагическим решением для крестьян (кроме продолжения экспорта зерна и отказа от импорта продовольствия) стала сталинская политика планирования хлебозаготовок 1932 г. Если бы сталинское руководство приняло во внимание быстро распространяющиеся панические настроения в деревне в связи с голодом на Украине и установило более разумные планы хлебозаготовок, то тогда бы удалось избежать огромных потерь зерна при уборке урожая, его массового воровства колхозниками. Его бы не пришлось прятать в ямы, где оно сгнило. В этом случае последствия кризисной ситуации 1932 г. не были бы столь трагичными.

Урок, который сталинисты так и не усвоили, состоял в том, что народную поддержку, особенно крестьянскую, необходимо заслужить, а не обеспечить ее с помощью диктата. Если бы они сумели сохранить с таким трудом достигнутую лояльность Советской власти в 1924–1927 гг. подавляющего большинства крестьян, иногородних и «красных казаков», то они никогда бы не забили свой скот и не позволили полям зарости сорняками, как это случилось в начале 1930-х гг. Но для коммунистов поддержка крестьян всегда была как бы условной, незначительной по сравнению с рабочим классом. В силу марксистской доктрины они никогда не ставили в один ряд рабочего и крестьянина, считая последнего человеком «второго сорта», которого надо силой тянуть в социализм. Крестьяне хорошо понимали это и не соглашались с таким поло-

жением. Они, как образно выразился анонимный автор, не желали больше быть «рабами социализма», а хотели «скорее стать полноправными гражданами Советской Республики»¹¹⁷. Бесконечные привилегии рабочим, которые ими открыто бравировали, в том числе в периоды голодных лет, дают возможность сравнить советский режим с империалистическими, которые также эксплуатировали колонии для поддержания жизненного уровня рабочих метрополии. Неоспоримый факт, что крестьяне кормили рабочих в то время, когда они сами голодали и умирали от голода, были лишены государственной помощи, преследовались за попытки своими силами спастись от голодной смерти. И этот факт признавали советские историки. Например, В. П. Данилов заключает, что вклад крестьян в «благополучие государства и финансирование промышленности» был очень высок начиная с 1920-х гг. и в дальнейший период¹¹⁸.

Но могло быть и по-другому. Если бы сталинисты организовали по всей стране кампанию по оказанию помощи колхозникам-ударникам со стороны их «товарищей по классу» — рабочих, которые передали бы часть продуктов из своего нормированного рациона в эпицентры голода, согласились бы на употребление в пищу некоторой части «суррогатного хлеба», отказались бы от ряда льгот (летние лагеря для детей, отпуска в санаториях и т. д.), благодарности от земледельцев не было бы предела. Тысячи из них не только бы спаслись от голодной смерти, но и стали бы самыми горячими сторонниками колхозного строя, винили бы себя за недостаточное трудолюбие в 1932 г. Конечно, нашлись бы и злопыхатели, и не только за рубежом, но и внутри страны, особенно среди части антисоветски настроенного казачества, которые бы расценили рабочее «великодушие» как проявление слабости власти и укрепили бы тем самым свое намерение с помощью эмигрантских казачьих сил свергнуть ее. Наверняка на эту тему велась бы соответствующая пропаганда. Но Советское правительство могло не опасаться этого, если бы пошло чуть дальше и снизило налоги в голодающих районах. Даже этих минимальных мер было бы достаточно, чтобы обеспечить поддержку крестьян, особенно колхозных активистов.

Еще одной гипотетической альтернативой могло бы стать сосуществование колхозов и единоличных хозяйств, нацеленных на решение государственных проблем. В условиях голодного кризиса единоличники, озабоченные перспективами дальнейшего ухудшения своего положения из-за продолжения коллективизации,

могли найти убедительные способы, чтобы доказать достоинства независимого земледелия. Они лучше, чем члены партии, не имеющие надлежащего опыта в земледелии, осознавали степень разрушения сельского хозяйства за каких-то два года коллективизации. Казаки и крестьяне-единоличники, негативно настроенные к коллективизации, могли бы укрепить свое положение, если бы увеличили производительность на своих полях. В отличие от большинства крестьян в Африке, нацеленных лишь на обеспечение собственных потребностей в продовольствии¹¹⁹, донские, кубанские, поволжские земледельцы находились в другом положении. Например, донцы и кубанцы имели самую плодородную землю в стране, самые благоприятные погодные условия, необходимый сельскохозяйственный инвентарь, позволяющие им выращивать прекрасные урожаи. Чем больше колхозники и единоличники выращивали бы зерна на своих полях, тем ценнее была бы их помощь Советскому правительству в решении финансовых проблем, а само правительство было бы гуманнее по отношению к крестьянству во время голода. Но это была малоосуществимая мечта. К 1932 г. единоличники, особенно казаки, подорвали доверие у сталинского руководства своей «итальянкой». Как уже отмечалось, казаки надеялись, что одной грандиозной стачки 1932 г. будет достаточно, чтобы колхозная система потерпела крах. Но для сталинистов этот способ сопротивления стал аргументом, еще больше укрепившим их убежденность в своем моральном превосходстве над «ленивыми» крестьянами, способными лишь на воровство и пьянство. К. Е. Ворошилов, один из ближайших сподвижников Сталина, ужаснулся при виде полей, сплошь заросших сорняками, во время поездки на Северный Кавказ. Как только он пересек украинскую границу и оказался в ЦЧО, то сразу же заметил «несколько иную, лучшую картину», «разумный, хозяйский подход к делу»¹²⁰. Сталинский режим своей односторонней жесткой ориентацией на коллективное хозяйство ограничил маневр для оптимального выхода деревни из голодного кризиса. Но в дальнейшем именно личные подворья — последние осколки доколхозной России станут решающим фактором жизнеобеспечения крестьян, вплоть до настоящего времени.

* * *

Во время крестьянского движения 1932–1933 гг. Сталин решал две главные цели: укрепление колхозной системы как более передовой формы сельского хозяйства и удаление из села внутренних врагов, которые усугубили бы ситуацию в случае войны. Обе за-

дачи не были решены так, как хотелось бы, поскольку результатом действий власти стал голод. Выигрыша не было с экономической точки зрения, поскольку колхозы уступали по производительности труда доколхозной деревне 1920-х гг. И уж совсем незначительным он был с точки зрения ликвидации в деревне противников Советской власти, готовых с оружием в руках бороться против нее в случае вторжения интервентов.

* * *

А каков был результат усилий сталинцев по революционной ломке доколхозного сельского хозяйства? Красные и белые земледельцы начали восстанавливать свои разрушенные хозяйства в 1922 г., пережив тяжелые годы революции, Гражданской войны и голода. Они находили, что налоги, которые пришлось им платить в 1922–1924 гг., были весьма обременительными. Крестьяне считали, что на собранные с них государством деньги, как выразился один бедняк, «можно было вымостить дорогу от Ростова до Москвы»¹²¹. Несмотря на это, а также ликвидацию в годы революции крупных частных сельскохозяйственных предприятий (помещичьих и частновладельческих), пережитые серьезные трудности в неурожайном 1924 г. в Поволжье, на Дону и Кубани, крестьяне, казаки и иногородние преуспели в восстановлении разрушенного сельского хозяйства и к 1925 г. достигли его довоенного уровня. Для сравнения напомним, что вплоть до 1940 г. СССР не достиг уровня зернового экспорта доколхозной деревни.

В сталинской России существовали два фактора, отсутствующие в Индии и присутствующие в доколлективизированном Китае, которые благоприятствовали устранению свойственной ей вековой бедности. Первый, обычно упоминаемый, — это осознание правительством необходимости действовать в данном направлении: проводить мобилизацию всех ресурсов для осуществления реконструкции технологической базы сельского хозяйства в интересах народных масс, а не ради удовлетворения личных амбиций. Второй фактор, без которого первый не мог быть успешным, это ответное движение крестьянина навстречу новым веяниям, прежде всего его тяга к трактору, несмотря на приверженность традициям (страстная, временами экономически иррациональная привязанность к лошади, своему клочку земли и т. д.). Чтобы приобрести трактор, крестьяне экономили на всем, ходили сами и одевали свою семью в заштопанную одежду, работали от зари до зари, не думая о здоровье и т. д. Когда Советское правительство

воспринимало крестьянские чаяния, то сразу же получало активную поддержку с их стороны. Наиболее яркий пример этого — уравнительное перераспределение земли в 1918 г., осуществленное согласно большевистскому Декрету о земле в интересах подавляющего большинства крестьян¹²². Его оказалось достаточно, чтобы большевики победили в Гражданской войне. Советская власть приобретала новых сторонников, предоставляя льготные кредиты беднякам для покупки лошади и сельхозинвентаря. В Ново-Николаевском округе Сальского района один из таких крестьян после получения ссуды для покупки лошади заявил: «Теперь я еще больше убедился в правоте дела, ради которого боролся»¹²³. В июне 1928 г. другой кубанский земледелец, добровольно сдавший 10 пудов пшеницы в качестве подарка Советскому правительству, так объяснил свой поступок: «Я не испытываю нужды в деньгах, и мне дорого Советское правительство, потому что оно помогло мне снова встать на ноги»¹²⁴. Небольшое крестьянское село в смешанном казачье-крестьянском районе Семикаракорска подарило государству «собранные местными жителями» 140 пудов зерна. «Для такой маленькой деревни, — подчеркивал секретарь райкома ВКП(б) Семикаракорского района, — это большая сумма, свидетельствующая о величайшем уважении людей». Даже деревенские «кулаки», продолжал он, «понимают исключительно хорошо, что если власть перейдет в другие руки, ситуация для них станет намного хуже». «То нам смерть», — буквально говорили «кулаки»¹²⁵.

К сожалению, насильственная коллективизация разрушила эти хрупкие связи между крестьянством и властью. Точно так же она на долгие годы порушила традиционно бережное отношение земледельца к земле-кормилице. Завершивший коллективизацию голод на многие годы подорвал энтузиазм у сельских тружеников, охоту по-крестьянски хозяйствовать на земле, в том числе и у молодых активистов, которые в начале 1930-х гг. боролись за утверждение колхозного строя. Несмотря на предпринятые усилия, многие из них, заработавшие сотни трудодней, умерли весной 1933 г. от голода наравне с «лодырями» и «саботажниками». Выжившие активисты, хотя и продолжали добросовестно работать, но уже без того рвения, которое было присуще им до пережитого голода. В Степняковском Юрте один из таких активистов в апреле 1933 г. сказал политработнику: «Я и много таких, как я, работали в прошлом году хорошо, имели много трудодней. Часть таких уже умерли от голода. Я вот еще держусь. Не пойму, как оно получилось, что лучшие колхозники поумирали. Работать не-

кому»¹²⁶. О том, что «поумирали лучшие колхозники», знал и Сталин. 4 января 1933 г. Постышев писал ему: «Репрессии... нередко били хорошие колхозы»¹²⁷.

Славшая волна репрессий против представителей местной власти привела к результату, который вряд ли устраивал ее организаторов, поскольку тормозил процесс восстановления разрушенной сельской экономики. Повсеместное распространение получило «стремление колхозников избежать всякой ответственности, производственной работы в колхозах, начиная от конюха, кончая бригадирами и членами правлений колхозов»¹²⁸. В условиях голода, несмотря на отчаянные попытки Советского правительства остановить гибель рабочего скота, каждый колхозник знал, что из-за отсутствия кормов, ушедших в хлебозаготовку, «лошади истощены, известный процент падежа их неизбежен». Но это обстоятельство не учитывалось властью. Колхозники могли быть арестованными за «саботаж», даже если они сделали все, что было в их силах для сохранения жизни лошадей, как это случилось, например, с девушкой-конюхом, «которая, по общим отзывам, относилась добросовестно к своим обязанностям», но все равно была арестована «без обследования причин гибели лошади»¹²⁹.

Коммунистическая партия сделала более трудным достижение провозглашенной ею цели превратить крестьян в добросовестных колхозников. Большинство крестьян Поволжья, Дона и Кубани до 1930 г. поддерживали идею социального равенства, уничтожение рынка, политику правительства. Но к начатой вопреки их воле насильственной коллективизации они отнеслись резко отрицательно, вступив на путь, закончившийся трагедией. Чтобы избежать ее, необходимо было обеспечить хотя бы незначительное улучшение условий жизни крестьян по сравнению с 1920-ми гг. Дети поколения, пережившего голод 1932–1933 гг., уже не ценили, как их родители, частного хозяйствования на земле, уверовав в прогрессивность социалистического сельского хозяйства¹³⁰. Однако более честолюбивые из них были не в силах терпеть ситуацию, когда жизнь в городе продолжала оставаться лучше, чем в деревне, и горожане находились в более привилегированном положении. Многие поступили так же, как и Владимир Иванович Дудорев, убежавший из села для того, чтобы стать плотником в Вешенской¹³¹.

* * *

В районах, пораженных голодом, сталинисты значительно ослабили поддержку пробольшевистски настроенных крестьян и нейтральных казаков, что дорого стоило им в 1941 г. Многие из

них, призванные в Красную Армию, охотно сдались в плен и затем погибли, как правило, в концентрационных лагерях. Последствия 1932–1933 гг. сказались и в блокадном Ленинграде. Наверняка удалось бы избежать там голодной смертности, если бы сельское хозяйство страны было высокопродуктивным, позволяющим создать достаточные продовольственные резервы, по крайней мере, в Ленинграде и Москве. Но накануне войны об этом не было и речи. Не случайно поэтому для некоторых современных россиян огромные цифры погибших сограждан в годы Великой Отечественной войны ставят под сомнение сам факт Победы!

Слабым местом в подходе Гоулднера в отношении Северо-Кавказского края является то, что он не берет во внимание революционное партнерство большевиков и многих донских крестьян во время Гражданской войны и совершенно игнорирует период реального сотрудничества в 1924–1927 гг. не только между сталинистами и крестьянами-иностранцами, но и, хотя и в меньшей степени, между сталинцами и казаками-земледельцами¹³². До 1930 г. главные разногласия между донскими казаками и сталинистами касались вопросов земли, религии и этнической принадлежности. В ноябре 1924 г. партия пошла на беспрецедентный, с точки зрения ее прежней позиции, шаг, объявив, что она поворачивается «лицом к казачеству»¹³³. Она решила занять гибкую позицию по основным вопросам, которые постоянно возникали в ее взаимоотношениях с казачеством. Было признано, что у казаков есть несколько только им присущих особенностей, которые большевики могут использовать с наибольшей выгодой. «Это наш долг, — заявлял на казачьей конференции в июне 1925 г. Микоян, — поддержать военный дух казачества». Он вспомнил об особой любви казака к своей лошади, его мастерской джигитовке, глубоком интересе к военным вопросам¹³⁴. «В конце концов мы все граждане военной страны, и нам нужно защитить себя», — заключил Микоян¹³⁵. По крайней мере немалая часть донских крестьян, включая казаков, поддерживали представление о народном государстве, как сильном в военном отношении, вызывающем страх у врагов. И они осознавали необходимость укрепления экономической базы как фундамента военной мощи. Не случайно поэтому казаки Мешковского округа активно интересовались именно вопросами «экономического развития СССР», а не другими¹³⁶. В их воображении идеалом страны было мощное в военном отношении государство, всегда способное защитить себя от любых посягательств врагов.

Такие настроения определялись и сложной международной обстановкой в мире в 1920-е гг. В период нэпа слухи о надвигающейся войне постоянно циркулировали в крестьянских и казацких селениях Дона¹³⁷. В 1927 г. эти слухи воспринимали вполне серьезно¹³⁸. Некоторые зажиточные крестьяне, например, отправлялись на рынок продавать своих лучших лошадей, рассуждая следующим образом: «Нам придется их продать, в противном случае их конфискуют, так как скоро начнется война»¹³⁹. Крестьяне Сальского района скупали промышленные товары, «тратя за два дня столько, сколько обычно тратили за целый месяц». Причем брали товары, «которые лежали на полках как завалы в течение нескольких лет»¹⁴⁰. На различных собраниях резко возросло количество вопросов партийным инструкторам, касающихся международных событий, особенно «в Англии, Германии и Китае», вероятности войны и степени подготовленности к ней Советского Союза¹⁴¹.

Слухам о войне в 1927 г. верили больше, чем в предыдущие годы, из-за отдельных, но взаимосвязанных событий в мире. Советские газеты в мельчайших деталях описывали положение в «революционной» армии Китая, политические маневры Чан Кай Ши, убийство советского эмиссара Войкова в Варшаве 7 июня 1927 г. русским белоэмигрантом¹⁴². В письмах рабочих с предприятий оборонного назначения своим родственникам в деревню также сообщалось о «духе войны, витающем в воздухе», увеличении численности работающих, занятых «изготовлением патронов»¹⁴³. В связи со слухами о войне некоторые местные партийные ячейки проводили собрания «за закрытыми дверями», где обсуждали военный вопрос. «Коммунисты постоянно шепчутся между собой, значит, правда, что война на горизонте», — говорили по этому поводу крестьяне¹⁴⁴. Убежденность крестьян в вероятности скорой войны еще больше укрепилась произведенными весной 1927 г. властью арестами бывших царских и белогвардейских офицеров. Этот факт, по их мнению, свидетельствовал, что большевикам понадобились заложники из числа наиболее враждебно настроенных по отношению к ним лиц на случай войны¹⁴⁵.

Военная угроза 1927 г. помогла сталинистам в отделении «овец от волков» среди донских земледельцев. Впоследствии это скажется на ситуации 1932–1933 гг. Выяснилось, что большинство враждебно настроенных к Советской власти казаков с волнением ожидали возможную военную интервенцию в СССР. Некоторые из них рассуждали: «Ничего особенного не произойдет, если ино-

странное правительство объявит нам войну, жизнь от этого станет только лучше»¹⁴⁶. Для данной категории казаков война была удобным предлогом для свержения Советского правительства и сведения старых счетов с иногородними и местными коммунистами¹⁴⁷. В 1933 г. большинство из них будут высланы в лагеря спецпоселенцев и погибнут от голода.

Другая часть казаков, не столь воинственно враждебных большевикам, считавших себя прежде всего земледельцами, в 1927 г. решительно выступали за сохранение мира любой ценой. Казаки из с. Кисляковск Кушчевского района, в 1933 г. — эпицентра голода, говорили на этот счет: «Война — это гибель. Мы должны откупиться от наших врагов, чтобы избежать ее»¹⁴⁸. Молодые казаки — военнослужащие Красной Армии, размещенные в Ейске, даже предлагали «заплатить больше налогов, если Советское правительство испытывает финансовые затруднения», чтобы не допустить враждебной атаки¹⁴⁹. В 1927 г. Старо-Минский окружной комитет решил начать кампанию по сбору налогов среди сельского населения с целью укрепления военной мощи государства. Впервые в истории советского режима казаки охотно платили налоги, даже соревнуясь между собой. По иронии судьбы, первой среди соревнующихся оказалась станица Ново-Деревенская, занесенная в 1933 г. на «черную доску за саботаж хлебозаготовок»¹⁵⁰.

В 1920-е гг. у большевиков одним из сильнейших факторов привлечения на свою сторону молодых казаков была их тяга к военной службе. «Теперь трудно отличить молодого казака от неказака, — говорили на Дону. — И те и другие хотят служить в Советской Армии»¹⁵¹. Мечта о военной карьере волновала сердца многих молодых казаков, о чем было известно и в эмигрантских казачьих кругах¹⁵². В 1927 г. группа молодых казаков из селения Терновка обратились с письмом к власти, в котором выразили протест в связи с запретом служить в армии из-за лишения их права голоса по «экономическим причинам» (обложение налогом хозяйств как кулацких, различные политические мотивы). «Мы считаем это ошибкой, — подчеркивали они, — лишать молодое поколение их прав в нашей свободной стране». «Мы не хотим отстать от наших товарищей. Мы тоже хотим обучаться военному делу и политическим делам, для того чтобы в будущем мы смогли защитить нашу свободную страну», — говорилось в письме¹⁵³. По поводу молодых казаков не было сомнений, что они, в случае войны с Польшей или Англией, будут мужественно сражаться на поле брани за свое

Отечество¹⁵⁴. Однако в 1933 г. все изменилось кардинальным образом. Даже молодые казаки уже не желали идти на военную службу. Так, например, в Ейском районе при призыве в Красную Армию на собрании призывников они заявляли: «Соввласть нас дурит, раньше говорили, что воюют брат с братом, что защищали только буржуев. Тоже нас забирают только для того, чтобы сделать из нас пушечное мясо. Хорошо баптистам, которые, по религиозным убеждениям, воевать не будут»¹⁵⁵.

В 1927 г. большинство «красных партизан», среди которых были и казаки, не только заявили о своей готовности в любую минуту встать на защиту Советского правительства, но и с возмущением требовали от него принятия самых решительных мер против враждебных выпадов империалистических сил. «Почему мы позволяем им терзать нас? Будет лучше, если мы первыми начнем войну. Так мы сумеем очень быстро покончить с буржуазией», — заявляли они¹⁵⁶. Секретарь Аксайского окружного комитета ВКП(б) в июле 1927 г. сообщал о том, что ему приходится сдерживать некоторых местных активистов, которые «хотят воевать». Особенно это касалось железнодорожных рабочих, которые говорили: «Мы ничего не боимся. Мы сражались в более тяжелых условиях и выжили. Сейчас мы намного сильнее [...]. У нас самое превосходное оружие, и мы пользуемся поддержкой рабочих во всем мире»¹⁵⁷. Самые «горячие головы», как сообщали агенты ОГПУ, «были расстроены, когда Советское правительство не разрешило добровольцам воевать в Китае на стороне рабочих и крестьян»¹⁵⁸. В 1933 г. подобных настроений среди «красных партизан» и большинства активистов уже не наблюдалось. Бывшие «красные партизаны» с горечью говорили: «Партизан теперь с колхоза вычищают и раскулачивают, а кого надо раскулачивать, то они сидят в колхозе и в сельсоветах руководят... Партизанство теперь ничего не значит, их уже выбросили из моды»¹⁵⁹. Начальник политотдела Гуляй-Борисовской МТС 13 мая 1933 г. так прокомментировал эти горькие слова: «Обычно единоличники-партизаны делают такие заявления — партизаны теперь не нужны, советская власть не для партизан»¹⁶⁰. Конечно, он лукавил, и одними только сетованиями на судьбу недовольство «красных партизан», в том числе колхозников, не исчерпывалось. В 1933 г. многие из них, в прежние годы самые преданные сторонники коллективизации, демонстративно вышли из членов партии. По сообщениям ОГПУ, среди активистов были замечены намерения двинуться в Москву с оружием в руках, чтобы свергнуть действующий режим¹⁶¹.

Еще одним негативным результатом голода 1932–1933 гг. с точки зрения подготовки страны к отражению империалистической атаки стало разочарование в большевиках среди немалой части симпатизирующих им за рубежом сторонников. Несоветские марксисты отмечают так называемые кронштадтские моменты, которые способствовали освобождению многих просоветски настроенных интеллектуалов от прежних иллюзий относительно советского эксперимента. Причем решающий поворот в убеждениях часто был связан с личными впечатлениями от знакомства с реальной действительностью в Советской России. Эмма Голдман, например, известная американская анархистка, была потрясена известием о казни революционеров, не разделяющих взглядов большевиков, во время ее пребывания в Москве в период Гражданской войны. Маршалл Берман, американский сторонник марксистского гуманизма, был разочарован советским марксизмом, когда, будучи ребенком, он видел, как советские танки давили венгерских детей в 1956 г. Другие радикально пересмотрели свои взгляды из-за советской интервенции в Прагу. Значительное число сторонников левых, не питавших иллюзий относительно империализма и знавших о положении западных рабочих в период Великой депрессии, временно находились в Советском Союзе в начале 1930-х гг., чтобы не только увидеть, но и непосредственно участвовать в строительстве нового, самого справедливого общества¹⁶². Некоторые из них, столкнувшись лицом к лицу с «голодными и лишенными прав крестьянами», заметно поубавили свой энтузиазм относительно «светлого образа» советского коммунизма, как в случае с Пэт Слоуном, англичанином, который пешком за три месяца прошел почти весь Северный Кавказ¹⁶³. Таким же горьким и бесповоротным было разочарование трех журналистов, симпатизировавших СССР — Малколма Маггериджа, Югана Лионса и Вильяма Хенри Чемберлина¹⁶⁴. Для других, например, Люиса Фишера, для окончательного разочарования потребовалось десять лет, и голод 1932–1933 гг., несомненно, был не последним аргументом в этом процессе¹⁶⁵.

По злой иронии, несмотря на все усилия сталинского режима скрыть голод от мировой общественности, информация о нем и его последствиях через письма родственников в Германию, Канаду и США вместе с сообщениями горстки журналистов и сельскохозяйственных специалистов, побывавших в СССР, дошла и была очень серьезно воспринята самым злейшим врагом Советского Союза — нацистской Германией. Сложившееся у ее руководства

представление об ослабленном физически в результате недоедания и голода советском народе, озлобленном и ненавидевшем коммунистов, хотя и было значительно преувеличено, не могло не сыграть своей роли в выборе срока нападения на СССР в 1941 г. В итоге рукотворный голод 1932–1933 гг. в долговременной перспективе значительно затруднил выполнение главной задачи Коммунистической партии — разгром мирового империализма¹⁶⁶.

* * *

Существует мнение, что все голодные бедствия в так называемых коммунистических странах типичны, похожи друг на друга. На самом деле это не так. Даже в период существования сталинского режима они различались по причинам и государственной политике. Доказать высказанное положение можно путем сравнения самых крупных советских голодовок (1921–1922, 1932–1933, 1946–1947 гг.), а также голодных бедствий, пережитых в других «коммунистических странах» (голода 1959–1961 гг. в Китае, 1984 г. в Эфиопии, 1995–1999 гг. в Северной Корее). Прежде чем заострить внимание на различиях, следует указать на одно общее обстоятельство, характерное для всех шести перечисленных «коммунистических голодовок», отсутствующее в «империалистических голодовках». Это международная обстановка, в которой протекали события голодных лет. Каждый голод протекал в обстановке геополитического противостояния двух общественных систем. «Богатые нации» внимательно следили за своими идеологическими противниками и критиковали их за допущенные ошибки и слабость. Точно так же поступали и их оппоненты — страны «реально-социализма», в которых велась активная контрпропаганда против «западных фальсификаторов». В то же время среди шести названных голодовок две очень похожи. Это голод 1932–1933 гг. в СССР и голод второй половины 1990-х гг. в Северной Корее. В обоих случаях страны находились в антикоммунистическом окружении, которое можно сравнить с изоляцией от внешнего мира. То есть им приходилось самостоятельно решать проблему голодного кризиса. В этом же ряду, хотя и не совсем идентичная, ситуация 1959–1961 гг. в Китайской Народной Республике, в немалой степени усугубившаяся советско-китайским расколом¹⁶⁷.

Большинство специалистов, изучающих в настоящее время голод в коммунистических странах, принижают роль природных, естественных причин возникновения голода, отдавая предпочтение непродуманной государственной политике, которая доводила

нехватку продуктов до голода. В какой-то степени это закономерно, поскольку в странах реального социализма климатический фактор оказался не столь резко выражен, как в голодающих империалистических колониях и в постколониальных странах. Тем не менее сильнейшие засухи и наводнения сыграли заметную роль в пяти-шести голодовках.

Журналисты пытаются доказать, что безрассудное коммунистическое планирование, особенно сплошная коллективизация в СССР, привело к неизбежному голоду. В трех случаях голода (1932–1933 гг. в СССР, 1959–1961 гг. в КНР, 1984 г. в Эфиопии) эта причина бесспорна, но она не исключает влияния других факторов. В частности, если присмотреться повнимательнее, то «безрассудное коммунистическое планирование» по своим негативным последствиям ненамного отличается от необдуманных империалистических проектов по поощрению выращивания пшеницы в подверженных засухам районах в нарушение традиционных, но простых приемов земледелия, связанных с эффективной ирригационной системой. То же самое можно сказать о массовых переселениях сопротивлявшихся африканцев на малопригодные для сельскохозяйственного производства земли. Общим правилом для коммунистических режимов и империалистов было игнорирование интересов крестьян, осуществление аграрной политики без учета их мнений. Именно поэтому и в странах реального социализма, и в колониях это имело для сельских тружеников самые губительные последствия. Избежать подобного результата можно было только при условии, если бы радикальные эксперименты проводились при поддержке большинства крестьян, осознающих их пользу, постепенно, при непосредственном их участии. Однако этого не случилось. Возможно потому, что при строительстве коммунизма, в отличие от империалистической практики, у коммунистов, получивших огромную власть над простыми людьми, миллионами сельских жителей, появляются эйфория и мания собственной непогрешимости и величия, убежденность в необходимости идти на рискованные шаги ради достижения великой цели, не обращая внимания на «мелкие детали» вроде голодной смертности миллионов крестьян. Фактор эйфории в полной мере проявился в событиях 1932–1933 гг. в СССР и 1959–1961 гг. в Китае.

Радикальные перемены оказались тяжелы не только для России, но и для влачащих убогое состояние граждан развивающихся стран — четверти стран мира. От 30 до 60 миллионов сельских тру-

жеников погибли в период с 1870 по 1902 г. в колониальных странах. Они погибли не только от природных бедствий и империалистической налоговой политики, но и от непредсказуемости мирового рынка, вхождение в который стало для них настоящей трагедией, поскольку они не имели никакого опыта спасения в случае бедствия. Для Северной Кореи трагедией стал распад коммунистического блока, инспирированный горбачевской перестройкой в СССР. Цепная реакция краха режимов «народной демократии» в Восточной Европе вслед за победой в СССР антикоммунистов привела к разрыву торгово-экономических связей Северной Кореи, обеспечивавших поступление в страну более половины жизненно необходимых товаров. Антикоммунистический («демократический») мир наложил торговое эмбарго на Северную Корею за отказ пойти на компромисс со своими убеждениями. Но негативные последствия крушения реального социализма отразились не только на оставшейся верной коммунистическим принципам Северной Корее. Их еще долго будет ощущать на себе и современная Россия. Российское сельское хозяйство со времен перестройки понесло большие убытки, чем СССР за годы сталинской коллективизации. В период с 1992 по 1998 г. поголовье крупного рогатого скота сократилось на 43 %, а поголовье свиней — на 51 %. Если сравнить эти цифры с периодом 1928–1934 гг., когда советская деревня была принудительно переведена на новые «социалистические рельсы», то окажется, что в эти годы численность рабочего скота упала на 40 %, а свиней — на 33 %¹⁶⁸. Как уже говорилось в последней главе, вопрос о создании эффективного сельского хозяйства, способного обеспечить России продовольственную безопасность, все еще остается открытым. И самым очевидным доказательством этого являются миллионы горожан, гнущих спины на своих дачных участках.

За исключением Северной Кореи, подавляющее большинство жертв голода в странах реального социализма были сельские жители. Печальный факт состоял в том, что, за исключением голодных лет военного времени, из-за неурожая или непосильных налоговых сборов, насильственных выселений, отсутствия средств на покупку продуктов из-за их высоких цен, именно крестьяне — колхозники и сельскохозяйственные рабочие становились основными жертвами всех голодных катастроф. Сталинская, и особенно эфиопская, элиты были похожи в своем пренебрежительном отношении к крестьянству, поскольку не признали приоритета мер по оказанию им помощи в самый критический период голода¹⁶⁹.

Международная помощь была принята и доставлена с длительной задержкой и при унижительных условиях в трех из шести перечисленных нами случаях голода в странах с коммунистическим режимом¹⁷⁰. В тех случаях, когда помощь отвергалась, лидеры режимов оправдывали свою позицию интересами международного социализма и международной безопасности. Коммунистические режимы критикуются и за то, что получаемая международная помощь голодающим разворовывалась ими или перепродавалась с личной выгодой. Этот грех был свойствен не только им, но и европейским колонизаторам и их преемникам в постколониальную эпоху. Например, коррупция вовсю свирепствовала в Британской Индии во время голода. Она наблюдалась и в ходе большинства благотворительных операций в деколонизированных странах в военные годы. В то же время советский голод 1932–1933 гг. свидетельствует о меньших случаях преднамеренных расхищений продуктов питания из-за достаточно суровых мер наказания, предусмотренных законодательством за кражу чужого имущества, особенно «социалистического». ОГПУ было четко проинструктировано на счет наблюдения за большевиками, позволяющими всяческие «излишества».

* * *

Молотов, однако, оказался прав по меньшей мере в одном. В конце концов сталинисты прогнали нацистские армии до самого Берлина. И если писатель-деревенщик М. А. Алексеев считал коллективизацию и голод катализаторами нацистской угрозы и Второй мировой войны, то Молотов думал как раз наоборот. «Я считаю успех коллективизации значительней победы в Великой Отечественной войне. Но если б мы ее не провели, войну бы не выиграли», — заявлял он в частных беседах поэту и публицисту Феликсу Чуеву¹⁷¹. Последний не преминул поинтересоваться мнением сталинского наркома по поводу того, что в «писательской среде говорят о том, что голод 1933 года был специально организован Сталиным и всем высшим руководством». «Это говорят враги коммунизма! Это враги коммунизма. Не вполне сознательные люди. Не вполне сознательные... Нет, тут уж руки не должны, поджилки не должны дрожать, а у кого задрожат — берегись! Зашибем! Вот дело в чем. Вот в этом дело», — решительно отреагировал Молотов¹⁷². «Откладывать нельзя было. Фашизм начинался. Нельзя было опаздывать. Опасность войны уже была», — попыток он¹⁷³. Таким образом, и спустя полвека сталинисты были уве-

рены в правильности избранного курса и методов его осуществления. И для этого у них были и остаются веские основания. В частности, одно обстоятельство при сравнительном анализе голода 1932–1933 гг. выступает на первый план — это прочная поддержка сталинского режима рабочим классом. Именно из рабочих комплектовался состав различных уполномоченных (вспомним знаменитых «двадцатипятидесятыхников»). Весной 1933 г. они очищали улицы городов от трупов погибших голодной смертью крестьян, помогали истощенным колхозникам выводить на поля коров, летом вывозили и охраняли зерно из колхозов, добросовестно выполняли другие возложенные на них партией задания. Нацисты так и не смогли заручиться такой поддержкой в оккупированных странах. Например, в Греции они посылали полицейских в деревню заготавливать зерно, а те примыкали к крестьянам и начинали бороться с захватчиками¹⁷⁴.

Возможно, что рабочая поддержка сталинского режима в 1932–1933 гг. объяснялась их неосведомленностью в деталях масштабами голода. Если верить Артуру Коустлеру, то «громдное большинство людей в Москве не представляли, что происходило в Харькове, а тем более в Ташкенте, Архангельске или Владивостоке»¹⁷⁵. Но были и другие причины. В частности, советские рабочие не в меньшей степени, чем «европейски образованные эфиопцы», мечтали о преодолении отсталости страны и осознавали неизбежность трудностей на этом пути. Например, секретарь окружного комитета партии Пожидаев подметил очень характерную деталь в поведении рабочих Аксайского округа, «которые только вчера жаловались на недостатки и неудобства», но «тотчас забыли» о них и поддержали «наши военные усилия»¹⁷⁶.

Не все оказалось так просто и с колхозным крестьянством. Почему советские крестьяне, столько натерпевшиеся от коммунистов, остались лояльны сталинскому режиму в 1941–1945 гг.? В России, как всем хорошо известно, гитлеровский аграрный «новый порядок» породил мощное партизанское движение¹⁷⁷. Конечно, главным фактором была защита своего Отечества. Но наряду с ним действовали и другие. Репрессии 1937–1939 гг., особенно в деревне, в какой-то мере помогли поддержать официальную версию причин голода 1932–1933 гг. среди крестьян, которые не желали окончательно потерять веру в идею настоящего рабоче-крестьянского государства¹⁷⁸. А таких было немало, даже после голода 1932–1933 гг. Именно поэтому многие крестьяне считали существующими в жизни «врагов», подобных «сыну кулака», рас-

пространявшего слухи о якобы стрелявшей в Сталина жене Ленина Крупской, решившей отомстить ему за проведение антиленинской экономической политики, из-за которой «народ погибает с голоду», а также о Ворошилове, решившем занять место Сталина, чтобы «повести народ по-новому»¹⁷⁹. Даже власовцы, вызывающие отвращение своей службой нацистам, сохранили многие социалистические ценности в своем представлении о будущем России¹⁸⁰. В 1927 г. беднейшие крестьяне, бывшие «красные партизаны» и демобилизованные красноармейцы в глухой деревушке Зимовники Сальского района в доверительной беседе утверждали: «Хотя мы и ругаем Советское правительство, тем не менее мы будем защищать его»¹⁸¹.

Другой причиной крестьянской «забывчивости» нанесенных обид было то, что крестьяне в какой-то мере разделяли со сталинистами презрительное отношение к лодырям и на своем уровне, без всякой большевистской проповеди, понимали, что они не сделали всего того, что могли, в период полевых работ 1932 г. В апреле 1933 г., например, констатировалось, что «часть активистов, частично понимающая, “как это получилось”... не копаясь в прошлогодних итогах со стороны их личного материального ущемления, ведет активную работу в текущей посевкампании»¹⁸². Как уже отмечалось нами, голод 1932–1933 гг. сломил их сопротивление и похоронил надежду на возвращение к единоличной жизни. В казачьих районах Дона и Кубани только самые непримиримые казаки, глубоко затаившиеся, могли всерьез размышлять о возможности возрождения казачества. Поэтому крестьянам и казакам, ставшим колхозниками, надо было жить дальше, крестьянствовать в колхозе, надеяться на лучшую жизнь, которую им обещали коммунисты.

Возвращаясь к вопросу о марксистской модернизации деревни, хотелось бы отметить главное. Именно модернизация крестьянской России, ее переход посредством народных революций и реформ сверху из аграрной в аграрно-индустриальную и индустриальную стадии развития составляет суть исторического пути страны в XX в. Таким образом, в течение столетия Россия превратилась из страны крестьянской в страну индустриальную. В этой трансформации решающая роль принадлежит сталинской коллективизации¹⁸³. В результате форсированной индустриализации и укрепления сталинского режима российская государственность была сохранена в тяжелейшие годы Второй мировой войны. В этой связи вполне оправданной прозвучала оценка роли лично-

сти Сталина в истории России из уст одного из крупнейших политиков XX в. Уинстона Черчилля, высказанная им в стенах Британского парламента 21 декабря 1959 г. «Сталин был величайшим, не имеющим себе равного в мире диктатором, который принял Россию с сохой и оставил с атомным вооружением», — заявил Черчилль¹⁸⁴.

К сожалению, как показывает мировой опыт, ни в одной стране индустриальная модернизация не проходила безболезненно для крестьянства¹⁸⁵. В Англии крестьян «съели овцы». Другие европейские страны сотрясли многочисленными революциями. Миллионы крестьян колониальных империй в нищете и голоде обеспечивали бурный индустриальный рост и процветание метрополий. В этом же ряду оказались и события 1932–1933 гг. в советской деревне. И чтобы понять их логику, следует напомнить один очевидный факт из современной политической жизни России. Несмотря на, казалось бы, сверхдемократизацию и открытость российского общества, западный мир так и не предоставил ей ожидаемую экономическую поддержку. Более того, Россия погрязла в долгах Западу и лишь благодаря удачно сложившейся конъюнктуре рынка рассчитывается с ними, но без всяких скидок, «по полной программе». Действительно, партнерские отношения между Россией и Западом смогли определиться лишь в области борьбы с международным терроризмом. Что же тогда говорить о ситуации начала 1930-х гг.! Могло ли по-другому действовать тогда сталинское руководство?

Однако в западных странах модернизация, несмотря на все ее издержки, завершилась созданием современного сельского хозяйства, обеспечивающего продовольствием население и экспортирующего его. В России этого, к сожалению, не произошло. Поэтому голод 1932–1933 гг. несколько по-иному смотрится на фоне мировых голодных бедствий периода индустриальной модернизации. И сталинская коллективизация выглядит в этой связи не столь уж исторически оправданной, поскольку до сих пор в России нет современного сельского хозяйства и настоящего хозяина на земле.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изложенный в настоящей книге материал затронул одну из самых трагических страниц в истории российской деревни. Многого повидала она на протяжении своей многовековой истории. Однако то, что произошло в Поволжье, на Дону, Кубани, Южном Урале и в других зерновых районах СССР в 1932–1933 гг., не имело аналогов. Веками крестьяне и казаки боролись с природой, обильно поливали потом землю, чтобы она родила хлеб. Не всегда судьба была благосклонна к ним и не всегда на крестьянском столе было вдоволь хлеба. Бывали времена страшных засух, суховеев, которые подчистую уничтожали посевы и обрекали крестьянские семьи на голод и смерть. Но никогда еще до 1933 г. крестьяне и казаки не попадали в такую ситуацию, чтобы при средних за последние годы урожаях на сельских кладбищах оказались сотни тысяч хлеборобов, погибших от голода. Возникший не по их вине «голодомор 1933 года» навсегда войдет в историю России как одна из самых черных ее страниц.

Голод 1932–1933 гг. стал результатом антикрестьянской политики насильственной коллективизации и хлебазаготовок, проводившейся сталинским руководством ради решения задачи форсированной индустриализации страны. Предпосылки общекрестьянской трагедии сложились в 1930–1931 гг. Принудительное вовлечение крестьян и казаков в колхозы, раскулачивание самых хозяйственных из них нанесли колоссальный урон сельскому хозяйству. Главной целью насаждения колхозов был товарный хлеб, снабжение им государства вне зависимости от учета интересов его непосредственных производителей. В 1930–1931 гг., не считаясь с тяжелым организационно-хозяйственным состоянием колхозов, сталинское руководство сделало все, чтобы выжать из них как можно больше хлеба. В результате казаки и крестьяне получили горький опыт реальной, а не декларируемой сталинской пропагандой, жизни в колхозах. Главный урок состоял в том, что государство рассматривало колхозы лишь как источник для выкачивания

средств на нужды индустриализации, не считаясь при этом с интересами трудового крестьянства. Ярким свидетельством этого стала хлебозаготовительная кампания 1931 г., когда в условиях неурожая в Поволжье и при благоприятных погодных условиях на Северном Кавказе из деревень и станиц был вывезен хлеб, необходимый для пропитания колхозников. За свой труд в колхозах подавляющее большинство из них фактически ничего не получило. Ситуация усугубилась принудительным обобществлением личного скота, его массовой гибелью. Эти факты оказали самое негативное воздействие на психологическое состояние земледельцев и обусловили наступление серьезного кризиса в 1932 г.

Впервые в истории России в 1932–1933 гг. голод не был вызван естественными причинами. В 1932 г. в зерновых районах страны, включая Поволжье, Дон и Кубань, не было засухи, аналогичной по своей интенсивности и границам распространения засухам XIX – первой половины XX в., приводившим к повсеместной гибели посевов. Недород имел локальный характер. При сохранении существовавшего уровня агротехники в регионах не могло быть массового неурожая хлебов. Поэтому причины голода определились не «божьей волей», а волей человеческой: аграрной политикой сталинского режима. К началу весенней посевной 1932 г. деревни и станицы Дона, Кубани, Поволжья подошли с подорванным животноводством и тяжелым продовольственным положением колхозников и единоличников. Поэтому посевная кампания не могла быть проведена качественно и в срок. В частности, сокращение тягловой силы и рабочих рук привело к серьезным затяжкам всех основных полевых работ, снижению их качества, а следовательно, снижению урожайности и увеличению потерь. В 1932 г. урожай был выращен средний по сравнению с предыдущими годами и вполне достаточный, чтобы не допустить массового голода. Но убрать его своевременно и без потерь не удалось. Огромный дефицит зерна после окончания уборки и хлебозаготовительной кампании 1932 г. возник не из-за погодных условий как таковых, а в силу комплекса объективных и субъективных обстоятельств.

Их соотношение не было равнозначным на протяжении всего года. Например, весной 1932 г. доминирующими были объективные факторы – последствия насильственной коллективизации и хлебозаготовок, обусловившие нарушения агротехники в период посевных и прополочных работ (сокращение тягла, рабочих рук). Хотя и субъективный фактор – нежелание крестьян добросовест-

но работать — тоже проявился. Однако во многом он был предопределен объективными обстоятельствами (продовольственными трудностями, сокращением тягла, рабочих рук и т. д.). С началом же уборочных работ доминирующим стал субъективный фактор — крестьянское сопротивление хлебозаготовкам и колхозной системе в целом. Его проявлениями в ходе уборочной страды 1932 г. стали срывы сроков уборки, низкое качество молотильных работ, небрежная перевозка убранных хлеба, хищения зерна. Колхозники не желали добросовестно убирать урожай в страхе перед голодом, который усиливался по мере развертывания принудительной хлебозаготовительной кампании. В основе совокупности перечисленных обстоятельств лежала сталинская политика коллективизации, проводившаяся осознанно и решительно. Поэтому главная вина за аграрный кризис 1932 г. лежит на политическом руководстве страны и лично Сталине. Именно сталинский режим породил его и несет основную ответственность за последующие события. Поэтому пониженный урожай 1932 г. стал результатом прежде всего действия субъективного фактора — политики форсированной модернизации, осуществляемой сталинским руководством за счет безжалостной эксплуатации деревни.

Существовала самая тесная связь между коллективизацией, пониженной урожайностью зерновых хлебов и голодом 1933 г. Именно в районах сплошной коллективизации в полной мере сказались ее негативные последствия, главные из них — активное сопротивление земледельцев политике коллективизации и хлебозаготовок и разрушение основных производительных сил деревни: животноводческой отрасли, трудовых ресурсов.

Меры так называемого «неонэпа», направленные на стимулирование трудовой активности земледельцев, не дали результата, поскольку они были приняты слишком поздно. Задавленные многолетним произволом и мало доверявшие власти, они не поверили ей. Именно поэтому летом 1932 г. с начала уборочной кампании в колхозах началось небывалое ранее воровство колхозного зерна с полей, массовый уход из деревень трудоспособного населения на заработки.

Коллективизация сама по себе не привела бы к такому трагическому результату, если бы не начавшаяся хлебозаготовительная кампания. Государство, так же как и в 1930–1931 гг., использовало всю свою мощь, чтобы взять из деревни хлеб.

Именно страх крестьян перед огромными размерами установленных для колхозов планов хлебозаготовок тормозил ход уборки

урожая. Когда попытки земледельцев добиться снижения этих планов не увенчались успехом, они избрали вполне закономерный путь защиты своих интересов — сопротивление вывозу из станиц и деревень выращенного их руками хлеба. Казаки и крестьяне в полной мере воспользовались традиционным крестьянским «оружием слабых». Формы его были разнообразными, но суть сводилась к одному — не выпустить из селений хлеб. В ходе уборочной кампании и хлебозаготовок 1932 г. крестьяне и казаки организовали сопротивление власти с помощью «волынок», «итальянки» и открытых форм протеста. Методом «компенсации за неоплаченный труд» стало воровство общественного зерна. Это была самая настоящая борьба за выживание в условиях неминуемой голодной катастрофы. Она стала кульминацией противостояния партии и крестьянства по вопросу о судьбах колхозного строя. Сталинское руководство не пошло на компромисс и с помощью насилия сломало крестьянское сопротивление. Произошло это вследствие природы сталинского режима, ориентированного в духе большевистской традиции на бескомпромиссную борьбу с трудностями и «врагами», а также из-за невозможности для него отказаться от избранного политического курса в силу угрозы потерять власть. «Сталинская твердость», проявленная по отношению к крестьянству и казачеству в 1932–1933 гг. в значительной степени определялась и неблагоприятной для СССР международной обстановкой, разразившимся на Западе мировым экономическим кризисом, усугубившим зерновую проблему.

Основным средством выхода сталинского руководства из крайне трудной ситуации с хлебозаготовками 1932 г. стало насилие над крестьянством. В 1932 г. хлебозаготовки так же, как и в предыдущие годы, проводились по принципу продрозверстки, т. е. решительно и любой ценой. Характер мер, использованных местными партийными и советскими органами в 1931–1932 гг. для выполнения хлебозаготовительных планов, определялся непосредственно позицией центральной власти. Именно под давлением ЦК ВКП(б) местное краевое руководство вынуждено было предпринять самые решительные меры, чтобы обеспечить выполнение государственных заданий по хлебосдаче. Поэтому ЦК ВКП(б), Советское правительство и лично Сталин должны не только разделить ответственность с местным краевым и низовым партийно-советским руководством за характер мер, использованных для выполнения плана хлебозаготовок 1931–1932 гг., но и взять на себя основную ее часть за их применение, а также за весь дальнейший ход событий в регионах.

Волна массовых репрессий во второй половине 1932 г. против крестьянства и части партийно-хозяйственного аппарата стимулировалась деятельностью комиссий ЦК ВКП(б) по вопросам хлебозаготовок, возглавлявшихся секретарями ЦК партии Кагановичем и Постышевым. Они несут личную ответственность за трагические последствия хлебозаготовительной кампании, поскольку придали ей необратимый характер своими действиями.

В ходе хлебозаготовок на Северном Кавказе удар направлялся в целом против крестьянства, но прежде всего против казачества. Помня об активном участии большинства кубанских, донских и терских казаков в белом движении в годы Гражданской войны, сталинское руководство и Каганович лично усматривали в казачьих станицах лишь гнезда «кулацко-казачьей контрреволюции», по старинке отождествляя трудовое казачество с кулачеством. Эта предвзятость к казачеству партийного актива, состоявшего, как правило, из числа иногородних, наложила свой отпечаток на характер хлебозаготовительной кампании 1932 г. и дальнейшей ситуации в голодающих станицах Дона и Кубани в 1933 г. Этим обстоятельством, а не тем, что в Кубанском округе проживали выходцы с Украины (бывшие запорожские казаки), как иногда утверждают некоторые украинские историки, во многом объясняется, что в 1933 г. в наиболее тяжелом положении оказались именно казачьи районы Кубани, Дона и Ставрополя.

Общее положение, сложившееся в коллективизированных районах Поволжья, Южного Урала, Дона и Кубани в 1932 г., свидетельствовало не просто о возникновении «определенных трудностей» в системе колхозного производства, а о кризисе всей сталинской политики насильственной коллективизации, фактическом ее провале. Проводимая с помощью насилия, она оказалась способна лишь на разрушение старой системы производственных отношений в деревне. Но создать взамен хотя бы равную ей по эффективности она не смогла. Сталинское руководство не смогло заинтересовать земледельцев в добросовестном труде в колхозах.

Характер мер, предпринятых сталинским режимом во время хлебозаготовительной кампании, свидетельствует, что они решали не только задачу обеспечения государства хлебом, но и преследовали цель наказать крестьян, особенно казаков, за их нежелание добросовестно работать в колхозах, сопротивление политике коллективизации.

Голод наступил вследствие изъятия из селений в счет хлебозаготовок большей части хлеба, предназначенного на продоволь-

ственное обеспечение крестьянских семей. Хлебозаготовки 1932 г. и связанная с ними кампания по засыпке семенных фондов стали непосредственной причиной голода, так как лишили деревню хлеба, а нередко и всего продовольствия. Но сами они были неотъемлемой частью политики коллективизации. Поэтому наступивший голод — прямое следствие этой политики, а не одних хлебозаготовок, отдельно взятых. Последствия коллективизации сказались в уничтожении традиционных для деревни страховых запасов продовольствия на случай голода, гибели молочного скота, всегда спасавшего голодающих крестьян, особенно детей.

В 1933 г. интенсивность голода в сельских районах Поволжья, Южного Урала, Дона и Кубани была высока. В эпицентрах голода наблюдалась массовая смертность, имели место случаи людоедства, захоронений умерших в общих могилах без гробов. Голод в равной степени затронул селения с русским и нерусским населением и не имел «национальной специфики», т. е. направленности против какого-то одного народа. Больше всего пострадали те селения, которые находились в зоне сплошной коллективизации и специализировались на зерновом производстве.

Причины высокой смертности в голодающих деревнях и станицах в 1933 г. прямо вытекали из результатов государственной политики, которая разрушила традиционную систему выживания крестьян в условиях голода (ликвидация кулака, борьба с нищенством, стихийной миграцией и т. д.). Кроме того, она определялась характером зерновых ссуд, предоставленных Советским правительством голодающим колхозам. В 1933 г. ссуды выдавались для того, чтобы не допустить срыва посевной и уборочной кампаний. Они завозились в деревню не до начала полевых работ, когда уже было необходимо спасти голодающих крестьян, а только когда вставала задача организовать колхозников на выполнение государственного плана засева колхозных площадей под новый урожай. Ссуды выдавались лишь тем, кто выходил в поле, остальные предоставлялись самим себе. Именно поэтому непосредственные очевидцы голода не желают признать факт оказания им помощи со стороны Советского правительства. Но подобная оценка излишне эмоциональна и связана с перенесенными страданиями. Благодаря выданным зерновым ссудам в 1933 г. удалось успешно провести посевную кампанию. Тем не менее в действиях власти заметен мотив «наказания» казаков и крестьян за их сопротивление хлебозаготовкам и колхозам в 1932 г. Кроме того, размеры продовольственных ссуд были минимальны, и это

не позволило спасти от голодной смерти десятки тысяч крестьян и казаков.

Замалчивание голода, пропагандистская кампания по разоблачению «измышлений» западной печати о положении голодающего населения были циничными с точки зрения общечеловеческой морали, но последовательными в рамках проводимого политического курса. Такая политика определялась, с одной стороны, желанием сталинского руководства окончательно сломить крестьянское сопротивление коллективизации, а с другой — внешним фактором (желанием сохранить международный престиж, укрепить режим в условиях растущей военной угрозы).

С помощью созданных в 1933 г. в основных зерновых районах страны политотделов МТС и принятых ЦК ВКП(б) и СНК СССР постановлений, направленных на организационно-хозяйственное укрепление колхозов, в них удалось укрепить производственную дисциплину и успешно провести весеннюю и уборочную кампании и таким образом значительно ослабить в деревнях голодный кризис. Однако окончательно решить продовольственную проблему не удалось. Поэтому в широком смысле можно поставить знак вопроса, говоря о результатах «выхода из голодного кризиса».

Изложенный в настоящей книге материал позволяет сделать следующий вывод принципиального значения.

Голод 1932–1933 гг. можно определить как «организованный голод». Он был организован сталинским режимом в результате насильственной коллективизации, разрушившей сельскохозяйственное производство, а также с помощью принудительного вывоза хлеба из деревни в счет государственных заготовок и подавления крестьянского сопротивления. Все эти действия осознанно принимало сталинское руководство. Ситуация усугубилась политикой ограничения и ликвидации традиционных методов выживания крестьян во время голода в первой половине 1933 г., отказом от международной помощи. Прямой организацией голода можно назвать драконовские директивы Сталина — Молотова о борьбе со стихийной миграцией крестьян, запиравших их в голодающих селениях и обрекавших на голодную смерть. Именно поэтому голод 1932–1933 гг. можно считать организованным голодом, и этот голод — одно из самых тяжких преступлений Сталина.

В то же время, как показывает мировая практика, элемент «рукотворности» присутствовал во всех голодовках, и сталинский режим здесь не был оригинален. Линию его поведения в условиях кризиса 1932–1933 гг. предопределил избранный им политический

курс. Именно в эти годы окончательно проявилась сущность установившегося в СССР сталинского режима. Его целью было стремление решить задачу ускоренной модернизации страны любой ценой, даже ценой смерти миллионов людей. Именно идея ускоренной подготовки страны к отражению империалистического нападения легла в основу «сталинской твердости», проявленной в 1932–1933 гг. Ради этого сталинское руководство пошло на замалчивание голода и отказ от международной помощи. С точки зрения общечеловеческих ценностей, конечно, подобные действия вызывают осуждение и горечь. Страдания миллионов простых тружеников Поволжья, Южного Урала, Дона, Кубани, Украины и других регионов СССР, ставших жертвами «большой политики», не могут оставить равнодушным любого нормального человека, разделяющего гуманистические принципы. Именно такова оценка трагедии снизу, со стороны простых земледельцев и просто людей, неравнодушных к чужому горю. В данной монографии мы рассказали о ней, предоставив слово многочисленным свидетелям голода. Для переживших трагедию людей голод 1932–1933 гг. навсегда останется в памяти «организованным голодом». Они хорошо запомнили, что именно власть своими действиями ввергла село в голодную катастрофу. Сначала, не спросив их согласия, она загнала их в колхозы, а затем, не считаясь с их интересами и опираясь прежде всего на репрессивный аппарат государства, выкачала из еле дышавших колхозов все, что там было. И мы солидарны с пережившими горе земледельцами в осуждении сталинской коллективизации как первопричины голода. Точно так же нам претит циничная позиция замалчивания голода и пропагандистская кампания по возвеличиванию «достижений» первой пятилетки. Ведь никто из стоявших у руля сталинского корабля в 1930-е гг. так и не покаялся в содеянном¹, в том числе и Сталин! Духу не хватило попросить прощения у своего народа за коллективизацию и 1933 год!

В данном контексте голод 1932–1933 гг. — красноречивое свидетельство того, к чему может привести политика ускоренного и насильственного изменения сложившихся производственных отношений в экономике и, в первую очередь, в деревне. Подобная политика неизбежно приводит к страданиям простых людей, хотя своей целью она имеет совсем обратное. Сталинисты искренне верили, что творят добро для крестьян, поскольку ликвидируют основу их полунищенского существования — мелкокрестьянское производство. И они не простили крестьянам их «непонимание» и

«неблагодарность», нежелание войти в ситуацию и осознать значимость осуществляемых ими планов «большого скачка».

События 1932–1933 гг. в Поволжье, на Дону, Кубани, Украине подтвердили правило, что любые новые формы организации производства, при всей их кажущейся привлекательности, могут иметь успех, если их внедрение будет происходить по мере подготовки необходимых условий и при поддержке со стороны основной массы тружеников: крестьян, рабочих, интеллигенции и т. д. В противном случае неминуем обратный эффект: потрясения, голод и как следствие — экономический кризис и диктатура.

Как видно из исторического опыта сталинской коллективизации, принудительное вовлечение крестьян и казаков в новые формы организации сельскохозяйственного производства не дали сиюминутно ожидаемого результата. Вместо высоких урожаев, необходимых государству для решения задач индустриализации страны, роста поголовья скота, резкого рывка сельского хозяйства вперед и как следствие — роста материального благосостояния народа наступил голод и глубокий экономический кризис. Такова была цена за форсированную индустриальную модернизацию страны, проводимую с помощью административно-репрессивного ресурса.

Мы не поддерживаем мнение украинских политиков и историков о национальном геноциде голодом на Украине в 1932–1933 гг. и не согласны с их определением «голодомора», как акции, организованной сталинским режимом с целью «уморения», уничтожения миллионов жителей Украины. В понятие «голодомор» мы вкладываем другой смысл, который связан с масштабностью трагедии. Для нас «голодомор» — это прежде всего массовая гибель людей на территории бывшего СССР в результате голода.

Мы не разделяем позицию украинской стороны, потому что не найдены документы, в которых бы говорилось о наличии у сталинского режима замысла уничтожить украинский народ. В известных в XX в. случаях геноцида народов (армянская резня 1915 г., холокост, этнические чистки в Руанде) развязавшие его режимы действовали осознанно, т.е. ставили подобную цель и осуществляли ее с помощью репрессивных органов государства, получавших соответствующие распоряжения на уровне высшего политического руководства, о чем сохранились соответствующие архивные документы и свидетельства очевидцев. На Украине ничего подобного не было. Да и вообще в сталинскую эпоху не было ни Украины, ни России, а был унитарный Советский Союз, где республики

лишь номинально являлись таковыми, а на деле представляли собой абсолютно несамостоятельные части единого государственного механизма, управляемого из Центра. И говорить в это время о каких-то реальных планах выхода из СССР какой-то из республик, думается, не уместно.

Голод 1932–1933 гг. — это не национальный, а интернациональный, советский голод, от которого пострадало все население Советского Союза, и степень этих страданий определялась не национальной принадлежностью, а местом проживания. В эпицентре голодной катастрофы оказались зерновые районы СССР, ставшие в начале 1930-х гг. объектами сплошной коллективизации и неразрывно связанных с ней принудительных хлебозаготовок по принципу продразверстки. Среди них такие регионы современной Российской Федерации, выбранные в этой книге в качестве примера, как Поволжье, Южный Урал, Дон и Кубань.

Также мы не поддерживаем и точку зрения ряда историков о социальном геноциде крестьянства в 1932–1933 гг. со стороны сталинского режима². Несмотря на весь трагизм положения и антигуманные методы управления сельским хозяйством сталинистами, все же это была иная политика, чем, например, колониальная политика англичан в Индии. Хотя элементы социального геноцида в какой-то степени можно увидеть в политике раскулачивания деревни, поскольку она ликвидировала существовавший там слой зажиточных крестьян, но опять же лишь с натяжкой, так как сталинский режим не ставил цели физического уничтожения раскулаченных и многие из них, несмотря на весь ужас спецпоселений, все же выжили.

Что же касается ситуации 1932–1933 гг., то она не могла быть социальным геноцидом, так как действия сталинцев в деревне не исчерпывались лишь репрессивными мерами, хотя они и доминировали. Наряду с ними продолжалась политика тракторизации и механизации колхозов, культурная революция. Кроме того, весной 1933 г. голодающие районы СССР получили семенные и продовольственные ссуды, которые позволили в целом организованно провести весеннюю посевную кампанию и прекратить массовый голод. Наконец, в 1935 г. новый колхозный Устав расширил возможности спасения сельского населения на случай голода, разрешив колхозникам иметь личное приусадебное хозяйство. Все эти меры выглядят странными и нелогичными в рамках теории социального геноцида. Думается, что теория геноцида вообще неприемима к советскому периоду истории России и Украины.

Сталинский голодомор — это печальный опыт того, к чему приводят непродуманные политические решения, опирающиеся лишь на силу государственной власти, но не на поддержку большинства народа. Этот исторический опыт должен быть учтен, в том числе настоящими политиками в России и на Украине. Трагедия 1932–1933 гг. должна не разделять, а объединять народы.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

- ¹ См.: Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Голод: 1932–1933 годы в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона и Кубани). Самара–Пенза, 2002. С. 8.
- ² Увековечение памяти жертв голода 1932–1933 годов в Малой Сердобе стало возможным благодаря публикациям на эту тему замечательного пензенского краеведа и подвижника Михаила Сергеевича Полубоярова. См.: *Полубояров М.* Зачеркнутая строка, или организованный голод // Волга. 1991. № 4. С. 127–137.
- ³ См. об этом подробнее: *Кульчицкий С.* Почему он нас уничтожал? Киев, 2007. 208 с.
- ⁴ См. оборот обложки книги С. В. Кульчицкого «Почему он нас уничтожал? Киев, 2007». Там напечатан данный текст вместе с фотографией О. Пахлевской.
- ⁵ Библиографию работ автора по данной теме см.: *Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 годов в российской деревне: Учеб. пособие. Пенза, 2003. С. 352–354, а также в разделе «библиография» настоящей монографии.
- ⁶ См.: Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Голод: 1932–1933 годы в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона и Кубани). Самара–Пенза, 2002. С. 8.
- ⁷ См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы: В 5 т. / Т. 3. Конеч 1930–1933 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2001. — 1008 с.
- ⁸ См.: *Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 годов в деревнях Поволжья (по воспоминаниям очевидцев) // Новые страницы истории Отечества: Межвуз. сб. науч. тр. Пенза, 1992. С. 164–170; *Он же.* Документы архивов бюро ЗАГС как источник по истории поволжской деревни // Актуальные проблемы археографии, источниковедения и историографии: Материалы всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Вологда, 1995. С. 68–72.

- ⁹ См.: *Королева Л. А. Исторический опыт советского диссидентства и современность*. М., 2001.
- ¹⁰ How Is India Doing?, in *Social and Economic Development in India: A Reassessment*, edited by Dilip K. Basu and Richard Sisson (New Delhi, 1986), 28–42, here at 33.
- ¹¹ Food and Agriculture Organization. *The State of Food and Agriculture*, 1998. Rome, 1998.
- ¹² *Sean Healy*. Angola: The Crisis You Aren't Hearing About // ZNet (27 May 2002); *Marc Edelman*, Price of Free Trade: Famine // Los Angeles Times (22 March 2002); *Barry Bearak*, Children as Barter in a Famished Land // New York Times (8 March 2002).
- ¹³ *Alexander de Waal*. *Famine that Kills: Darfur, Sudan, 1984–1985* (Oxford, 1989). P. 74–76.
- ¹⁴ United Nations Children's Fund. *The State of the World's Children*, 1998. New York, 1998.
- ¹⁵ *P. Pinstруп-Andersen, R. Pandya-Lorch, M. W. Rosegrant*. *The World Food Situation* (Washington, DC, 1997); *P. Foster, H. Leathers*. *The World Food Problem*, 2nd ed. (Boulder, CO, 1999).
- ¹⁶ *E. McCollim, J. V. Riker*. *The Scandal of Hunger in the United States* // Riker and McCollim, eds., in *A Program to End Hunger* (New York, 2000); *Janet Poppendieck*. *Sweet Charity? Emergency Food and the End of Entitlement* (New York, 1998).
- ¹⁷ *Stephen Smith*. Study finds more infants going hungry // Boston Globe (May 8, 2002).
- ¹⁸ См.: Российская газета. 2002. 16 нояб.
- ¹⁹ *V. Navarro*. Un Analisis del Milagro Brasilenno // *Revista de Economia Politica*, 34, No. 5 (1968). P. 23–24.
- ²⁰ *Vicente Navarro*. Development and Quality of Life: A Critique of Amartya Sen's Development as Freedom // *International Journal of Health Services* 30, No. 4 (2000). P. 661–674.
- ²¹ Данные сведения получены автором монографии от завкафедрой социологии Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского, доктора исторических наук профессора *А. С. Попова*.
- ²² См. подробнее: *Feeding China: The Experience since 1949* // *The Political Economy of Hunger: Selected Essays*, edited by Jean Dr ze, Amartya Sen, and Athar Hussin (Oxford, 1995). P. 412, 419–2.
- ²³ *Gail Omvedt*. The political economy of starvation // *Race and Class*, XVII, no. 2 (Autumn 1975). P. 128–129; *Navarro Vincente*. Has

Socialism Failed? An Analysis of Health Indicators under Socialism // International Journal of Health Services, 22, No. 4 (1992). P. 583–601.

- ²⁴ *Carl Riskin*. Feeding China: The Experience since 1949 // The Political Economy of Hunger: Selected Essays, edited by Jean Drèze, Amartya Sen, and Athar Hussin (Oxford, 1995). P. 412. Очевидний факт, що Куба, по сравнению с другими латино-американскими странами, которые имели подобный или даже более высокий уровень экономического и социального развития в 1958 г., к 1985 г. добились наивысшего уровня жизни, самой низкой детской смертности и самого низкого уровня недоедания среди всех возрастных групп в Латинской Америке, несмотря на худшие стартовые возможности. (Pan-American Health Organization, Health Conditions in the Americas, Vol. I. (Washington, D.C., 1990). P. 26.
- ²⁵ *Barnett R. Rubin*. Journey to the East: Industrialization in India and the Chinese Experience, in Social and Economic Development in India // A Reassessment, ed. Dilip K. Basu and Richard Sisson, 67–88, (New Delhi, 1986).
- ²⁶ *Eugene D. Genovese*. The Question, Dissent (Sammer 1994). P. 371–376.

Глава 1. Историография и источники

- ¹ См.: *Осколков Е. Н.* Голод 1932–1933 гг. в зерновых районах Северо-Кавказского края // Голодомор 1932–1933 рр. в Україні: причини і наслідки. Міжнародна наукова конференція. Київ, 9–10 вересня 1993 р. Матеріали. Київ, 1995. С. 116.
- ² См.: Голод 1932–1933 годов на Украине: Свидетельствуют архивные документы // Под знаменем ленинизма. 1990. 8 апреля. С. 69.
- ³ *Malcolm Muggeridge*. Chronicles of Wasted Time (London, 1972), 257; *Chamberlin*. Russia's Iron Age (Boston, 1934). P. 88–89; Italian Diplomatic and Consular Dispatches // Investigation of the Ukrainian Famine 1932–1933: Report to Congress (Washington, 1988). P. 424.
- ⁴ См.: *Dana G. Dalrymple*. The Soviet Famine of 1932–1934 // Soviet Studies XV (January 1964). P. 269; *Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 годов в деревне Поволжья. Дис. канд. ист. наук. М., 1991. С. 112; *Execution by Hunger: The Hidden Holocaust* (New York, 1985). P. 151.
- ⁵ *Robert Conquest*. The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivisation and the terror-famine. New York; Oxford. Oxford University Press, 1986. Он же. Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голо-

- дом (Пер. с англ. И. Коэн и Н. Май. Под ред. М. Хейфеца). Лондон, 1988.
- ⁶ *Он же*. Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом // Новый мир. 1989. № 10. С. 179–200; *Он же*. Жатва скорби: реестр голода // Вопросы истории. 1990. № 1, 4. С. 86, 93, 96; № 1. С. 137–160; *Он же*. Жнива скорботи: Радянська колективізація і голодомор / Пер. з англ. К.: Либідь, 1993.
- ⁷ *Конквест Р.* Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом. Лондон, 1988. С. 409–410.
- ⁸ Там же. С. 441.
- ⁹ Там же. С. 442.
- ¹⁰ Там же. С. 411.
- ¹¹ Там же. С. 445.
- ¹² *James E. Mace.* Is the Ukrainian Genocide a Myth? // La morte della terra. La grande «carestia» in Ucraina nell 1932–33. Viela, Roma, 2004. P. 407–415.
- ¹³ Родина. 2007. № 8. С. 84–85.
- ¹⁴ См. список основных работ *С. В. Кульчицкого, В. И. Марочко, Ю. И. Шаповала, Р. И. Пирога* и других авторов: Бібліографія про голодомор 1932–1933 рр. // Голод 1932–1933 років в Україні: причини та наслідки. Київ, 2003. С. 873–880.
- ¹⁵ *Кульчицкий С.* Почему он нас уничтожил? Киев, 2007. Данный текст вместе с фотографией О. Пахлевской напечатан на обороте обложки книги.
- ¹⁶ Голодомор 1932–1933 рр. в Україні: причини і наслідки. Міжнародна наукова конференція. Київ, 9–10 вересня 1993 р.
- ¹⁷ *Зеленин И. Е., Ивницкий Н. А., Кондрашин В. В., Осколков Е. Н.* О голоде 1932–1933 гг. и его оценке на Украине // Отечественная история. 1994. № 6. С. 256–262.
- ¹⁸ La morte della terra. La grande «carestia» in Ucraina nell 1932 –33. Viela, Roma, 2004. 512 P.
- ¹⁹ *Кондрашин В. В.* Был ли голод 1932–33 годов на Украине геноцидом украинского народа? // Государство и общество. Проблемы социально-политического и экономического развития России. Пенза, 2004. С. 53–54.
- ²⁰ Родина. 2007. № 8. С. 83.
- ²¹ Єврейсько-більшовицький переворот 1917 року як передумова червоного терору та українських голодоморів: Матеріали IV Міжнар. наук. конф., Київ, 25 листоп. 2005 р. — К.: МАУП,

2006. — 296 с.; Програма Міжнародного форуму з голодомору в Україні: каральні органи Єврейсько-більшовицького режиму. Київ, 24 листопада 2006 р. Міжрегіональна Академія управління персоналом, Міжнародна Кадрова Академія, Конфедерація недержавних вищих закладів освіти України. — 12 с.

²² Голод по-большевистски: организаторы и вдохновители // Родина. 2007. № 8. С. 82–89; № 9. С. 80–86.

²³ *Кульчицкий С.* Почему он нас уничтожал? Киев, 2007. — 208 с.

²⁴ Родина. 2007. № 8. С. 83–85.

²⁵ Родина. № 9. С. 80–81.

²⁶ Там же. С. 81.

²⁷ См., напр.: *Васильев В.* Крестьянские восстания на Украине, 1929–30-е годы // Свободная мысль. 1992. № 9; Голод 1932–1933 гг. на Украине: Свидетельствуют архивные документы // Под знаменем ленинизма. Киев, 1990. № 8. С. 64–86; Голод на Украине: (1931–1933 гг.) / Публ. *Шаталина Е. П., Марочко В. И.* // Укр. іст. журн. 1989. № 7. С. 99–111; № 8. С. 105–106; № 9. С. 110–121; № 11. С. 78–90; 1990. № 1. С. 104–106; Коллективізація і голод на Україні. 1929–1933. Сб. документів і матеріалів [Відп. ред. С. В. Кульчицький]. Київ, 1992; *Перковский А. А., Пирожков С. И.* К истории демографического развития 30–40-х годов (на примере Украинской ССР) // Экономика. Демография. Статистика. М., 1990. С. 183; *Пирожков С. И.* Потери демографического потенциала Украины в результате катастроф 1930–40 гг. // Тезисы докладов и сообщений VII Всесоюзной конференции по исторической демографии. Часть I. Донецк, 14–16 мая 1991 г. М., 1991. С. 5–6; *Рудницький О. П.* Демографічні наслідки голоду 1932–1933 рр. в Українській РСР // Історія нар. госп-ва екон. Думки УРСР. Київ, 1990. Вип. 24. С. 22–26; *Ткаченко В. В.* 1933-й: хроника голодного геноцида // Филос. и социол. мысль. Киев, 1991. № 1. С. 101–111; *Ілля Шульга.* Людомор на Поділлі (до 60-річчя голодомору). Республіканська асоціація українознавців, 1993; Голод в Україні. Вибрані статті. Луцьк, 2006 и др.

²⁸ См., напр.: Коллективізація і голод на Україні. 1929–1933. Сб. документів і матеріалів [Відп. ред. С. В. Кульчицький]. Київ, 1992; Голодомор 1932–1933 років в Україні: документи і матеріали / Упоряд. Р. Я. Пиріг; НАН України. Ін-т історії України. — К.: Вид. дім «Киево-Могилянська академія», 2007. — 1128 с.; Розсекречена пам'ять: Голодомор 1932–1933 років в Україні в документах ГПУ–НКВД. — К.: ВД «Стилос», 2007. — 604 с.

- ²⁹ См., напр.: 33-й: голод: Народна Книга - Мемориал / Упоряд.: Л. Б. Коваленко, В. А. Маняк. — Київ: Рад. письменник, 1991. — 584 с.
- ³⁰ *Merl S.* Entfachte Stalin die Hegersnot von 1932–1933 zur Ausl schung des ukrainischen Nationalismus? *Jahrb cher f r Geschichte Osteuropas* 37 (1989): 569–90; *Он же.* Голод 1932–1933 годов — геноцид украинцев для осуществления политики русификации? // *Отечественная история.* 1995. № 1. С. 49–61.
- ³¹ *Он же.* Entfachte Stalin. P. 575–76.
- ³² См. напр.: *Arch Getty.* Starving the Ukraine, a review of *The Harvest of Sorrow.* *London Review of Books.* 22 Janiary 1987. P. 7.
- ³³ *Nove A.* *An Economic History of the USSR.* New York. 1989. P. 170.
- ³⁴ См.: *Mark B. Tauger.* The 1932 Harvest and the Famine of 1933. *Slavic Review* 50, no. 1 (Spring 1991): 70–89; *Tauger М. Б.* Урожай 1932 года и голод 1933 года // *Голод 1932–1933 годов.* М., 1995. С. 14–42; *Он же.* Урожай 1932 года и голод 1933 года // *Судьбы российско-го крестьянства.* М., 1996. С. 298–332.
- ³⁵ См.: *James E. Mace.* The Famine of 1933: A Survey of Sources // *Famine in Ukraine 1932–1933.* (Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies, University of Alberta, 1986). P. 50; *он же.* The Man-Made Famine of 1933 in the Soviet Ukraine: What Happened and Why? // *Famine in Ukraine, 1932–1933.* Edmonton, 1986. P. 79–80; *Dana G. Dalrymple.* The Soviet Famine of 1932–1934 // *Soviet Studies XV* (January 1964): 250–284; *Moshe Lewin,* “Taking Grain: Soviet Policies of Agricultural Procurements Befor the War // *The Making of the Soviet System* (New York, 1985). P. 174; *Mage J.E.* The american press and ukrainian famine // *Genocide watch.* New-Haven; L., 1992. P. 117–132; *Morison D. J.* The soviet pesantry’s expenditure in Socialisted trade, 1928–1934 // *Sov. studie’s.* Glasgow, 1989. Vol. 41. № 2. P. 175–195; *Andrea Graziozi.* The Great Soviet Peasant War. Bolsheviks and Peasants, 1917–1933. Ukrainian Research Institute Harvard University, 1996 и др.
- ³⁶ *Getty, 7; Merl.* Entfachte Stalin, 570–71.
- ³⁷ *Famine as Political Weapon //The Black Deeds of the Kremlin: A White Book,* ed. S. O. Pidhainy (Detroit, 1955), 2: 113.
- ³⁸ Это выражение принадлежит Виктору Кравченко, эмигрантскому автору, который в 1933 г., будучи молодым партийным активистом, принимал участие в сборе урожая в Днепропетровском районе. Оно является литературным оборотом, эмоционально передающим основную мысль автора: *I Chose Freedom: The Personal and Political Life of a Soviet Official* (New York, 1946), 118.

- ³⁹ См.: Famine as Political Weapon, 30–33, 42; *Conquest. The Harvest of Sorrow*, 220–27, 237–38.
- ⁴⁰ *Зеленин И. Е.* «Революция сверху»: завершение и трагические последствия // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 38.
- ⁴¹ Международная комиссия по расследованию голода на Украине 1932–1933 годов. Итоговый отчет 1990 год. (Перевод с англ.). Киев, 1992. С. 57; Итоговый отчет международной комиссии по расследованию голода 1932–1933 гг. на Украине // Голод 1932–1933 годов. М., 1995. С. 11.
- ⁴² *Lewin M.* Russia / USSR / Russia: The drive and drift of super-state. N.Y., 1995; *Он же.* Режимы и исторические процессы в России XX в. // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства. Международный симпозиум 12–14 января 1996 г. М., 1996. С. 4–11; *Максудов С.* Демографічні втрати населення України в 1930–1938 рр. Укр. іст. журн. 1991. № 1. С. 121–127; «Медынское дело» в Красной Армии, или рассказ о том, как проводилось раскулачивание в провинциальном городке Медынь в январе 1930 года // The Stalin-Era Research and Archives Project. University of Toronto. Centre for Russian and East European Studies, Munk Centre for International Studies. Working paper. No. 6. 2000.
- ⁴³ *Viola L.* The Campaign to Eliminate the Kulak as a Class, Winter 1929–1930: A Reevaluation of the Legislation // *Slavic Review*. Vol. 45. No. 3 (fall 1986). P. 503–524; *она же.* The Best Sons of the Fatherland: Workers in the Vanguard of Soviet Collectivization. New York, 1987; *она же.* Guide to Document Series // A Researcher's Guide to Sources on Soviet Social History in the 1930s. New York, Armonk. 1990; *Она же.* Peasant Rebels under Stalin. Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. Oxford University Press, N.Y., Oxford, 1996; *Sheila Fitzpatrick.* Stalin's Peasants. Resistance and Survival in the Russian Village After Collectivization. New York, Oxford University Press, 1994; *Она же.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня / Пер. с англ. М., 2001 и др.
- ⁴⁴ *Шейла Фицпатрик.* Сталинские крестьяне. С. 84.
- ⁴⁵ *Stephen G. Wheatcroft.* More light on the scale of repression and excess mortality in the Soviet Union in the 1930s // *Stalinist Terror: new perspectives* (edited by J. Arch Getty and Roberta T. Manning. Cambridge University Press, 1993. P. 280, 290; *Он же.* The Scale and Nature of German and Soviet Repression and Mass Killings, 1930–

- 45 // *Europe-Asia Studies*. Vol. 48. No. 8, 1996 1319–1353; *Он же*. Soviet Industrialization Project Series. № 11: The significance of climatic and weather change on Soviet agriculture (with particular reference to the 1920s and 1930s). Birmingham; *Он же*. More Light on the Scale of Repression and Excess Mortality in the Soviet Union in the 1930s. // *Stalinist Terror: New Perspectives*. Ed. By J. Arch Getty and Roberta T. Manning. New York. 1993; *Он же и Дэвис Р.У.* Кризис в советском сельском хозяйстве (1931–1933 гг.): Доклад и его обсуждение на теоретическом семинаре «Современные концепции аграрного развития» // *Отечественная история*. 1998. № 6. С. 95–109; *Davies R.W.* *The Socialist Offensive: the Collectivization of Soviet Agriculture, 1929–1930*. Cambridge, MA. 1980. The economic transformation of the Soviet Union. 1913–1945 / Ed. by *Davies R. W., Harrison M.* and *Wheatcroft S.G.* Cambridge. University Press, 1994. P. 74–76; и др.
- 46 *Davies R. W. and Stephen G. Wheatcroft.* *The years of hunger: soviet agriculture, 1931–1933*. Palgrave Macmillan, 2004.
- 47 *Ibid.* P. 441.
- 48 *Ibid.* P. 481–484.
- 49 *Кум Чан Чжин.* Государственная власть и кооперативное движение в России (СССР). 1905–1930. М., 1996.
- 50 *Hiroshi Okuda.* *A History of Soviet Economic Policy: Market and Promysly 1921–1932*, Tokyo University Press, 1979; *Он же.* *The Making of Soviet Collective Farms: the End of the Russian Peasant Community*, Iwanami-shoten, 1990; *Он же.* *Revolution on the Volga: the Soviet Countryside under Stalinist Rule 1929–1934*, Tokyo University Press, 1996; *Он же.* *From Nomadism to Collective Farm* // Т. Okada (ed.), *Historical Origins of Contemporary States (Gendai Kokka no Rekishiteki Genryu)*, Tokyo University Press, 1983; *Он же.* *Grain Procurement Crisis: 1927/28 Soviet Agricultural Year* // *Journal of Economics (Keizaigaku Ronshu)*, University of Tokyo, Vol. 67, no. 1, no. 4. Все названные публикации изданы на японском языке.
- 51 *Прокопович С. Н.* Народное хозяйство СССР. Т. 1. Нью-Йорк, 1952. С. 219–221.
- 52 См.: *Баранов Е. Ю.* Причины и последствия голода 1932–1933 гг. в СССР: дискуссии российских и зарубежных ученых // Третьи Уральские историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 1999. С. 95–100; *Булкина Л. В.* Сравнительная англо-американская и отечественная историография проблем преобразования сельского хозяйства в 20–30 гг. в Среднем Поволжье. (К постановке

проблемы) // XXVI Огаревские чтения. Тезисы докладов научной конференции: В 3 т. Саранск, 1993. С. 13; *Меньковский В. И.* История и историография: Советский Союз 1930-х годов в трудах англо-американских историков и политологов. Минск, 2007; и др.

⁵³ Самым осязаемым подтверждением успеха стали совместные публикации российских и зарубежных исследователей, кульминацией которых, на наш взгляд, является пятитомная серия «Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание»: см.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы: В 5 т. Т. 1. Май 1927– ноябрь 1929 / Под ред. *В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы*. М., 1999; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы: В 5 т. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / Под ред. *В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы*. М., 2000; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы: В 5 т. Т. 3. Конец 1930–1933 / Под ред. *В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы*. М., 2001; и др.

⁵⁴ Ленин и Сталин о труде. М., 1941. С. 547, 548, 555.

⁵⁵ *Трапезников С. П.* Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Т. 2. М., 1974. С. 389.

⁵⁶ *Он же.* Коллективизация крестьянских хозяйств и организационно-хозяйственное укрепление колхозов – 1927–1934 гг. // Автореф. ... дис. д-ра. ист. наук. М., 1951. С. 23.

⁵⁷ См.: Большая Советская Энциклопедия. Т. 41. М., 1939. С. 593–604.

⁵⁸ См., напр.: Социально-экономическое развитие деревни Среднего Поволжья в период социализма. Казань, 1986. С. 6–10.

⁵⁹ См., напр.: Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках. М., 1963; *Зеленин И. Е.* Политотделы МТС (1933–1934 гг.) // Исторические записки. М., 1965. Т. 76. С. 42–62; *Мошков Ю. А.* Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929–1932 гг.). М., 1966; *Каревский Ф. А.* Коллективизация сельского хозяйства в Среднем Поволжье (1927–1937 гг.). Куйбышев, 1970; *Ивницкий Н. А.* Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929–1932 гг.). М., 1971; и др.

⁶⁰ Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках. М., 1963. С. 41, 45, 54–56.

- ⁶¹ Советское крестьянство. Краткий очерк истории (1917–1969). М., 1970. С. 276.
- ⁶² Алексеев М. Хлеб — имя существительное // Звезда. 1964. № 1. С. 37; Он же. Сеятель и хранитель // Наш современник. 1972. № 9. С. 96; Он же. Драчуны. М., 1982; Стаднюк И. Люди не ангелы. М., 1975.
- ⁶³ См., напр.: Щербак Ю. Царь — Голод // Собеседник. 1988. № 49; Дяченко С. Страшный месяц пухкутень // Огонек. 1989. № 27. С. 23–25; Крестьянский архив // Сельская жизнь. 1989. 16, 23 февр., 2 марта, 6 июля, 22, 30 августа; Заворотный С., Положевец П. Операция «голод» // Комсомольская правда. 1990. 3 февраля; Голод рукотворный: К 60-летию народной трагедии // Независимая газета. 1993. 29 апреля. С. 5; и др.
- ⁶⁴ Горбачев М. С. Об аграрной политике КПСС в современных условиях (Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева 15 марта 1989 г.) // Материалы пленума Центрального Комитета КПСС. 15–16 марта 1989. С. 41.
- ⁶⁵ История советского крестьянства. Т. 2. М., 1986. С. 256, 265.
- ⁶⁶ См.: Данилов В. П. У колхозного начала // Советская Россия. 1987. 11 октября; Он же. Октябрь и аграрная политика партии // Коммунист. 1987. № 16. С. 35–36; Он же. Дискуссия в западной прессе о голоде 1932–1933 гг. и о «демографической катастрофе» 30–40-х гг. в СССР // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 116–121; Он же. Коллективизация: как это было // Правда. 1988. 16 сентября; Он же. Коллективизация сельского хозяйства в СССР // История СССР. 1990. № 5. С. 7–30; Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927–1932 гг. М., 1989. С. 45; Зеленин И. Е. О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации // История СССР. 1989. № 2. С. 3–19; Он же. Осуществление политики «ликвидации кулачества как класса» // История СССР. 1990. № 6. С. 31–49; Ивеницкий Н. А. Коллективизация сельского хозяйства СССР: опыт, уроки, выводы. М., 1988; Он же. Даешь коллективизацию // Молодой коммунист. 1988. № 4. С. 84–86; Он же. Горькие уроки // Молодой коммунист. 1989. № 11. С. 68–69 и др.
- ⁶⁷ См.: Данилов В. П., Маннинг Роберт, Виола Линн. Редакторское вводное слово // Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 7–12; Данилов В. П. Введение (Истоки и начало деревенской трагедии // Там же. С. 13–67; Зеленин И. Е. Политотделы МТС — продолжение политики «чрезвычайщины» (1933–1934 гг.) // Отечественная

история. 1992. № 6. С. 42–61; *Он же*. Коллективизация и единоличник (1933-й – первая половина 1935 г.) // Отечественная история. 1993. № 3. С. 35–55; *Он же*. Был ли «колхозный неонэп» // Отечественная история. 1994. № 2. С. 105–121; *Он же*. «Революция сверху»: завершение и трагические последствия // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 18–42; *Он же*, *Ивницкий Н. А.*, *Кондрашин В. В.*, *Осколков Е. Н.* О голоде 1932–1933 гг. и его оценке на Украине // Отечественная история. 1994. № 6. С. 256–262; *Он же*. И. В. Сталин и личное подсобное хозяйство крестьянина-колхозника: теория, политика, практика // Дискуссионные вопросы российской истории. Материалы III научно-практической конференции «Дискуссионные проблемы российской истории в вузовском и школьном курсах». Арзамас, 1998. С. 228–230; *Он же*. «Закон о пяти колосках»: разработка и осуществление // Вопросы истории. 1998. № 1. С. 114–123; *Он же*. Введение (Кульминация крестьянской трагедии). Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы: В 5 т. Т. 3. Конец 1930–1933 / Под ред. *В. Данилова*, *Р. Маннинг*, *Л. Виолы*. М., 2001. С. 7–47; *Ивницкий Н. А.* Раскулачивание и депортация крестьян в начале 30-х годов // Новые страницы истории Отечества: Межвузовский сборник научных трудов. Пенза, 1992. С. 149–163; *Он же*. Голод 1932–1933 гг.: Кто виноват? // Лекции по отечественной истории. М., 1992. С. 18–46; *Он же*. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов): Учеб. пособие для вузов и школ. М., 1999; *Он же*. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994; *Он же*. Голод 1932–1933 годов: кто виноват? // Голод 1932–1933 годов. М., 1995. С. 43–66; *Он же*. Коллективизация и раскулачивание в начале 30-х годов. По материалам Политбюро ЦК ВКП(б) и ОГПУ // Кооперативный план: иллюзии и действительность. Сб. статей. М., 1995; *Он же*. Коллективизация и раскулачивание в начале 30-х годов. По материалам Политбюро ЦК ВКП(б) и ОГПУ // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 249–297; *Он же*. Голод 1932–1933 годов: кто виноват? // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 333–363; *Он же*. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М., 2000; *Он же*. Раскулачивание и депортация зажиточной части деревни (конец 20-х – начало 30-х годов) // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе (Землевладение, землепользование, производство, менталитет). XXVII сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов

и сообщений. Вологда, 12–16 сент. 2000 г. М., 2000. С. 178–181; *Он же*. Введение (Развертывание сплошной коллективизации) Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы: В 5 т. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 2000. С. 7–29; и др.

⁶⁸ См.: *Ивницкий Н. А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов); *Он же*. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.).

⁶⁹ См., напр.: *Анфимов А. М., Вылцан М. А.* Российский кулак: реальная фигура или идеологический миф? // Новые страницы истории Отечества. Межвузовский сборник научных трудов. Пенза, 1992. С. 143–149; *Булкина Л. В.* Социальная история крестьянства периода коллективизации сельского хозяйства в СССР (1927–1933 гг.) // Автореф. дис... канд. ист. наук. Саранск, 2000; *Гинцберг Л. И.* Массовый голод в сочетании с экспортом хлеба в начале 30-х годов. По материалам «особых папок» Политбюро ЦК ВКП(б) // Вопросы истории. 1999. № 10; Голод 1933 года / Публ. *Гончаренко О. И., Чингенкова А. П.* // Советские архивы. 1990. № 6. С. 45–46; Голод 1932–1933 годов: Сб. статей / Отв. ред., вступит. статья Ю. Н. Афанасьева. М., 1995; *Коновко А. Мор* // Русский архив. 1992. Вып. 2. С. 209–248; *Мухин Ю.* А был ли голод в СССР // Завтра. 1994. № 49. С. 3; *Нелеин Н.* Неизвестный голод // Отечество. Краеведческий альманах. Вып. 5. М., 1994. С. 227–244; *Осокина Е. А.* Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935 гг. М., 1993; *Она же*. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1917–1941. М., 1997; *Она же*. Распределение и рынок в снабжении населения СССР в годы первых пятилеток, 1928–1941 // Автореф. дис... докт. ист. наук. М., 1998; *Стреляный А. И.* Без патронов. Сталинская поспешность // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 493–525; *Хандурина Е. В.* Первая колхозная весна: производственный аспект (по сводкам уполномоченных Наркомзема СССР, Колхозцентра, ОГПУ) // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. XXIV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1995. С. 234–242; *Хубова Д. Н.* Черные доски: TABULA RASA. Голод 1932–1933 годов в устных свидетельствах // Голод 1932–1933 годов: Сб. статей. М., 1995. С. 67–88; *Щагин Э. М.* Альтернативы «революции сверху» в советской деревне конца 20-х годов:

- суждения и реальность // Власть и общество России. XX век: Сб. научных трудов. М. — Тамбов, 1999. С. 280–289; *Он же*. Документы истории «революции сверху» // Власть и общество России. XX век: Сб. научных трудов М. — Тамбов, 1999. С. 318–333; и др.
- ⁷⁰ Коллективизация: истоки, сущность, последствия. Беседа за «круглым столом» // История СССР. 1989. № 3. С. 51–55.
- ⁷¹ *Данилов В. П.* Дискуссия в западной прессе о голоде 1932–1933 гг. и «демографической катастрофе» 30–40-х гг. в СССР // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 121.
- ⁷² *Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л.* Население Советского Союза, 1922–1991. М., 1993; *Араловец Н. А.* Основные направления в изучении потерь населения 30-х годов в отечественной историографии // Историческая демография: новые подходы, методы, источники. Тезисы VIII Всероссийской конференции по исторической демографии. Екатеринбург, 13–14 мая 1992 г. М., 1992. С. 81–83; *Она же*. Потери населения России и СССР в конце 20-х–30-е годы в историографии // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции. М., 1994. С. 68–81; *Она же*. Потери населения советского общества в 1930-е годы: Проблемы, источники, методы изучения в отечественной историографии // Отечественная история. 1995. № 1. С. 137–141; *Винокуров Г. Ф.* К вопросу сокращения сельского населения на рубеже 20–30-х гг. (переписка писателя Ф. В. Гладкова как исторический источник) // Новые страницы истории Отечества: Межвуз. сб. науч. тр. Пенза, 1992. С. 128–143; *Жиромская В. Б.* Всесоюзные переписи населения 1926, 1937, 1939 годов: История подготовки и проведения // История СССР. 1990. № 4. С. 84–104; *Киселев И. Н.* Естественное движение населения в 1930-х годах // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции. М., 1994. С. 51, 60, 65, 67; Население России в XX веке. В 3 т. Т. I. М., 2000; *Осокина Е. А.* Жертвы голода 1933 года: сколько их было? (Анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР) // История СССР. 1991. № 5. С. 18–26; *Она же*. Демографические процессы и централизованное распределение продовольствия в 1933 г. // Россия и США на рубеже XIX–XX вв. М., 1992; *Она же*. The Victims of the Famine of 1933: How Many? (An Analysis of Demographic Statistics of the Central State Archive of the National Economy of the USSR // Russian Studies in History, Fall, 1992. Vol. 31; *Цаплин В. В.* Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 175–181; и др.

⁷³ *Анисков В. Т.* О перманентной «революции сверху» и социальном насилии над крестьянством // Особенности российского земледелия и проблемы расселения: Материалы XXVI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тамбов, 2000. С. 317–320; *Бурдуков П.* Стратегия голода и земельный вопрос. М., 1995; *Вербицкая О. М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х — начало 60-х годов. М., 1992; *Она же.* Советские аграрные преобразования и их уроки // Реформы и реформаторы в истории России: Сборник статей. М., 1996. С. 174–175; *Вылцан М. А.* Последние единоличники. Источниковая база, историография // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 364–386; *Он же.* Репрессии против крестьян в 30-е годы // Власть и общество в СССР: политика репрессий (20–40-е гг.): Сб. ст. М., 1999. С. 236–265; *Голоса крестьян. Сельская Россия XX в. в крестьянских мемуарах.* М., 1996; *Кирьянова Е. А.* К вопросу о выработке основ аграрной политики советского государства в 1934 году // Дискуссионные вопросы российской истории: Материалы III научно-практической конференции «Дискуссионные проблемы российской истории в вузовском и школьном курсах». Арзамас, 1998. С. 247–250; *Кознова И. Е.* Аграрная модернизация в России и социальная память крестьян // Реформаторские идеи в социальном развитии России. М., 1998. С. 212–232; *Она же.* XX век в социальной памяти российского крестьянства. М., 2000; *Наухацкий В. В.* Аграрные отношения: теория, историческая практика, перспективы развития. М., 1993; *Он же.* Аграрные реформы в России: 1861–1993 гг.: Курс лекций. Зеленоград, 1993; *Он же.* Аграрные реформы в России как фактор модернизации: итоги, содержание, последствия // Российская историческая политология. Ростовна-Дону, 1997; *Никольский С. А.* Коллективизация и деколлективизация: сравнительный анализ процессов, последствий, перспектив // Крестьяноведение. Теория. История. Современность: Ежегодник. М., 1997. С. 223–239; *Никонов Н. А.* Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М., 1995; *Попов В. П.* Государственный террор в Советской России, 1923–1953 гг. // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 20–31; *Он же.* Хлеб под большевиками // Новый мир. 1997. № 8. С. 175–190; *Хлевнюк О. В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996; и др.

⁷⁴ В конце 1980-х — начале 1990-х гг. в российских архивах было практически ликвидировано секретное хранение материалов

дореволюционного периода. Государственный архивный фонд удвоился — к 93 миллионам дел прибавилось еще 100 миллионов в результате передачи на государственное хранение в центре и на местах бывших архивов КПСС и КГБ (См.: *Кондрашин В. В.* Плюсы и минусы современного исторического краеведения в России // Отечественная культура и развитие краеведения: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. 26–27 июня 2000 г. Пенза, 2000. С. 87.)

- ⁷⁵ Документы и материалы по аграрной истории России (X–XX вв.). Вып. 2. (XX в.) / Под ред. *В. М. Долгова*. Саратов, 1996. С. 145–151; Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах / Отв. ред. *А. К. Соколов*. М., 1990; Письма И. В. Сталина В. М. Молотову 1925–1936 гг.: Сб. документов / Сост.: *Л. Кошелева, В. Лельчук, В. Наумов, О. Наумов, Л. Роговая, О. Хлевнюк*. М., 1995; Рязанская деревня в 1929–1930 гг.: Хроника головокружения. Документы и материалы / Отв. ред.-сост. *Л. Виола, С. В. Журавлев* и др. М., 1998; Самарское Поволжье в XX веке. Документы и материалы. Изд. Самарского научного центра РАН, 2000; Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930–1945: Сб. док. / Отв. ред. *В. П. Данилов, С. А. Красильников*. Новосибирск, 1992–1996. Вып. 1–4; Черный перелом / Сост. *Ю. В. Астанков*. Сб. док. о голоде 1931–1933 гг. Самара, 1992; и др.
- ⁷⁶ О документальных публикациях по истории коллективизации в советский период см.: *Данилов В. П., Кондрашин В. В.* Перечень сборников документов и материалов по истории коллективизации сельского хозяйства СССР, опубликованных с 1957 г. по 1998 г. // Трагедия советской деревни. Т. 1. М., 1999. С. 765–767.
- ⁷⁷ О данных проектах и изданиях см. подробнее: *Мякинъков С. И.* Презентация международных научных проектов по истории российского крестьянства XX века // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 1999. М., 1999. С. 299–306.; *Slavic Review*. Vol. 52. № 1. Spring 1993; *Тархова Н. С.* История крестьянства в российских документальных публикациях за последние 15 лет // *History of Russian Peasantry in 20th Century* (volume 2). Токуо, 2004. Р. 118–138; *Она же.* История российского крестьянства в серийных документальных публикациях 1990–2000-х гг. // Новый исторический вестник. № 1 (14). М., 2006. С. 60–71; *Кананерова Е. Н.* Международные научные проекты по аграрной истории России (конец XIX–начало XXI вв.): Автореф. ...дис. канд. ист. наук. Пенза, 2007.

- ⁷⁸ См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы: В 5 т. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы [В данном составе ответственные редакторы остаются и в последующих томах серии. – В. К.]. М., 1999; Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. М., 2000; Т. 3. Конец 1930–1933. М., 2001; Т. 4. 1934–1936. М., 2002; Т. 5. 1937–1939. Кн. 1. 1937. М., 2004.
- ⁷⁹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы: В 5 т. Т. 3. Конец 1930–1933.
- ⁸⁰ См.: Коллективизация и Рязанский округ. 1929–1930 гг. Рязанская деревня в 1929–1930 гг.: Хроника головокружения. Документы и материалы. М., 1998. С. XXXIII–XLV; Коллективизация и крестьянское сопротивление на Украине (ноябрь 1929 – март 1930 гг.) / Отв. ред.-сост. Васильев В., Виола Л. Винница, 1997; Красная армия и коллективизация деревни в СССР (1928–1933 гг.) / Отв. за исслед. Фабио Беттанин; сост. Андре Романо, Н. Тархова. Наполи, 1996 (на русском и итальянском языках); Сталинизм в российской провинции / Отв. ред. Р. Маннинг и др. Смоленск, 2000; и др.
- ⁸¹ См.: Скотт Дж. С. Моральная экономика крестьянства. Восстание и выживание в Юго-Восточной Азии. Нью-Хэвн; Лондон: Изд-во Йельского ун-та, 1976 [Реферат] // Отечественная история. 1992. № 5. С. 5–17; Шанин Т. Определяя крестьянство. Oxford Basil Blackwell, [Реферат] // Там же. 1993. № 2. С. 7–16; Вульф Э. Р. Ф. Крестьяне Нью-Джерси: Энглвуд Клнфс, 1966 [Реферат] // Там же. 1993. № 6. С. 82–94; Мандра А. Конец крестьянства. Продолжение размышлений о конце крестьянства: Двадцать лет спустя. Париж, 1984 [Реферат] // Там же. 1994. № 2. С. 33–42; Левин М. Российские крестьяне и советская власть. Исследование коллективизации. Нью-Йорк; Лондон, 1975 [Реферат] // Там же. 1994. № 4–5. С. 48–59; Редфилд Р. Малое сообщество. Крестьянское общество и культура. Изд-во Чикагского ун-та, 1960 [Реферат] // Там же. 1994. № 6. С. 7–18; Мерль Ш. Аграрный рынок и новая политика. Зарождение государственного управления сельским хозяйством в Советском Союзе. 1925–1928 гг. Вена, 1981 [Реферат] // Там же. 1995. № 3. С. 104–116; Сиви Р. И. Голод в крестьянских обществах. Гринвуд пресс, 1986 [Реферат] // Там же. 1995. № 4. С. 5–14; Хантер Г., Шурмер Я. М. Аграрная политика небольшевизма и альтернатива. (Гл. 6 из кн.: Yunter H., Szygmer J. M. Faulty Foundations. Soviet

Economic Policies. 1928–1940. Princenton, 1992 [Реферат] // Там же. 1995. № 6. С. 145–165; *Вебер О.* Из мужиков во французы. Модернизация французской деревни. 1870–1914. Стэнфорд; Калифорния, 1976 [Реферат] // Там же. 1997. № 2. С. 140–148; *Воглер И.* Миф о семейной ферме: Господство агробизнеса в сельском хозяйстве Соединенных Штатов. Боулдер; Колорадо, 1981 [Реферат] // Там же. 1998. № 1. С. 119–131; *Уиткрофт С. Г., Дэвис Р. У.* Кризис в советском сельском хозяйстве (1931–1933 гг.) [Доклад] // Там же. 1998. № 6. С. 95–109; О семинаре см. подробнее: *Бабашкин В. В.* Современные концепции аграрного развития: семинар продолжается // Крестьяноведение. Теория. История. Современность: Ученые записки. 1999. М., 1999. С. 280–288.

⁸² См.: Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. М, 1994; Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства. М., 1996; Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии. М., 1997; Куда идет Россия?... Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год. М., 1999; Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М., 2000.

⁸³ См.: Отечественная история. 1998. № 6. С. 95–109.

⁸⁴ См., напр.: *Алексеев И., Ларкин В.* Председатель комиссии. Штрихи к политическому портрету Л. Кагановича // Советская Кубань. 1988. 23 ноября; *Кульчицкий С.В.* Некоторые проблемы истории сплошной коллективизации на Украине // История СССР. 1989. № 5. С. 33; *Он же.* Демографические последствия голода 1933 г. на Украине // Тезисы докладов и сообщений VII Всесоюзной конференции по исторической демографии. Часть 1. Донецк, 14–16 мая 1991 г. М., 1991. С. 38–39; *Абылхожин Ж. Б., Козыбаев М. К., Татимов М. Б.* Казахская трагедия // Вопросы истории. 1989. № 7. С. 55–71; *Осколков Е. Н.* Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 г. в Северо-Кавказском крае. Ростов-на-Дону, 1991; и др.

⁸⁵ *Абылхожин Ж. Б., Козыбаев М. К., Татимов М. Б.* Казахская трагедия; Голод в Казахской степи: Письма тревоги и боли / Сост. С. Абдирайымов и др. Алма-Ата, 1991; *Михайлов В. Ф.* Хроника Великого Джута: Документальная повесть. Алма-Ата, 1990; *Хасанаев М. Н.* К вопросу о судебных преследованиях трудового крестьянства в годы голода 1931–1933 гг. // Коллективизация сельского хозяйства в республиках Средней Азии и Казахстане. Алма-Ата, 1990. С. 192–197; История Казахстана XX века. Сб. / Сост.: Е. М. Грибанова, А. Н. Ипмагамбетова. Алма-Ата, 2005; и др.

- ⁸⁶ О голоде в Республике Беларусь выступил с сообщением на «круглом столе» в журнале «Родина» заведомом Национального архива Республики Беларусь Виталий Скалабан // *Родина*. 2007. № 9. С. 84.
- ⁸⁷ См.: *Осколков Е. Н.* Хлебозаготовки и голод 1932–1933 гг. в Северо-Кавказском крае // *Донской юридический институт: Ученые записки. Памяти Е. Н. Осколкова (К 75-летию со дня рождения)*. Т. 16. Ростов-на-Дону, 2001. С. 6–95.
- ⁸⁸ См., напр.: Тезисы докладов и сообщений VII Всесоюзной конференции по исторической демографии. Часть 1. Донецк, 14–16 мая 1991 г. М., 1991. С. 38–39, 45–46, 51–52.
- ⁸⁹ *Зеленин И. Е.* О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации. С. 16–17.
- ⁹⁰ Советские немцы: история и современность // *Материалы Всесоюзной научно-практической конференции*. Москва, 15–16 ноября 1989 г. М., 1990. С. 37.
- ⁹¹ См.: *Кондрашин В. В.* Влияние международных проектов по аграрной истории России XX века на развитие региональной историографии // *Материалы международной научно-практической конференции «Моя Малая Родина»*. Вып. 4. Степановка – Пенза, 2007. С. 28–41.
- ⁹² См. напр.: *Кондрашин В. В.* Голодомор 1932–1933 рр. в Україні: причини і наслідки. Міжнародна наукова конференція. Київ, 9–10 вересня 1993 р.: Матеріали. Київ, 1995. С. 123–32; *Он же.* Документы архивов бюро ЗАГС как источник по истории Поволжской деревни // *Актуальные проблемы археографии, источниковедения и историографии: Материалы к Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Победы в Великой Отечественной войне*. Вологда, 1995. С. 68–72; *Он же.* Голод в крестьянском менталитете // *Менталитет и аграрное развитие России. Материалы международной конференции*. М., 1995. С. 115–123, 378–380; *Он же.* Голод 1932–1933 гг. в Поволжье // *Вопросы крестьяноведения*. Вып. 3. Саратов, 1996. С. 92–99; *Он же.* Голод 1932–1933 годов в российской деревне. Учебное пособие. Пенза, 2003; *Он же.* Трагедия 1932–1933 гг. в Поволжской деревне в памяти народной // *Записки краеведов*. Сб. мат. Вып. 2. Ч. 2. Пенза, 2004. С. 83–100; *Он же.* Голод 1932–1933 гг. в Поволжье в современной российской и зарубежной историографии // *Крестьянство и власть Среднего Поволжья. Материалы VII межрегиональной научно-практической конфе-*

- ренции историков-аграрников Среднего Поволжья. Саранск, 2006. С. 342–347; *Он же*. Голод 1932–1933 гг. в российской деревне в свидетельствах очевидцев // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. 2005. Вып. 5. М.: МВШСЭН, 2006. С. 183–197; и др.
- ⁹³ См. напр.: Известия. 2006. 24 ноября. № 218; Аргументы и факты. 2006. № 47; Страна.Ru. 2006. 15 ноября. 14:30; ГРТП, «Проблемы, события, люди», эфир 24 ноября 2006 г., отв. за выпуск Е. Л. Ковачич.
- ⁹⁴ См. напр.: *Кондрашин В. В.* Был ли голод 1932–33 годов в Украине геноцидом украинского народа? // Проблемы социально-политической и экономической истории России. Сб. науч. ст. Пенза: Информационно-издательский центр ПГУ, 2004. С. 53–64; *Он же*. Голод 1932–1933 гг. в России и Украине: трагедия советской деревни // XX век и сельская Россия. Российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке». CIRJE Research Report Series. CIRJE-R-2. Токио, 2005. С. 234–264; *Он же*. La carestia del 1932–33 in Russia e in Ucraina: analisi comparativa (cause, dati, conseguenze) // La morte della terra. La grande «carestia» in Ucraina nell 1932–33. Viela, Roma, 2004. P. 45–72. (На итальянском языке); *Он же*. Голодомор 1932–1933 гг. в России и на Украине: причины, масштабы, последствия // Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в XVIII–XX веках: сб статей. Оренбург, 2006. С. 232–238; *Он же*. Голод 1932–1933 годов в России и Украине: трагедия советской деревни // История российского крестьянства XX века: Сб. ст. / Под ред. *Хироси Окуды*. Токио, 2006. С. 481–510. (На японском языке); *Он же*. Голод 1932–1933 гг. в России и Украине: сравнительный анализ (причины, масштабы, последствия) // Общество и власть XX век / Отв. ред. и сост. *В. А. Юрченков*. Саранск, 2006. С. 112–125.
- ⁹⁵ *Кондрашин В., Д. Пеннер*. Голод: 1932–1933 годы в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона и Кубани). Самара – Пенза, 2002.
- ⁹⁶ *Тархова Н. С.* Армия и крестьянство: Красная Армия и коллективизация советской деревни. 1928–1933 гг. М.: СПб., 2006.
- ⁹⁷ *Красильников С.* Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003.
- ⁹⁸ См. напр.: Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в XVIII–XX веках: сб. статей / Гл. ред. *Г. Е. Корнилов*.

Оренбург, 2006; Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XX веках: проблемы источников и историографии: сб. ст. / Гл. ред. *Г. Е. Корнилов*. Оренбург, 2007; Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XX веках: проблемы источников и историографии. Секция № 3. История и современность / Гл. ред. *Г. Е. Корнилов*. Оренбург, 2007.

⁹⁹ См.: *Алексеева Л. В.* Сельскохозяйственное производство Уральской области в годы первой пятилетки (1928–1932 гг. // Дис. ... канд. ист. наук. Курган, 1998; *Базаров А. А.* Кулак и агроулаг: [Коллективизация на Урале]. Челябинск, 1991. Ч. 1; *Боже В., Непеин Н.* Жатва смерти (Голод в Челябинской губернии в 1921–1922 гг.): Материалы в помощь учителю. Челябинск, 1994; *Давлетшин Р. А.* «Великий перелом» и трагедия крестьянства Башкортостана. Уфа, 1993; *Денисевич М. Н.* Индивидуальные хозяйства на Урале (1930–1985 гг.). Екатеринбург, 1991. С. 37–62; *Еремин А. С.* Коллективизация крестьянских хозяйств на Среднем Урале (Ирбитский Феномен): Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1997; *Плотников И. Е.* «Ликвидация кулачества как класса» на Урале // Крестьянское хозяйство: История и современность: Мат. к Всеросс. науч. конф. Вологда, октябрь 1992 г. Вологда, 1992. Ч. 2. С. 38–40; *Он же.* О темпах и формах коллективизации на Урале // Отечественная история. 1994. № 3. С. 77–91; *Пушкарев Н. Г.* Коллективизация сельского хозяйства и ликвидация кулачества (на материалах Шадринского округа) // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Курган, 1992. Вып. 4. С. 27–32; Раскулаченные спецпереселенцы на Урале. 1930–1936. (Сб. док.) / Сост. *Т. И. Славко, А. Э. Бедель*. Екатеринбург, 1993; Социальный портрет лишенца (на материалах Урала). (Сб. док.) / Сост.: *Е. В. Байда*. Екатеринбург, 1996; и др.

¹⁰⁰ См.: Продовольственная безопасность Урала в XX веке. 1900–1984 гг. Документы и материалы. В 2 т. / Под ред. *Г. Е. Корнилова, В. В. Маслакова*. Т. 2. Екатеринбург, 2000. С. 16–141; *Корнилов Г. Е.* (отв. ред и сост.). Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала в 1928–1934 гг.: Сб. док. и мат-лов. Т. 1. Оренбург, 2005.

¹⁰¹ См.: *Баранов Е. Ю.* Документы Уралобкома ВКП(б) и облизполкома как источник по голоду 1932–1933 гг. на Урале // Историческая наука и историческое образование на рубеже XX–XXI столетий: Четвертые всероссийские историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 2000. С. 335–338; *Он же.*

- Типология исторических документов по голоду 1932–1933 гг. на Урале // Третьи Татищевские чтения. Екатеринбург, 2000. С. 127–129; *Он же*. Сельскохозяйственная статистика как источник изучения голода на Урале в 1932–1933 гг. // Урал на пороге третьего тысячелетия. Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2000. С. 134–137; *Он же*. Источники по голоду 1932–1933 гг. на Урале // Урал индустриальный: Бакунинские чтения. Материалы 4-й регион. науч. конф. Екатеринбург, 2001. С. 230–232; *Он же*. Производство зерновой продукции в Уральской области в 1928–1933 гг. (по сводным статистическим материалам Уральского управления народно-хозяйственного учета) // Многокультурное измерение исторического образования: теория и практика: Пятые всероссийские историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 2001. С. 17–20; *Он же*. Заготовки зерновой продукции в Уральской области в 1930–1933 гг. // Научно-теоретические основы непрерывного исторического образования: Шестые всероссийские историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 2002. С. 53–58; *Он же*. Аграрное производство и продовольственное обеспечение населения Уральской области в 1928–1933 гг. // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2002.
- ¹⁰² См.: *Есиков С. А., Кузнецова Э. Н.* Голод 1932–1933 гг. в Тамбовском крае. Тамбов, 1992 и др.; *Загоровский П. В.* Социально-экономические последствия голода в Центральном Черноземье в первой половине 1930-х гг. Воронеж, 1998; *Он же*. Коллективизация сельского хозяйства в Центральном Черноземье. Документы и материалы // Воронежский вестник архивиста. Вып. 1. Воронеж, 2004. С. 69–103.
- ¹⁰³ См.: *Балакин Д. Б., Кондрашин В. В.* Карта голода 1932–1933 гг. в Поволжье и на Южном Урале // Историческая демография: новые подходы, методы, источники: Тезисы VIII Всероссийской конференции по исторической демографии. Екатеринбург, 13–14 мая 1992 г. М., 1992. С. 78–79; *Герман А. А.* Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. Часть II. Автономная республика 1924–1941. Саратов, 1994; *Полубояров М.* Зачеркнутая строка, или организованный голод // Волга. 1991. № 4. С. 127–137; *Ренсков А. В.* Пензенская деревня в 1926–1933 гг. // Исторические записки: Межвузовский сборник научных трудов. Пенза, 2000. С. 290–299; *Савельев С. И.* Раскулачивание: истоки, цели, методы, следствия (на материалах Нижне-Волжского края АССР немцев Поволжья) // Аграрный вопрос в России при формиро-

вании рынка. Саратов, 1993. С. 143–155; *Он же*. Социально-классовая политика ВКП(б) и общественно-политические процессы в деревне второй половины 20-х–начала 30-х гг. (на материалах Нижнего Поволжья) // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1994; *Он же*. Общественно-политические настроения крестьянства накануне коллективизации и раскулачивания // Вопросы крестьяноведения. Вып. 3. Саратов, 1996. С. 86–92; *Ташпеков Г. А.* Деревенская частушка 30-х годов XX века. Опыт классификации // Вопросы крестьяноведения. Вып. 3. Саратов, 1996. С. 115–126; *Он же*. Деревенская частушка 30-х годов XX века. Опыт классификации // Дискуссии по истории Отечества. Сб. ст. Симферополь, 1997. С. 139–149; и др.

¹⁰⁴ См.: *Еферица Т. В.* Крестьянская община в период коллективизации (по материалам ЦГА РМ) // Проблемы истории Мордовского края. Саранск, 1993; *Еферица Т. В., Марискин О. И., Надькин Т. Д.* Налоговая политика и крестьянское хозяйство в 1920 – начале 30-х годов. Саранск, 1997; *Коломиец К. А.* Репрессивная политика Советского государства в деревне в 1930-е гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2005; *Надькин Т. Д.* Борьба крестьянства Мордовии против насильственной коллективизации с осени 1929 до весны 1932 г. (По материалам ЦГА РМ) // Вестник Мордовского университета. 1994. № 1; *Он же*. Сплошная коллективизация и раскулачивание крестьянских хозяйств в Мордовии (осень 1929–1932 гг.) Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 1996; *Он же*. Кровавое лето 1931-го года // Страничник. 1996. № 3; *Он же*. Коллективизация крестьянских хозяйств в Мордовии в 1931–1932 гг. Второй отлив из колхозов // Экономика Мордовии: история и современность. Саранск, 1997. Вып. 113. С. 100–112; *Он же*. Раскулачивание и депортация крестьянских хозяйств в 1931–1933 гг. // Гуманитарные науки и образование: проблемы и перспективы. Материалы I Сафаргалиевских чтений. Сб. ст. Саранск, 1997. С. 153–156; *Он же*. Первый этап коллективизации крестьянских хозяйств в Мордовии // Актуальные вопросы истории и этнологии: Сб. науч. ст. Саранск, 1998. Вып. 1. С. 37–50; *Он же*. Формы противодействия крестьян Мордовии политике Советского государства в деревне в 1929–1932 гг. // Актуальные вопросы истории и этнологии: Сб. науч. ст. Саранск, 1998. Вып. 1. С. 144–147; *Он же*. Хлебозаготовки и голод начала 30-х гг. в деревне Мордовии // Актуальные вопросы истории и этнологии: Сб. ст. Саранск, 1999. Вып. 2. С. 45–49; *Он же*. Налогообложение «кулацких хозяйств» в пер-

- вой половине 30-х годов (по материалам Мордовии) // Актуальные вопросы истории и этнологии: Сб. ст. Саранск, 2001. Вып. 3. С. 44–49; *Он же*. Коллективизация и раскулачивание в Мордовии в начале 30-х годов: Программа курса по выбору. Саранск, 2001; *Филатов Л.Г.* Коллективизация в Мордовии: Проблемы, особенности, время завершения // На перекрестке мнений. Саранск, 1990. С. 188–199 и др.
- ¹⁰⁵ См.: *Каунова Н. Е.* Голод в начале 1930-х гг. в Средне-Волжском крае // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2005; *Надькин Т. Д.* Сталинская аграрная революция и крестьянство (на материалах Мордовии). Саранск, 2006; *Он же*. Аграрная политика Советского государства и крестьянство в конце 1920 — начале 1950-х гг. (по материалам Мордовии) // Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Саранск, 2007.
- ¹⁰⁶ См.: «Альметьевское» дело. Трагические страницы из истории крестьянства Альметьевского района (конец 20 — начало 30-х гг.): Сб. док. и мат-лов / Сост.: А. Г. *Галямова*, Р. Н. *Гибадулина*. Казань, 1999.
- ¹⁰⁷ См.: *Герман А. А.* Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. Ч. II. Автономная республика 1924–1941. Саратов, 1994; *Родина*. 2007. № 9. С. 83.
- ¹⁰⁸ См.: *Мошнин Н. И., Полубояров М. С.* История Малосердобинского района. Пенза, 1989. С. 77–88; *Полубояров М.* Зачеркнутая строка, или организованный голод // Волга. 1991. № 4. С. 127–137.
- ¹⁰⁹ См.: *Белковец Л. П.* «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920 — 1930-е годы). М., 1995. С. 164–169; *Гущин Н. Я.* Коллективизация в Сибири (некоторые проблемы и уроки) // Развитие форм социалистической собственности в сибирской деревне: исторический опыт и современность. Новосибирск, 1991. С. 92–94; *Он же*. Население Сибири в XX веке: основные тенденции и катаклизмы в развитии. Новосибирск, 1995. С. 24–25; *Он же*. Раскулачивание в Сибири (1928–1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск, 1996. С. 133–135; *Исупов В. А.* Демографическая сфера в эпоху сталинизма // Актуальные проблемы истории советской Сибири. Новосибирск, 1990. С. 182–184; *Он же*. Демографические последствия голода 1932–1933 гг. в Западной Сибири // Демографическое развитие Сибири, 30–80-е гг. (Ист. опыт и совр. пробл.): Сб. науч. тр. Новосибирск, 1991. С. 11–19; *Он же*. Городское население Сибири: От ката-

- строфы к возрождению (конец 30 — конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991. С. 81–83; *Он же*. Смертность населения Западной Сибири (1932 — 1933 гг.) // Тезисы докладов и сообщений VII Всесоюзной конференции по исторической демографии. Донецк, 14–16 мая 1991 г. Ч. I. С. 45–46; Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 1. Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930 — 1940: Хроник.-док. сб. / Отв. ред. В. А. Ильиных, О.В. Кавцевич. Новосибирск, 2000; Российская газета. 2006. 6 дек. № 274. С. 9; и др.
- ¹¹⁰ См.: *Безнин М. А., Димони Т. М., Изюмова Л. В.* Повинности российского крестьянства в 1930–1960-х годах. Вологда, 2001; *Глумная М. Н.* Единоличное крестьянское хозяйство на Европейском Севере России в 1933–1937 гг. // Дис. ... канд. ист. наук. М., 1994; *Доброноженко Г. Ф.* Коллективизация на Севере. 1929–1932. Сыктывкар, 1994; Из истории раскулачивания в Карелии, 1930–1931 гг.: Документы и материалы / Науч. ред. Н. А. Ивницкий, В. Г. Макуров. Сост. Л. И. Драздович, А. Ю. Жуков, В. Г. Макуров, О. А. Никитина, А. Т. Филатова. Петрозаводск, 1991; *Изюмова Л. В.* Повинности колхозного крестьянства на Европейском Севере России в конце 1930-х–1950-е гг. // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 2001; *Никитина О. А.* «Ликвидация кулачества как класса» в Карелии // Крестьянское хозяйство: История и современность: Мат. к Всеросс. науч. конф. (Вологда, октябрь 1992 г.) Вологда, 1992. Ч. 2. С. 42–44; *Она же*. Коллективизация и раскулачивание в Карелии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993; *Она же*. Коллективизация и раскулачивание в Карелии (1929–1932 годы). Петрозаводск, 1997; и др.
- ¹¹¹ *Осколков Е. Н.* Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 г. в Северо-Кавказском крае; *Он же*. Голод 1932–1933 гг. в зерновых районах Северо-Кавказского края // Голодомор 1932–1933 рр. в Україні: причини і наслідки. Міжнародна наукова конференція. С. 115–119; *D'Ann R. Penner.* Stalin and the Italianka of 1932–1933 in The Don region // *Cahiers du Monde russe*, 39 (1-2), janvier-juin 1998, pp. 2768; *Она же*. The «Agrarian Strike» of 1932–1933 // Kennan Institute for Advanced Russian Studies. Occasional paper. 269. P. 1–53; и др.
- ¹¹² *Шолохов М.* «Я видел такое, чего нельзя забыть до смерти» (Публикация Ю. Мурина) // Родина. 1992. № 11–12. С. 51–57; *Шолохов М.* «Я видел такое, чего нельзя забыть до смерти» (Публикация Ю. Мурина) // Судьбы российского крестьянства. М., 1996.

- С. 535–557; Шолохов и Сталин: Переписка начала 30-х годов / Вступ. ст. *Мурина Ю. Г.* // Вопросы истории. 1994. № 3. С. 3–24; «Я видел такое, чего нельзя забыть до смерти» / Публ. *Мурина Ю.* Письма М. А. Шолохова Сталину о хлебозаготовках 1932 и голоде 1933 гг. // Родина. 1992. № 11/ 12. С. 51–57; и др.
- ¹¹³ *Зеленин И. Е.* Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М., 2006. С. 120.
- ¹¹⁴ *Шубин А.* 10 мифов Советской страны. М., 2007. С. 194, 201; Родина. 2007. № 8. С. 88–89.
- ¹¹⁵ См. подробнее: Отечественная история. 1994. № 6. С. 95–109.
- ¹¹⁶ См.: *Попов В.* Хлеб под большевиками // Новый мир. 1997. № 8. С. 182.
- ¹¹⁷ Там же.
- ¹¹⁸ См., напр.: *Зеленин И. Е.* Введение (Кульминация крестьянской трагедии) // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 3. С. 34; *Кондрашин В. В.* Организованный голод 1932–1933 гг. в Поволжье // Крестьяне и власть. Тезисы докладов и сообщений научной конференции 7–8 апреля 1995 г. Тамбов, 1995. С. 101–102; *Он же.* Голод 1932–1933 гг. в Поволжье // Вопросы крестьяноведения. Вып. 3. Саратов, 1996. С. 92–99.
- ¹¹⁹ В фундаментальном пятитомном издании «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание» использованы документы всех центральных архивов страны, за исключением Архива внешней политики РФ.
- ¹²⁰ См.: Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): Материалы международной конференции. М., 1996. С. 120.
- ¹²¹ Там же. С. 379–380.
- ¹²² Там же. С. 399–400; *Зеленин И. Е.* Введение (Кульминация крестьянской трагедии) // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 3. С. 31.
- ¹²³ В их ряду, на наш взгляд, отличаются лишь вышеупомянутые исследования Е. Н. Осколкова (Ростов-на-Дону) и П. В. Загородского (Воронеж).
- ¹²⁴ Работа в архивах ЗАГС проведена В. В. Кондрашиным в период подготовки кандидатской диссертации по теме «Голод 1932–1933 годов в деревне Поволжья». Вторая часть диссертации содержит подробный перечень всех архивов (см.: *Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 годов в деревне Поволжья // Дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. Ч. 2 (Приложения). С. 58–260).

- ¹²⁵ О возможностях этого источника см.: *Кондрашин В. В.* Документы архивов бюро ЗАГС как источник по истории Поволжской деревни // Актуальные проблемы археографии, источниковедения и историографии: Материалы к Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Вологда, 1995. С. 68–72.
- ¹²⁶ См.: *Конквест Р.* Жатва скорби. Лондон, 1988. С. 368.
- ¹²⁷ *Мошнин Н. И., Полубояров М. С.* История Малосердобинского района. С. 77–88; *Полубояров М.* Зачеркнутая строка, или организованный голод. С. 127–137.
- ¹²⁸ См.: *Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 годов в Пензенской деревне // Тезисы докладов II городской краеведческой конференции. Пенза, 1990. С. 36–38; *Он же.* Голод 1932–1933 годов в Оренбургской деревне // Тезисы и материалы II Рычковских чтений «Социальное, экономическое и экологическое развитие Южного Урала в XIX–XX вв.». Оренбург, 1991. С. 35–37.
- ¹²⁹ Архив ЗАГС Новоорской районной администрации Оренбургской области.
- ¹³⁰ Архив ЗАГС Жириновской администрации Волгоградской области. Книга записей актов гражданского состояния о смерти за 1933 год по селу Дитель.
- ¹³¹ См.: Тезисы Всесоюзной научной конференции (28–29 ноября 1989 года). Проблемы устной истории в СССР. Киров, 1990. С. 3; *Кондрашин В. В.* Конференция молодых историков по проблемам устной истории // История СССР. 1990. № 5. С. 220–223.
- ¹³² См.: Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России (Дж. Скотт, Т. Шанин, О. Фадеева и др.); / Под ред. *Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова.* М., 2002; *Кондрашин В. В.* Историко-социологические исследования российских деревень. Особенности российского земледелия и проблемы расселения: Материалы XXVI сессии международного симпозиума РАН по аграрной истории Восточной Европы (г. Тамбов, 16–18 сентября 2000 г.) Тамбов, 2000. С. 229–240.
- ¹³³ См., напр.: *Хубова Д. Н.* Черные доски: TABULA RASA. Голод 1932–1933 годов в устных свидетельствах. С. 67–88.
- ¹³⁴ Запись воспоминаний была произведена В.В. Кондрашиным во время его работы над кандидатской диссертацией. Последнее подобного рода социологическое обследование Поволжских деревень проводилось в далеких 1964–1965 годах. Под руководством крупного историка-аграрника Поволжья В. Б. Остров-

ского тогда состоялись две историко-социологические экспедиции по колхозам и совхозам шести районов Саратовской области. В ходе их был собран разнообразный материал о жизни колхозной деревни Нижнего Поволжья второй половины 60-х годов. См.: *Островский В. Б.* Колхозное крестьянство СССР. Политика партии в деревне и ее социально-экономические результаты. Саратов, 1967. С. 16–17.

¹³⁵ Вопросы анкеты В. В. Кондрашину помог составить прекрасный краевед и человек В. И. Лебедев, его научный руководитель в период подготовки в Пензенском государственном педагогическом институте им. В. Г. Белинского дипломной работы (см.: *Кондрашин В. В.* Виталий Иванович Лебедев и Институт российской истории РАН: заметки очевидца // Историк В. И. Лебедев. Пенза, 2000. С. 55–61).

¹³⁶ *Ammende, Ewald.* Human Life in Russia. (London, 1936); *Cairns, Andrew.* The Soviet Famine, 1932–33: An Eye-Witness Account of Conditions in the Spring and Summer of 1932 by Andrew Cairns, ed. Tony Kuz. (Edmonton, 1989); *Carynnyk, Marco, Lubomyr Y. Luciuk, and Bohdan S. Kordan,* eds. The Foreign Office and the Famine: British Documents on Ukraine and the Great Famine of 1932–1933. Kingston, Ontario, 1988; *Chamberlin, William Henry.* My Russian Education. In *We Cover the World*, ed. Eugene Lyons, pp. 205–40. (New York, 1937); *Chamberlin, William Henry.* Russia's Iron Age. (Boston, 1934); *Duranty, Walter.* One Life, One Kopeck. (New York, 1937); *Duranty, Walter.* Stalin & Co.: The Politburo – the Men Who Run Russia. New York, 1949; *Graziosi, A.,* ed. Lettere da Kharkov. La carestia in Ucraina e nel Caucaso del Nord nei rapporti dei diplomatici italiani, 1932–33. Torino, Einaudi 1991; *Koestler, Arthur.* The Invisible Writing. The Second Volume of an Autobiography: 1932–1940. New York, 1984; *The Yogi and the Commissar and Other Essays.* 1945; London, 1983; *Muggeridge, Malcolm.* Chronicles of Wasted Time. (London, 1972); *Muggeridge, Malcolm* Like It Was: The Diaries of Malcolm Muggeridge, selected and ed. John Bright-Holmes. London, 1981; *Schiller, Otto.* Die Krise der sozialistischen Landwirtschaft in der Sowjetunion. Berlin, 1933; *Skariatina, Irina.* First to Go Back: An Aristocrat in Soviet Russia. (Indianapolis, 1933). *Strong, Anna Louise.* I Change Worlds: The Remaking of an American. (New York, 1935).

¹³⁷ См.: Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / Сост. О. В. Хлевнюк, Р. У. Дэвис и др. М., 2001; *Chuev, Feliks.* Molotov Remembers: Inside Kremlin Politics: Conversations with Felix Chuev, ed. Albert Resis. (Chicago, 1993); *Чувев Ф.* Так говорил Каганович:

Исповедь сталинского апостола. М., 1992; Каганович Лазарь. Памятные записки. М., 1997; Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936 гг.: Сб. документов. М., 1995; Большевицкое руководство. Переписка. 1912–1927: Сб. документов / Сост.: А. В. Квашонкин, О. В. Хлевнюк и др. М., 1996; Советское руководство. Переписка. 1928–1941. М., 1999; Lih, Lars T., Oleg V. Naumov and Oleg V. Khlevniuk, eds. Stalin's Letters to Molotov 1925–1936, trans. Catherine A. Fitzpatrick. New Haven, 1995.

- ¹³⁸ *Dolot, Miron*. Execution by Hunger: The Hidden Holocaust. (New York, 1985); *Dolyna, Petro*. Famine as Political Weapon. In *The Black Deeds of the Kremlin: A White Book*, ed. S. O. Pidhainym pp. 5–135. Vol. 2. (Detroit, 1955); *Dushnyk, Walter*. 50 years Ago: The Famine Holocaust in Ukraine: Terror and Human Misery as Instruments of Soviet Russian Imperialism. (New York, 1983); *Hay-Holowko, Oleksa*. For them the bells did not toll. (Winnipeg, Manitoba, 1993); *Khelemendik-Kokot, Antonina*. Kolkhoz Childhood and German Slavery: Memoirs. (n.p. 1993); *Kravchenko, Victor*. I Chose Freedom: The Personal and Political Life of a Soviet Official. (New York, 1946); *Pidhainy, S. O.* ed. *The Black Deeds of the Kremlin: A White Book*. 2 volumes. (Toronto/Detroit, 1953 & 1955); *Solovei, Dmytro*, *The Golgotha of Ukraine*, trans. and ed. Stephen Shumeyko. (New York, 1953); *Investigation of the Ukrainian Famine 1932–1933: Report to Congress*. Washington, D.C., 1988.
- ¹³⁹ См., напр.: *Сорокин П. А.* Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. Петроград, 1992; и др.
- ¹⁴⁰ См., напр.: *Баранов Е. Ю.* Аграрное производство и продовольственное обеспечение населения Уральской области в 1928–1933 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2002. С. 15.
- ¹⁴¹ См.: *Паушто В. Т.* Голодные годы в Древней Руси // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Минск, 1962. С. 61–63.
- ¹⁴² *Amartya Sen*. *Poverty and Famines: An Essay on Entitlement and Deprivation* (Oxford, 1981/1982): 39–40.
- ¹⁴³ См., напр.: *William Chester Jordan*, *The Great Famine: Northern Europe in the Early Fourteenth Century* (Princeton, 1996): 7; *Andrew S. Natsios*, *The Great North Korean Famine: Famine, Politics, and Foreign Policy* (Washington, D.C., 2001): XIV–XV; *Navtej Singh*, *Starvation and Colonialism: A Study of Famines in the Nineteenth Century British Punjab 1858–1901* (New Delhi, 1996); *D'Ann Penner*, *The Agrarian "Strike" of 1932–33*, *Kennan Occasional Paper Series* (Washington, D.C., 1998): 20, 35.

- ¹⁴⁴ *De Waal*, *Famine that Kills: Darfur, Sudan, 1984–1985* (Oxford, 1989): 9–32.
- ¹⁴⁵ *Andrew S. Natsios*, *The Great North Korean Famine: Famine, Politics, and Foreign Policy*, xv.
- ¹⁴⁶ См.: *John Sorenson*. *Imagining Ethiopia: Struggles for History and Identity in the Horn of Africa* (New Brunswick, 1993): 80; *Ending Hunger in Developing Countries*, *Contemporary Sociology: A Journal of Reviews* 29, no. 1 (Jan. 2000): 22.
- ¹⁴⁷ *Amrita Rangasami*. *Failure of Exchange Entitlements. Theory of Famine: A Response*. *Economic and Political Weekly* XX, No. 41 (12 October 1985): 1748–50.
- ¹⁴⁸ *Michael Watts*. *Heart of Darkness: Reflections on Famine and Starvation in Africa* // *The Political Economy of African Famine*, ed. Downs et al. (Amsterdam, 1991), pp. 23–68, here at 37; *Classics in human geography revisited*, *Progress in Human Geography* 25, No. 4 (2001): 621–8.
- ¹⁴⁹ На наш взгляд, попытки историков, занимающихся проблемой голода, выделить «свой голод» из числа других и указать на его уникальность, являются не совсем удачными. См., напр.: *Natsios*. *The Great North Korean Famine*; *Jordan*. *The Great Famine*; *The Great Irish Famine*, ed. Cathal Pirtir (Chester Springs, PA, 1997); *Christine Kinealy*. *The Great Irish Famine: Impact, Ideology and Rebellion* (London, 2002); *R. Dudley Edwards and T. Desmond Williams*, Eds. *The Great Famine: Studies in Irish History, 1845–52* (Dublin, 1956).
- ¹⁵⁰ *Mark B. Tauger*. *The 1932 Harvest and the Famine of 1933*, 88. О полемике Н. А. Ивницкого с Таугером по этому вопросу см.: *Голод 1932–1933 годов: Кто виноват?* // *Голод 1932–1933 годов*. М., 1995. С. 59.
- ¹⁵¹ В. В. Кондрашин, принимавший участие в российско-британском проекте по исследованию российских сел, на личном опыте убедился, что подавляющее большинство сельских жителей, охваченных социологическим опросом, говорили правду, и их неточности носили непринципиальный характер. Это особенно стало очевидным, когда появилась возможность сравнить записанные социологами воспоминания и выявленные в архивах историками документы. В частности, В. В. Кондрашиным это было сделано на примере села Лох Новобурасского района Саратовской области, очерк которого он подготовил к печати. Жители с. Лох в своих воспоминаниях точно охарактеризовали

основные события в истории села, свидетелями которых они были (коллективизация, расстрел священника и т. д.). См.: *Кондрашин В. В.* История села Лох // Крестьяноведение. Теория. История. Современность: Ежегодник Центра крестьяноведения и сельских реформ Московской высшей школы социальных и экономических наук. М., 1997. С. 176–216; *Голоса крестьян: Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах.* М., 1996.

- ¹⁵² Из существовавших в 1930-е годы административно-территориальных объединений в Нижне-Волжском крае в настоящее время не сохранилась Автономная Советская социалистическая республика немцев Поволжья (АССРНП). Она была ликвидирована в годы Великой Отечественной войны по решению сталинского руководства. В 1932–1933 гг. АССРНП входила в состав Нижне-Волжского края на правах автономии. Ее население в основном составляли немецкие колонисты. Но были и представители других народностей (русские, украинцы и т. д.). Кантоны Республики немцев Поволжья располагались на территории современных Саратовской и Волгоградской областей (см.: *Герман А. А.* Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. Ч. II. Автономная республика 1924–1941. Саратов, 1994).

Глава 2. 1930–1931 годы: предпосылки общекрестьянской трагедии

- ¹ См. о голоде в России: *Романович-Славатинский А. В.* Голода в России и меры правительства против них // Голода в России и Западной Европе и меры правительства против них. Киев, 1892; *Пашуто В. Т.* Голодные годы в Древней Руси // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962 г. Минск, 1964; *Анфимов А. М.* Крестьянское хозяйство Европейской России 1881–1904 гг. М., 1980; *Милов Л. В.* Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. № 4–5; и др.
- ² *Романович-Славатинский А. В.* Указ. соч. С. 41–53.
- ³ Там же. С. 52–60; *Исхакова Р. Р.* Самарский голод 1873 г. // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1989. С. 16; *Леонов М. М.* Русское консервативное общество и голод 1873 года в Самарской губернии // Самарский земский сборник. Вып. 3. Самара, 1996. С. 64.
- ⁴ См.: *Анфимов А. М.* Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881–1904 гг. М., 1984. С. 116–119.

- ⁵ См.: *Исаев А. А.* Неурожай и голод. Лекция в Императорском александровском лицее. СПб., 1892. С. 12; *Короленко В.* В голодный год. Наблюдения, размышления и заметки. 4-е изд. СПб., 1902. С. 34; *Книга М. Д.* История голода 1891–1892 гг. в России // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1997. С. 22; и др.
- ⁶ *Анфимов А. М.* Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881–1904 гг. С. 116; *Книга М. Д.* Указ. соч. С. 16–17 и др.
- ⁷ *Книга М. Д.* Указ. соч. С. 16.
- ⁸ *Романович-Славатинский А. В.* Указ. соч. С. 61.
- ⁹ Там же. С. 10–11.
- ¹⁰ Там же. С. 61.
- ¹¹ Там же. С. 62.
- ¹² Там же. С. 64–65.
- ¹³ Там же. С. 64.
- ¹⁴ Там же. С. 48–49, 60.
- ¹⁵ *Анфимов А. М.* Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881–1904 гг. С. 116, 119.
- ¹⁶ *Книга М. Д.* Указ. соч. С. 20–21.
- ¹⁷ См.: Современные концепции аграрного развития (Теоретический семинар). Обзор подготовлен Бабашкиным В. В. // Отечественная история. 1992. № 5. С. 5, 7.
- ¹⁸ В последующих главах будет даваться более подробная характеристика отдельных моментов крестьянского поведения во время голода, образующих так называемую стратегию выживания в период голодного бедствия.
- ¹⁹ См.: *Милов Л. В.* Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса. С. 37–53; *Он же.* Велikorусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1988.
- ²⁰ См.: *Ключевский В. О.* Сочинения. Т. 1. М., 1956. С. 311; Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России во второй половине XIX века. М., 1987. С. 490, 491.
- ²¹ См.: *Короленко В. Г.* В голодный год. СПб., 1894. С. 204; *Пропт В. Я.* Русские аграрные праздники. Л., 1963; Русский фольклор / Сост. и примеч. *В. Аникина.* М., 1985. С. 168, 174, 175; и др.
- ²² См.: Пословицы и поговорки русского народа. Из сборника *В. И. Даля.* М., 1987. С. 576–579, 582, 622, 624, 627, 628; Русские

- пословицы и поговорки / Под ред. В.П. Аникина. М., 1988. С. 65–66.
- ²³ См.: *Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 годов в деревне Поволжья (по свидетельствам очевидцев) // Тезисы Всесоюзной научной конференции (28–29 ноября 1989 года). Проблемы устной истории в СССР. Киров, 1990. С. 22; *Он же.* Голод 1932–1933 годов в деревнях Поволжья (По воспоминаниям очевидцев) // Новые страницы истории Отечества. Пенза, 1992. С. 164–170.
- ²⁴ *Зырянов П. Н.* Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М., 1992. С. 62; *Кабытов П. С.* Русское крестьянство в начале XX в. Самара, 1999. С. 22.
- ²⁵ См.: Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства / Под ред. проф. А. И. Чупрова и А. С. Посникова. Т. 1. СПб., 1897. С. 51, 52; *Анфимов А. М.* Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М., 1962. С. 79; *Он же.* Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881–1904 гг. М., 1984. С. 116; *Китанина Т. М.* Хлебная торговля в России в 1875–1914 гг. (Очерки правительственной политики). Л., 1978. С. 2, 6.
- ²⁶ *Зырянов П. Н.* Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. С. 126, 217.
- ²⁷ См.: *Данилов В. П.* Крестьянская революция в России, 1902–1922 гг. // Крестьяне и власть: Материалы конф. Москва – Тамбов, 1996. С. 4–23; *Буховец О. Г.* Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М., 1996; Крестьянское движение в России в 1901–1904 гг.: Сб. док. М., 1998; *Кабытов П. С.* Русское крестьянство в начале XX века. С. 55–95; и др.
- ²⁸ См.: *Маслов П.* Русская революция и народное хозяйство. СПб., 1906. С. 10; *Он же.* Крестьянское движение в России (Аграрный вопрос в России. Т. II). 2-е изд. Книга I. М., 1923. С. 103, 104, 110, 111; *Он же.* Крестьянское движение в России в эпоху первой революции (Аграрный вопрос в России. Т. II. Кн. 2. 2-е изд. М., 1924. С. 8–10, 11, 21, 22, 79.
- ²⁹ См.: Энциклопедический словарь. Т. IX. Издатели Ф. А. Брокгауз и И. А. Эфрон. СПб., 1893. С. 103; *Данилова Л. В.* Очерки по истории земледелия и хозяйства в Новгородской земле в XIV–XV вв. М., 1960. С. 429, 430; *Пашуто В. Т.* Голодные годы в Древней Руси // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1962 г. Минск, 1964. С. 79; История СССР. С древнейших времен

- до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. II. М., 1966. С. 230, 231.
- ³⁰ См.: *Маслов П.* Крестьянское движение в России (Аграрный вопрос в России. Т. II). 2-е изд. Кн. I. С. 5.
- ³¹ См.: *Романович-Славатинский А. В.* Голода в России и меры правительства против них. С. 41–42; *Толстой Л. Н.* Голод. М., 1906. С. 52; Путешествие в прошлое. Самарский край глазами современников / Сост.: *Завальский А. Н., Рыбалко Ю. Е.* Самара, 1991. С. 150.
- ³² См.: Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации, 1927–1932 гг. / Под ред. *В. П. Данилова, Н. А. Ивницкого.* М., 1989. С. 23, 32, 36, 37, 491–493; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 2. М., 2000. С. 787–810; Т. 3. М., 2001. С. 91–92, 163–168, 172–174, 318–354; *Кондрашин В. В.* Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 годах. М., 2001.
- ³³ *Маслов П.* Русская революция и народное хозяйство. С. 7, 10; *Он же.* Крестьянское движение в России // Аграрный вопрос в России. Т. II. Издание второе. Кн. I. С. 16–18, 20–22, 42–43, 112, 132; *Он же.* Крестьянское движение в России в эпоху первой революции // Аграрный вопрос в России. Т. II. Кн. 2. С. 8–10, 22, 35.
- ³⁴ О крестьянском движении в годы Гражданской войны см.: Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. («Антоновщина»): Документы и материалы. Тамбов, 1994; *Филипп Миронов.* Тихий Дон в 1917–1921 гг. Документы и материалы / Под ред. *В. Данилова, Т. Шанина.* М., 1997; Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: В 4 т. Т. 1. 1918–1922 гг. / Под ред. *А. Береловича, В. Данилова.* М., 1998; *Сафонов Д. А.* Великая крестьянская война 1920–1921 гг. и Южный Урал. Оренбург, 1999; За советы без коммунистов: Крестьянское восстание в Тюменской губернии. 1921: Сб. док. / Сост.: *В. И. Шишкин.* Новосибирск, 2000; *Кондрашин В. В.* Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 годах; *Осипова Т. В.* Российское крестьянство в революции и Гражданской войне. М., 2001; *Нестор Махно.* Крестьянское движение на Украине. 1918–1921: Документы и материалы / Под ред. *В. Данилова, Т. Шанина.* М., 2006; и др.
- ³⁵ См.: *Сорокин П. А.* Голод и идеология общества // Экономический вестник XI Отдела Русского Технического Общества. 1922. № 4–5. С. 3–6; *Он же.* Философия голода // Новое время. 1992.

- № 3; *Кара-Мурза С. Г.* Советская цивилизация. Книга первая. От начала до Великой Победы. М., 2002. С. 76.
- ³⁶ См.: Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Вып. XXV. 1909. С. 249–250; *Короленко В. Г.* В голодный год. С. 50, 59, 93, 133; *Тарновский Е. Н.* Влияние хлебных цен и урожаев на движение преступлений против собственности в России // Журнал Министерства юстиции. 1898. № 8 (СПб.). С. 75–106; *Толстой Л. Н.* Голод. Крестьянское хозяйство во время революции. М., 1923. С. 55; *Лавров П. Л.* Избранные сочинения на социально-политические темы: В 8 т. Т. 3. М., 1934. С. 190–193, 196–198, 202, 206, 207; *Алексеев М. Н.* Драчуны. М., 1982. С. 263–317; Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. С. 206 // Правда. 1988. 16 сентября; *Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 гг. в деревне Поволжья (по свидетельствам очевидцев). С. 35–38 // Крестьянская правда. 1992. 21 апр.
- ³⁷ Центр документации по новейшей истории Волгоградской области (далее ЦДНИВО). Ф. 18. Оп. 1. Д. 19. Л. 27; Ф. 10474. Оп. 1. Д. 333. Л. 96; *Лавров П. Л.* Избранные сочинения на социально-политические темы. Т. 3. С. 160–162, 167, 169, 190–192, 193, 196.
- ³⁸ Правда. 1930. 6 янв.
- ³⁹ Филиал Государственного архива Саратовской области в г. Энгельсе. Ф. 849. Оп. 1. Д. 961. Л. 55об.
- ⁴⁰ См.: История советского крестьянства. Т. 2. М., 1986. С. 196.
- ⁴¹ См.: *Данилов В. П.* Русская революция в судьбе А. В. Чаянова // Крестьяноведение. Теория. История. Современность: Ежегодник. 1996. М., 1996; *Он же.* Введение (Истоки и начало деревенской трагедии) // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929; и др.
- ⁴² См., напр.: *Кондрашин В. В.* История села Лох // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1997. М., 1997. С. 183–184.
- ⁴³ См.: *Данилов В. П.* Русская революция в судьбе А. В. Чаянова; *Фигуровская Н. К., Глаголев А. И.* А. В. Чаянов и его теория семейного крестьянского хозяйства // *Чаянов А. В.* Крестьянское хозяйство. М., 1989; и др.
- ⁴⁴ См.: *Данилов В. П.* Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977; *Он же.* Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1979; Кооперативно-колхозное строительство в СССР, 1923–1927: Документы и материалы. М., 1991; *Ким Чан Чжин.* Государ-

ственная власть и кооперативное движение в России–СССР (1905–1930). М., 1996; и др.

- ⁴⁵ См.: Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации, 1927–1932 гг. / Под ред. В. П. Данилова, Н. А. Ивницкого. М., 1989; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 1. М., 1999; Т. 2. М., 2000.
- ⁴⁶ См.: Данилов В. П. «Бухаринская альтернатива» // Бухарин: человек, политик, ученый / Под общ. ред. В. В. Журавлева; Сост.: А. Н. Солопов. М., 1990. С. 82–130.
- ⁴⁷ О том, как И. В. Сталин боролся за власть, см.: Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: В 5 т. М., 2000.
- ⁴⁸ О ходе коллективизации см.: Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994; *Он же*. Репрессивная политика Советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М., 2000; и др.
- ⁴⁹ Трагедия советской деревни. Т. 3. М., 2001. С. 845.
- ⁵⁰ Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации, 1927–1932 гг. М., 1989. С. 390.
- ⁵¹ История советского крестьянства. Т. 2. М., 1986. С. 190–191.
- ⁵² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 5. 1929–1932. 9-е изд., доп. и испр. М., 1984. С. 233; Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства, 1927–1935 гг. М., 1957. С. 361.
- ⁵³ Вопросы истории. 1994. № 10. С. 41.
- ⁵⁴ РГАЭ. Ф. 8040. Оп.3. Д. 111а. Л. 6–7, 11–12.
- ⁵⁵ Ивницкий Н. А. Голод 1932–1933 годов: кто виноват? Голод 1932–1933 годов. М., 1995. С. 44; Данилов В. П. Коллективизация сельского хозяйства в СССР // История СССР. 1990. № 5. С. 7–30; Осколков Е. Н. Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 г. в Северо-Кавказском крае. Ростов-на-Дону, 1991. С. 15–20; Осокина Е. А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935. М., 1993. С. 55.
- ⁵⁶ Осколков Е. Н. 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 года в Северо-Кавказском крае. С. 13–16.
- ⁵⁷ Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 198.
- ⁵⁸ См.: Засухи в СССР, их происхождение, повторяемость и влияние на урожай. Л., 1958; Кабанов П. Г., Кастров В. Г. Засухи в Поволжье // Научные труды НИИ сельского хозяйства Юго-

- Востока, 1972. Вып. 31; *Козельцева В. Ф., Педь А. А.* Данные об атмосферной засушливости по станциям западной части территории СССР (май–август 1900–1979 гг.). М., 1985.
- ⁵⁹ См.: Вопросы истории. 1994. № 10. С. 41; Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 854.
- ⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 473. Л. 50–51; РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 23. Д. 11. Л. 143; Д. 27. Л. 64.
- ⁶¹ См.: *Сталин И. В.* Вопросы ленинизма. 9-е изд., доп. М., 1952. С. 511.
- ⁶² РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 130. Л. 64; Д. 131. Л. 73; Д. 132. Л. 15, 33–36, 83, 109, 110.
- ⁶³ Там же. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 132. Л. 13, 66, 87, 185.
- ⁶⁴ См.: *Осокина Е. А.* Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. С. 52–53.
- ⁶⁵ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 778. Л. 394–398.
- ⁶⁶ Там же. Д. 824. Л. 69–71.
- ⁶⁷ Там же. Л. 231–231об.; Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Т. 3. Кн. 1. М., 2003. С. 354–355, 366.
- ⁶⁸ ЦА ФСБ РФ. Ф. Оп. 8. Д. 787. Л. 840, 978–989.
- ⁶⁹ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Т. 3. Кн. 1. С. 363, 364.
- ⁷⁰ Там же. С. 367.
- ⁷¹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 12. Д. 1040. Л. 1.
- ⁷² Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 111.
- ⁷³ См.: *Ивницкий Н. А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994. С. 156–157.
- ⁷⁴ *Сталин И. В.* Соч. Т. 12. С. 166–170.
- ⁷⁵ Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления. С. 163–164; СЗ СССР. 1930. № 13. Ст. 143, 144.
- ⁷⁶ См.: *Мошков Ю. А.* Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации. М., 1966. С. 176.
- ⁷⁷ СЗ СССР. 1931. № 1. Ст. 6; № 19. Ст. 171.
- ⁷⁸ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 8. Д. 192. Л. 186.
- ⁷⁹ Там же. Ф. 7733. Оп. 8. Д. 192. Л. 186.
- ⁸⁰ Колхозы весной 1931 года. М. — Л., 1932. С. 104–106.
- ⁸¹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 8. Д. 192. Л. 76, 77, 93; Оп. 10. Д. 330. Л. 59.
- ⁸² История СССР. 1989. № 3. С. 44; 1990. № 5. С. 25.

- ⁸³ См., напр.: *Максудов С.* Потери населения СССР. Вермонт, 1989. С. 46, 48.
- ⁸⁴ См.: *Солженицын А. И.* Архипелаг Гулаг. 1918–1956. Опыт художественного исследования // *Новый мир.* 1989. № 11. С. 145.
- ⁸⁵ История СССР. 1990. № 5. С. 25.
- ⁸⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 5. С. 295.
- ⁸⁷ Там же. С. 296.
- ⁸⁸ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 1410. Л. 1–5.
- ⁸⁹ РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 13. Д. 47. Л. 139–140, 170–178.
- ⁹⁰ *Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 годов в деревне Поволжья // *Дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. С. 36.*
- ⁹¹ РГАСПИ. Ф. 631. Оп. 5. Д. 70. Л. 39об.
- ⁹² Там же. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3776. Л. 60.
- ⁹³ Там же. Ф. 631. Оп. 5. Д. 53. Л. 92об., 117, 119, 125.
- ⁹⁴ Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления. С. 381, 391–393.
- ⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 2550. Л. 77.
- ⁹⁶ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 169. Л. 23.
- ⁹⁷ Там же. Ф. 7446. Оп. 14. Д. 108. Л. 34.
- ⁹⁸ Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 851.
- ⁹⁹ Там же. С. 851, 854.
- ¹⁰⁰ РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 111а. Л. 6, 7, 11, 12.
- ¹⁰¹ Ст. 61 УК РСФСР предусматривала за невыполнение государственных повинностей наложение административных взысканий, принудительные работы на срок до шести месяцев или штраф в размере тех же повинностей (УК РСФСР. М., 1929. С. 47).
- ¹⁰² Государственный архив Саратовской области (далее ГАСО). Ф. 522. Оп. 1. Д. 215. Л. 78.
- ¹⁰³ Центр документации по новейшей истории Саратовской области (далее ЦДНИСарО). Ф. 55. Оп. 1. Д. 294. Л. 39 - 44.
- ¹⁰⁴ Там же. Л. 38.
- ¹⁰⁵ Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 101–103.
- ¹⁰⁶ ЦДНИСарО. Ф. 407. Оп. 5. Д. 23. Л. 38.
- ¹⁰⁷ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 160. Л. 155.
- ¹⁰⁸ Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 175.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 204–206.

- ¹¹⁰ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 159. Л. 98.
- ¹¹¹ *Осколков Е. Н.* Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 г. в Северо-Кавказском крае. С. 18.
- ¹¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 2549. Л. 48.
- ¹¹³ Там же. Оп. 3. Д. 868. Л. 5.
- ¹¹⁴ ЦДНИСарО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 294. Л. 40.
- ¹¹⁵ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 327. Л. 261.
- ¹¹⁶ ЦДНИСарО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 294. Л. 44.
- ¹¹⁷ См. об этом подробнее: «Спецсправка Секретно-политического отдела ОГПУ о ходе коллективизации и массовых выступлениях крестьянства в 1931 г. — январе — марте 1932 г.» // Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 318–355
- ¹¹⁸ ЦДНИСарО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 294. Л. 43.
- ¹¹⁹ Там же. Л. 43–44.
- ¹²⁰ Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 256–258.
- ¹²¹ Подсчитано по: Ежегодник. Сельское хозяйство СССР. С. 270–271; РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 111а. Л. 6, 7, 11, 12.
- ¹²² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 76. Д. 178. Л. 23.
- ¹²³ Там же. Оп. 73. Д. 36. Л. 35.
- ¹²⁴ *Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 годов в российской деревне. Учебное пособие. Пенза, 2003. С. 76–77.
- ¹²⁵ РГАСПИ. Ф. 631. Оп. 5. Д. 71. Л. 12.
- ¹²⁶ *Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 годов в российской деревне. Учебное пособие. С. 77.
- ¹²⁷ Центр документации по новейшей истории Волгоградской области (далее ЦДНИВО). Ф. 76. Оп. 1. Д. 183. Л. 101.
- ¹²⁸ РГАСПИ. Ф. 631. Оп. 5. Д. 74. Л. 36–36об.
- ¹²⁹ *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер.* Голод: 1932–1933 годы в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона и Кубани). Самара — Пенза, 2002. С. 124.
- ¹³⁰ *Осколков Е. Н.* Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 г. в Северо-Кавказском крае. С. 16 - 20.
- ¹³¹ *Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 годов в российской деревне. Учебное пособие. С. 79.
- ¹³² РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 419. Л. 63.
- ¹³³ Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 313.
- ¹³⁴ Там же. С. 314.

¹³⁵ Там же. С. 315.

¹³⁶ Там же. С. 327.

¹³⁷ Там же. С. 328.

¹³⁸ Там же. С. 330.

¹³⁹ Рассчитано по приведенным данным в таблице 10 (Планирование и выполнение годовых балансов хлебозаготовок в 1930/31–1933 гг. (млн т). Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 860–861).

Глава 3. 1932 год: хлебозаготовительный беспредел

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 886. Л. 13. П.80/23; Оп. 162. Д. 12. Л. 83. П. 37/2;

² Там же. Оп.3. Д.871. Л.10, 47–49. П. 51/14.

³ Трагедия советской деревни. Т. 3. М., 2001. С. 288.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 33. Л. 166.

⁵ Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 63. Л. 118.

⁶ Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 289.

⁷ ГАРФ. Ф.Р–5446. Оп. 1. Д. 65. Л. 250; Оп. 13. Д. 785. Л. 1–3; РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 8. Д. 1. Л. 4; Основные показатели выполнения народно-хозяйственного плана по Средне-Волжскому краю за первое полугодие 1932 года (предварительные данные). Самара, 1932. С. 12.

⁸ Колхозы во второй сталинской пятилетке. М. – Л., 1939. С. 35.

⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3767. Л. 34–35.

¹⁰ Поволжская правда. 1932. 24 июня.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3781. Л. 34об.

¹² Там же. Д. 3767. Л. 20.

¹³ Там же. Д. 3781. Л. 33.

¹⁴ Там же. Д. 3767. Л. 99об., 100.

¹⁵ О полемике по этому вопросу см.: *Schiller*. 23 мая 1933 года. The Foreign Office and the Famine: British Documents on Ukraine and the Great Famine of 1932–1933, Ed. Marco Carynnik, Lubomyr Y. Luciuk and Bohdan S. Kordan (Kingston, Ontario, 1988); *Dana G. Dalrymple*. The Soviet Famine of 1932–1934 // *Soviet Studies* XV (January 1964): 263; *Robert Conquest*, *The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror-Famine*. (Oxford, 1986), 222; *Lewin, Moshe*. *The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia*. (London, 1985), 155–56; *Данилов В. П., Иваницкий Н. А.* О деревне накануне и в ходе сплошной коллективизации // Документы свидетельствуют: из истории деревни накануне и в годы коллек-

тивизации 1927–1932 гг. / Под ред. Данилова В. П., Ивницкого Н. А. М., 1989. С. 40–41; Зеленин И. Е. О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации // История СССР. 1989. № 2. С. 8, 18; Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов в деревнях Поволжья // Вопросы истории. 1991. № 6. С. 178; Марк Б. Таугер. Урожай 1932 года и голод 1933 года // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 298–332; и др.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 1362. Л. 204. Данный доклад был секретным и не публиковался в советских изданиях. Официальная же статистика была иной. Ее целью была пропаганда достижений колхозного строя. В этой связи Шиллер привел характерное высказывание одного из чиновников Наркомата земледелия о существовании трех статистических рядов — первый для публикации, второй — для директоров заинтересованных учреждений, третий, самый секретный — для высшего руководства страны (Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Голод: 1932–1933 годы в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона и Кубани). Самара–Пенза, 2002. С. 131.

¹⁷ См.: *Carynnyk, Marco, Lubomyr Y. Luciuk and Bohdan S. Kordan*, eds. *The Foreign Office and the Famine: British Documents on Ukraine and the Great Famine of 1932–1933*, 73, 76, 126, 131–32, 154; *Andrew Cairns*, *The Soviet Famine, 1932–33: An Eye-Witness Account of Conditions in the Spring and Summer of 1932* by Andrew Cairns. Ed. *Tony Kuz* (Edmonton, 1989); Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 132.

¹⁸ Эндрю Кэрнс был обладателем степени бакалавра по сельскому хозяйству университета Альберты и магистра искусств Миннесотского университета. Кроме того, в Альберте он непосредственно занимался сельским хозяйством со своими братьями на ферме площадью 960 акров в течение последних двух лет.

¹⁹ Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 132.

²⁰ Там же. С. 132–133.

²¹ Там же. С. 133.

²² Там же.

²³ Там же. С. 133–134.

²⁴ О самых худших в климатическом отношении годах на Дону в доколхозный период см.: *D'Ann R. Penner*, *Pride, Power, and Pitchforks: A Study of Farmer-Party Interaction on the Don, 1920–1928* (Ph.D. diss., Univ. of California at Berkeley, 1995). 1921: 114–115, 1924: 221–222, 1926: 1927–28: 400, 530–533.

- ²⁵ *Осколков Е. Н.* Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 г. в Северо-Кавказском крае. Ростов-на-Дону, 1991. С. 21–23, 32; Вопросы истории. 1994. № 3. С. 10; Вольное казачество. 1932. 25 сентября. № 113. С. 29; 25 января 1933 года. № 121. С. 28; *Carynnyk, Marco, Lubomyr Y. Luciuk and Bohdan S. Kordan*, Eds. The Foreign Office and the Famine: British Documents on Ukraine and the Great Famine of 1932–1933, 144.
- ²⁶ Вопросы истории. 1994. № 3. Р. С. 8–10.
- ²⁷ *Зеленин И. Е.* О некоторых «белых пятнах». С. 8, 18; *Carynnyk, Marco, Lubomyr Y. Luciuk and Bohdan S. Kordan*. Eds. The Foreign Office and the Famine: British Documents on Ukraine and the Great Famine of 1932–1933, 137; *William Henry Chamberlin*. Russia's Iron Age (Boston, 1934). P. 85; *Robert Conquest*. The Harvest of Sorrow. (Oxford, 1986). P. 222.
- ²⁸ См. об этом подробнее: *Кабанов П. Г., Кастров В. Г.* Засухи в Поволжье // Научные труды НИИ сельского хозяйства Юго-Востока. 1972. Вып. 31. С. 134–136; Суховеи, их происхождение, повторяемость и влияние на урожай. Л., 1958. С. 45, 50; *Бучинский И. Е.* Засухи и суховеи. Л., 1976. С. 47.
- ²⁹ *Козельцева В. Ф., Педь Д. А.* Данные об атмосферной засушливости по станциям западной части территории СССР (май–август 1900–1979 гг.). М., 1985. С. 3–9, 36–37, 49.
- ³⁰ Эксперимент проведен по просьбе В.В. Кондрашина, работавшего в тот период над кандидатской диссертацией. Мы искренне благодарны О. Д. Сиротенко и В. Н. Павловой за оказанную помощь.
- ³¹ *Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 годов в деревне Поволжья // Дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. Приложения. С. 37–44.
- ³² Там же. Основной текст. С. 50.
- ³³ Там же. С. 47
- ³⁴ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936. М., 2001. С. 217.
- ³⁵ *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер*. Указ. соч. С. 140.
- ³⁶ *Осколков Е. Н.* Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 г. в Северо-Кавказском крае. С. 21.
- ³⁷ *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер*. Указ. соч. С. 140.
- ³⁸ РГАСПИ. Ф. 112. Оп. 29. Д. 18. Л. 27об.
- ³⁹ *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер*. Указ. соч. С. 141.
- ⁴⁰ Сельское хозяйство СССР. Ежегодник. 1935. М., 1936. С. 351.
- ⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3767. Л. 109, 112об., 119об., 122об.

- ⁴² Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 141–142.
- ⁴³ РГАСПИ. Ф. 112. Оп. 29. Д. 124. Л. 52.
- ⁴⁴ Там же. Д. 18. Л. 26об.
- ⁴⁵ Там же. 74. Оп. 2. Д. 37. Л. 54.
- ⁴⁶ Там же. Ф. 631. Оп. 5. Д. 75. Л. 69; РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 235. Л. 210–212.
- ⁴⁷ Отечественная история. 1995. № 1. С. 50.
- ⁴⁸ Ежегодник. Сельское хозяйство СССР. С. 514.
- ⁴⁹ Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 гг. в Поволжье // Вопросы крестьяноведения. Вып. 3. Саратов, 1996. С. 96.
- ⁵⁰ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 3. Д. 50606. Л. 97.
- ⁵¹ Отечественная история. 1993. № 3. С. 85.
- ⁵² Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 гг. в Поволжье // Вопросы крестьяноведения. Вып. 3. С. 96.
- ⁵³ РГАСПИ. Ф. 631. Оп. 5. Д. 52. Л. 53.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Центр документации по новейшей истории Оренбургской области (далее ЦДНННО). Ф. 18. Оп. 1. Д. 348а. Л. 8.
- ⁵⁶ Конъюнктурный обзор сельского хозяйства СССР за май 1932 года. НКЗ СССР. Сектор учета. М., 1932. С. 7.
- ⁵⁷ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 41. Л. 37; Оп. 329. Д. 49. Л. 3; Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV–XVI партийными съездами. М., 1931. С. 130–131.
- ⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 631. Оп. 5. Д. 52. Л. 53.
- ⁵⁹ Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 гг. в Поволжье // Вопросы крестьяноведения. Вып. 3. С. 96–97; Он же. Голод 1932–1933 годов в деревнях Поволжья (по воспоминаниям очевидцев) // Новые страницы истории Отечества: Межвузовский сборник научных трудов (Пензенский гос. пед. ин-т им. В.Г. Белинского). Пенза, 1992. С. 164–170.
- ⁶⁰ Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 851.
- ⁶¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 370. Л. 56 - 58.
- ⁶² Таугер М. Урожай 1932 года и голод 1933 года // Голод 1932–1933 годов. М, 1995. С. 21.
- ⁶³ Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 851.
- ⁶⁴ Там же. С. 845, 851.
- ⁶⁵ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 237. Л. 340.

- ⁶⁶ *Куйбышев В.* Уборка, хлебозаготовки и укрепление колхозов. М., 1932. С. 14.
- ⁶⁷ *Марк Б. Таугер.* Урожай 1932 года и голод 1933 года // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 298–332.
- ⁶⁸ *Данилов В. П.* Коллективизация: как это было // Страницы истории КПСС: Факты, проблемы, уроки. М., 1988. С. 341; *Он же.* Правда. 1988. 16 сентября; История СССР. 1989. № 5. С. 29; *Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 гг. в Поволжье // Вопросы крестьяноведения. Вып. 3. С. 97.
- ⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3757. Л. 14; *Каревский Ф. А.* Социалистическое преобразование сельского хозяйства Среднего Поволжья. Куйбышев, 1975. С. 141.
- ⁷⁰ РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 20. Д. 45. Л. 45.
- ⁷¹ Там же. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 235. Л. 310–307.
- ⁷² О проблеме крестьянского восприятия различных новаций в 1920-е годы см.: *Безгин В. Б.* Традиции и перемены в жизни российской деревни 1921–1928 гг. (По материалам губерний Центрального Черноземья). Дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 1998; *Lynne Viola.* Best Sons of the Fatherland (New York, 1987). P. 213–18; *Она же.* Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. (Oxford, 1994). P. 48; *Moshe Lewin.* Grappling with Stalinism, in The Making. P. 286–314, 297–98; *Jdem.,* Introduction: Social Crises and Political Structures in the USSR, in The Making: 3–45, here at 18; *Он же.* Деревенское бытие: нравы, верования, обычаи // Крестьяноведение. Теория. История. Современность: Ежегодник. 1997. М., 1997. С. 84–127; *Данилов В. П.* Советская доколхозная деревня. М., 1977; и др.
- ⁷³ *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер.* Указ. соч. С. 151.
- ⁷⁴ Там же. С. 152.
- ⁷⁵ *Хлевнюк О. В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996. С. 58–60.
- ⁷⁶ См.: *Ивницкий Н. А.* Голод 1932–1933 годов: кто виноват? // Голод 1932–1933 годов: Сб. ст. / Отв. ред., вступит. статья Ю.Н. Афанасьева. М., 1995. С. 55.
- ⁷⁷ См.: *Зеленин И. Е.* «Революция сверху»: завершение и трагические последствия // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 34.
- ⁷⁸ *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер.* Указ. соч. С. 153.
- ⁷⁹ Вопросы истории. 1994. № 3. С. 10.

- ⁸⁰ Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. С. 58–60; Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 гг. в Поволжье // Вопросы крестьяноведения. Вып. 3. С. 97–98.
- ⁸¹ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 16. Д. 252. Л. 8, 12, 168; Д. 253. Л. 3, 52, 90, 104, 108, 116, 154; Д. 260. Л. 12, 23; Д. 261. Л. 83, 147; Д. 325. Л. 29, 63об., 82об., 99, 111об.; Д. 326. Л. 2, 9об., 39об., 128, 141об., 143об., 149, 167об., 179об.; Д. 327. Л. 8об., 14об., 49об., 67, 172об.; Д. 335. Л. 113; Д. 336. Л. 86, 91об., 99об., 202об., 215об.; Д. 337. Л. 109; Д. 374. Л. 89; Д. 402. Л. 2, 14об., 26об., 81об., 95об., 101об.; Д. 403. Л. 2об., 26об., 38, 50об., 56об., 81, 87об., 100об., 106об., 118об., 119об., 123, 135об., 141об.
- ⁸² Само выражение «проводить итальянку» принадлежит Сталину. Он применил его в письме М. А. Шолохову, датированном 6 мая 1933 г., характеризую сопротивление хлеборобов Вешенского района хлебозаготовкам 1932 г.
- ⁸³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 897. Л. 19; Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936. М., 2001. С. 298.
- ⁸⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 899. Л. 16.
- ⁸⁵ Там же. Д. 898. Л. 5.
- ⁸⁶ Там же. Д. 899. Л. 6, 16.
- ⁸⁷ Там же. Д. 901. Л. 8.
- ⁸⁸ Там же. Л. 24.
- ⁸⁹ Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 157.
- ⁹⁰ Там же. По оценкам ОГПУ в эти выступления было вовлечено 4500 человек.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 580.
- ⁹³ См.: Ивницкий Н. А. Голод 1932–1933 годов: кто виноват? С. 46.
- ⁹⁴ Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 158.
- ⁹⁵ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 209. Л. 51–53, см. опубликовано: Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 388–390.
- ⁹⁶ См.: Ивницкий Н. А. Голод 1932–1933 годов: кто виноват? С. 48. О ситуации на Украине были осведомлены и рабочие, совершавшие туда поездки по личным делам (Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 158).
- ⁹⁷ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 237. Л. 399.
- ⁹⁸ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. С. 164.
- ⁹⁹ Там же. С. 179.

- ¹⁰⁰ Там же. С. 145.
- ¹⁰¹ Там же. С. 169.
- ¹⁰² Там же. С. 164.
- ¹⁰³ Там же. С. 169.
- ¹⁰⁴ Там же.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 179.
- ¹⁰⁶ *Кондрашин, Диана Пеннер*. Указ. соч. С. 160.
- ¹⁰⁷ Там же.
- ¹⁰⁸ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. С. 241–242.
- ¹⁰⁹ *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер*. Указ. соч. С. 161.
- ¹¹⁰ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 237. Л. 236–237.
- ¹¹¹ Основанием для этого был новый план хлебозаготовок, подобный полученному в 1931 году (см.: *Осколков Е. Н.* Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 г. в Северо-Кавказском крае. Ростов-на-Дону, 1991. С. 47–49. *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер*. Указ. соч. С. 161.
- ¹¹² ЦДНННО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 337. Л. 10.
- ¹¹³ Там же; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 2550. Л. 165об.; Д. 3768. Л. 64об.
- ¹¹⁴ ЦДННВО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 187. Л. 38.
- ¹¹⁵ Волжская коммуна. 1932. 15 ноября.
- ¹¹⁶ *Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 годов в деревне Поволжья // Дис. ... канд. ист. наук. С. 88.
- ¹¹⁷ Там же.
- ¹¹⁸ Там же.
- ¹¹⁹ *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер*. Указ. соч. С. 163.
- ¹²⁰ Там же.
- ¹²¹ Там же. С. 164.
- ¹²² Там же. Например, до селения Висловское дошел слух, что посланцам из Багаевска и Константиновска удалось добиться снижения налога на 50 %.
- ¹²³ Там же.
- ¹²⁴ ЦДННВО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 183. Л. 37.
- ¹²⁶ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. С. 179.
- ¹²⁷ *Осколков Е. Н.* Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 г. в Северо-Кавказском крае. С. 24–25; *Ивницкий Н. А.* Голод 1932–1933 годов: кто виноват? С. 47–48.

- ¹²⁸ *Осколков Е. Н.* Хлебозаготовки и голод 1932–1933 гг. в Северо-Кавказском крае // *Донской юридический институт. Ученые записки. Памяти Е. Н. Осколкова (к 75-летию со дня рождения).* Т. 16. Ростов-на-Дону, 2001. С. 33.
- ¹²⁹ Там же.
- ¹³⁰ Арч Гетти указывал на распространение этого стереотипа среди многих большевиков, см.: *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер.* Указ. соч. С. 166.
- ¹³¹ См.: *Ивницкий Н. А.* Голод 1932–1933 годов: кто виноват? С. 47.
- ¹³² Там же. С. 53.
- ¹³³ *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер.* Указ. соч. С. 167.
- ¹³⁴ Из письма Шолохова Сталину 4 апреля 1933 года // *Вопросы истории.* 1994. № 3. С. 10.
- ¹³⁵ См.: *Ивницкий Н. А.* Голод 1932–1933 годов: кто виноват? С. 56–57.
- ¹³⁶ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 237. Л. 236–237.
- ¹³⁷ *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер.* Указ. соч. С. 168.
- ¹³⁸ Там же. С. 169.
- ¹³⁹ О тяжелом положении единоличников в 1932–1933 гг. имеются многочисленные свидетельства очевидцев. Так, например, по воспоминаниям кандидата исторических наук *Али Усмановича Мавлиева*, его бабушка *А. Д. Пиюкова*, проживавшая в 1932–1933 годах в с. Боромля Сумской области Украины рассказывала: «В деревне во время голода, кто не вступал в колхоз, тому не давали ничего и отрезали еще участки земли. А кто вступал в колхоз, тому давали пайки, чтобы не умерли от голода, земельные участки оставляли». Во время голода *А. Д. Пиюкова* потеряла сына...
- ¹⁴⁰ *Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 годов в деревне Поволжья // *Дис. ... канд. ист. наук.* С. 88–89.
- ¹⁴¹ *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер.* Указ. соч. С. 170.
- ¹⁴² *Дж. Скотт.* Оружие слабых: повседневное сопротивление и его значение // *Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире: Пер. с англ. / Сост.: Т. Шанина; Под ред. А. В. Гордона.* М., 1992. С. 285.
- ¹⁴³ Там же. С. 286.
- ¹⁴⁴ Там же. С. 286–287.
- ¹⁴⁵ В современной отечественной историографии сопротивление крестьянства аграрной политике Советского государства не ограничивается коллективизацией. Историки говорят о его

- продолжении в 1940–1950-е годы, подразумевая прежде всего пассивные формы, активное использование советским крестьянством «оружия слабых». См., напр.: *Безгин М. А., Димони Т. М.* Крестьянство и власть в России в конце 1930-х — 1950-е годы // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). Материалы международной конференции. М., 1996. С. 160–164.
- ¹⁴⁶ *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер.* Указ. соч. С. 173.
- ¹⁴⁷ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 237. Л. 404; Ф. 8043. Оп. 11. Д. 17. Л. 200.
- ¹⁴⁸ Там же. Ф. 8043. Оп. 11. Д. 17. Л. 40.
- ¹⁴⁹ Там же. Л. 38–39; Ф. 7846. Оп. 3. Д. 237. Л. 233–234, 393.
- ¹⁵⁰ РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 11. Д. 17. Л. 38–39.
- ¹⁵¹ Государственный архив Пензенской области (далее ГАПО). Ф. Р. 224. Оп. 1. Д. 38. Л. 107.
- ¹⁵² РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 1. Д. 237. Л. 325.
- ¹⁵³ О повсеместном распространении этой формы борьбы земледельцев см.: *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер.* Указ. соч. С. 175.
- ¹⁵⁴ Там же.
- ¹⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 232. Л. 28–29.
- ¹⁵⁶ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 1522. Л. 216 об.
- ¹⁵⁷ Из письма Шолохова Сталину 4 апреля 1933 года // Вопросы истории. 1994. № 3.
- ¹⁵⁸ Там же.
- ¹⁵⁹ *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер.* Указ. соч. С. 176.
- ¹⁶⁰ Там же. О подобном «аргументе» в пользу того, что крестьянская лень является причиной голода, см.: *Ronald E. Seavoy.* Famine in Peasant Society. New York, 1986.
- ¹⁶¹ *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер.* Указ. соч. С. 176.
- ¹⁶² Там же.
- ¹⁶³ Там же. С. 176–177.
- ¹⁶⁴ «Народный следователь», работавший в Лабинском районе в марте 1932 г., например, подтвердил существование многочисленных случаев заболеваемости колхозников на почве истощения. Многие колхозники в так называемых черно-досочных хозяйствах Ейского района (после выполнения государственных заданий лета 1933 года) проели заработанные средства к январю 1934 г. и снова оказались в крайне тяжелом состоянии из-за недоедания. См.: *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер.* Указ. соч. С. 177.

- ¹⁶⁵ Голод 1932–1933 годов на Украине: Свидетельствуют архивные документы // Под знаменем ленинизма. 1990 (апрель). № 8. С. 69.
- ¹⁶⁶ Процент вышедших на работы в колхоз колебался от 80 до 100 %
Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 177.
- ¹⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 112. Оп. 29. Д. 18. Л. 26 об.
- ¹⁶⁸ *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер.* Указ. соч. С. 178.
- ¹⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 112. Оп. 29. Д. 185. Л. 50.
- ¹⁷⁰ Из письма Шолохова Сталину 4 апреля 1933 года.
- ¹⁷¹ *Ивницкий Н. А.* Голод 1932–1933 годов: кто виноват? С. 59.
- ¹⁷² *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер.* Указ. соч. С. 179.
- ¹⁷³ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 1. Д. 237. Л. 250, 257, 281, 305–306, 338.
- ¹⁷⁴ Там же. Л. 305.
- ¹⁷⁵ Там же. Л. 407; Д. 238. Л. 11. Эти цифры, конечно, приближительны.
- ¹⁷⁶ *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер.* Указ. соч. С. 179
- ¹⁷⁷ Там же.
- ¹⁷⁸ План хлебозаготовок в округе был такой же, как в 1931 г. См.: *Осколков Е. Н.* Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 г. в Северо-Кавказском крае. С. 47–49. Историю с Котовым пересказал также *И. И. Алексеенко.* См.: *Алексеенко И. И.* Репрессии на Кубани и Северном Кавказе в 30-е гг. XX века. Краснодар, 1993. С. 37–38.
- ¹⁷⁹ См.: *Зеленин И. Е.* О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации // История СССР. 1989. № 2. С. 9; *Осколков Е. Н.* Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 г. в Северо-Кавказском крае. С. 46; *Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 гг. в Поволжье // Вопросы крестьяноведения. Вып. 3. С. 97; *D. Penner.* The «Agrarian Strike» of 1932–1933. P. 18.
- ¹⁸⁰ *Зеленин И. Е.* О некоторых «белых пятнах». С. 9.
- ¹⁸¹ *Petro Dolyna.* Famine as Political Weapon, in *The Black Deeds of the Kremlin: A White Book.* Ed. S. O. Pidhainy, vol. 2. Detroit, 1955. P. 25–6; *Dolot, Miron.* Execution by Hunger: The Hidden Holocaust. New York, 1985. P. 168–170; Автор книги беседовал с очевидцами событий 1932–1933 гг., которые утверждали, что их семьи спаслись от голодной смерти благодаря спрятанному зерну. Шиллер, не симпатизирующий коммунистам, также признает широко распространенные факты воровства в указанный период; *Carynnyk, Marco, Lubomyr Y. Luciuk and Bohdan S. Kordan.* Eds.

The Foreign Office and the Famine: British Documents on Ukraine and the Great Famine of 1932–1933. P. 262–263.

- ¹⁸² *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 180–181.*
- ¹⁸³ Там же. С. 181.
- ¹⁸⁴ Там же. С. 182.
- ¹⁸⁵ Там же. С. 183.
- ¹⁸⁶ Главным, большим вопросом во взаимоотношениях казаков, крестьян и иногородних был земельный. Именно из-за земли произошел основной раскол на Дону и Кубани в годы Гражданской войны, когда согласно большевистскому декрету о земле и другим законам Советского правительства ее стали делить по трудовой норме среди всех категорий сельского населения.
- ¹⁸⁷ Его речь была встречена бурными аплодисментами. См.: *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 183.*
- ¹⁸⁸ Там же. С. 184. Под «бесполезными элементами» Югаров подразумевал в первую очередь казаков, вернувшихся из эмиграции.
- ¹⁸⁹ Там же. С. 184.
- ¹⁹⁰ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 215. Л. 74.
- ¹⁹¹ *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 184.*
- ¹⁹² Там же. С. 185.
- ¹⁹³ Там же. С. 186.
- ¹⁹⁴ О выполнении продразверстки в Поволжье в 1919–1920 годах см.: *Кондрашин В. В. Крестьянское движение в Поволжье в 1919–1921 годах. М., 2001. С. 85–97.*
- ¹⁹⁵ Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 453–454.
- ¹⁹⁶ Первый Всесоюзный съезд колхозников-ударников. Стенограф. отчет. М.–Л., 1933. С. 115.
- ¹⁹⁷ СЗ СССР. 1932. Ст. 360.
- ¹⁹⁸ Поволжская правда. 1932. 16 окт. Государственный архив Самарской области (ГАСО). Ф. Р.–779. Оп. 2. Д. 886. Л. 104–107.
- ¹⁹⁹ Там же. 24 ноября.
- ²⁰⁰ *Кондрашин В. В. Голод в крестьянском менталитете // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). Материалы международной конференции. М., 1996. С. 123.*
- ²⁰¹ *Он же. Голод 1932–1933 гг. в деревне Поволжья (свидетельства очевидцев) // Проблемы устной истории в СССР (Тезисы научной конференции). 28–29 ноября 1989 г. в городе Кирове. Киров, 1990. С. 22.*

- ²⁰² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 514. Л. 19–21.
- ²⁰³ Волжская коммуна. 1932. 27 окт.
- ²⁰⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3781. Л. 76. В. В. Кондрашин, как очевидец, еще раз свидетельствует, что на международной конференции в Киеве в сентябре 1993 года, приуроченной к 60-летию голода на Украине, Е. Н. Осколков в своем выступлении специально подчеркнул факт массовых репрессий в 1932–1933 годах в Северо-Кавказском крае в отношении коммунистов, противодействовавших хлебозаготовкам и политике партии. Он назвал цифру не менее 70 тысяч членов партии, «вычищенных» из ее рядов в ходе борьбы с «кулацким саботажем». Евгений Николаевич не побоялся в атмосфере антироссийских и антикоммунистических настроений заявить, что этих коммунистов следует также учитывать при определении числа пострадавших сельских жителей в 1932–1933 годах.
- ²⁰⁵ ГАПО. Ф. Р.–262. Оп. 1. Д. 37. Л. 4.
- ²⁰⁶ Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 573–574.
- ²⁰⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 904. Л. 11; Д. 905. Л. 12; Оп. 21. Д. 3663. Л. 129.
- ²⁰⁸ Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 576.
- ²⁰⁹ Там же. С. 577.
- ²¹⁰ Там же. С. 586–587.
- ²¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3377. Л. 84; Д. 55. Л. 1, 2, 71; Д. 3366. Л. 128–132.
- ²¹² Там же. Ф. 81. Оп. 3. Д. 214. Л. 10; *Феликс Чуев*. Так говорил Каганович: Исповедь сталинского апостола. М., 1992. С. 103.
- ²¹³ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 214. Л. 10.
- ²¹⁴ Там же. Л. 21.
- ²¹⁵ *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер*. Указ. соч. С. 191.
- ²¹⁶ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 3. С. 584–585, 610–613.
- ²¹⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 45. Л. 62.
- ²¹⁸ Вопросы истории. 1994. № 3. С. 3.
- ²¹⁹ Там же. 1994. № 3. С. 7–18.
- ²²⁰ ЦДНИОО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 338. Л. 85.
- ²²¹ ЦДНИСарО. Ф. 470. Оп. 5. Д. 10. Л. 43.
- ²²² Борьба. 1932. 10, 17 нояб.
- ²²³ Волжская коммуна. 1932. 18 нояб.

- 224 Там же. 12–14 ноября; Борьба. 1932. 30 нояб.; Саратовский рабочий. 1933. 2 янв.; Поволжская правда. 1933. 6 апр.
- 225 Рабочая Пенза. 1933. 2, 14 февр.
- 226 Волжская коммуна. 1932. 27 окт.
- 227 *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер*. Указ. соч. С. 197.
- 228 Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 579.
- 229 Поволжская правда. 1932. 26 нояб.
- 230 Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 578.
- 231 Там же. С. 575.
- 232 Поволжская правда. 1933. 22 июня.
- 233 Борьба. 1932. 23 дек.
- 234 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3768. Л. 118об., 129, 130об., 148, 153.
- 235 Там же. Л. 115об.
- 236 Там же.
- 237 ЦДНИСО. Ф. 470. Оп. 5. Д. 15. Л. 115.
- 238 Поволжская правда. 1932. 3 дек.
- 239 Там же.
- 240 *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер*. Указ. соч. С. 200.
- 241 Борьба. 1932. 23 дек.
- 242 *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер*. Указ. соч. С. 200–201.
- 243 Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 597.
- 244 Там же. С. 598–601.
- 245 ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 880. Л. 7–9.
- 246 *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер*. Указ. соч. С. 202.
- 247 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 913. Л. 11, 38–39. П. 45/25; Оп. 167. Д. 36 Л. 262; ЦДНИВО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 183. Л. 74.
- 248 РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 8. Д. 4. Л. 4–5.
- 249 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3364. Л. 22, 257; Оп. 26. Д. 66. Л. 2, 5, 16.
- 250 Поволжская правда. 1933. 22 июня.
- 251 Нева. 1989. № 9. С. 134.
- 252 ЦДНИВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 17. Л. 198.
- 253 Там же. Ф. 10474. Оп. 1. Д. 248. Л. 50.
- 254 *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер*. Указ. соч. С. 204.
- 255 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3768. Л. 139, 153.
- 256 ЦДНИВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 17. Л. 198.
- 257 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3769. Л. 9, 13–13об.

- 258 Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 625.
- 259 *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер*. Указ. соч. С. 205.
- 260 Комсомольская правда. 1990. 3 фев.
- 261 ЦДНИСО. Ф. 470. Оп. 5. Д. 10. Л. 23.
- 262 Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 610.
- 263 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 37. Л. 8.
- 264 Там же. Л. 9.
- 265 Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 631.
- 266 РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 111а. Л. 6–7, 11–12.
- 267 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3378. Л. 10.
- 268 Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 701.
- 269 Там же. С. 706.
- 270 Там же. С. 710–711.
- 271 Там же. С. 721.
- 272 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 14. Л. 122.
- 273 Расчеты произведены нами исходя из цифр реально убранного урожая и выполненного плана хлебозаготовок (урожай — 566 млн центнеров, сниженный план хлебозаготовок — 221 млн центнеров).
- 274 См.: *Кондрашин В. В.* Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг. С. 94–97, 342–343.
- 275 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3757. Л. 106.
- 276 Нижнее Поволжье. Социально-экономическая справочная книга. Сталинград, 1934. С. 230.
- 277 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 159. Л. 182, 184; Д. 224. Л. 14–16; Д. 226. Л. 30, 31, 36, 37, 39.
- 278 На эту тему спорил с Молотовым — пенсионером историк Ш. И. Кванталиани в 1970–1977 гг., обсуждая не совсем обоснованные расходы СССР на содержание Вьетнама, Кубы и т. д.; см.: *Feliks Chuev*. *Molotov Remembers: Inside Kremlin Politics: Conversations with Felix Chuev*, ed. *Albert Resis*. Chicago, 1993. P. 302, 388.
- 279 *Он же*. Так говорил Каганович: Исповедь сталинского апостола. М., 1992. С. 59.
- 280 *Feliks Chuev*, *Molotov Remembers: Inside Kremlin Politics: Conversations with Felix Chuev*, ed. *Albert Resis*. Chicago, 1993. P. 18–19, 45, 51, 62, 184, 251–253, 368, 376.
- 281 Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001. С. 129.

- ²⁸² О планах и действиях японского империализма см.: *Colonial Modernity in Korea*. Ed. *Gi-Wook Shin* and *Michael Robinson*. Cambridge, Mass., 1999; *Yoshihisa Tak Matsusaka*. The Making of Japanese Manchuria, 1904–1932. Cambridge, Mass., 2001; *Louise Young*. Japan's Total Empire: Manchuria and the Culture of Wartime Imperialism. Berkeley, 1998; *Parks M. Cobble*, Facing Japan: Chinese Politics and Japanese Imperialism, 1931–1937 Cambridge, Mass., 1991; *Iris Chang*. The Rape of Nanking: The Forgotten Holocaust of World War II. New York, 1997. О связи ситуации в СССР в начале 1930-х годов с событиями в Маньчжурии см.: *Strong, Anna Louise*. I Change Worlds: The Remaking of an American. New York, 1935. P. 374–375. Об осознании Молотовым и Кагановичем факта потенциальной угрозы со стороны фашизма и необходимости подготовки к войне см.: *Feliks Chuev*. Molotov Remembers: Inside Kremlin Politics: Conversations with Felix Chuev, Ed. *Albert Resis*. P. 245; *Феликс Чуев*. Так говорил Каганович: Исповедь сталинского апостола. С. 57–59. О советской внешней политике в начале 1930-х гг. см.: Советская внешняя политика. 1917–1945 гг. (Поиски новых подходов) / Под ред. *Л. Н. Нежинского*. М., 1992. С. 71–76.
- ²⁸³ О действиях Японии в Маньчжурии см.: *Yoshihisa Tak Matsusaka*, The Making of Japanese Manchuria, 1904–1932; *Louise Young*, Japan's Total Empire: Manchuria and the Culture of Wartime Imperialism.
- ²⁸⁴ См. о значении КВЖД в российско-китайских экономических отношениях и развитии русского Дальнего Востока в первой трети XX века: *Лю Ин*. Торгово-экономические связи России и Китая в Маньчжурии и на русском Дальнем Востоке в первой трети XX века // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2001; *Сон До Чжин*. Советско-китайский дипломатический конфликт вокруг КВЖД (1917–1931 гг.) // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М, 1996.
- ²⁸⁵ *Haslam, Jonathan*. The Soviet Union and the Threat from the East, 1933–1941: Moscow, Tokyo, and the Prelude to the Pacific War. Pittsburgh, 1992. P. 5–9.
- ²⁸⁶ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. С. 129, 183–184.
- ²⁸⁷ *Феликс Чуев*. Так говорил Каганович: Исповедь сталинского апостола. С. 57. О военной политике царского самодержавия см.: *Menning*, Bayonets.
- ²⁸⁸ *W. Smith*, Nazi Imperialism, 3, 193.
- ²⁸⁹ *Феликс Чуев*. Так говорил Каганович: Исповедь сталинского апостола. С. 59.

²⁹⁰ *Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 гг. в деревне Поволжья (по свидетельствам очевидцев). С. 22. См. Приложение 2.

Глава 4. Голод

- ¹ *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер.* Голод: 1932–1933 годы в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона и Кубани). Самара–Пенза, 2002. С. 216.
- ² Отечественная история. 1994. № 4. С. 261.
- ³ *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер.* Указ. соч. С. 216.
- ⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 17.
- ⁵ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 42. Л. 149–150.
- ⁶ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 17.
- ⁷ *Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 годов в деревне Поволжья // Дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. С. 128.
- ⁸ Там же. С. 128–129. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 1141. Оп. 14. Д. 8. Л. 55, 91–92об., 228–228об.
- ⁹ Воспоминания записаны директором Степановской школы Бессоновского района Пензенской области, известным краеведом *В. Е. Маляевым* и переданы В.В. Кондрашину.
- ¹⁰ Трагедия советской деревни. Т. 3. М., 2001. С. 648.
- ¹¹ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Т. 3. Кн. 2. М., 2005. С. 354–355.
- ¹² Там же. С. 358–359.
- ¹³ Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 664–665.
- ¹⁴ Там же. С. 665–666.
- ¹⁵ Там же. С. 667–668.
- ¹⁶ Там же. С. 669.
- ¹⁷ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Т. 3. Кн. 2. С. 401.
- ¹⁸ Там же. С. 416–417.
- ¹⁹ Там же. С. 418.
- ²⁰ Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 673–674.
- ²¹ Там же. С. 675.
- ²² Там же. С. 676.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Т. 3. Кн. 2. С. 425.
- ²⁵ Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 677.

- ²⁶ См.: *Цаплин В.* Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 177–178.
- ²⁷ См. подробнее: *Конквест Р.* Обвинение в антикоммунизме лишено оснований // Вопросы истории. 1989. № 3. С. 187.
- ²⁸ *Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 годов в деревне Поволжья // Дис. ... канд. ист. наук. С. 197.
- ²⁹ Там же. С. 199–216.
- ³⁰ Там же. С. 202–203.
- ³¹ Там же. С. 203–204.
- ³² Там же. С. 208.
- ³³ Архив ЗАГС Кондольской администрации Пензенской области. Книга записей актов гражданского состояния о смерти за 1933 год. Акты о смерти по Васильевскому сельсовету.
- ³⁴ Архив ЗАГС Романовской администрации Саратовской области. Книга записей актов гражданского состояния о смерти за 1932–1933 годы по Малощербидинскому сельсовету.
- ³⁵ Архив ЗАГС администрации Пензенской области. Книга записей актов гражданского состояния о смерти за 1933 год по Телегинскому сельсовету. Акты № 83, 93, 95, 96.
- ³⁶ Архив ЗАГС Лысогорской администрации Саратовской области. Книга записей актов гражданского состояния о смерти за 1933 год по селу Озерки. Акт о смерти № 16.
- ³⁷ Архив ЗАГС Красноармейской администрации Саратовской области. Книга записей актов гражданского состояния о смерти за 1933 год по селу Золотое. Акты о смерти № 133, 134.
- ³⁸ Архив ЗАГС Суровикинской администрации Волгоградской области. Книга записей актов гражданского состояния о смерти за 1933 год по В.Аксеновскому сельсовету. Акт о смерти № 9.
- ³⁹ Архив ЗАГС Камешкирской администрации Пензенской области. Акты о смерти за 1932–1933 годы по Ново-Шаткинскому сельсовету.
- ⁴⁰ Архив ЗАГС Котовской администрации Волгоградской области. Акты о смерти за 1932–1933 годы по Котовскому сельсовету.
- ⁴¹ Архив ЗАГС Лысогорской администрации Саратовской области. Акты о смерти за 1932–1933 годы по Неужкинскому сельсовету.
- ⁴² Архив ЗАГС Энгельсской администрации Саратовской области. Акты о смерти за 1932–1933 годы по Генеральскому сельсовету.

- ⁴³ Архив ЗАГС Палласовской администрации Волгоградской области. Книга записей актов гражданского состояния о смерти за 1933 год. Акт о смерти за 1933 год по Гончаровскому сельсовету № 12.
- ⁴⁴ Архив ЗАГС Камышинской администрации Волгоградской области. Книга записей актов гражданского состояния о смерти за 1927–1952 годы. Акт о смерти за 1933 год по селу Сестренки № 106.
- ⁴⁵ Архив ЗАГС Шарлыкской администрации Оренбургской области. Акты о смерти за 1932–1933 годы по селу Зеркло.
- ⁴⁶ Архив ЗАГС Петровской администрации Саратовской области. Книга записей актов гражданского состояния о смерти за 1933 год по селу Кожевино.
- ⁴⁷ Архив ЗАГС Старо-Полтавской администрации Волгоградской области. Книга записей актов гражданского состояния о смерти за 1933 год по селу Иловатка.
- ⁴⁸ ГАРФ. Ф.Р.–1235. Оп. 141. Д. 1521. Л. 30–31об., 86–84, 96, 95, 92; ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 42. Л. 149–150; Д. 47. Л. 24–25; Д. 56. Л. 125–137, 140–141; Д. 880. Л. 44–49.
- ⁴⁹ См. подробнее: *Абылхожин Ж. Б., Козыбаев М. К., Татимов М. Б.* Казахстанская трагедия // Вопросы истории. 1989. № 7.
- ⁵⁰ *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер.* Указ. соч. С. 224–225.
- ⁵¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 38. Л. 288.
- ⁵² *Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 годов в деревне Поволжья // Дис. ... канд. ист. наук. С. 135, 184–185.
- ⁵³ См. подробнее: *Конквест Р.* Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом / Пер. с англ. *И. Козн и Н. Май*; под ред. *М. Хейфеца.* Лондон, 1988. С. 409–410.
- ⁵⁴ *Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 годов в деревне Поволжья // Дис. ... канд. ист. наук. С. 150–151.
- ⁵⁵ История СССР. 1989. № 2. С. 17.
- ⁵⁶ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1025. Л. 29.
- ⁵⁷ *Гущин Н. Я.* Раскулачивание в Сибири (1928–1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск, 1996. С. 133–134.
- ⁵⁸ См.: *R.Conquest.* The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivisation and the terror famine (London: Hutchinson, 1986), 306; *Данилов В. П.* Дискуссия в западной прессе о голоде 1932–1933 гг. и «демографической катастрофе» 30–40-х годов в СССР // Вопросы исто-

- рии. 1988. № 3. С. 118; *James E. Mace*. The Famine of 1933: A Survey of Sources // Famine in Ukraine 1932–1933. (Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies, University of Alberta, 1986), 50; Международная комиссия по расследованию голода на Украине 1932–1933 годов. Итоговый отчет за 1990 год. С. 25–26.
- ⁵⁹ *Зеленин И. Е.* «Революция сверху»: завершение и трагические последствия // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 38; *Ивницкий Н. А.* Голод 1932–1933 гг.: кто виноват? // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 361; *Жиромская В. Б.* Голодная правда (интервью) // Российская газета. 2006. 6 дек. С. 9.
- ⁶⁰ *Данилов В. П.* Дискуссия в западной прессе о голоде 1932–1933 гг. и «демографической катастрофе» 30–40-х годов в СССР // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 119; *Он же.* Коллективизация сельского хозяйства в СССР // История СССР. 1990. № 5. С. 27; *Осокина Е. А.* Жертвы голода 1933 года: сколько их? (Анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР) // История СССР. 1991. № 5. С. 23; *Stephen G. Wheatcroft*. More light on the scale of repression and excess mortality in the Soviet Union in the 1930s // Stalinist Terror: new perspectives. Ed. by *J. Arch Getty* and *Roberta T. Manning*. Cambridge University Press, 1993. P. 280, 290; The economic transformation of the Soviet Union. 1913–1945. Ed. by *R. W. Davies*, *M. Harrison* and *S. G. Wheatcroft*. Cambridge. University Press, 1994. P. 74–76. Позднее С. Уиткрофт подкорректировал свои расчеты и определил число жертв голода в СССР в пределах 6–7 млн человек, в том числе 3,5–4 млн — на Украине. См.: *С. Уиткрофт*. О демографических свидетельствах трагедии советской деревни в 1931–1933 гг. // Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 866–887.
- ⁶¹ *Кульчицкий С. В.* Трагедия, которая могла не случиться // Правда Украины. 1988. 16 окт.; *Он же.* Демографические последствия голода 1933 г. на Украине // Тезисы докладов и сообщений VII Всесоюзной конференции по исторической демографии. Ч. 1. Донецк, 14–16 мая 1991 г. М., 1991. С. 38–39; *Он же.* Террор голодом як інструмент колективізації сільського господарства // Голодомор 1932–1933 рр. в Україні: причини і наслідки. Міжнародна наукова конференція. Київ, 9–10 вересня 1993 р. Матеріали. Київ, 1995. С. 34.
- ⁶² *Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 гг. в Поволжье // Вопросы крестьяноведения. Вып. 3. Саратов, 1996. С. 99.

- ⁶³ *Осколков Е. Н.* Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 года в Северо-Кавказском крае. Ростов-на-Дону, 1991. С. 51, 55–56, 59, 62.
- ⁶⁴ Отечественная история. 1994. № 4. С. 261.
- ⁶⁵ *Загоровский П. В.* Социально-экономические последствия голода в Центральном Черноземье в первой половине 1930-х годов. Воронеж, 1998. С. 70, 78, 80, 85.
- ⁶⁶ *Исупов В. А.* Смертность населения Западной Сибири (1932–1933 гг.) // Тезисы докладов и сообщений VII Всесоюзной конференции по исторической демографии. Ч. 1. С. 45.
- ⁶⁷ Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 880.
- ⁶⁸ *Абылхожин Ж. Б., Козыбаев М. К., Татимов М. Б.* Казахская трагедия // Вопросы истории. 1989. № 7. С. 67; *Алексеев А. Н.* Голод начала 30-х гг. в Казахстане (Методика определения числа пострадавших // Историческая демография: новые подходы, методы, источники. Тезисы VIII Всероссийской конференции по исторической демографии. Екатеринбург, 13–14 мая 1992 г. М., 1992. С. 76–78; Отечественная история. 1994. № 6. С. 259.
- ⁶⁹ См. о работах на эту тему: *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер.* Указ. соч. С. 232.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ Там же. С. 233.
- ⁷² РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 214. Л. 9.
- ⁷³ *Feliks Chuev.* Molotov Remembers: Inside Kremlin Politics: Conversations with Felix Chuev. Ed. *Albert Resis.* Chicago, 1993. P. 127, 199, 201.
- ⁷⁴ *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер.* Указ. соч. С. 234.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 5665. Л. 67; ЦДНПО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 348. Л. 154.
- ⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3769. Л. 43.
- ⁸⁰ Там же. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3773. Л. 23об.; ГАПО. Ф. П 206. Оп. 1. Д. 72. Л. 4–5; Филиал ГАСО в г. Энгельсе. Ф. 8490. Оп. 1. Д. 791. Л. 69; Д. 949. Л. 26.
- ⁸¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 14. Л. 64, 99, 122.
- ⁸² ГАПО. Ф. П 224. Оп. 1. Д. 58. Л. 2–2об., 3.

- 83 Там же. Ф. П 245. Оп. 1. Д. 51. Л. 5; ЦДНИСарО. Ф. 470. Оп. 6. Д. 8. Л. 3.
- 84 РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 8. Д. 6. Л. 51.
- 85 ЦДНИВО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 36. Л. 42.
- 86 ЦДНИСарО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 344. Л. 1.
- 87 Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 574–575.
- 88 *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер*. Указ. соч. С. 238.
- 89 Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 862.
- 90 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 14. Л. 106, 109.
- 91 Там же. Л. 122.
- 92 Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936. М., 2001. С. 403–404.
- 93 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 933. Л. 23. П. 115/95.
- 94 Там же. Оп. 167. Д. 40. Л. 177.
- 95 Там же. Оп. 162. Д. 15. Л. 117. П. 68/48.
- 96 Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 63. Л. 118.
- 97 *Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 годов в деревне Поволжья: Дис. ... канд. ист. наук. С. 162.
- 98 Там же. С. 162–163.
- 99 ГАРФ. Ф. Р–1235. Оп. 141. Д. 1521. Л. 126–123.
- 100 Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 704–705.
- 101 ЦДНИСарО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 334. Л. 2об.
- 102 ГАПО. Ф. П 206. Оп. 1. Д. 72. Л. 85.
- 103 Там же.
- 104 Там же.
- 105 ЦДНИВО. Ф. 10474. Оп. 1. Д. 333. Л. 96.
- 106 Там же. Ф. 18. Оп. 1. Д. 19. Л. 27.
- 107 См. подробнее: *Хенкин Е. М.* Очерки истории борьбы советского государства с голодом (1921–1922). Красноярск, 1988.
- 108 О дискуссиях по вопросу о значении термина «кулак» см.: *Teodor Shanin*. Russia as a «Developing Society» // The Roots of Otherness: Russia's Turn of Century. Vol. 1 (New Haven and London, 1986). P. 156–158; *Cathy A. Frierson*, Peasant Icons: Representations of Rural People in Late Nineteenth-Century Russia (New York and Oxford, 1993). P. 139–160; *Moshe Lewin*, The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia (London, 1985). P. 121–41; Коллективизация: истоки, сущность, последствия.

- Беседа за «круглым столом» // История СССР. 1989. № 3. С. 51–55; *Анфимов А. М., Вылцан М. А.* Российский кулак: реальная фигура или идеологический миф? // Новые страницы истории Отечества: Межвузовский сборник научных трудов. Пенза, 1992. С. 143–149; и др.
- ¹⁰⁹ См. подробнее: *Ивницкий Н. А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994. С. 95–112.
- ¹¹⁰ Там же. С. 108.
- ¹¹¹ У Д. Пеннер они названы «defiant» (по-русски «пероконные» или «бросившие вызов») казаками. См. об этом подробнее: *D'Ann R. Penner. Pride, Power, and Pitchforks: A Study of Farmer-Party Interaction on the Don, 1920–1928* (Ph.D. diss., Univ. of California at Berkeley, 1995). Chapter 6; *Она же.* «Взаимоотношения между донскими и кубанскими казаками и Коммунистической партией, 1920–32» // Голос веков. 1996. Ноябрь. С. 23–26.
- ¹¹² См.: *Каганович Лазарь.* Памятные записки. М, 1997. С. 15.
- ¹¹³ См.: *Feliks Chuev, Molotov Remembers: Inside Kremlin Politics: Conversations with Felix Chuev*, 254, 279; *Феликс Чуев.* Так говорил Каганович: Исповедь сталинского апостола. М., 1992. С. 36, 45.
- ¹¹⁴ *Феликс Чуев.* Так говорил Каганович: Исповедь сталинского апостола. С. 36.
- ¹¹⁵ РГАСПИ. Ф. 112. Оп. 29. Д. 1. Л. 102.
- ¹¹⁶ *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер.* Указ. соч. С. 244.
- ¹¹⁷ Там же.
- ¹¹⁸ Там же.
- ¹¹⁹ Там же; о дореволюционной традиции оказания помощи нуждающимся в староверческих общинах на Дону см.: *Харузин М.* Сведения о казацких общинах на Дону. М., 1885. С. 376.
- ¹²⁰ *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер.* Указ. соч. С. 245.
- ¹²¹ Там же.
- ¹²² Там же.
- ¹²³ *Кондрашин В. В.* История села Лох // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1997. М., 1997. С. 187.
- ¹²⁴ Там же.
- ¹²⁵ Там же.
- ¹²⁶ *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер.* Указ. соч. С. 246.
- ¹²⁷ Там же. С. 247.
- ¹²⁸ Там же.

- ¹²⁹ Там же.
- ¹³⁰ Случай с Рябинским — еще один аргумент в пользу суждения О. Файджеса о том, что «демобилизованные были самой важной зарождающейся подгруппой в революционной деревне»; Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 248.
- ¹³¹ Там же.
- ¹³² См.: *D'Ann R. Penner. Pride, Power, and Pitchforks: A Study of Farmer-Party Interaction on the Don, 1920–1928. Chapter 5.*
- ¹³³ См. подробнее: *Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов в деревне Поволжья: Дис. ... канд. ист. наук. С. 142.*
- ¹³⁴ См. подробнее: *Кондрашин В. В. Статья В. О. Ключевского «Добрые люди древней Руси»: о благотворительности в истории России // В. О. Ключевский и современность (Тезисы докладов на Всесоюзных научных чтениях, посвященных 150-летию со дня рождения выдающегося историка). Пенза, 1991. С. 93–95. Интересным исследованием об отношении в дореволюционной России государства и высшего класса к благотворительности и нищенству см. подробнее: *Adele Lindenmeyr. Poverty is Not a Vice: Charity, Society and the State in Imperial Russia (Princeton, 1996).**
- ¹³⁵ Крестьяне, по крайней мере в дореволюционном Смоленске, начинали заниматься нищенством перед распродажей личного имущества и рабочего инвентаря.
- ¹³⁶ *Энгельгард А. Н. Из деревни: 12 писем, 1872–87. М., 1960. С. 114–116; Заблоцкий М., Десятовский. Граф П. Д. Киселев и его время: материалы для истории императоров Александра I, Николая I и Александра II, Т. IV. С.-Пб., 1882. С. 301.*
- ¹³⁷ *Энгельгард А. Н. Из деревни: 12 писем, 1872–87. С. 114–116.*
- ¹³⁸ РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 419. Л. 63.
- ¹³⁹ *Харитонов С. Экономическое положение донского казачества // Новое слово. 1896. Октябрь. № 1. С. 176–182.*
- ¹⁴⁰ *Номикосов С. Общинное землевладение в Донецком крае // Северный вестник. 1889. № 7. С. 50–51.*
- ¹⁴¹ *Харузин М. Сведения о казацких общинах на Дону. С. 282.*
- ¹⁴² *Хлыстов И. Р. К вопросу о внутренних противоречиях среди донского казачества (конец XIX века) // Ученые записки Ростовского-на-Дону государственного университета. 1958. № 3. С. 98.*
- ¹⁴³ Там же. С. 98–99; *Золотов В. А. Аграрные отношения на Дону в 1907–1917 годах // Очерки экономического развития Дона (1861–1907). Ростов, 1960. С. 40.*

- ¹⁴⁴ Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 252.
- ¹⁴⁵ См.: Письмо Шолохова Сталину 4 апреля 1933 // Вопросы истории. 1994. № 3. С. 14; *Robert Conquest. The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivisation and the terror-famine.* New York; Oxford, 1986. P. 246; *Oral Histories, Investigation of the Ukrainian Famine 1932–1933: Report to Congress.* Washington, 1988. P. 237, 393, 271, 296.
- ¹⁴⁶ См.: Письмо Шолохова Сталину 4 апреля 1933 // Вопросы истории. 1994. № 3. С. 14.
- ¹⁴⁷ Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 252.
- ¹⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 232. Л. 59–59об.
- ¹⁴⁹ Каганович Лазарь. Памятные записки. С. 33.
- ¹⁵⁰ *Feliks Chuev. Molotov Remembers: Inside Kremlin Politics: Conversations with Felix Chuev.* Ed. *Albert Resis.* Chicago, 1993. P. 46, 78, 107, 389.
- ¹⁵¹ Каганович Лазарь. Памятные записки. С. 160.
- ¹⁵² Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 254.
- ¹⁵³ Там же. С. 255.
- ¹⁵⁴ Там же.
- ¹⁵⁵ Там же. С. 256.
- ¹⁵⁶ Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов в деревне Поволжья // Дис. ... канд. ист. наук. С. 141–142.
- ¹⁵⁷ Англичане, например, использовали искусственно организованный голод в качестве оружия против зулусов. См. публикации на эту тему: Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 258–259.
- ¹⁵⁸ Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 259.
- ¹⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 141. Л. 74.
- ¹⁶⁰ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 1522. Л. 139.
- ¹⁶¹ Там же.
- ¹⁶² РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 8. Д. 4. Л. 70 - 72.
- ¹⁶³ Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 259.
- ¹⁶⁴ На эту тему см.: *Lynne Viola. Best Sons.* P. 212; *Она же. Bab'i Bunty and Peasant Women's Protest During Collectivization* // *Russian Peasant Women*, ed. *Beatrice Farnsworth and Lynne Viola.* Oxford, 1992. P. 195. О подобной ситуации в 1928 году см.: *Демидов В. В. Хлебозаготовительная кампания 1927/28 г. в сибирской деревне* // *Актуальные проблемы истории советской Сибири.* Новосибирск, 1990. С. 138.

- 165 Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 260.
- 166 Там же. С. 261.
- 167 Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001. С. 299.
- 168 РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 215. Л. 11.
- 169 См.: Зеленин И. Е., Ивницкий Н. А., Кондрашин В. В., Осолов Е. Н. О голоде 1932–1933 годов и его оценке на Украине // Отечественная история. 1994. № 6. С. 258–260.
- 170 Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 261. В условиях разрухи и сильнейшей засухи 1921 г. у крестьян имелась возможность свободного передвижения в поисках работы на промышленных предприятиях страны.
- 171 Там же. С. 262.
- 172 О мелком воровстве в голодающих селениях Дона в 1921–1922 гг., разгромах бандами базаров, общественных амбаров и мельниц, столкновениях на этой почве между крестьянами и между повстанцами и войсками см.: Филипп Миронов. (Тихий Дон в 1917–1921 гг.). Документы и материалы / Под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М., 1997. С. 614, 618. Об этом же в деревнях Поволжья см.: Кондрашин В. В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 годах. М., 2001. С. 330–347.
- 173 Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 264.
- 174 Там же. С. 265.
- 175 Там же.
- 176 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 45. Л. 106–107.
- 177 Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 636–637.
- 178 Там же. С. 638.
- 179 Там же. С. 644.
- 180 Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Т. 3. Кн. 2. С. 327.
- 181 История СССР. 1989. № 3. С. 46; Отечественная история. 1994. № 6. С. 259; Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). С. 204.
- 182 См.: Важнейшие решения по сельскому хозяйству. М., 1935. С. 443–444.
- 183 Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР. 1932. № 84. Ст. 516–517; 1933. № 3. Ст. 22.
- 184 См. подробнее: Осокина Е. А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. М., 1993.
- 185 Саратовский рабочий. 1933. 23 марта.

- ¹⁸⁶ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 23. Д. 18. Л. 56; Ахив бюро ЗАГС Ртищевской городской администрации Саратовской области. Книга записей актов гражданского состояния о смерти за 1933 год по г. Ртищево. Акты о смерти № 297, 386; Архив бюро ЗАГС Орской городской администрации Оренбургской области. Книга записей актов гражданского состояния о смерти за 1933 год по г. Орску. Акт о смерти № 53; и др.
- ¹⁸⁷ ГАРО. Ф.Р-1485. Оп. 8. Д. 286. Л. 12.
- ¹⁸⁸ Архив ЗАГС Петровской администрации Саратовской области. Книга записей актов гражданского состояния о смерти за 1933 год по селу Кожевино
- ¹⁸⁹ Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 267.
- ¹⁹⁰ ГАРФ. Ф.Р-5446. Оп. 26. Д. 81. Л. 115; Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. С. 300.
- ¹⁹¹ Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 635.
- ¹⁹² Там же. С. 635.
- ¹⁹³ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. С. 179.
- ¹⁹⁴ Там же. С. 188.
- ¹⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 214. Л. 11.
- ¹⁹⁶ Каганович Лазарь. Памятные записки. С. 54.
- ¹⁹⁷ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. С. 277; *Ивницкий Н. А.* Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М., 2000. С. 255.
- ¹⁹⁸ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 214.
- ¹⁹⁹ Голод 1932–1933 годов на Украине: Свидетельствуют архивные документы // Под знаменем ленинизма. 1990. Апрель. № 8. С. 69.
- ²⁰⁰ Истощенных голодных детей, например, в 1922 г. убирали с городских улиц, потому что «это раздражало» чувства «проходящих», и контрреволюция «играла на этих случаях».
- ²⁰¹ *Ивницкий Н. А.* Голод 1932–1933 годов: кто виноват // Голод 1932–1933 годов: Сб. ст. / Отв. ред., вступит. статья Ю. Н. Афанасьева. М., 1995. С. 47.
- ²⁰² Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 271.
- ²⁰³ Там же.
- ²⁰⁴ Там же.
- ²⁰⁵ Там же; *Осколков Е. Н.* Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 г. в Северо-Кавказском крае. Ростов-на-Дону, 1991. С. 77; *Осокина Е. А.* Иерархия потребления. С. 61.

- 206 Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 272.
- 207 Там же.
- 208 Там же.
- 209 Там же.
- 210 Там же.
- 211 Там же.
- 212 *Feliks Chuev*. Molotov Remembers: Inside Kremlin Politics: Conversations with Felix Chuev. P. 379–380.
- 213 О ситуации в Северной Корее см.: *Mike Aaltola*. Emergency Food Aid as a Means of Political Persuasion in the North Korean Famine // Third World Quarterly 20. N. 2 (1999). P. 371–86.
- 214 Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 274.
- 215 Там же.
- 216 Там же. С. 275.
- 217 Там же. О борьбе с конокрадами в дореволюционной России см.: *Stephen P., Frank*. Crime, Cultural Conflict, and Justice in Rural Russia, 1856–1914. Berkeley and Los Angeles, 1999. P. 264–269.
- 218 Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 275.
- 219 Там же.
- 220 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 16. Л. 77.
- 221 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 78. Л. 26.
- 222 ЦДНИВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 19. Л. 24–27.
- 223 РГАСПИ. Ф. 112. Оп. 32. Д. 45. Л. 20–20об.
- 224 Там же. Оп. 31. Д. 65. Л. 80.
- 225 Записано со слов директора Степановской школы Бессоновского района Пензенской области *В.Е. Маляева*.
- 226 ЦДНИВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 342. Л. 13.
- 227 ГАСО. Ф. 522. Оп. 1. Д. 297. Л. 97.
- 228 См.: *Алексеев М. Н.* Драчуны. М., 1982. С. 264.
- 229 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 18. Л. 21–22.
- 230 См. подробнее.: *Алексеев М. Н.* Драчуны. Роман-газета. 1982. № 10–11. С. 110.
- 231 См., напр.: Итоги выполнения народно-хозяйственного плана по торговле и снабжению. Бюллетень № 8 (20). С. 86–91; Бюллетень № 6 (18). С. 170–173, 176–177, 180, 181, 185–186; Бюллетень № 10. С. 120, 124, 126, 128, 131, 136, 138, 139, 140, 141, 144, 146, 147, 150, 151, 154.

- ²³² РГАСПИ. Ф. 112. Оп. 32. Д. 85. Л. 65.
- ²³³ Там же. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3131. Л. 181; ЦДНИОО. Ф. 969. Оп. 3. Д. 88. Л. 101–102.
- ²³⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3782. Л. 91; см. также: Когда мы были молоды. Саратов, 1990. С. 9.
- ²³⁵ Там же. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3782. Л. 92.
- ²³⁶ Там же. Д. 3132. Л. 131–132.
- ²³⁷ Там же. Д. 3782. Л. 154–155; ЦДНИОО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 391. Л. 21.
- ²³⁸ См. об этом подробнее: *Кондрашин В. В., Пеннер Д.* Указ. соч. С. 393–394.
- ²³⁹ Там же.
- ²⁴⁰ См.: 33-й: голод: Народна Книга — Меморіал / Упоряд.: Л. Б. Коваленко, В. А. Маняк. Київ, 1991.
- ²⁴¹ *Кондрашин В. В., Пеннер Д.* Указ. соч. С. 191, 202.
- ²⁴² Там же. С. 258–259.
- ²⁴³ См.: Шолохов и Сталин: Переписка начала 30-х годов // Вопросы истории. 1994. № 3. С. 3–24.
- ²⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3776. Л. 60; Ф. 631. Оп. 5. Д. 53. Л. 92об., 117, 119, 125; *Кондрашин В. В., Пеннер Д.* Указ. соч. С. 190.
- ²⁴⁵ См.: *Абылхожин Ж. Б., Козыбаев М. К., Татимов М. Б.* Казахстанская трагедия. // Вопросы истории. 1989. № 7. С. 55–71.
- ²⁴⁶ *Кондрашин В. В., Пеннер Д.* Указ. соч. С. 226–227.
- ²⁴⁷ См.: Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. С. 145, 164, 169, 179.
- ²⁴⁸ Там же; *Кондрашин В. В., Пеннер Д.* Указ. соч. С. 159–161.
- ²⁴⁹ См.: *Ленин В. И.* Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М., 1999. С. 516–523.
- ²⁵⁰ См.: Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 421, 443, 445, 577.
- ²⁵¹ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. С. 179.
- ²⁵² *Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 годов в российской деревне. Учебное пособие к спецкурсу. Пенза, 2003. С. 116.
- ²⁵³ См.: *Ивницкий Н. А.* Голод 1932–1933 годов: кто виноват? // Голод 1932–1933 годов. М., 1995. С. 56–57.
- ²⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 64. Л. 35.
- ²⁵⁵ Там же. Ф. 17. Оп. 167. Д. 38. Л. 96.
- ²⁵⁶ Там же. Оп. 3. Д. 923. Л. 17, 41.

- ²⁵⁷ Там же. Л 12.
- ²⁵⁸ Там же. Оп. 3. Д. 937. Л. 8, 68–69. П. 27/8.
- ²⁵⁹ Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 206.
- ²⁶⁰ См.: *Уиткрофт С.* О демографических свидетельствах трагедии советской деревни в 1931–1933 гг. // Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 866–887.
- ²⁶¹ Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М., 1991. С. 25, 49, 51.
- ²⁶² *Зеленин И. Е.* Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М., 2006. С. 120.

Глава 5. Выход из голодного кризиса

- ¹ См. подробнее.: *Кондрашин В. В.* Статья В. О. Ключевского «Добрые люди древней Руси» о благотворительности в истории России // В. О. Ключевский и современность (Тезисы докладов на Всесоюзных научных чтениях, посвященных 150-летию со дня рождения выдающегося историка). Пенза, 1991. С. 93–95.
- ² См.: *Толстой Л. Н.* Голод. М., 1906; *Поляков Ю. А.* 1921 год. Победа над голодом. М., 1975; *Хенкин Е. М.* Очерки истории борьбы советского государства с голодом (1921–1922). Красноярск, 1988; *Цихелашвили Н. Ш., Дэвид Ч., Энгерман Д.* Американская помощь России в 1921–1923 годах: Конфликты и сотрудничество // Американский ежегодник. 1995. М., 1996. С. 207.
- ³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 14. Л. 108.
- ⁴ *Ивницкий Н. А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994. С. 203.
- ⁵ Трагедия советской деревни. Т. 3. М., 2001. С. 639.
- ⁶ ЦДНИОО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 90. Л. 218.
- ⁷ *Ивницкий Н. А.* Голод 1932–1933 гг.: кто виноват // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 355.
- ⁸ Правда. 1964. 26 мая.
- ⁹ Вопросы истории. 1989. № 7. С. 69–70.
- ¹⁰ *Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 годов в деревне Поволжья // Дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. С. 152.
- ¹¹ Международная комиссия по расследованию голода на Украине 1932–1933 годов. Киев, 1990. С. 54.

- ¹² *Осколков Е. Н.* Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 года в Северо-Кавказском крае. Ростов-на-Дону, 1991; С. 74; *Петр Луговой.* С кровью и потом // Дон. 1988. № 6. С. 122–124.
- ¹³ РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 8. Д. 5. Л. 479–488.
- ¹⁴ Там же. Л. 478, 486.
- ¹⁵ *Конквест Р.* Жатва скорби // Вопросы истории. 1990. № 4. С. 96; Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 672.
- ¹⁶ Комсомольская правда. 1990. 3 фев.
- ¹⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 64. Л. 37.
- ¹⁸ ЦДНИСарО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2086. Л. 147; *Герман А. А.* Немецкая автономия. 1918–1941. Часть II. Автономная республика 1924–1941. Саратов, 1994. С. 121.
- ¹⁹ Правда. 1933. 10 янв.
- ²⁰ Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 644–645. О западных журналистах, писавших о голоде, см. блестящую статью Дэвида Энгермана (*David Engerman.* Modernization from the Other Shore: American Observers and the Costs of Soviet Economic Development) // American Historical Review 105 (April 2000). P. 383–416.
- ²¹ Известия. 1932. 27 июня.
- ²² См., напр.: Известия. 1932. 7 июля.
- ²³ Правда. 1933. 10 янв.
- ²⁴ *Сталин И. В.* Соч. Т. 13. С. 241, 243.
- ²⁵ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 127. С. 39.
- ²⁶ См.: *Осколков Е. Н.* Голод 1932–1933 гг. в зерновых районах Северо-Кавказского края // Голодомор 1932–1933 рр. в Україні: Київ, 1995. С. 119; РГАСПИ. Ф.112. Оп. 29. Д. 124. Л. 68.
- ²⁷ *Осколков Е. Н.* Хлебозаготовки и голод 1932–1933 гг. в Северо-Кавказском крае // Донской юридический институт. Ученые записки. Памяти Е. Н. Осколкова (к 75-летию со дня рождения). Т. 16. Ростов-на-Дону, 2001. С. 33.
- ²⁸ Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 625–627, 628–629; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 514. С. 64, 65, 83–85.
- ²⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 514. С. 41–44.
- ³⁰ Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 627.
- ³¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 106.
- ³² Рабочая Пенза. 1933. 20 мая.
- ³³ Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 639.

- ³⁴ Дон. 1988. № 6. С. 122–124.
- ³⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3055. Л. 4.
- ³⁶ Известия. 1933. 12 марта.
- ³⁷ Там же. 18–20, 22 февр.
- ³⁸ См.: Культурное строительство в Волгоградской области. Сборник документов и материалов. Т. 1. Волгоград, 1980. С. 234.
- ³⁹ Родина. 2007. № 9. С. 83.
- ⁴⁰ РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 8. Д. 5. Л. 478, 486.
- ⁴¹ См., напр.: Известия. 1933. 22, 24 февраля, 11, 12, 14, 15, 18, 21 июля; Волжская коммуна. 1933. 15 мая, 16 июля; Правда. 1933. 1 января; Поволжская правда. 1933. 17, 20, 26 июля, 19 октября; Саратовский рабочий. 1933. 4 марта, 10 июля.
- ⁴² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 38. Л. 124.
- ⁴³ Там же. Л. 129.
- ⁴⁴ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 880. Л. 92–93.
- ⁴⁵ Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 297.
- ⁴⁶ Подобную позицию разделяет Таугер. См.: *Tauger, Mark B. The 1932 Harvest and the Famine of 1933 // Slavic Review 50. № 1 (Spring 1991). P. 70–89.*
- ⁴⁷ Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 297.
- ⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3769. Л. 67; РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 8. Д. 5. Л. 478–488; *Ілля Шульга. Голод 1933 р. на Поділлі // Голодомор 1932–1933 рр. в Україні: причини і наслідки. С. 141; Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов в деревнях Поволжья // Вопросы истории. 1991. № 6. С. 177.*
- ⁴⁹ ГАПО. Ф.П 245. Оп. 1. Д. 51. Л. 56.
- ⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 112. Оп. 32. Д. 85. Л. 22.
- ⁵¹ Там же. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3769. Л. 67.
- ⁵² Там же. Л. 231; ГАПО. Ф.П 245. Оп. 1. Д. 46. Л. 205–206.
- ⁵³ РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 8. Д. 5. Л. 479, 486.
- ⁵⁴ Архив ЗАГС Аркадакской администрации Саратовской области. Книга записей актов гражданского состояния о смерти за 1933 год по селу Обливное.
- ⁵⁵ Архив ЗАГС Калининской администрации Саратовской области. Книга записей актов гражданского состояния о смерти за 1930–1934 годы по Ахтубинскому сельсовету. Акт о смерти за 1933 год № 6.

- ⁵⁶ Архив ЗАГС Калининской администрации Саратовской области. Книга записей актов гражданского состояния о смерти по Малокнязевскому сельсовету за 1930–1934 годы. Акты о смерти за 1932–1934 годы.
- ⁵⁷ Архив ЗАГС Балашовской администрации Саратовской области. Книги записей актов гражданского состояния о смерти за 1932–1933 годы по Рассказанскому сельсовету.
- ⁵⁸ Архив ЗАГС Базарно-Карабулакской администрации Саратовской области. Книги записей актов гражданского состояния о смерти за 1932–1933 годы по селу Алексеевка. Акт о смерти за 1933 год № 24.
- ⁵⁹ Архив ЗАГС Калининской администрации Саратовской области. Книга записей актов гражданского состояния о смерти за 1931–1933 годы по Шкловскому сельсовету. Акт о смерти за 1933 год № 25.
- ⁶⁰ Архив ЗАГС Лысогорской администрации Саратовской области. Книга записей актов гражданского состояния о смерти за 1932–1933 годы по селу Яблочное.
- ⁶¹ Архив ЗАГС Аркадакской администрации Саратовской области. Книга записей актов гражданского состояния о смерти за 1933 год по Александровскому сельсовету. Акт о смерти № 14.
- ⁶² *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер.* Указ. соч. С. 301.
- ⁶³ Там же. С. 302.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ *Конквест Р. Жатва скорби // Вопросы истории.* 1990. № 4. С. 93; *Белковец Л. П.* «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х — 1930-е годы). М., 1995. С. 164–169; *Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. Часть II. Автономная республика 1924–1941.* Саратов, 1994. С. 125.
- ⁶⁶ *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер.* Указ. соч. С. 303. О нежелании Рузвельта вмешиваться во «внутренние дела» СССР из-за опасения сорвать процесс «признания» см.: *Morris, M. Wayne.* Stalin's Famine and Roosevelt's Recognition of Russia. 8. P. 127–54.
- ⁶⁷ *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер.* Указ. соч. С. 304.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Там же. С. 305.

- ⁷¹ Там же.
- ⁷² См.: Whither Marxism? Global Crises in International Perspective, ed. Bernd Magnus & Stephen Cullenberg. New York & London, 1995.
- ⁷³ См.: The Great Famine and Its Causes (London, 1900), 92; Davis, Late Victorian Holocausts: El Niño Famines and the Making of the Third World. P. 287.
- ⁷⁴ Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 307.
- ⁷⁵ Например, в Российской империи, в европейской части, в период с 1867 по 1900 г. от 25 до 30 % младенцев не доживали до одного года, средний уровень жизни равнялся примерно 30 годам: Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 307.
- ⁷⁶ О крестьянской позиции к политике правительства в условиях голода см.: *Lindenmeyr, Adele*. Poverty is Not a Vice: Charity, Society, and the State in Imperial Russia. (Princeton, N. J., 1996), 64; Об изживании крестьянского монархизма см.: Кондрашин В. В. Повстанцы во имя царя. Религиозно-монархическое восстание в селе Большой Азясь Краснослободского уезда // Краеведение. Пенза, 1998. № 1–2. С. 89–94.
- ⁷⁷ Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 308.
- ⁷⁸ Там же. Конечно, с точки зрения бывших крепостных крестьян, выкупные платежи за землю были несправедливыми, поскольку они своим трудом на помещика заработали право на эту землю. Кроме того, следует помнить, что ни бывшие крепостные, ни бывшие рабы с американского юга не получили компенсации за свой многовековой рабский труд. См. подробнее об этом: *Peter Kolchin*, Unfree Labor: American Slavery and Russian Serfdom. Cambridge, Mass, 1987.
- ⁷⁹ Полученные от царя казачьи привилегии необходимо было компенсировать военной службой, снаряжением за свой счет в армию (иметь лошадь, обмундирование и т. д.). Казаки, находившиеся в ранних весенних лагерях на сборах, не могли свободно отлучиться в свои хозяйства в случае какой-то критической ситуации: Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Голод: 1932–1933 годы в советской деревне. С. 308.
- ⁸⁰ Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 308.
- ⁸¹ Солсбери получил поздравление от Дизраэли за такое эффективное высказывание; см.: Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 308.
- ⁸² Там же. С. 309.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же см. подробнее публикации на эту тему: *D. Rajasekhar*. Famines and Peasant Mobility: Changing Agrarian Structure in Kurnool District of Andhra, 1870–1900 // *The Indian Economic and Social History Review* 28, No. 2 (1991). P. 143, 144, 150; *Mike Davis*. Late Victorian Holocausts: El Niño Famines and the Making of the Third World. P. 50.

⁸⁵ *David Hardiman*. The Crisis of Lesser Patidars: Peasant Agitations in Kheda District, Gujarat, 1917–1934; *D. Low*, ed. Congress and the Raj. London, 1977. P. 55–56. Португальцы вели себя так же бесцеремонно в Анголе в голодные 1870–1880-е годы, забирая у крестьян продовольствие. См.: *W. G. Clarence-Smith*, Slaves, Peasants and Capitalists in Southern Angola 1840–1926. Cambridge, 1979. P. 82–83; *D. Birmingham*. The Coffee Barons of Cazengo // *Journal of African History*, XIX, iv. 1978. P. 523–538; *Jill Dias*. Changing Patterns of Power in the Luanda Hinterland: The Impact of Trade and Colonisation on the Mbundu s. 1845–1920 // *Franz-Wilhelm Heimer* (ed.) The Formation of Angolan Society. New York, 2002. О действиях Франции в Новой Каледонии см.: *Martin Lyons*. The Totem and the Tricolour. Kensington, NSW, 1986. P. 58–65. В Ирландии не менее 500 тысяч крестьян потеряли свои участки земли во время голода; см.: *Christine Kinealy*, The Great Calamity: The Irish Famine of 1845–1852. Dublin, 1994. P. 353 и *Frederick W. Powell*. The Politics of Irish Social Policy. Lampeter, 1992. P. 96–101; *James Donnelly*. Mass Eviction and the Great Famine // *The Great Irish Famine*, ed. Cathal Pirtir. Cork, 1995. P. 160.

⁸⁶ *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер*. Указ. соч. С. 310.

⁸⁷ Империалисты всегда осознавали важность использования силы для обеспечения своего господства. См.: *Andrew Roberts*. Salisbury: Victorian Titan. London, 1999. P. 215.

⁸⁸ *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер*. Указ. соч. С. 310.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же. С. 311.

⁹³ Там же.

⁹⁴ О советской налоговой политике в 1926–1929 г., см.: *Роголина Н. Л.* Указ. соч. С. 60–73.

⁹⁵ *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер*. Указ. соч. С. 311.

- ⁹⁶ Там же.
- ⁹⁷ Там же.
- ⁹⁸ По крайней мере, в течение первой половины нэпа бедняцкие хозяйства не были освобождены от такого наказания.
- ⁹⁹ *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер*. Указ. соч. С. 312.
- ¹⁰⁰ Публикации о налоговой политике английской колониальной администрации в Индии см: *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер*. Указ. соч. С. 312.
- ¹⁰¹ Там же.
- ¹⁰² Там же. С. 312–313.
- ¹⁰³ Там же. С. 313.
- ¹⁰⁴ Там же.
- ¹⁰⁵ Хотя эта цитата относится к налоговой практике 1925 г., она, на наш взгляд, точно передает крестьянские настроения в 1933 г. (*Виктор Кондрашин, Диана Пеннер*. Указ. соч. С. 313).
- ¹⁰⁶ *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер*. Указ. соч. С. 314.
- ¹⁰⁷ Там же.
- ¹⁰⁸ Там же.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 314.
- ¹¹⁰ Индустриализация СССР. К XVII съезду ВКП(б) // Сб. ст. и мат-лов под ред. Я. Д. Янсона. М.–Л., 1934. С. 92–93; *Касьяненко С. В.* Завоевание экономической независимости СССР (1917–1940 гг.). М., 1972. С. 155; *Кульчицкий С. В.* Внутренние ресурсы социалистической индустриализации СССР (1926–1937). Киев, 1979. С. 190; История СССР. 1989. № 3. С. 51; История СССР. 1990. № 5. С. 26; Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 23, 858.
- ¹¹¹ *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер*. Указ. соч. С. 315.
- ¹¹² Там же. С. 316.
- ¹¹³ Там же.
- ¹¹⁴ Там же.
- ¹¹⁵ Там же.
- ¹¹⁶ Там же.
- ¹¹⁷ Там же.
- ¹¹⁸ *Robbins, Jr., Richard G.* Famine in Russia, 1891–1892. New York and London, 1975. P. 58–59.

- 119 *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер.* Указ. соч. С. 316.
- 120 См.: *Ивницкий Н. А.* Голод 1932–1933 годов: кто виноват? С. 61; *Осколков Е. Н.* Голод. С. 79.
- 121 *Tauger, Mark B.* The 1932 Harvest and the Famine of 1933 // *Slavic Review* 50, № 1. Spring, 1991. P. 70–89.
- 122 *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер.* Указ. соч. С. 317; *Осколков Е. Н.* Голод 1932–1933 гг. в зерновых районах Северо-Кавказского края // Голодомор 1932–1933 рр. в Україні: причини і наслідки. Міжнародна наукова конференція. Київ, 9–10 вересня 1993 р. Київ, 1995. С. 119.
- 123 См.: *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер.* Указ. соч. С. 318.
- 124 Там же.
- 125 Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 33–34.
- 126 *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер.* Указ. соч. С. 318.
- 127 Например, в Бурятии. См.: *Осокина Е. А.* Иерархия потребления. С. 50. О том, что из деревни вывозилось почти все молоко, особенно утверждали эмигрантские источники; *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер.* Указ. соч. С. 319.
- 128 *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер.* Указ. соч. С. 319.
- 129 Там же.
- 130 *Осокина Е. А.* Иерархия потребления. С. 125–126.
- 131 История СССР. 1990. № 4. С. 17–18.
- 132 *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер.* Указ. соч. С. 320.
- 133 Отечественная история. 1995. № 1. С. 59.
- 134 *Осокина Е. А.* Иерархия потребления. С. 25.
- 135 Доклад был опубликован 24 января 1933 года в Правде: Письма И. В. Сталина В. М. Молотову 1925–1936 гг. Сб. док. М., 1995. С. 245.
- 136 *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер.* Указ. соч. С. 321.
- 137 Там же.
- 138 Так было рассказано Ирландской фольклорной комиссии в 1945 г.; *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер.* Голод: 1932–1933 годы в советской деревне. С. 321.
- 139 *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер.* Указ. соч. С. 322.
- 140 Там же.

- ¹⁴¹ Там же.
- ¹⁴² *Pierre Loti*. India, trans. George Inman (London, 1995), 171–2; *David Hardiman*, Usury, Dearth and Famine in India. Past and Present. P. 146.
- ¹⁴³ См. подробнее: General Sir Arthur Cotton, *The Madras Famine* (London, 1877), 5; *Florence Nightingale*, letter to the Illustrated News (29 June 1877), ссылка Дэвиса. Последнюю критику см.: *The Collected Works of Mahatma Gandhi*. (Ahmedabad, 1981. P. 83, 405.
- ¹⁴⁴ ШФГАРО. Ф. Р–186. Оп. 1. Д. 336. Л. 81, 112; ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 514. Л. 155–164.
- ¹⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 94. Л. 109.
- ¹⁴⁶ *Mike Davis*, Late Victorian Holocausts: El Niño Famines and the Making of the Third World. London and New York, 2001. P. 142.
- ¹⁴⁷ Там же, 36.
- ¹⁴⁸ Там же, 129.
- ¹⁴⁹ О ситуации в Эфиопии см.: *Richard Pankhurst*, Economic History of Ethiopia, 1800–1935. Addis Ababa, 1968; *James McCann*. From Poverty to Famine in Northeast Ethiopia: A Rural History, 1900–1935. Philadelphia, 1987. О деятельности Менелика II см.: *Chris Prouty*. Empress Taytu and Menelik II. London, 1986; *Harold G. Marcus*, The Life and Times of Menelik II, Ethiopia 1844–1913. Oxford, 1975.
- ¹⁵⁰ *Peter M. Solar*. The great Famine was No Ordinary Subsistence Crisis, in E. Margaret Crawford, ed., *Famine: The Irish Experience, 900–1900*. Edinburgh, 1989. P. 123–26.
- ¹⁵¹ *Austin Bourke*. The Visitation of God? The potato and the Irish Famine. Dublin, 1993.
- ¹⁵² *Conquest, Robert*. The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror-Famine. Oxford, 1986.
- ¹⁵³ *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер*. Указ. соч. С. 325.
- ¹⁵⁴ *A. De Waal*, Famines that Kill: Darfur, Sudan, 1984–1985. Oxford, 1989. P. 172–194.
- ¹⁵⁵ *Mike Davis*. Late Victorian Holocausts: El Niño Famines and the Making of the Third World. P. 33.
- ¹⁵⁶ Голод 1873–1874 годов унес только 23 жизни. Даже отец Темпла был смущен «чрезмерно» расточительным поведением сына. См.: *Mike Davis*, Late Victorian Holocausts: El Niño Famines and the Making of the Third World. P. 36–37.

- ¹⁵⁷ *Premansukumar Bandyopadhyay*. Indian Famine and Agrarian Problems: A Policy Study on the Administration of Lord George Hamilton, secretary of state for India, 1895–1903 (Calcutta, 1987). P. 97–104.
- ¹⁵⁸ *Mike Davis*, Late Victorian Holocausts: El Niño Famines and the Making of the Third World. P. 142. См. также: *Premansukumar Bandyopadhyay*, Indian Famine and Agrarian Problems: A Policy Study on the Administration of Lord George Hamilton, secretary of state for India, 1895–1903. P. 113.
- ¹⁵⁹ *Mike Davis*, Late Victorian Holocausts: El Niño Famines and the Making of the Third World. P. 165.
- ¹⁶⁰ *Anil Agarwal, Sunita Narain*. Dying Wisdom: Rise, Fall and Potential of India's Traditional Water Harvesting Systems (Delhi, 1997).
- ¹⁶¹ Попытки постсоветских исследователей и антикоммунистов развенчать образ Сталина, Кагановича и других лидеров как «идеалистов», не заботившихся о собственном материальном благополучии, вызывали резкий отпор со стороны ортодоксальных коммунистов и еще живущих сталинских «железных наркомов». Каганович, например, на склоне лет был сильно оскорблен его образом, созданным известным историком Роем Медведевым: «Рой Медведев написал, что я скопил у себя много ценностей, вы же видите сами, как я живу... как ветеран, Герой Социалистического Труда, я никаких льгот не имею, а ведь был ранен во время войны на Северном Кавказе ... мы тогда гонораров не брали, не принято было»; *Феликс Чуев*. Так говорил Каганович: Исповедь сталинского апостола. М, 1992. С. 90.
- ¹⁶² См.: *Catherine Hall*, An Imperial Man in Australasia and the West Indies, 1833–66 // *The Expansion of England: Race, Ethnicity and Cultural History*, ed. Bill Schwarz (London and New York, 1996).
- ¹⁶³ Приемный сын Сталина Артем Федорович предполагал, что сталинская шинель сохранилась у вождя как минимум с Гражданской войны, если не со времен сибирской ссылки; *Feliks Chuev*, Molotov Remembers: Inside Kremlin Politics: Conversations with Felix Chuev, Ed. *Albert Resis*. (Chicago, 1993). P. 210.
- ¹⁶⁴ *Feliks Chuev*, Molotov Remembers: Inside Kremlin Politics: Conversations with Felix Chuev. P. 210.
- ¹⁶⁵ Там же.
- ¹⁶⁶ Там же, 418.
- ¹⁶⁷ *Феликс Чуев*. Так говорил Каганович: Исповедь сталинского апостола. С. 16–17, 19.

- ¹⁶⁸ *Он же*, Molotov Remembers: Inside Kremlin Politics: Conversations with Felix Chuev. P. 225.
- ¹⁶⁹ *Феликс Чуев*. Molotov Remembers: Inside Kremlin Politics: Conversations with Felix Chuev. P. 372.
- ¹⁷⁰ *Он же*. Так говорил Каганович: Исповедь сталинского апостола. С. 26.
- ¹⁷¹ *Он же*. Molotov Remembers, 387. P. 27.
- ¹⁷² Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001. С. 191.
- ¹⁷³ *R. W. Davies*, Crisis and Progress, in the Soviet Economy, 1931–1933. (London, 1996). P. 318.
- ¹⁷⁴ О подходе к этому вопросу в Северной Корее см.: *Marcus Noland* и *Sherman Robinson*, Rigorous Speculation: The Collapse and Revival of the North Korean Economy, World Development 28, No. 10 (2000), 1767–1787; *Natsios Andrew S.* The Great North Korean Famine: Famine, Politics, and Foreign Policy (Washington, D.C., 2001); в Эфиопии: *Jason W. Clay* и *Bonnie K. Holcomb*. Politics and the Ethiopian Famine, 1984–1985 (Cambridge, Mass., 1986); *Edward Kissi*. The Politics of Famine in U.S. Relations with Ethiopia, 1950–1970 // The International Journal of African Historical Studies 33. No. 1 (2000). P. 113–131; *Stephen J. Scanlan* и *J. Craig Jenkins*. Military Power and Food Security: A Cross-National Analysis of Less-Developed Countries, 1970–1990 // International Studies Quarterly 45 (2001). P. 159–187.
- ¹⁷⁵ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. С. 223.
- ¹⁷⁶ *Feliks Chuev*. Molotov Remembers: Inside Kremlin Politics: Conversations with Felix Chuev. P. 127, 199, 201, 241, 384–385.
- ¹⁷⁷ Там же. С. 389.
- ¹⁷⁸ *Ивницкий Н. А.* Голод 1932–1933 годов: Кто виноват? С. 44. Таугер подчеркивает этот пункт; *Tauger, Mark B.* The 1932 Harvest and the Famine of 1933 // Slavic Review 50. №. 1 (Spring 1991). P. 88.
- ¹⁷⁹ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. С. 461.
- ¹⁸⁰ Там же. С. 462. По мнению *М. Л. Левина*, отказ Советского правительства от импортных операций был связан с проблемой «престижа»; *Moshe Lewin*. The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia. (London, 1985). P. 156.
- ¹⁸¹ См. о Рузвельте и ситуации вокруг признания Америкой СССР: *Jon Jacobson*. When the Soviet Union Entered World Politics (Berkeley and Los Angeles, 1994); см. также упрощенную и тенденциоз-

ную работу на эту тему: *M. Wayne Morris*. Stalin's Famine and Roosevelt's Recognition of Russia (Lanham and London, 1994).

¹⁸² *Taylor S. J.* Stalin's Apologist: Walter Duranty, the New York Times's Man in Moscow (Oxford, 1990). P. 198.

¹⁸³ О ситуации с Дюранти и другими американскими журналистами см.: *Taylor S. J.* Stalin's Apologist: Walter Duranty, the New York Times's Man in Moscow. P. 6; *James W. Crowl*. Angels in Stalin's Paradise: Western Reporters in Soviet Russia, 1917 to 1937. A Case Study of Louis Fischer and Walter Duranty (Washington, 1982). P. 156.

¹⁸⁴ *Feliks Chuev*, Molotov Remembers: Inside Kremlin Politics: Conversations with Felix Chuev. P. 247.

¹⁸⁵ Там же. С. 385.

¹⁸⁶ *Janet Poppendieck*, Breadlines Knee-Deep in Wheat: Food Assistance in the Great Depression (New Brunswick, 1986).

¹⁸⁷ *Таугер М. Б.* Урожай 1932 года и голод 1933 года // Голод 1932–1933 годов: Сб. статей. С. 42.

¹⁸⁸ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., доп. и испр. Т. 6. М., 1985. С. 25.

¹⁸⁹ См.: Материалы о работе политотделов МТС в 1933 году. М., 1934. С. 342.

¹⁹⁰ РГАСПИ. Ф. 112. Оп. 31. Д. 17. Л. 4.

¹⁹¹ Там же.

¹⁹² Там же. Оп. 32. Д. 85. Л. 57.

¹⁹³ См.: Материалы о работе политотделов МТС в 1933 году. С. 342.

¹⁹⁴ *Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 годов в деревне Поволжья // Дис. ... канд. ист. наук. С. 167–168.

¹⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 5324. Л. 6.

¹⁹⁶ История советского крестьянства. Т. 2. М., 1986. С. 288.

¹⁹⁷ Материалы о работе политотделов МТС в 1933 году. С. 40, 52.

¹⁹⁸ ГАПО. Ф. П 224. Оп. 1. Д. 54. Л. 49.

¹⁹⁹ РГАСПИ. Ф. 112. Оп. 32. Д. 78. Л. 29.

²⁰⁰ ГАПО. Ф. П 224. Оп. 1. Д. 54. Л. 49.

²⁰¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 2551. Л. 136.

²⁰² Там же. Ф. 112. Оп. 32. Д. 50. Л. 18.

²⁰³ *Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 годов в деревне Поволжья // Дис. ... канд. ист. наук. С. 171.

- 204 См. подробнее: Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933–1940 гг. М., 1963. С. 375.
- 205 *Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 годов в деревне Поволжья // Дис. ... канд. ист. наук. С. 181.
- 206 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 37, 38, 39, 40, 48; Ф. 558. Оп. 11. Д. 45, 46.
- 207 См.: Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 758–761.
- 208 *Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 годов в деревне Поволжья // Дис. ... канд. ист. наук. С. 173–174.
- 209 См., напр.: Рабочая Пенза. 1934. 7 июня.
- 210 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 14. Д. 975. Л. 1.
- 211 Коллективизация сельского хозяйства: Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства, 1927–1935. М., 1957. С. 441–445.
- 212 См.: Важнейшие решения по сельскому хозяйству. М., 1935. С. 440–442.
- 213 Важнейшие решения по сельскому хозяйству. С. 442.
- 214 Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 746–750.
- 215 СЗ СССР. 1934. № 5. Ст. 37.
- 216 *Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 годов в деревне Поволжья // Дис. ... канд. ист. наук. С. 177.
- 217 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 17. Л. 19, 56, 136.
- 218 Там же. Ф. 8040. Оп. 8. Д. 7. Л. 235.
- 219 *Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 годов в деревне Поволжья // Дис. ... канд. ист. наук. С. 178.
- 220 Важнейшие решения по сельскому хозяйству. С. 446.
- 221 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 525. С. 14–15; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 6. 1933–1937. М., 1985. С. 153–154.
- 222 ГАРФ. Ф. 374. Оп. 16. Д. 450. Л. 3.
- 223 Ход основных сельскохозяйственных кампаний за 1930–1934 гг. М., 1934. С. 90, 91, 141.
- 224 См.: Важнейшие решения по сельскому хозяйству. С. 444.
- 225 Там же. С. 446–447; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 933. Л. 4.
- 226 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 78. Д. 175. Л. 40; Д. 211. Л. 87, 88; Колхозы во второй сталинской пятилетке. М. – Л., 1939. С. 105.
- 227 См.: Сельское хозяйство СССР. Ежегодник. 1935. М., 1936. С. 514.
- 228 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 536. С. 29.

- 229 О ситуации в советской деревне в 1937 году см.: *Ш. Фицпатрик*. Как мыши kota хоронили. Показательные процессы в сельских районах СССР в 1937 г. // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 387–415; *Маннинг Т. Роберта*. Бельский район. 1937 год. Смоленск, 1998.
- 230 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 6. С. 188.
- 231 См.: Архив ЗАГС Безенчукской администрации Самарской области. Книга записей актов гражданского состояния о смерти за 1926–1934 годы. Акты о смерти за 1934 год по Васильевскому сельсовету № 60–64.
- 232 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5324. Л. 32–34, 39–40.
- 233 О необходимости развития советской торговли и кооперации на сентябрьско-октябрьском пленуме ЦК ВКП(б) 1932 года говорили А. И. Микоян, Н. М. Анцелович, И. А. Зеленский. См.: Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 490–494.
- 234 История советского крестьянства. Т. 2. С. 320–328.
- 235 РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 130. Л. 229.
- 236 Колхозы во второй сталинской пятилетке. С. 105; История советского крестьянства. Т. 2. М., 1986. С. 377–378.
- 237 *Вылцан М. А.* Завершающий этап создания колхозного строя. М., 1978. С. 171.
- 238 История советского крестьянства. Т. 3. М., 1987. С. 25–27.
- 239 История социалистической экономики СССР. Т. 5. С. 113, 114.
- 240 ЦДНИСарО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1753. Л. 51–53.
- 241 История советского крестьянства. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны (1938–1945). Т. 3. М., 1987. С. 22.
- 242 *Осокина Е. А.* За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1997. С. 219.
- 243 История советского крестьянства. Т.3. С. 21.
- 244 Там же. С. 24, 26; *Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия». С. 206–207
- 245 История советского крестьянства. Т. 3. С. 36–37.
- 246 Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Книга первая. Суровые испытания. М., 1998. С. 74.
- 247 История советского крестьянства. Т.3. С. 27–28.

- ²⁴⁸ *Осокина Е. А.* За фасадом «сталинского изобилия». С. 207.
- ²⁴⁹ Там же. С. 220.
- ²⁵⁰ Там же. С. 210.
- ²⁵¹ РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 16. Д. 69. Л. 17, 18; Д. 76. Л. 108, 112, 124; и др.
- ²⁵² Наука и жизнь. 1996. № 6. С. 3.
- ²⁵³ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. С. 65.
- ²⁵⁴ *Зинич М. С.* Будни военного лихолетья 1941–1945. Вып. 1-й и 2-й. М., 1994. С. 87–89.
- ²⁵⁵ *Чернявский У. Г.* Война и продовольствие: Снабжение городского населения в Великую Отечественную войну (1941–1945 гг.). М., 1964. С. 142.
- ²⁵⁶ *Зинич М. С.* Будни военного лихолетья 1941–1945. С. 82–83; Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 387.
- ²⁵⁷ *Никонов А. А.* Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М., 1995. С. 265.
- ²⁵⁸ Известия. 1995. 31 мая.
- ²⁵⁹ *В. В. Кондрашиным* опубликован очерк истории села Лох, написанный в рамках работы над российско-британским научным проектом «Изучение социальной структуры советского и постсоветского села». См.: *Кондрашин В. В.* История села Лох // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1997. М., 1997. С. 176–216; О самом проекте см.: *Кондрашин В. В.* Историко-социологические исследования российских деревень // Особенности российского земледелия и проблемы расселения: Материалы XXVI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тамбов, 2000. С. 229–240; Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России. М., 2002. С. 115–141.
- ²⁶⁰ *Кондрашин В. В.* История села Лох. С. 196–197.
- ²⁶¹ Там же. С. 199–200.
- ²⁶² Там же.
- ²⁶³ Государственный архив Новобурасского района (далее ГАНР). Годовые отчеты колхозов «Красная звезда» и им. Молотова за 1936–1969 годы. Ф. 1. Оп. 1. Д. 327. Л. 4; ЦДНИСарО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 223. Л. 31.
- ²⁶⁴ ГАНР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 243. Л. 20.

- ²⁶⁵ *Кондрашин В. В.* История села Лох. С. 202.
- ²⁶⁶ Там же. С. 203.
- ²⁶⁷ ЦДНИСарО. Ф. 77. Оп. 13. Д. 54. Л. 7, 8.
- ²⁶⁸ *Кондрашин В. В.* История села Лох. С. 200.
- ²⁶⁹ Красное Знамя. 1969. 14 марта.
- ²⁷⁰ ЦДНИСарО. Ф. 77. Оп. 31. Д. 1. Л. 48.
- ²⁷¹ *Кондрашин В. В.* История села Лох. С. 208–209.
- ²⁷² Красное Знамя. 1991. 15 июля.
- ²⁷³ *Кондрашин В. В.* История села Лох. С. 211.
- ²⁷⁴ Там же. С. 212.
- ²⁷⁵ Кроме того, основания для данного вывода могут подтвердить опубликованные материалы исторических и социологических исследований российских селений, выполненные в рамках указанного российско-британского научного проекта. См. об этом подробнее: *Голоса крестьян: Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах.* М., 1996; *Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России.* С. 115–141, 569–581.
- ²⁷⁶ Автор данной книги ежегодно испытывает на себе все «прелести» дачной работы в дачном кооперативе в бывшем селе Можаровка Городищенского района Пензенской области.
- ²⁷⁷ О современном положении сельского хозяйства России см. подробнее: *Земельный вопрос.* М., 1999; *Многоукладная аграрная экономика и российская деревня (середина 80-х–90-е годы XX столетия).* М., 2001.

Глава 6. Голод 1932–1933 годов в контексте мировых голодных бедствий и голодных лет в истории России — СССР

- ¹ Ужасы голода в Самарской губернии. Самара, 1922. С. 3.
- ² *Поляков Ю. А.* Переход к НЭПу и советское крестьянство. М., 1967. С. 287; *Кристкалн А. М.* Голод 1921 г. в Поволжье: опыт современного изучения проблемы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. С. 18.
- ³ *Кристкалн А. М.* Указ. соч. С. 17.
- ⁴ *Данилов В. П.* Сельское население Союза ССР накануне коллективизации (по данным общенародной переписи 17 декабря 1926 г.) // *Исторические записки.* № 74. М., 1963. С. 67.

- ⁵ *Кристалл А. М.* Указ. соч. С. 16.
- ⁶ *В. И. Ленин.* Известные документы. 1891–1922 гг. М., 1999. С. 517.
- ⁷ *Кристалл А. М.* Указ. соч. С. 28.
- ⁸ *Данилов В. П.* Какой была международная помощь // Аргументы и факты. 1988. № 19. С. 6.
- ⁹ *Цихелашвили Н. Ш., Дэвид Ч. Энгерман.* Американская помощь России в 1921–1923 годах: Конфликты и сотрудничество // Американский ежегодник. 1995. М., 1996. С. 207–216.
- ¹⁰ См. об этом подробнее: *Зима В. Ф.* Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996.
- ¹¹ *Волков И. М.* Засуха, голод 1946–47 годов // История СССР. 1991. № 4. С. 4; *Арутюнян Ю. В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. 2-е изд., доп. М., 1970. С. 329.
- ¹² *Волков И. М.* Указ. соч. С. 4.
- ¹³ Там же. С. 5.
- ¹⁴ Там же. С. 4.
- ¹⁵ *Зима В. Ф.* Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1997. С. 21.
- ¹⁶ *Волков И. М.* Указ. соч. С. 8.
- ¹⁷ *Зима В. Ф.* Указ. соч. С. 26.
- ¹⁸ Там же. С. 26–27.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ *Волков И. М.* Указ. соч. С. 9; *Зима В. Ф.* Указ. соч. С. 21.
- ²¹ *Волков И. М.* Указ. соч. С. 11.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. С. 12.
- ²⁴ Там же. С. 15.
- ²⁵ *Зима В. Ф.* Указ. соч. С. 32.
- ²⁶ *Бомешко Б. Г.* Засуха и голод в Молдавии в 1946–1947 гг. Кишинев, 1990. С. 31, 46.
- ²⁷ *Зима В. Ф.* Указ. соч. С. 32.
- ²⁸ Там же. С. 35.
- ²⁹ *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер.* Голод: 1932–1933 годы в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона и Кубани). Самара–Пенза, 2002. С. 379.

³⁰ Там же.

³¹ *Lynne Viola. Peasant Rebels under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance* (New York & Oxford, 1996). P. 3, 14, 29, 232–35.

³² См.: *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 380.*

³³ Там же.

³⁴ Голоса крестьян. Крестьяне Кубани пишут Г. Явлинскому. Ч. 1–2. Кубань – Москва, 1998–1999.

³⁵ *Feliks Chuev. Molotov Remembers: Inside Kremlin Politics: Conversations with Felix Chuev*, ed. Albert Resis (Chicago, 1993). P. 222.

³⁶ Там же. С. 154.

³⁷ Молотов, который в дореволюционные годы, находясь в ссылке, зарабатывал деньги игрой на музыкальном инструменте, считал ленинское предложение об экономии средств за счет такой меры чересчур экстремальной. И предложение Ленина было забаллотировано (*Molotov Remembers: Inside Kremlin Politics: Conversations with Felix Chuev. P. 144.*)

³⁸ Каганович чрезвычайно гордился своим участием в этой грандиозной операции: *Феликс Чуев*. Так говорил Каганович: Исповедь сталинского апостола. М., 1992. С. 16, 57, 88.

³⁹ Воспоминания Молотова о высказываниях Черчилля в Тегеране и Ялте: *Molotov Remembers: Inside Kremlin Politics: Conversations with Felix Chuev. P. 49.*

⁴⁰ Так было в августе 1932 года на Украине. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп.162. Д. 13. Л. 76; Ф. 17. Оп. 167. Д. 38. Л. 211–211 об.; Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936. М., 2001. С. 281–282.

⁴¹ Там же. С. 383.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. Как уже было сказано, подобный оптимистический доклад не отражал реальной ситуации. Далеко не все крестьяне разделяли его радушное настроение. Многие, например, соглашались с другим мнением: «Только одна надежда на корову, а их насильно забирают и гонят на работу, побьют шеи, испортят, а мы обратно будем голодать».

⁴⁴ Там же. С. 383.

⁴⁵ Там же. С. 384.

⁴⁶ *D. Penner. The Agrarian Strike of 1932–1933 // Kennan Institute for Advanced Russian Studies. Occasional paper. P. 269.*

- ⁴⁷ Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 384.
- ⁴⁸ См. об этом подробнее: Шарошкин Н. А. Изменение в численности и составе рабочих Поволжья в переходный период от капитализма к социализму (1917–1937 гг.). Саратов, 1984; и др.
- ⁴⁹ Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 385.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Среди этих трех голодовок, наибольшую трудность вызывают подсчеты потерь от голода в период Великой Отечественной войны. См.: *Michael Ellman*. The 1947 Soviet Famine and the Entitlement Approach to Famines // *Cambridge Journal of Economics* 24 (2000). P. 626–27. О голодной смертности в блокадном Ленинграде см.: *Mark Harrison*. Accounting for War (Cambridge, 1996); о смертности среди советских заключенных в 1941–1945 гг. и мирного населения на неоккупированной территории СССР см. статьи: В. Ф. Зима и В. Н. Земсков. // *Людские потери в Великой Отечественной войне*. С.-Петербург, 1995; о голоде 1946–1947 гг. см.: *Michael Ellman*. The 1947 Soviet Famine and the Entitlement Approach to Famines. P. 603–630; *Попов В. П.* Причины сокращения численности населения РСФСР после Великой Отечественной войны // *Социологические исследования*. 1994. № 10; *Тсаран А. М., Шишкану И. Г.* Голод в Молдове (1946–1947). Сб. док. Чисинау / Кишинев, 1993. С. 3–15; *Веселова О. М.* Голод в Україні 1946–1947 роки // *Голодомор 1932–33 гг. в Україні: причины і наслідки*. Київ, 1995; *Зима В. Ф.* Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996.
- ⁵⁴ О голоде 1891–1892 годов см.: *Robbins, Jr., Richard G.* Famine in Russia, 1891–1892. (New York and London, 1975).
- ⁵⁵ Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 386.
- ⁵⁶ Там же. С. 386–387.
- ⁵⁷ Там же. С. 387.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Там же. С. 388.
- ⁶² Там же.

- ⁶³ См.: *Feliks Chuev, Molotov Remembers: Inside Kremlin Politics: Conversations with Felix Chuev*. P. 275.
- ⁶⁴ *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер*. Указ. соч. С. 388.
- ⁶⁵ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. С. 197.
- ⁶⁶ Там же. С. 234. Каганович подчеркивал: «При Сталине не было дефицита бюджета... Сталин очень строго следил за этим. У него была книжечка, куда он постоянно записывал, сколько у нас золота, валюты...» // *Феликс Чуев*. Так говорил Каганович: Исповедь сталинского апостола. С. 103.
- ⁶⁷ *Феликс Чуев*. Так говорил Каганович: Исповедь сталинского апостола. С. 148; см. также с. 125.
- ⁶⁸ Здесь, конечно, были и исключения, особенно на низовом уровне английской колониальной администрации. *Лорд Солсбери* утверждал, что он никогда не чувствовал себя свободным от многочисленных упреков в свой адрес за результат своей деятельности от миллионов индийцев, так как он в 1860-х годах в период до начала муссонов, не сумел закрыть порты. См.: *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер*. Голод: 1932–1933 годы в советской деревне. С. 389.
- ⁶⁹ Импорт продовольствия мог бы рассматриваться тогда как признак слабости сталинского режима. Голод 1946–1947 годов был обусловлен комплексом причин, главными из которых была страшная засуха 1946 года, а также последствия оккупации и военной разрухи в целом. Тем не менее отказ Советского правительства от импорта продовольствия имел трагические последствия для голодающих крестьян. См.: *Зима В. Ф.* Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996.
- ⁷⁰ *Feliks Chuev, Molotov Remembers: Inside Kremlin Politics: Conversations with Felix Chuev*. P. 62.
- ⁷¹ *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер*. Указ. соч. С. 389.
- ⁷² Там же. С. 390.
- ⁷³ 33 % бюджетных средств направлялось на содержание армии и полиции; *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер*. Указ. соч. С. 391.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Там же.

- ⁷⁸ *Ивницкий Н. А.* Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М., 2000. С. 255. МТС нередко правильно расцениваются как средство сталинского контроля над сельским хозяйством; см., напр.: *Зеленин И. Е.* Политотделы МТС — продолжение политики «чрезвычайщины» (1933–1934 гг.) // Отечественная история. 1992. № 6.
- ⁷⁹ О политике Советской власти в области народного образования и социальной мобильности в 1921–1934 годах см.: *Sheila Fitzpatrick.* Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934 (Cambridge, 1979).
- ⁸⁰ *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер.* Указ. соч. С. 392.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² *Feliks Chuev.* Molotov Remembers: Inside Kremlin Politics: Conversations with Felix Chuev. P. 27, 47, 241.
- ⁸³ Там же. С. 146, 248.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ См.: *Зеленин И. Е.* О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации // История СССР. 1989. № 2. С. 3–19.
- ⁸⁶ *David C. Engerman.* Modernization from the Other Shore: American Observers and the Costs of Soviet Economic Development // American Historical Review (April 2000). P. 385.
- ⁸⁷ *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер.* Указ. соч. С. 393.
- ⁸⁸ Там же. С. 394.
- ⁸⁹ Там же.
- ⁹⁰ Там же.
- ⁹¹ См.: *D'Ann R. Penner.* Pride, Power, and Pitchforks: A Study of Farmer-Party Interaction on the Don, 1920–1928 (Ph.D. diss., Univ. of California at Berkeley, 1995). P. 40.
- ⁹² *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер.* Указ. соч. С. 395.
- ⁹³ Там же.
- ⁹⁴ О борьбе народов колониальных стран против колонизаторов см., например: *Han Knapen.* Epidemics, Droughts, and Other Uncertainties on Southeast Borneo During the Eighteenth and Nineteenth Centuries, in Peter oomgaard, Freek Colombijn, and David Henley, Paper Landscapes: Explorations in the Environmental History of Indonesia (Leiden, 1997). P. 144; *Jeff Guy.* The Destruction of the Zulu Kingdom (London, 1979).

- ⁹⁵ Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 396.
- ⁹⁶ О конфликте казачества и иногородних на почве земельного вопроса см.: Данилов В. П., Тархова Н. С. Введение // Филипп Миронов (Тихий Дон в 1917–1921 гг.). Документы и материалы / Под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М., 1997. С. 5–22.
- ⁹⁷ Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 397.
- ⁹⁸ См., напр.: Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Т. 2. М., 1974. С. 389.
- ⁹⁹ Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 398.
- ¹⁰⁰ Andrea Graziosi. The Great Soviet Peasant War. Bolsheviks and Peasants, 1917–1933 (Ukrainian Research Institute Harvard University, 1996).
- ¹⁰¹ См. об этом подробнее: Кондрашин В.В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 годах. М., 2001.
- ¹⁰² Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 399.
- ¹⁰³ Там же.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 400.
- ¹⁰⁵ Осколков Е. Н. Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 г. в Северо-Кавказском крае. Ростов-на-Дону, 1991. С. 48.
- ¹⁰⁶ Ф. Чуев запомнил следующую фразу из высказываний маршала Баграмяна по поводу Коммунистической партии: «У нашей партии есть одна особенность: она никогда не признает своих ошибок» // Феликс Чуев. Так говорил Каганович: Исповедь сталинского апостола. С. 33.
- ¹⁰⁷ Каганович Лазарь. Памятные записки. М, 1997. С. 20.
- ¹⁰⁸ См.: Feliks Chuev, Molotov Remembers: Inside Kremlin Politics: Conversations with Felix Chuev. P. 200; Семья Кагановича, по его воспоминаниям, не имела в собственности земли. Большинство его детских впечатлений ассоциировалось с женским трудом на дому и подворье: «Мыли пол, подметали хату, носили воду, обслуживали нашу кормилицу корову» // Каганович Лазарь. Памятные записки. С. 33.
- ¹⁰⁹ Феликс Чуев. Так говорил Каганович: Исповедь сталинского апостола. С. 101.
- ¹¹⁰ Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 402.
- ¹¹¹ Feliks Chuev. Molotov Remembers: Inside Kremlin Politics: Conversations with Felix Chuev. P. 173.

- ¹¹² Данная оценка Сталина Кагановичем построена на контрасте: «В первые годы» он был «мягкий человек» // *Феликс Чуев*. Так говорил Каганович: Исповедь сталинского апостола. С. 35.
- ¹¹³ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. С. 10.
- ¹¹⁴ Там же.
- ¹¹⁵ Как уже говорилось, в годы Гражданской войны, несмотря на тяжелейшие условия «военного коммунизма», крестьянство поддержало большевиков в самые решающие моменты противостояния красных и белых армий. Не случайно поэтому все волны белогвардейских наступлений разбивались в районах традиционного помещичьего землевладения, где крестьяне в результате большевистской революции получили землю. Так было в 1918 г. с армией Краснова, в 1919 г. с армиями Деникина и Колчака. К моменту их подхода к границам Центральной России в прифронтовых районах прекращалось активное крестьянское движение против большевиков, крестьяне шли в Красную Армию. Их страх перед перспективой восстановления помещичьего землевладения, ассоциируемого с белым движением, оказался сильнее ненависти к большевистским порядкам. Ситуация кардинально менялась после устранения непосредственной военной угрозы, и пока большевики не отменили грабительскую продразверстку, по всей крестьянской России полыхала крестьянская война, в том числе в Поволжье и на Северном Кавказе. О событиях 1918–1922 гг. в Поволжье и на Дону см.: *Филипп Миронов*. Тихий Дон в 1917–1921 гг. Документы и материалы. М., 1997; *Кондрашин В. В.* Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 годах.
- ¹¹⁶ *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер*. Указ. соч. С. 405.
- ¹¹⁷ Там же. С. 407.
- ¹¹⁸ *Данилов В. П.* Экономические основы союза рабочего класса и крестьянства в первые годы социалистической реконструкции народного хозяйства СССР // Роль рабочего класса в социалистическом преобразовании деревни в СССР. М., 1968. С. 230.
- ¹¹⁹ *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер*. Указ. соч. С. 408.
- ¹²⁰ Из письма Ворошилова Сталину 26 июля 1932 года // Советское руководство. Переписка. 1928–1941. М., 1999. С. 181–184.
- ¹²¹ *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер*. Указ. соч. С. 409.
- ¹²² Об итогах аграрной революции в России, в том числе в Поволжье и на Северном Кавказе, см.: *Данилов В. П.* Перераспреде-

ние земельного фонда России в результате Великой Октябрьской революции // Ленинский декрет о земле в действии: Сб. ст. М., 1979. С. 261–309.

¹²³ Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 410.

¹²⁴ Там же. С. 411.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Ивницкий Н. А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М., 2000. С. 272.

¹²⁸ Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 412.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ О процессе раскрестьянивания русской деревни в 1940–1980-е годы см.: Иванов Н.С. Раскрестьянивание деревни (середина 40-х годов – 50-е годы) // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 416–435; Денисова Л. Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980-е годы. М., 1996.

¹³² Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 413.

¹³³ Там же. С. 414.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Там же. С. 415.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ Там же. С. 416.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Там же.

- 150 Там же.
- 151 Там же.
- 152 Там же.
- 153 Там же. С. 417.
- 154 Там же.
- 155 Там же.
- 156 Там же.
- 157 Там же. Рабочие-железнодорожники часто использовались во время хлебозаготовок и других кампаний в 1928–1933 гг.
- 158 Там же. С. 418.
- 159 Там же.
- 160 Там же.
- 161 Там же.
- 162 Там же. С. 419.
- 163 Там же.
- 164 О первоначальном энтузиазме Маггериджа в 1932 г. и разочаровании советским коммунизмом Лионса и Чемберлена во время голода 1932–1933 гг. см.: *David C. Engerman. Modernization from the Other Shore: American Observers and the Costs of Soviet Economic Development.* P. 388, 393.
- 165 *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер.* Указ. соч. С. 419.
- 166 В июле 1989 г. *В. В. Кондрашин* беседовал с известным советским писателем *М. Н. Алексеевым* на его родине, в селе Монастырском Калининского района Саратовской области. Михаил Николаевич рассказал ему о своем участии в организованной *М. С. Горбачевым* встрече с писателями и деятелями культуры. На этой встрече Алексеев обратил внимание Горбачева на события 1932–1933 гг., которые оказали важнейшее воздействие на последующую историю страны и всего мира. В частности, он указал, что именно из-за этого голода началась Вторая мировая война, так как голод ослабил страну и помог укрепиться в Германии власти нацистов. «Хотите коммунизма, — говорили они на выборах 1932 г., — будете жить так же, как живут сейчас в СССР». По мнению *М. Н. Алексеева*, именно в этом состоит самый трагический результат коллективизации и голода.
- 167 Раскол в советско-китайских отношениях в тот самый момент, когда Китай нуждался в советской поддержке в наибольшей

- степени, В. М. Молотов рассматривал как нетерпимую измену интернациональным, антиимпериалистическим принципам.
- 168 *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 423.*
- 169 Там же.
- 170 Об американской помощи в 1922 г. Советской России см.: *Цихелашвили Н. Ш., Дэвид Ч. Энгерман. Американская помощь России в 1921–1923 годах: Конфликты и сотрудничество // Американский ежегодник. 1995. М., 1996.*
- 172 *Чуев Ф. И. Молотов: Полудержавный властелин. М., 2002. С. 458.*
- 172 Там же. С. 453.
- 173 Там же. С. 455.
- 174 *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 427.*
- 175 Там же. С. 428.
- 176 Там же.
- 177 См.: *Кондрашин В. В. Что нес крестьянству Гитлер: «Новый аграрный порядок» на территории СССР // Война. Народ. Победа: Материалы Межвуз.науч.конференции, посвященной 60-летию начала Великой Отечественной войны. Пенза, 2001. С. 42–45; Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). М., 2001.*
- 178 *Sheila Fitzpatrick. Stalin's Peasants. Resistance and Survival in the Russian Village After Collectivization. (New York, Oxford University Press, 1994); Она же. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня / Пер. с англ. М., 2001.*
- 179 *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 429.*
- 180 Там же.
- 181 Там же.
- 182 Там же.
- 183 См.: *Кондрашин В. В. Реплика // Куда идет Россия? Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год. М., 1999. С. 103–104.*
- 184 *Новейшая история Отечества. XX век: Учеб. для студентов вузов: В 2 т. Т. 2 / Под ред. А.Ф. Киселева, Э.М. Щагина. М., 1998. С. 91.*
- 185 Исключением из правила могут быть названы Соединенные Штаты Америки, но и там становление рыночного сельского хозяйства осуществлялось за счет уничтожения коренного населения и ввоза в страну африканских рабов.

Заключение

- ¹ См.: *Феликс Чуев*. Так говорил Каганович: Исповедь сталинского апостола. М., 1992; *Feliks Chuev, Molotov Remembers: Inside Kremlin Politics: Conversations with Felix Chuev* / Ed. Albert Resis. Chicago, 1993; *Он же*. Молотов: Полудержавный властелин. М., 2002.
- ² На научном заседании, организованном Институтом всеобщей истории РАН, Институтом истории Украины Национальной Академии Наук Украины, Российско-украинской комиссией историков 29 марта 2004 г. в Москве, В. П. Данилов назвал голод 1932–1933 гг. социальным геноцидом, поскольку он стал результатом антикрестьянской политики сталинского режима.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абылхожин Ж. Б., Козыбаев М. К., Татимов М. Б.* Казахская трагедия // Вопросы истории. 1989. № 7. С. 55 – 71.

2. Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала в 1928–1934 гг.: Сборник документов и материалов. Т. 1 / Сост.: *Е. Ю. Баранов, Г. Е. Корнилов.* Оренбург, 2005. 285 с.

3. *Алексеев М.* Хлеб – имя существительное // Звезда. 1964. № 1. С. 37.

4. *Алексеев М. Н.* Сеятель и хранитель // Наш современник. 1972. № 9. С. 96.

5. *Алексеев М. Н.* Драчуны. М., 1982.

6. *Алексеева Л. В.* Сельскохозяйственное производство Уральской области в годы первой пятилетки (1928–1932 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Курган, 1998.

7. *Алексеев И., Ларкин В.* Председатель комиссии. Штрихи к политическому портрету Л.Кагановича // Советская Кубань. 1988. 23 ноября.

8. *Алексеев А. Н.* Голод начала 30-х гг. в Казахстане (Методика определения числа пострадавших // Историческая демография: новые подходы, методы, источники. Тезисы VIII Всероссийской конференции по исторической демографии. Екатеринбург, 13–14 мая 1992 г. М., 1992. С. 76–78.

9. «Альметьевское» дело. Трагические страницы из истории крестьянства Альметьевского района (конец 20 – начало 30-х гг.): Сб. док. и материалов / Сост.: *А. Г. Галямова, Р. Н. Гибадулина.* Казань, 1999.

10. *Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л.* Население Советского Союза, 1922–1991. М., 1993.

11. *Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л.* Демографическая история России: 1927–1959. М., 1998.

12. *Араловец Н. А.* Основные направления в изучении потерь населения 30-х годов в отечественной историографии //

Историческая демография: новые подходы, методы, источники. Тезисы VIII Всероссийской конференции по исторической демографии. Екатеринбург, 13–14 мая 1992 г. М., 1992. С. 81–83.

13. *Араловец Н. А.* Потери населения России и СССР в конце 20–30-е годы в историографии // *Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции.* М., 1994. С. 68–81.

14. *Араловец Н. А.* Потери населения советского общества в 1930-е годы: Проблемы, источники, методы изучения в отечественной историографии // *Отечественная история.* 1995. № 1. С. 137–141.

15. *Балакин Д. Б., Кондрашин В. В.* Карта голода 1932–1933 гг. в Поволжье и на Южном Урале // *Историческая демография: новые подходы, методы, источники. Тезисы VIII Всероссийской конференции по исторической демографии.* Екатеринбург, 13–14 мая 1992 г. М., 1992. С. 78–79.

16. *Баранов Е. Ю.* Причины и последствия голода 1932–1933 гг. в СССР: дискуссии российских и зарубежных ученых // *Третьи Уральские историко-педагогические чтения.* Екатеринбург, 1999. С. 95–100.

17. *Баранов Е. Ю.* Документы Уралобкома ВКП(б) и облисполкома как источник по голоду 1932–1933 гг. на Урале // *Историческая наука и историческое образование на рубеже XX–XXI столетий: Четвертые всероссийские историко-педагогические чтения.* Екатеринбург, 2000. С. 335–338.

18. *Баранов Е. Ю.* Типология исторических документов по голоду 1932–1933 гг. на Урале // *Третьи Татищевские чтения.* Екатеринбург, 2000. С. 127–129.

19. *Баранов Е. Ю.* Сельскохозяйственная статистика как источник изучения голода на Урале в 1932–1933 гг. // *Урал на пороге третьего тысячелетия. Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции.* Екатеринбург, 2000. С. 134–137.

20. *Баранов Е. Ю.* Источники по голоду 1932–1933 гг. на Урале // *Урал индустриальный: Бакунинские чтения. Материалы 4-й регион. науч. конф.* Екатеринбург, 2001. С. 230–232.

21. *Баранов Е. Ю.* Производство зерновой продукции в Уральской области в 1928–1933 гг. (по сводным статистическим материалам Уральского управления народно-хозяйственного учета) // *Многокультурное измерение исторического образования: теория и практика: Пятые всероссийские историко-педагогические чтения.* Екатеринбург, 2001. С. 17–20.

22. *Баранов Е. Ю.* Заготовки зерновой продукции в Уральской области в 1930–1933 гг. // Научно-теоретические основы непрерывного исторического образования: Шестые всероссийские историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 2002. С. 53–58.

23. *Баранов Е. Ю.* Аграрное производство и продовольственное обеспечение населения Уральской области в 1928–1933 гг.: Автореф. Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2002.

24. *Белковец Л. П.* «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920–1930-е годы). М., 1995. С. 164–169.

25. *Бикбаев Р.* В тридцатые роковые... // Советская Башкирия. 1992. 14 марта.

26. *Боже В., Непеин Н.* Жатва смерти (Голод в Челябинской губернии в 1921–1922 гг.): Материалы в помощь учителю. Челябинск, 1994. 35 с.

27. *Булкина Л. В.* Социальная история крестьянства периода коллективизации сельского хозяйства в СССР (1927–1933 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2000.

28. *Бурдуков П.* Стратегия голода и земельный вопрос. М.: Изд-во «Ветеран МП», 1995. 32 с.

29. *Виктор Кондрашин, Диана Пеннер.* Голод: 1932–1933 годы в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона и Кубани). Самара–Пенза, 2002. 432 с.

30. *Винокуров Г. Ф.* К вопросу сокращения сельского населения на рубеже 20–30-х гг. (переписка писателя Ф. В. Гладкова как исторический источник) // Новые страницы истории Отечества. Межвузовский сборник научных трудов / Пензенский гос. пед. ин-т им. В. Г. Белинского. Пенза, 1992. С. 128–143.

31. *Viola L.* The Campaign to Eliminate the Kulak as a Class, Winter 1929–1930: A Reevaluation of the Legislation // *Slavic Review*. Vol. 45. No. 3 (fall 1986). P. 503–524.

32. *Viola L.* The Best Sons of the Fatherland: Workers in the Vanguard of Soviet Collectivization. New York, 1987.

33. *Viola L.* Guide to Document Series // *A Researcher's Guide to Sources on Soviet Social History in the 1930s*. New York, Armonk, 1990.

34. *Viola L.* Peasant Rebels under Stalin. Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. Oxford University Press. N.Y. – Oxford, 1996.

35. *Олесь Воля*. Мор. Книга буття України. Видання християнського видавництва «Дорога правди». Канада — Україна. 1933. 430 с.
36. *Воронков Б. О.* Крестьянство Центрального Черноземья и власть во второй половине 1920 — первой половине 1930-х гг. Воронеж, 2003. 128 с.
37. *Вылцан М. А., Данилов В. П., Ивницкий Н. А.* Оглянуться в раздумье // Сельская новь. 1987. № 12. С. 14–17.
38. *Вылцан М. А.* Репрессии против крестьян в 30-е годы // Власть и общество в СССР: политика репрессий (20–40-е гг.). Сб. ст. М., 1999. С. 236–265.
39. *Гатиллов Э. В.* Исторические и социально-психологические аспекты развития крестьянства Черноземья (1927–1941): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.
40. *Герман А. А.* Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. Ч. II. Автономная республика 1924–1941. Саратов, 1994. С.121,125.
41. *Гинцберг Л. И.* Массовый голод в сочетании с экспортом хлеба в начале 30-х годов. По материалам «особых папок» Политбюро ЦК ВКП(б) // Вопросы истории. 1999. № 10.
42. Голод 1933 года / Публ. *Гончаренко О. И., Чингенкова А. П.* // Советские архивы. 1990. № 6. С. 45–46.
43. Голод 1932–1933 гг. на Украине: Свидетельствуют архивные документы // Под знаменем ленинизма. Киев, 1990. № 8. С. 64–86.
44. Голод на Украине: (1931–1933 гг.) / Публ. *Шаталина Е. П., Марочко В. И.* // Укр. іст. журн. 1989. № 7. С. 99–111; № 8. С. 105–106; № 9. С. 110–121; № 11. С. 78–90; 1990. № 1. –С. 104–106.
45. Голод по-большевистски: организаторы и вдохновители // Родина. 2007. № 8. С. 82–89; № 9. С. 80–86.
46. Голод 1932–1933 годов: Сб. статей / Отв. ред., вступит. статья *Ю.Н. Афанасьева*. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т., 1995. 96 с.
47. Голодомор 1932–1933 рр. в Україні: причини і наслідки. Міжнародна наукова конференція. Київ, 9–10 вересня 1993 р. Матеріали. Київ, 1995.
48. Голод 1932–1933 років в Україні. Ки в, 2003.
49. Голодомор 1932–1933 років в Україні: документи і матеріали / Упоряд. Р. Я. Пиріг; НАН України. Ін-т історії України. К.: Вид. дім «Киево-Могилянська академія», 2007. 1128 с.

50. Голоса крестьян. Сельская Россия XX в. в крестьянских мемуарах. М.: Аспект Пресс, 1996. 413 с.

51. *Гроссман В.* Все течет // Октябрь. М., 1989. № 6. С. 30–100.

52. *Andrea Graziosi.* The Great Soviet Peasant War. Bolsheviks and Peasants, 1917–1933. Ukrainian Research Institute Harvard University, 1996. 77 p.

53. *Грациози А.* Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933 / Пер. с англ. М: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. 96 с.

54. *Гущин Н. Я.* Коллективизация в Сибири (некоторые проблемы и уроки) // Развитие форм социалистической собственности в сибирской деревне: исторический опыт и современность. Новосибирск, 1991. С. 92–94.

55. *Гущин Н. Я.* Население Сибири в XX веке: основные тенденции и катаклизмы в развитии. Новосибирск, 1995. С. 24–25.

56. *Гущин Н. Я.* Раскулачивание в Сибири (1928–1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск, 1996. С. 133–135.

57. *Давлетшин Р. А.* «Великий перелом» и трагедия крестьянства Башкортостана. Уфа: «Китап», 1993. 157 с.

58. *Данилов В. П.* У колхозного начала // Советская Россия. 1987. 11 окт.

59. *Данилов В. П.* Феномен первых пятилеток // Горизонт. 1988. № 5. С. 28–38.

60. *Данилов В. П.* Октябрь и аграрная политика партии // Коммунист. 1987. № 16. С. 35–36.

61. *Данилов В. П.* Дискуссия в западной прессе о голоде 1932–1933 гг. и о «демографической катастрофе» 30–40-х гг. в СССР // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 116–121.

62. *Данилов В. П.* Коллективизация: Как это было. Страницы истории советского общества. М., 1989. С. 228–253.

63. *Данилов В. П.* Коллективизация сельского хозяйства в СССР // История СССР. 1990. № 5. С. 7–30.

64. *Davies R. W. and Stephen G. Wheatcroft.* The years of hunger: soviet agriculture, 1931–1933. Palgrave Macmillan, 2004. 555 p.

65. *Доброноженко Г. Ф.* Коллективизация на Севере. 1929–1932. Сыктывкар, 1994.

66. Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации, 1927–1932 гг. / Под ред. В. П. Данилова, Н. А. Ивницкого. Сост.: В. П. Данилов, Н. А. Ивницкий, С. А. Иникова, М. Е. Колесова, Т. Ф. Павлова, Е. А. Тюрина. М., 1989. 526 с.

67. *Dolot M.* Execution by Hunger: the hidden holocaust. N.Y., 1985 – XVI, 231 p. Воспоминания о голоде на Украине в 1931–1933 гг.

68. *Дяченко С.* Страшный месяц пухкутень // Огонек. 1989. № 27. С. 23–25.

69. *Есиков С. А., Кузнецова Э. Н.* Голод 1932–1933 гг. в Тамбовском крае. Тамбов, 1992.

70. *Жиромская В. Б.* Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., 2001.

71. *Жиромская В. Б.* «Голодная правда» // Российская газета. 2006. 6 декабря. № 274. С. 9.

72. *Заворотный С., Положевец П.* Операция «голод» // Комсомольская правда. 1990. 3 февр.

73. *Загоровский П. В.* Социально-экономические последствия голода в Центральном Черноземье в первой половине 1930-х гг. Воронеж, 1998. 132 с.

74. *Зеленин И. Е.* О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации // История СССР. 1989. № 2. С. 3–19.

75. *Зеленин И. Е.* Осуществление политики «ликвидации кулачества как класса» (осень 1930–1932 гг.) // История СССР. 1990. № 6. С. 31–49.

76. *Зеленин И. Е.* Политотделы МТС – продолжение политики «чрезвычайщины» (1933–1934 гг.) // Отечественная история. 1992. № 6.

77. *Зеленин И. Е.* Коллективизация и единоличник (1933-й – первая половина 1935 г.) // Отечественная история. 1993. № 3. С. 35–55.

78. *Зеленин И. Е.* Был ли «колхозный неонэп» // Отечественная история. 1994. № 2.

79. *Зеленин И. Е.* «Революция сверху»: завершение и трагические последствия // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 18–42.

80. *Зеленин И. Е., Ивницкий Н. А., Кондрашин В. В., Осолков Е. Н.* О голоде 1932–1933 гг. и его оценке на Украине (письмо в редакцию) // Отечественная история. 1994. № 6.

81. *Зеленин И. Е.* «Закон о пяти колосках»: разработка и осуществление // Вопросы истории. 1998. № 1.

82. *Зеленин И. Е.* Введение (Кульминация крестьянской трагедии). Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы: В 5 т. Т. 3. Конец 1930–1933 / Под ред. *В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы.* М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. С. 7–47.

83. *Зеленин И. Е.* Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М.: Наука, 2006. 315 с.

84. *Ивницкий Н. А.* Голод 1932–1933 гг.: Кто виноват? // Лекции по отечественной истории / РГГУ. Ист. колледж. М., 1992. С. 18–46.

85. *Ивницкий Н. А.* Голод 1932–1933 годов: кто виноват? // Судьбы российского крестьянства. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1996. С. 333–363.

86. *Ивницкий Н. А.* Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М., 2000.

87. Историческая демография: новые подходы, методы, источники: Тезисы VIII Всероссийской конференции по исторической демографии. Екатеринбург, 13–14 мая 1992 г. М., 1992. С. 78–79.

88. *Исупов В. А.* Демографические последствия голода 1932–1933 гг. в Западной Сибири // Демографическое развитие Сибири, 30–80-е гг. (Ист. опыт и совр. пробл.): Сб. науч. тр. Новосибирск, 1991. С. 11–19.

89. *Исупов В. А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000.

90. Итоговый отчет международной комиссии по расследованию голода 1932–1933 гг. на Украине // Голод 1932–1933 годов. М., 1995.

91. *Каунова Н. Е.* Голод в начале 1930-х гг. в Средне-Волжском крае // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2005.

92. *Киселев И. Н.* Естественное движение населения в 1930-х годах // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции. М., 1994. С. 51, 60, 65, 67.

93. Коллективизация: истоки, сущность, последствия. Беседа за «круглым столом» // История СССР. 1989. № 3. С. 3–62.

94. Коллективізація і голод на Україні. 1929–1933. Сб. документів і матеріалів [Відп. ред. С. В. Кульчицький]. Київ, 1992.

95. *Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 гг. в деревне Поволжья (по свидетельствам очевидцев) // Проблемы устной истории в СССР (Тезисы научной конференции). 28–29 ноября 1989 г. в г. Кирове. Киров, 1990. С. 18–22.

96. *Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 гг. в деревнях Поволжья // Вопросы истории. 1991. № 6. С. 176–182.

97. *Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 годов в деревне Поволжья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991.

98. *Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 годов в пензенской деревне // Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии. Пенза, 1992. С.112–116.

99. *Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 гг. в деревнях Поволжья // Голодомор 1932–1933 рр. в Україні: причини і наслідки. Міжнародна наукова конференція. Київ, 9–10 вересня 1993 р. Матеріали. Київ, 1995. С. 123–132.

100. *Кондрашин В. В.* Документы архивов бюро ЗАГС как источник по истории поволжской деревни //Актуальные проблемы археографии, источниковедения и историографии. Материалы к Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Вологда, 1995. С. 68–72.

101. *Кондрашин В. В.* Голод в крестьянском менталитете // Менталитет и аграрное развитие России. Материалы международной конференции. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1995. С. 115–123, 378–380.

102. *Кондрашин В. В., Д. Пеннер.* Голод: 1932–1933 гг. в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона и Кубани). Монография. Самара–Пенза: СГУ, ПГПУ, 2002. 432 с.

103. *Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 годов в российской деревне (учебное пособие к спецкурсу). Гриф УМО Минобразования России. Пенза: ПГПУ, 2003. 366 с.

104. *Кондрашин В. В.* Был ли голод 1932–33 годов на Украине геноцидом украинского народа? // Государство и общество. Проблемы социально-политического и экономического развития России: Тематич. сб. науч. трудов. Пенза: Информационно-издательский центр ПГУ, 2004. С. 53–64.

105. *Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 гг. в России и Украине: трагедия советской деревни // XX век и сельская Россия. Российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке». Токио, 2005. С. 234–264.

106. *Кондрашин В. В.* Голодомор 1932–1933 гг. в России и на Украине: причины, масштабы, последствия // Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в XVIII–XX веках: Сб. ст. Оренбург, 2006. С. 232–238.

107. *Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 гг. в российской деревне в свидетельствах очевидцев // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. 2005. Вып. 5. М.: МВШСЭН, 2006. С. 183–197.

108. *Кондрашин В. В.* Три советских голода. Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XIX вв. Проблемы источников и историографии: история и современность. Оренбург: ОГПУ, 2007. Ч. 2. С. 299–312.

109. *Robert Conquest.* The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivisation and the terror-famine. New York: Oxford. Oxford University Press, 1986.

110. *Конквест Р.* Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом / Пер. с англ. *И. Коэн и Н. Май.* Под ред. *М. Хейфеца.* Лондон, 1988.

111. *Конквест Р.* Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом // Новый мир. 1989. № 10. С. 179–200.

112. *Конквест Р.* Жатва скорби: реестр голода // Вопросы истории. 1990. № 1, 4. С. 86, 93, 96. № 1. С. 137–160.

113. *Кузин К. И.* «Ни песен, ни радости в деревне нет...» // Воронежский вестник архивиста. Вып. 1. Воронеж, 2004. С. 104–113.

114. *Кульчицкий С. В.* Некоторые проблемы истории сплошной коллективизации на Украине // История СССР. 1989. № 5. С. 33.

115. *Кульчицкий С. В.* Демографические последствия голода 1933 г. на Украине // Тезисы докладов и сообщений VII Всесоюзной конференции по исторической демографии. Ч. 1. Донецк, 14–16 мая 1991 г. М., 1991. С. 38–39.

116. *Кульчицкий С.* Почему он нас уничтожал? Киев, 2007. 208 с.

117. *Lewin M.* Russian peasants and Soviet power: A Study of Collectivization. N.Y., 1975.

118. *Петр Луговой.* С кровью и потом // Дон. 1988. № 6. С. 122–124.

119. *Максудов С.* Потери населения СССР. Benson, 1989. С. 170–173.

120. *Maqе J. E.* The american press and ukrainian famine // Genocide watch. New-Haven; L., 1992. P. 117–132.

121. Международная комиссия по расследованию голода на Украине 1932–1933 годов. Итоговый отчет 1990 год. Пер. с англ. Киев, 1992. 191 с.
122. *James E. Mace*. The Famine of 1933: A Survey of Sources // Famine in Ukraine 1932–1933. (Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies, University of Alberta, 1986). P.50.
123. *James E. Mace*. Is the Ukrainian Genocide a Myth? // La morte della terra. La grande «carestia» in Ucraina nell 1932 –33. Viela, Roma, 2004. P. 407–415.
124. *Мерль Ш.* Голод 1932–1933 годов: геноцид украинцев для осуществления политики русификации? // Отечественная история. 1995. № 1. С. 49–61.
125. *Михайлов В. Ф.* Хроника Великого Джуга: Документальная повесть. Алма-Ата, 1990. 205 с.
126. *Morison D. J.* The soviet pesantry's expenditure in Socialisted trade, 1928–1934 // Sov. studie's. Glasgow, 1989. Vol. 41. № 2. P. 175–195.
127. *Мошнин Н. И., Полубояров М. С.* История Малосердобинского района. Пенза, 1989. С. 77–88.
128. *Мухин Ю.* А был ли голод в СССР // Завтра. 1994. № 49.
129. *Надькин Т. Д.* Хлебозаготовки и голод начала 30-х гг. в деревне Мордовии // Актуальные вопросы истории и этнологии: Сб. ст. // Мордов. гос. пед. ин-т. Саранск, 1999. Вып. 2. С. 45–49.
130. *Надькин Т. Д.* Деревня Мордовии в годы коллективизации. Саранск, 2002. 137 с.
131. *Непешин Н.* Неизвестный голод // Отечество. Краеведческий альманах. М.: Отечество, 1994. Вып. 5. С. 227–244.
132. *Никонов Н. А.* Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М., 1995. 574 с.
133. *Nove A.* An Economic History of the USSR. New York, 1989.
134. Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах / Отв. ред. А. К. Соколов. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1990. 352 с.
135. *Hiroshi Okuda*. Revolution on the Volga: the Soviet Countryside under Stalinist Rule 1929–1934. Tokyo University Press, 1996 (на японском языке).
136. *Орлова А. А.* Что же было: организованный голод или засуха? // Вопросы истории. 1986. № 12. С. 176–177.

137. *Осколков Е. Н.* Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 г. в Северо-Кавказском крае. Ростов-на-Дону, 1991. 91 с.

138. *Осколков Е. Н.* Голод 1932–1933 гг. в зерновых районах Северо-Кавказского края // Голодомор 1932–1933 рр. в Україні: причини і наслідки. Міжнародна наукова конференція. Київ, 9–10 вересня 1993 р. Матеріали. Київ, 1995. С.115–119.

139. *Осколков Е. Н.* Хлебозаготовки и голод 1932–1933 гг. в Северо-Кавказском крае // Донской юридический институт: Ученые записки. Памяти Е. Н. Осколкова (К 75-летию со дня рождения). Т. 16. Сб. трудов проф. Осколкова Е. Н., воспоминаний, статей его учеников и коллег. Ростов-на-Дону: Изд. ДЮИ, 2001. С. 6–95.

140. *Осокина Е. А.* Жертвы голода 1933 года: сколько их было? (Анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР) // История СССР. 1991. № 5. С. 18–26.

141. *Осокина Е. А.* Демографические процессы и централизованное распределение продовольствия в 1933 г. // Россия и США на рубеже XIX–XX вв. М.: Наука, 1992.

142. *Osokina E.* The Victims of the Famine of 1933: How Many? (An Analysis of Demographic Statistics of the Central State Archive of the National Economy of the USSR // Russian Studies in History. Fall, 1992. Vol. 31.

143. *Осокина Е. А.* Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935 гг. М.: Изд-во МГУ, 1993. 144 с.

144. *Осокина Е. А.* За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1917–1941. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. 271 с.

145. *D'Ann R.Penner.* Stalin and the Ital`ianka of 1932–1933 in The Don region // Cahiers du Monde russe, 39(1-2), janvier-juin 1998. P. 27–68.

146. *D'Ann R.Penner.* The «Agrarian Strike» of 1932–1933 // Kennan Institute for Advanced Russian Studies. Occasional paper. P. 1–53.

147. *Пирожков С. И.* Потери демографического потенциала Украины в результате катастроф 1930–1940 гг. // Тезисы докладов и сообщений VII Всесоюзной конференции по исторической демографии. Ч. I. Донецк, 14–16 мая 1991 г. М., 1991. С. 5–6.

148. *Полубояров М.* Зачеркнутая строка, или организованный голод // Волга. 1991. № 4. С. 127–137.

149. *Попов В.* Хлеб под большевиками // Новый мир. 1997. № 8. С. 175–190.

150. Продовольственная безопасность Урала в XX веке. 1900–1984 гг. Документы и материалы: В 2 т. / Под ред. *Г. Е. Корнилова, В. В. Маслакова*. Т. 2. Екатеринбург, 2000. С. 16–141.

151. *Прокопович С. Н.* Народное хозяйство СССР. Т. 1. Нью-Йорк, 1952. С. 219–221.

152. Розсекречена пам'ять: Голодомор 1932–1933 років в Україні в документах ГПУ–НКВД. К.: ВД «Стилос», 2007. 604 с.

153. *Рудницький О. П.* Демографічні наслідки голоду 1932–1933 рр. в Українсько РСР // Історія нар. госп-ва екон. Думки УРСР. Київ, 1990. Вип. 24. С. 22–26.

154. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: В 4 т. Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 1. 1930–1931 гг. / Под ред. *А. Береловича, В. Данилова*. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. 864 с.

155. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: В 4 т. Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 2. 1932–1934 гг. / Под ред. *А. Береловича, В. Данилова*. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. 840 с.

156. *Стаднюк И.* Люди не ангелы. М., 1975.

157. *Стреляный А. И.* Без патронов. Сталинская поспешность // Судьбы российского крестьянства. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1996. С. 493–525.

158. *Таугер М. Б.* Урожай 1932 года и голод 1933 года // Голод 1932–1933 годов. М., 1995. С. 14–42.

159. *Таугер М. Б.* Урожай 1932 года и голод 1933 года // Судьбы российского крестьянства. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1996. С. 298–332.

160. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы: В 5 т. Т. 1. Май 1927 — ноябрь 1929 / Под ред. *В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы*. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. 880 с.

161. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы: В 5 т. Т. 2. Ноябрь 1929 — декабрь 1930 / Под ред. *В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы*. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. 927 с.

162. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы: В 5 т. Т. 3. Конец 1930–1933 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. 1008 с.

163. 33-й: голод: Народна Книга — Меморіал / Упоряд.: Л. Б. Коваленко, В. А. Маняк. Київ: Рад. письменник, 1991. 584 с.

164. *Ткаченко В. В.* 1933-й: хроника голодного геноцида // Филос. и социол. мысль. Киев, 1991. № 1. С. 101–111.

165. *Wheatcroft Stephen G.* More Light on the Scale of Repression and Excess Mortality in the Soviet Union in the 1930 s. // *Stalinist Terror: New Perspectives.* Ed. By *J. Arch Getty* and *Roberta T. Manning.* New York, 1993.

166. *Уиткрофт С. Г., Дэвис Р. У.* Кризис в советском сельском хозяйстве (1931–1933 гг.): Доклад и его обсуждение на теоретическом семинаре «Современные концепции аграрного развития» // Отечественная история. 1998. № 6. С. 95–109.

167. *Уиткрофт С.* О зерновых балансах и оценках урожайности в СССР в 1931–1933 гг. // Трагедия советской деревни. Т. 3. М., 2001. С. 842–865.

168. *Уиткрофт С.* О демографических свидетельствах трагедии советской деревни в 1931–1933 гг. // Трагедия советской деревни. Т. 3. М., 2001. С. 866–887.

169. *Хандрос Б.* Смертные листы // Юность. 1990. № 12. С. 45–55.

170. *Хлевнюк О. В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1996. 304 с.

171. *Хомяков М.* Голод рукотворный: К 60-летию народной трагедии // Независимая газета. 1993. 29 апреля.

172. *Хубова Д. Н.* Черные доски: TABULA RASA. Голод 1932–1933 годов в устных свидетельствах // Голод 1932–1933 годов: Сб. статей. М., 1995. С. 67–88.

173. *Цаплин В. В.* Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // Вопросы истории. 1989. № 4.

174. Черный перелом / Сост. *Астанков Ю. В.* Сб. док. о голоде 1931–1933 гг. Самара, 1992. 280 с.

175. *Шейла Фицпатрик.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня / Пер. с англ. М., 2001.

176. *Шолохов М.* «Я видел такое, чего нельзя забыть до смерти» (Публикация Ю. Мурина) // Родина. 1992. № 11–12. С. 51–57.
177. Шолохов и Сталин: Переписка начала 30-х годов / Вступ. ст. *Мурина Ю. Г.* // Вопросы истории. 1994. № 3. С. 3–24.
178. *Шубин А.* 10 мифов Советской страны. М.: Яуза, 2007. С. 180–203.
179. *Ілля Шульга.* Людомор на Поділлі (до 60-річчя голодомору). Республіканська асоціація українознавців, 1993. 235 с.
180. *Щербак Ю.* Царь-Голод // Собеседник. 1988. № 49.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Список свидетелей голода 1932–1933 годов в Поволжье и на Южном Урале, опрошенных автором в ходе социологического обследования поволжских и южноуральских деревень

I. Волгоградская область

Даниловский район

Бобров Д.В., 1911 г.р., село Лобойково
Власова А.Т., 1925 г.р., с. Лобойково
Давиденко Е.П., 1911 г.р., с. Лобойково
Давиденкова М.Г., 1911 г.р., с. Лобойково
Давиденко И.П., 1913 г.р., с. Лобойково
Колесников П.И., 1928 г.р., с. Лобойково
Овчаров В.А., 1924 г.р., с. Лобойково
Осадчивая Е.П., 1906 г.р., с. Лобойково
Сорокина П.Г., 1920 г.р., с. Лобойково
Тонконогов В.Е., 1909 г.р., с. Лобойково

Жирновский район

Ковалева А.С., 1920 г.р., г. Жирновск, ул. Комсомольская, д. 1, кв. 1
Новикова А.И., 1919 г.р., г. Жирновск, ул. Ленина, д. 2, кв. 7
Родионова А.Ф., 1913 г.р., г. Жирновск, ул. Матросова, д. 41, кв. 12
Шмырев И.В., 1911 г.р., г. Жирновск, ул. Матросова, д. 31, кв. 6

Еланский район

Данилова М.И., 1914 г.р., с. Краишево
Дроков Г.И., 1913 г.р., с. Краишево
Дроков Е.Е., 1923 г.р., с. Краишево
Дудников П.В., 1923 г.р., с. Краишево
Лаврентьев А.М., 1907 г.р., с. Краишево
Лаврентьева Е.В., 1907 г.р., с. Краишево
Менялкин П.Ф., 1907 г.р., с. Краишево
Мягкова М.В., 1907 г.р., с. Краишево

Нагорнова А.К., 1923 г.р., с. Краишево
Синякова Е.Д., 1915 г.р., с. Краишево
Федосеева Х.И., 1905 г.р., с. Краишево

Иловлинский район

Анохина М.Е., 1925 г.р., с. Тары
Дубровина А.Г., 1917 г.р., с. Тары
Попов С.А., 1911 г.р., с. Тары
Сазанова А.С., 1916 г.р., с. Тары

Калачевский район

Ананьев А.П., 1913 г.р., хутор Голубинский
Ананьева О.И., 1919 г.р., хутор Голубинский
Горбачева М.Я., 1913 г.р., хутор Голубинский
Жемчужнов Н.К., 1901 г.р., г. Калач-на-Дону
Зотов Н.С., 1908 г.р., хутор Голубинский
Козлова М.П., 1911 г.р., г. Калач-на-Дону
Коровин С.Е., 1918 г.р., хутор Голубинский
Митина Е.А., 1922 г.р., г. Калач-на-Дону
Назаркина Е.А., 1923 г.р., хутор Голубинский
Пападейкин Е.А., 1900 г.р., г. Калач-на-Дону
Платонов И.П., 1918 г.р., хутор Голубинский
Пилкина Д.Ф., 1910 г.р., хутор Голубинский
Полякова Е.И., 1912 г.р., хутор Голубинский
Трифонова А.П., 1911 г.р., хутор Голубинский
Чебаков Е.Ф., 1904 г.р., хутор Голубинский
Чебакова А.М., 1910 г.р., хутор Голубинский

Камышинский район

Агафонов А.И., 1924 г.р., с. Петрунино
Базаров И.Ф., 1929 г.р., с. Соломатино
Бережнов В.Н., 1920 г.р., с. Костарево
Волкова О.Ф., 1912 г.р., с. Лебяжье
Гриненко А.Н., 1919 г.р., с. Костарево
Глущенко П.И., 1921 г.р., с. Петрунино
Кадкова А.М., 1911 г.р., с. Соломатино
Карасев П.А., 1896 г.р., с. Костарево
Колпакова Е.В., 1911 г.р., с. Лебяжье
Клетцков А.Т., 1926 г.р., с. Петрунино
Кудрявцева А.И., 1918 г.р., с. Костарево
Кудрявцев И.С., 1909 г.р., с. Костарево

Летов М.П., 1911 г.р., с. Лебяжье
Мартыненко К.А., 1904 г.р., с. Петрунино
Мартыненко К.Н., 1918 г.р., с. Петрунино
Мартыненко П.Д., 1916 г.р., с. Петрунино
Наумов В.Г., 1911 г.р., с. Петрунино
Наумов А.Г., 1926 г.р., с. Петрунино
Объедкова А.И., 1914 г.р., с. Соломатино
Осьмаков И.И., 1906 г.р., с. Соломатино
Осьманов С.И., 1915 г.р., с. Соломатино
Пименов И.Ф., 1913 г.р., с. Петрунино
Пурнова Н.Т., 1919 г.р., с. Костарево
Рагузина Е.П., 1912 г.р., с. Соломатино
Сафьянов А.И., 1903 г.р., с. Соломатино
Сунцов И.П., 1913 г.р., с. Петрунино
Хлебникова М.Н., 1910 г.р., с. Петрунино
Черницина М.Д., 1918 г.р., с. Лебяжье

Киквидзенский район

Ахтырский М.П., 1904 г.р., с. Мачеха
Ахтырская М.С., 1906 г.р., с. Мачеха
Беловодская М.Я., 1913 г.р., с. Мачеха
Воловикова А.Е., 1920 г.р., с. Мачеха
Гайдукова И.П., 1907 г.р., с. Мачеха
Дегтярев И.В., 1911 г.р., с. Мачеха
Поляков П.И., 1913 г.р., с. Мачеха
Полякова А.А., 1915 г.р., с. Мачеха
Сучков В.А., 1910 г.р., с. Мачеха
Тараканов Ф.Б., 1918 г.р., с. Мачеха
Тараканова А.П., 1918 г.р., с. Мачеха
Тараканова А.П., 1913 г.р., с. Мачеха

Котовский район

Дружинин Ф.А., 1905 г.р., г. Котово, ул. Мира, д. 181, кв. 8
Ермакова Е.С., 1929 г.р., г. Котово, ул. Привокзальная, д. 10
Котенко А.П., 1911 г.р., г. Котово, ул. Ленина, д. 24
Котенко М.М., 1911 г.р., г. Котово, ул. Ленина, д. 24
Крапивенко А.М., 1915 г.р., г. Котово
Литвинов М.Ф., 1910 г.р., г. Котово, ул. Ленина, д. 174
Нестеренко И.Т., 1913 г.р., г. Котово, ул. Ленина, д. 218
Нестеренко И.А., 1908 г.р., г. Котово, ул. Мира, д. 187

Михайловский район

Донекова М.Е., 1910 г.р., с. Етеревка
Копылова А.С., 1914 г.р., с. Етеревка
Левашова Е.И., 1914 г.р., с. Етеревка
Межевая М.И., 1908 г.р., с. Етеревка
Налимова В.П., 1916 г.р., с. Етеревка
Попов Н.Н., 1908 г.р., с. Етеревка
Попов П.Ф., 1924 г.р., с. Етеревка
Цыканов А.И., 1911 г.р., с. Етеревка

Николаевский район

Беликов А.Д., 1912 г.р., с. Солодушино
Дворникова А.Ф., 1907 г.р., с. Солодушино
Ильченко А.В., 1901 г.р., с. Солодушино
Литвинов В.Н., 1904 г.р., с. Солодушино
Лященко Е.С., 1923 г.р., с. Солодушино
Онопrienко М.И., 1919 г.р., с. Солодушино

Новоаннинский район

Бирюков А.Е., 1918 г.р., с. Березовка — Первая
Бирюкова О.Е., 1928 г.р., с. Березовка — Первая
Васильев И.А., 1912 г.р., с. Березовка — Первая
Васильева Ф.П., 1907 г.р., с. Березовка — Первая
Иванов И.Е., 1914 г.р., с. Березовка — Первая
Ларина М.С., 1914 г.р., с. Березовка — Первая
Макеева Е.С., 1918 г.р., с. Березовка — Первая
Поляков А.Н., 1925 г.р., с. Березовка — Первая
Полякова В.И., 1926 г.р., с. Березовка — Первая
Попов В.Ф., 1912 г.р., с. Березовка — Первая
Попова Р.С., 1926 г.р., с. Березовка — Первая

Палласовский район

Борисенко А.Е., 1910 г.р., с. Савинка
Гнутенко А.Ф., 1913 г.р., с. Савинка
Ломтев И.П., 1912 г.р., с. Савинка
Ломтева А.П., 1913 г.р., с. Савинка
Ломтева В.П., 1914 г.р., с. Савинка
Мамбетова Б.Ж., 1924 г.р., с. Савинка
Мингазетдинова М.П., 1903 г.р., с. Савинка
Никитина М.А., 1906 г.р., с. Савинка
Полуосьмак А.Ф., 1908 г.р., с. Савинка

Старо-Полтавский район

Бескровный В.Д., 1916 г.р., с. Новая Полтавка
Долматова Н.Н., 1913 г.р., с. Старая Полтавка
Завалий М.Ф., 1923 г.р., с. Новая Полтавка
Козин И.А., 1911 г.р., с. Новая Полтавка
Костюченко П.П., 1917 г.р., с. Новая Полтавка
Тищенко А.М., 1915 г.р., с. Новая Полтавка
Тищенко Т.Л., 1912 г.р., с. Новая Полтавка
Яицкий М.Д., 1917 г.р., с. Новая Полтавка

Суровикинский район

Болдырева К.С., 1916 г.р., с. Суровикино

Фроловский район

Воловатов Ф.Ф., 1909 г.р., с. Большой Лычак
Воловатов И.А., 1899 г.р., с. Большой Лычак
Димитров П.Н., 1912 г.р., с. Большой Лычак
Димитрова А.И., 1915 г.р., с. Большой Лычак
Климова К.И., 1901 г.р., с. Большой Лычак
Кузнецов Г.К., 1920 г.р., с. Большой Лычак
Михайлин П.П., 1908 г.р., с. Большой Лычак
Михайлина А.Г., 1915 г.р., с. Большой Лычак
Попов И.М., 1912 г.р., с. Большой Лычак
Семин С.К., 1910 г.р., с. Большой Лычак
Цыплухина М.Д., 1906 г.р., с. Большой Лычак

II. Оренбургская область

Бузулукский район

Васильева Т.И., 1925 г.р., с. Лисья Поляна
Данжук К.И., 1913 г.р., с. Лисья Поляна
Назайкинский М.В., 1916 г.р., с. Лисья Поляна
Назайкинская М.А., 1919 г.р., с. Лисья Поляна
Нефедов Г.А., 1909 г.р., с. Лисья Поляна
Овинов С.Я., 1916 г.р., с. Лисья Поляна
Овинова М.Л., 1918 г.р., с. Лисья Поляна
Попова А.И., 1909 г.р., г. Бузулук
Тимащук М.И., 1928 г.р., с. Лисья Поляна
Шапилов В.С., 1928 г.р., с. Лисья Поляна
Щербовский М.К., 1921 г.р., с. Лисья Поляна
Хвостова Н.В., 1884 г.р., с. Лисья Поляна

Домбаровский район

Максимова А.Г., 1914 г.р., с. Домбаровка

Котин Е.Г., 1918 г.р., с. Домбаровка

Ситник Н.П., 1911 г.р., с. Домбаровка

Шумейко Х.С., 1912 г.р., с. Домбаровка

Новоорский район

Беловолов В.А., 1924 г.р., с. Кумак

Боркаръ В.М., 1908 г.р., с. Кумак

Зайцев А.В., 1926 г.р., с. Кумак

Крюков И.Л., 1910 г.р., с. Кумак

Николаев Л.А., 1920 г.р., с. Кумак

Орехов И.Р., 1908 г.р., с. Кумак

Оренбургский район

Елистратова Т.И., 1912 г.р., с. Новопавловка

Шашкова М.С., 1908 г.р., с. Нижнепавловка

Шашков Ф.И., 1910 г.р., с. Нижнепавловка

Саракташский район

Истомин Г.В., 1908 г.р., с. Красногор

Матвеева Т.А., 1905 г.р., с. Красногор

Мочалин П.М., 1909 г.р., с. Воздвиженка

Мочалина А.Г., 1908 г.р., с. Воздвиженка

Мордынский Ф.И., 1901 г.р., р. п. Саракташ

Пустовалов А.И., 1905 г.р., с. Красногор

Пустовалова Е.И., 1912 г.р., с. Красногор

Пустовалова Е.Д., 1912 г.р., с. Красногор

Сальников П.Т., 1923 г.р., с. Красногор

Тюрина Е.П., 1929 г.р., с. Воздвиженка

Тетюшева А.В., 1919 г.р., с. Воздвиженка

Чумаков М.М., 1918 г.р., р.п. Саракташ

Яковлева А.В., 1900 г.р., с. Красногор

Соль-Илецкий район

Безбородова П.М., 1912 г.р., с. Саратовка

Глазунова Т. п., 1909 г.р., с. Саратовка

Зотова А.В., 1903 г.р., с. Саратовка

Назаров И.С., 1904 г.р., с. Саратовка

Рыжников И.Я., 1914 г.р., г. Оренбург, ул. Горького, д. 42, кв. 8

Тащилина А.М., 1917 г.р., с. Саратовка

Хорешко Д.А., 1908 г.р., с. Саратовка

Сорочинский район

Агапова Н.И., 1909 г.р., с. Федоровка
Заборовская Т.И., 1915 г.р., с. Федоровка
Заборовский С.А., 1915 г.р., с. Федоровка
Кичерова М.П., 1903 г.р., с. Федоровка
Кичеров И.С., 1902 г.р., с. Федоровка
Митин В.И., 1918 г.р., с. Федоровка
Митин В.К., 1908 г.р., с. Федоровка
Митина А.А., 1917 г.р., с. Федоровка
Нечаев Г.В., 1916 г.р., с. Федоровка
Объеднев Ф.Л., 1917 г.р., с. Федоровка
Смагин И.А., 1915 г.р., с. Федоровка

Шарлыкский район

Антипов Г.И., 1905 г.р., с. Зеркло
Антипова М.А., 1906 г.р., с. Зеркло
Бутузова Е.П., 1912 г.р., с. Парадеево
Васильевский И.Г., 1918 г.р., с. Богородск
Возжова М.А., 1925 г.р., с. Богородск
Гладких П.А., 1923 г.р., с. Зеркло
Головина А.И., 1915 г.р., с. Парадеево
Денисова Е.С., 1918 г.р., с. Богородск
Ефимова А.М., 1915 г.р., с. Зеркло
Клименко Е.Ф., 1917 г.р., с. Парадеево
Набатчикова В.И., 1901 г.р., с. Зеркло
Неверова П.И., 1916 г.р., с. Парадеево
Потапова М.С., 1921 г.р., с. Парадеево
Ревакина П.Е., 1908 г.р., с. Парадеево
Селифанкин Т. п., 1912 г.р., с. Богородск
Селифанкина А.Т., 1916 г.р., с. Богородск
Семенов В.Ф., 1920 г.р., с. Парадеево
Сергеева А.П., 1924 г.р., с. Зеркло
Серков В.М., 1912 г.р., с. Зеркло
Тубольцева М.К., 1908 г.р., с. Зеркло
Тубольцев П.И., 1908 г.р., с. Зеркло
Филякин М.Е., 1914 г.р., с. Парадеево
Хохлов П.И., 1924 г.р., с. Зеркло

III. Пензенская область

Городищенский район

Попкова А.М., 1912 г.р., с. Николо-Райское

Кондольский район

Аксенов М.И., 1902 г.р., р.п. Кондоль
Гурин Ф.Г., 1901 г.р., с. Урлейка
Новинский И.Я., 1924 г.р., с. Урлейка
Седов Н.Г., 1914 г.р., с. Урлейка

Лопатинский район

Безверхов В.М., 1921 г.р., с. Сорокино
Заварзин Д.Т., 1904 г.р., с. Сорокино
Колчин И.А., 1918 г.р., с. Сорокино
Решетников А.Е., 1913 г.р., с. Сорокино

Никольский район

Володина А.Ф., 1901 г.р., с. Ахматовка
Егошин А.И., 1914 г.р., с. Ахматовка
Киселева М.А., 1923 г.р., с. Малая Пестровка
Майоров А.И., 1921 г.р., с. Ахматовка
Натина Е.В., 1931 г.р., с. Ахматовка
Федоров И.А., 1921 г.р., с. Ахматовка

Тамалинский район

Васильев Р.О., 1902 г.р., с. Ульяновка
Николаев Е.Н., 1917 г.р., с. Ульяновка
Сергеева О.Г., 1912 г.р., с. Новое Зубрилово
Федотов А.А., 1898 г.р., с. Новое Зубрилово
Федотова П.А., 1924 г.р., с. Новое Зубрилово

IV. Самарская область

Безенчукский район

Зуткина П.Н., 1921 г.р., с. Кануевка
Калабин И.Г., 1914 г.р., с. Екатериновка
Калабина Н.В., 1924 г.р., с. Екатериновка
Карясова В.Г., 1901 г.р., с. Кануевка
Карясова Е.В., 1926 г.р., с. Кануевка
Корнеева П.В., 1914 г.р., с. Кануевка
Королев Ф.С., 1899 г.р., с. Кануевка
Королева К.М., 1904 г.р., с. Кануевка
Костина А.И., 1905 г.р., с. Алексеевка
Митекина П.И., 1911 г.р., с. Кануевка
Полетаева П.П., 1925 г.р., с. Кануевка
Чугурова М.С., 1914 г.р., с. Кануевка

Больше-Глушицкий район

- Артюшин И.В., 1926 г.р., с. Тамбовка
Богомолова В.М., 1930 г.р., с. Тамбовка
Братчикова А.А., 1911 г.р., с. Морец
Горшков В.И., 1925 г.р., с. Новопавловка
Жданова К.И., 1907 г.р., с. Новопавловка
Заболотников В.А., 1924 г.р., с. Новопавловка
Завидов А.В., 1908 г.р., с. Тамбовка
Завидова М.В., 1909 г.р., с. Тамбовка
Карпенко Е.А., 1915 г.р., с. Новопавловка
Косарева В.А., 1924 г.р., с. Новопавловка
Косарев И.Т., 1925 г.р., с. Новопавловка
Максакова В.О., 1917 г.р., с. Новопавловка
Мелехова А.И., 1918 г.р., с. Новопавловка
Морозова А.Н., 1916 г.р., с. Новопавловка
Морозов Г.А., 1915 г.р., с. Новопавловка
Николаева Е.В., 1899 г.р., р.п. Большая Глушица, ул. Октябрьская, д. 36
Николаева Т.И., 1919 г.р., р.п. Большая Глушица, ул. Октябрьская, д. 36
Попов И.К., 1911 г.р., с. Тамбовка
Русяева П.Я., 1924 г.р., р.п. Большая Глушица, ул. Советская, д. 27
Садчикова А.С., 1910 г.р., с. Морец
Скворцов В.А., 1900 г.р., с. Тамбовка
Шепелев К.С., 1896 г.р., р.п. Большая Глушица, ул. Советская, д. 114
Чапрасова Н.Л., 1906 г.р., с. Тамбовка
Чапрасов И.В., 1906 г.р., с. Тамбовка
Ямщиков М.П., 1912 г.р., с. Тамбовка

Кинельский район

- Васина А.И., 1918 г.р., с. Красносамарка
Князева В.П., 1905 г.р., с. Красносамарка
Князева А.Е., 1913 г.р., с. Красносамарка
Козлов П.М., 1903 г.р., с. Красносамарка
Попова К.Т., 1922 г.р., с. Красносамарка
Райденкова М.П., 1911 г.р., с. Красносамарка
Райденков В.И., 1913 г.р., с. Красносамарка
Солнцева А.Е., 1921 г.р., с. Красносамарка
Солнцев Н.И., 1918 г.р., с. Красносамарка
Толстов Е.П., 1914 г.р., с. Красносамарка
Шлюпкина А.С., 1913 г.р., с. Красносамарка

Кинель-Черкасский район

Антонова А.С., 1914 г.р., с. Семеновка
Дементьева М.А., 1914 г.р., с. Семеновка
Дементьев К.И., 1914 г.р., с. Семеновка
Дубова М.В., 1910 г.р., с. Семеновка
Зотова Е.И., 1925 г.р., с. Семеновка
Карпова М.Г., 1913 г.р. с. Семеновка
Никитина К.С., 1916 г.р., с. Семеновка
Пресняков М.А., 1910 г.р., с. Семеновка
Преснякова Е.М., 1912 г.р., с. Семеновка
Шишинов В.Г., 1909 г.р., с. Семеновка

Красноармейский район

Абашкина М.П., 1911 г.р., с. Красноармейское, ул. Чапаева, д. 64
Воробьев А.Л., 1907 г.р., с. Красноармейское, ул. Чапаева, д. 98
Ковалева А.Г., 1905 г.р., с. Красноармейское
Коннов М.П., 1917 г.р., с. Красноармейское, ул. Чапаева, д. 172
Негодяева К.Ф., 1908 г.р., с. Красноармейское
Негодяев В.С., 1904 г.р., с. Красноармейское
Студенникова А.С., 1927 г.р., с. Красноармейское, ул. Чапаева, д. 3
Семенов И.М., 1918 г.р., с. Красноармейское, ул. Чапаева, д. 38
Шатохина М.П., 1921 г.р., с. Красноармейское, ул. Мира, д. 29,
кв. 22

Пестравский район

Афанасьева М.Ф., 1901 г.р., с. Высокое
Васильченко И.А., 1898 г.р., с. Пестровка, ул. Больничный переулок, д. 3
Зубкова А.И., 1923 г.р., с. Высокое
Кадацкая А.И., 1914 г.р., с. Пестровка, ул. 60 лет Октября, д. 52, кв. 1
Кадацкий П.В., 1888 г.р., с. Пестровка
Ржевский К.Е., 1923 г.р., с. Пестровка, ул. 50 лет Октября, д. 53
Сидорова Н.В., 1927 г.р., с. Высокое
Уварова Т.С., 1917 г.р., с. Высокое

Сергиевский район

Галяшин А.А., 1905 г.р., р.п. Сергиевск, ул. Советская, д. 63
Заверняхина А.А., 1913 г.р., р.п. Сергиевск
Сигарева П.П., 1909 г.р., р.п. Сергиевск, ул. Фрунзе, д. 39

Челно-Вершинский район

- Бархаткина В.Ф., 1912 г.р., с. Сидельниково
Буйловов Н.И., 1919 г.р., с. Старо-Эштебенькино
Власова Н.В., 1908 г.р., р.п. Челно-Вершинск, ул. Школьная, д. 11, кв. 6
Гаврилова Е.К., 1911 г.р., с. Ново-Деляково
Горшенина А.В., 1913 г.р., с. Зубовка
Гусельщикова М.П., 1901 г.р., с. Старо-Эштебенькино
Дегтярева О.С., 1914 г.р., с. Такмакла
Демаев Е.М., 1902 г.р., с. Старо-Эштебенькино
Денисова М.Р., 1927 г.р., с. Девлезеркино
Денисов П.К., 1914 г.р., с. Ново-Деляково
Захарова П.А., 1906 г.р., с. Ново-Деляково
Иванов П.М., 1914 г.р., с. Старо-Эштебенькино
Иванчин Ф.Н., 1906 г.р., с. Старо-Эштебенькино
Иванчин Ф.И., 1911 г.р., с. Старо-Эштебенькино
Иванчина Ф.И., 1922 г.р., с. Старо-Эштебенькино
Иванчина А.К., 1915 г.р., с. Старо-Эштебенькино
Изотов М.И., 1924 г.р., с. Ново-Деляково
Изотов И.Ф., 1928 г.р., с. Ново-Деляково
Ильин И.В., 1913 г.р., с. Старо-Эштебенькино
Карсунцев А.Н., 1924 г.р., с. Зубовка
Карсунцева А.Н., 1922 г.р., с. Зубовка
Кудряшев А.Е., 1918 г.р., с. Ново-Деляково
Казаков А.В., 1926 г.р., с. Сиделькино
Куклова А.В., 1899 г.р., р.п. Челно-Вершинск, ул. Центральная, д. 28
Кудряшова Х.В., 1922 г.р., с. Ново-Деляково
Кучукова К.Я., 1907 г.р., с. Ново-Деляково
Мамодышская Е.К., 1922 г.р., р.п. Челно-Вершинск, ул. Новая, д. 38
Осипов Н.Г., 1928 г.р., с. Ново-Деляково
Пермякова Е.И., 1915 г.р., с. Ново-Деляково
Пименова М.И., 1911 г.р., с. Старо-Эштебенькино
Романова М.Ф., 1900 г.р., с. Сиделькино
Салмин Г.С., 1922 г.р., с. Сиделькино
Сидорочев М.Т., 1910 г.р., с. Зубовка
Сидорочева С.Е., 1913 г.р., с. Зубовка
Стехин С.Г., 1920 г.р., с. Старо-Эштебенькино
Тараканова Ф.А., 1916 г.р., с. Старо-Эштебенькино
Тимофеева М.С., 1905 г.р., с. Зубовка
Ульякова У.В., 1912 г.р., с. Такмакла

V. Саратовская область

Аркадакский район

Алексеевская А.А., 1904 г.р., с. Ольшанка
Грошева А.И., 1912 г.р., с. Ольшанка
Кочетков В.Д., 1923 г.р., с. Ольшанка
Малюзина Е.И., 1919 г.р., с. Ольшанка
Малюзин И.Т., 1915 г.р., с. Ольшанка
Михеева А.Д., 1899 г.р., с. Ольшанка
Шапошникова М.К., 1911 г.р., с. Ольшанка
Шишканов С.Ф., 1922 г.р., р.п. Аркадак
Стрыжкова Н.Р., 1912 г.р., с. Ольшанка

Аткарский район

Адаев В.Г., 1904 г.р., с. Ножкино
Борикова С.С., 1903 г.р., с. Ножкино
Быстров И.В., 1920 г.р., с. Ножкино
Быстрова М.П., 1921 г.р., с. Ножкино
Володин Ф.Ф., 1914 г.р., с. Барановка
Горбань И.П., с. Ножкино
Зотова М.С., 1917 г.р., с. Барановка
Зиброва А.В., 1919 г.р., с. Барановка
Егорова А.Г., 1911 г.р., с. Барановка
Куманяев А.П., 1909 г.р., с. Ножкино
Левина В.И., 1906 г.р., с. Ножкино
Мокроусова А.Н., 1920 г.р., с. Ножкино
Савина Е.В., 1913 г.р., с. Ножкино
Сергеева К.Ф., 1909 г.р., с. Ножкино
Словеснов А.П., 1908 г.р., с. Барановка

Балаковский район

Агарев И.А., 1909 г.р., с. Кормежка
Архипова М.Г., 1926 г.р., с. Сухой Отрог
Астафьев М.И., 1913 г.р., с. Сухой Отрог
Злобина А.М., 1916 г.р., с. Кормежка
Малышева Т.Л., 1914 г.р., с. Сухой Отрог
Плаксина Е.И., 1916 г.р., с. Сухой Отрог
Романова А.П., 1924 г.р., с. Сухой Отрог
Серебряков А.М., 1922 г.р., с. Сухой Отрог
Средишкин И.Г., 1912 г.р., с. Кормежка
Средишкина М.С., 1915 г.р., с. Кормежка
Солдатов А.Е., 1913 г.р., с. Сухой Отрог

Титова А.И., 1915 г.р., с. Сухой Отрог
Шестакова А.Н., 1906 г.р., с. Сухой Отрог
Щукин С.П., 1928 г.р., с. Кормежка
Щукина А.С., 1928 г.р., с. Кормежка
Фокина М.Е., 1908 г.р., с. Сухой Отрог

Балашовский район

Тырин П.Н., 1903 г.р., с. Тростянка
Никулин И.А., г. Балашов
Анохин И.А., 1920 г.р., поселок Октябрьский

Балтайский район

Букина М.Д., 1923 г.р., с. Осановка
Викулова А.Я., 1905 г.р., с. Балтай
Горина И.П., 1908 г.р., с. Осановка
Дудникова М.М., 1917 г.р., с. Осановка
Дудникова Т.В., 1910 г.р., с. Осановка
Ермолаев И.И., 1904 г.р., с. Балтай
Ермолаев И.И., 1918 г.р., с. Балтай
Карпова А.И., 1913 г.р., с. Осановка
Митягина А.В., 1907 г.р., с. Балтай
Нестерова А.И., 1915 г.р., с. Осановка
Паксютова Н.С., 1923 г.р., с. Осановка
Радостнов Д.А., 1918 г.р., с. Балтай
Резаева А.А., 1919 г.р., с. Балтай
Романова В.Ф., 1920 г.р., с. Балтай
Солдатова А.И., 1916 г.р., с. Осановка
Чуваткина М.В., 1924 г.р., с. Осановка
Ухова А.И., 1906 г.р., с. Балтай
Юдина И.Н., 1900 г.р., с. Осановка
Юдин А.И., 1904 г.р., с. Осановка

Базарно-Карабулакский район

Глухова П.А., 1912 г.р., с. Большая Гусиха
Левков С.А., 1915 г.р., с. Большая Гусиха
Парамонов А.П., 1915 г.р., с. Большая Гусиха
Парамонов В.М., 1912 г.р., с. Большая Гусиха
Пугачева А.В., 1914 г.р., с. Большая Гусиха
Пугачева П.А., 1906 г.р., с. Большая Гусиха
Солдатов П.П., 1921 г.р., с. Большая Гусиха

Вольский район

Ведьманов Я.А., 1914 г.р., с. Калмантай
Гордеев Д.З., 1917 г.р., с. Калмантай
Гордеев И.Ф., 1914 г.р., с. Калмантай
Гордеева А.И., 1920 г.р., с. Калмантай
Гордеева М.З., 1905 г.р., с. Калмантай
Губанова А.П., 1909 г.р., с. Калмантай
Губанов Е.М., 1914 г.р., с. Калмантай
Губанова М.Ф., 1914 г.р., с. Калмантай
Губанова П.И., 1922 г.р., с. Калмантай
Ермакова А.А., 1909 г.р., с. Терса
Ерофеева Е.Г., 1902 г.р., с. Калмантай
Канаков А.П., 1923 г.р., с. Калмантай
Комшилова М.С., 1904 г.р., с. Терса
Кузнецова В.И., 1905 г.р., с. Терса
Кузнецова П.Н., 1909 г.р., с. Калмантай
Лаптев Г.Н., 1917 г.р., с. Калмантай
Лаптев Я.Н., 1905 г.р., с. Калмантай
Милкова М.И., 1904 г.р., с. Терса
Морозов П.М., 1900 г.р., с. Терса
Нефедов Н.С., 1913 г.р., с. Калмантай
Нуждина П.М., 1911 г.р., с. Терса
Петрянина А.П., 1905 г.р., с. Терса
Полежаев Ю.Г., 1923 г.р., с. Калмантай
Самыгина А.В., 1914 г.р., с. Терса
Самушкина К.И., 1913 г.р., с. Калмантай
Шохина М.А., 1899 г.р., с. Калмантай
Шустова П.И., 1909 г.р., с. Терса
Хованов П.П., 1910 г.р., с. Калмантай
Яндутова А.И., 1917 г.р., с. Калмантай

Духовницкий район

Аниськина Л.С., 1910 г.р., с. Липовка
Артемова Е.М., 1916 г.р., с. Липовка
Белякова А.Ф., 1928 г.р., с. Липовка
Клевакин А.А., 1927 г.р., с. Липовка
Крылова Т.Ф., 1902 г.р., с. Липовка
Медведева М.Д., 1917 г.р., с. Липовка
Пеньков И.С., 1901 г.р., с. Липовка
Пенькова А.Е., 1905 г.р., с. Липовка
Тимофеева Е.Г., 1915 г.р., с. Липовка

Трошкин М.А., 1906 г.р., с. Липовка
Трошкина А.И., 1916 г.р., с. Липовка
Симонова А.С., 1904 г.р., с. Липовка
Сунгурова Е.С., 1906 г.р., с. Липовка

Екатериновский район

Суворов Н.Н., 1911 г.р., Племпищесовхоз
Тришкин В.Е., 1923 г.р., Птицефабрика Прудовая

Ершовский район

Ахметова С.Ж., 1909 г.р., с. Осинов Гай
Бондарев А.И., 1908 г.р., с. Ново-Репное
Гальвидис А.А., 1915 г.р., с. Черная Падина
Зайнетдинова А.С., 1916 г.р., с. Осинов Гай
Казицкий А.Ф., 1905 г.р., с. Черная Падина
Кадайкина А.А., 1908 г.р., с. Черная Падина
Кирина А.Н., 1913 г.р., с. Ново-Репное
Коровина Т.И., 1913 г.р., с. Ново-Репное
Кудинов П.А., 1911 г.р., с. Ново-Репное
Кудинова М.Г., 1908 г.р., с. Ново-Репное
Лавреянос М.Э., 1896 г.р., с. Черная Падина
Ромашов И.С., 1909 г.р., с. Ново-Репное
Султанов Ю.И., 1909 г.р., с. Осинов Гай
Шамсетдинова Н.С., 1913 г.р., с. Осинов Гай
Щутарев П.А., 1914 г.р., с. Черная Падина
Хабибулин А.С., 1913 г.р., с. Осинов Гай
Хасянов Р.Р., 1924 г.р., с. Осинов Гай

Калининский район

Алексеев М.Н., 1918 г.р., г. Москва (писатель)
Аинулов С.Д., 1917 г.р., с. Монастырское
Бычкова-Жирнова В.И., 1925 г.р., р.п. Калининск
Варламов Н.М., 1907 г.р., с. Панцеровка
Горохов И.А., 1919 г.р., с. Монастырское
Дмитриев П.К., 1927 г.р., с. Монастырское
Крутяков В.Н., 1910 г.р., с. Монастырское
Михайлов В.С., 1916 г.р., с. Монастырское
Тверсков А.И., 1919 г.р., с. Монастырское

Красноармейский район

Арапова Л.И., 1910 г.р., с. Золотое
Боровиков П.М., 1916 г.р., с. Золотое

Боровикова М.А., 1921 г.р., с. Золотое
Закляпина А.И., 1911 г.р., с. Золотое
Зубков И.И., 1912 г.р., с. Золотое
Зубкова К.И., 1911 г.р., с. Золотое
Клинова-Букаева Е.П., 1907 г.р., с. Золотое
Несветаев Г.С., 1913 г.р., с. Золотое
Овчинников П.И., 1905 г.р., с. Золотое
Смирнов Ф.Г., 1900 г.р., с. Золотое
Суконцев П.И., 1911 г.р., с. Золотое

Лысогорский район

Чалышев С.Ф., 1914 г.р., с. Лысые Горы

Марксовский район

Алексеев А.В., 1924 г.р., г. Маркс
Лобанов К.И., 1913 г.р., г. Маркс
Ломаева М.П., 1906 г.р., с. Вознесенка
Никитина Е.В., 1914 г.р., с. Вознесенка
Селиванова Н.И., 1911 г.р., с. Вознесенка
Синельникова М.П., 1919 г.р., с. Вознесенка

Новобурасовский район

Баршева Е.Ф., 1914 г.р., с. Гремячка
Бочкарева А.В., 1906 г.р., Гремячка
Бочкарева А.В., 1914 г.р., р.п. Новые Бурасы
Бочкарева М.А., 1912 г.р., с. Гремячка
Великанова П.А., 1904 г.р., с. Гремячка
Забелина Н.В., 1908 г.р., с. Гремячка
Зимин И.Г., 1918 г.р., с. Гремячка
Зимин В.Г., 1914 г.р., с. Гремячка
Зиминова Е.С., 1916 г.р., с. Гремячка
Краснова А.И., 1905 г.р., с. Гремячка
Садомов И.С., 1923 г.р., с. Гремячка
Федотов Г.М., 1910 г.р., р.п. Новые Бурасы
Федотов М.А., 1917 г.р., р.п. Новые Бурасы
Федотова Т. п., 1916 г.р., р.п. Новые Бурасы

Новоузенский район

Мангулов Х., 1916 г.р., Разъезд-126

Озинский район

Зотов В.Д., 1910 г.р., с. Озинки

Ровенский район

Боргенц А.А., 1927 г.р., с. Кривояр
Вайман О.О., 1911 г.р., р.п. Ровное
Камерцель И.Я., 1930 г.р., с. Кривояр
Камерцель Э.В., с. Кривояр
Кайзер Я.Я., 1906 г.р., р.п. Ровное
Кох Н.А., 1925 г.р., с. Кривояр
Кох М.Я., 1900 г.р., р.п. Ровное
Кригер Я.И., 1925 г.р., р.п. Ровное
Либенау Э.Б., 1922 г.р., с. Кривояр
Нугуманов Г.Н., 1925 г.р., с. Кривояр

Ртищевский район

Артюшин И.Т., 1905 г.р., р.п. Ртищево
Асташкин А.А., 1903 г.р., с. Александровка
Бирюков С.В., 1921 г.р., с. Битеговка
Бучин И.И., 1913 г.р., с. Александровка
Гаврюшин А.Н., 1922 г.р., с. Александровка
Гаврюшина В.Е., 1913 г.р., с. Александровка
Маркелова А.П., 1904 г.р., с. Александровка
Смирнова А.К., 1919 г.р., с. Александровка
Хохлова Н.В., 1916 г.р., с. Александровка

г. Саратов

Миронова Н.Н., 1926 г.р., г. Саратов (в 1933 году проживала в с. Широкий Карамыш Лысогорского района)

Турковский район

Берденков С.М., 1914 г.р., с. Трубечино
Горюнов М.А., 1894 г.р., р.п. Турки
Дубровин М.Е., 1906 г.р., р.п. Турки
Евсиков И.П., 1912 г.р., с. Трубечино
Иванова М.В., 1921 г.р., р.п. Турки
Иванова А.М., 1922 г.р., р.п. Турки
Михайкин Д.А., 1902 г.р., с. Трубечино
Осекина А.С., 1914 г.р., р.п. Турки
Савкин А.И., 1910 г.р., с. Трубечино
Семикин А.Г., 1912 г.р., р.п. Турки
Серяпина А.И., 1903 г.р., р.п. Турки
Сорокина Е.И., 1922 г.р., с. Трубечино
Прутцков И.В., 1909 г.р., с. Трубечино
Цымбалова А.С., 1918 г.р., с. Трубечино

Федоровский район

Загуменная К.С., 1908 г.р., с. Семеновка
Колузин И.И., 1909 г.р., с. Семеновка
Примак В.А., 1920 г.р., с. Семеновка
Ревенко А.И., 1914 г.р., с. Семеновка
Сафронова А.И., 1921 г.р., с. Семеновка
Свинарь А.Н., 1907 г.р., с. Семеновка
Ступивская М.И., 1914 г.р., с. Семеновка
Таранец М.К., 1893 г.р., с. Семеновка

Хвалынский район

Акашкина Е.А., 1911 г.р., с. Еремкино
Аксинин В.А., 1910 г.р., с. Еремкино
Андина А.И., 1921 г.р., с. Еремкино
Аржанухин Н.С., 1908 г.р., с. Сосновая Маза
Аржанухина А.Т., 1911 г.р., с. Сосновая Маза
Бабникова Е.Б., 1916 г.р., с. Сосновая Маза
Белов Ф.Н., 1913 г.р., с. Сосновая Маза
Демина У.С., 1915 г.р., с. Старая Лебежайка
Еремеева Т.И., 1914 г.р., с. Сосновая Маза
Казакова Л.Д., 1917 г.р., с. Сосновая Маза
Косырева Д.М., 1915 г.р., с. Старая Лебежайка
Коротков Н.Е., 1912 г.р., с. Еремкино
Коротков Н.Н., 1910 г.р., с. Еремкино
Короткова О.С., 1912 г.р., с. Еремкино
Кирякина М.Т., 1923 г.р., с. Сосновая Маза
Козин И.Г., 1900 г.р., с. Сосновая Маза
Маркова Е.И., 1914 г.р., с. Сосновая Маза
Никитин П.Я., 1909 г.р., с. Старая Лебежайка
Нуйкин В.Ф., 1913 г.р., с. Старая Лебежайка
Нуйкина А.П., 1913 г.р., с. Старая Лебежайка
Сайкина П.С., 1916 г.р., с. Сосновая Маза
Степанова А.С., 1912 г.р., с. Старая Лебежайка
Степанова М.А., 1921 г.р., с. Старая Лебежайка
Стежева Е.Т., 1919 г.р., с. Старая Лебежайка
Сумбаева Е.А., 1904 г.р., с. Еремкино
Тудакова Л.Т., 1904 г.р., с. Сосновая Маза
Тямкова М.Ф., 1913 г.р., с. Еремкино
Фомин Д.К., 1906 г.р., с. Еремкино
Хурасев Э.К., 1916 г.р., с. Еремкино

Энгельсский район

Бахарова П.В., 1909 г.р., с. Шумейка

Ганага Е.В., 1913 г.р., с. Шумейка

Канцедал М.А., 1911 г.р., с. Шумейка

Коваленко Е.Г., 1908 г.р., с. Шумейка

Лавренова Е.И., 1912 г.р., с. Шумейка

Лысякова В.П., 1915 г.р., с. Шумейка

Проститенко З.И., 1909 г.р., с. Шумейка

Шейко В.Ф., 1921 г.р., с. Шумейка

Чернявин Н.Ф., 1913 г.р., с. Шумейка

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Народный фольклор о голоде 1932–1933 годов и колхозной жизни в Поволжье и на Южном Урале¹

Волгоградская область.

О.И. Ананьева (хутор Голубинский Калачевского района) о скудном рационе общественного питания колхозников во время весенних полевых работ 1933 г.:

«Крупинка за крупинкой гоняют с дубинкой».

К.С. Болдырева (районный центр Суровикино) о причинах голода:

1. «Был Николка — дурачок, была булка пятачок.

А как стал Сталин, по рублю они стали»;

2. «Про Сталина говорили, может быть, он русским мстит за Кавказ, который они за 40 лет завоевали».

О.Ф. Волкова (село Лебяжье Камышинского района):

«В колхоз шла, юбка новая, а из колхоза шла — ж... голая».

А.Ф. Глутенко (село Савинка Палласовского района):

«Трудодень, трудодень, дай поисти раз у в день» (украинский язык).

Ф.В. Тараканов, А.П. Тараканова (село Мачеха Киквидзенского района) о голоде в 1930-е гг.:

1. «А у нашего колхоза зарезали кошку.

А Шилов (предколхоза) давал приказ, варить понемножку.

А у нашем колхозе зарезали мерина.

Три недели кишки ели и поминали Ленина».

¹ Записано автором во время социологического обследования поволжских деревень. Пословицы, поговорки, частушки и присказки даются в той редакции, в которой они были записаны автором монографии. Перед их текстом даются краткие сведения о старожилах, со слов которых они были записаны (Ф.И.О., место проживания в момент интервьюирования).

2. «Батька и мати у колхозе.

Дети лязят по дорозе и спрашивают у людей:

«Чи заробят трудовень?»

Трудовень, трудовень, я голодна на весь день» (украинский язык).

3. «А в колхозе гарно жить, один робит — 100 лежить.

Ветер дует, хата боком, а кобыла с одним оком» (украинский язык).

М.П. Козлова (районный центр Калач-на-Дону) о причинах голода:

«Когда Ленин умирал, Троцкому приказывал:

Людям хлеба не давать и деньги не показывать».

К.И. Климова (село Большой Лычак Фроловского района):

«Не боимся мы мороза, а боимся мы колхоза, поморят нас с голода».

И.П. Ламтев (село Савинка Палласовского района):

«Приезжай, товарищ Сталин, приезжай отец родной!

Посмотри как колхозы разжилися...»

А.К. Нагорнова (село Краишево Еланского района):

«Когда Ленин умирал, Сталину приказывал:

Досы (досыта. — В.К.) хлеба не давать, мяса не показывать».

М.И. Оноприенко (село Солодушино Николаевского района):

«Ты Ваня, я Маня.

Мы с тобою хороши.

Поработали в колхозе,

Заели нас воши».

И.А. Попов, А.Е. Попова (село Тары Иловлинского района):

«Трактор едет, везет воз прямо в чертов колхоз!»

И.П. Платонов (хутор Голубинский Калачевского района):

«Вы колхозы, вы колхозы,

Господи, спаси!

Все колхозы разнеси!»

А.И. Прямова (село Солодушино Николаевского района) о хлебо-заготовках как причине голода, диалог коммуниста с крестьянами:

«Вы землю просили, мы землю вам дали.

А хлеб мы у вас весь забрали».

И.П. Сунцов (село Петрунино Камышинского района):

«Раньше были богачи, ели белы калачи.

А теперь-то стал колхоз, ловят сусликов за хвост».

М.Д. Черницина (село Лебяжье Камышинского района):
«Колхозники — канареечки, проработали год — без копейки!»

Оренбургская область

Е.Ф. Клименко (село Парадеево Шарлыкского района):

«Колхоз, колхоз, как твои делишки?
Остались в колхозе одни побирушки».

А.П. Сергеева (село Зеркло Шарлыкского района):

1. «Пшеницу — за границу, рожь, картошку — на вино.
Как в Зерклинском колхозе то спектакль, то кино».

2. «Пшеницу за границу, яйца в кооперацию,
Старых девок на дрова, ребят на облигацию».

3. «Эх, спасибо Сталину, что исделал барыню!
Я и лошадь, я и бык, я и баба и мужик!»

П.Т. Сальников (село Красногор Саракташского района):

1. «Председатель колхоза едет домой с работы, там, на дороге, волки сидят, не дают дорогу. Он кричит, а они не идут! Сено все сжег, а они не идут! “Сейчас я вас в колхоз свой запишу!” — сказал он. — Они хвост поджали и убежали».

2. «Разругались две спекулянтки. Одна другой говорит: Эй, ты, б..., с... намазаная! С кобелем живешь!» — Та отвечает: “Я с кобелем — ладно, а ты — с колхозником!”». П.Т. Сальников прокомментировал данный диалог спекулянтток в том смысле, что колхозник жил хуже собаки.

Ф.И. Шашков, М.С. Шашков (село Нижняя Павловка Оренбургского района):

«Нам не надо трактора, нам не надо лошади.

Мы на бабах заборнуем посевные площади.

Я и лошадь, я и бык, я и баба и мужик!»

М.М. Чумаков (районный центр Саракташ):

«Радио, радио, всех коров погладило.

Теперь нечего покушать, пойдем радио послушать».

Самарская область.

В.Г. Карясова, Е.В. Карясова (село Кануевка Безенчукского района):

1. «Учитель в сельской школе спрашивает:

— Что это за скелет?

— Ваня отвечает: Это скелет колхозника.

— А почему?

Ваня: Да он все сдал: мясо сдал, яйца и кости сдал. Вот скелет у колхозника и остался!»

Е.К. Мамадышская (районный центр Челно-Вершины):

1. «Ты, колхоз, ты, колхоз — ржаная каша!

Все колхозники подохнут, воля будет наша!»

2. «Колхознички — канареечки, отдали весь хлеб — без копейки».

Саратовская область.

А.И. Анохин (поселок Октябрьский Балашовского района):

1. «Если бы не было колес, не пошел бы паровоз.

Если бы не было угроз, не пошли бы мы в колхоз».

2. «Раньше ели мы свинину, а теперича мигого.

Без привычки было трудно, а привыкли — ничего».

3. «Вставай Ленин, вставай дедка! З... пятилетка!»

А.Т. Аржанухина (село Сосновая Маза Хвалынского района):

1. «Ах колхозы, ах колхозы! До чего вы довели!

Разпоследнюю коровку со двора вы увели»;

2. «Вы колхозы, вы колхозы — зеленые горы.

Как в колхозе, то у нас — жулики и воры».

Ф.Н. Белов (село Сосновая Маза Хвалынского района):

1. «Нынче денек не холодный, только голод-то голодный!»

2. «Ах вы, кони вороные, вороные вы кони мои!

Нас не выдадут черные кони, вороных уж теперь не догнать!»

Ф.Н. Белов прокомментировал данный текст в том смысле, что в результате гибели скота во время коллективизации в колхозах не осталось хороших лошадей.

А.В. Бочкарева (село Гремячка Новобурасского района) об экспорте хлеба как причине голода:

«Дранку, барду, кукурузу — Советскому Союзу.

А рожь, пшеницу отправили на ... за границу».

П.М. Боровиков (село Золотое Красноармейского района) о причинах голода:

«В 1932 году была «сталинская выкачка золота». Сделали голодовку для того, чтобы выкачать из населения золото. Были магазины Торгсина, в которых все продавали за золото. На золото можно было в Саратове в 1933 году в Торгсине купить продукты».

И.А. Горохов (село Монастырское Калининского района):

«Пшеницу за границу, яйца в кооперацию,

... на мясозаготовку, м... на облигацию».

А.И. Грошева (село Ольшанка Аркадакского района):

«В тридцать третьем году всю поели лебеду.

Руки, ноги опухали, пережили всю беду».

М.М. Дудникова (село Осановка Балтайского района):

«Картошки цветут белыми цветами, а колхозники идут горькими слезами» (перевод с мордовского языка).

А.В. Зиброва (село Барановка Аткарского района):

«Дорогой товарищ Сталин, приходи к нам на блины».

Со слов А.В. Зиброва смысл данной присказки в горькой иронии, с которой колхозники в 1932–1933 гг., пережившие голод, обращались к И.В. Сталину.

М.С. Зогова (село Барановка Аткарского района):

«Наварила мать картошки, разделила всем по одной.

Ешьте, ешьте, мои детки, а хлебушек — в выходной».

В.Д. Кочетков (село Ольшанка Аркадакского района):

1. «Смело мы в бой пойдем за пуд картошки.

И как один умрем за пуд картошки».

2. «Из Москвы пришла программа, оправляться не меньше килограмма.

Но так как дают двести грамм — не оправиться килограммом».

В данной поговорке, со слов В.Д. Кочеткова, речь идет о ничтожных размерах натуроплаты зерном, которую в 1930-е гг. колхозники получали за работу в колхозе на каждый выработанный трудовой день.

А.Н. Кирина (село Ново-Репное Ершовского района):

1. «Нас в колхозе образуют и разденут, и разуют».

2. «Коммунары, коммунары, до чего доводите?

Нет ни хлеба ни куска, на спектакли водите».

3. «Да уж, какая жисть моя? Вечно я батрачила.

Но Советская власть меня — раскулачила».

4. «За налог ведут корову у крестьяна со двора».

5. «Когда Ленин был жив, нас кормили.

Когда Сталин поступил, нас голодом морили».

Н.Н. Коротков (село Еремкино Хвалынского района):

«Мышь на току появилась, и колхозники стали ее бить граблями.

Один из них сказал: “Не надо ее бить, она же не колхозник”».

А.И. Краснова (село Гремячка Новобурасского района):

«Мы в колхозе будем жить, без штанов будем ходить».

Г.Н. Лаптев (село Калмантай Вольского района):

«Ты машина, у тебя черная труба.

Ты привезла бы нам буханок хлеба, благодарили бы всегда» (перевод с мордовского языка).

Н.Н. Миронова (г. Саратов):

«Три недели кобылу ждали у оврага, потом драли, сразу ели».

По словам Н.Н. Мироновой, в 1933 г. во время голода в голодающих селах употребляли в пищу мясо павших животных.

П.М. Морозов (село Осановка Балтайского района):

«Жили до смерти».

Так, по словам П.М. Морозова, поговорка характеризует положение крестьян в 1933 г.

П.А. Пугачева (село Большая Гусиха Петровского района):

«Мы в колхозе работали, нам писали трудовни.

На отчетном нам сказали: Запасайтесь лебеды!»

Отчетное — общее собрание колхозников, где подводятся хозяйственные итоги года.

А.А. Резаева (районный центр Балтай):

«Трактор пашет, трактор сеет.

Весь колхоз летом околеет» (перевод с мордовского языка).

В.Ф. Романова (районный центр Балтай) о зерновом экспорте как причине голода:

«Рожь, пшеницу отправили за границу.

А цыганку, лебеду — колхозникам на еду».

А.П. Словеснов (село Барановка Аткарского района):

«В Саратове на главной улице Советской на столбе повесилидохлую курицу и написали: От чего ты повесилась? — С хозяина требуют яйца, а я несусь только столько-то».

Рядом вешали картошку и писали: «Ее затерзали. И план надо выполнять, и хозяину надо есть, а она раз в год родит. Она через это повесилась».

Рядом сдохлой курицей на табличке или на листке еще писали: «Повесилась курица на столбе. Курица не может столько снести, а хозяин ее заставляет план выполнять. Она через это повесилась».

А.Г. Семикин (районный центр Турки) о причинах голода:

«Была молва, что этот искусственный голод сделан Калининым, чтобы люди шли в колхоз. Чтобы колхозник привык к колхозу, как Дуров (дрессировщик. — В.К.) животных приучал голодом. Если колхозник перенесет голод, то привыкнет и лучше будет ценить колхозное производство».

А.И. Савкин (село Бабинка Турковского района):

«В тридцать третьем году всю поели лебеду».

И.Г. Середишкин (село Кормежка Балаковского района) об «общественном питании» колхозников в поле в 1933 г.:

«Ведро воды, да крупинку туды».

А.М. Серебряков (село Сухой Отрог Балаковского района):

«Трактор пашет и борнует, а колхозник голодует».

К.И. Самушкина (село Калмантай Вольского района):

«Если еда кончится, с крахмалом пойдем» (перевод с чувашского языка).

П.П. Солдатов (село Большая Гусиха Петровского района) о законе от 7 августа 1932 г. «о пяти колосках»:

«Вон он, вон он задержался.

Вон он, вон он побежал.

Десять лет ему дадите, колоски он собирал».

Н.В. Хохлова (село Александровка Ртищевского района):

«Не боюсь я морозу, не боюсь я холоду.

А боюсь я колхоза, уморят там с голоду».

Н.С. Шамсетдинов (село Осинов Гай Ершовского района) о рационе «общественного питания» колхозников в 1932–1933 гг.:

«Три ведра воды, 60 штук пшена — еда для ударников.

Остальным — гнилая голова рыбы» (перевод с татарского языка).

С.Н. Филатов (районный центр Ртищево):

«Одного крестьянина спросили: Пойдешь в колхоз? — Тот отвечает: Нет. — Почему? Что, тебе Советская власть не нравится? — А он ответил: У лошади спросили: “Что тебе больше нравится, телега или сани?” — Лошадь ответила: “Одинаково шею трут, что сани, что телега”».

Н.Ф. Чернявин (село Шумейка Энгельсского района):

«Не кирпичики, а чугуны».

Эту песню теперь не поют.

А спую я вам песню новую, как крестьяне в колхозе живут.

Если знает кто жизнь колхозную, то не надо ему ее знать.

Если есть кому перебиться чем, то не надо в колхоз поступать.

Поступили мы, вот все граждане, и клянем свою темную судьбу.

Проработали у всю летушку, а на зиму надели суму.

И пойдем собирать по-ударному,

Но никто нам не будет давать.

И придется нам, всем колхозничкам, самоим от себя подыхать.

Придешь завтракать — чай без сахара, а обедать — вонючий верблюд.

И от этой вот от продукции поддыхает рабочий весь люд.

И домой придешь, все стесняешься, чтобы нас там никто не видал.

А увидит кто из правления, получается целый скандал...»

По словам Н.Ф. Чернявина, с этим текстом, отрывком из большой поэмы, в 1933 г. нищие ходили по голодающим деревням.

С.Ф. Чалышев (село Лысье Горы Лысогорского района):

«Рожь, пшеницу за границу, а овес, кукурузу — Советскому Союзу».

М.В. Чуваткина (село Осановка Балтайского района):

«В тридцать третьем году всю поели лебеду.

Руки, ноги опухали, умирали на ходу».

И.Н. Юдина (село Осановка Балтайского района):

«Когда Ленин умирал, Сталину наказывал,

Хлеба людям не давать, деньги не показывать».

Пензенская область

Г.В. Шарикова (г. Пенза):

«Вставай Ленин, ложись Сталин!

Мы в колхозах жить не станем».

* * *

Присказки проинтервьюированных свидетелей голода 1932–1933 гг., не пожелавших указать свои анкетные данные.

«ВКП(б) — Второе крепостное право большевиков».

В такой редакции в 1930-е гг. расшифровывалось в деревнях Поволжья официальное название Коммунистической партии.

«Торгсин — Товарищи! Опомнитесь! Россия гибнет! Сталин истребляет народ!»

Именно таким образом, по свидетельствам очевидцев, во время голода 1932–1933 гг. в народе расшифровывали название торгового учреждения, продававшего продукты питания иностранцам и советским гражданам за валюту и изделия из драгоценных металлов.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Выявленные автором настоящей монографии в «Книгах записей актов гражданского состояния о смерти» 65 районных и 4 областных архивов ЗАГС Волгоградской, Оренбургской, Пензенской, Самарской, Саратовской областей Российской Федерации актовые записи о смерти за 1933 год крестьян Нижне-Волжского и Средне-Волжского краев, содержащие прямые указания на смерть от голода или вызванных им заболеваний*.

1. Группа актовых записей о смерти, содержащих прямые указания на смерть крестьян от голода.

В графе актов о смерти «причина смерти» указаны следующие причины: «голод», «от голода», «с голоду», «голодовка», «на почве голода», «от голодовки», «на почве голодовки», «от голодной смерти», «голодной смертью», «умер от голодания», «умер от длительного голодания», «смерть наступила от длительного голодания», «болезнь (голод)», «истощение от голоду», «от истощения голода», «от истощения (с голоду)», «от общего истощения организма на почве голода», «общее истощение вследствие недоедания», «от общего истощения организма на почве недостаточного питания», «истощение от недоедания», «истощение на почве недоедания», «истощение», «от истощения», «от истощения организма», «сильное истощение организма», «от общего истощения организма», «от хронического истощения», «общее истощение», «на почве истощения», «при явлении истощения», «на почве общего истощения организма», «полного истощения организма», «истощенность», «страдал общим истощением организма», «болел общим истощением», «умер общим истощением», «общий упадок сил и истощение организма», «вследствие упадка сил и истощения», «истощение и общая слабость», «от затощания», «от слабости истощения», «слабость от недоедания», «истощение в дороге», «переутомление ходьбой в истощенном виде», «от истощения желуд-

* Записи причин смерти в графе акта о смерти «причина смерти» даются в той редакции, в которой они записаны в акте.

ка», «от истощения и упадка питания», «пищевой истощенности», «от упадка питания», «упадок питания», «от слабости питания», «от ослабления питания», «страдал общим упадком питания», «страдала ослаблением питания», «от недостаточного питания», «вследствие недостаточного питания», «плохое питание на почве голодания», «с голоду от недоедания», «от недоедания», «от недоедания», «недоедание», «на почве недоедания», «систематическое недоедание пищи», «от недоедания пищи», «от недоедания и болезни», «с недоедания хлеба», «от недоедания хлеба», «от бесхлебия», «катар желудка (голод)», «катар желудка, от голода», «недоедание хлеба и объед дранки», «недоедание хлеба и объед», «от плохой пищи», «от плохого питания», «болезнь на почве плохого питания», «от голодных отеков», «от голодного отека», «от отеков на почве голода», «от отека и голода», «от истощения, отека и голода», «отежка от голода», «отежка от недоедания», «отек всего тела от систематического недоедания», «от отека на почве недостаточного питания», «болел отеком всего организма на почве ослабления питания», «от общего отека всего тела», «от отека тела», «истощение и отек», «от истощения и опухания всего тела», «голодный опух», «опухший», «от опухания», «опухоль», «от пухоты», «от опухоли», «от опухоли и истощения», «от опухоли ног и живота», «от опухоли ног и лица», «опухоль с приключением водянки», «отежка, водянка», «водянка», «водянка и истощение», «от водянки и истощения организма», «водянка отеки», «водянка от недоедания», «от отека», «отек», «умер от отека», «отек, общая слабость», «общий отек», «отек опухоли от недоедания», «от общего отека и слабости на почве истощения», «отежка от недоедания», «отеки», «опухотель с недоедания хлеба», «кровавый понос (с голоду)», «на почве голодовки и кровавый понос», «от недоедания пищи и поноса», «от поноса и общее истощение», «истощение и понос», «от истощения и детского поноса», «простуда и голод», «от паралича и голода», «припадочный (с голоду)».

2. Группа актовых записей о смерти, содержащих указания на смерть крестьян от заболеваний органов пищеварения и других болезней на почве голода.

В графе актов о смерти «причина смерти» указаны следующие причины: «брюшная болезнь», «воспаление кишечника», «болезнь желудка», «боль живота», «опухоль живота», «отек живота», «желудочно-кишечное заболевание», «затошение желудка», «отошание желудка», «острое воспаление желудка», «отравление суррогатом», «отравление затирухой», «отравление суррогатным хлебом», «кишечное заболевание», «острое воспаление кишечника», «острый катар кишечника», «катар желудка», «геморройное кровотечение

вследствие употребления суррогата», «последствия острого поноса вследствие употребления в пищу злокачественного суррогата», «кровоавый понос от недоброкачественного питания», «кровоавый понос», «от кровавого поноса и отеки всего туловища, полное истощение организма», «от отека, поноса на почве плохого питания», «отек тела и понос», «отек ног и кровоавый понос», «слабость и понос», «от истощения повторяющихся поносов», «болела кровоавым поносом на почве ослабления питания», «от истощения и малярии», «от сильного истощения и малярии», «от истощения на почве малярии», «от малярии и сильного истощения», «малярия и отеки», «малярия, опух», «малярия опухотели», «малярия», «дизентерия», «дизентерия и истощение», «последствия дизентерии и истощения», «от малокровия на почве плохого питания», «отравление мясом павших животных», «от общего истощения на почве порока сердца и недоедания», «паралич истощения», «от головной боли и истощения», «головная боль (истощение)», «от гриппа и истощения», «от чахотки и истощения», «от воспаления легких и истощения», «истощение и воспаление», «младенческая и ненормальное питание», «от тифа и истощения», «тиф», «сыпной тиф», «брюшной тиф», «оспа», «цинга», «дифтерит».

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
Глава 1. Историография и источники	
§ 1. Историография.....	10
§ 2. Источники и методология исследования.....	36
Глава 2. 1930–1931 годы: предпосылки общекрестьянской трагедии	
§ 1. Голод в истории дореволюционной России и менталитете русского крестьянства.....	52
§ 2. Коллективизация. Раскулачивание. Хлебозаготовки.....	66
Глава 3. 1932 год: хлебозаготовительный беспредел	
§ 1. Урожай 1932 года. Вырастили, но не убрали.....	94
§ 2. Колхозная «итальянка»: сопротивление хлебозаготовкам .	117
§ 3. Хлебозаготовки по принципу продрозверстки.....	141
Глава 4. Голод	
§ 1. География и интенсивность голода.....	172
§ 2. Стратегия и тактика выживания.....	193
§ 3. Голод во внутридеревенской среде.....	230
§ 4. Голод 1932–1933 годов в России и на Украине: сравнительный анализ.....	237
Глава 5. Выход из голодного кризиса	
§ 1. Голод, которого не было.....	249
§ 2. «Не доели» и «вывезли».....	266

§ 3. Выход из голода.....	284
§ 4. Пиррова победа.....	303

Глава 6. Голод 1932–1933 годов в контексте мировых голодных бедствий и голодных лет в истории России – СССР

§ 1. Три советских голода: общее и особенное.....	318
§ 2. А была ли альтернатива трагедии?	333

Заключение	370
------------------	-----

Примечания	381
------------------	-----

Библиография.....	474
-------------------	-----

Приложение 1. Список свидетелей голода 1932–1933 годов в Поволжье и на Южном Урале, опрошенных автором в ходе социологического обследования поволжских и южноуральских деревень	488
--	-----

Приложение 2. Народный фольклор о голоде 1932–1933 годов и колхозной жизни в Поволжье и на Южном Урале.....	507
--	-----

Приложение 3. Выявленные автором настоящей монографии в «Книгах записей актов гражданского состояния о смерти» 65 районных и 4 областных архивов ЗАГС Волгоградской, Оренбургской, Пензенской, Самарской, Саратовской областей Российской Федерации актовые записи о смерти за 1933 год крестьян Нижне-Волжского и Средне-Волжского краев, содержащие прямые указания на смерть от голода или вызванных им заболеваний	515
---	-----

Научное издание
История сталинизма

Кондрашин Виктор Викторович
Голод 1932–1933 годов:
Трагедия российской деревни

Редактор Г. М. Соколова
Художественный редактор А. К. Сорокин
Художественное оформление П. П. Ефремов
Компьютерная верстка С. В. Шеришорин
Корректор Е. Н. Голубева

Л.Р.№ 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 16.05.2008.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 32,5. Тираж 2000 экз. Заказ № 924

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393 Москва, ул. Профсоюзная, д. 82. Тел.: 334-81-87 (дирекция);
Тел./факс: 334-82-42 (отдел реализации)

Электронный вывод и печать в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6